THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

IX-й г. изд. МІРЪ БОЖІЙ. IX-й г. изд.

Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца въ размѣрѣ не менѣе 27 печ. листовъ.

Въ 1900 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ, при ближайшемъ участіи въ редакціи **П. Н. Милюкова**, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

Беллетристика: «Воскресшіе боги», истор. романъ **Д. Мережковскаго**; «Побѣда», повѣсть **И. Потапенко**; «Предѣлы скорби», повѣсть **В. Сѣрошевскаго**; «Черезъ десять лѣтъ» (очерки изъ жизни деревни), **Н. Гарина**; разсказы и очерки гг. Бевродной, Бунина, Чирикова и др.—«Милосердіе», романъ, пер. съ англ., **Гоуэллса**; «Непосильное бремя», романъ изъ жизни Сициліи, пер. съ нѣм., **Тэльмана**.

Научныя статьи и сочиненія. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И АНТРОПОЛОГІЯ: «Животный міръ Европы въ историческомъ развитіи», проф. **Мензбира**; «Историческій очеркъ развитія геологическихъ знаній», проф. **Павлова**; «Альпійскіе ледники», прив.-доц. **Н. Иванцева**; «Главнѣйшія задачи наблюдательной астрономіи», **К. Покровскаго**; «Антропологическіе очерки», проф. **Брандта**; «Расы въ Европѣ», **П. Милюкова**.—ИСТОРІЯ: «Очерки исторической мысли въ XIX в.», проф. **Р. Виппера**; «Очерки по исторіи русской культуры», часть III, **П. Милюкова**; «Коренная черта общественной эволюціи въ новѣйшей европейской исторіи», **Ев. Тарле**; «Сельское хозяйство въ Московской Руси въ XVI вѣкѣ и его вліяніе на соціально-политическій строй этого времени», **Рожкова**; «Ванини» (одинъ изъ скептиковъ Возрожденія), **Ев. Тарле**.—КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ: «Капиталистическій процессъ въ изображеніи Мамина-Сибиряка», **П. Альбова**; «Жоржъ Зандъ и ея время», **Ев. Дегена**; «Соціальный романъ въ Англіи», проф. **Н. Стороженко**.—СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ: «Борьба съ безработицей въ Швейцаріи», проф. Райхесберга; «Развитіе общественнаго призрѣнія въ Берлинѣ», прив.-доц. **А. Горбунова**; «Барщина въ крѣпостномъ хозяйствѣ», **П. Струве**; «Крестьянскія кооперации и ихъ значеніе», **Л. Кржижицкаго**; «Кооперативное движеніе въ Англіи», **Л. Давыдовой**; «Мальтусъ, Рикардо, Оуэнъ», три очерка изъ исторіи политической экономіи, **М. Туганъ-Барановскаго**; «Начало женскаго движенія», пер. съ нѣм., **Л. Браунъ**.—ФИЛОСОФІЯ, ЭТИКА, ПСИХОЛОГІЯ: «Современныя этическія ученія», проф. **Г. Челпанова**; «Фридрихъ Ланге и критическая философія», **Н. Бердяева**.—ПЕРЕВОДНЫЯ СОЧИНЕНІЯ И КОМПИЛЯЦІИ: «Трансформизмъ и дарвинизмъ», **Геккеля**, пер. съ нѣм.; «Умственныя и общественныя теченія XIX в.», проф. **Цитлера**, пер. съ нѣм. подъ редакціей **П. Н. Милюкова**; «Эволюція государства», **Тарда**; «Кабэ и его Икарія», пер. съ нѣм., д-ра **Люкса**.

Кромѣ того, редакція предполагаетъ дать въ слѣдующемъ году рядъ біографическихъ очерковъ современныхъ общественныхъ дѣятелей (съ портретами).

Постоянные отдѣлы. Критическія замѣтки. Разборъ выдающихся произведеній русской и переводной литературы.

На родинѣ. Свѣдѣнія и сообщенія о различныхъ событіяхъ и явленіяхъ русской жизни. Дополненіемъ къ нему служатъ статьи и корреспонденціи о текущихъ событіяхъ, дѣятельности разныхъ обществъ, съѣздовъ и т. п.

Изъ русскихъ журналовъ. Содержаніе наиболѣе интересныхъ статей, напечатанныхъ въ русскихъ журналахъ.

За границей. Свѣдѣнія и сообщенія изъ заграничной жизни. Дополненіемъ къ нему служатъ статьи и корреспонденціи о текущихъ событіяхъ, различныхъ культурныхъ явленіяхъ и дѣятельности разныхъ обществъ и конгрессовъ на Западѣ.

Изъ иностранныхъ журналовъ. Рефераты и сообщенія изъ иностранной журналистики.

Научная хроника. Факты и свѣдѣнія изъ области новыхъ открытій науки и техники. Рефераты изъ научныхъ журналовъ. Астрономическія извѣстія.

Библіографія. Рецензіи о русскихъ, переводныхъ и иностранныхъ книгахъ по изящной литературѣ, публицистикѣ и всѣмъ отраслямъ наукъ, кромѣ исключительно-спеціальныхъ сочиненій, недоступныхъ для обще-образованной публики. **Новости иностранной литературы,** входящія въ библіографическій отдѣлъ, какъ самостоятельная часть, составляются по библіографическимъ иностраннымъ изданіямъ, съ цѣлью дать сжатые отзывы о важнѣйшихъ, появляющихся за границей, новыхъ книгахъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ . . 8 руб.
Безъ доставки на годъ . . . . . 7 »
За границу на годъ . . . . . 10 »

Вмѣсто разсрочки допускается подписка:

По полугодіямъ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на полгода . 4 р.
За границу . . . . . 5 »
Безъ доставки по соглашенію съ конторой.

По третямъ года:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи:
въ январѣ . . . . . 3 р.
» апрѣлѣ . . . . . 3 »
» августѣ . . . . . 2 »

Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Подписавшіеся на полгода или на треть года продолжаютъ подписку **безъ повышенія подписной платы.**

Книжные магазины при годовой подпискѣ пользуются обычной уступкой 5% съ подписной цѣны. **Подписка по полугодіямъ и по третямъ года черезъ магазины не принимается. Уступки съ подписной цѣны никому не дѣлается.**

Издательница А. Давыдова. Редакторъ В. П. Острогорскій.

За израсходованіемъ всѣхъ экземпляровъ, подписка на 1899 г. закрыта.

„ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ"

БРОКГАУЗА и ЕФРОНА

(начатый проф. И. Е. Андреевскимъ)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

К. К. Арсеньева и заслуженнаго проф. Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго.

При участіи редакторовъ отдѣловъ:

С. А. Венгерова—отдѣлъ исторіи литературы. Проф. А. И. Воейкова—отдѣлъ географіи. Проф. Н. И. Карѣева—отдѣлъ исторіи. Академ. А. О. Ковалевскаго и проф. В. Т. Шевякова—отдѣлъ біологическихъ наукъ. Проф. Д. И. Менделѣева—отдѣлъ химико-техническій и фабрично-заводскій. Проф. А. В. Совѣтова—отдѣлъ сельскохозяйственный. Владиміра Соловьева—отдѣлъ философіи. Проф. Н. Ѳ. Соловьева—отдѣлъ музыки. А. И. Сомова — отдѣлъ изящныхъ искусствъ. Академ. И. И. Янжула — отдѣлъ политической экономіи и финансовъ.

«Словарь» выходитъ полутомами каждые два мѣсяца. Вышелъ 54-й полутомъ «Россія». Цѣна каждаго полутома 3 р. въ переплетѣ.—Книги высылаются почтою, причемъ за пересылку взимается 40 к. съ книги.—Всѣ вышедшія уже книги высылаются по ж. дор., съ уплатою за провозъ по желѣзно-дорожному тарифу (требуется указаніе станціи).

ДОПУСКАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ.

1) При подпискѣ вноситъ задатокъ отъ 20 р. и выдаются имѣющіеся налицо полутомы. Долгъ выплачивается ежемѣсячными взносами отъ 5 р., независимо отъ пріобрѣтенія остальныхъ полутомовъ по 3 р. за книгу.

2) Лица, желающія подписываться въ разсрочку, благоволятъ указать на служебный, общественный или имущественный цензъ, причемъ контора редакціи оставляетъ за собою право не принять подписку, если найдетъ гарантію уплаты недостаточною.

Принимается подписка на «Малый энциклопедическій словарь» Брокгауза и Ефрона. Вышелъ 1-й томъ (1-й—3-й вып.). Цѣна каждаго выпуска 1 р. 50 к. безъ пересылки.

Подписка принимается въ конторѣ журнала «Міръ Божій». Спб., Лиговка, 25/8, кв. 5.

НОВАЯ КНИГА

изданіе редакціи журнала «МІРЪ БОЖІЙ».

Р. ВИППЕРЪ.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ УЧЕНІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ТЕОРІИ

XVIII и XIX вѣковъ въ связи съ общественнымъ движеніемъ на Западѣ. Спб. 1899. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к. Складъ изданія въ С.-Петербургѣ въ книжн. маг. Карбасникова (Литейная, 46); въ Москвѣ у автора, Тверская, у Стараго Пимена, д. Ласточкина.

Открыта подписка на 1900 годъ (11-й годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА".

Въ теченіе 1899 года въ «Русской Школѣ» напечатаны были, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Очерки современнаго состоянія начальнаго народ. образованія въ Зап. Европѣ. **М. И. Страховой**; 2) Очерки по исторіи русской школы. **Э. В.** 3) Возрожденіе воскресныхъ школъ. **Я. В. Абрамова**; 4) Начальная школа Министерства Народ. Просвѣщенія. **В. И. Фармаковскаго**; 5) На зарѣ земской школы. (Изъ воспоминаній стараго педагога). **С. А. Бобровскаго**; 6) Вопросы народнаго образованія въ земскихъ собраніяхъ сессіи 1898 года. **И. П. Вѣлоконскаго**; 7) Мѣры борьбы съ алкоголизмомъ путемъ школы. **А. С. Вирениуса**; 8) Характеръ, способы его изученія и классификація его типовъ. **Л. Е. Оболенскаго**; 9) Мысли о воспитаніи и обученіи. **К. П. Яновскаго**; 10) Новое воспитаніе. **Н. Ѳ. Арепьева**; 11) Къ психологіи нашихъ подростающихъ поколѣній. **Н. П. П.**; 12) Учительскій вопросъ въ народной школѣ. **И. П. Вѣлоконскаго**; 13) Наиболѣе доступные способы приготовленія кандидатовъ на учительскія должности народныхъ училищъ. **А. П. Раменскаго**; 14) Желательныя измѣненія въ организаціи временныхъ педагогическихъ курсовъ. **В. Г. Зимницкаго**; 15) О педагогической подготовкѣ учителей для среднихъ учебныхъ заведеній. Рядъ статей: **М. А. Миропіева, А. И. Анастасіева, А. И. Кирпичникова, А. С. Вирениуса и Я. Г. Гуревича**; 16) Къ вопросу о реформѣ системы средняго образованія. **Я. Г. Гуревича**; 17) Замѣтки о преподаваніи русскаго языка на первой ступени. **В. П. Вахтерова**; 18) Обученіе выразительному чтенію въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. **В. Г. Зимницкаго**; 19) О значеніи генетическаго принципа въ методикѣ начальной ариѳметики. **Кл. Тихомирова**; 20) Нѣмецкая и русская методика ариѳметики за текущее столѣтіе. **М. И. Успенскаго**; 21) О чтеніи псалмовъ въ начальной школѣ. **А. Ѳ. Соколова**; 22) Рутина въ преподаваніи географіи. **Ѳ. Г. Шубина**; 23) О курсѣ исторіи въ начальной школѣ. **Е. Чебышевой-Дмитріевой**; 24) О преподаваніи исторіи въ средней школѣ. **Н. И. Карѣева**; 25) Къ вопросу о постановкѣ преподаванія древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ. **А. П. Флерова**; 16) О постановкѣ преподаванія педагогики въ женскихъ гимназіяхъ. **А. П. Нечаева**; 27) О постановкѣ преподаванія русскаго языка въ VIII классѣ женскихъ гимназій. **П. А. Селиванова**; 28) Сельско-хозяйственное образованіе женщинъ. **В. В. Бирюковича**, и др.

Въ каждой книжкѣ «Русской Школы», кромѣ отдѣла Критики и библіографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ Е. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ **Я. В. Абрамова**, хроника воскресныхъ школъ **Х. Д. Алчевской** и **М. Н. Салтыковой**, хроника профессіональнаго образованія **В. В. Бирюковича** и пр.

«Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—семь руб.; съ доставкою 7 руб. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкою — восемь руб.; за границу—девять руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель **Я. Г. ГУРЕВИЧЪ.**

Годъ IX-й. № 1-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ЯНВАРЬ

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1900.

Дозволено цензурою. 23-го декабря 1899 г. С.-Петербургъ.

The UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр

1. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. **П. Милюкова** . 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ***. **Allegro** 15
3. ПРИМИРЕНІЕ. Разсказъ. **И. Потапенко** 16
4. ИСТОРІЯ ЖИВОТНАГО НАСЕЛЕНІЯ ЕВРОПЫ ВЪ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ. Профес. **М. Мензбира**. . . . 52
5. ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЯ ПОСЕЛЕНІЯ НА ЛОНДОНСКИХЪ ОКРАИНАХЪ. **Л. Давыдовой**. 65
6. МИЛОСЕРДІЕ. Романъ **Уилльяма Д. Гоуэллса**. Перев. съ англ. **С. А. Гулишамбаровой** 77
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИСПОВѢДЬ. **Тана** 110
8. КАПИТАЛИСТИЧЕСКІЙ ПРОЦЕССЪ ВЪ ИЗОБРАЖЕНІИ МАМИНА-СИБИРЯКА. (Критическій очеркъ). **В. Альбова** . . 112
9. ПИСЬМА НЕНОРМАЛЬНАГО ЧЕЛОВѢКА. **Андрея Немоевскаго**. Перев. съ польскаго **М. Траповской** 136
10. ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСК. КООПЕРАЦІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ. **Л. Крживицкаго**. 174
11. ВОСКРЕСШІЕ БОГИ. ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ. Историческій романъ. **Д. С. Мережковскаго**. 194
12. СТИХОТВОРЕНІЕ. ***. **Allegro**. 268

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ Истекшій годъ въ литературѣ.— Пушкинскій юбилей. — «Воскресеніе» Толстого. — Общность темы въ болѣе крупныхъ произведеніяхъ. — Типы отцовъ и дѣтей въ романахъ «Куда идти» г. Боборыкина, «Два поколѣнія» г. Головина, «Встрѣча» г. Потапенко, «Равнодушные» г. Станюковича, «Аргонавты» г-жи Ожешко и др.—Три опредѣлившіеся типа дѣтей—карьеристы, символисты, марксисты.— Можно ли ихъ смѣшивать въ одно? — «Деревенскія впечатлѣнія» (изъ записокъ статистика) г. Бѣлоконскаго.—Изображаемая имъ некультурность деревни.—Его противопоставленіе фабрики и деревни. **А. Б.** 1

стр.

14. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Голодъ на Югѣ.—Безпорядки на фабрикѣ Коншина.—Ремесленные рабочіе въ Симферополѣ. — Одесскіе пекари. — Рѣчь астраханскаго губернатора. — Студенческая перепись въ Кіевѣ. — Крестьяне о школѣ. 12
15. **Изъ русскихъ журналовъ.** «Русская Мысль»—«Вѣстн. Европы».—«Русское Богатство».—«Жизнь».—«Вѣстникъ всемірной исторіи».—«Русская Старина» 24
16. **За границей.** «Маффіа» въ современной Италіи.—Соціальные музеи.—Французскія дѣла.—Споръ о языкахъ въ Норвегіи.—Событія германской общественной жизни 37
17. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Revue des Revues». — «Nineteenth Century».—«Contemporary Review».—«Popular Science Monthly» 47
18. ЧТО ТАКОЕ «ОБРАЗОВАННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ»? **А. М.** . . . 51
19. ПУБЛИЧНЫЯ БИБЛІОТЕКИ - ЧИТАЛЬНИ ВЪ АНГЛІИ. (Письмо изъ Англіи). **Е. Б.** 56
20. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. **Бактеріологія.** Микробы въ арктическихъ странахъ.—**Физіологія.** О физіологическомъ дѣйствіи нефтяныхъ продуктовъ на организмъ животныхъ. — «Морскія змѣи». — Сила воображенія. **Д. Н.** — **Географія и путешествія.** 1) Вильгельмъ Баренцъ—изслѣдователь арктическихъ областей и 300-лѣтіе его путешествій. 2) Алмазныя копи южной Африки **Н. М.**—Астрономическія извѣстія. **К. Покровскаго** . . 60
21. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика. — Исторія литературы и искусства. — Исторія всеобщая. — Политическая экономія.—Этнографія. — Астрономія. — Сельское хозяйство. — Народныя изданія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію 76
22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 110

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

23. НЕПОСИЛЬНОЕ БРЕМЯ. Романъ изъ сицилійской жизни **Конрада Тэлльмана.** Перев. съ нѣм. **З. Журавской**. 1
24. УМСТВЕННЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ТЕЧЕНІЯ ДЕВЯТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ. **Теобальда Циглера.** Перев. съ нѣм. подъ редакціей **П. Милюкова**. 1
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

---

* * *

Незамѣтно въ окно заглянула луна
И, бросая холодный задумчивый свѣтъ,
Вновь на темномъ полу начертила она
На забытый вопросъ непонятный отвѣтъ.
Я хочу разобрать этотъ блѣдный узоръ,
Непонятные знаки прочесть я хочу,
Чтобъ огонь не привлекъ мой тоскующій взоръ,
Нагорѣвшую я задуваю свѣчу.
Встали тѣни кругомъ, шевельнулись толпой
Всѣ неясныя чувства, забытые сны
И я вновь имъ невольно внимаю съ тоской,
Отдаваясь таинственной власти луны.

Allegro.

ПРИМИРЕНІЕ.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Отецъ Василій и отецъ Мартирій недавно опять поссорились. Они ссорились довольно часто и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, какъ нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что они поссорились теперь. Представьте себѣ двухъ почтенныхъ мужей, которыхъ судьба заставила бы всю жизнь ходить въ одной, правда довольно большой, клѣткѣ, вокругъ столбика, да еще съ условіемъ не удаляться отъ столбика больше чѣмъ на десять шаговъ. Какъ бы ни были ловки эти два человѣка они непремѣнно столкнулись бы и задѣли другъ друга; какъ бы ни были они почтенны, они непремѣнно обозлились бы и поссорились бы. Не въ такомъ ли положеніи были отецъ Василій и отецъ Мартирій?

Они служили на приходѣ въ селѣ Березнякахъ. Это было огромное село, въ длину тянувшееся версты на три, какъ и ставокъ, по берегу котораго оно раскинулось. Въ ширину оно не было столь опредѣленно, потому что съ каждымъ годомъ все расло и расло. Обыватели его размножались, молодыя поколѣнія подростали, женились. Новыя пары вили себѣ гнѣзда. И такъ какъ для этихъ гнѣздъ нужно было мѣсто, а въ длину селу былъ положенъ предѣлъ — глубокая балка, (оврагъ) дальше которой никакъ нельзя было идти, потому что тогда пришлось бы начать новое село, — то строились въ ширь; съ каждымъ годомъ прибавлялся новый рядъ и село расло и расло.

И въ такомъ большомъ селѣ была только одна церковь, а при церкви два іерея. И вотъ эти два іерея въ теченіе уже двѣнадцати лѣтъ (а раньше были другіе іереи, которые дѣлали то же самое) благословляли, крестили, хоронили, молебствовали благодарственно и просительно, маслособоровали—то одинъ, то другой, то оба вмѣстѣ, получали за это мзду и дѣлили только это и ни-

чего больше. Такъ развѣ же это не заколдованный кругъ, въ которомъ они должны были обязательно сталкиваться и ссориться?

Въ прежнее время отецъ Мартирій и отецъ Василій всѣ эти обязанности исполняли поочереди: недѣлю одинъ, недѣлю другой; но оказалось, что обыватели Березняковъ такъ неудержимо рождались на свѣтъ, женились и умирали, что одному батюшкѣ никакъ нельзя было справиться съ ними. Въ недѣлю отца Мартирія—отецъ Мартирій сбивался съ ногъ и зачитывался на требахъ до того, что, придя домой, начиналъ съ матушкой говорить по славянски. Въ недѣлю отца Василія то же самое происходило съ отцомъ Василіемъ.

Тогда они раздѣлили село на двѣ равныя части. Церковь стояла какъ разъ посрединѣ села; и вотъ та часть, которая шла отъ плотины до церкви, принадлежала отцу Василію, а отъ церкви до балки—отцу Мартирію. Такъ было легче и нѣкоторое время батюшки недурно справлялись съ своими обязанностями. Но дальнѣйшая практика показала, что и это не вполнѣ разрѣшало задачу.

Дѣло въ томъ, что у обывателей были своего рода вкусы и пристрастія. Трудно сказать, почему, напримѣръ, Мартынъ Дудка, хата котораго стояла неподалеку отъ плотины и слѣдовательно находилась въ раіонѣ отца Василія, предпочиталъ отца Мартирія и когда у него или у его сыновей и дочерей, которыхъ было множество, рождался младенецъ или заболѣвала старуха-мать, то онъ требовалъ, чтобы крестилъ младенца или соборовалъ старуху непремѣнно отецъ Мартирій. Съ другой стороны, Федоръ Мирошниченко, тоже хозяинъ извѣстный, почему-то возлюбилъ отца Василія и, когда у него въ семьѣ случалась треба, то вмѣсто того чтобы идти къ отцу Мартирію, такъ какъ его хата находилась по дорогѣ отъ церкви къ балкѣ, надъ ставкомъ, онъ непремѣнно отправлялся къ отцу Василію.

Это спутывало духовныхъ лицъ и сѣяло между ними сѣмена вражды даже тогда, когда они находились въ мирѣ.

Но случалось, что и сами они неохотно шли даже къ такому прихожанину, который жилъ въ ихъ полосѣ. Если, положимъ, къ батюшкѣ обращался Иванъ Вусъ—горчайшій пьяница, пропившій уже все, что у него было и потому платившій за церковную требу какого бы то ни было важнаго значенія три копѣйки, то ни тому, ни другому не было охоты исполнять его просьбу. Въ такомъ случаѣ каждый изъ нихъ старался какъ нибудь отговориться и какъ бы забывалъ на это время добровольное дѣленіе села на раіоны.

Отецъ Мартирій въ особенности проявлялъ себя при такихъ обстоятельствахъ. Онъ вообще кряхтѣлъ и стоналъ, когда приходилось идти на требу. У него была такая комплекція, при кото-

рой жизнь не доставляетъ человѣку особеннаго удовольствія, а иногда бываетъ даже въ тягость. Отецъ Мартирій носилъ на себѣ слишкомъ много излишняго жиру и впереди себя таскалъ весьма изряднаго размѣра животъ. Естественно, что все это обремѣняло его и онъ предпочиталъ лежать у себя на диванѣ или сидѣть въ креслѣ. Когда къ нему обращался богатый мужикъ, отъ котораго можно было ожидать не только платы за требу въ прямомъ видѣ, но и еще какого-нибудь прибавленія, вродѣ мѣры жита или пары молодыхъ поросятъ, тогда отеки на ногахъ у отца Мартирія меньше давали ему чувствовать себя и ноги его довольно легко приходили въ движеніе; но если мужикъ былъ такъ себѣ и отъ него ничего нельзя было ждать, то отеки сейчасъ же усиливались, и отецъ Мартирій чувствовалъ себя прикованнымъ къ креслу. У него начинало ломить ноги, появлялась одышка, и онъ говорилъ тогда обращавшемуся къ нему мужику:

— А поди-ка, попроси отца Василія; я что-то не такъ-то здоровъ.

Иногда онъ писалъ отцу Василію записку: „достоуважаемый отецъ Василій, хотя предлежащая треба и находится въ моей части, но что-то ноги мои нынче одеревянѣли, а потому не согласитесь ли по-товарищески замѣнить меня“?

Отецъ Василій большею частью исполнялъ его просьбы. Онъ хорошо понималъ, что это несправедливо, но ему это не слишкомъ дорого стоило. Онъ былъ человѣкъ комплекціи тонкой, легкій, какъ перышко, подвижной, необыкновенно здоровый и жизнерадостный. Поводовъ для ссоръ съ отцомъ Мартиріемъ было и такъ достаточно. Но у отца Василія были тоже и свои обстоятельства. Онъ сильно занимался хозяйствомъ, пахалъ землю, водилъ овецъ и потому вѣчно находился въ хлопотахъ, вѣчно что-нибудь продавалъ—то пшеницу, то крупу, то овечью шерсть. Онъ находился въ постоянномъ волненіи изъ-за цѣнъ, которыя то падали, то подымались и никакъ нельзя было угадать, когда надо выдержать, а когда продать.

Но все же онъ старался не отказывать отцу Мартирію въ его просьбахъ. Что стоило ему, человѣку здоровому и легкому, сходить куда-нибудь на кладбище и сокращенной службой отпѣть покойника, помолебствовать въ домѣ? Но когда онъ видѣлъ, что отецъ Мартирій уже слишкомъ злоупотребляетъ своими отеками въ ногахъ, то его брала злость и онъ отказывалъ. Въ такихъ случаяхъ онъ на записку отца Мартирія отвѣчалъ.

„Досточтимый отецъ Мартирій! хотя, слава Богу, отеками въ ногахъ и не страдаю, но имѣю свои дѣла и потому исполнить вашей просьбы не могу. Благоволите сами совершить требу“.

Въ такихъ случаяхъ нерѣдко выходили недоразумѣнія. Отецъ

Мартирій опять писалъ; отецъ Василій, такъ какъ характеръ у него въ сущности былъ упорный, отвѣчалъ что-нибудь поострѣе; отецъ Мартирій обижался и изъ этого въ концѣ концовъ получалась ссора, которая тянулась нѣсколько дней.

Но и это все еще было бы ничего; все-таки они были товарищи, одного выпуска. Лѣтъ четырнадцать тому назадъ оба они вышли голышами изъ семинаріи,—Василій Мелхиседековъ и Мартирій Сострѣлятенко. Оба вышли по второму разряду, поближе къ концу; оба были сперва въ псаломщикахъ и оба потомъ женились на епархіалкахъ.

Да, вотъ въ этомъ-то послѣднемъ обстоятельствѣ и была причина всѣхъ причинъ. Пока епархіалки были моложе, онѣ дружили, другъ безъ дружки жить не могли и даже, несмотря на то, что жили въ одномъ церковномъ домѣ, подъ одной крышей, переписывались между собою. Но по мѣрѣ того, какъ они толстѣли и все больше и больше становились матушками, дружба между ними остывала и матушка отца Мартирія вдругъ вспоминала, что, когда онѣ были въ школѣ, то матушка отца Василія въ чемъ-то подставила ей ножку. А матушка отца Василія, въ свою очередь, припоминала, что тамъ же, въ школѣ, матушка отца Мартирія однажды донесла о чемъ-то классной дамѣ, вслѣдствіе чего матушка отца Василія была наказана. Такого рода воспоминанія не могли способствовать укрѣпленію дружескихъ узъ, и матушки чаще и чаще ссорились между собою, а на двѣнадцатомъ году ихъ совмѣстной жизни, ссоры эти случались раза три въ недѣлю, а бывали и долговременныя, длившіяся по недѣлямъ и даже до мѣсяца. Разсказывать о томъ, какіе поводы были для этихъ ссоръ, безполезно, такъ какъ нѣтъ такого повода, который не годился бы для ссоры между двумя духовными особами женскаго пола. Но дѣло въ томъ, что обѣ матушки въ сущности сходили съ ума отъ тоски и, посидѣвъ въ одиночествѣ недѣлю, другую, третью, начинали чувствовать потребность другъ въ дружкѣ. И тогда съ которой-нибудь стороны дѣлался первый шагъ,—напримѣръ, матушка, отца Василія посылала къ матушкѣ отца Мартирія горничную спросить,—неужели и у нея въ погребѣ тоже скислось молоко во всѣхъ кувшинахъ и, если нѣтъ, то не можетъ ли она одолжить немного сливокъ для отца Василія, потому что у нея все скислось. Матушка отца Мартирія, съ нетерпѣніемъ ожидавшая этого шага и уже готовая, было, сама предпринять его, съ удовольствіемъ посылала сливки и съ своей стороны просила, не пришлетъ ли ей матушка немного угля для самовара, потому что у нея кухарка, которая шагу не можетъ ступить безъ того, чтобы что-нибудь не опрокинуть и не разбить, вылила на куль съ углемъ цѣлый ушатъ воды. Нечего и прибавлять, что матушка отца Василія тотчасъ же

присылала матушкѣ отца Мартирія углей и въ тотъ же день вечеромъ обѣ матушки сидѣли за однимъ столомъ, пили чай съ вареньемъ и мирно сплетничали насчетъ дьяконихи...

Но эта неровность въ отношеніяхъ между собою матушекъ, само собою разумѣется, отражалась и на батюшкахъ и нерѣдко была причиной холодныхъ отношеній между ними.

Собственно событіе, послужившее причиной этой исторіи, произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Отецъ Мартирій сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, въ креслѣ. Кресло у него было удивительное, замѣчательное прежде всего тѣмъ, что было сдѣлано мѣстнымъ столяромъ по заказу отца Мартирія и, согласно его указанію, съ такимъ разсчетомъ, чтобы тучному тѣлу отца Мартирія было въ немъ привольно. По формѣ оно не представляло ничего изящнаго, было квадратное, съ высокой спинкой, съ такими же ручками, но очень помѣстительное и мягкое, такъ что человѣку, который разъ въ него забрался, очень не хотѣлось разставаться съ нимъ.

Итакъ, отецъ Мартирій сидѣлъ въ креслѣ. На церковномъ дворѣ послышался неистовый лай собакъ. Это уже означало, что пришелъ мужикъ. Церковныя собаки отличались какими-то странными аристократическими вкусами, и когда приходилъ человѣкъ въ сюртукѣ, какъ напримѣръ, писарь или учитель, то они довольно спокойно сидѣли на своихъ мѣстахъ и только слегка ворчали. Но не дай Богъ появиться мужику, въ особенности если на немъ былъ овчинный полушубокъ. Собаки тогда срывались съ своихъ мѣстъ, набрасывались на него, подымали адскій лай, впивались зубами въ полы полушубка и старались стащить его съ плечъ мужика.

Отецъ Мартирій дѣйствительно сейчасъ же и попялъ, что пришелъ мужикъ и по всей вѣроятности по случаю какой-нибудь требы. Поэтому у него тогда уже въ поясницѣ почувствовалось какое-то томленіе. И въ самомъ дѣлѣ въ сѣнцы вошелъ мужикъ и горничная спросила его громко, такъ что слышно было въ кабинетѣ.

— Что тебѣ, Терешка?

— Я до батюшки! — отвѣтилъ Терешка,—у меня старуха померла.

— Такъ хоронить?—спросила горничная.

— А что жъ больше съ нею дѣлать? — спросилъ, въ свою очередь, Терешка.—Коли померла, такъ надо хоронить.

Горничная отправилась въ кабинетъ и доложила отцу Мартирію о случившемся.

— А кто это такой?—спросилъ отецъ Мартирій.

— Да это Терешка...

— А который Терешка? Ихъ два. Есть Терешка Волкъ и есть Терешка Немощный. Такъ который?

— Это Волкъ, отецъ Мартирій.

Отецъ Мартирій, когда слышалъ еще разговоръ горничной съ Терешкой, питалъ нѣкоторую надежду, что Терешка окажется тотъ, который живетъ у самой плотины. Тогда онъ безъ всякихъ околичностей отослалъ бы его къ отцу Василію. Но Терешка Волкъ живетъ какъ разъ неподалеку отъ балки. И дѣло въ томъ, что Терешка Волкъ былъ мужикъ никуда негодный. Ему въ началѣ осени и земство уже выдало пособіе и все-таки у него не хватитъ до конца зимы. А зима стояла суровая, морозъ доходилъ до 15 градусовъ, что въ тѣхъ мѣстахъ бывало рѣдко; а въ комнатѣ отца Мартирія было такъ крѣпко натоплено и такъ пріятно было сидѣть ему въ мягкомъ креслѣ, что мысль о бѣдныхъ похоронахъ, о томъ, что надо ѣхать къ балкѣ, а отъ балки тащиться на кладбище, одна уже эта мысль заставляла отца Мартирія дрожать отъ холода.

— Скажи ему, что я нездоровъ... У меня ногу ломитъ,—и отецъ Мартирій нагнулся къ ногѣ и погладилъ ее такъ, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ въ эту минуту почувствовалъ ломоту,— пусть попроситъ отца Василія.

Горничная вышла къ мужику и сказала ему, что у отца Мартирія нога болитъ и чтобъ онъ попросилъ отца Василія.

Мужикъ почесалъ затылокъ, но ничего не возразилъ и пошелъ къ отцу Василію. Переходъ ему предстояло сдѣлать недолгій. Главный церковный домъ раздѣлялся на двѣ половины,—въ одной жилъ отецъ Мартирій, въ другой отецъ Василій. Домъ этотъ былъ очень длинный, похожій на казарму и въ немъ было множество оконъ, которыя всѣ выходили въ церковную ограду. Былъ еще другой домъ, по ту сторону ограды, для причта; тамъ жилъ дьяконъ, два дьячка и старый—престарый пономарь.

Мужикъ вышелъ изъ одной двери съ небольшимъ крылечкомъ и, пройдя десятокъ шаговъ, вошелъ въ другую дверь съ такимъ же точно крылечкомъ. Собаки на этотъ разъ дали ему пройти спокойно. Онѣ очевидно поняли, что мужикъ пришелъ по дѣлу, можетъ быть даже сообразили, что онъ теперь долго будетъ ходить изъ одной половины дома въ другую, и, такъ какъ въ такомъ случаѣ пришлось бы слишкомъ много надрываться, рѣшили замолчать.

Мужикъ пришелъ къ отцу Василію и точно также, какъ и у отца Мартирія, остановился въ сѣнцахъ. Но въ то время, какъ у отца Мартирія въ домѣ была тишина, у отца Василія въ кабинетѣ шелъ шумный разговоръ. Тамъ было два покупателя пшеницы. Отецъ Василій торговался съ ними. У него былъ сильный высокій теноръ и онъ совсѣмъ не умѣлъ говорить тихо. Онъ и въ церкви служилъ такъ громко, что слышно было и въ оградѣ, тогда какъ отецъ Мартирій мямлилъ себѣ подъ носъ и ничего нельзя было разобрать изъ того, что онъ говорилъ.

Мужикъ тѣмъ не менѣе дождался горничной и попросилъ ее повѣдать отцу Василію о своей нуждѣ.

— Какой Терешка?—спросилъ отецъ Василій, отвлекшись на минуту отъ разговора съ купцами.

— Терешка Волкъ!—объяснили ему.

— Такъ это же отца Мартирія дѣло, а не мое,—сказалъ отецъ Василій,—пускай и идетъ къ отцу Мартирію.

— Онъ былъ у отца Мартирія. Такъ отецъ Мартирій нездоровы.

— Ну, я тоже нездоровъ. Я часъ тому назадъ видѣлъ отца Мартирія, какъ онъ шелъ отъ старшины, у котораго еще выпросилъ два мѣшка жита. Этакое нездоровье дай Богъ всякому.

Мужику сообщили, чтобъ онъ опять шелъ къ отцу Мартирію. И вотъ съ этого-то момента и началась исторія. До сихъ поръ все было еще ничего. И въ прежнія времена часто случалось, что мужикъ сперва пойдетъ къ одному батюшкѣ, потомъ къ другому, и который-нибудь изъ нихъ согласится и пойдетъ совершать требу. Но въ томъ-то и дѣло, что въ то время, когда Терешка пришелъ къ отцу Василію, въ сѣняхъ была матушка отца Василія; она узнала, въ чемъ дѣло. И такъ какъ матушки въ это время находились въ періодѣ самой острой ссоры, то дѣло приняло совсѣмъ неожиданный оборотъ... Когда мужикъ ушелъ, матушка отца Василія отправилась въ кабинетъ и, не взирая на купцовъ, прямо заявила отцу Василію.

— Если ты позволишь отцу Мартирію такъ помыкать собой и согласишься, то всякій прямо скажетъ, что ты не батюшка, а баба...

II.

Съ этого и началась исторія. Когда мужикъ вернулся къ отцу Мартирію, то попался на глаза матушкѣ отца Мартирія.

— Что тебѣ?—спросила матушка, доселѣ еще не видавшая мужика.

— Да вотъ, матушка, къ вашей милости,—сказалъ Терешка,—старуха у меня померла, такъ схоронить надо. Отецъ Мартирій нездоровы, а отецъ Василій не желаютъ!

— Какъ не желаетъ? Если о. Мартирій нездоровъ, такъ кому же больше?

— А они не желаютъ. Сказали, пусть отецъ Мартирій хоронятъ, потому что это ихняя часть, отца Мартирія.

Матушка отца Мартирія, разумѣется, была возмущена столь нетоварищескимъ образомъ дѣйствій отца Василія. Она отправилась въ кабинетъ и начала доказывать отцу Мартирію, что онъ не долженъ уступать.

— Нѣтъ, ты настаивай на своемъ, отецъ Мартирій, ты настаивай, потому что отецъ Василій такой: ты ему смолчишь, когда онъ на ногу тебѣ наступитъ, такъ онъ сейчасъ же на шею тебѣ сядетъ. Онъ такой...

Отецъ Мартирій видимо колебался. Вѣдь, въ сущности, онъ долженъ похоронить. Терешко живетъ въ его половинѣ села, нога у него хоть чуточку и побаливаетъ, но не настолько, чтобы это мѣшало ему ходить.

— Послушай, душа моя, — колеблющимся голосомъ сказалъ отецъ Мартирій, — я думаю, что не стоитъ изъ-за этого заваривать кашу. Я могу похоронить.

— Какъ? Послѣ того, какъ ты сказалъ, что не можешь и вдругъ можешь? Но ужъ это извини, это дастъ отцу Василію поводъ Богъ знаетъ что говорить.

— Да вѣдь, душая моя, Терешка живетъ въ моей половинѣ!

— А я никакихъ этихъ вашихъ половинъ не признаю. Вѣдь это вы сами и выдумали! И что за половины такія, скажи пожалуйста? Слыхалъ ты, чтобъ гдѣ-нибудь въ другомъ приходѣ дѣлили такимъ образомъ село на части? И никогда этого не видано и не слыхано. Это если бы у васъ было двѣ церкви, тогда это понятно, но при одной церкви все село составляетъ одинъ приходъ. Понятно, если одинъ нездоровъ, такъ другой долженъ исполнять требы; это ты кому хочешь разскажи и всякій скажетъ, что это такъ, и благочинный это скажетъ и самъ архіерей навѣрно точно также...

У насъ есть хорошій поводъ описать матушку отца Мартирія. У нея было миловидное лицо, но ростъ былъ малый, вслѣдствіе этого плотность, которая съ каждымъ годомъ все больше и больше входила въ свои права, была слишкомъ замѣтна въ ней и много вредила ея наружности. У нея были густые черные волосы, лицо смуглое и чрезвычайно густыя брови, слегка сросшіяся, что несомнѣнно указывало на сильный характеръ.

Матушка отца Мартирія была бездѣтна и, благодаря этому, особенно страдала отъ скуки, гораздо больше, чѣмъ матушка отца Василія. Она выписывала „Ниву“ и каждый номеръ перечитывала по три раза и иногда это доводило ее до одуренія. Вслѣдствіе недостатка книгъ для чтенія, однажды, много лѣтъ тому назадъ, она стала читать епархіальныя вѣдомости, заранѣе зная, что это ей не доставитъ удовольствія, такъ какъ все то, о чемъ тамъ писалось, она считала сферой отца Мартирія. Но потомъ это вошло въ привычку и съ теченіемъ времени она до того пристрастилась къ этому печатному органу, что съ нетерпѣніемъ ждала прибытія его, перехватывала у кучера, который привозилъ его изъ города или у церковнаго старосты, разрѣзала и прочитывала прежде отца Мартирія; и наизустъ знала всѣ приходы, всѣ перемѣны въ епархіи, всѣ новыя

назначенія: кто изъ старичковъ умеръ, кто изъ молодыхъ переведенъ на его мѣсто, какіе семинаристы кончили курсъ и поступили въ псаломщики, какіе посланы въ академію, какіе получили приходы, кто награжденъ набедренникомъ, кто скуфьей, кто камилавкой, а кто удостоился выговора со стороны консисторіи или архипастыря. Все это наизустъ знала матушка отца Мартирія. Что касается собственно отца Мартирія или отца Василія, то со стороны наградъ и поощреній начальства они не имѣли никакихъ поводовъ для взаимной зависти. Въ этомъ отношеніи они шли рядышкомъ, оба имѣли одинаковыя награды, до камилавки включительно.

Отецъ Мартирій нѣкоторое время колебался, но въ виду столь сильной поддержки, оказанной ему матушкой, онъ сказалъ:

— Да я бы пошелъ, но дѣйствительно, дѣйствительно у меня нога болитъ... Просто и самъ не знаю, отчего это, а болитъ. Не знаю, какъ и убѣдить въ этомъ отца Василія.

— Да ты вотъ что: ты записку напиши,—промолвила матушка, вѣрившая въ особенное значеніе и убѣдительность записки.

— Пожалуй, я напишу... Придвинь ко мнѣ столикъ и чернильницу.

Отецъ Мартирій могъ бы подняться и подойти къ письменному столу и матушка знала, что онъ могъ это сдѣлать. Но ужъ какъ-то такъ оба чувствовали, что необходимо до конца довести исторію о больной ногѣ и потому матушка осторожно придвинула къ нему маленькій столикъ, водрузила чернильницу, дала ему бумагу и отецъ Мартирій написалъ:

„Достоуважаемый отецъ Василій, прошу васъ вѣрить, что дѣйствительно я ощущаю боль въ ногѣ, вслѣдствіе чего не могу исполнить требу. А посему покорнѣйше васъ прошу замѣнить меня въ семъ случаѣ. Я же съ своей стороны въ будущемъ времени въ другомъ подобномъ случаѣ замѣню васъ и такимъ образомъ не останусь въ долгу передъ вами. Остаюсь искренно уважающій васъ товарищъ Мартирій Сострѣлятенко“.

— Вотъ эту записку отдай отцу Василію,—сказала матушка Терентію,—и больше не приходи. Все равно, отецъ Мартирій не пойдетъ, у него нога болитъ.

Мужикъ опять почесалъ затылокъ, совершилъ новое путешествіе изъ одной двери въ другую, пройдя нѣсколько шаговъ по церковному двору.

Тутъ матушка отца Василія уже прямо накинулась на него.

— Что это такое? Записка? Какая записка? Покажи, что за записка такая? Знаемъ мы эти записки...

Она вырвала изъ рукъ Терешки записку и буквально разодрала ее.. И затѣмъ прочитала.

— Ну, да, у него нога болитъ... У него всегда что-нибудь болитъ. Когда ему не хочется, такъ у него болитъ...

Потомъ она побѣжала въ кабинетъ отца Василія, опять ворвалась въ дѣловой разговоръ въ то самое время, когда уже покупная цѣна налаживалась и сдѣлала натискъ на отца Василія.

Этимъ временемъ можно воспользоваться, чтобы описать наружность матушки отца Василія. Хотя она и кончила курсъ въ томъ же епархіальномъ училищѣ, что и матушка отца Мартирія, но была совсѣмъ въ другомъ родѣ. Она толстѣла, такъ сказать, параллельно съ матушкой отца Мартирія, но роста была высокаго, оттого плотность въ ней какъ-то не бросалась въ глаза. Кромѣ того, у матушки отца Василія были дѣти, вслѣдствіе чего формы ея приняли болѣе мягкія и естественныя очертанія. Вообще по наружности матушка отца Василія много выигрывала передъ матушкой отца Мартирія. У нея какъ-то больше было женственности, вслѣдствіе чего фигура обладала привлекательностью, но въ тоже время не была лишена и внушительности. У нея были русые волосы и много волосъ, такъ что она могла дѣлать пышную высокую прическу и дѣлала ее всякій разъ, когда ѣздила въ городъ. На лицѣ у нея было немного веснушекъ, но онѣ не только не портили цвѣта лица, но придавали ему какую-то загадочность.

— Ну, что тамъ еще?—съ досадой спросилъ отецъ Василій, который терпѣть не могъ, чтобы ему мѣшали, когда дѣло налаживалось.

Матушка ткнула ему въ руки письмо.

— Вотъ, полюбуйся... ноги болятъ... У него всегда что-нибудь болитъ...

— Ахъ, подожди, пожалуйста!—съ досадой пробормоталъ отецъ Василій,—тутъ дѣло, а ты лѣзешь.

Въ сущности отецъ Василій готовъ былъ по окончаніи дѣла исполнить требу, но матушка нисколько не намѣревалась отстать отъ него и допустить до такого униженія. И такъ какъ онъ это хорошо видѣлъ, то, желая избавиться отъ нея, онъ все таки прочиталъ письмо, потомъ сѣлъ и наскоро написалъ:

„Досточтимый отецъ Мартирій, хотя я и не беру смѣлости усомниться въ вашей болѣзни, на которую вамъ благоугодно ссылаться, но—такъ какъ я сегодня видѣлъ васъ идущимъ по улицѣ отъ старшины, то полагаю, что болѣзнь все-таки позволитъ вамъ совершить требу, случившуюся въ вашей половинѣ села, а посему, будучи по горло занятъ собственнымъ дѣломъ, предоставляю вамъ исполнить оную требу. Сердечно почитающій васъ товарищъ Василій Мелхиседековъ“.

— Вотъ возьми и отдай это отцу Мартирію!—сказала матушка Терешкѣ, презрительно ткнувъ ему записку. Что осталось сдѣлать Терешкѣ, какъ не почесать затылокъ еще разъ?

— Опять, значитъ, къ отцу Мартирію!—сказалъ онъ, ни къ кому не обращаясь, и пошелъ.

— Да что же это? Что же это, отецъ Мартирій?—воскликнула матушка, когда мужикъ подалъ ей письмо.—Отецъ Василій смѣетъ не вѣрить твоей болѣзни? Да что же это такое? Значитъ, ты лжешь? Значитъ, тебѣ всякій можетъ прямо сказать, что ты лжешь? Ну, да, я знаю, чье это дѣло. Кто тебѣ далъ это письмо? Матушка?

— Матушка дали!—отвѣтилъ Терешка.

— Ну, да, конечно, я такъ и знала. Самъ отецъ Василій неспособенъ на такую гнусность. Это она, она его заставила! Она и въ училищѣ любила настоять на своемъ; всегда, бывало, упрется и ничего съ ней не подѣлаешь... Такъ слушай же, отецъ Мартирій, если ты уступишь на этотъ разъ, то всякій скажетъ, что ты дуракъ и больше ничего. Вѣдь это что же? Это значитъ, что они прямо говорятъ: отецъ Мартирій совралъ, что ноги у него болятъ. Вотъ что это значитъ!

Терешка рѣшительно не зналъ, что ему теперь дѣлать. Матушка сказала ему: иди къ отцу Василію.

— Они опять прогонятъ! отвѣтилъ—Терешка.

— А ты настаивай. Отецъ Мартирій боленъ! Самъ видишь, что боленъ. Нельзя же насильно тащить больного человѣка.

Тогда мужикъ вышелъ и сталъ посреди церковнаго двора. Собаки, видя, что онъ не совершаетъ болѣе обычныхъ путешествій изъ половины отца Мартирія въ половину отца Василія и обратно, заподозрили его въ зломъ умыслѣ, повскакивали съ мѣстъ, подняли лай и начали свирѣпо таскать зубами его полушубокъ. Мужикъ вертѣлся на мѣстѣ, отбиваясь отъ нихъ палкой. Собаки визжали и лаяли еще болѣе свирѣпо. Получалась картина, раздирающая душу.

Между тѣмъ отецъ Василій, будучи подъ благотворнымъ вліяніемъ своей матушки, сказалъ. „Не пойду!“ А отецъ Мартирій, находясь подъ давленіемъ своей матушки, объявилъ: „Не сдвинусь съ мѣста!“

Постоявъ съ полчаса въ оградѣ, мужикъ отправился въ другой церковный домъ, гдѣ жили причетники; онъ поймалъ дьякона и обратился къ нему.—Что же мнѣ дѣлать? Отецъ Мартирій больные, а отецъ Василій не хотятъ; говорятъ, что не ихъ половина. Ужъ я ходилъ отъ одного къ другому и ничего не вышло.

Дьяконъ былъ старый человѣкъ, очень ревностно относившійся къ приходскимъ дѣламъ. Онъ велъ метрическія книги и это отчасти способствовало такому направленію его ума. Метрическая запись требуетъ точности и такъ какъ онъ велъ ее въ продолженіи четверти вѣка, то умъ его привыкъ требовать, чтобы и въ

церковныхъ дѣлахъ все было точно. Его умственный кругозоръ былъ не великъ. Родился человѣкъ, надо крестить его; умеръ, надо хоронить. Свадьбу вздумалъ сыграть,—обвѣнчать надо; болѣетъ—маслособоровать. Умирать собирается,—запричастить. Всѣ эти вопросы разрѣшались въ умѣ его необыкновенно просто и ясно. И тотъ вопросъ, съ которымъ къ нему обратился мужикъ, тоже очень просто разрѣшался.

— Какъ же такъ?—сказалъ дьяконъ,—ежели старуха умерла, то надо ее похоронить; нельзя же безъ этого. Ты погоди тутъ, а я схожу къ отцу Мартирію.

И дьяконъ пошелъ къ отцу Мартирію въ кабинетъ. Въ это время матушка, въ ожиданіи событій, успѣла уже обернуть больную ногу отца Мартирія цѣлымъ ворохомъ тряпокъ, и отецъ Мартирій сидѣлъ въ своемъ креслѣ съ видомъ человѣка, удрученнаго болѣзнью, хотя лицо его ничего подобнаго не говорило.

— Ну, вотъ самъ видишь,—сказалъ онъ дьякону,—не могу двинуться. Вѣдь самъ видишь! Скажи ты, пожалуйста, отцу Василію, пусть онъ поступитъ по-товарищески.

Дьяконъ направился къ отцу Василію.

— Да ты скажи мнѣ, дьяконъ,—промолвилъ отецъ Василій,—самъ-то ты вѣришь въ болѣзнь отца Мартирія? Лицо-то у него больное?

— Признаться сказать, не видно этого!—отвѣтилъ дьяконъ.—Лицо у отца Мартирія такое, какъ будто онъ сейчасъ хорошо пообѣдалъ.

— Ну, такъ и обсуди. Село мы раздѣлили на двѣ части, одна его, одна моя, и такъ какъ человѣкъ пришелъ бѣдный, то отецъ Мартирій свою ногу причиной выставилъ. Порядокъ ли это? Ну, вотъ, значитъ и выходитъ: хоронить я ни въ какомъ случаѣ не стану.

Дьяконъ принялся убѣждать его.

— Нельзя же безъ погребенія, отецъ Василій. Ежели человѣкъ умеръ, надо его хоронить...

— А это ужъ дѣло отца Мартирія. Пусть онъ самъ и отвѣтствуетъ въ этомъ.

Дьяконъ вышелъ къ мужику и развелъ руками.

— Ничего не могу подѣлать съ ними. Извѣстно, они настоятели, а я причетникъ. Тутъ долго разговаривать не приходится. Ты вотъ что, Терентій, ты похорони такъ, просто предай землѣ, а въ воскресенье, можетъ, отецъ Василій раздобрится да послѣ обѣдни и отпоетъ.

Терешкѣ некогда было размышлять; ему надо было ѣхать въ плавни за камышомъ. Какъ разъ была горячая пора для рѣзки камыша. Онъ махнулъ рукой.

— Вотъ такъ порядки!—сказалъ онъ.—Два попа есть, а ни

одного не достанешь!—И свезъ свою старуху на кладбище, въ надеждѣ, что въ воскресенье все совершится такъ, какъ пообѣщалъ ему дьяконъ.

Очень можетъ быть, что такъ и произошло бы. Дѣло происходило въ четвергъ. Въ воскресенье долженъ былъ служить отецъ Василій. Съ одной стороны, послѣ службы ему не трудно было сходить на кладбище и отпѣть старуху; человѣкъ онъ былъ здоровый и, какъ мы уже сказали, легко порхалъ, какъ птица. Съ другой стороны, переговоры съ купцами кончились вполнѣ благополучно и онъ былъ въ пріятномъ настроеніи. И онъ навѣрно отпѣлъ бы Терешкину старуху, хотя бы потому, что нельзя же въ концѣ концовъ оставлять покойника безъ отпѣванія.

Но случилось одно обстоятельство, которое сыграло важную роль въ этой исторіи. Отецъ Мартирій, узнавъ отъ дьякона, что отецъ Василій все-таки не согласился похоронить Терешкину старуху, почувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ. Для него стало ясно, что отецъ Василій не повѣрилъ его болѣзни. Матушка отца Мартирія съ своей стороны прибавила:

— И это такъ всегда будетъ и даже хуже. Онъ тебѣ въ лицо будетъ говорить: ты, молъ, говоришь такъ, а на дѣлѣ этого совсѣмъ нѣтъ. И прихожане узнаютъ и всѣ станутъ кричать, что отецъ Мартирій говоритъ неправду. И ты оскандалишься на всю губернію. Да что тутъ разговаривать? Дѣло ясное. Отецъ Василій просто задираетъ носъ; онъ давно задираетъ носъ, я это тебѣ всегда говорила.

А въ пятницу вечеромъ произошло новое оскорбленіе. Дѣло въ томъ, что отецъ Мартирій, наскучивъ сидѣніемъ въ кабинетѣ, вышелъ въ ограду и, опираясь на палку, прошелся по снѣгу раза два взадъ и впередъ, потомъ ушелъ въ домъ. Эту прогулку несомнѣнно видѣла матушка отца Василія и, по всей вѣроятности, что-нибудь съязвила по этому поводу. Черезъ полчаса кухарка отца Мартирія пошла въ погребъ взять сметану для варениковъ на ужинъ, такъ какъ отецъ Мартирій любилъ вареники со сметаной; тамъ она встрѣтила кухарку отца Василія. У нихъ былъ общій погребъ.

— А что же,—ядовито спросила кухарка отца Василія, которая въ этомъ случаѣ была не болѣе, какъ отраженіе матушки отца Василія.—Правда ли, что отцу Мартирію скоро отрѣжутъ ногу?

— Господи, страсти какія!—воскликнула кухарка отца Мартирія и даже перекрестилась при этомъ.—Съ чего это отцу Мартирію станутъ рѣзать ногу?

— Сказываютъ, что такъ сильно болитъ, что безъ этого никакъ нельзя.

Кухарка отца Мартирія передала это матушкѣ, а матушка тотчасъ же разразилась.

— Ну это же ясно, чьи это штуки! Ужъ, конечно, сама кухарка такой подлости не выдумала бы! И скажите, злобность какая! Ногу отрѣжутъ! Вѣдь это надо выдумать! Такъ нѣтъ же, пусть лучше твоему отцу Василію отрѣжутъ ногу, а не моему отцу Мартирію. Мой отецъ Мартирій еще, слава Богу, до этого не дошелъ. А вотъ твой отецъ Василій слишкомъ много бѣгаетъ въ городѣ по базару, разыскивая купцовъ на свою шерсть и всякую тамъ штуку. Духовному лицу это даже неподходящее дѣло...

Нечего и прибавлять, что кухарка отца Мартирія въ тотъ же вечеръ, принявъ нѣкоторыя предосторожности, побывала въ кухнѣ отца Василія и передала кухаркѣ отъ слова до слова пожеланія матушки, чтобы отцу Василію отрѣзали ногу и прибавила на счетъ купцовъ и на счетъ дѣлъ, которыя не приличествуютъ духовному званію.

Естественно, что все это очень скоро дошло до матушки отца Василія и матушка вскипѣла и уже прямо сказала своей кухаркѣ:

— Поди и скажи ей, этой толстой тумбѣ, что мой отецъ Василій еще долго будетъ ходить на своихъ собственныхъ ногахъ, потому что онъ человѣкъ крѣпкій и мужчина какъ слѣдуетъ быть; а ея отецъ Мартирій весь скоро разлѣзется, потому что онъ рыхлый и гнилой. Вотъ такъ и скажи!

Когда эти слова дошли до матушки отца Мартирія, она прямо отправилась къ мужу и сказала:

— Отецъ Мартирій! да если ты послѣ этихъ словъ не поѣдешь къ архіерею и не пожалуешься на отца Василія, такъ ты прямо будешь идіотъ и всякій про тебя будетъ говорить, что ты идіотъ. Да что же это? Да послѣ этого развѣ можно жить подъ одной крышей? Да послѣ этого я съ ней встрѣтиться не могу, она прямо обольетъ меня кипяткомъ, она на меня собакъ натравлять будетъ. Я не знаю, что она мнѣ можетъ сдѣлать...

Результатъ отъ этого получился слѣдующій: въ субботу утромъ, заложили пару лошадей въ сани и отецъ Мартирій, весь обложенный подушками и платками и закутанный, какъ баба, поѣхалъ въ губернскій городъ, отстоявшій отъ села Березняковъ въ двадцати верстахъ.

III.

Въ дорогѣ отецъ Мартирій нашелъ все, чтобы поддержать въ себѣ враждебное настроеніе противъ отца Василія. Положимъ, отецъ Василій нисколько не былъ виноватъ въ томъ, что бывшимъ ночью вѣтромъ во многихъ мѣстахъ на довольно обширномъ пространствѣ совершенно снесло снѣгъ и земля обнажилась. И среди бѣлаго снѣжнаго покрывала часто вырисовыва-

лись черныя пятна. И на этихъ пятнахъ сани, въ которыхъ ѣхалъ отецъ Мартирій, вдругъ какъ бы запинались, полозья начинали скрипѣть и этотъ скрипъ отдавался въ спинномъ хребтѣ отца Мартирія. По временамъ попадались рытвины,—обычное украшеніе проселочныхъ дорогъ; но такъ какъ они были занесены снѣгомъ, то являлись неожиданно и тѣмъ глубже погрязали въ нихъ полозья саней и тѣмъ труднѣе было изъ нихъ выбраться.

Эти неблагопріятныя обстоятельства, а также и сильное впечатлѣніе, произведенное на отца Мартирія напутствіемъ матушки, всю дорогу держали его въ злобномъ настроеніи. Онъ только ждалъ и не могъ дождаться, когда онъ наконецъ пріѣдетъ въ городъ и тамъ въ надлежащемъ мѣстѣ надлежащимъ образомъ выльетъ свою злобу.

Наконецъ, онъ прибылъ въ городъ. Здѣсь ѣзда встрѣтила еще большія затрудненія. Распорядительныя городскія власти, принимая во вниманіе скудость снѣга, выпавшаго на улицахъ, благодаря чему выходило ни то, ни се, приказали убрать его вовсе и вывезти за городъ, въ слѣдствіе чего снѣжная дорога прекратилась въ тотъ же моментъ, какъ только они въѣхали въ предѣлы города. Къ ужасу отца Мартирія и его кучера, а еще больше лошадей, оказалось, что въ городѣ никто на саняхъ не ѣздитъ, а всѣ на колесахъ и только деревенскіе жители, большею частью мужики, превозмогая невѣроятныя препятствія, еле тащатся на самодѣльныхъ розвальняхъ. Это обстоятельство могло только укрѣпить отца Мартирія въ его намѣреніяхъ.

Онъ поѣхалъ прямо къ благочинному. Благочинный служилъ не въ соборной церкви, а въ купеческой. Отецъ Мартирій, къ нѣкоторому своему удивленію, засталъ его какъ бы готовымъ къ выходу,—въ парадной рясѣ, въ камилавкѣ, со всѣми наградами, какія только у него были, расположенными на его широкой груди.

— А, отецъ Мартирій! Весьма радъ, весьма радъ видѣть васъ!—воскликнулъ благочинный, который обладалъ такимъ счастливымъ нравомъ, что всегда при видѣ духовныхъ особъ радовался. Онъ любилъ всѣхъ духовныхъ лицъ, а въ особенности архіерея. Это естественно, такъ какъ архіерей былъ первымъ лицомъ въ епархіи, но, кромѣ того, нельзя не принять во вниманіе и то обстоятельство, что никто другой, какъ архіерей, назначилъ его благочиннымъ, а съ другой стороны и то, что благочиннымъ быть хорошо...

Наружность у благочиннаго была чрезвычайно благообразная. Все, что у него было, способствовало благолѣпному виду, даже полная лысина, позволявшая сѣдымъ волосамъ расти только въ самомъ низу затылка и на вискахъ, способствовала почтенности, какая была во всей его фигурѣ. У него была сѣдая окладистая

борода и необыкновенно ласковый взглядъ, который онъ обращалъ на всѣ лица и предметы, попадавшіеся ему на дорогѣ, какъ будто и они принадлежали къ его благочинію. Казалось, что этотъ человѣкъ родился благочиннымъ—до такой степени шло ему это званіе. Никогда ни съ кѣмъ онъ не ссорился, умѣлъ примирять самыя, повидимому, непримиримыя противорѣчія; а когда видѣлъ, что дѣло принимаетъ дурной оборотъ, умѣлъ отстранить себя. Благодаря этимъ качествамъ, онъ всѣмъ нравился, всѣмъ внушалъ довѣріе, какъ высшимъ, такъ и низшимъ, и никто о немъ ничего дурного не говорилъ, а всѣ хвалили его.

— Что же это васъ привело къ намъ, отецъ Мартирій?.. Вы такъ рѣдко бываете въ городѣ!—спросилъ благочинный.

— Непріятное обстоятельство, отецъ благочинный,—отвѣтилъ отецъ Мартирій.—Весьма, можно сказать, непріятное... Прискорбное!... по истинѣ прискорбное обстоятельство!

— Да что вы? Ну, садитесь же, отецъ Мартирій, садитесь и разсказывайте; только кратко, а то я, знаете, спѣшу; у меня сегодня докладъ у преосвященнаго. Но въ чемъ же дѣло?

Отецъ Мартирій сѣлъ.

— Да вотъ, съ отцомъ Василіемъ неладимъ.

— Да что вы? Съ отцомъ Василіемъ? съ Мелхиседековымъ? Да неужто? Да развѣ онъ того?.. А мнѣ казалось, что онъ ничего, мирный человѣкъ...

— Какое вамъ мирный, отецъ благочинный? Можете себѣ представить, никакого снисхожденія къ болѣзненному состоянію своего же товарища не имѣетъ.

— Полно-те! неужто такъ?

— Да вотъ именно такъ. Случай вотъ какой... Оно, конечно, случай не первый; много случаевъ такихъ было, да молчалъ; а теперь обидно стало, ну, вотъ и пріѣхалъ доложить вамъ.

— Ну-те, ну-те! Только покороче, отецъ Мартирій, покороче.

— Да тутъ размазывать нечего. Дѣло такое: третьяго дня это было. Я заболѣлъ, нога у меня, знаете... Старая болѣзнь, не новая. Сижу это, а нога вся обернута тряпками. Приходитъ мужикъ,—у него баба померла, хоронить, значитъ. Я и говорю, и такъ, совершенно кротко говорю, по-товарищески: поди ты, говорю, къ отцу Василію; я боленъ; такъ пусть онъ похоронитъ. А отецъ Василій прогналъ его. Тогда я пишу и опять же кроткимъ стилемъ, какъ надлежитъ священнику, пишу: достоуважаемый и прочее,—дескать, вы за меня, а я за васъ; ссылаюсь на больную ногу. Такъ вообразите, отецъ благочинный, онъ мнѣ чуть не прямо въ глаза сказалъ: все это ты выдумалъ, никакая нога у тебя не болитъ, а просто... ну, однимъ словомъ, во лжи обличилъ. Прилично ли, отецъ благочинный, чтобы священника свя-

щенникъ во лжи обличалъ? Ну, а потомъ и многія другія непріятности пошли, о которыхъ даже говорить непристойно...

Благочинный покачалъ головой. Въ лицѣ его было выраженіе странное, какое-то неопредѣленное. Повидимому, онъ не находилъ въ разсказѣ отца Мартирія достаточнаго повода для жалобы; но на то онъ былъ благочинный, чтобы не раздражать духовныхъ лицъ, а напротивъ—смягчать ихъ горе, и потому онъ, еще заминуту передъ этимъ хваливший примирительный нравъ отца Василія, сказалъ:

— Вотъ какъ! Скажите, пожалуйста! Вотъ какой отецъ Василій! Да, дѣйствительно, я самъ замѣчалъ, что онъ того... Самъ замѣчалъ... Неуступчивъ и, такъ сказать, настойчивъ... Да, такъ вы, значитъ, жалуетесь на него? Экая досада, что я такъ спѣшу...

И тутъ благочинному пришла мысль, очень хорошая мысль съ точки зрѣнія благочиннаго: такъ какъ жалоба отца Мартирія весьма сомнительна и въ сущности ей даже ходу никакого дать нельзя, потому что въ ней нѣтъ никакого содержанія, то не лучше ли будетъ, если отецъ Мартирій самъ изложитъ ее предъ лицомъ преосвященнаго владыки, а ужъ тамъ видно будетъ, какъ преосвященный владыка посмотритъ. Словомъ сказать, отецъ благочинный, какъ древній Пилатъ, предпочелъ умыть руки.

— Да вотъ что, отецъ Мартирій, сказалъ благочинный,— такъ какъ я иду къ преосвященному, то самое лучшее будетъ и вамъ пойти со мной; вы прямо ему все и выложите.

— Самому преосвященному? спросилъ отецъ Мартирій.

— Ну, а что жъ такое? Преосвященный не волкъ; онъ такой же человѣкъ, какъ и мы; а ваше дѣло правое; ну, слѣдственно... Слѣдственно, чего жъ тутъ раздумывать? Пойдемте, отецъ Мартирій.

И благочинный поднялся съ такимъ видомъ, что не могло быть даже и сомнѣнія въ томъ, что отцу Мартирію надо идти къ архіерею. А между тѣмъ тутъ-то на отца Мартирія и напало сомнѣніе. Пожаловаться-то нетрудно, думалось ему, пожаловаться всякій можетъ и даже не только тогда, когда есть за что, а и когда нѣтъ причины; а у него есть причина, онъ дѣйствительно обиженъ. Но явиться передъ лицомъ самого архіерея, это ужъ совсѣмъ другое дѣло. Передъ лицомъ архіерея надо стоять съ настоящимъ грузомъ, а не съ такимъ легкимъ вѣсомъ, какъ у него. Положимъ, онъ все-таки отлично знаетъ, что обиженъ и что архіерей приметъ его сторону. Гм... Приметъ, если захочетъ! А если не захочетъ, то и не приметъ. Развѣ для архіерея есть какой нибудь законъ, по которому онъ долженъ думать такъ, а не иначе? Ужъ идти ли, вправду, идти ли? Не лучше ли махнуть рукой на это дѣло?

Но тутъ передъ нимъ во всю свою величину встала тѣнь матушки и укоризненно посмотрѣла на него. Передъ этой тѣнью отецъ Мартирій и вообще пасовалъ, а въ такомъ важномъ случаѣ и подавно. И тотчасъ же онъ началъ пріободрять себя. Что жъ въ самомъ дѣлѣ, чего онъ боится? Не мальчишка же онъ какой-нибудь! И что же это выйдетъ? Онъ пріѣхалъ къ благочинному, наговорилъ ему съ три короба, а коснулось дѣло архіерея, такъ сейчасъ и назадъ. Да это прямо неловко, это стыдно.

И отецъ Мартирій сказалъ:

— Что жъ, пойдемте, отецъ благочинный. Я готовъ и къ архіерею...

Благочинный жилъ довольно далеко отъ архіерея, но у него, у крыльца дома, въ которомъ онъ жилъ, стояла коляска, запряженная одною лошадью. Онъ пригласилъ сѣсть рядомъ съ собой отца Мартирія и въ этомъ случаѣ проявилъ несомнѣнную склонность къ самопожертвованію, ибо самъ онъ былъ довольно плотный, а отецъ Мартирій былъ вдвое плотнѣе его. Но тѣмъ не менѣе, духовныя лица кое-какъ помѣстились и всю дорогу бесѣдовали о совершенно постороннихъ дѣлахъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ ссорѣ отца Мартирія съ отцомъ Василіемъ, при чемъ оба предупредительно старались прижиматься къ краямъ экипажа, чтобы не слишкомъ напирать на сосѣда.

Наконецъ, они подъѣхали къ зеленымъ воротамъ. Сторожъ отворилъ имъ зеленую рѣшетчатую калитку и они вошли въ архіерейскій дворъ. Въ этомъ дворѣ, часть котораго занималъ небольшой садикъ, все было какое-то диковинное. По двору ходили диковинныя птицы: куры какихъ-то особенныхъ породъ, журавли съ подрѣзанными крыльями, подстрѣленныя дрофы, необыкновенные голуби, кролики, а въ садикѣ расли диковинныя растенія. Архіереи ведутъ обыкновенно замкнутый образъ жизни и поэтому любятъ все диковинное. Оно ихъ развлекаетъ въ ихъ мирной домашней жизни.

Въ передней у архіерея стояли и дожидались пріема два попика въ скуфейкахъ и одинъ деревенскій дьячекъ. Они почтительно поклонились благочинному, хотя и не были подчинены ему, такъ какъ ихъ приходы принадлежали къ другому благочинію; но все равно, всякій благочинный заслуживаетъ уваженія; при томъ же, изъ одного прихода могутъ перевести въ другой, того и гляди, попадешь подъ его власть.

Благочиннаго впустили тотчасъ же и онъ говорилъ съ архіереемъ о своихъ дѣлахъ, по которымъ приготовилъ доклады. Въ концѣ доклада онъ, между прочимъ, замолвилъ два словечка и объ отцѣ Мартиріи, желая такимъ образомъ отчасти расположить

архіерея въ пользу своего кліента, отчасти же открыть ему пріемъ тотчасъ же, безъ необходимости долго дожидаться.

— Какой это отецъ Мартирій?—спросилъ архіерей.

— Изъ Березняковъ, ваше преосвященство! Его фамилія Сострѣлятенко!

— Экая мудреная фамилія,—замѣтилъ архіерей,—а духовная, все-таки духовная... „Сострѣляти въ тулѣ“... Березняки? Знаю, знаю,—большое село. Отличный приходъ. Такъ что же ему нужно?

— Онъ съ жалобой, ваше преосвященство.

— Съ жалобой! Гм... Не люблю я этихъ жалобъ. Ябедники наши духовные отцы, любятъ ябедой заниматься... Въ чемъ же дѣло?

— Не успѣлъ допросить, ваше преосвященство! Спѣшилъ на докладъ!—отвѣтилъ благочинный, желая окончательно устранить себя отъ этого дѣла, которое считалъ шаткимъ.

— Жаль! Ну, зови его, пусть войдетъ!

Отецъ Мартирій былъ впущенъ. Архіерей былъ еще далеко не старый человѣкъ. У него была черная борода съ просѣдью и черные волосы на головѣ, почти совсѣмъ безъ сѣдинъ. Высокаго роста, худощавый, онъ производилъ впечатлѣніе чего-то сильнаго и властнаго, въ особенности благотворно дѣйствовалъ на паству его взглядъ—проницательный и полный какого-то яснаго ума.

— Здравствуй, отецъ Мартирій! — сказалъ архіерей, когда отецъ Мартирій, отвѣсивъ ему поясной поклонъ и прикоснувшись правой рукой къ полу, взялъ потомъ обѣими руками у него благословеніе.—Здравствуй, счастливый іерей!

Отецъ Мартирій съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на архіерея, не понявъ, почему онъ счастливый и, такъ какъ надо было что-нибудь сказать, то онъ сказалъ или, лучше—пробормоталъ:

— Не жалуюсь, ваше преосвященство ..

— Какъ же ты не счастливый іерей, когда ты на приходѣ въ селѣ Березнякахъ? Вѣдь это очень доходный приходъ...

— Благодарю Господа и во всякое время хвалю его!—сказалъ отецъ Мартирій. — Приходъ дѣйствительно хорошій, ваше преосвященство.

— Ну, оттого ты и счастливый іерей. А въ чемъ же дѣло твое?

— Я съ жалобой...

— Вотъ какъ! Значитъ, ты, хотя и счастливый, а все-таки недоволенъ? Въ чемъ же твое неудовольство?

Тутъ отецъ Мартирій вдругъ, въ одно мгновеніе, сознялъ, что въ сущности онъ пріѣхалъ съ великими пустяками. И даже объяснять ему нечего. Въ самомъ дѣлѣ, чего ему еще жаловаться? Ему, двѣнадцать лѣтъ сидящему на приходѣ въ Березнякахъ, на такомъ приходѣ, куда иной протоіерей городской не прочь былъ бы поѣхать... Чего же ему жаловаться, да еще кому? самому архіерею. Но тѣмъ

не менѣе онъ все-таки стоялъ передъ архіереемъ, заявилъ о своей жалобѣ, и со стороны архіерея уже послѣдовалъ вопросъ и, значитъ, такъ или иначе надо было объяснять и онъ началъ объяснять, сильно путаясь.

— Товарищъ мой, ваше преосвященство, поступаетъ не по-товарищески...

— Это дурно, если правда!—сказалъ архіерей.

— Былъ я боленъ, ваше преосвященство... ногой страдалъ... Ну, и случилась треба... И не могъ я совершить ее и обратился съ просьбой къ товарищу, обратился кротко... А онъ отказалъ и даже подозрѣніе высказалъ, что и вовсе не боленъ я и нога моя здорова, ваше преосвященство, и это подозрѣніе для моего священническаго сана обидно...

— Такъ, такъ. Конечно, не хорошо подозрѣвать товарища во лжи... Но почему же онъ отказался? Какія были основанія?

— У насъ село раздѣлено на двѣ части: въ одной части я требы совершаю, а въ другой онъ, мой товарищъ.

— Значитъ, вы не чередуетесь, а подѣлили работу пополамъ?

— Подѣлили пополамъ, ваше преосвященство.

— Ну и что же? Много работы, должно быть? Твоя нога утомилась? Не такъ ли?

— Именно утомилась, ваше преосвященство,—промолвилъ отецъ Мартирій, хватаясь за слово, которое казалось ему необыкновенно подходящимъ.—Стараюсь, силъ не жалѣю, ваше преосвященство!

— Такъ. Возможно. Ну и что же, ты хочешь, чтобы я наказалъ его?

— Нѣтъ, ваше преосвященство, а только внушить ему...

Въ это время у архіерея въ глазахъ появилась какая-то, повидимому, веселая мысль. Но онъ тотчасъ же спряталъ ее отъ наблюдательности отца Мартирія и не сказалъ ничего веселаго. Онъ промолвилъ сдержанно и дѣловито.

— Хорошо, хорошо. Я внушу. Ты мнѣ напомни, отецъ благочинный. А какъ фамилія товарища?

— Отецъ Василій Мелхиседековъ!—отвѣтилъ отецъ Мартирій.

— Мелхиседековъ! Экая удивительная фамилія!.. Превосходная фамилія... Прямо, значитъ, отъ первосвященника Мелхиседека происходитъ! Отличная фамилія для духовнаго лица. Ну, иди съ Богомъ, отецъ Мартирій, а мы ужъ тутъ съ отцомъ благочиннымъ разсудимъ. Въ другой разъ, въ другой разъ,—прибавилъ архіерей, обращаясь къ благочинному,—а то вѣдь тамъ ждутъ меня.

Архіерей на прощанье опять далъ благословенье отцу Мартирію и отпустилъ его. Вмѣстѣ съ нимъ вышелъ и благочинный.

Отецъ Мартирій, когда вышелъ на улицу, почувствовалъ себя какимъ-то встрепаннымъ, точно онъ претерпѣлъ долговременную

пытку. Въ сущности онъ вполнѣ сознавалъ, что архіерей принялъ его слишкомъ милостиво, что за такую жалобу, въ которой даже не было никакого смысла, его слѣдовало просто прогнать; поэтому, когда они остались вдвоемъ съ благочиннымъ, посреди архіерейскаго двора, отецъ Мартирій почувствовалъ необходимость поблагодарить благочиннаго. Онъ крѣпко пожималъ его руку и говорилъ, что только благодаря ему преосвященный отнесся къ нему такъ милостиво. Но благочинный отлично видѣлъ, какъ у архіерея мелькнула въ глазахъ веселая мысль и зналъ, что за этой жалобой воспослѣдуетъ что-то особенное, чего, однако, предусмотрѣть не могъ.

Достаточно отблагодаривъ благочиннаго, отецъ Мартирій поѣхалъ въ городъ и на радостяхъ совершилъ нѣсколько значительныхъ покупокъ. Онъ вспомнилъ, напримѣръ, что матушка давно уже мечтала о пріобрѣтеніи гарусной шали и очень точно описывала ему, въ какомъ магазинѣ и какая именно шаль ей нравится. Онъ заѣхалъ въ этотъ магазинъ и купилъ шаль.

Были еще и другія покупки не столь важнаго значенія и мы ихъ перечислять не будемъ: скажемъ только, что, когда отецъ Мартирій возвращался въ Березняки, то ему не такъ уже было вольготно сидѣть въ саняхъ, потому что внутренность ихъ вся уже была занята свертками, узелками, кубышками и всякаго рода покупками.

Къ вечеру отецъ Мартирій пріѣхалъ домой. Въ гостиной на столѣ—такъ какъ гостиная была въ то же время и столовая—стоялъ горячій самоваръ и все было приготовлено къ тому, чтобы кормить отца Мартирія. Всѣ двери были плотно притворены. И при такихъ обстоятельствахъ отецъ Мартирій, сильно понизивъ голосъ, сообщилъ матушкѣ все, что произошло съ нимъ въ городѣ, подробно изложивъ и разговоръ съ благочиннымъ и свое представленіе преосвященному.

Но, должно быть, у стѣнъ церковнаго дома были уши и глаза, потому что въ то самое время, какъ матушка, чрезвычайно довольная результатами поѣздки отца Мартирія въ городъ, угощала его соленымъ рыбцомъ въ видѣ закуски, потомъ холоднымъ борщемъ, затѣмъ поросенкомъ съ кашей, потомъ варениками, поджаренными на сковородкѣ,—въ другой половинѣ церковнаго дома происходила слѣдующая сцена.

Отъ матушки отца Василія только что вышла Ѳедосья, которая по праздникамъ приходила къ нимъ „помогать“, то-есть, вообще дѣлать все, что бы ей ни поручили. Ѳедосья была женщина одинокая и за эти услуги ей обыкновенно накладывали въ передникъ всевозможныхъ остатковъ—пирога, мяса, варениковъ, давали нѣсколько яицъ, кувшинъ молока и она довольствовалась этимъ. Но та же самая Ѳедосья бывала и у отца Мартирія и

тоже помогала и точно въ такомъ же видѣ и у нихъ получала возмездіе.

И когда Ѳедосья вышла отъ матушки отца Василія, матушка стремглавъ побѣжала къ отцу Василію въ кабинетъ.

— Слышалъ ты, какія новости? — сказала матушка,—отецъ Мартирій не спроста ѣздилъ въ городъ. Оказывается, что онъ ѣздилъ съ жалобой...

— Да что ты? Съ какой тамъ жалобой?

— А съ такой жалобой!—такъ-таки съ жалобой...

— Да на кого ему жаловаться?

— Какъ на кого? На тебя. Прямо отправился къ архіерею и заявилъ: что вотъ, молъ, отецъ Василій меня передъ прихожанами конфузитъ, во лжи заподозрѣваетъ и прочее, — ужъ я не знаю, что онъ тамъ такое говорилъ. Можетъ быть, онъ сказалъ, что ты убилъ человѣка? Почемъ я знаю?

— Да откуда ты все это взяла?

— Да ужъ взяла. Не изъ пальца высосала.

— Э, полно. Что за глупости! Бабьи выдумки и только. Не повѣрю я, чтобы отецъ Мартирій былъ способенъ на такую гадость.

— Ну, вотъ и не вѣрь. Конечно, ты будешь ждать, пока пріѣдетъ слѣдователь и начнетъ производить слѣдствіе, а потомъ переведутъ тебя въ какую-нибудь Кочедаровку, гдѣ нѣтъ ни воды, ни деревца, и приходъ никуда не годится...

— Да говори толкомъ, откуда ты узнала?—промолвилъ отецъ Василій, уже нѣсколько взволновавшійся и вслѣдствіе этого начавшій ходить по комнатѣ.

— Да очень просто. Ѳедосья у нихъ сегодня полы мыла, ну и вотъ, когда она кончила и собиралась уходить, пріѣхалъ отецъ Мартирій. Они себѣ тамъ заперлись въ гостиной, а она въ это время въ спальнѣ у матушки тамъ что-то такое прибирала и все слышала отъ слова до слова. Вотъ откуда я узнала.

— А чего добраго!.. Отъ нихъ все станется!—сказалъ отецъ Василій, мало-по-малу все больше и больше допуская мысль, что отецъ Мартирій способенъ на гадость.

— Я говорю тебѣ, что это такъ и есть. Ѳедосья баба вѣрная, она не выдумаетъ. Да и выдумать-то такую штуку ей совсѣмъ не по уму! И я тебѣ говорю, отецъ Василій—ты долженъ тоже поѣхать и поскорѣе. Вотъ завтра отслужишь, а послѣ завтра поѣзжай. Ужъ что бы тамъ ни было, ты разузнаешь,—отецъ благочинный тебѣ разскажетъ, отецъ благочинный къ намъ расположеніе питаетъ; и ежели окажется, что дѣйствительно отецъ Мартирій былъ у архіерея, то и ты ступай къ архіерею. Понимаешь? А иначе неизвѣстно, чего намъ ждать съ тобой. Поѣзжай, отецъ Василій, я тебѣ говорю—поѣзжай.

— И поѣду. Что же это такое въ самомъ дѣлѣ?—уже рѣшительно заявилъ отецъ Василій, совершенно увѣровавшій въ совершившійся фактъ: — поѣду и прямо къ архіерею пойду. Что онъ ему тамъ насказалъ? Ежели онъ навралъ, такъ я могу втрое больше наврать. За этимъ дѣло не станетъ.

На другой день, въ воскресенье, отецъ Василій служилъ обѣдню; послѣ обѣдни онъ совершилъ отпѣваніе Терешкиной старухи. Онъ совершилъ также и многія другія требы,—отслужилъ нѣсколько молебствій по заказу прихожанъ, ввелъ въ храмъ одну родильницу, которой вышло шесть недѣль послѣ родовъ. Но чтобы онъ ни совершалъ, какія бы молитвы ни читалъ, въ голосѣ его слышался какъ бы гнѣвъ и даже старый дьякъ сказалъ тихонько на ухо старому дьякону.

— Что это такое сталось съ отцемъ Василіемъ? Онъ какъ будто на всѣхъ насъ сердится?

А на другой день раннимъ утромъ отецъ Василій поѣхалъ въ городъ.

IV.

Итакъ, отецъ Василій тоже поѣхалъ въ городъ. Но съ первыхъ же шаговъ обнаружились обстоятельства, показавшія разницу между путешествіемъ отца Мартирія и путешествіемъ отца Василія. Прежде всего сама природа способствовала этому. Тогда какъ отецъ Мартирій могъ ѣхать въ широкихъ развалистыхъ саняхъ, отецъ Василій долженъ былъ ѣхать въ бричкѣ. На дворѣ стояла оттепель, которая наступила вдругъ, совершенно неожиданно. Въ бричкѣ было ѣхать еще хуже, чѣмъ въ саняхъ и потому отецъ Василій чувствовалъ себя еще злѣе, чѣмъ отецъ Мартирій. Снѣгъ совершенно растаялъ и по дорогѣ въ городъ была жидкая грязь, которая обдавала со всѣхъ сторонъ и лошадей, и экипажъ, и самого отца Василія. Лошадямъ подвязали хвосты, но это очень мало помогало; все-таки онѣ были обрызганы до самой спины, а ноги ихъ подбрасывали грязь высоко и грязь эта попадала въ самое лицо кучера и достигала отца Василія. Отецъ Василій только и дѣлалъ, что каждую минуту поднималъ руку и широкимъ рукавомъ рясы стиралъ съ своей физіономіи жидкую грязь.

Когда же они пріѣхали въ городъ, то здѣсь на каждомъ шагу встрѣчали недоразумѣніе въ видѣ глубокихъ лужъ, которыя надо было переѣзжать вбродъ. Подъ жидкой грязью могли случиться такія неожиданности, что отецъ Василій всякій разъ, когда лошади ступали въ такое непредвидѣнное море, крестился на всякій случай, ибо не могъ съ увѣренностью сказать, что выйдетъ оттуда невредимымъ.

Нечего и говорить, что отецъ Василій поѣхалъ прямо къ благочинному. Благочинный на этотъ разъ никуда не собирался. Отецъ Василій засталъ его въ полукафтаньи, по домашнему, безъ всякихъ орденовъ. При видѣ отца Василія, благочинный выразилъ величайшую радость.

— Ахъ, Боже мой! отецъ Василій! да это такое удовольствіе, такое удовольствіе!..—воскликнулъ благочинный.—Садитесь же, отецъ Василій; ну, что же у васъ хорошаго? мы давно не видались. Какъ поживаете? Какъ здоровье вашей матушки и дѣтокъ?

Отецъ Василій сѣлъ, но при этомъ удивился, что благочинный спрашиваетъ его о матушкѣ и дѣтяхъ и ничего не говоритъ объ архіереѣ, отцѣ Мартиріи и его жалобѣ. Поэтому онъ рѣшилъ самъ приступить къ дѣлу.

— Очень вамъ благодаренъ, отецъ благочинный,—сказалъ онъ,—у меня, слава Богу, всѣ здоровы. А скажите, отецъ благочинный, правда ли, что отецъ Мартирій былъ у архіерея съ жалобой?

— Съ жалобой?– разсѣянно спросилъ благочинный.—Съ какой жалобой?

— Да слышно, что на меня...

— Ахъ, да, да,—вдругъ вспомнилъ благочинный,—дѣйствительно что-то такое было! Да, да, отецъ Мартирій былъ у архіерея.

— А вамъ, отецъ благочинный, онъ развѣ ничего не говорилъ?

— Нѣтъ, что-то такое говорилъ... Да, знаете, я, когда говорятъ мнѣ дурное про кого-нибудь, стараюсь даже и не слушать. Пустяки какіе-то говорилъ, я даже хорошенько и не разобралъ. Что-то вы тамъ не поладили.

— Гм! странно!—сказалъ отецъ Василій.—Какъ же такъ?—онъ вамъ жаловался, а вы даже не разслышали? Странно, отецъ благочинный.

— Да не то, чтобы не разслышалъ... А знаете, непріятно это... Я, отецъ Василій, хотѣлъ бы, чтобы всѣ духовныя лица жили въ мирѣ, а то что жъ хорошаго, ежели они ссорятся! И опять же примѣръ... Какой же это будетъ примѣръ прихожанамъ!

— Такъ вы говорите, что онъ былъ у преосвященнаго?

— Да, да, былъ у преосвященнаго. Вмѣстѣ мы и пришли къ владыкѣ. Только ужъ что онъ тамъ говорилъ, этого ужъ я не разслышалъ...

— Такъ, можетъ, ужъ вы меня выслушаете, отецъ благочинный?

— А говорите, говорите, отецъ Василій.

— Тутъ дѣло въ томъ, отецъ благочинный, что, какъ вы знаете, село у насъ на двѣ части раздѣлено и отецъ Мартирій, когда придетъ прихожанинъ бѣдный, сейчасъ ногу свою объяв-

ляетъ больной и меня заставляетъ требу служить. Ну, вотъ я и не согласился, и не то чтобы не хотѣлъ, а занятъ былъ; а онъ возьми да и пожалуйся, что, будто бы, я тамъ его во лжи заподозрилъ, что-то въ этомъ родѣ, даже и не знаю хорошенько.

— Гм! да, да, припоминаю, припоминаю!—сказалъ благочинный,—что-то этакое онъ говорилъ. Ахъ, знаете, не люблю я этого. Между нами сказать, отецъ Мартирій таки порядочный ябедникъ. Какъ же можно, сами согласитесь, отецъ Василій, вдругъ къ архіерею лѣзть и на товарища жаловаться! И опять же товарищъ товарищу рознь; а вѣдь я же васъ хорошо знаю, вы человѣкъ мирный, уступчивый, я же знаю. Какъ же вдругъ взять и нажаловаться? И знаете, онъ всегда былъ такой какой-то... Не хотите ли чаю, отецъ Василій?

— Благодарю васъ, отецъ благочинный. Я бы васъ просилъ вотъ о чемъ: такъ какъ отецъ Мартирій самолично преосвященному владыкѣ нажаловался, то выходитъ, что и мнѣ надо бы побывать у владыки.

— Да это самое лучшее, отецъ Василій! Именно вамъ надо побывать у владыки! И самому ему прямо все и разсказать...

— А скажите, отецъ благочинный, какъ же владыка отнесся къ жалобѣ отца Мартирія?

— Да вѣдь мысли его преосвященства—тайна для насъ!—сказалъ благочинный,—онъ велѣлъ мнѣ напомнить ему объ этомъ да я подумалъ себѣ: эхъ, право, лучше забыть. И такъ рѣшилъ, что ежели онъ самъ не вспомнитъ, то и не надо.

— А приметъ ли меня преосвященный?

— Ну, это мы устроимъ. Хотя доклада у меня сегодня нѣтъ, а все же можно устроить... Да вотъ что, отецъ Василій, поѣдемте вмѣстѣ. У васъ вѣдь лошади свои, такъ чтобъ мнѣ кучера не безпокоить, вы меня и довезете.

— Я вамъ буду весьма благодаренъ, отецъ благочинный. А то вѣдь этакъ-то безъ васъ къ архіерею не легко добраться. Архіерей-то ничего, онъ добрый, да вотъ келейникъ у него... Келейника надо еще умасливать да кланяться ему, а съ вами и такъ пропустятъ.

Благочинный надѣлъ рясу и расчесалъ бороду, привѣсилъ нѣсколько орденовъ, но на этотъ разъ не всѣ, и они поѣхали. Ѣхать съ отцомъ Василіемъ было легче, чѣмъ съ отцомъ Мартиріемъ, потому что отецъ Василій былъ тоненькій. Благочинному было вольготно сидѣть рядомъ съ нимъ и онъ чувствовалъ себя хорошо.

Было четыре часа дня. Архіерей гулялъ въ маленькомъ садикѣ по песчанымъ дорожкамъ. Отецъ Василій, увидѣвъ его издали, тотчасъ же завернулъ за уголъ флигеля, который стоялъ

отдѣльно во дворѣ, гдѣ жили пѣвчіе. Онъ не хотѣлъ, чтобы архіерей видѣлъ его прежде, чѣмъ благочинный поговоритъ съ нимъ и доложитъ ему.

Благочинный, имѣвшій доступъ къ архіерею во всякое время, пошелъ прямо въ садикъ и, поздоровавшись съ архіереемъ, сказалъ ему:

— Ваше преосвященство, помните жалобу отца Сострѣлятенка,—такъ вотъ теперь и отецъ Василій Мелхиседековъ пріѣхалъ.

— Какой Мелхиседековъ?—разсѣянно спросилъ архіерей, нѣсколько уже позабывшій эту исторію.

— Отецъ Мартирій изъ села Березняковъ жаловался вашему преосвященству на товарища своего, отца Василія Мелхиседекова.

— А, да, да, помню, помню!—сказалъ архіерей и у него въ глазахъ опять явилась веселая мысль.—Ну, что жъ, я готовъ выслушать и Мелхиседекова. Пускай идетъ. Audiatur et altera pars!

Архіерей пошелъ въ домъ, а благочинный отправился въ сторону флигеля и позвалъ отца Василія. Отецъ Василій явился къ архіерею и, по обыкновенію, отвѣсивъ ему поклонъ, взялъ благословеніе.

Архіерей осмотрѣлъ его съ ногъ до головы и засмѣялся.

— Вѣдь вотъ какъ хорошо устроила природа,—сказалъ онъ,—отецъ Мартирій толстый, а ты, отецъ Василій, тонкій. Вы другъ друга дополняете. Вѣдь противоположности должны сходиться! А вы между тѣмъ ссоритесь, вотъ странно!

Архіерей, какъ видно, былъ въ добродушномъ настроеніи. Отецъ Василій принялъ это въ разсчетъ и радовался за исходъ своей просьбы.

— Ну, что же ты можешь сказать, отецъ Василій?

— По поводу жалобы отца Мартирія, ваше преосвященство,—отвѣтилъ отецъ Василій.

— Ну, ну...

Отецъ Василій въ довольно гладкихъ выраженіяхъ, съ большою основательностью разсказалъ архіерею, въ чемъ заключается его обида.

— Приходъ у насъ большой, ваше преосвященство, говорилъ отецъ Василій,—и потому мы согласились, чтобы облегчить работу, раздѣлить его пополамъ. Но отецъ Мартирій слабъ на ноги и уже до того слабъ, что и злоупотребляетъ своею слабостью. Чуть какая треба ему не нравится, сейчасъ больнымъ объявляется. Но я все же стараюсь, чтобы не было межъ нами недоразумѣній и часто за него совершаю требы. Однако же злоба заставила отца Мартирія поступить не сообразно ни съ саномъ, ни съ товарищескимъ положеніемъ и оклеветать меня въ глазахъ вашего преосвященства...

— Ну, а ты чего хотѣлъ бы? Что я, по твоему, долженъ сдѣлать съ отцомъ Мартиріемъ?—спросилъ архіерей.

— Я, ваше преосвященство, никакой кары для него не желаю, а только прошу, чтобы дѣло было разобрано и стало бы извѣстно вашему преосвященству, что онъ оклеветалъ меня. А за симъ хорошо бы законно раздѣлить нашъ приходъ на двѣ части и чтобы уже дѣйствительно у каждаго были свои опредѣленныя обязанности.

— Такъ это что же, отецъ Василій? тогда и церковь раздвоится!—сказалъ архіерей.—Тогда и никакой взаимной помощи между вами не будетъ? А сказано въ писаніи: „другъ друга тяготы носите“. Эхъ, какъ въ васъ мало духовнаго, хотя вы и духовныя особы! Ну, нѣтъ ли еще чего у тебя?—спросилъ архіерей.

— Есть, ваше преосвященство,—отвѣтилъ отецъ Василій.—Хочу сказать о злобѣ, которую питаетъ ко мнѣ и моему семейству матушка, то-есть, жена отца Мартирія. Она-то и является главной виновницей нашей вражды. Не будь ея настойчивости, отецъ Мартирій ничего бы и не предпринялъ и не обезпокоилъ бы ваше преосвященство...

— Вотъ что!—промолвилъ архіерей.—Да вѣдь матушки не подчинены мнѣ. Согласись самъ, отецъ Василій, не могу же я вызвать сюда матушку отца Мартирія и посадить ее подъ арестъ для исправленія. Точно также не могу наложить на нее эпитемію.

— А все же, ваше преосвященство, архипастырское внушеніе ваше много значило бы...

— Такъ-то оно, такъ! да вѣдь женскія дѣла трудно разобрать. И я не могу мѣшаться въ нихъ; да вотъ и благочинному не могу поручить; онъ мнѣ скажетъ: не мое это дѣло, ваше преосвященство! Вотъ ты говоришь, что матушка отца Мартирія злобствуетъ, а можетъ быть, матушка отца Мартирія думаетъ, что это твоя матушка злобствуетъ. Какъ же тутъ разберешься? Вѣдь женщины—существа неосновательныя. Нѣтъ, ужъ ты попроси отца Мартирія, чтобы онъ самъ повліялъ на свою матушку, а ты съ своей стороны на свою повліяй. Но во всякомъ случаѣ ихъ надо какъ-нибудь помирить, отецъ благочинный!—прибавилъ архіерей,—надо намъ подумать объ этомъ.

И въ глазахъ архіерея опять еще яснѣе прежняго заиграла веселая мысль. Онъ прибавилъ:

— Мы подумаемъ объ этомъ съ отцомъ благочиннымъ!

И затѣмъ отпустилъ отца Василія. И когда отецъ Василій вышелъ во дворъ, то онъ никакъ не могъ рѣшить, благосклонно принялъ его архіерей, или нѣтъ, достигъ онъ своей цѣли, или не достигъ.

Благочинный остался на нѣкоторое время у архіерея и отецъ

Василій подождалъ его. Черезъ четверть часа благочинный вышелъ и въ лицѣ у него было что-то таинственное.

— Скажите, отецъ благочинный, какъ понимать мнѣ: благосклоненъ ли былъ ко мнѣ преосвященный или нѣтъ?—промолвилъ отецъ Василій.

— Видимое дѣло—благосклоненъ,—отвѣтилъ благочинный.—Да ежели бы онъ не былъ благосклоненъ, да развѣ бы онъ такъ разговаривалъ? Да вотъ, недалеко ходить, вчерашняго дня одинъ деревенскій священникъ пришелъ къ нему съ жалобой на дьякона. Что-то они тамъ не поладили и видимо священникъ былъ неправъ, такъ что же вы думаете? Преосвященный вышелъ и сказалъ: чтобы больше ко мнѣ съ такими гадостями не лѣзли. Не для того я поставленъ, чтобы копаться въ этой вашей взаимной грязи! Такъ и огорошилъ просителя. Онъ поджалъ хвостъ и уѣхалъ, довольный еще тѣмъ, что хоть цѣлыми унесъ свои кости. А тутъ видимо благосклоненъ.

Но тѣмъ не менѣе у отца Василія все-таки было сомнѣніе. Архіерей, хотя дѣйствительно благосклонно говорилъ съ нимъ и даже шутилъ, а между тѣмъ онъ не получилъ полнаго удовлетворенія. Было у него такое чувство, какъ будто за этимъ пріемомъ что-то такое должно было послѣдовать, и не совсѣмъ благопріятное.

Онъ довезъ благочиннаго до церковнаго дома и простился съ нимъ. У него не явилось ни малѣйшаго желанія дѣлать покупки; напротивъ, хотѣлось поскорѣе добраться до дому. Онъ только заѣхалъ въ кузницу и подковалъ лошадей.

А когда пріѣхалъ домой, то сейчасъ же началъ нервно ходить по кабинету. Матушка принялась разспрашивать его, а онъ отвѣчалъ ей:

— Поди ты, разбери его! Сказалъ: мы придумаемъ! А Богъ его знаетъ, что онъ такое придумаетъ! А, да и вся эта исторія... Лучше бъ ее и не начинать!

— Да вѣдь не ты началъ!—утѣшала его матушка.—Во всякомъ случаѣ, ты хорошо сдѣлалъ, что поѣхалъ; по крайней мѣрѣ ты подалъ свой голосъ, а безъ этого... Мало ли что такое могъ навыдумать отецъ Мартирій?

Но сама матушка не чувствовала въ душѣ, что это хорошо. Хотя отецъ Василій и не разсказалъ ничего дурного, но очень ужъ онъ былъ разстроенъ. И, значитъ, что-то такое тамъ было для него непріятное, а только онъ не хочетъ огорчать ее и затаилъ въ себѣ. Выходитъ, что обѣщали не одно только хорошее.

— И что такое онъ насказалъ тебѣ, этотъ архіерей?—приставала матушка къ отцу Василію,—ужъ навѣрно что-нибудь еще было.

— Все такъ было, какъ я разсказалъ тебѣ, и ничего болѣе.

— Ну, такъ чего же ты разстроился?

— И самъ не знаю. А только что-то тутъ есть не хорошее, что-то такое есть!

Можетъ быть, отецъ Василій и чувствовалъ, что нехорошее здѣсь именно то, что отецъ Мартирій поступилъ дурно, а онъ, отецъ Василій, вслѣдъ за нимъ поступилъ также дурно. Вѣдь архіерей только сказалъ: надо примирить ихъ. Отецъ благочинный, надо намъ объ этомъ подумать! Въ этомъ нѣтъ ничего дурного, а между тѣмъ въ общемъ не хорошо и не хорошо.

И прошло три дня. Были разныя требы. Приходили мужики и со стороны балки, и со стороны плотины, и отецъ Василій, и отецъ Мартирій каждый совершалъ свою требу, какъ слѣдуетъ. И все могло бы идти мирно. А въ дѣйствительности между двумя половинами церковнаго дома были крайне натянутыя отношенія. Въ другое время, при обычныхъ обстоятельствахъ, уже давно матушка отца Василія послала бы свою кухарку къ кухаркѣ отца Мартирія за какою-нибудь надобностью и вообще матушки пошли бы на встрѣчу другъ дружкѣ. Но теперь въ обѣихъ половинахъ церковнаго дома чего-то напряженно ждали, что то такое должно было случиться. Съ одной стороны, отцу Мартирію архіерей обѣщалъ „внушить“, съ другой—отцу Василію обѣщалъ „разслѣдовать и примирить“, и вотъ они ждали, что изъ этого выйдетъ.

V.

А въ городѣ между тѣмъ произошли событія. Еще тогда, когда отецъ Василій вышелъ отъ архіерея, а благочинный остался, былъ заложенъ первый камень зданія, которое впослѣдствіи было возведено, на бѣду отца Василія и отца Мартирія.

Архіерей тогда уже кое-что сказалъ благочинному. Но мы не можемъ передать здѣсь то, что онъ сказалъ, такъ какъ архіерей не желалъ, чтобы его слова до поры до времени сдѣлались общимъ достояніемъ. Но кое-что все-таки можно разсказать, именно то, съ чѣмъ архіерей обратился къ благочинному уже въ концѣ своей бесѣды.

— Такъ ты, отецъ благочинный, пошли его ко мнѣ! Да самъ съѣзди туда и присмотрись... Я полагаю, что я правъ? Какъ ты думаешь, отецъ благочинный, правъ я или нѣтъ?

— Вы совершенно правы, ваше преосвященство!—сказалъ благочинный.

Но это еще ровно ничего не значитъ; благочинный, какъ мы уже сказали, былъ пристрастенъ ко всѣмъ духовнымъ особамъ, а по преимуществу къ архіерею. Его свидѣтельство еще не до-

казываетъ, что архіерей былъ дѣйствительно правъ. Но извѣстно, что архіерей больше ничего не прибавилъ.

Извѣстно также, что на другой день благочинный побывалъ въ консисторіи. Онъ часто по своимъ обязанностямъ заходилъ въ консисторію и тутъ не было ничего особеннаго. Но на этотъ разъ онъ потребовалъ какія-то записи, касавшіяся прихода Березняковъ, и, изучивъ ихъ внимательно, сдѣлалъ у себя въ записной книжкѣ какія-то выкладки. Затѣмъ онъ покинулъ консисторію. Въ тотъ же день благочинный позвалъ къ себѣ не стараго еще, но уже заслуженнаго второго дьякона изъ соборной церкви и сообщилъ ему, что архіерей требуетъ его къ себѣ.

Дьяконъ сперва-было испугался, потому что такъ уже принято думать, что если архіерей требуетъ къ себѣ, то непремѣнно или для внушенія, или для взысканія, но благочинный сказалъ ему:

— Вы не опасайтесь, отецъ дьяконъ, преосвященный владыка ничего противъ васъ не имѣетъ и даже напротивъ.. Я не имѣю права выразиться опредѣленно, но все же до извѣстной степени могу сказать...

Тутъ благочинный сдѣлалъ ему намекъ, который мы тоже обязаны сохранить втайнѣ, ибо надо уважать тайну и благочиннаго. Но дьяконъ, повидимому, понялъ намекъ и пошелъ къ архіерею ускоренной походкой, какая бываетъ у людей, ожидающихъ чего-нибудь пріятнаго.

У архіерея онъ тоже получилъ подтвержденіе намека, который ему сдѣлалъ благочинный, но уже въ совершенно опредѣленной формѣ.

— Ты заслужилъ этого, дьяконъ, — сказалъ архіерей, — и я радъ, что имѣю случай вознаградить тебя.

Дьяконъ вышелъ отъ архіерея сіяющій, отправился домой и сообщилъ какую-то пріятную новость своей женѣ и дѣтямъ, которыя всѣ пришли въ восторгъ. Благочинный же побывалъ у архіерея и доложилъ ему выкладки изъ своей записной книжки, которыя онъ сдѣлалъ въ консисторіи.

— Ну, вотъ то-то и есть!—сказалъ архіерей,—выходитъ, что мы съ тобой были правы. И главное, что мы исполнимъ свое обѣщаніе: мы примиримъ отцовъ Мартирія и Василія. Какъ ты думаешь? Вѣдь это непремѣнно примиритъ ихъ. Они сейчасъ сплотятся и составятъ дружество; не такъ ли? — спросилъ архіерей съ усмѣшкой.

— Обязательно должно примирить, ваше преосвященство!— отвѣтилъ благочинный.

— Ну, такъ ты присмотрись тамъ...

И на третій день послѣ поѣздки въ городъ отца Василія, около церковной ограды въ селѣ Березнякахъ, появилась коляска отца

благочиннаго. Она была вся въ грязи, такъ какъ оттепель еще продолжалась. Коляска остановилась около воротъ церковной ограды. Благочинный вылѣзъ изъ нея и, повидимому, былъ въ затрудненіи: въ какую половину церковнаго дома ему пойти?

Между тѣмъ собаки лаяли, но понявъ, что пріѣхало духовное лицо, не обнаружили большой свирѣпости; изъ другого церковнаго дома выбѣжали дьяконъ и дьякъ и пономарь, прогнали собакъ и взяли у благочиннаго благословеніе.

— А дома настоятели?—спросилъ благочинный.

— Отецъ Василій, кажись, отправились къ управляющему — сказалъ дьяконъ,—а отецъ Мартирій дома

— Ну, вотъ я и зайду къ отцу Мартирію!—сказалъ благочинный, обрадовавшись, что имѣетъ полную возможность, зайдя къ отцу Мартирію, не обидѣть отца Василія.

Отецъ Мартирій встрѣтилъ его въ рясѣ, которую, очевидно, только-что надѣлъ и спѣшно застегивалъ ее у ворота.

— Очень радъ, отецъ благочинный, видѣть васъ у себя въ домѣ!—говорилъ отецъ Мартирій, хотя въ душѣ вовсе не зналъ, чему приписать этотъ пріѣздъ и слѣдуетъ ли ему радоваться или, наоборотъ, скорбѣть.

Моментально развели самоваръ и на столѣ появились чайныя принадлежности; матушка отца Мартирія надѣла новое платье и выставила на столъ четыре сорта варенья. Благочинный все принималъ съ благосклонностью и, чтобы не обидѣть матушку, попробовалъ всѣ четыре сорта варенья.

— Ну, какъ же вы тутъ поживаете?—спросилъ благочинный,—Хорошо ли помѣщаетесь въ домѣ?

Этотъ вопросъ показался отцу Мартирію и матушкѣ нѣсколько страннымъ. Они никогда не жаловались на помѣщеніе. Они отлично помѣщались. Церковный домъ былъ большой; у каждаго іерея было по девяти комнатъ и множество кладовыхъ и всякихъ другихъ хозяйственныхъ угловъ. Въ этомъ смыслѣ отецъ Мартирій и отвѣтилъ.

— А много ли комнатъ занимаете?—спросилъ благочинный.

— По девяти комнатъ, у насъ у каждаго,—отвѣтилъ отецъ Мартирій.

— Это предовольно и даже много! У меня вотъ всего только шесть комнатъ, а вѣдь я благочинный.

— Въ городѣ, конечно, помѣщеніе дорого!—замѣтила на это матушка,—но зато въ городѣ весело жить. А въ деревнѣ, да если еще въ тѣснотѣ, такъ ужъ совсѣмъ скучно.

Благочинный ничего на это не возразилъ.

— А что же,—спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—примирились вы съ отцомъ Василіемъ?

— Да нѣтъ... Не было случая!—отвѣтилъ нѣсколько угрюмо отецъ Мартирій.

— А преосвященный желаетъ примиренія... Онъ прямо такъ и сказалъ: желаю, чтобы они примирились.

— Да вѣдь не отъ меня пошло это, отецъ благочинный; я просилъ его по товарищески, какъ вамъ извѣстно.

Благочинный всталъ и отошелъ къ окну. Въ это время черезъ дворъ прошелъ отецъ Василій; онъ шелъ торопливо; очевидно, матушка послала за нимъ и дала ему знать о пріѣздѣ благочиннаго.

— А вотъ и отецъ Василій идетъ!—сказалъ благочинный,—надо и у него побывать.

И онъ, не простившись съ хозяевами, пошелъ къ отцу Василію. Послѣ его ухода отецъ Мартирій и матушка какъ бы замерли въ молчаніи. „Что бы оно могло значить?“ спрашивали они другъ друга глазами и отвѣта не получали.

У отца Василія тоже чай уже былъ готовъ, но украшеніемъ къ нему было не варенье, а пастила всевозможныхъ сортовъ и благочинный, какъ добрый начальникъ, и здѣсь, чтобы не обидѣть матушку, нашелъ у себя мѣсто для чая и пилъ его съ видимымъ удовольствіемъ и попробовалъ всѣ сорта пастилы.

— Ну, какъ живете, отецъ Василій? Довольны ли приходомъ?—спросилъ благочинный.

— Да я вполнѣ доволенъ, отецъ благочинный,— отвѣтилъ отецъ Василій.—Недовольства никогда не заявлялъ.

— А скажите, отецъ Василій, только такъ, по душѣ, по доброму знакомству, много ли дохода получаете? Вѣдь Березняки славятся доходностью... Ужъ всѣмъ извѣстно, что это приходъ отмѣнный.

И отецъ Василій и матушка въ одно время взглянули на него подозрительно. Зачѣмъ это ему знать про доходъ? Отецъ Василій отвѣтилъ:

— Мѣсяцъ на мѣсяцъ не приходится, отецъ благочинный. Въ лѣтнее время скудно, а въ зимнее, когда свадьбы пойдутъ, лучше. Во время великаго поста, извѣстно, благодать, такъ это ужъ вездѣ, потому народъ говѣетъ, ну, и хлѣбный доходъ тогда бываетъ,—по субботамъ панихиды служимъ. А въ маѣ мѣсяцѣ, когда черезъ Березняки проносятъ чудотворную икону Божьей Матери, такъ это самое лучшее время.

— Ну, а всего, въ общей сложности? — допрашивалъ благочинный.

— Да не считалъ. Ей-ей, считать не приходилось. Не имѣю привычки.

— А примѣрно?

— Да примѣрно тысячи двѣ въ годъ вырабатываемъ.

— Гм!—подумалъ благочинный,—онъ говоритъ двѣ тысячи, значитъ—четыре...—Онъ сказалъ вслухъ:

— Такъ, такъ... Ну, что-жъ, это ничего, жить можно хорошо. И земля у васъ церковная. Кажется, по сотнѣ десятинъ вамъ съ отцомъ Мартиріемъ полагается?

— Около этого...

— Такъ, ну, что жъ, жить можно. Ну-съ, а на счетъ примиренія съ отцомъ Мартиріемъ сдѣлали попытку?

— Да вѣдь не я первый поѣхалъ жаловаться, а отецъ Мартирій...

— Ну, все же надо примириться! Преосвященный желаетъ. Онъ настаиваетъ даже. Совѣтую вамъ, отецъ Василій, примириться. А можно у васъ въ церкви побывать?

— Пожалуйте, отецъ благочинный, сейчасъ велю отпереть!

Отецъ Василій послалъ къ сторожу съ приказаніемъ отпереть церковь. Когда они дошли уже до ступеней паперти, благочинный сказалъ:

— Надо бы и отца Мартирія извѣстить, что я въ церкви.

Отецъ Василій послалъ сторожа и минуты черезъ три вошелъ въ церковь и отецъ Мартирій. Благочинный осматривалъ церковь разсѣянно. Эту церковь онъ зналъ очень хорошо и не это занимало его. Онъ собственно хотѣлъ свести обоихъ настоятелей вмѣстѣ и при случаѣ помирить ихъ. Когда они были всѣ трое въ алтарѣ, благочинный сказалъ:

— Ну, вотъ, отецъ Мартирій и отецъ Василій, мы теперь въ алтарѣ... Такъ исполните же желаніе владыки, примиритесь.

— Да я ничего... Я готовъ!—сказалъ отецъ Мартирій.

— Что жъ, и я не того... Я тоже не прочь!— откликнулся отецъ Василій и они подали другъ другу руки.

Благочинный скоро вышелъ изъ церкви и уѣхалъ обратно въ городъ. Отецъ Мартирій пошелъ къ себѣ, отецъ Василій къ себѣ и они больше ничего не сказали другъ другу, а сторожъ заперъ церковь.

Но пріѣздъ благочиннаго и его странные разспросы еще больше разстроили іереевъ. Дѣло въ томъ, что отецъ Мартирій не зналъ, о чемъ разспрашивалъ благочинный отца Василія и думалъ, что тутъ непремѣнно есть какой-нибудь подвохъ съ его стороны. „Ужъ не хочетъ ли онъ оттягать у меня комнату на томъ основаніи, что у него много дѣтей?“ думалъ отецъ Мартирій, стараясь объяснить вопросы благочиннаго на счетъ помѣщенія.

А отецъ Василій тоже вѣдь не зналъ о томъ, какой разговоръ былъ у отца Мартирія съ благочиннымъ и сильно подозрѣвалъ, что отецъ Мартирій лѣзетъ въ настоятели, хлопочетъ о старшинствѣ и на этомъ основаніи желаетъ уменьшить его доходъ и

увеличить свой. И потому послѣ отъѣзда благочиннаго, не смотря на состоявшееся примиреніе, между двумя половинами церковнаго дома установилось еще болѣе враждебное настроеніе и жильцы ихъ стали относиться другъ къ другу еще осторожнѣе. А матушкамъ еще скучнѣе стало жить на своихъ половинахъ.

И вдругъ произошло событіе. Первый узналъ о немъ старый дьяконъ, такъ какъ всѣ бумаги, какія получалъ причтъ, привозились къ нему, онъ ихъ записывалъ и отмѣчалъ на нихъ номеръ.

Да, получилась бумага! Церковный староста, ѣздившій въ городъ за мукой для просвиръ и за лампаднымъ масломъ, привезъ ее отъ благочиннаго.

Дьяконъ прочиталъ бумагу и не хотѣлъ вѣрить. Онъ позвалъ дьяка и держалъ съ нимъ совѣтъ. Но дьякъ тоже ничего не могъ объяснить. онъ только говорилъ:

— Не даромъ онъ пріѣзжалъ. не даромъ. Ужъ это всегда такъ бываетъ. Посѣщеніе начальства никогда даромъ не проходитъ и всегда въ дурную сторону.

Дьяконъ пошелъ съ бумагой къ отцу Мартирію.

— Охъ, отецъ Мартирій,—сказалъ онъ,—ужъ не знаю, какъ и показать вамъ...

— А что такое?—спросилъ отецъ Мартирій.

— Да вотъ бумага... Ужъ такая бумага, какой навѣрно никто не ожидалъ.

— Покажи!

Отецъ Мартирій взялъ бумагу, надѣлъ очки и началъ читать и въ глазахъ у него помутилось.

— Не можетъ быть!—сказалъ онъ.—Не можетъ этого быть.

— Такъ вѣдь написано, отецъ Мартирій,—вѣдь дѣйствительно написано и подпись благочиннаго.

— Да что же это? Да какъ же это? Изъ чего же это слѣдуетъ?

Явилась матушка, прочитала бумагу и вдругъ, не подумавши хорошенько, изрекла: „Это штука отца Василія!“ Но тутъ же сообразила, что сказала нелѣпость. Для отца Василія эта бумага такой же острый ножъ, какъ и для отца Мартирія.

— Вотъ что дьяконъ,—сказалъ отецъ Мартирій,—поди-ка къ отцу Василію и того... попроси его пожаловать ко мнѣ... Понимаешь? Ты не говори, зачѣмъ. А только скажи, что дѣло есть очень важное. Скажи, что бумага...

Дьяконъ пошелъ къ отцу Василію.

— Васъ отецъ Мартирій къ себѣ проситъ,—сказалъ онъ.—Очень важное дѣло.

Матушка, бывшая тутъ, встала на дыбы. Какъ? Съ какой стати онъ пойдетъ къ отцу Мартирію? Если есть дѣло, то онъ можетъ самъ придти...

— Очень, очень важно дѣло! —проникновенно сказалъ дьяконъ.—Бумага пришла.

— Какая же это бумага?—спросилъ отецъ Василій.

— Важная бумага, отецъ Василій!.. такъ вы ужъ пожалуйте.

Матушка раздумала.

— Коли бумага, такъ иди,—сказала она; передъ бумагой она вообще преклонялась.

Отецъ Василій надѣлъ рясу и пошелъ къ отцу Мартирію. Встрѣтились они съ нѣкоторой холодностью, но подали другъ другу руки.

— Садитесь, отецъ Василій,—какимъ-то подавленнымъ голосомъ сказалъ отецъ Мартирій.—Конечно, я виноватъ... во многомъ виноватъ, но... Но вѣдь и вы тоже... А только лучше намъ забыть объ этомъ. Тутъ дѣло такое, такое дѣло, отецъ Василій...

— Да въ чемъ дѣло, отецъ Мартирій? Не мучьте вы меня.

— Садитесь, отецъ Василій, садись и ты, дьяконъ...—говорилъ отецъ Мартирій такимъ тономъ, какимъ говорятъ передъ смертнымъ приговоромъ.

Матушка отсутствовала. Но она была очень недалеко, въ сосѣдней комнатѣ, откуда все внимательно слушала.

— Вотъ какая бумага, отецъ Василій.—Отецъ Мартирій надѣлъ очки и прочиталъ, съ чувствомъ останавливаясь на каждомъ словѣ.

„Причту Крестовоздвиженской церкви въ селѣ Березняки. Принимая во вниманіе обоюдныя заявленія священниковъ села Березняки, Мартирія Сострѣлятенка и Василія Мелхиседекова, сдѣланныя ими его преосвященству о томъ, что приходъ Березняки за послѣдніе годы настолько увеличился количествомъ прихожанъ, что упомянутые два священника, не смотря на усердную службу каждаго изъ нихъ и засвидѣтельствованное благочиннымъ стремленіе совершать свое дѣло по отношенію къ прихожанамъ старательно, не въ силахъ исполнять свое назначеніе, вслѣдствіе чего нѣкоторыя требы остаются безъ исполненія; принимая во вниманіе также и то, что чрезмѣрное утружденіе священниковъ въ исполненіи служебныхъ обязанностей пагубно отражается на состояніи здоровья одного изъ нихъ, отъ такого усердія получивш шаго болѣзнь въ ногахъ; имѣя въ виду и то, что такое положеніе порождаетъ неравенство въ распредѣленіи трудовъ между обоими священниками, внося въ то же время въ ихъ среду не согласіе и вражду, каковыя качества не приличествуютъ духовной средѣ; его преосвященству благоугодно было, для облегченія трудовъ упомянутыхъ двухъ священниковъ, учредить въ приходѣ Березняки третью священническую должность, на каковую руко положить дьякона соборной церкви Амвросія Натощакова“...

— Господи! что же это такое?—воскликнулъ о. Василій.

— Слушайте дальше, отецъ Василій... „Имѣл въ виду, что новому священнику надлежитъ имѣть помѣщеніе для себя и своего семейства, а также и то, что церковный домъ въ селѣ Березняхъ достаточно великъ, его преосвященство изволилъ приказать, чтобы домъ тотъ былъ раздѣленъ на три части, по шести комнатъ въ каждой, съ соотвѣтствующими хозяйственными принадлежностями, а также со времени вступленія въ должность новаго священника, Амвросія Натощакова, дѣлить весь приходящійся на долю священниковъ доходъ на три равныя части, изъ коихъ одну давать Амвросію Натощакову. Въ виду сего, имѣю честь покорнѣйше просить васъ въ теченіе двухъ недѣль съ полученія сего освободить третью часть онаго дома съ принадлежностями и на церковный счетъ передѣлать домъ въ томъ смыслѣ, чтобы для третьяго священника былъ особый ходъ въ него. Въ теченіе указанныхъ двухъ недѣль, согласно распоряженію его преосвященства, дьяконъ Амвросій Натощаковъ будетъ рукоположенъ во священники и послѣ сего вступитъ въ новую должность“.

Описывать то состояніе, въ какомъ находились послѣ прочтенія этой бумаги отецъ Василій и отецъ Мартирій, было бы излишне. Спорить противъ бумаги не было никакой возможности; фактъ совершился. Разбирать теперь, кто виноватъ и кто правъ, тоже было излишне. Отецъ Василій сказалъ:

— Вотъ что значитъ, отецъ Мартирій, предстать предъ очи начальства! Жили мы двѣнадцать лѣтъ и ничего у насъ не выходило и все было хорошо, а отчего? Оттого, что начальство насъ не видало. А какъ только показались ему на глаза, такъ вотъ что вышло...

Послѣ этой исторіи матушки каждый вечеръ собирались то у одной, то у другой, пили чай съ вареньемъ и пастилой и обсуждали вопросъ, какъ охранить себя отъ возможныхъ покушеній новыхъ сосѣдей. Отецъ Мартирій и отецъ Василій заключили молчаливый союзъ. Миръ несомнѣнно установился въ церковномъ домѣ села Березняковъ и съ этой стороны преосвященный вполнѣ достигъ своей цѣли. Но каково будетъ житься на этомъ приходѣ новому священнику, Амвросію Натощакову—объ этомъ мы ничего сказать не можемъ.

И. Потапенко.

Исторія животнаго населенія Европы въ его историческомъ развитіи.

I.

Задачи и методъ фаунистическихъ изслѣдованій.—Европейская фауна и современная группировка животныхъ формъ въ ея предѣлахъ.—Доисторическая Европа.

Когда, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, были сдѣланы первыя попытки къ обобщенію частныхъ фактовъ, касающихся географическаго распространенія животныхъ, ученымъ, конечно, не мелькало даже подозрѣніе, что эта отрасль біологическихъ наукъ достигнетъ такого гигантскаго развитія, которое произошло на нашихъ глазахъ. Зоологическая географія первой половины текущаго столѣтія стояла всецѣло особнякомъ, и въ этомъ виновато было не столько тогдашнее состояніе біологіи вообще, сколько полная неподготовка почвы для ея развитія со стороны другихъ естественныхъ наукъ. Въ геологіи господствовало ученіе о катастрофахъ, и вмѣстѣ съ нимъ вопросъ о постепенномъ развитіи органическаго міра, конечно, долженъ былъ получать отрицательный отвѣтъ. Правда, отдѣльныя попытки внести въ изученіе органическаго міра историческій методъ дѣлались немногими учеными и тогда. Но такой взглядъ шелъ настолько въ разрѣзъ съ общимъ убѣжденіемъ, что земной шаръ претерпѣваетъ отъ времени до времени катастрофы, которыя губятъ все живущее, что у него почти не было приверженцевъ. Дѣло существенно измѣнилось, когда Ляйэлль выступилъ противъ теоріи катастрофъ и доказалъ всю ея несостоятельность, положивъ въ основаніе своихъ изслѣдованій изученіе современныхъ явленій на поверхности земного шара. Этимъ было достигнуто два важныхъ результата: 1) разъ было доказано, что общія катастрофы на земномъ шарѣ не имѣли мѣста, тѣмъ самымъ была доказана и возможность постепеннаго развитія его органическаго міра, и 2) періодъ времени, въ теченіе котораго могло происходить это развитіе, удлинялся тѣмъ самымъ до безконечности. Но, помимо этихъ важныхъ прямыхъ результатовъ, изслѣдованія Ляйэлля имѣли для біологіи огромное косвенное значеніе: они показали, что можетъ быть достигнуто въ наукѣ, если въ основу изслѣдованія положено изученіе современныхъ

явленій на земномъ шарѣ и естественное допущеніе, что существенной разницы между тѣмъ, что мы видимъ, и тѣмъ, что происходило ранѣе, нѣтъ. Такимъ образомъ, ученіе Ляйэлля о постепенномъ измѣненіи земной поверхности легло въ основу новаго направленія въ біологіи, по которому современный намъ міръ организмовъ представляетъ собою только послѣднія фазы безконечно длиннаго его историческаго развитія. Внесеніе въ біологію историческаго метода было той «живой водой», которая въ сказкахъ оживляетъ трупы убитыхъ. Этотъ методъ связалъ въ одно цѣлое длинный рядъ явленій и вызвалъ естественное стремленіе найти между ними причинную зависимость. Такимъ образомъ какъ фауна, такъ и флора каждой страны перестали стоять особнякомъ и съ одной стороны явилась возможность объяснить ихъ происхожденіе, съ другой—указать соотношеніе какъ современныхъ фаунъ и флоръ, такъ и ископаемыхъ.

Для выясненія этихъ соотношеній мы идемъ такимъ путемъ. Прежде всего, подробнымъ сравненіемъ фаунъ разныхъ странъ устанавливается сходство между однѣми и различіе между другими, что̀ выражается въ установленіи такъ называемыхъ зоологическихъ областей. Эти зоологическія области далеко не всегда совпадаютъ съ материковыми границами. Такъ, Европа, вся Азія къ югу до Гималаевъ и сѣверная Африка составляютъ зоологически одно цѣлое, одну зоологическую область. Затѣмъ, сравниваютъ современныя фауны разныхъ странъ съ ископаемыми и такимъ образомъ приходятъ къ заключенію, что современная фауна одного материка вовсе не всегда сходна съ ископаемыми животными того же материка и часто очень сходна съ ископаемыми животными другого. Такъ, современная фауна центральной Африки очень сходна съ ископаемыми животными одной геологической эпохи Европы. Наконецъ, нельзя теперь же умолчать о томъ, что чѣмъ отдаленнѣе отъ насъ геологическая эпоха, тѣмъ больше сходства между ископаемыми животными всѣхъ странъ. Все это указываетъ, что животное населеніе земного шара прошло очень сложную исторію. Животный міръ не есть что-либо постоянное, неизмѣнное. Мы не можемъ составить себѣ никакого представленія о томъ промежуткѣ времени, который отдѣляетъ насъ отъ перваго появленія на землѣ несомнѣнныхъ животныхъ. И никакая фантазія не въ состояніи охватить все то разнообразіе животнаго міра, которое имѣло мѣсто за всю безконечно длинную исторію его развитія. Но мы знаемъ, что, разъ появившись на землѣ, животныя никогда не переставали существовать и, примѣняясь къ разнымъ условіямъ существованія, развивались въ разныхъ направленіяхъ, изъ которыхъ однѣ оказывались удачными, другія неудачными. Поэтому, тогда какъ однѣ формы гибли въ борьбѣ за существованіе, не оставляя въ концѣ концовъ по себѣ потомковъ, другія сходили со сцены, передавая свои особенности своимъ потомкамъ, которые являлись господствовавшими. Прибавьте къ этому

естественному развитію животнаго царства въ теченіе безконечнаго ряда вѣковъ столь-же постоянную смѣну въ распредѣленіи воды и суши. Не много мѣстъ на земномъ шарѣ, гдѣ океанъ никогда не уступалъ своего мѣста сушѣ, и едва-ли есть такая часть суши, гдѣ когда-нибудь не было моря. Въ связи съ этими вѣковыми колебаніями въ очертаніяхъ суши и моря, то животное населеніе разныхъ странъ составляло одно цѣлое, то одной разбивалось по нѣсколькимъ участкамъ. Бывали періоды, когда животное населеніе какой-либо страны совершало путь своего историческаго развитія безъ столкновенія съ пришлецами изъ другихъ странъ, и такіе, когда изъ одной страны въ другую вторгались переселенцы, развившіеся въ совершенно другихъ условіяхъ и объявлявшіе кореннымъ жителямъ страны неумолимую борьбу за жизнь, за обладаніе мѣстомъ. Палеонтологическія изслѣдованія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ справедливости сказаннаго. Гдѣ бы мы ихъ ни производили, мы вездѣ наталкиваемся на разбросанныя страницы лѣтописи животнаго царства и лишь съ огромнымъ трудомъ можно было, такъ сказать, подшить ихъ одна къ другой въ опредѣленномъ порядкѣ. Всѣ палеонтологическія находки болѣе или менѣе случайны и, къ тому же, никогда нельзя сказать, многое ли сохранилось отъ животнаго населенія извѣстной эпохи. Нѣкоторыя страны, сравнительно, богаты ископаемыми, тогда какъ другія, гдѣ можно ожидать присутствія тѣхъ же ископаемыхъ, даютъ въ этомъ отношеніи очень мало или даже ничего не даютъ. Хорошимъ примѣромъ, подтверждающимъ это, является Сѣверная Америка и Европа. Въ первой найденъ такой замѣчательный по полнотѣ рядъ ископаемыхъ лошадей, что можно возстановить всю исторію этой группы, развившейся изъ мелкихъ пятипалыхъ млекопитающихъ въ крупныхъ однопалыхъ; во второй отъ этого ряда найдены только отдѣльные члены. Повидимому, такая разница объясняется малымъ развитіемъ прѣсноводныхъ отложеній извѣстнаго возраста въ Европѣ, тогда какъ въ Америкѣ мощность этихъ отложеній огромна. Но это другими словами значитъ, что тогда какъ въ Америкѣ вѣками длились благопріятныя условія для сохраненія ископаемыхъ остатковъ, въ Европѣ условія этому вполнѣ не благопріятствовали. И вотъ въ этомъ-то и заключается причина неполноты геологической лѣтописи, и невозможность возстановить ее дальше извѣстной степени.

На первый взглядъ можетъ казаться, что чѣмъ больше страна, тѣмъ богаче она должна быть ископаемыми и тѣмъ легче возстановить исторію ея животнаго населенія. Но на самомъ дѣлѣ это невѣрно. Изучить исторію животнаго населенія небольшой, но хорошо обособленной области неизмѣримо легче и такъ называемые континетальные острова, напр., Британскіе, особенно благодарны въ этомъ отношеніи. Если можно такъ выразиться, вѣковое наслоеніе послѣдовательно смѣнявшихся фаунъ здѣсь выражено рѣзче, такъ какъ между отдѣльными фаунами больше пробѣловъ, хотя, благодаря послѣднему обстоя-

тельству, здѣсь нечего и думать найти послѣдовательные переходы отъ одной фауны къ другой.

Сказаннаго, надѣюсь, достаточно, чтобы возбудить интересъ къ исторической зоологіи. Изученіе современной группировки животныхъ на земномъ шарѣ не мыслимо безъ палеонтологическихъ данныхъ, такъ какъ только современныя условія не даютъ этому удовлетворительнаго объясненія. Каждая фауна есть результатъ воздѣйствія безконечно сложныхъ причинъ, состоящихъ въ соотношеніи животныхъ формъ, въ измѣненіи пищевыхъ условій, климата, орографіи и т. д. Трудно представить себѣ, чтобы какое-либо изъ этихъ обстоятельствъ, измѣнившись такъ или иначе, прямо или косвенно не сказалось на составѣ животнаго населенія страны, а въ историческое время къ числу факторовъ, вліяющихъ на жизнь животныхъ, присоединился и человѣкъ. Дѣятельность человѣка въ этомъ отношеніи сказалась въ трехъ направленіяхъ: въ прямомъ уничтоженіи однихъ видовъ дикихъ животныхъ, въ косвенномъ уничтоженіи другихъ путемъ измѣненія кореннаго вида страны и, наконецъ, въ одомашниваніи третьихъ. Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ сильнѣе сказывается гибельное воздѣйствіе человѣка на дикихъ животныхъ; но въ слабой степени оно началось съ тѣхъ поръ, какъ топоръ первыхъ обитателей принялся за разчистку лѣса подъ поселенія и плугъ впервые поднялъ почву степи. Въ эту отдаленную эпоху человѣкъ настолько былъ связанъ съ окружающимъ міромъ животныхъ и зависѣлъ отъ него, что оставить его въ сторонѣ значитъ умышленно пропустить одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ исторической зоологіи.

Обращаясь далѣе къ вопросу, какой континентъ изслѣдованъ наилучше съ интересующей насъ стороны, мы должны сказать, что пока первенствующее мѣсто занимаетъ Европа. Не даромъ длинный рядъ ученыхъ разныхъ спеціальностей въ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ собиралъ данныя, касающіяся самыхъ различныхъ сторонъ существованія этого материка. Геологи возстановляли послѣдовательныя вѣковыя измѣненія въ его очертаніяхъ, астрономы и метеорологи—въ климатѣ, ботаники въ растительномъ мірѣ, зоологи—въ животномъ, наконецъ, антропологи—во всемъ, что́ касалось человѣка. Въ результатѣ мы имѣемъ передъ собою, конечно, не полную въ подробностяхъ, но во всякомъ случаѣ цѣльную картину историческаго развитія европейскаго континента и по сколько это относится къ его животному населенію, вмѣстѣ съ доисторическимъ человѣкомъ, это и должно войти въ настоящій очеркъ.

Путешественникъ проѣзжающій отъ Уральскаго хребта до Бискайскаго залива, отъ Нордкапа до Сициліи, непремѣнно будетъ введенъ въ заблужденіе относительно кажущагося разнообразія европейской фауны. Безлѣсныя тундры, тайга сѣверо-восточной Россіи, своеобразныя горы Скандинавіи, обширная площадь полей съ разбросанными среди нихъ лѣсными колками на огромномъ протяженіи средней

Россіи и центральной Европы, южно-русскія черноземныя степи, альпійская горная страна и цвѣтущая береговая область Средиземнаго моря, — всѣ эти страны съ ихъ различной орографіей, разнообразіемъ климата, своеобразной растительностью представляютъ и кажущееся разнообразіе животнаго міра. А между тѣмъ тщательное изученіе фауны Европы доказываетъ, что разнообразіе это вовсе не велико. Вся Россія, вся центральная и западная Европа фаунистически составляютъ одно цѣлое, хотя съ большимъ количествомъ разныхъ станцій, т.-е. мѣстонахожденій. Конечно, чѣмъ населеннѣе мѣстность, тѣмъ бѣднѣе она дикими животными, и это отчасти дѣлаетъ различными въ фаунистическомъ отношеніи, напр., Россію и центральную Европу; но если не останавливаться на численности представителей отдѣльныхъ видовъ, а только на самихъ видахъ, то окажется, что тѣ же животныя, которыя живутъ у насъ, населяютъ и центральную Европу. Изъ млекопитающихъ особенно характерны разные олени среди копытныхъ, медвѣдь, волкъ, лисица, куницы, рыси и кое-какія другія формы среди хищныхъ, кротъ и ежи изъ насѣкомоядныхъ, сурки, суслики, зайцы, лемминги изъ грызуновъ и т. д. Одни изъ нихъ лѣсныя животныя, другія—обитатели открытыхъ мѣстъ, поля и степи. Поэтому, тамъ, гдѣ преобладаетъ лѣсъ, конечно, преобладаютъ лѣсныя животныя, и тамъ, гдѣ господствуетъ степь — формы открытыхъ мѣстъ. Но, тамъ, гдѣ какъ въ средней Россіи лѣсъ и степь или поля перемѣшаны болѣе или менѣе равномѣрно, мы не найдемъ преобладанія однѣхъ формъ животныхъ надъ другими. Точно то же и съ птицами. Отрѣпившись отъ пташекъ, фауна которыхъ поразительно однообразна не только на указанной площади Европы, но и съ прибавленіемъ всей Западной Сибири, даже крупные представители хищныхъ, каковы орлы и соколы, куриныя птицы, каковы глухарь, тетеревъ, куропатки, пастушковыя, съ ихъ наиболѣе замѣтными представителями дрофой, стрепетомъ и журавлями, распространены одинаково во всей этой области, поскольку это дозволяетъ распредѣленіе станцій.

Совсѣмъ другое дѣло, когда мы переваливаемъ черезъ горную страну центральной Европы и спускаемся на средиземно морское побережье. Пиринейскій, Аппенинскій и южная часть Балканскаго полуострова съ островами Средиземнаго моря рѣзко отличны фаунистически отъ остальной Европы и, напротивъ, составляютъ одно цѣлое съ сѣверо-африканскимъ побережьемъ, Малой Азіей и Кавказомъ. Олени здѣсь отчасти замѣнены ланью и горными баранами, изъ хищныхъ появляются виверы и шакалы, изъ грызуновъ—дикобразъ, изъ летучихъ мышей—подковоносы. Что касается птицъ, то даже среди пташекъ есть особые роды, а изъ другихъ группъ обращаютъ на себя вниманіе пустынныя перепелки, горныя курочки, дрофы-красотки, султанскія куры, нѣкоторыя чайки и многія другія формы, совсѣмъ не распространенныя въ остальной Европѣ.

Наконецъ, въ юго-восточномъ углу Россіи мы встрѣчаемся съ совершенно особенной фауной, стоящей въ рѣзкой противуположности съ остальной фауной Европы. Достаточно отмѣтить здѣсь присутствіе антилопы сайги, единственной антилопы въ европейской фаунѣ, куда она проникаетъ изъ азіатскихъ пустынь, перевозчика изъ хорьковъ, слѣпыша изъ грызуновъ, рябковъ, саджъ, джэка, бѣлаго журавля или стерха, утку-савку и другихъ формъ изъ птицъ, чтобы охарактеризовать эту область. На всей этой фаунѣ лежитъ особый отпечатокъ—ея пустынный характеръ, выражающійся въ преобладаніи въ окраскѣ животныхъ желтовато-бурыхъ тоновъ пустыни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, многочисленныя формы общи этому углу съ средиземно-морской областью, придавая имъ, такъ сказать, южный оттѣнокъ, отличающій ихъ отъ фауны средней и сѣверной Европы съ ея сѣвернымъ оттѣнкомъ.

Позднѣе мы увидимъ, что эти три фаунистически различныя области Европы различны и по своей исторіи. Теперь же надо остановиться на другихъ фаунистическихъ особенностяхъ нашего материка. Прежде всего, нельзя не видѣть замѣчательнаго, островного распространенія нѣкоторыхъ млекопитающихъ и птицъ. Съ одной стороны сѣверныя формы, какъ, напр. полярный заяцъ и альпійская куропатка, встрѣчаются и на крайнемъ сѣверѣ, въ тундрахъ, и высоко въ горахъ центральной Европы, отсутствуя на огромной площади между этими областями. Съ другой, нѣкоторыя животныя, напр., выхухоль, представлены одними видами въ рѣкахъ центральной и восточной Россіи и другими на Пиренейскомъ полуостровѣ. Наконецъ, третьи, каковъ, напр., зубръ, встрѣчаются въ низменностяхъ средней Европы и на горахъ сѣвернаго Кавказа. Очевидно, что съ указанными тремя фаунами Европы эти спорадически распространенныя формы не имѣютъ ничего общаго. Какія-то особыя причины сказались на ихъ островномъ распространеніи, разбросали ихъ на поверхности европейскаго материка, поставили особнякомъ среди массы другихъ животныхъ. Современныя климатическія и вообще физико-географическія условія не даютъ этому никакого объясненія. Даже болѣе того, указанные частные факты прямо подрываютъ значеніе этого фактора въ объясненіи географическаго распространенія животныхъ. Что касается другихъ возможныхъ объясненій, то ихъ имѣется два: вліяніе человѣка и вѣковыя измѣненія въ физико-географическихъ условіяхъ Европы. Однако, не трудно видѣть, что вліяніе человѣка недостаточно для объясненія приведенныхъ нами фактовъ. Положимъ, мы знаемъ, что зубръ служилъ предметомъ охоты, высоко цѣнимымъ русскими князьями, и конечно могъ быть отчасти истребленъ на протяженіи юго-западной и южной Россіи, площадь которой отдѣляетъ бѣловѣжскихъ зубровъ отъ кавказскихъ, но несомнѣнно, что всецѣло онъ не могъ быть истребленъ охотой. А затѣмъ: какимъ образомъ попали они на горы сѣверо-западнаго Кавказа? Стоитъ ли онъ особнякомъ среди тамошнихъ животныхъ, или между послѣдними есть

такія, которыя помогаютъ отвѣтить на заданный вопросъ? Въ томъ-то и дѣло, что такія формы имѣются: сѣверный склонъ главнаго Кавказскаго хребта занятъ отчасти какъ бы колоніей сѣверныхъ животныхъ и очевидно, что человѣкъ не могъ играть въ этомъ никакой роли. Что-то другое загнало на горные хребты формы низменностей и дало имъ возможность сохраниться въ обстановкѣ, которой они первоначально, очевидно, не принадлежали. То же самое и съ другими приведенными нами примѣрами. Въ спорадичномъ распространеніи полярнаго зайца, альпійской куропатки и выхухолей человѣкъ, конечно неповиненъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ ясно, что только знаніе тѣхъ измѣненій, которыя претерпѣлъ европейскій материкъ въ геологическія эпохи, и связанное съ ними измѣненіе въ распространеніи животныхъ даетъ возможность понять эти отдѣльные случаи изъ современнаго географическаго распространенія европейскихъ животныхъ. Всѣ эти частные случаи ничто иное, какъ уцѣлѣвшія свидѣтельства разныхъ періодовъ въ исторіи фауны, разныхъ фазъ борьбы за существованіе, за обладаніе мѣстами болѣе или менѣе отдаленныхъ предковъ нынѣшнихъ животныхъ. И чѣмъ разрозненнѣе, чѣмъ рѣже такіе исключительные случаи, тѣмъ бережнѣе съ ними надо обращаться. Въ природѣ нѣтъ ничего, что не имѣло бы смысла, и нѣтъ такого явленія, которое можно было бы понять безъ его связи съ другими. Частные факты современнаго географическаго распространенія животныхъ будятъ наше желаніе уйти въ глубь вѣковъ и при помощи воображенія, на основаніи большаго или меньшаго количества фактическихъ данныхъ, вызвать передъ собою картины давно прошедшаго міра, обстановку, не похожую на ту, среди которой мы находимся, исторію болѣе сложную и богатую событіями, чѣмъ это можно было бы предположить.

Конечно, человѣкъ игралъ роль въ измѣненіи распространенія европейскихъ животныхъ, и эта роль была даже немаловажная. Прежде всего она сказалась въ измѣненіи коренного вида страны, въ расчисткѣ огромныхъ лѣсныхъ площадей и осушеніи болотъ. По историческимъ документамъ мы знаемъ, что большая часть Франціи и вся Германія были покрыты дѣвственнымъ лѣсомъ—тайгою, сливавшеюся съ тайгою Россіи. Въ южной Германіи среди этой тайги вовышались горные кряжи и широкой полосой тянулись болотистые низменности Дуная. На мѣстѣ нынѣшней западной Россіи дѣвственный лѣсъ разнообразился только обширными болотистыми площадями, а далѣе къ сѣверу и востоку тайга тянулась, вѣроятно, почти въ томъ же видѣ, какъ теперь, только, конечно, болѣе сплошной, можетъ быть даже непрерывной областью. Что касается южной границы тайги въ Россіи, то съ достовѣрностью можно утверждать, что тайга занимала большую часть средней Россіи, спускаясь еще южнѣе языками по теченію Днѣпра, Дона, можетъ быть, Волги и также по Уральскому хребту. По южной границѣ тайги были разбросаны лѣсныя рощи, образовавшія естественную полосу остров-

ныхъ лѣсовъ, а еще южнѣе, отъ низовьевъ Дуная, черезъ нижнее теченіе Днѣстра, Днѣпра, Дона и Волги, шла настоящая степь, простирающаяся на востокѣ въ равнины Западной Сибири.

Фауна млекопитающихъ, населявшая эту область, насчитывала въ числѣ своихъ представителей и такія формы, которыхъ въ ней сейчасъ совсѣмъ нѣтъ, напр., дикаго быка или тура, тогда какъ другія, дошедшія лишь въ небольшомъ числѣ до нашего времени, отличались крайней многочисленностью и широкимъ распространеніемъ; таковы: зубръ, лось, благородный олень и пр., составлявшіе самыхъ дорогихъ охотничьихъ животныхъ для древнихъ германцевъ и славянскихъ князей. Изъ степныхъ животныхъ надо упомянуть дикихъ лошадей, тогда какъ антилопа сайга шла по всей степной области на западъ до лѣсной области нынѣшней Волынской губ. Что касается птицъ, то характерныя формы тайги, съ глухаремъ и большими совами (уральской, лапландской) во главѣ, подобно лѣснымъ млекопитающимъ, были распространены во всей тогдашней лѣсной области, а степныя птицы вмѣстѣ съ лошадьми и сайгой во всей степной.

Однако, чтобы имѣть полное представленіе о фаунѣ доисторической Европы, надо помнить еще о фаунѣ болотъ и рѣчныхъ долинъ. Моховыя болота съ озерами, совершенно тундряного характера, и населены были птицами тундръ: бѣлыми куропатками, гагарами, лебедемъ-кликуномъ и т. д. Что же касается рѣчныхъ долинъ, то здѣсь фауна носила совершенно другой характеръ: въ морскихъ устьяхъ рѣкъ ютились разныя цапли, колпики, лебедь-шипунъ и другія болѣе южныя формы, которыя проникали сравнительно далеко по долинамъ рѣкъ въ степную область, разнообразя характерное населеніе.

Такимъ образомъ, сравнивая Европу этого отдаленнаго періода съ современной, не трудно видѣть, что разница между ихъ фаунами является не особенно значительной по существу, но иная группировка станцій или мѣстонахожденій, большая численность животныхъ придаетъ ранней фаунѣ Европы весьма своеобразный характеръ.

Дикій быкъ или туръ вымеръ совершенно и только въ Англіи отъ него остались болѣе или менѣе отдаленные потомки, живущіе въ Чиллингэмскомъ и другихъ паркахъ въ полудикомъ состояніи. Но еще во времена Юлія Цезаря этотъ быкъ былъ очень обыкновененъ въ лѣсахъ Европы, а изученіе ископаемыхъ остатковъ приводитъ насъ къ заключенію, что онъ, въ свою очередь, произошелъ отъ еще болѣе крупной, ранѣе жившей расы, которая сначала имѣла очень широкое распространеніе и отличалась однообразіемъ признаковъ, затѣмъ распалась на нѣсколько расъ и, исчезнувъ, наконецъ, вслѣдствіе прямого преслѣдованія человѣкомъ и измѣненія коренного вида страны, въ качествѣ дикаго животнаго, послужила матеріаломъ для образованія разнообразныхъ породъ домашняго скота.

Зубръ не вымеръ окончательно и до сихъ поръ, сохранившись на

горахъ Сѣвернаго Кавказа, куда проникъ несомнѣнно въ болѣе раннюю эпоху, чѣмъ разсматриваемая, и въ Бѣловѣжской пущѣ, причемъ и тамъ, и здѣсь уже находится подъ исключительною охраною законовъ. На его вымираніи, повидимому, сказались тѣ же причины, что и на вымираніи тура; что же касается его болѣе продолжительнаго существованія, сравнительно съ первымъ, то, повидимому, этому благопріятствовала полная неспособность зубра къ прирученію. При этомъ можно еще замѣтить, что зубръ произошелъ отъ той же ископаемой формы, которая, измѣнившись въ другомъ направленіи, дала въ Америкѣ бизона.

Упомянутая для степей дикая лошадь въ отдѣльныхъ представителяхъ дошла у насъ до первой половины текущаго столѣтія. Можно ли ее отождествлять съ дикой лошадью центрально-азіатскихъ пустынь—большой вопросъ, на который скорѣе можно дать отрицательный отвѣтъ. Но, во всякомъ случаѣ, эта лошадь была прежде многочисленна въ нашихъ степяхъ и нѣкоторыя свѣдѣнія о ней сохранились въ путешествіи Гмелина. Какъ и всѣ лошади, наша дикая или тарпанъ, держалась косяками, иногда довольно многочисленными, которые наносили не малый ущербъ крестьянамъ, уничтожая сложенные на зиму запасы сѣна. Какъ животное, трудно поддававшееся прирученію, тарпанъ безжалостно истреблялся, и съ одной стороны это, съ другой—скрещиваніе его съ домашними кобылицами, отчего получались особи, которыхъ легче было и ловить, и приручать, и наконецъ, распашка и заселеніе степи,—все это привело въ концѣ концовъ къ его полному вымиранію.

Распространеніе сайги просто сократилось и эта антилопа постепенно отступала передъ человѣкомъ съ запада на востокъ, надолго остановившись-было въ Калмыцкихъ степяхъ, но затѣмъ совершенно откочевавъ за Волгу, гдѣ еще и до сихъ поръ не можетъ считаться рѣдкой.

Вспомнимъ также здѣсь разсказъ Геродота о львахъ, которые напали въ одномъ ущельи на вьючныхъ верблюдовъ, слѣдовавшихъ за арміей Ксеркса,—разсказъ, настолько подробный, что по немъ даже можно составить ясное представленіе о томъ, какъ широко были распространены львы въ то время на Балканскомъ полуостровѣ. Повидимому, они были тогда вовсе не рѣдки въ Македоніи и Ѳессаліи, а еще раньше были распространены и еще шире въ южной Европѣ. Только незадолго до начала христіанской эры этотъ хищникъ исчезъ изъ Европы, хотя все еще былъ широко распространенъ въ юго-западной Азіи.

Мы должны теперь обратить вниманіе на одно обстоятельство, которое даетъ возможность перейти отъ только-что описаннаго періода въ существованіи европейскаго материка къ еще болѣе раннему. Дѣло въ томъ, что ботаники весьма согласно отстаиваютъ теперь положеніе, что на границѣ лѣсной и степной области, въ такъ называемой лѣсостепной полосѣ, идетъ постоянная борьба между лѣсной и степной

растительностью, и притомъ борьба, оканчивающаяся побѣдой первой. Слѣдовательно, при естественныхъ условіяхъ лѣсная должна бы постепенно распространяться на счетъ степной, что, повидимому, указываетъ на опредѣленную послѣдовательность измѣненій въ растительности центральной Европы въ доисторическое время. Дѣло въ томъ, что прежде чѣмъ въ западной и центральной Европѣ развилась лѣсная область, здѣсь достигали огромнаго развитія травянистыя площади. Причиною этого, съ одной стороны, были почвенныя условія, съ другой, и это самое важное, климатическія. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, очертанія Европы представлялись совсѣмъ въ иномъ видѣ, чѣмъ теперь, въ ея западной части. Скандинавія и сѣверная Россія продолжались сплошной сушей, первая на западъ, вторая на сѣверъ. Затѣмъ, суша связывала въ одно цѣлое Скандинавію съ Британскими островами, Ютландіей и западной частью европейскаго материка. Такимъ образомъ, на мѣстѣ Бѣлаго моря было, сравнительно, небольшое озеро въ его западной части. Балтійское море существовало въ его современныхъ предѣлахъ, но было внутреннимъ моремъ. Большое озеро лежало между Ютландіей и южною частью нынѣшней Норвегіи. Отъ Шетландскихъ и Оркнейскихъ острововъ съ Шотландіей къ Исландіи шла непрерывная полоса суши. Какъ естественное слѣдствіе такого большого развитія суши въ западномъ направленіи и особенно соединенія материка съ Исландіей, Гольфстремъ долженъ былъ идти на очень большомъ разстояніи отъ центральной Европы, поворачивать въ другомъ направленіи отъ береговъ тогдашней Европы, нежели теперь, а это дѣлало климатъ нынѣшней Германіи болѣе континентальнымъ и давало возможность развитію здѣсь степной растительности. Здѣсь найдены многочисленные ископаемые остатки такихъ несомнѣнно степныхъ животныхъ, какъ тушканчики, суслики, дикія лошади, куланы, разныя дрофы. Повидимому, они существовали здѣсь весьма продолжительное время, распространившись сюда изъ южной и средней Россіи отчасти черезъ Польшу, отчасти Дунайскими низменностями. Когда же позднѣе степная растительность начала отступать передъ лѣсной, эти степные жители постепенно начали вымирать, а вмѣстѣ съ лѣсомъ ихъ мѣсто заняли лѣсныя животныя, пришедшія сюда вѣроятно, съ востока. Обращаясь опять къ картѣ Европы этого времени, мы видимъ, что Каспійское и Аральское моря были слиты въ одинъ обширный бассейнъ, доходившій на сѣверѣ въ области рѣки Урала до Общаго Сырта и въ области Волги до нижней Камы. Кромѣ того, небольшой рукавъ соединялъ этотъ бассейнъ съ Чернымъ моремъ (черезъ Азовское). Безъ сомнѣнія, эта обширная водная площадь обусловливала гораздо болѣе мягкій и влажный климатъ на мѣстѣ степей нынѣшней южной Россіи и почти несомнѣнно, что собственно степной полосы здѣсь тогда не было, а была степь, чередующаяся съ лѣсомъ, или то, что можно назвать лѣсостепной областью. Исключительно степной фауны

здѣсь не могло быть, но ничто не мѣшало степнымъ животнымъ жить въ подходящихъ станціяхъ. Впослѣдствіи условія въ западной Европѣ и южной Россіи стали мѣняться, и притомъ это измѣненіе шло въ совершенно противоположномъ направленіи. Западная Европа начала опускаться и площадь моря постепенно выигрывала въ размѣрахъ, что вмѣстѣ съ измѣненіемъ въ направленіи гольфстрема дало для центральной Европы и болѣе мягкій, и болѣе влажный климатъ. Это, въ свою очередь, способствовало развитію лѣсной растительности и въ концѣ концовъ привело къ господству тайги и таежныхъ животныхъ, съ которыми мы уже успѣли познакомиться ранѣе. Въ южной Россіи, вмѣстѣ съ осушеніемъ Арало-Каспійскаго бассейна, климатъ изъ влажнаго становился все болѣе сухимъ и континентальнымъ, и лѣса начали уступать мѣсто отнынѣ все болѣе и болѣе развивающейся степи. Само собою разумѣется, что при этомъ отчасти отступили отсюда, отчасти здѣсь же вымерли лѣсныя животныя, тогда какъ степныя стали господствующими. И чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ континентальнѣе становился климатъ южной и особенно восточной Россіи и тѣмъ влажнѣе климатъ западной Европы.

Къ этому же времени относятся ископаемые остатки выхухолей, найденные между двумя, нынѣ раздѣльными, областями двухъ современныхъ видовъ, изъ чего слѣдуетъ, что эта группа своеобразныхъ насѣкомоядныхъ была прежде распространена гораздо шире и по всей вѣроятности занимала разными видами одну сплошную область, отъ которой теперь остались два сравнительно небольшихъ разрозненныхъ участка.

Но если намъ удается связать въ одно цѣлое и объяснить одинъ рядъ фактовъ изъ области географическаго распространенія европейскихъ животныхъ, другіе все-таки остаются необъясненными до сихъ поръ и мы даже не знаемъ, какъ къ нимъ подойти, пользуясь только практикуемыми нами до сихъ поръ способами объясненія, т. е. измѣненіемъ коренного вида страны при участіи человѣка, прямымъ участіемъ человѣка и нѣкоторыми климатическими измѣненіями. Таково распространеніе альпійской куропатки и полярнаго зайца въ тундрахъ сѣвера и въ верхнемъ поясѣ горъ центрально-европейской альпійской горной страны. Простое вліяніе климатическихъ условій въ этомъ случаѣ не даетъ удовлетворительнаго объясненія, такъ какъ если бы это было общей причиной, то можно спросить, почему же другія полярныя животныя не встрѣчаются на горахъ центральной Европы? Затѣмъ, есть другіе факты, очевидно относящіеся въ эту же категорію. Такъ, на горахъ Шотландіи живетъ т.-наз. шотландская куропатка или шотсандскій тетеревъ, принадлежащій къ одному роду съ альпійской и бѣлой куропаткой, но замѣчательно отличающійся отъ нихъ отсутствіемъ ез онной перекраски. Разбирая отношеніе этой птицы къ ея сородичамъ, лѣлѣющимъ на зиму, эту разницу между ними можно объяснить

двояко: или шотландскій тетеревъ является коренной формой, отъ которой произошли бѣлыя куропатки, приспособившіяся къ жизни въ такихъ странахъ, гдѣ бываетъ зима и гдѣ бѣлый зимній нарядъ полезенъ для нихъ въ качествѣ покровительствующей окраски; или, напротивъ, онъ самъ произошелъ отъ нихъ и утратилъ бѣлую зимнюю окраску вслѣдствіе отличныхъ условій жизни. Появленіе у него отъ времени до времени отдѣльныхъ бѣлыхъ перьевъ явно говоритъ за послѣднее, и вмѣстѣ съ тѣмъ невольно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ могло произойти это? Если шотландскій тетеревъ недавно переселился на Британскіе острова и столь кореннымъ образомъ измѣнился въ своей сезонной окраскѣ, очевидно, причины, обусловливающія современное распространеніе бѣлыхъ куропатокъ, изъ которыхъ большинство—полярныхъ формъ, очень сложны.

Нельзя обойти также молчаніемъ замѣчательной группировки животныхъ формъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Пріуральскаго края и особенно Зауралья. Здѣсь такія сѣверныя формы, какъ сѣверный олень, глухарь, бѣлая куропатка спускаются чрезвычайно далеко къ югу и встрѣчаются съ несомнѣнно южными, каковы байбакъ, пеликаны, нѣкоторыя утки, дрофа, стрепетъ, кречетка и пр. Изъ нихъ сѣверныя являются преимущественно лѣсными и кое-какія даже тундряными, южныя—степными и рѣчными, и благодаря этому различію въ станціяхъ тѣ и другія не могутъ быть совершенно перемѣшаны другъ съ другомъ; но непривычное зрѣлище представляютъ собою бѣлыя куропатки, живущія около озера, на которомъ держатся пеликаны, или сѣверный олень и глухарь, населяющіе лѣса въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ колоніями байбаковъ и т. д.

Есть еще одна область въ Россіи, гдѣ сѣверныя формы спускаются чрезвычайно далеко къ югу: это—лѣсная область по истокамъ Волги и Днѣпра. Но здѣсь онѣ не встрѣчаются съ южными, а образуютъ какъ бы далеко выдвинутый къ югу аванпостъ мѣстной фауны.

Пока мы ограничимся только сообщеніемъ этихъ фактовъ, очевидно не объяснимыхъ тѣми факторами, которыми мы пользовались до сихъ поръ, и на этомъ покончимъ съ вводной главой, съ послѣдними страницами въ исторіи животнаго населенія Европы. Современная группировка животныхъ, частные случаи этого распространенія, отношеніе къ животнымъ человѣка въ историческій и доисторическій періодъ—вотъ что мы успѣли пробѣжать до сихъ поръ. Кое-что такимъ образомъ было объяснено, большая часть явленій остается необъясненной. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы отошли уже на такое разстояніе отъ современнаго періода, что привычное намъ лѣтосчисленіе не годится: теперь года надо замѣнить столѣтіями, столѣтія—тысячелѣтіями, и въ этомъ безконечно отдаленномъ прошломъ, черезъ его туманъ, отыскивать новыя картины, новыя условія жизни. Мы прощаемся теперь съ дѣвственной тайгой, которую возстановили на мѣстѣ наиболѣе культурныхъ странъ

Европы, прощаемся съ нераспаханными степями южной Россіи, съ ихъ необъятнымъ горизонтомъ; прощаемся съ цвѣтущимъ средиземно-морскимъ побережьемъ. На рубежѣ четверичной и третичной эры въ сѣверномъ полушаріи, подъ вліяніемъ космическихъ и нѣкоторыхъ мѣстныхъ причинъ, условія сложились такимъ образомъ, что сплошной ледяной покровъ одѣлъ собою значительную часть центральной и всю сѣверную Европу, конечно, оттѣснивъ отсюда животное населеніе. Этотъ періодъ длился много тысячелѣтій и состоялъ собственно изъ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ обледенѣній материка, смѣнявшихся такъ называемыми межледниковыми періодами. Его послѣдствія были громадны и, можно сказать, современное состояніе животнаго населенія Европы объясняется именно ледниковой эпохой, которая здѣсь почти уничтожила слѣды того, что было ранѣе, начавъ въ исторіи животнаго населенія новую эру. Эта эпоха важна еще и потому, что въ теченіе ея на почвѣ Европы уже несомнѣнно появился человѣкъ, пока еще первобытный дикарь-звѣроловъ. Въ виду всего этого, ледниковая эпоха заслуживаетъ возможно обстоятельнаго изученія, но, конечно, поскольку при этомъ можно обойтись безъ излишнихъ подробностей, онѣ должны быть опущены въ нашемъ изложеніи.

М. Мензбиръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Интеллигентныя поселенія на Лондонскихъ окраинахъ *).

I.

Своеобразныя, просвѣтительно-благотворительныя учрежденія, извѣстныя въ Англіи подъ именемъ settlements, т.-е. въ буквальномъ переводѣ, поселеній, представляютъ собою любопытный опытъ «хожденія въ народъ», обставленный со свойственной англичанамъ трезвостью и практичностью.

Идея такихъ поселеній возникла еще въ 80-хъ годахъ, среди англійской университетской молодежи, подъ вліяніемъ Рёскина и Томаса Грина. Рёскинъ, читавшій лекціи по искусству въ Оксфордскомъ университетѣ, постоянно затрагивалъ въ своихъ лекціяхъ соціальные вопросы и указывалъ на необходимость поднять умственный и духовный уровень низшихъ классовъ народа, сдѣлать доступными для нихъ, накопленныя вѣками, сокровища культуры. Одинъ изъ учениковъ Рёскина, талантливый молодой экономистъ Тойнби, поселился однажды на лѣтніе каникулы въ самомъ центрѣ лондонскихъ трущобъ—въ знаменитомъ Уайтчепелѣ, у мѣстнаго священника, м-ра Барнетта, и посвящалъ все свое время изученію жизни своихъ сосѣдей. Тойнби рано умеръ, оставивъ послѣ себя нѣсколько работъ по политической экономіи и воспоминаніе о себѣ, какъ о необыкновенно-привлекательной нравственной личности. Чтобы почтить его память, друзья его рѣшили создать въ Уайтчепелѣ такое учрежденіе, въ которомъ могли бы временно поселяться молодые люди съ университетской скамьи, желающіе ознакомиться съ жизнью низшихъ классовъ народа не по книгамъ, а на дѣлѣ. Такимъ образомъ, въ 1885 г. возникло первое интеллигентное поселеніе—Тойнби-Голль; во главѣ его сталъ тотъ самый м-ръ Барнеттъ, у котораго жилъ Тойнби и который до сихъ поръ, т.-е. уже 14 лѣтъ, руководитъ имъ.

---

*) Матеріаломъ для настоящей статьи послужили годовые отчеты отдѣльныхъ поселеній и вышедшая недавно книга: Reason «Social settlements» (Methuen & Co). Въ Россіи объ интеллигентныхъ поселеніяхъ писалось очень мало. Старѣйшее изъ поселеній, Toinbee-Hall, было описано проф. Янжуломъ въ статьѣ, помѣщенной въ «Вѣстн. Европы» въ началѣ 90-хъ годовъ. О другихъ нѣсколько разъ упоминалось въ корреспонденціяхъ г. Діонео въ «Русскомъ Богатствѣ».

Тойнби-Голль былъ основанъ на средства, собранныя въ Оксфордѣ, среди университетскихъ товарищей Тойнби, и называется «университетскимъ поселеніемъ». Организаторамъ его рисовалось въ будущемъ идеальное учрежденіе, которое создало бы связь между университетомъ и народомъ, которое давало бы возможность людямъ науки нести свои знанія въ народъ и жить съ нимъ одной жизнью. Они мечтали о томъ, что впослѣдствіи такіе же университетскіе колоніи возникнутъ и на другихъ лондонскихъ окраинахъ и во всѣхъ большихъ городахъ Англіи. Но эти мечты такъ и остались мечтами. Тойнби-Голль—единственное интеллигентное поселеніе, имѣющее связь съ университетомъ, которая выражается больше въ видѣ денежной поддержки, получаемой изъ Оксфорда. Въ настоящее время большинство членовъ, живущихъ въ немъ, не были въ университетѣ. Но самая идея такихъ поселеній показалась англичанамъ очень практичной и быстро привилась не только въ Англіи, но и въ Америкѣ. За 14 лѣтъ въ одномъ Лондонѣ возникло 12 такихъ поселеній, раскинутыхъ по окраинамъ. Кромѣ того, такія же поселенія возникли въ Глазго, Манчестрѣ, Бристолѣ и Эдинбургѣ. Въ Америкѣ существуетъ уже 22 такихъ поселенія. Поселенія эти имѣютъ особенное значеніе въ Лондонѣ, гдѣ, при громадности его разстояній, окраины совершенно отдѣлены отъ центра.

Организація поселеній чрезвычайно проста и заключается въ слѣдующемъ: группа интеллигентныхъ людей, объединенныхъ желаніемъ «общественнаго служенія», поселяется гдѣ-нибудь на окраинѣ, въ рабочемъ кварталѣ, населенномъ бѣднотою, и начинаетъ присматриваться къ окружающей жизни. Они руководствуются при этомъ двоякаго рода мотивами: во-первыхъ, разочарованіемъ въ шаблонной благотворительности, которая ограничивается непроизводительной раздачей пособій, и желаніемъ найти другія средства помощи; во-вторыхъ, сознаніемъ необходимости, прежде всего, ознакомиться съ тѣми людьми, которымъ хочешь помогать, подойти къ нимъ поближе, узнать ихъ потребности и интересы. Члены поселеній придерживаются при этомъ чрезвычайно правильной тактики; они не пытаются сразу ослѣпить своихъ новыхъ сосѣдей какими-нибудь нововведеніями и благодѣяніями, а стараются постепенно войти въ ихъ жизнь — дѣлаются членами уже существующихъ мѣстныхъ организацій, входятъ въ составъ школьныхъ совѣтовъ, органовъ городскаго самоуправленія, благотворительныхъ учрежденій и пр. Никакой опредѣленной программы дѣятельности у нихъ нѣтъ, и въ этомъ и заключается ихъ оригинальность. Они помогаютъ, гдѣ могутъ и чѣмъ могутъ. Въ Лондонѣ существуютъ безчисленныя благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія, ставящія себѣ самыя разнообразныя задачи: есть тамъ общество распространенія университетскаго образованія, устраивающее лекціи для народа, общество помощи дѣтямъ, учащимся въ школахъ, общество, устраивающее парки и сады въ рабочихъ кварталахъ, общество помощи молодымъ служан-

камъ и пр., и пр. Кромѣ того, въ англійскомъ рабочемъ классѣ очень развиты всякія формы самопомощи—рабочіе союзы, кооперацiи, общества взаимнаго страхованія. Поселенія ставятъ себѣ цѣлью объединить въ данной мѣстности всѣ подобныя учрежденія, создать живую связь между мѣстными дѣятелями. И эту цѣль они вполнѣ осуществляютъ. Остановимся подробнѣе на Тойнби-Голль, какъ самомъ старомъ изъ поселеній, достигшемъ наиболѣе совершенной организаціи. Въ Тойнби-Голль помѣщаются 15 постоянныхъ членовъ поселенія, нѣкоторые изъ нихъ живутъ тамъ съ самаго основанія; кромѣ того, есть комнаты для гостей, которые, не дѣлаясь членами, могутъ временно жить тамъ и принимать участіе въ работѣ. Составъ членовъ поселенія очень разнообразенъ. Есть среди нихъ люди съ независимыми средствами, не нуждающимися въ заработкѣ и посвящающими все свое время общественной работѣ; но большинство имѣютъ какія-нибудь занятія и только часть своего времени удѣляютъ поселенію. Такъ, тамъ живутъ два священника, учитель одной изъ Уайтчепельскихъ школъ и пр. Политическія убѣжденія членовъ тоже весьма разнообразны. Одинъ изъ основныхъ принциповъ дѣятельности поселеній является отсутствіе политической окраски; поэтому въ поселеніяхъ мирно уживаются другъ съ другомъ консерваторы и радикалы, умѣренные и даже соціалисты. Впрочемъ, Тойнби-Голль отличается отъ другихъ поселеній тѣмъ, что большинство живущихъ въ немъ членовъ, въ томъ числѣ и самъ м-ръ Барнеттъ, принадлежатъ къ политическимъ радикаламъ. Нѣкоторые изъ живущихъ членовъ извлекли большую пользу изъ своего пребыванія въ поселеніи для научнаго изученія лондонскаго рабочаго класса. Такъ, двое изъ нихъ (м-ръ Эвсъ и Левелинъ Смитъ) принимали большое участіе въ замѣчательной работѣ Чарльза Бутса «Жизнь Лондона», которая заключаетъ въ себѣ подробное статистическое изслѣдованіе быта лондонскихъ рабочихъ; точно также тамъ заканчивали свое образованіе многія лица, сдѣлавшіяся потомъ видными общественными дѣятелями.

II.

Что представляетъ собою современное «поселеніе»?—«Если какой-нибудь посѣтитель заглянетъ вечеромъ въ Тойнби-Голль—говоритъ м-ръ Барнеттъ, завѣдующій этимъ поселеніемъ,—онъ увидитъ аудиторіи, полныя слушателями лекцій по исторіи или по геологіи, классы занятые небольшими группами учащихся, занимающихся англійской или иностранной литературой, или обсуждающихъ экономическіе вопросы, лабораторію въ рукахъ практикантовъ, библіотеку, занятую лицами, погруженными въ чтеніе, услышитъ въ клубной комнатѣ оживленные толки о разныхъ собраніяхъ и экскурсіяхъ, организуемыхъ студентами,—и придетъ къ заключенію, что это поселеніе есть нѣчто вродѣ

политехникума съ лекціями по университетскимъ предметамъ вмѣсто техническихъ. Но когда, вслѣдъ затѣмъ, онъ идетъ въ гостиную, гдѣ застаетъ кружокъ мѣстныхъ жителей, непринужденно бесѣдующихъ съ однимъ изъ «поселенцевъ», потомъ проходитъ черезъ площадку для лаунъ-тенниса, на которой подвизается оркестръ любителей, и, наконецъ, попадаетъ въ столовую, гдѣ происходитъ засѣданіе мѣстныхъ трэдъ-юніонистовъ или кооператоровъ — онъ приходитъ въ смущеніе и не знаетъ, къ какой категоріи отнести разсматриваемое учрежденіе».

Въ этомъ разнообразіи функцій и заключается характерная особенность «поселеній». Поселеніе является въ одно и то же время и образовательнымъ учрежденіемъ, и клубомъ, и центромъ мѣстной общественной жизни, и средоточіемъ различныхъ благотворительныхъ учрежденій, и пр., и пр.

Дѣятельность поселеній распадается на 3 отдѣла: просвѣтительная дѣятельность, участіе въ мѣстномъ самоуправленіи и благотворительность, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Остановимся, прежде всего, на участіи въ мѣстномъ самоуправленіи. Городское самоуправленіе въ Англіи все болѣе и болѣе захватываетъ тѣ отрасли общественной дѣятельности, которыя раньше находились въ рукахъ церкви: оно учреждаетъ школы для дѣтей и курсы для взрослыхъ, заботится о развлеченіяхъ и отдыхѣ трудящагося населенія, о помощи больнымъ и неимущимъ. Городскіе попечители о школахъ постоянно вводятъ всевозможныя усовершенствованія въ школьную систему, стараясь придать новый интересъ школьнымъ занятіямъ. Участковые совѣтники (District-Councillors) заботятся о санитарномъ состояніи улицъ и домовъ; они устраиваютъ парки и площади для игръ, строятъ безплатныя библіотеки и залы для общественныхъ собраній. Попечители о бѣдныхъ стараются организовать городскія больницы по послѣднему слову науки и превратить рабочіе дома въ практическія школы.

«Люди, желающіе помогать своимъ ближнимъ—говоритъ м-ръ Барнеттъ въ упомянутой уже книгѣ Reason'a,—устали отъ постоянныхъ препирательствъ между церковью и различными сектами и все болѣе и болѣе начинаютъ искать опоры въ городскихъ коммиссіяхъ и совѣтахъ (Boords and Councils)». Вся надежда Восточнаго Лондона,—говоритъ онъ далѣе,—покоится на городскомъ самоуправленіи, и то же можно сказать и объ остальныхъ кварталахъ Лондона и другихъ городовъ.

А городское самоуправленіе на окраинахъ нуждается въ присутствіи группы образованныхъ людей, которые будутъ толкать населеніе впередъ. Вліяніе Тойнби-Голля въ Восточномъ Лондонѣ уже привело къ осязательнымъ результатамъ: Уайтчепель обзавелся прекрасной безплатной библіотекой. Члены поселенія получили избирательныя права въ Уайтчепелѣ и стали агитировать за устройство городской безплатной читальни и библіотеки. Когда этотъ вопросъ впервые былъ поставленъ въ городскомъ совѣтѣ, онъ потерпѣлъ постыдное пораженіе,

Черезъ нѣсколько лѣтъ вопросъ о библіотекѣ снова былъ поднятъ и тутъ члены поселенія проявили большую энергію: наканунѣ голосованія они обошли 4.000 избирателей и усиленно агитировала въ пользу библіотеки. На этотъ разъ побѣда оказалась на ихъ сторонѣ. Такую же агитацію они ведутъ передъ выборами въ городское управленіе и школьный совѣтъ, настаивая, чтобы кандидаты включили въ свою программу извѣстныя соціальныя требованія. Одинъ изъ старѣйшихъ поселенцевъ Тойнби-Голля, м-ръ Неннъ, въ сотрудничествѣ съ другими жителями этого поселенія, реорганизовалъ на новыхъ началахъ благотворительную помощь въ Степнеѣ. По его иниціативѣ былъ образованъ комитетъ, въ который вошли также и представители мѣстныхъ трэдъ-юніоновъ и обществъ взаимопомощи (friendly society). Этотъ комитетъ считается образцовымъ для всего Лондона. Другой изъ членовъ Тойнби-Голля состоитъ членомъ Лондонскаго муниципальнаго совѣта (London County Council) и занимается жилищной нуждой своей окраины и санитарными реформами. Онъ былъ избранъ предсѣдателемъ строительнаго комитета, на обязанности котораго лежитъ постройка здоровыхъ и дешевыхъ домовъ для рабочаго населенія.

Особенно энергичную дѣятельность въ области мѣстнаго самоуправленія проявляетъ другое поселеніе «Mansfield House», расположенное на самой дальней лондонской окраинѣ—Canning-Town.

Mansfield House съ самаго своего возникновенія старался оказывать непосредственное вліяніе на общественную жизнь своего квартала. М-ръ Альденъ, завѣдующій этимъ поселеніемъ, сдѣлался членомъ городского совѣта и проявилъ очень энергическую дѣятельность въ смыслѣ проведенія разныхъ санитарныхъ реформъ. Напр., благодаря ему и другимъ членамъ поселенія, городской совѣтъ долженъ былъ согласиться на устройство общественныхъ бань, обошедшихся городской казнѣ въ 18.000 ф. ст. Они же агитировали, и съ успѣхомъ, за устройство безплатныхъ библіотекъ, настаивали на увеличеніи санитарной инспекціи. Далѣе, м-ръ Альденъ долгое время былъ предсѣдателемъ городского комитета по техническому образованію, и двое членовъ поселенія до сихъ поръ состоятъ членами отъ своей окраины въ Лондонскомъ школьномъ совѣтѣ. Одинъ изъ членовъ его состоитъ секретаремъ кружка мѣстныхъ рабочихъ, который ставитъ себѣ цѣлью помощь санитарнымъ инспекторамъ въ данной мѣстности. Для образчика ихъ дѣятельности можно привести слѣдующій случай: одинъ изъ членовъ кружка узналъ, что жители одного дома въ теченіе 6 недѣль сидѣли безъ воды, хотя они аккуратно вносили плату за квартиру и жаловались управляющему, который оставлялъ ихъ жалобы безъ вниманія. Тотчасъ же былъ произведенъ осмотръ этого дома и констатировано ужасное санитарное состояніе его. Кружокъ оказалъ соотвѣтствующее давленіе на санитарнаго инспектора, домовладѣлецъ былъ привлеченъ къ суду, и непорядки прекращены.

Такимъ образомъ, поселенія являются, такъ сказать, частными организаціями добровольцевъ въ помощь органамъ городскаго самоуправленія. Остальныя поселенія слѣдуютъ на этомъ пути за Mansfield House. Одинъ изъ членовъ Browning Hall, напримѣръ, предсѣдательствуетъ въ мѣстномъ комитетѣ электрическаго освѣщенія. Женскіе члены этого поселенія уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ выбираются попечительницами о бѣдныхъ. Кромѣ того, Browning Hall велъ дѣятельную агитацію въ пользу устройства парковъ для народа. До сихъ поръ въ Вольвортѣ, гдѣ находится это поселеніе, нѣтъ особаго парка. Единственнымъ уголкомъ зелени является мѣстное кладбище, которое, по настоянію членовъ поселенія, открыло свои ворота для гуляющихъ. Конечно, обитель смерти не можетъ считаться особенно пріятнымъ мѣстомъ для прогулокъ, но жители Лондонскихъ окраинъ нетребовательны, и по воскреснымъ днямъ тѣнистыя дорожки кладбища всегда полны народомъ и воздухъ оглашается веселыми криками дѣтей, бѣгающихъ вокругъ могилъ. По данному вопросу интеллигентныя поселенія, вѣрныя своему принципу, дѣйствуютъ сообща съ «ассоціаціей общественныхъ садовъ» (Metropolitan public garden Association), которая помагаетъ имъ и средствами, и практическими совѣтами, въ то время какъ члены поселенія указываютъ, куда слѣдуетъ направить дѣятельность и предлагаютъ свои услуги для переговоровъ съ мѣстными людьми. Mansfield House, въ союзѣ съ этой ассоціаціей, добилась устройства общественной площадки для игры въ крикетъ и усадила деревьями многія улицы своей окраины.

По отношенію къ просвѣтительной дѣятельности первое мѣсто занимаетъ старѣйшее изъ Лондонскихъ поселеній—Toynbee Hall, которое, по справедливости, можетъ быть названо «народнымъ университетомъ». Вотъ, напр., въ чемъ выражалась просвѣтительная дѣятельность Toynbee Hall въ 1898 г. (цитируемъ по послѣднему годовому отчету поселенія): какъ и въ прежніе года, тамъ читались курсы «распространенія университетскихъ знаній» (University extension). Курсы эти, по принятой въ University extension системѣ, сопровождались такъ называемыми «классами», т.-е. бесѣдами о пройденномъ въ лекціяхъ, кружками домашнихъ чтеній и засѣданіями всевозможныхъ научно-литературныхъ клубовъ. Больше всего слушателей привлекали курсы новѣйшей исторіи Европы (127 человѣкъ), исторіи Америки (61), всеобщей исторіи (50), геологіи (74), анатоміи и физіологіи (52). Лекціи по древнимъ и новымъ языкамъ и литературамъ привлекали уже гораздо меньше слушателей—французская литература—7 человѣкъ, нѣмецкая—10, итальянская—5, еврейская—3 и т. д. Помимо посѣщенія этихъ курсовъ, учащіеся въ Тойнби-Голль организуютъ между собою многочисленныя общества, въ которыхъ, подъ руководствомъ тѣхъ же профессоровъ, самостоятельно занимаются интересующими ихъ предметами. Такъ, при Тойнби-Голль существуютъ слѣдующія общества: есте-

ственно-научное общество, раздѣляющееся на двѣ секціи—зоологическую и ботаническую—и имѣющее 169 членовъ; антикварное общество (100 членовъ), клубъ путешественниковъ (214 членовъ), союзъ учащихся въ Тойнби-Голль (400 членовъ), общество изученія литературы періода Елизаветы (126 членовъ), Шекспировское общество (31 членъ), экономическій клубъ (30 членовъ), художественный клубъ (24 члена) и пр. Большинство этихъ обществъ имѣетъ годовой членскій взносъ въ 1 шил. Кромѣ совмѣстныхъ занятій, члены ихъ устраиваютъ еще образовательныя экскурсіи въ окрестности Лондона, или осмотры разныхъ достопримѣчательностей, связанныхъ съ изучаемымъ предметомъ. Такъ, естественно-научное общество предприняло въ прошломъ году рядъ экскурсій къ берегу моря, съ цѣлью собиранія коллекціи морскихъ животныхъ; члены антикварнаго общества осматривали Британскій музей и старинныя Лондонскія церкви; шекспировское общество занималось подробнымъ изученіемъ и чтеніемъ по ролямъ нѣсколькихъ драмъ Шекспира и, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, организовало «Шекспировскій праздникъ»; литературный клубъ организовалъ цѣлый рядъ литературныхъ вечеровъ, посвященныхъ лекціямъ о разныхъ писателяхъ и чтенію отрывковъ изъ ихъ произведеній. (На одномъ изъ такихъ вечеровъ извѣстная писательница, м-съ Гемфри Уордъ дѣлала сообщеніе о «мужикѣ въ современномъ романѣ»). Экономическій клубъ въ теченіе прошлаго отчетнаго года занимался преимущественно вопросами мѣстнаго самоуправленія; тамъ дебатировались, между прочимъ, вопросъ о границахъ дѣятельности совѣта Лондонскаго графства, жилищный вопросъ и та роль, которую можетъ играть въ разрѣшеніи ею тотъ же совѣтъ Лондонского графства, муниципальная политика вообще и пр. Понятно, что всѣ эти общества, лекціи, экскурсіи и пр. вносятъ совершенно новую струю въ монотонную жизнь окраинъ, расширяютъ горизонты представителей низшихъ классовъ, создаютъ имъ новые интересы. Очень интереснымъ учрежденіемъ является «клубъ путешественниковъ», организованный при Тойнби-Голлѣ. Клубъ этотъ, насчитывающій 214 членовъ, организуетъ на экономическихъ основаніяхъ экскурсіи по Англіи и даже за границу—трехъ-недѣльныя экскурсіи въ Италію, недѣльныя путешествія въ Бельгію, Францію или Германію и, наконецъ, путешествія въ Испанію и Грецію, продолжающіяся почти мѣсяцъ. Цѣна такихъ экскурсій колеблется на наши деньги между 200 и 300 р.; поэтому очевидно, что они недоступны для той бѣднѣйшей части населенія, для которой собственно, предназначается вся работа поселеній. Въ нихъ принимаютъ участіе, главнымъ образомъ, учителя и учительницы начальныхъ школъ и другіе мѣстные служащіе. Тойнби-Голль вообще часто упрекаютъ въ томъ, что устраиваемыя тамъ лекціи, собранія и пр. разсчитаны на слишкомъ культурную публику, что оно является просвѣтительнымъ центромъ и мѣстомъ отдыха скорѣе для лицъ средняго класса, а не рабочихъ. И

упреки эти, отчасти, конечно, справедливы. Но есть одно учрежденіе, которое привлекаетъ къ себѣ спеціально-рабочую публику. Это такъ называемые «курительные вечера» (smoking debates). Разъ въ недѣлю Тойнби-Голль открываетъ свои двери для всѣхъ, желающихъ обсуждать какой-нибудь заранѣе назначенный вопросъ, представляющій общественный или политическій интересъ. На эти дебаты обыкновенно собирается человѣкъ 200—250 рабочихъ (аудиторія, собирающаяся на лекціи, рѣдко бываетъ такъ многочисленна—съ грустью замѣчаетъ составитель отчета), и дебаты ведутся съ большимъ оживленіемъ. Въ прошломъ году темою для деботовъ служили, напримѣръ, слѣдующіе вопросы: организація школьныхъ совѣтовъ, значеніе наслѣдственной палаты лордовъ, политическое воспитаніе, пенсіи престарѣлымъ рабочимъ, кооперація, датчане въ Южной Африкѣ, Британскій флотъ и пр. Собранія обыкновенно начинаются небольшой вступительной рѣчью, намѣчающей предметъ обсужденія, и затѣмъ начинаются дебаты. По словамъ составителя отчета, единственной непріятной стороной этихъ преній является обнаруживающаяся во время ихъ «чрезвычайная приверженность рабочихъ къ соціализму», которую они высказываютъ по всякому поводу, и каждый вопросъ разсматриваютъ именно съ этой точки зрѣнія. Надо замѣтить, что члены поселеній, вообще, люди очень умѣренные и къ соціализму относятся враждебно, хотя сила вещей заставляетъ ихъ во многихъ случаяхъ идти рука объ руку съ соціалистами. Такъ, проповѣдуя полное безпристрастіе и безпартійность, они, тѣмъ не менѣе, на выборахъ всегда поддерживаютъ рабочихъ кандидатовъ.

Кромѣ этихъ спеціальныхъ дебатовъ, въ Тойнби-Голль часто собирается и болѣе смѣшанная аудиторія. Тамъ, обыкновенно, происходятъ собранія мѣстныхъ кооператоровъ, санитарныхъ попечителей, членовъ мѣстнаго отдѣла «общества каникулъ» (Country Holiday Fund), о которомъ еще будетъ рѣчь ниже, собранія учителей и проч.

Кромѣ лекцій, дебатовъ и проч., поселенія заботятся также о доставленіи обитателямъ Лондонскихъ окраинъ разумныхъ развлеченій, имѣющихъ воспитательное значеніе. Такъ, они ежегодно устраиваютъ выставки картинъ лучшихъ старинныхъ и современныхъ художниковъ, привлекающія массы посѣтителей. Въ Уайтчепелѣ, до возникновенія Тойнби-Голль, такія выставки ежегодно устраивались приходомъ, но съ 1889 г. это дѣло перешло въ руки поселенія и сразу стало на болѣе раціональную почву. Въ настоящее время уже собранъ порядочный фондъ для постройки постояннаго зданія для картинныхъ выставокъ въ Уайтчепелѣ. Въ прошломъ году выставку, открытую въ теченіе 14 дней, посѣтило 52.000 человѣкъ; подобную же выставку, устроенную поселеніемъ Mansfield-House на другой Лондонской окраинѣ, посѣтило 120.000 человѣкъ; на выставкѣ, устроенной Bermondsey-Settlement, перебывало 11.675 человѣкъ. Устроители выставокъ просятъ каждаго

посѣтителя, побывавшаго на выставкѣ, оставить билетикъ съ обозначеніемъ той картины, которая ему больше всего понравилась, и любопытно, что среди публики Лондонскихъ предмѣстій наибольшими симпатіями пользуются картины такъ называемыхъ прерафаэлитовъ—символическія картины на соціальныя темы Уаттса, картины Бернъ-Джонса, Гольмана Гёнта и др.

Затѣмъ, поселенія устраиваютъ концерты на открытомъ воздухѣ, чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, организуютъ клубы, посвященные разнымъ родамъ спорта и играмъ, классы хороваго пѣнія и пр. «Browning Hall разъ въ мѣсяцъ открываетъ свои двери для всѣхъ «сосѣдей»—знакомыхъ и незнакомыхъ—которые приходятъ туда провести вечеръ, послушать музыку и поговорить съ членами поселенія.

Кромѣ всего этого, отдѣльныя поселенія ищутъ и новыхъ путей для помощи окружающему населенію: Browning Hall, напримѣръ, устроилъ у себя безплатную юридическую консультацію, которой приходится, главнымъ образомъ, вести дѣла по недоразумѣніямъ, возникающимъ между рабочими и предпринимателями; Mansfield-House основалъ дешевыя квартиры для лицъ, временно остающихся безъ заработка, и т. д.

Обратимся теперь къ женскимъ поселеніямъ и посмотримъ, въ чемъ заключается ихъ работа. Прежде всего, нужно сказать, что женскія поселенія, въ общемъ, менѣе интересны, чѣмъ мужскія: дѣятельность ихъ менѣе разнообразна, они спеціализировались почти исключительно на благотворительности. Тѣмъ не менѣе, практическая постановка ихъ работы заключаетъ въ себѣ много поучительнаго.

Въ Лондонѣ существуетъ 5 женскихъ поселеній. Кромѣ того, во всѣхъ остальныхъ поселеніяхъ есть живущіе члены-женщины, которыя занимаются тѣмъ же дѣломъ, какъ и спеціально-женскія поселенія. Раньше всѣхъ возникло женское университетское поселеніе въ Соутваркѣ, которое было основано въ 1887 году на средства, собранныя въ женскихъ колледжахъ Оксфорда и Кэмбриджа. Но, какъ и въ мужскихъ поселеніяхъ, связь съ университетомъ оказалась очень слабой и въ настоящее время болѣе половины членовъ поселенія не имѣютъ ничего общаго съ университетомъ. Еще въ большей степени это примѣнимо къ лицамъ, работающимъ въ поселеніи, но не живущихъ въ немъ. Остальныя женскія поселенія возникли совершенно независимо отъ университета.

Вотъ недѣльное росписаніе занятій въ женскомъ поселеніи въ Canning-Town:

Понедѣльникъ:

9.15 — 11.45. — Школа для дѣтей калѣкъ.
10 — 4. — Амбулаторный пріемъ.
11 — 4. — Засѣданіе бюро для пріисканія занятій нуждающимся женщинамъ.

6 — 7. — Засѣданіе женскаго общества взаимопомощи на случай болѣзни.
6.30 — 8. — Собраніе матерей.
7.30. — Клубъ фабричныхъ работницъ.

Вторникъ:

11 — 1. — Мастерская шитья.
3. — Собраніе матерей.
7 — 9. — Засѣданіе женской кооперативной гильдіи.
8.30. — Клубъ дѣвочекъ (музыка).

Среда:

9.15 — 11.45. — Школа для дѣтей калѣкъ.
3. — Засѣданіе общества трезвости.
7. — Клубъ фабричныхъ дѣвочекъ (шитье).
7.30. — Клубъ фабричныхъ работницъ (шитье).
8. — Хоровой классъ.

Четвергъ:

9.15 — 11.45. — Школа для дѣтей-калѣкъ.
10 — 4. — Собраніе попечителей о бѣдныхъ Вестъ-Гама.
11 — 1. — Бюро для пріисканія занятій.
2 — 5. — Амбулаторный пріемъ.
4.30 — 6.30. — Игры для дѣтей калѣкъ.
7 — 10. — Гильдія молодыхъ женщинъ.

Изъ этого росписанія, которое можетъ считаться типичнымъ для всѣхъ женскихъ поселеній, видно, что женскія поселенія сосредоточиваютъ свою дѣятельность преимущественно на помощи женщинамъ и дѣтямъ. Они работаютъ, главнымъ образомъ, въ сотрудничествѣ съ двумя учрежденіями—съ благотворительнымъ обществомъ (Charity Organisation) и обществомъ школьныхъ каникулъ (Country Holiday Fund). Послѣднее общество представляетъ собою одну изъ самыхъ цвѣтущихъ благотворительныхъ организацій Лондона. Дѣятельность его заключается въ томъ, чтобы отправлять въ деревню на лѣтнія каникулы наиболѣе бѣдныхъ и болѣзненныхъ дѣтей изъ лондонскихъ начальныхъ школъ. Всякій, знакомый съ ужасными санитарными условіями лондонскихъ окраинъ, пойметъ, какое огромное значеніе имѣютъ эти деревенскія каникулы для заморенныхъ городскихъ ребятъ. Организація этого дѣла отличается чисто англійской практичностью и простотою. Члены мѣстныхъ отдѣленій общества заранѣе списываются съ окрестными фермерами о томъ, нельзя ли за извѣстную плату помѣстить у нихъ на каникулы партію дѣтей. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, о фермахъ собираются самыя обстоятельныя свѣдѣнія и обыкновенно кто-нибудь изъ членовъ общества ѣдетъ осматривать ихъ, прежде чѣмъ послать туда дѣтей. Затѣмъ, въ назначенный день партія дѣтей соби-

рается на вокзалѣ, члены общества отправляютъ ихъ однихъ къ мѣсту назначенія, поручивъ надзоръ за маленькими пассажирами кондуктору. Такимъ образомъ, каждое лѣто изъ Лондона отправляются десятки тысячъ дѣтей и эта простая организація оказывается наиболѣе удобной и пріятной. Дѣти живутъ въ деревнѣ на свободѣ, не стѣсненныя постояннымъ надзоромъ и формализмомъ пріютской жизни, и обществу это обходится гораздо дешевле, чѣмъ содержать цѣлый штатъ надзирателей. Другой важной отраслью дѣятельности женскихъ поселеній являются клубы для работницъ. Въ женскомъ поселеніи въ Canning-Town два клуба—одинъ для дѣвочекъ моложе 17 лѣтъ, другой—для старшихъ дѣвушекъ. Замужнія женщины обыкновенно не посѣщаютъ клубовъ. Для нихъ поселенія устраиваютъ такъ называемыя «собранія матерей», на которыхъ ведутся бесѣды по гигіенѣ, воспитанію дѣтей, домоводству и другимъ практическимъ вопросамъ, имѣющимъ непосредственный интересъ для нихъ.

Клубъ открытъ 4 раза въ недѣлю и обыкновенно очень хорошо посѣщается. Дѣвочки занимаются шитьемъ, музыкой и чтеніемъ. Особенный успѣхъ имѣютъ уроки музыки. Иногда въ клубахъ устраиваются литературно-музыкальные вечера.

Къ женскимъ поселеніямъ можно отнести также поселеніе Пассморъ—Едвардса (Passmore-Edwards Settlement), потому что оно возникло по иниціативѣ одной изъ самыхъ выдающихся современныхъ англійскихъ женщинъ, которая и до сихъ поръ является душою всего дѣла—м-съ Гемфри Уордъ. На этомъ поселеніи стоитъ остановиться подробнѣе.

Въ одномъ изъ своихъ романовъ «Robert Elsmere» м-съ Уордъ избрала своимъ героемъ молодого священника, который, подъ вліяніемъ охватившихъ его сомнѣній въ догматической сторонѣ религіи, отказывается отъ своего духовнаго сана, поселяется среди лондонской бѣдноты и проповѣдуетъ «новое христіанство», свободное отъ всякой церковности и выдвигающее на первый планъ нравственное ученіе Христа. Романъ этотъ надѣлалъ много шуму въ Англіи и сразу создалъ его автору крупное литературное имя. Но м-съ Уордъ не ограничилась одной литературной проповѣдью и, для проведенія въ жизнь идей Роберта Эльсмера, основала небольшое поселеніе въ одномъ изъ лондонскихъ кварталовъ, населенныхъ преимущественно рабочими; цѣлью этого поселенія, первоначально называвшагося University-Hall, было популяризировать раціональную критику библіи. Надо сказать, впрочемъ, что, по мѣрѣ того, какъ дѣло развивалось, эта основная цѣль все болѣе и болѣе отступала на задній планъ и въ настоящее время она играетъ лишь самую незначительную роль въ ряду другихъ отраслей дѣятельности поселенія; въ 1897 г. оно перешло въ новое, значительно большее помѣщеніе, пожертвованное извѣстнымъ въ Англіи богачемъ-филантропомъ, м-ромъ Пассморъ-Едвардсомъ, именемъ котораго и называется теперь поселеніе.

Въ поселеніи Пассморъ-Едвардса мы находимъ своеобразную организацію, которая выдѣляетъ его изъ среды другихъ поселеній: кромѣ членовъ, отдающихъ поселенію свою работу или денежные взносы, это поселеніе имѣетъ еще группу членовъ-товарищей (Associetes) изъ рабочей среды. Эти члены (около 350 человѣкъ мужчинъ и женщинъ) составляютъ главный контингентъ посѣтителей поселенія. Они пользуются правомъ слушанія лекцій по уменьшенной цѣнѣ, правомъ безплатнаго пользованія библіотекою и пр. Разъ въ недѣлю они собираются провести вечеръ въ поселеніи. Каждый новый товарищъ, при вступленіи своемъ, подписывается подъ символомъ вѣры поселенія, въ которомъ, между прочимъ, стоятъ слѣдующіе пункты:

«Мы вѣримъ, что необходимы многія перемѣны въ условіяхъ жизни и труда и что эти перемѣны должны наступить; но мы вѣримъ также, что люди могли бы быть гораздо счастливѣе и при современныхъ условіяхъ, измѣнивши только самихъ себя, свой внутренній міръ».

Это подчеркиванье этическаго элемента является одной изъ особенностей даннаго поселенія, которое, впрочемъ, преслѣдуетъ, главнымъ образомъ, тѣ же цѣли, какъ и остальныя поселенія: также читаются лекціи, устраиваются клубы, организуются курсы домоводства для женщинъ, оказывается помощь дѣтямъ и пр. Какъ и въ другихъ женскихъ поселеніяхъ, на дѣтей обращается особенное вниманіе. «Поселеніе всегда кишитъ дѣтьми»,—говорится въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ журнала поселенія, называемомъ «Товарищъ» и выходящемъ 4 раза въ годъ. (Между прочимъ, почти всѣ поселенія, кромѣ годовыхъ отчетовъ, имѣютъ и періодическіе листки, въ которыхъ описывается все происходящее въ нихъ). Они приходятъ сюда послушать, какъ м-съ Уордъ читаетъ вслухъ Киплинга или Стивенсона; или обучаться музыкѣ и хоровому пѣнію; или учиться какимъ-нибудь ремесламъ и принимать участіе въ дѣтскихъ клубахъ. Конечно и здѣсь есть школа для дѣтей калѣкъ.

По воскресеньямъ члены-товарищи собираются въ поселеніи, въ большой залѣ. Эти собранія имѣютъ совершенно семейный характеръ: матери сидятъ по стѣнкамъ, пьютъ кофе и бесѣдуютъ другъ съ другомъ, между тѣмъ какъ молодежь танцуетъ или поетъ хоромъ.

Благодаря щедрости м-ра Пассморъ-Едвардса, пожертвовавшаго на это дѣло 12.000 ф. ст. (120.000 р. на наши деньги), это поселеніе, начавшееся такъ скромно, въ скоромъ времени, вѣроятно, займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду другихъ Лондонскихъ поселеній.

Л. Давыдова.

МИЛОСЕРДІЕ.

Романъ Уилльяма Д. Гоуэллса.

Переводъ съ англійскаго С. А. Гулишамбаровой.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

I.

Человѣкъ Нортвика, Элбриджъ, выѣхалъ въ легкихъ санкахъ на станцію желѣзной дороги встрѣтить своего барина. Поѣздъ немного опоздалъ, а Элбриджъ явился слишкомъ рано. Постоявъ на станціи нѣсколько минутъ, какъ того требовало приличіе, онъ началъ проваживать по улицѣ, взадъ и впередъ, лошадей своихъ съ подрѣзанными хвостами. На ходу ихъ тонкая шерсть вздрагивала и струилась волнистымъ лоскомъ. Онѣ медленно и свободно поднимали и опускали головы, причемъ колокольчики ихъ оглушительно звенѣли всѣ разомъ. Эти трескучіе звуки, вызванные ихъ твердымъ и сильнымъ алюромъ, замирали вдали, разсыпаясь мелкою музыкальною дробью. Все время Элбриджъ, не переставая, нѣжно разговаривалъ съ ними, уснащая рѣчь крѣпкими словечками съ безсознательною невоздержанностью простолюдина-янки, которому судьба опредѣлила жить въ лошадиномъ обществѣ. Во время остановокъ при каждомъ поворотѣ онъ выпускалъ цѣлый потокъ дружественныхъ ругательствъ въ отвѣтъ на пріятельскія проклятія трехъ или четырехъ другихъ кучеровъ, ожидавшихъ поѣзда.

— Послушай-ка, Элбриджъ, когда же подаришь ты мнѣ эту старую шляпенку, что у тебя на головѣ? — спросилъ одинъ изъ нихъ такимъ зычнымъ голосомъ, что Элбриджъ услыхалъ бы его за добрую полумилю, хотя разстояніе между ними было не болѣе восьми футовъ.

— Зачѣмъ тебѣ другая подержанная шляпа, распроклятый старый колпакъ? — огорошилъ его въ свою очередь Элбриджъ.

Тотъ весь скорчился отъ веселаго смѣха и хлопнулъ себя по ногѣ. Но тутъ послышался свистъ локомотива; онъ выпрямился снова и произнесъ: «Ладно! машина запыхтѣла, наконецъ!» словно цѣль его была достигнута.

Изъ поѣзда вышли только мистеръ Герришъ и Нортвикъ. Мистеръ Герришъ никакъ не могъ прійти въ себя отъ того замѣчательнаго обстоятельства, что проѣхалъ всю дорогу отъ Бостона въ одномъ поѣздѣ съ Нортвикомъ, не зная объ этомъ; но Нортвикъ отнюдь не былъ расположенъ раздѣлять его изумленіе. Онъ быстро проскользнулъ мимо мистера Герриша и усѣлся на мѣсто приготовленное ему Элбриджемъ въ санкахъ.

Было около шести часовъ, когда Нортвикъ поднялся къ южной окраинѣ улицы; было еще такъ свѣтло, что, пожалуй, можно было читать, и маленькая тонкая фигура человѣка, выросшая словно изъ подъ земли посреди дороги, выступила съ поразительной яркостью. Человѣкъ этотъ, должно быть, лежалъ въ снѣгу, потому что лошади съ внезапнымъ испугомъ рванулись назадъ, въ сторону отъ проѣзжей дороги, словно онъ ихъ отстранилъ рукою, заставивъ рысаковъ и сани окунуться въ ухабы снѣга.

Онъ остановился на мгновеніе. Но и этого мгновенія было достаточно ему, чтобы окинуть Нортвика презрительнымъ взглядомъ, а затѣмъ пройтися по дорогѣ неспѣшнымъ шагомъ до глубокой выбоины въ снѣгу, шедшей отъ ближайшаго дома. Здѣсь онъ остановился и смотрѣлъ, какъ трудно было Нортвику успокоить лошадей и вывести ихъ снова на дорогу. Онъ не сказалъ ни слова, Нортвикъ тоже хранилъ молчаніе. Элбриджъ проворчалъ сквозь зубы: «Онъ опять нализался», а лошади дружно рванулись впередъ, зазвенѣвъ всѣми своими бубенчиками.

Нортвикъ не разжималъ губъ вплоть до въѣзда въ сосновую аллею, которая съ большой дороги вела къ его дому. Сосны были еще окутаны снѣгомъ, а ихъ нижнія вѣтви были зарыты въ сугробы.

— Что такое съ жеребцомъ?—спросилъ Нортвикъ.

— Должно, тотъ малый не больно понимаетъ свое дѣло; сдается мнѣ, одна подкова плохо прилажена.

— Не мѣшало бы осмотрѣть ее.

Нортвикъ передалъ возжи Элбриджу и вышелъ изъ санокъ у гранитной лѣстницы, которая вела въ нижній этажъ его деревянныхъ палатъ. Входъ открывался на широкую веранду въ видѣ портика съ рѣзными ажурными украшеніями изъ дерева. Несмотря на внѣшнее впечатлѣніе чего-то крайне непрочнаго, присущее всякой деревянной постройкѣ, домъ Нортвика внушалъ съ перваго же взгляда идею о полнѣйшемъ комфортѣ и уютности. Кругомъ веранды были окна съ двойными рамами. Изъ оконъ лился мягкій, ласкающій зрѣніе, свѣтъ электрическихъ лампъ, разгонявшій вечерній сумракъ. Когда двери дома распахнулись передъ Нортвикомъ, его обдало пріятнымъ тепломъ вмѣстѣ съ благоуханіемъ цвѣтовъ и вкуснымъ запахомъ обѣда.

— Обѣдъ сейчасъ подаютъ, сэръ,—доложилъ лакей, кладя пальто и шляпу Нортвика съ почтительной аккуратностью на столъ въ передней.

Нортвикъ остановился въ раздумьѣ. Онъ стоялъ у отдушины и разсѣянно держалъ свои руки въ пріятной теплотѣ, струившейся изъ паровыхъ трубокъ снизу.

— Барышни думали, что вы пріѣдете домой съ слѣдующимъ поѣздомъ,—объяснилъ лакей, когда изъ столовой донеслись звуки голосовъ.

— Что у нихъ гости?—спросилъ Нортвикъ.

— Точно такъ, сэръ. Пасторъ, сэръ, мистеръ Уэдъ, сэръ.

— Я прійду немного погодя,—сказалъ Нортвикъ, собираясь подняться наверхъ.—Скажите, что я поздно позавтракалъ передъ выѣздомъ изъ города.

— Слушаю, сэръ,—отвѣчалъ лакей.

Нортвикъ поднялся наверхъ, звуки его шаговъ заглушались толстымъ пушистымъ ковромъ, и повернулъ въ кабинетъ, примыкавшій къ его спальнѣ. Кабинетъ этотъ былъ гостиной его жены впродолженіи немногихъ лѣтъ ея жизни въ этомъ домѣ, который онъ построилъ для нея и въ которомъ супруги разсчитывали скоротать вмѣстѣ вѣкъ свой. Комната эта выходила на югъ и изъ нея открывался видъ на оранжереи и сады, тянувшіеся позади дома вплоть до дремучаго лѣса, за которымъ ютились живописныя дачи Южнаго Гатборо. Она сама поставила свою качалку въ амбразурѣ окна на солнечной сторонѣ и Нортвикъ не позволилъ касаться этой качалки со времени ея смерти. Въ одной изъ нишъ онъ отвелъ мѣсто несгораемому шкапу, гдѣ хранились его бумаги. Жена его предназначала этотъ шкапъ для серебра, но боязнь ночныхъ воровъ заставила ее измѣнить свое намѣреніе и она всегда держала серебро въ буфетѣ, въ столовой.

Всю свою жизнь она была трусливымъ созданіемъ и, выйдя замужъ, чувствовала себя въ безопасности только въ присутствіи Нортвика. Портретъ ея, написанный Гунтомъ *), висѣлъ надъ каминомъ и въ немъ отразилась типичная черта ея душевнаго склада, хотя художникъ постарался извлечь самые выгодные эффекты изъ бѣлокурой красоты этой хрупкой женщины среднихъ лѣтъ; онъ придалъ ея лицу въ общемъ выраженіе согласовавшееся скорѣе съ его собственнымъ независимымъ, смѣлымъ стилемъ, чѣмъ съ дѣйствительностью. Въ сущности, она была одною изъ тѣхъ женщинъ съ куринымъ умомъ и мелкою душою, представляющихъ самое заурядное явленіе въ жизни; стремленія ихъ чрезвычайно ограничены и узки, а страхи и тревоги до крайности разнообразны. Ея скопидомческій инстинктъ пережилъ дни тяжелой борьбы, когда онъ являлся подспорьемъ инстинкту наживы въ Нортвикѣ. Она жила и умерла въ сладкой увѣренности, что содѣйствовала его благосостоянію, сберегая аккуратно всевозможный ничего нестоющій и никому ненужный хламъ. Но Нортвикъ былъ съ нею счастливъ пассивно, и послѣ ея смерти онъ часто вспоминалъ о

*) Извѣстный американскій художникъ. *Прим. переводч.*

ней, хотя при жизни мало придавалъ ей значенія, вслѣдствіе ея несносныхъ треволненій и полнѣйшей безполезности въ серьезныхъ дѣлахъ.

Ему часто казалось, что онъ ни о чемъ не думаетъ, а затѣмъ онъ открывалъ, что думаетъ о ней. Въ такіе дни онъ тосковалъ и больно чувствовалъ ея потерю. Но, быть можетъ, тутъ скорѣе дѣло было въ привычкѣ, а не въ привязанности. Теперь онъ опустился на свое вертящееся кресло и повернулъ его отъ письменнаго стола, стоявшаго на коврѣ передъ каминомъ; онъ взглянулъ въ глаза портрета, ощущая ея неуловимое присутствіе въ немъ и страстно желая успокоить свою душу въ ея душѣ. Она была единственнымъ существомъ, которое онъ могъ заставить по своему желанію не видѣть его такимъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Она никогда бы не повѣрила даже его словамъ, скажи онъ ей, что онъ *воръ*. А такъ какъ онъ намѣревался идти все дальше и дальше по пути воровства, то ея любовь сгладила бы ему этотъ путь, слѣпо принявъ тѣ умозрѣнія и соображенія, которыя лежали въ основѣ его намѣреній и служили для нихъ прикрытіемъ подъ видомъ вынужденныхъ обстоятельствъ. Онъ думалъ, что даже родная мать не могла бы оказать ему такую поддержку; она могла бы имѣть къ нему состраданіе, но онъ не нашелъ бы у нея поблажки. Въ тайникѣ своего сердца, подъ видомъ всевозможныхъ оговорокъ, Нортвикъ отлично зналъ, что никакое состраданіе не могло ему помочь. Но онъ нуждался въ немъ. Мы всѣ нуждаемся иногда въ томъ, что̀ для насъ отрадно и дурно. Сдѣлавшись воромъ и намѣреваясь въ душѣ имъ остаться, онъ искалъ въ изображеніи лица покойной жены убѣжища отъ взгляда всѣхъ живыхъ людей. Лицо это не могло считать его за вора.

Это слово такъ сильно занимало его мысль, что казалось вотъ-вотъ оно сорвется у него съ языка. Этимъ словомъ назвалъ его предсѣдатель совѣта директоровъ общества, когда фактъ его мошенническихъ продѣлокъ съ компанейскими книгами былъ поставленъ ему на видъ съ такою ясностью, что съ его стороны стало невозможнымъ даже безумное отрицаніе, къ которому инстиктивно прибѣгаетъ каждый преступникъ. Остальные директора сидѣли смущенные и печальные и не произнесли ни слова. Заурядная пошлость повседневной жизни не развила въ нихъ способности къ сильному выраженію своихъ эмоцій. Однако, предсѣдатель совѣта вскочилъ съ своего мѣста и подошелъ къ Нортвику съ угрожающимъ видомъ.

— Что значитъ вся эта канитель, милостивый государь? Я скажу вамъ сейчасъ, что она такое. Это значитъ, что вы—воръ, милостивый государь, все равно, какъ еслибы вы стащили у меня кошелекъ изъ кармана или украли мою лошадь, или унесли мое пальто изъ передней.

Онъ трясъ сжатымъ кулакомъ у самаго носа Нортвика и казалось вотъ-вотъ схватитъ его за горло. Впослѣдствіи онъ больше дру-

гихъ директоровъ склонялся къ милосердію. Онъ подалъ голосъ за то, чтобъ Нортвику были даны три дня отсрочки на приведеніе въ порядокъ его дѣлъ и на представленіе директорамъ доказательства, что онъ обладаетъ сполна средствами, какъ онъ утверждалъ, для пополненія дефицита.

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вамъ удалось раздѣлаться съ этимъ ради вашего семейства, — сказалъ ему предсѣдатель на прощанье;—но все равно, милостивый государь, вы воръ.

Онъ величественно заложилъ руки въ карманы, когда остальные директора, прощаясь съ Нортвикомъ, обмѣнялись съ послѣднимъ безсмысленными рукопожатіями, и прошелъ мимо него торопливымъ шагомъ, не глядя на него. Затѣмъ онъ неожиданно вернулся назадъ и сказалъ ему приблизительно слѣдующее:

— Если бы дѣло касалось лишь одного васъ, я съ радостью потерялъ бы большую сумму чѣмъ та, которую вы у меня украли, лишьбы имѣть удовольствіе видѣть, какъ на ваши руки констебль надѣнетъ кандалы въ этой комнатѣ и отведетъ васъ въ тюрьму по улицѣ, на виду у всѣхъ. Ни одинъ честный человѣкъ, ни одинъ человѣкъ не сдѣлалъ бы того, что сдѣлали вы, не будь онъ мошенникомъ въ душѣ. Вы цѣлые годы плутовали съ книгами и съ такою дьявольскою ловкостью умѣли замазать всѣмъ глаза, что по сей день никто ничего не подозрѣвалъ. Вы употребили много ума на вашу мошенническую работу, милостивый государь, вы затратили на нее весь свой умъ сполна; не будь вы такъ рьяны въ вашемъ стремленіи воровать удачно, вы бы старались воспользоваться своими кражами съ бо́льшимъ умомъ. У васъ могло бы остаться кое-что изъ наворованнаго, но, повидимому, вы все промотали глупѣйшимъ образомъ, ни дать ни взять, какъ мелкотравчатый жуликъ... Да, милостивый государь, по моему, вы принадлежите именно къ этому низкосортному типу воровъ. Я не могу уважать васъ даже въ вашей собственной сферѣ дѣятельности. Но я хочу дать вамъ просимую вами возможность ради вашей дочери. Она постоянно бывала у меня въ домѣ вмѣстѣ съ моей дочерью, я привыкъ смотрѣть на нее, какъ на своихъ родныхъ дѣтей, и я готовъ сдѣлать все, чтобы избавить отца ея отъ тюрьмы. Поймите меня хорошенько! У меня нѣтъ ни малѣйшаго сочувствія къ *вамъ*, Нортвикъ. Мнѣ было бы пріятно увидѣть такого мошенника, какъ вы, въ арестантской курткѣ, за работою сапожныхъ щетокъ. Но вамъ будетъ дана возможность отправиться домой и поразмыслить, въ состояніи ли вы расплатиться такъ или иначе. Пока что, васъ оставятъ въ покоѣ. Въ теченіе трехъ дней вы сохраните передъ свѣтомъ свой декорумъ... Но если вамъ угодно знать мое желаніе, то для васъ было бы лучше всего—по дорогѣ домой быть раздавленнымъ встрѣчнымъ поѣздомъ.

Слова и взгляды этого человѣка были выжжены въ памяти Нортвика, которая теперь, казалось, обладала способностью воспроизводить

ихъ одновременно. Нортвику живо представилось его багровое лицо съ глазами на выкатѣ и его огромный, колеблющійся животъ, которымъ онъ ударился о косякъ двери, когда, уходя, быстро повернулся во второй разъ. Остальные директора стояли тутъ же кругомъ, въ застегнутыхъ до верху пальто,—одни изъ нихъ были въ шляпахъ и имѣли такой видъ, словно ихъ пришибло обухомъ, другіе держали свои шляпы въ рукахъ, опустивъ глаза внизъ съ подобающимъ отсутствіемъ выраженія, словно на похоронахъ. Затѣмъ они удалились, оставивъ его одного въ кабинетѣ казначея.

II.

Если бы предсѣдатель воздержался отъ бурнаго выраженія своего негодованія, Нортвикъ могъ бы уйти изъ собранія послѣ огласки своихъ растратъ, безъ вреда для своего личнаго достоинства. Но при данныхъ обстоятельствахъ онъ чувствовалъ себя, что̀ называется, сбитымъ съ позиціи; однако, благодаря преобладающему свойству его характера, онъ снова подбодрился и вернулъ свою прежнюю неунывающую самоувѣренность. Такая перемѣна настроенія совершилась въ немъ очень быстро. Онъ слишкомъ привыкъ «воображать» себя человѣкомъ, который употребляетъ ввѣренные ему вклады на различныя предпріятія рискованнаго характера, порою успѣшныя, а подчасъ прогоравшія, но во всѣхъ случаяхъ обезпеченныя его личною честностью и денежной благонадежностью. Въ самомъ дѣлѣ, онъ уже не разъ пополнялъ до чиста всѣ взятыя имъ суммы и, практикуя эти сдѣлки, понемногу сталъ такъ же вѣрить самому себѣ, какъ вѣрили ему люди, не подозрѣвавшіе о его неправильныхъ дѣйствіяхъ. Ему льстило, такъ или иначе, полное довѣріе, которое они къ нему питали, хотя онъ и считалъ, что ему оказывали только должное. Онъ всегда заслуживалъ довѣріе и пользовался имъ со стороны лицъ, вступавшихъ съ нимъ въ дѣловыя отношенія, и мало-по-малу сталъ смотрѣть на капиталъ товарищества, какъ на свой собственный въ практическомъ смыслѣ. Когда онъ вступилъ въ это общество, оно было значительно обязано своимъ процвѣтаніемъ его умному и заботливому управленію, и только въ послѣднее время, запутавшись непріятнѣйшимъ образомъ въ этихъ желѣзнодорожныхъ спекуляціяхъ, онъ увидалъ нѣчто неправильное въ своихъ тайныхъ заимствованіяхъ изъ довѣренной ему кассы. Это было несоблюденіе установленныхъ формальностей,—онъ и не думалъ отрицать этого, но лишь простое несоблюденіе—и только. А тутъ его убытки внезапно возросли, и онъ уже не былъ въ состояніи покрыть ихъ. Вотъ тогда-то онъ впервые прибѣгнулъ къ тому способу веденія торговыхъ книгъ, который, по выраженію разсвирѣпѣвшаго предсѣдателя, былъ мошенническимъ. Даже на эту крайнюю мѣру онъ смотрѣлъ, какъ на законное средство самозащиты на время, пока ему не удастся по-

крыть своихъ убытковъ другими болѣе счастливыми спекуляціями. По временамъ счастіе, какъ будто, улыбалось ему; и всякій разъ, когда онъ представлялъ самому себѣ «въ лицахъ» свое объясненіе съ директорами, что онъ дѣлалъ часто, въ особенности за послѣднее время, ему легко удавалось убѣдить ихъ въ благонамѣренности своихъ побужденій и благопристойности своего поведенія, обративъ ихъ вниманіе на эти удачные «гешефты» и на вѣроятность, полнѣйшую вѣроятность, что въ извѣстный моментъ онъ будетъ въ состояніи уплатить все. Онъ называлъ такой образъ дѣйствій «займомъ», и благодаря долговременной привычкѣ отпускать себѣ самому эти ссуды и возмѣщать ихъ, понемногу освоился съ смутной мыслью, что товарищество само принимало участіе въ этихъ тайныхъ ссудахъ, что было почти рѣшенное дѣло.

Рѣзкія слова предсѣдателя явились первымъ указаніемъ, которое коснулось самого существа его дѣланной самоувѣренности; онъ ясно увидалъ, что его поступокъ ставилъ его во всѣхъ отношеніяхъ на одну линію съ тѣми безумными расхитителями общественной собственности, разоблаченіе и бѣгство которыхъ въ Канаду сдѣлалось общимъ мѣстомъ въ каждой утренней газетѣ. Въ присутствіи директоровъ онъ отказывался признаться въ этомъ самому себѣ; но когда они удалялись и онъ остался одинъ, истина предстала передъ нимъ во всей своей неприглядной наготѣ. Онъ уподобился тѣмъ дуракамъ, поступая точь въ точь какъ они и такимъ же манеромъ. И побужденіе, и основанія у него были тѣ же, что у нихъ. Всѣ они пользовались для своихъ рискованныхъ дѣлъ и дѣлишекъ чужими деньгами, въ надеждѣ возмѣстить ихъ, а затѣмъ оказывались несостоятельными и старались «улизнуть» подъ шумокъ, по выраженію газетъ.

Дополнитъ ли онъ это сходство и улизнетъ ли подобно имъ? Онъ еще не хотѣлъ признаться самому себѣ, что уже рѣшилъ этотъ вопросъ. Онъ никогда не думалъ, не гадалъ, что ему надобно будетъ прійти къ такому рѣшенію; но когда предсѣдатель пожелалъ ему по пути домой погибнуть отъ несчастнаго столкновенія встрѣчныхъ поѣздовъ, у него мгновенно блеснула мысль, что одною изъ трехъ предстоявшихъ передъ нимъ альтернативъ было «улизнуть». Онъ могъ выбрать самоубійство, что предполагалось «благороднымъ» способомъ выйти изъ затруднительнаго положенія; тогда семьи его не коснулся бы позоръ его преступленія. Вопросъ о самоубійствѣ иногда обсуждался въ его присутствіи и всѣ до единаго соглашались, что оно было единственнымъ исходомъ для джентльмена, разъ тотъ укралъ чужія деньги и не былъ въ состояніи вернуть ихъ. Существовало нѣчто другое для человѣка другого пошиба, съ менѣе покладистой совѣстью: предстать на судъ за растрату и утайку товарищескихъ вкладовъ и понести заслуженное наказаніе. Или же ему оставалось «улизнуть», если только онъ способенъ на такое низкое дѣло. Вопросъ

*

для Нортвика заключался въ томъ, былъ ли онъ способенъ на такое низкое дѣло, и «улизнувъ» не становился ли онъ тѣмъ самымъ въ разрядъ людей, способныхъ на пакости, и тайное бѣгство, само по себѣ, не дѣлало ли его человѣкомъ низкаго сорта?

Это былъ жестокій вопросъ для его личнаго достоинства, неприкосновенность котораго онъ такъ тщательно оберегалъ. Онъ носилъ въ себѣ чувство приличія, можно сказать, отъ рожденія. Если у него было какое-либо врожденное влеченіе, то это было влеченіе къ почету, желаніе, чтобы его уважали за ту личину, которую онъ принималъ на себя.

Желаніе почета было въ немъ еще сильнѣе оттого, что отецъ его никогда имъ не пользовался. Быть можетъ, наслѣдственная черта нашла въ немъ выраженіе, перейдя черезъ одно поколѣніе; быть можетъ, какое-нибудь вліяніе, предшествовавшее его рожденію, создало эту типичную особенность его характера. Мать его постоянно старалась поддержать достоинство человѣка, за котораго вышла замужъ, въ глазахъ своихъ сосѣдей; но мужъ ея никогда не помогалъ ея усиліямъ. Онъ получилъ званіе врача, но никогда не занимался врачебною практикою. Занимаясь продажей лѣкарствъ и книжнымъ дѣломъ въ деревнѣ, онъ больше заботился о ея просвѣщеніи, чѣмъ о процвѣтаніи своей аптеки. Онъ любилъ собирать до полуночи старыхъ друзей и знакомыхъ въ своей лавкѣ вокругъ печки, гдѣ пылали дрова, и разсуждать съ ними о нравственности и религіи. Разъ вечеромъ, отрицая непреложность библейскаго вдохновенія, онъ отпустилъ лѣкарство по своему рецепту не изъ той банки, что̀ слѣдовало, и больной умеръ, вслѣдствіе его ошибки. Позоръ и бѣдственное положеніе сокрушили сердце его жены. Но онъ дожилъ до глубокой безцвѣтной старости, пользуясь поддержкою своего сына, при полнѣйшемъ отсутствіи занятій. Старшій Нортвикъ иногда говорилъ о своемъ сынѣ и объ его успѣхахъ, говорилъ не хвастливо, а съ нѣкоторымъ сарказмомъ объ источникѣ его щедрости, какъ о дѣтищѣ, обманувшемъ его надежды. Онъ звалъ его Мильтомъ и говорилъ, что, по его мнѣнію, Мильтъ долженъ быть теперь самодовольнѣйшимъ человѣкомъ въ штатѣ Массачусеттсъ; при этомъ Нортвикъ-отецъ дѣлалъ предположеніе, что есть вещи достойныя бо̀льшаго вниманія, чѣмъ матеріальныя блага. Онъ не говорилъ, какія именно, да врядъ ли съ его мнѣніемъ согласилось бы большинство обитателей этой деревни; не признало бы также это большинство, что казначею Понкуассэтскихъ заводовъ можно было считать себя обиженнымъ судьбою, имѣя отца, который пустилъ его на житейское поприще съ именемъ Джона Мильтона. Добрые деревенскіе люди звали его также Мильтомъ въ разговорахъ между собою; пожалуй, нашлись бы между ними и такіе вольнодумцы, которые назвали бы его такъ и въ глаза, еслибы ему вздумалось когда-нибудь вернуться въ свою родную деревню. Но онъ не думалъ объ этомъ. Добрые люди знали, по слухамъ, что у него была великолѣпная лѣтняя рези-

денція въ Гатборо, гдѣ онъ проводилъ свое время, когда не жилъ въ своемъ домѣ, въ Бостонѣ; а когда имъ удавалось провѣрить черезъ дачниковъ, которые знали его или слыхали о немъ, какъ далеко онъ пошелъ въ гору, они были смутно польщены фактомъ его житейскихъ успѣховъ, точь въ точь какъ многіе изъ насъ гордятся своею принадлежностью къ націи, въ которой мы являемся фиктивно обогащенными нашимъ согражданствомъ съ массою всевозможныхъ милліонеровъ. Они не осуждали Нортвика за то, что онъ ни разу не пріѣхалъ повидаться съ отцомъ и ни разу не пригласилъ его погостить у себя; вѣдь они ежедневно видали стараго Нортвика и понимали, что онъ былъ, какъ говорится, совсѣмъ не ко двору человѣку, сіявшему такимъ ослѣпительнымъ блескомъ всеобщаго почета... Старый Нортвикъ ничего, ровнехонько-таки ничего не сдѣлалъ для Мильта; никогда даже не бывалъ съ нимъ; малый оставилъ его и самъ проложилъ себѣ дорогу; и старикъ не вправѣ жаловаться; коли, чего добраго, Мильтъ прекратитъ выдачу ему пайка, что-то тогда запоетъ старикашка...

III.

Однако, мѣстное мнѣніе едва ли справедливо обвиняло стараго Нортвика въ плохомъ исполненіи его отцовскихъ обязанностей. Его строгіе судьи не могли понять, до какой степени нѣкоторыя способности, если не наклонности, унаслѣдованныя Нортвикомъ отъ отца содѣйствовали созданію того самаго почетнаго положенія, передъ которымъ они благоговѣли. Ранніе разговоры о книгахъ, знакомство съ чисто внѣшней стороной литературы, какъ оно ни было ограничено, помогло Нортвику позднѣе прослыть за человѣка образованнаго, если не начитаннаго, у людей, которые сами было менѣе начитаны, чѣмъ образованы. Всѣ люди, съ которыми, благодаря своимъ дарованіямъ, ему пришлось сойтись въ Бостонѣ, вышли изъ стѣнъ Гарвардскаго университета и никакъ не могли вообразить себѣ знакомаго съ такими благородными, спокойными манерами, какъ у Нортвика, который бы не получилъ также университетскаго образованія. По нѣкоторымъ безошибочнымъ признакамъ, которые остаются присущими намъ въ теченіе всей жизни, они тотчасъ же узнавали въ немъ провинціала и стали думать, что онъ вышелъ изъ свѣжеиспеченнаго университета. Они говорили: «вы изъ Дартмутскаго университета, Нортвикъ, не правда ли?» или «Я думаю, вы изъ Ульямскаго университета». А когда Нортвикъ отвѣчалъ отрицательно, они забывали объ этомъ и у нихъ сложилось какъ-то само собою убѣжденіе, что онъ учился въ одномъ изъ этихъ провинціальныхъ университетовъ. Точно такимъ же образомъ думали—отчасти благодаря его имени—что онъ принадлежалъ къ одной изъ тѣхъ старинныхъ пасторскихъ фамилій, которыя встрѣчаются въ горахъ и въ которыхъ вся молодежь изучаетъ греческихъ классиковъ, а весною

занимаются сахароваренiемъ, и что его родная мать подготовляла его къ университету.

И въ самомъ дѣлѣ, было что-то пасторское въ манерахъ и въ походкѣ Нортвика. Многіе даже думали, что онъ готовилъ себя къ пасторской службѣ и занялся торговыми предпріятіями, чтобы помочь своему семейству. Ложное представленіе о его литературныхъ познаніяхъ находило себѣ наглядное подтвержденіе въ библіотекѣ, занимавшей выдающееся мѣсто какъ въ его бостонскомъ домѣ, такъ и въ его резиденціи въ Гатборо. Въ Гатбаро у него, дѣйствительно, была обширная библіотека, такъ прелестно и роскошно обставленная, что сразу внушала вамъ мысль о высокообразованномъ семействѣ. Члены его предпочитали проводить въ ней время и рѣдко бывали въ гостиной, которая была гораздо меньше. Эта великолѣпная комната, бѣлая съ золотомъ, на сѣверной сторонѣ дома, открывалась только для танцевъ, когда собиралось много гостей. Большинство посѣтителей совсѣмъ не видали ея и она оставалась запертой,—такая же загадочная, какъ память о женѣ Нортвика. Добрые люди думали, что жена его умерла во время, чтобы избавить его и дѣтей отъ обидныхъ послѣдствій одного изъ тѣхъ романическихъ союзовъ по любви, ради котораго честный человѣкъ пожертвовалъ собою дѣвушкѣ, стоявшей гораздо ниже его по уму. Никому изъ его кружка не было извѣстно, что въ основу его благосостоянія было положено приданое, принесенное ею, и непоколебимое постоянство ея вѣры въ него. Она была, какъ большинство женщинъ, преданной дочерью церкви, но въ дѣйствительности ея закономъ былъ Нортвикъ; а такъ какъ ничто не освящаетъ такъ сильно божества, какъ слѣпая преданность его поклонниковъ, то Нортвикъ по временамъ дѣлался достойнымъ ея вѣры въ него, именно благодаря силѣ этой вѣры.

По своему, онъ отвѣчалъ на ея любовь взаимностью; онъ былъ не такого рода человѣкъ, чтобы разбрасывать свои влеченія направо и налѣво, быть можетъ, потому, что влеченій этихъ было у него немного и ихъ легко было удержать вмѣстѣ; быть можетъ, отчасти потому, что убѣжденія не позволяли ему сворачивать съ прямой дороги долга. Онъ былъ не только вѣренъ женѣ въ пассивномъ смыслѣ, но оставался преданъ ей неизмѣнно въ болѣе положительномъ значеніи этого слова. Когда они выступили въ большой свѣтъ и его дѣловитость и дарованія сбизили его съ людьми гораздо болѣе высокаго поста, чѣмъ онъ самъ, онъ уступилъ ея боязливому нежеланію воспользоваться удобнымъ случаемъ возвышенія на общественной лѣстницѣ и держался съ нею въ сторонѣ. Долѣе, чѣмъ ему было нужно, онъ сохранилъ обликъ провинціала, что развило въ немъ скрытность извѣстнаго рода, которая заставляетъ васъ держаться на сторожѣ. Только послѣ смерти жены, когда его дочери стали появляться чаще въ тѣхъ сферахъ, куда имъ давали доступъ его богатства и дѣ-

ловыя связи, онъ началъ изрѣдка бывать въ великосвѣтскихъ салонахъ. Но дѣлалъ онъ это, главнымъ образомъ, для дѣтей, а самъ продолжалъ оставаться вполнѣ вѣрнымъ памяти своей жены и, повидимому, ему ни на минуту не приходила мысль о вторичной женитьбѣ.

Онъ всталъ со стула, на которомъ сидѣлъ, вглядываясь въ ея портретъ, и направился къ несгораемому шкапу возлѣ окна. Но онъ остановился здѣсь, нагнувшись надъ шкапомъ, чтобы открыть секретный замокъ, и бросилъ черезъ плечо быстрый взглядъ въ темное окно. Хорошо знакомая красота пейзажа неудержимо потянула его къ окну. Онъ зналъ тогда же, что глядитъ на эту красоту въ послѣдній разъ, хотя въ слѣдующее мгновеніе былъ способенъ доказывать совершенно обратное и оправдывать заранѣе обдуманный поступокъ намѣреніями поскорѣе вернуть растраченныя деньги и выйти съ честью изъ затруднительнаго положенія.

Онъ долго пробылъ въ раздумьѣ передъ каминомъ. Луна уже взошла и озарила темныя купы сосенъ съ южной стороны и группу надворныхъ строеній. Послѣднія играли, такъ сказать, роль передаточнаго механизма въ его домашней жизни, служа всѣмъ ея нуждамъ и удовольствіямъ. Подъ оранжереями съ ихъ длинными стеклянными стѣнками, отражавшими лучи луннаго свѣта на подобіе гладкой поверхности воды, была установлена огромная паровая печь, которая снабжала эти оранжереи лѣтнимъ климатомъ посредствомъ тяжелыхъ трубъ, уложенныхъ подъ основаніемъ и проведеннымъ въ каждую комнату роскошнаго дома. Изъ высокой домовой трубы надъ теплицами перистыми клочьями вырывался паръ и ночнымъ вѣтеркомъ разносился, въ видѣ прозрачныхъ серебристыхъ струекъ. Позади теплицъ находились прохладные виноградники. А далѣе, налѣво, стояли конюшни. Въ чистенькомъ, уютномъ уголкѣ этой низкой громады Нортвикъ замѣтилъ свѣтящіяся окна домика, гдѣ жилъ кучеръ со своей семьей. Позади конюшенъ находились коровникъ и молочная ферма съ мызой. Дѣловые друзья Нортвика говорили въ шутку, что иногда у него можно было купить масло болѣе чѣмъ наполовину дешевле того, во что оно обходилось ему самому, и эта шутка льстила Нортвику, чувствовавшему себя въ своемъ помѣстьѣ такимъ же важнымъ, какъ какой-нибудь феодальный баронъ. Его молочная ферма была очень велика, и притомъ съ превосходными пастбищами; рогатый скотъ его значился въ родословной книгѣ образцовыхъ породъ; онъ воспитывалъ лошадей, которыхъ продавалъ иногда какому-нибудь пріятелю. Лошади его настолько отличались отъ первоначальныхъ своихъ родичей, что сами по себѣ представляли почти особую расу; они считались десятками и сотнями въ его конюшняхъ и на его лугахъ. Вся группа построекъ, занятыхъ подъ конюшни и скотный дворъ, была такъ велика, что походила на древню, устроенную на общинныхъ началахъ.

Въ затишьѣ лунной ночи Нортвикъ любовался своими владѣніями, словно то было расширеніе и дополненіе его самого, до такой степени полно воспроизводили они его личные вкусы и такъ тѣсно была съ ними связана исторія честолюбивыхъ стремленій всей его жизни. Онъ понималъ съ безпощадною ясностью, что, уходя отсюда, онъ въ буквальномъ смыслѣ отрывается отъ всего этого. И въ этомъ будетъ его истинное мученіе; вѣдь дѣти могутъ пріѣхать къ нему, а домъ его останется позади его. Но, вѣдь, онъ удаляется отсюда только на время, пока будетъ въ состояніи возстановить свое доброе имя, вернется при условіяхъ, которыя ему не трудно будетъ поставить, когда онъ снова почувствуетъ подъ ногами твердую почву. Онъ подумалъ о томъ, какое счастіе, что въ этотъ промежутокъ времени помѣстье не могло быть отчуждено; какое счастіе, что въ самомъ началѣ онъ перевелъ его законнымъ порядкомъ на имя жены въ тѣ дни, когда еще имѣлъ полное право сдѣлать это, а она завѣщала его своимъ дѣтямъ съ воспрещеніемъ отчуждать его. Лошади и рогатый скотъ могутъ быть и, по всей вѣроятности, будутъ проданы,—онъ содрогнулся при этой мысли,—но земля и домъ—сполна, кромѣ мебели и картинъ, принадлежали дѣтямъ и должны были остаться въ ихъ пользованіи неприкосновенно. Картины были его собственностью, ему приходилось лишиться ихъ вмѣстѣ съ рогатымъ скотомъ и лошадьми. Но взамѣнъ ихъ онъ возьметъ десять—двѣнадцать тысячъ долларовъ; эту сумму онъ долженъ прибавить къ своимъ потерямъ и постараться по возможности примириться съ этимъ.

Во всякомъ случаѣ, чтобы ни говорили и ни дѣлали, оставался въ проигрышѣ главнѣйшимъ образомъ онъ. Если онъ былъ воромъ, какъ сказалъ тотъ человѣкъ, то онъ могъ доказать, что обкрадывалъ себя на два доллара за каждый долларъ, украденный имъ у всякаго другого. Если онъ намѣренъ теперь усугубить свое воровство, унеся съ собою сорокъ три тысячи долларовъ изъ компанейскаго капитала, которыя были въ его распоряженіи, то, разумѣется, онъ имѣлъ въ виду не одинъ лишь свой личный интересъ. Деньги эти должны послужить ему средствомъ для возмѣщенія всѣхъ прежнихъ убытковъ; да притомъ тѣ самые люди, съ которыми онъ будетъ въ состояніи сполна расплатиться, благодаря упомянутымъ деньгамъ, считали ихъ потерянными.

Въ душѣ Нортвика вспыхнуло почти гордое чувство, когда онъ уяснилъ себѣ этотъ вопросъ. Добавочное воровство представлялось почти въ свѣтѣ долга; въ самомъ дѣлѣ, его обязанностью было удовлетворить тѣхъ, кому онъ причинилъ вредъ, если допустить, что онъ причинилъ его кому-либо, и первымъ долгомъ его было обезпечить за собою средства выполнить эту обязанность. Если эти деньги, которыя, такъ сказать, само Провидѣніе оставило въ его рукахъ, были бы имъ просто-на-просто переданы теперь обществу, то онѣ отнюдь не попра-

вили бы сущности дѣла, а его лишили бы всякой надежды вернуть своимъ компаньонамъ всю сумму, «занятую» имъ. Снова онъ пришелъ къ этому слову, оно его подкрѣпило, и онъ снова повернулся къ шкапу, чтобы отворить секретный замокъ и заручиться этими деньгами, такъ какъ чувствовалъ теперь нездоровую потребность имѣть ихъ въ своихъ рукахъ; но внезапно ему сдѣлалось дурно,—была ли то дурнота душевная или желудочная, Богъ вѣсть,—онъ приподнялся и прошелся по комнатѣ.

Онъ увидалъ, что, несмотря на наружное спокойствіе, которому онъ дивился въ самомъ себѣ, онъ находился подъ какимъ-то сильнымъ внутреннимъ гнетомъ и долженъ освободиться отъ этого тяжелаго ощущенія, если хочетъ довести свое дѣло до конца. Онъ приподнялъ оконную раму и, придерживая ее рукою, постоялъ на холоду, вздрагивая отъ пахнувшей въ комнату сильной струи морознаго воздуха. Но холодъ подкрѣпилъ его, и, когда спустя нѣсколько минутъ онъ опустилъ окно, слабости его какъ не бывало. Однако, онъ все еще откладывалъ свое «дѣло». Времени у него было довольно. Онъ повидается съ дочерьми и скажетъ имъ, что ему необходимо уѣхать съ первымъ утреннимъ поѣздомъ.

Онъ снялъ башмаки, надѣлъ туфли и тужурку; онъ вышелъ на площадку лѣстницы и прислушался къ голосамъ, доносившимся изъ библіотеки. Онъ могъ уловить только женскіе голоса и заключилъ изъ этого, что молодой человѣкъ, обѣдавшій съ его дочерьми, уже ушелъ. Онъ прошелъ назадъ въ свою спальню и въ зеркалѣ увидалъ передъ собою лицо вора безъ маски. Однако, онъ смотрѣлъ въ зеркало вовсе не съ тою цѣлью, чтобы получить такое изображеніе самого себя: онъ только хотѣлъ узнать, не подумаютъ ли его дѣти, что онъ боленъ, при видѣ его блѣднаго лица.

IV.

Нортвикъ крѣпко любилъ обѣихъ своихъ дочерей; если онъ высказывалъ больше нѣжности къ младшей, то это происходило оттого, что она ласкалась къ своему отцу болѣе по новому, по городскому. Старшая, которая была гораздо старше по лѣтамъ, слѣдовала старомодному деревенскому обычаю сдержанности; она оставалась безмолвной и продолжала сидѣть, когда отецъ входилъ въ комнату, хотя съ удовольствіемъ и участіемъ смотрѣла на обмѣнъ нѣжностей между нимъ и ея сестрой. Ее звали Аделиной, какъ звали и ея мать, и она казалась теткой своей юной сестры. Она была худа и высока, и страдала плохимъ пищевареніемъ, вслѣдствіи чего казалась на видъ слабѣе, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ. Она сообразовалась съ перемѣной окружающей обстановки, перемѣной, съ которою она свыклась почти также сознательно, какъ ея родители, и одѣвалась богато и по модѣ; она

больше всего любила шелковыя платья коричневаго или темнаго цвѣта. Она носила множество колецъ на своихъ тонкихъ костлявыхъ пальцахъ.

Другую дочь Нортвика звали Сюзэтой,—это имя было ей дано по капризу ея матери. Но сокращеніе его въ односложное ласкательное лучше шло къ величавой красотѣ этой дѣвушки, чѣмъ полное имя, въ которомъ слышится что-то соблазнительно-заманчивое.

— Отчего ты не пришелъ къ намъ, папа?—спросила она.—У насъ былъ мистеръ Уэдъ; онъ остался къ обѣду.

Она улыбнулась и ему было больно видѣть ее въ такомъ необычайно счастливомъ настроеніи. Онъ сознавалъ, что ему было бы легче оставить ее огорченною; по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ не онъ бы сдѣлалъ ее вполнѣ несчастною.

— Мнѣ надо было кое-что пересмотрѣть,—сказалъ онъ.—Я думалъ что успѣю прійти прежде, чѣмъ онъ уйдетъ.

Глубокое кожаное кресло стояло передъ каминомъ. Здѣсь сидѣлъ молодой пасторъ, а барышни помѣстились по бокамъ камина. Нортвикъ опустился въ кресло и, взглянувъ мелькомъ на слабо тикающіе часы, стоявшіе передъ нимъ на подставкѣ изъ чернаго мрамора, прибавилъ какъ бы невзначай:

— Я долженъ уѣхать завтра съ утреннимъ поѣздомъ въ Понкуассэтъ и мнѣ еще предстоитъ привести кое-какія дѣла въ порядокъ.

— Развѣ тамъ случились какіе-нибудь непріятности?—спросила молодая дѣвушка, вернувшись на свое старое мѣсто. Одною рукою она держалась за уголокъ каминной доски, а на другую руку опустила свою голову. Отецъ ея также сильно чувствовалъ ея чудную красоту, какъ всякій посторонній человѣкъ.

— Непріятности?—повторилъ онъ.

— Съ рабочими.

— О, нѣтъ. Ничего такого! Почему пришло тебѣ это въ голову?—спросилъ Нортвикъ, быстро соображая, нельзя ли извлечь какую-нибудь выгоду изъ перспективы, вызванной въ его умѣ вопросомъ его дочери, Онъ почувствовалъ минутное облегченіе, вообразивъ, что его вызвали на заводъ по случаю непріятностей съ рабочими.

— Этотъ несносный плутишка Путнэй распространяетъ всевозможные слухи.

— Пока нѣтъ никакихъ основаній думать, что стачка рабочихъ отзовется и на нашихъ людяхъ,—сказалъ Нортвикъ,—но все же мнѣ кажется лучше, если я буду на мѣстѣ.

— А мнѣ казалось, что ты могъ бы поручить это дѣло управляющему,—возразила молодая дѣвушка,—не тратя своихъ силъ и здоровья.

— Разумѣется, могъ бы,—отвѣчалъ Нортвикъ, какъ бы отказываясь отъ признанія заслуги за его поведеніемъ,—но всѣ старые рабочіе хорошо меня знаютъ, что...

Онъ остановился, словно сказанное не требовало комментаріевъ. А его старшая дочь замѣтила:

— Вотъ онъ опять закутилъ по старому. Право, по моему, слѣдовало бы сдѣлать что-нибудь для него, ради его семейства, если не почему-либо другому. Элбриджъ говорилъ Джемсу, что ты почти переѣхалъ черезъ него, возвращаясь домой.

— Да,—отвѣчалъ Нортвикъ.—Я увидалъ его только въ ту самую минуту, какъ онъ выскочилъ изъ-подъ лошадиныхъ копытъ.

— Онъ добьется того, что будетъ убитъ въ одинъ прекрасный день,—сказала Аделина съ какимъ-то ужасомъ удовольствія, живо представляя себѣ катастрофу. Такое ощущеніе удовольствія, смѣшаннаго съ ужасомъ, испытываютъ часто нѣжныя, изящныя женщины.

— Для него это было бы самое лучшее,—замѣтила ея сестра,—да и для его родныхъ тоже. Когда человѣкъ становится только обузою и позоромъ для самого себя и для всѣхъ, кто къ нему близокъ, ему надобно умереть какъ можно скорѣе.

Нортвикъ сидѣлъ, глядя на прелестное лицо своей дочери, но вмѣсто него онъ увидѣлъ разсерженное и ненавистное лицо предсѣдателя совѣта и услыхалъ его слова: «Для васъ было бы лучше всего по дорогѣ домой быть раздавленнымъ встрѣчнымъ поѣздомъ».

Онъ тихо вздохнулъ.

— Мы не всегда знаемъ суть дѣла,—сказалъ онъ.—Я думаю, мы не должны такъ говорить.

Затѣмъ онъ прибавилъ съ тою снисходительностью къ прегрѣшеніямъ другихъ, которую мы чувствуемъ въ своей душѣ, когда сами жаждемъ пощады своимъ собственнымъ грѣхамъ:

— Путнэй очень способный человѣкъ; одинъ изъ способнѣйшихъ адвокатовъ во всемъ штатѣ и очень честный. Онъ могъ бы добиться всего, еслибы бросилъ пить. Не хочу я судить его, быть можетъ, у него есть...

Нортвикъ снова вздохнулъ и закончилъ неопредѣленно:

— Свои причины.

Сюзэта засмѣялась.

— Какой ты всегда сдержанный, папа! И какой ты снисходительный!

— Я увѣрена, что мистеръ Путнэй отлично знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло; онъ можетъ преспокойно бранить тебя, сколько ему угодно,—сказала Аделина.—Но я не понимаю, какъ такіе почтенные люди, какъ докторъ Моррэллъ и миссисъ Моррэлъ, могутъ переносить его. У меня нѣтъ такого терпѣнія какъ у доктора Моррэлля, и у миссисъ Моррэллъ. Разумѣется, они переносятъ также миссисъ Уилмингтонъ.

Сюзэта подошла къ отцу поцѣловать его.

— Ну, я ухожу спать, папа. Если ты желалъ посидѣть со мною дольше, то долженъ былъ придти сюда раньше. Вѣроятно, я не увижу тебя завтра утромъ. Итакъ, прощай, папа, желаю тебѣ спокойной ночи. Когда ты вернешься домой?

— Не ранѣе, какъ черезъ нѣсколько дней, быть можетъ,—отвѣчалъ несчастный.

— Какая жалость! А ты всегда такъ же сильно тоскуешь по дому, когда уѣзжаешь?

— Нѣтъ, не всегда.

— Ну, такъ постарайся быть веселѣе на этотъ разъ. А если тебѣ придется пробыть тамъ долго, позови меня. Не правда ли, ты позовешь?

— Да, да. Позову,—отвѣчалъ Нортвикъ.

Дѣвушка крѣпко прижала къ себѣ его голову, а затѣмъ тихо удалилась изъ комнаты. Въ дверяхъ она остановилась и послала ему воздушный поцѣлуй.

— Слушай, папа!—сказала Аделина.—Имя «миссисъ Уилмингтонъ» сорвалось у меня съ языка нечаянно. Она не можетъ выносить *этого* имени, *я знаю*, оно заставило ее уйти. Но ты, пожалуйста, не безпокойся объ этомъ папа. Мнѣ кажется, теперь все идетъ, какъ слѣдуетъ.

— Что такое идетъ, какъ слѣдуетъ?—разсѣянно спросилъ Нортвикъ.

— Эта исторія съ Джэкомъ Уилмингтономъ. Я знаю, она, наконецъ, дѣйствительно, перестала думать о немъ; мы должны быть очень рады, если этого увлеченія больше нѣтъ. Я не вѣрю, что онъ такъ дуренъ, какъ объ немъ говорятъ, но онъ выказалъ себя малодушнымъ, а этого она не можетъ простить въ мужчинѣ. Вѣдь сама она такая энергичная.

Нортвикъ не думалъ о Уилмингтонѣ. Онъ думалъ о самомъ себѣ и въ глубинѣ своей преступной души, въ тѣхъ ея тайникахъ, гдѣ не было мѣста всѣмъ его отговоркамъ, гдѣ онъ ясно сознавалъ себя воромъ, онъ спрашивалъ себя, неужели энергія его родной дочери помѣшаетъ ей простить его малодушіе? Мы безусловно вѣримъ въ то, что насъ сильно страшитъ; ему не пришло въ голову спросить, неужели нетерпимость къ слабодушію является необходимымъ результатомъ сильной души? Онъ только зналъ, что самъ онъ ужасно малодушенъ.

Онъ всталъ и на одно мгновеніе остановился у камина, повернувъ къ дочери свое безстрастное красивое лицо, словно собирался говорить съ нею. Онъ былъ высокаго роста, очень худощавъ, гладко выбритъ, за исключеніемъ сѣдѣющихъ бакенбардовъ у самыхъ ушей, на одной линіи съ ними. У него былъ правильный профиль, гораздо болѣе привлекательный чѣмъ выраженіе его лица, когда онъ смотрѣлъ на васъ прямо. Онъ взялъ хрустальный шаръ, лежавшій на мраморной подставкѣ, и принялся его разглядывать, словно читая свое будущее въ его прозрачныхъ глубинахъ, а затѣмъ положилъ его опять на мѣсто съ выраженіемъ безпомощности. Когда онъ заговорилъ, слова его не имѣли никакого отношенія къ тому, о чемъ говорила его дочь.

— Мнѣ надобно пойти наверхъ и собрать кое-какія бумаги, которыя хочу взять съ собою. А затѣмъ постараюсь немного заснуть. Встать надо рано.

— А когда можно ждать твоего возвращенія?—спросила дочь, покорно принимая его молчаніе относительно любовнаго увлеченія ея младшей сестры. Она знала, что это обозначало его полное согласіе со всѣмъ, что Сю и она найдетъ лучшимъ сдѣлать.

— Навѣрно не знаю; ничего не могу сказать теперь. Спокойной ночи.

Къ немалому ея удивленію онъ подошелъ къ ней и поцѣловалъ ее; обыкновенно онъ оказывалъ ласки только Сю; Аделина такъ же мало ждала отъ него выраженія его отцовскихъ чувствъ, какъ мало сама ихъ вызывала своимъ сдержаннымъ обращеніемъ съ нимъ.

— Что съ тобою, папа!—вскричала она, обрадованная этимъ непривычнымъ проявленіемъ нѣжности.

— Прикажи Джэмсу уложить мои вещи въ небольшой чемоданъ и послать ко мнѣ Элбриджа черезъ часъ,—сказалъ онъ, уходя въ переднюю.

V.

Нортвику было теперь пятьдесятъ девять лѣтъ, но уже въ сравнительно молодые годы онъ перевидалъ на свѣтѣ много такого, что заставило его усомниться въ господствѣ нравственнаго начала во вселенной. Въ дѣтствѣ ему внушили то, что внушается каждому изъ насъ. Его учили вѣрить въ существованіе высшей силы, которая накажетъ его, если онъ будетъ поступать дурно, и наградитъ его, если онъ будетъ поступать хорошо, или, по меньшей мѣрѣ, въ первомъ случаѣ будетъ довольна, а во второмъ—недовольна его поведеніемъ. Сначала правило это приняло форму увѣщанія и на первомъ планѣ его стоялъ фактъ наказанія и неудовольствія. Случалось, что не всегда хорошіе поступки сопровождались осязательной наградой или ощутительнымъ довольствомъ; но зато дурныя дѣла никогда не оставались безъ заслуженной кары. Такимъ принципамъ подчинялись намѣренія, если не всѣ поступки этого человѣка, и онъ продолжалъ сообразовываться съ ними въ теченіе многихъ лѣтъ, послѣ того, какъ жизненный опытъ, а въ особенности близкое знакомство съ дѣлами торговаго міра доказали полную несостоятельность этой доктрины. Онъ видѣлъ и зналъ массу случаевъ, гдѣ не только честный образъ дѣйствій не получалъ, повидимому, награды, но безчестные поступки оставались безнаказанными. Относительно безчестныхъ поступковъ опытъ его наблюденій показалъ ему, что поступки эти не влекли за собою ни несчастій, ни даже какого бы то ни было неудобства, разъ все было шито и крыто. Въ большинствѣ случаевъ дурныя дѣла такъ и оставались подъ спудомъ. Это, однако, не поколебало принциповъ Нортвика; ему все-таки хотѣлось держаться благонадежнаго образа мыслей и дѣйствій, даже въ отдаленномъ, непредвиденномъ случаѣ. Но это дало ему смѣлость входить въ компромисы съ своими принципами и временно поступать не по хорошему, а затѣмъ заглаживать это нехорошее, прежде чѣмъ онъ будетъ «накрытъ», или прежде чѣмъ онъ попадетъ на замѣчаніе у верховной власти.

А теперь случились такія обстоятельства, которыя заставили его подумать въ моментъ нежданно обрушившейся на него бѣды, когда

открылись его неправильныя дѣйствія, что эта власть все время неусыпно слѣдила за нимъ, и что онъ напрасно льстилъ себя надеждой уйти отъ нея... Ему казалось, что его положеніе было отмѣчено какимъ-то драматизмомъ, дѣлавшимъ его сокрушеніе еще болѣе чувствительнымъ. Вообще, онъ мало читалъ; но иногда, уступая настойчивому желанію своихъ дочерей, ходилъ съ ними въ театръ и разъ видѣлъ «Макбета». Онъ слышалъ кругомъ шумные отзывы объ игрѣ актера въ роли Макбета, но сохранилъ про себя свое мнѣніе объ этой трагедіи; она показалась ему несоотвѣтствующей тому, что онъ видѣлъ въ дѣйствительной жизни: случись всѣ эти событія именно такимъ образомъ, они не стали бы смущать совѣсть и мучить душу этого преступнаго человѣка. Онъ думалъ, что въ дѣйствительности ничего подобнаго не бываетъ. Трагедія эта дала ему скорѣе плохое мнѣніе о Шекспирѣ, тѣмъ болѣе плохое, что Нортвикъ судилъ о немъ съ самоувѣренностью мало развитого человѣка.

Теперь же трагедія эта припомнилась ему и онъ съ тоскою сознался въ душѣ, что въ ней все было правда. Онъ также быстро понесъ расплату за свой грѣхъ. Притомъ сердце его терзали именно тѣ вещи, которыя было тяжелѣе всего перенести. За послѣднее время здоровье его пошатнулось и физическія силы измѣнили ему. Его душевныя тревоги изнуряли его, и никогда еще въ жизни онъ не нуждался такъ сильно въ уютномъ, покойномъ пристанищѣ у себя дома, какъ въ эту минуту, когда былъ вынужденъ покинуть его. Никогда еще не дорожилъ онъ такъ сильно всей этой обстановкой; никогда еще не казался ему домъ его такимъ прекраснымъ и великолѣпнымъ. И, однако, все это было ничтожно сравнительно съ мыслью о его дѣтяхъ, въ особенности о его младшей дочери, которую онъ любилъ безъ памяти и которую собирался покинуть на позоръ и разореніе. Слова, сказанныя ею съ гордымъ чувствомъ увѣренности въ немъ, ея легкомысленное осужденіе этого пьяницы, которому, по ея мнѣнію, было лучше умереть, чѣмъ сдѣлаться обузою и позоромъ для своего семейства,—язвили его и, не переставая, раздавались въ его ушахъ. Въ головѣ его быстро проносились безумныя мысли, сумасшедшія побужденія и желанія отказаться отъ бѣгства. Потомъ онъ начиналъ раздумывать, что оставшись онъ ничуть не поправитъ дѣла; ни къ чему не послужитъ даже его смерть; разомъ ничто не поможетъ, но его отъѣздъ будетъ въ высшей степени цѣлесообразенъ и полезенъ. Онъ долженъ уѣхать. Отъѣздъ его разобьетъ сердце его родной дочери, поставивъ ее лицомъ къ лицу съ его позоромъ, и она должна будетъ перенести это. Онъ не думалъ о своей старшей дочери; онъ только думалъ, что это неминуемое несчастіе не могло такъ гибельно повліять на нее.

— Боже мой, Боже мой!—простоналъ онъ, поднимаясь къ себѣ наверхъ.

Аделина окликнула его изъ комнаты:

— Что съ тобой папа?

Безсознательное чувство совѣстливости, такъ часто сказывающееся въ минуты великаго лицемѣрія, помѣшало ему сказать маленькую ложь; онъ поднялся на верхъ, не отвѣтивъ дочери ни слова. Онъ позволилъ себѣ нѣсколько дольше отдаться чувству жалости къ самому себѣ,— старому человѣку, насильно отторгнутому отъ своего дома; въ душѣ его была слѣпая, безъосновательная злоба противъ людей, заставлявшихъ его уйти, тогда какъ даже въ эту минуту онъ заботился объ ихъ интересахъ. Но войдя къ себѣ въ комнату, онъ стряхнулъ съ себя это гнѣвное чувство и принялся за работу. Ему надобно было сдѣлать очень многое,—разобрать и привести въ порядокъ бумаги на неопредѣленное время своего отсутствія; съ одинаковою заботливостью онъ сдѣлалъ распоряженія о нѣкоторыхъ незначительныхъ расходахъ по компанейскимъ дѣламъ и составилъ инструкцію дѣтямъ относительно ихъ образа дѣйствій, пока онъ не дастъ о себѣ вѣсти. Впослѣдствіи эта странная точность стала предметомъ пересудовъ и толковъ среди тѣхъ, кого она близко касалась; нѣкоторые видѣли въ ней новое доказательство, что человѣкъ этотъ былъ отъявленный плутъ и мошенникъ, хитрую уловку придать смягчающее объясненіе своему управленію вообще доходами компаніи, а другіе видѣли въ этомъ любопытный примѣръ невольнаго вліянія дѣловыхъ инстинктовъ, не покидавшихъ этого человѣка даже при такихъ обстоятельствахъ, когда онъ долженъ былъ дѣйствовать, руководясь исключительно сильнѣйшими эгоистичными побужденіями.

Вопросъ этотъ остался нерѣшеннымъ даже при окончательномъ обсужденіи совершившагося факта, когда выяснилось, что именно въ тотъ самый моментъ, какъ Нортвикъ высказалъ такую заботливость объ интересахъ общества въ мелочахъ, онъ совершилъ новый обманъ, удержавъ большую денежную сумму принадлежавшую обществу. Но въ этотъ моментъ Нортвикъ не считалъ, чтобы эти деньги необходимо принадлежали обществу, болѣе чѣмъ ему принадлежали домъ и ферма его дочерей. Несомнѣнно, деньги эти составляли часть той суммы, которую онъ «занялъ» или взялъ у общества и употребилъ на необычайно прибыльное дѣло, но общество не заработало этихъ денегъ и, прижавъ его, какъ говорится, къ стѣнѣ, принуждая его немедленно возмѣстить всѣ ссуды взятыя имъ у общества безъ вѣдома послѣдняго, оно тѣмъ самымъ какъ бы оправдывало его захватъ изъ этой части.

Нортвикъ былъ слишкомъ уменъ и не облекалъ свои разсужденія въ точную форму, но имъ руководила своеобразная логика безъ словъ, позволявшая ему идти дальше въ томъ же направленіи и украсть больше тамъ, гдѣ уже было украдено такъ много. Обстоятельства сложились такъ счастливо, что не только его маклеръ прислалъ ему чекъ на такую большую сумму его прибылей, но Нортвикъ противъ обыкновенія размѣнялъ чекъ на наличныя деньги и положилъ ихъ въ несгораемый

шкафъ, не отправивъ въ банкъ. Теперь онъ усматривалъ во всемъ какое то указаніе свыше, хотя въ то время казалось, будто онъ бросаетъ ужасный вызовъ судьбѣ и нѣчто въ родѣ приглашенія ночнымъ ворамъ. Онъ самъ себѣ показался ночнымъ воромъ, когда затворилъ двери, спустилъ оконныя гардины и, ставъ передъ несгораемымъ шкафомъ, принялся отпирать потайной замокъ. Онъ весь дрожалъ. А когда наконецъ, механизмъ уступилъ его усилію, слабо звякнувъ замкомъ, Нортвикъ отскочилъ въ сильномъ испугѣ. Въ это самое мгновеніе послышался рѣзкій стукъ въ дверь и Нортвикъ крикнулъ сдавленнымъ голосомъ, словно его внезапно разбудили:

— Кто тамъ? Что такое?

— Это я,—отвѣчалъ Элбриджъ.

— А! Хорошо! Отлично! Подожди одну минутку! Ахъ... Приходи лучше черезъ десять-пятнадцать минутъ. Я еще не совсѣмъ готовъ.

Нортвикъ произнесъ первыя отрывочныя фразы у шкафа, гдѣ онъ стоялъ, въ какомъ-то ужасномъ бреду; рѣчь его стала спокойнѣе, когда онъ подбѣжалъ къ своему письменному столу, чтобы схватить револьверъ. Онъ и самъ не зналъ, почему казалось ему, что Элбриджъ попробуетъ ворваться въ комнату; быть можетъ, потому, что его привело бы въ ужасъ присутствіе всякаго человѣка тамъ, возлѣ двери его кабинета. Онъ скоро понялъ, что ему нечего бояться за деньги,—онъ боялся за самого себя, совершая эту кражу.

Элбриджъ кашлянулъ по другую сторону двери и отвѣчалъ съ легкою нерѣшительностью въ голосѣ: «Слушаю». Нортвикъ услыхалъ топотъ его удаляющихся шаговъ по лѣстницѣ.

Онъ снова вернулся къ шкафу и открылъ тяжелую дверцу; сопротивленіе ея помогло ему стряхнуть съ себя нервное возбужденіе. Затѣмъ онъ вынулъ деньги изъ ящика, сосчиталъ, сунулъ во внутренній карманъ своего жилета и застегнулъ его. Послѣдовательный рядъ этихъ привычныхъ дѣйствій успокоилъ его постепенно. Онъ зажегъ спичку и развелъ огонь въ каминѣ, что̀ забылъ сдѣлать раньше. Теперь онъ былъ въ состояніи заняться снова своими приготовленіями и письменными дѣлами.

VI.

Когда Элбриджъ пришелъ снова, Нортвикъ громко крикнулъ: «Войди!» подошелъ къ двери и отперъ замокъ.

— Я позабылъ, что заперъ ее на ключъ,—небрежно сказалъ онъ.— Какъ думаешь, лошадь эта будетъ хромать?

— Да, мнѣ сильно не нравится, какъ она ходитъ. Надо бы ее расковать.

Элбриджъ остановился у письменнаго стола, распространяя сильный запахъ конюшни въ жарконатопленной комнатѣ.

Разумѣется, позаботься объ этомъ,—сказалъ Нортвикъ.—Я уѣзжаю утромъ и не знаю навѣрное, сколько времени пробуду въ отсутствіи.

Нортвикъ успокоилъ свою совѣстливость, возставшую противъ лжи, этой условной фразой и продолжалъ давать Элбриджу инструкціи насчетъ лошадей въ его отсутствіе. Онъ досталъ изъ записной книжки деньги и передалъ ему на расходы, а затѣмъ сказалъ:

— Я хочу уѣхать съ пятичасовымъ поѣздомъ, который приходитъ въ Понкуасэтъ въ девять. Ты можешь отвезти меня туда на вороной кобылѣ.

— Слушаю,—отвѣчалъ Элбриджъ, но въ тонѣ его голоса чувствовалось колебаніе; это не ускользнуло отъ Нортвика.

— Что такое случилось?—спросилъ онъ.

— Не знаю... Съ нашимъ мальчикомъ что-то не ладно.

— Что съ нимъ?—спросилъ Нортвикъ съ сочувствіемъ; ему стало какъ-то легче отъ того, что онъ могъ ощущать состраданіе къ бѣдѣ ближняго.

— Да вотъ докторъ Моррелъ только что былъ здѣсь и боится, что это кру!..

Послѣдняя буква застряла въ горлѣ Элбриджа; онъ проглотилъ ее.

— О, надѣюсь, что нѣтъ,—сказалъ Нортвикъ.

— Онъ опять придетъ... ему надо было побывать еще въ другомъ мѣстѣ... Но я вижу, что ни къ чему это,—проговорилъ Элбриджъ съ терпѣливымъ отчаяніемъ. Онъ снова взялъ себя въ руки и голосъ его звучалъ ясно.

Нортвикъ отступилъ въ ужасѣ передъ набѣжавшимъ на него мракомъ. Безъ сомнѣнія, то была тѣнь отброшенная небесами, но ея густой мракъ наполнялъ душу какимъ-то невольнымъ ужасомъ, окутывая землю.

— Ну, конечно, ты и не думай оставлять жену свою. Дай знать по телефону Симпсону, чтобы онъ пріѣхалъ за мной.

— Слушаю.

Съ этими словами Элбриджъ удалился.

Нортвикъ слѣдилъ за нимъ, какъ онъ шелъ по обледенѣлому двору къ кучерскому дому, въ уютномъ уголку обширныхъ конюшенъ. Окна въ немъ все еще весело свѣтились отъ горѣвшихъ лампъ, наполняя сердце Нортвика мучительнымъ чувствомъ нѣмой зависти. Должно быть, ребенокъ заболѣлъ внезапно, потому что дочери его не знали объ этомъ. Онъ подумалъ сперва, что надобно позвать Аделину и послать ее къ этимъ бѣднымъ людямъ, но затѣмъ разсудилъ, что она все равно не можетъ помочь дѣлу; поэтому незачѣмъ доставлять ей безполезнаго огорченія. Скоро бѣдняжкѣ понадобится вся ея сила. Мысль его вернулась къ личнымъ заботамъ, отъ которыхъ его отвлекла на мгновеніе тревога за чужую бѣду. Но услыхавъ звяканіе бубенчиковъ докторскихъ санокъ, въѣзжавшихъ во дворъ, Нортвикъ рѣшился пойти туда самъ и выказать участіе, которое должно было чувствовать его семейство по поводу этого несчастнаго случая.

У Элбриджей никто не отвѣчалъ на его стукъ въ дверь, и Нортвикъ отворилъ ее самъ. Онъ прошелъ въ комнату, гдѣ Элбриджъ и жена его были съ докторомъ. Маленькій мальчикъ вскочилъ въ своей кроваткѣ и боролся со смертью, раскинувъ ручонки.

— Вотъ! вотъ опять его душитъ!—рыдала мать.—Элбриджъ Ньютонъ, неужели ты ничего не можешь сдѣлать? Охъ, пособите ему, спасите его, докторъ Моррелъ! Охъ, какъ вамъ не грѣшно заставлять его такъ мучиться!

Она бросилась къ ребенку, выхватила его изъ рукъ доктора и стала его укачивать, стараясь облегчить его. Вдругъ малютка затихъ и она закричала:

— Вотъ, я знала, что смогу его успокоить! А вы-то, здоровые, сильные мужчины, на что годитесь вы, всякій...

Она взглянула на личико ребенка, лежавшаго у нея на рукахъ, а затѣмъ на доктора и изъ ея груди вырвался дикій вопль, вопль человѣка пораженнаго мучительной болью.

У Нортвика заныло сердце. Онъ почувствовалъ себя болѣе, чѣмъ безполезнымъ здѣсь. Онъ пошелъ въ домъ фермера и попросилъ его жену пойти къ Ньютонамъ, у которыхъ только что умеръ ребенокъ. Онъ услыхалъ, какъ она вошла туда, прежде чѣмъ дошелъ до своего дома, а когда очутился у себя въ комнатѣ, услыхалъ бубенчики докторскихъ санокъ, выѣзжавшихъ изъ аллеи.

Ему все мерещились голосъ и взглядъ этой матери, у которой смерть отняла ребенка. Она была раньше мастерицей въ шляпномъ магазинѣ и большой вертушкой; она безумно влюбилась въ Элбриджа, которымъ распоряжалась съ того момента, какъ они поженились, съ какою-то неистовою преданностью вознаграждая себя за его хладнокровіе безпрестанными порывами чрезмѣрной чувствительности во всѣхъ случаяхъ жизни. Но почему-то она напомнила Нортвику его родную мать, и онъ позавидовалъ маленькому мальчику, который только что умеръ.

Сообразивъ, что родители захотятъ устроить своему первенцу торжественные похороны, онъ написалъ Элбриджу записку и вложилъ въ нее одинъ изъ билетовъ, взятыхъ имъ у общества. Онъ надѣялся, что Элбриджъ приметъ отъ него эти деньги на расходы, которые ему предстояли въ такое время.

Затѣмъ онъ подкатилъ свое кресло къ огню и протянулъ ноги немного отдохнуть, если возможно, передъ отъѣздомъ. Ему бы очень хотѣлось лечь въ постель, но онъ опасался проспать въ случаѣ, если Элбриджъ позабудетъ извѣстить Симпсона по телефону. Но онъ не думалъ чтобы такая небрежность была возможна со стороны Элбриджа, и тихо ввѣрился испытанной точности своего слуги. Вдругъ онъ вскочилъ, разбуженный звономъ бубенчиковъ у подъѣзда, а затѣмъ трескучими звуками электрическаго звонка надъ его кроватью въ слѣдующей комнатѣ. Онъ подумалъ въ первую минуту, что это полицейскій чи-

новникъ пришелъ арестовать его, но тотчасъ же вспомнилъ, что только его домашнимъ было извѣстно существованіе этого звонка, и порядкомъ удивился, какъ могъ его отыскать Симпсонъ. Онъ надѣлъ пальто и теплые калоши, схватилъ чемоданъ, быстро спустился съ лѣстницы и вышелъ изъ дому. На крыльцѣ его ожидалъ Элбриджъ, принявшій отъ него чемоданъ.

— Какъ! А гдѣ же Симпсонъ?—спросилъ Нортвикъ.—Развѣ ты не могъ его вызвать?

— Не безпокойтесь, сударь,—сказалъ Элбриджъ, открывая дверцу крытыхъ саней и осторожно усаживая Нортвика,—я самъ могу васъ отвезти. Мнѣ думалось, вамъ будетъ спокойнѣе ѣхать въ крытыхъ саняхъ,—холодновато.

Звѣзды казались ледяными точками въ морозномъ небѣ. Шероховатый снѣгъ хрустѣлъ, словно древесный уголь, подъ ногами Элбриджа. Онъ заперъ дверцу саней, затѣмъ вернулся и тихонько пріотворилъ ее.

— Не хотѣлось мнѣ, чтобы Симпсонъ или кто другой повезъ васъ на поѣздъ, ни въ какомъ случаѣ не хотѣлось.

Слезы подступили къ глазамъ Нортвика, онъ пытался сказать: «Ну, спасибо тебѣ, Элбриджъ», но дверца захлопнулась прежде, чѣмъ онъ пришелъ въ себя. Элбриджъ усѣлся на свое мѣсто и лошади тронулись. Нортвикъ былъ въ состояніи разстаться со своимъ домомъ лишь подъ однимъ условіемъ, что онъ уѣзжаетъ, по обыкновенію, не надолго. Ему приходилось держаться того же образа мыслей съ самимъ собою по дорогѣ на станцію. Выходя изъ экипажа, онъ обратился къ Элбриджу со слѣдующими словами:

— Я оставилъ для тебя записку на моемъ письменномъ столѣ. Мнѣ жаль уѣзжать изъ дому... въ такое время... когда у тебя...

— Вы пришлете депешу, когда васъ встрѣтить? — прервалъ его Элбриджъ.

— Да,—отвѣчалъ Нортвикъ.

Онъ вошелъ на станцію, гдѣ было такъ уютно и тепло отъ огромной отдушины, расположенной посреди комнаты, ярко освященной, въ ожиданіи поѣзда, который слегка запоздалъ. Захлопнувшаяся за Нортвикомъ дверь разбудила маленькую черную фигурку, наклонившуюся впередъ на скамейкѣ въ углу. Это былъ пьяный адвокатъ. Между этими двумя людьми существовали кое-какіе счеты общаго и личнаго характера; они не говорили между собою. Но теперь, при видѣ Нортвика, Путнэй выступилъ впередъ и сурово устремилъ на него свои глаза.

— Нортвикъ! Извѣстно ли вамъ, кого вы намѣревались раздавить прошлымъ вечеромъ?

Нортвикъ, въ свою очередь, посмотрѣлъ на него съ тѣмъ полуласкательнымъ, полупокровительственнымъ видомъ, который принимаетъ на себя человѣкъ относительно лица не столь богатаго, но съ большимъ умственнымъ вѣсомъ.

— Я не видалъ васъ. Я васъ замѣтилъ, мистеръ Путнэй, только въ ту минуту, какъ наѣхалъ на васъ... Лошади...

— Извѣстно ли вамъ, кого вы намѣревались раздавить?! *Законъ*!— загремѣлъ маленькій человѣкъ такимъ голосомъ, котораго нельзя было предположить въ его хрупкомъ тѣльцѣ.—Не пытайтесь слишкомъ часто дѣлать это! Вы не можете преступать *закона*, несмотря на... для этого не хватитъ вамъ всѣхъ вашихъ милліоновъ. Э? Такъ что ли?—спросилъ онъ, пробуя перейти изъ высокопарнаго въ шутливый тонъ, но въ пьяномъ видѣ не будучи въ состояніи поддержать его.

Нортвикъ не отвѣтилъ ему. Онъ прошелъ на другой конецъ станціи, предназначенный для дамъ, а Путнэй не послѣдовалъ за нимъ туда. Пришелъ поѣздъ, Нортвикъ вышелъ и сѣлъ въ вагонъ.

VII.

Предсѣдатель совѣта директоровъ компаніи, обозвавшій Нортвика воромъ и тѣмъ не менѣе давшій ему возможность оправдать себя, проснулся послѣ безсонной ночи въ тотъ самый часъ, когда неисправный должникъ скрылся. Онъ принялъ приглашеніе на обѣдъ, надѣясь забыть про Нортвика, но при всякой перемѣнѣ блюдъ и винъ ему казалось, что онъ имѣетъ съ нимъ дѣло. Вернувшись домой въ одиннадцатомъ часу, онъ прошелъ въ свою библіотеку и сѣлъ у пылавшаго камина. Жена его ушла спать, а сынъ и дочь были на балу, и вотъ онъ сидѣлъ здѣсь одинъ, нетерпѣливо покуривая трубку.

Лакею, пришедшему узнать, не надобно ли его барину что-нибудь, онъ приказалъ идти спать; ему нечего было дожидаться молодыхъ людей. Гилари питалъ къ прислугѣ вниманіе этого рода и любилъ оказывать его на дѣлѣ. Ему пріятно было сознавать, что онъ дѣлалъ это и теперь, въ тотъ самый моментъ, когда всѣ привычки его жизни должны были ступеваться передъ громадными и разнообразными тревогами, осаждавшими его умъ.

У него былъ идеалъ, какъ онъ долженъ вести себя въ качествѣ джентльмена и гражданина, и онъ не могъ скрыть отъ самого себя, что онъ, именно онъ, способствовалъ мошеннику ускользнуть отъ карающаго правосудія, убѣдивъ совѣтъ дать Нортвику возможность выпутаться изъ бѣды. До настоящаго времени его идеалы не мѣшали его благосостоянію, полнѣйшему спокойствію его ума, точно также они не вредили его матеріальному преуспѣянію, хотя идеалы эти были значительно выше тѣхъ, которыми довольствуется обыкновенно совѣсть торговаго человѣка. Онъ считалъ себя обязаннымъ, какъ человѣкъ извѣстнаго происхожденія и общественныхъ традицій, имѣть гражданское мужество, и онъ обладалъ имъ въ высокой степени. Онъ былъ убѣжденъ, что долгъ его по отношенію къ государству обязываетъ его не дѣлать ничего, что могло бы принизить высокіе образцы лич-

ной честности и отвѣтственности. Онъ отличался пріятнымъ сознаніемъ своихъ гражданскихъ обязанностей отъ тѣхъ людей съ покладистой нравственностью, которые придерживаются всевозможныхъ шаткихъ понятій по разнымъ вопросамъ. Имя его имѣло значеніе не только, какъ имя капиталиста,—многія имена въ этомъ отношеніи были гораздо выше его,—но оно было равносильно понятіямъ—благонадежность, честность, ненарушимая вѣрность. Онъ, дѣйствительно, любилъ эти понятія, хотя несомнѣнно любилъ ихъ менѣе за ихъ сущность, чѣмъ за то, что они были душевными свойствами Ибна Гилари. Онъ не ожидалъ, чтобы всѣ другіе обладали ими, но по своей жизненной теоріи требовалъ, чтобы они считались главными добродѣтелями. Онъ былъ глубоко проникнутъ сознаніемъ ихъ высокаго значенія и не придавалъ особаго значенія другимъ менѣе важнымъ качествамъ своей души, дѣлавшимъ его не только сноснымъ, но даже милымъ человѣкомъ. Онъ не зналъ за собою никакихъ слабыхъ струнъ, и всякая погрѣшность въ поведеніи гораздо больше изумляла его, чѣмъ огорчала. Не легко было ему сознаться въ ней; но какъ только онъ замѣчалъ ее, тотчасъ же не только хотѣлъ, но страстно стремился исправить ее.

Промахъ, сдѣланный имъ въ дѣлѣ Нортвика,—если только это былъ промахъ,—представлялъ особыя, своеобразныя затрудненія, какъ это вообще бываетъ съ ошибками въ жизни. Ошибки и промахи принимаютъ безконечно сложныя формы и маскируются, какъ и все остальное. Въ иныя мгновенія Гилари очень ясно видѣлъ свою ошибку; тогда ему казалось, что если Нортвикъ улизнетъ, ему ничего другого не остается, какъ вторично уплатить изъ своего кармана деньги, украденныя Нортвикомъ, и тѣмъ удовлетворить требованія правосудія со стороны его обманутыхъ товарищей. А затѣмъ снова поступокъ его представлялся ему дѣломъ разумной пощады, какимъ онъ казался ему въ ту минуту, когда онъ убѣждалъ совѣтъ дать этому человѣку возможность возстановить свое честное имя, какъ единственное, что они могли сдѣлать съ полною увѣренностью въ благопріятномъ исходѣ при данныхъ обстоятельствахъ, согласно здравому смыслу и требованіямъ ихъ интересовъ. Но теперь для него стало ясно, какъ Божій день, что такой человѣкъ, какъ Нортвикъ, ничего не сдѣлаетъ, а просто улизнетъ, получивъ къ тому благопріятную возможность; и ему показалось, что онъ явился его сообщникомъ, когда употребилъ силу своей личной честности въ защиту Нортвика передъ своими товарищами. Онъ очутился въ глупѣйшемъ положеніи,—въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія,—и ему нельзя было выйти изъ него безъ мучительнаго поношенія своей гордости, своего самоуваженія.

Послѣ долгаго раздумья онъ посмотрѣлъ на часы и увидѣлъ, что было еще рано для его молодежи вернуться домой. Ему нетерпѣливо хотѣлось повидаться съ сыномъ, обсудить положеніе дѣла съ его точки зрѣнія и узнать, въ какомъ видѣ оно представляется со стороны. Онъ

уже говорилъ ему объ учетахъ Нортвика и о томъ, какъ порѣшилъ совѣтъ поступить съ виновнымъ; но то было въ пылу дѣйствія, онъ говорилъ въ торопяхъ съ Маттомъ, который пришелъ домой въ ту самую минуту, какъ онъ уходилъ на званый обѣдъ. Онъ еще не успѣлъ тогда одуматься.

Гилари былъ въ томъ возрастѣ, когда человѣку пріятно излагать свои тревоги передъ сыномъ; и во взглядѣ, который его сынъ выражалъ по поводу его тревогъ, Гилари, казалось, находилъ иную, тоже собственную точку зрѣнія, но болѣе новую и свѣжую. Вѣдь сынъ былъ не только моложе, но и сильнѣе его; у него былъ совсѣмъ другой темпераментъ, при томъ же участіи и часто при тѣхъ же принципахъ. Онъ не оправдалъ ожиданій Гилари въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но въ нихъ же удовлетворилъ его родительской гордости. Отецъ разсчитывалъ, что сынъ займется торговыми предпріятіями, и Маттъ охотно отдался занятіямъ на Понкуасэтскихъ заводахъ, гдѣ долженъ былъ сдѣлаться управляющимъ по естественному теченію вещей. Но въ одинъ прекрасный день онъ вернулся домой и объявилъ отцу, что у него зародились сомнѣнія насчетъ существующихъ отношеній труда и капитала, и пока онъ не уяснитъ себѣ своихъ взглядовъ по этому вопросу, онъ считаетъ за лучшее отказаться отъ участія въ дѣлахъ компаніи. Это было чувствительнымъ разочарованіемъ для Гилари; онъ не скрылъ своихъ мыслей отъ сына, но не сталъ съ нимъ ссориться. Онъ отнесся съ мужественной терпимостью къ страннымъ понятіямъ Матта не только потому, что слѣпо обожалъ своихъ дѣтей и считалъ всѣ ихъ дѣйствія хорошими, если даже дѣйствія эти вели къ заблужденіямъ, но потому, что умѣлъ уважать принципы ближняго, если то были дѣйствительно принципы. У него были свои принципы и, если Матту было угодно имѣть свои, пусть себѣ ихъ имѣетъ. Онъ вполнѣ поддержалъ намѣреніе Матта съѣздить за границу и пожелалъ дать ему гораздо больше денегъ, чѣмъ юноша хотѣлъ взять, чтобы произвести изслѣдованія, составлявшія предметъ его путешествій. Когда онъ вернулся и издалъ монографію о работѣ и заработной платѣ въ въ Европѣ, Гилари уплатилъ расходы и принималъ вполнѣ безкорыстное участіе въ медленной и скудной продажѣ этой небольшой книги, словно она ничего ему не стоила.

Притомъ же въ свое время Ибнъ Гилари былъ большимъ мечтателемъ; онъ пошелъ наперекоръ самымъ достопочтеннымъ традиціямъ торговаго міра въ Бостонѣ, явившись ярымъ аболюціонистомъ. Его личныя стремленія къ кореннымъ общественнымъ реформамъ формулировались просто: всѣ мы въ отдѣльности годимся только для извѣстной степени передоваго движенія мысли; весьма немногіе способны къ безконечному прогрессу. И Гилари не примкнулъ къ движенію, увлекшему его сына. Но онъ понималъ, какъ его сынъ сталъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, и любилъ его такъ сильно, что почти благоговѣлъ передъ

нимъ именно за то, что называлъ его «турусами» насчетъ промышленнаго рабства. У него повеселѣло на сердцѣ, когда онъ услыхалъ, наконецъ, скрипъ дверной щеколды внизу. Тяжелой поступью торопился онъ спуститься по лѣстницѣ, отворить и впустить молодежь. Онъ подошелъ къ двери въ ту минуту, какъ они отворили ее. Подъ вліяніемъ мимолетнаго радостнаго чувства, охватившаго его душу при видѣ дѣтей, онъ весело привѣтствовалъ ихъ и обнялъ дочь, всю закутанную въ пушистые мѣха и нѣжный шелкъ.

— Охъ, не цѣлуй моего носа,—вскричала она,—онъ заморозитъ тебя до смерти, папа! Что это ты до сихъ поръ на ногахъ? Что-нибудь случилось съ мамой?

— Нѣтъ. Она уже была въ постели, когда я пришелъ домой. А мнѣ захотѣлось посидѣть и узнать, весело ли ты провела время?

— Да развѣ ты когда-нибудь видѣлъ, чтобы я скучала? Я веселилась сегодня, какъ никогда. Танцовала до упаду и мнѣ было такъ весело, такъ весело, словно я снова обратилась въ «розовый бутонъ». Но развѣ ты не знаешь, что для старичковъ очень дурно такъ поздно засиживаться?

Они поднялись на лѣстницу, и когда очутились возлѣ библіотеки, она вошла туда и сунула свои руки въ длинныхъ перчаткахъ въ каминъ, держа ихъ высоко надъ огнемъ, и взглянула на часы.

— О, еще не такъ поздно! Только пять.

— Нѣтъ, рано,—сказалъ ея отецъ въ шутливо самонадѣянномъ тонѣ, который только отцы могутъ принимать со своими взрослыми дочерьми.—Еще цѣлый часъ, прежде чѣмъ Матту пришлось бы встать, чтобы выгнать скотъ въ поле, живи онъ въ Вардлэ.

Гилари подарилъ Матту старое фамильное мѣсто въ Вардлэ и всегда шутилъ насчетъ того, какъ онъ будетъ честно зарабатывать свой насущный хлѣбъ, обрабатывая землю.

— Не говори объ этомъ сельскохозяйственномъ ангелѣ!—сказала молодая дѣвушка, отбрасывая свое пышное платье одною рукою и придерживая его локтемъ, чтобы удобнѣе грѣть другую руку у огня. Для бо́льшаго удобства она опустилась на колѣни передъ каминомъ.

— Былъ ли онъ паинькой?—спросилъ отецъ.

— Паинькой! Спроси у всѣхъ наивныхъ дѣвочекъ, съ которыми онъ танцовалъ, у всѣхъ глупыхъ дѣвченокъ, съ которыми онъ говорилъ! Стоитъ мнѣ только подумать, какъ бы славно я провела время съ нимъ въ качествѣ наивной дѣвочки, не будь я его сестрой,—я теряю всякое терпѣніе.

Она вскинула глаза на своего отца; все ея прелестное личико, съ неправильными чертами, дышало страннымъ очарованіемъ. Затѣмъ съ граціей, которая управляла каждымъ ея движеніемъ, каждымъ ея жестомъ, она такъ легко вскочила на ноги, словно цвѣтокъ, пригнутый вѣтромъ и снова вернувшійся къ своему отвѣсному положенію. Отецъ

любовался ею съ такимъ нѣжнымъ восхищеніемъ, какое могъ бы чувствовать влюбленный.

Въ дѣйствительности, она была юнымъ, женственнымъ образомъ его самого, съ тѣмъ же обыкновеннымъ лицомъ, но прелестное изящество сполна было ея собственное. Цвѣтъ ея лица не былъ, какъ у отца ея, краснымъ и рѣзкимъ, но гладкимъ и ровнымъ, бѣлымъ отъ щекъ до горла. Ея широкій плащъ упалъ на кресло позади нея, и она предстала—высокая и гибкая, со своимъ капризнымъ личикомъ, склонившимся на шейкѣ чудной красоты.

— Да если бы мы всѣ были рогатымъ скотомъ,—сказала она,—онъ не могъ бы обращаться съ нами лучше.

— Слышишь, Маттъ,—обратился Гилари къ сыну, который вошелъ въ комнату, сложивъ свое верхнее платье внизу «съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой». Его любовь къ аккуратности и къ порядку составляли предметъ подтруниванія надъ нимъ въ семействѣ.

— Она жалуется на меня, что я заставилъ ее идти пѣшкомъ домой?—спросилъ онъ, въ свою очередь, съ невозмутимостью, которая была другимъ предметомъ подтруниванія.—Не думалъ, что ты выдашь меня, Луиза.

— Я не выдавала тебя. Я знала, что ты самъ себя выдашь,—возразила Луиза.

— Заставилъ тебя идти пѣшкомъ домой?— сказалъ отецъ.—Вотъ отчего у тебя такія холодныя руки.

— Онѣ уже успѣли согрѣться... теперь. Да если бы моимъ рукамъ было вдвое холоднѣе, я не обратила бы вниманія на нихъ въ такомъ важномъ дѣлѣ.

— Какое дѣло?.

— А преступное пренебреженіе къ ногамъ, даннымъ мнѣ Богомъ?!. Но вѣдь тутъ всего нѣсколько шаговъ, и я была въ теплыхъ калошахъ.

Она слегка подвинулась къ огню и указала на калоши, лежавшія на полу. Она ихъ сбросила изъ-подъ юбокъ.

— Уфъ! Но какъ было холодно!

Она протянула къ огню атласную туфельку.

— Да, ночь была прохладная. Но ты, повидимому, пришла домой молодцомъ и никакой бѣды тебѣ отъ этого не будетъ, если сейчасъ же ляжешь въ постель,—сказалъ ея отецъ.

— Это намекъ, чтобы я ушла?—спросила она, наслаждаясь теплотою, проникавшей сквозь носокъ ея туфельки.

— Нисколько. Намъ было бы пріятно, если бы ты просидѣла здѣсь всю ночь съ нами.

— А! Ну, теперь я знаю, на что ты намекаешь. Дѣловая бесѣда?

— Дѣловая бесѣда, да.

— Ну, а я какъ разъ въ ударѣ послушать дѣльныхъ рѣчей. Мнѣ надоѣла «пріятная» болтовня.

— Почему бы Луизѣ не остаться и не поговорить съ нами о дѣлахъ, коли ей охота? По моему, очень худо, что женщинъ отстраняютъ отъ дѣла, словно оно ихъ не касается, — сказалъ сынъ. — Въ девяти случаяхъ изъ десяти оно касается ихъ гораздо больше, чѣмъ мужчинъ.

Онъ произнесъ эту сентенцію съ свѣтлой, дружественной улыбкой мыслителя и стоялъ въ ожиданіи ухода сестры съ терпѣніемъ, котораго не раздѣлялъ его отецъ. Въ тонкихъ башмакахъ онъ былъ ростомъ шести футовъ слишкомъ, и его мощная фигура рѣзко выдѣлялась изъ бальнаго фрака, который, казалось, мало ей соотвѣтствовалъ. Все его лицо было красиво и правильно; большая пышная борода не скрывала необыкновенно свѣжаго, прекраснаго рта.

— Я раздѣляю твое мнѣніе въ отвлеченномъ смыслѣ,—отвѣчалъ отецъ.—Если бы это дѣло было моимъ или дѣломъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова...

— Ну, такъ зачѣмъ же ты сказалъ, что это относится къ «дѣлу»?

Молодая дѣвушка обняла руками шею отца и уронила головкой шарфъ, на коверъ возлѣ своего плаща и калошъ.

— Не скажи ты, что у васъ будетъ дѣловая бесѣда, я бы уже давно была въ постели.

Затѣмъ, словно чувствуя, что отецъ нетерпѣливо ждетъ ея ухода, она прибавила: «Спокойной ночи», поцѣловала его, крѣпко прижавшись къ нему, сказала: «Спокойной ночи, Маттъ» и вышла. Длинная перчатка, выскользнувшая откуда-то изъ ея платья, растянулась позади нея на полу, словно пытаясь слѣдовать за нею.

VIII.

Гилари, обернувшись къ сыну, почувствовалъ легкій уколъ въ щеку булавкою, которая перемѣстилась изъ ея боа въ воротникъ его сюртука, а Маттъ тѣмъ временемъ подбиралъ съ полу плащъ, калоши, шарфъ и перчатку. Онъ бережно положилъ плащъ на софу, обитую кожей, размѣстивъ тамъ же шарфъ и перчатку, поставилъ калоши въ надлежащемъ порядкѣ на полъ, а затѣмъ вернулся какъ-разъ кстати, чтобы избавить отца отъ булавки, которая его колола и которую онъ старался увидать, ворочая глазами.

— Что это за діавольская штука?—вскричалъ онъ съ бѣшенствомъ.

— Булавка Луизы,—отвѣчалъ Маттъ такъ невозмутимо-спокойно, словно тутъ было ея настоящее мѣсто, а назначеніе ея состояло въ томъ, чтобы колоть щеку отца. Онъ пошелъ вколоть булавку въ шарфъ, а затѣмъ сказалъ:

— Мнѣ кажется, тутъ дѣло идетъ о Нортвикѣ.

— Да,—отвѣчалъ Гилари, все еще сердясь на уколовшую его булавку,—я сильно опасаюсь, какъ бы не удралъ этотъ жалкій мошенникъ.

— Ты ожидалъ, что у него будетъ возможность сдѣлать это? — спокойно спросилъ Маттъ.

— Ожидалъ ли!—выпалилъ отецъ.—Не знаю, чего я ожидалъ. Я могъ ожидать отъ него всего, кромѣ обыкновенной честности. На собраніи я держался того мнѣнія, что наша единственная надежда — дать ему возможность оправдаться. Онъ изворотливъ, какъ угорь, и могъ вернуть убытки. Я ему не вѣрилъ, но думалъ, что, при желаніи онъ въ состояніи выплатить по частямъ убытки, а судомъ съ него ничего не возьмешь. Какъ говорится, съ голаго взятки гладки.

— Совершенно резонно, — согласился сынъ, со своей спокойною улыбкой.

— Я не пощадилъ его, но убѣдилъ другихъ пощадить его. Я сказалъ ему въ глаза, что онъ воръ.

— О!—произнесъ Маттъ.

— Да развѣ это не правда?—сердито возразилъ отецъ.

— Да, да. Я думаю, его можно назвать этимъ именемъ.

Маттъ выразилъ свое согласіе съ видомъ человѣка, имѣющаго свои оговорки, что еще болѣе усилило раздраженіе отца.

— Очень хорошо, сударь!—загремѣлъ онъ.—Ну такъ я назвалъ его этимъ именемъ. И полагаю, ему будетъ полезно узнать это.

Гилари не сталъ повторять всѣхъ рѣзкостей, высказанныхъ имъ Нортвику, хотя намѣревался сдѣлать это, очень гордясь ими; но что-то въ голосѣ его сына остановило его въ эту минуту.

— Всѣ товарищи согласились со мной и мы дали ему льготу, о которой онъ просилъ у насъ.

— Вамъ ничего другого не оставалось сдѣлать. Это вѣрно.

— Разумѣется, вѣрно! Это былъ единственно дѣльный исходъ въ данномъ случаѣ, хотя все представится въ иномъ свѣтѣ, когда обнаружится, что онъ удралъ въ Канаду. Я сказалъ ему, что для него лучше всего было бы наткнуться на встрѣчный поѣздъ по дорогѣ домой; что не будь его семейства, не будь его дочери, которая такъ дружна съ Луизой, мнѣ было бы пріятно увидѣть, какъ его повели бы, въ кандалахъ, по улицѣ два констебля.

Маттъ не сдѣлалъ никакаго замѣчанія, быть можетъ, онъ не считалъ цѣлесообразнымъ критиковать отца, быть можетъ, вниманіе его было болѣе занято вопросомъ, о которомъ упомянулъ его отецъ.

— Тяжело это будетъ для этого прелестнаго созданія.

— Тяжело будетъ для массы созданій прелестныхъ и непрелестныхъ,—возразилъ отецъ.—Никого изъ насъ это не разоритъ, но многихъ изъ насъ встряхнетъ отвратительнѣйшимъ образомъ. На время, быть можетъ, одинъ—два человѣка очутятся въ критическомъ положеніи.

— Ахъ, это совсѣмъ не то. Это—страданіе; это не позоръ. Это не имѣетъ ничего общаго съ горемъ, въ которое повергаетъ васъ грѣхъ вашего отца.

— Ну, конечно, это совсѣмъ иное! — сказалъ Гилари, нетерпѣливо

уступая сыну.—Но миссъ Нортвикъ всегда казалась мнѣ молодой особой довольно непреклоннаго сорта; никогда не могъ я понять, за что наша Луиза ее полюбила.

— Онѣ вмѣстѣ учились,—пояснилъ сынъ,—она довольно рѣзкая особа, мнѣ кажется, или можетъ быть рѣзка. Но именно по этой причинѣ, мнѣ иногда казалось, что о ней легко составить несправедливое мнѣніе. Я думаю, въ ней то обаяніе, которое гордая дѣвушка представляетъ для такой дѣвушки, какъ Луиза.

Гилари спросилъ съ болѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ уклоненіемъ въ сторону:

— А какъ ея дѣла съ Джэкомъ Уилмингтономъ?

— Не знаю. Кажется, всѣ такія дѣла, въ которыхъ нѣтъ ничего рѣшеннаго, имѣютъ въ себѣ нѣчто таинственное. Мы ожидаемъ, что люди должны жениться и дѣлу конецъ, хотя, быть можетъ, въ дѣйствительности, дѣло не такъ просто.

— Съ нимъ, кажется, случился какой-то скандалъ?

— Да, но я этому никогда не вѣрилъ.

— На меня онъ всегда производилъ впечатлѣніе какого-то неотесаннаго чурбана, но какъ бы то ни было, онъ, кажется, не такой негодяй, чтобы оставить дѣвушку, потому что...

— Потому что отецъ ея мошенникъ?—подсказалъ Маттъ.—Нѣтъ, совсѣмъ не думаю, чтобы онъ былъ такимъ. Но есть всегда множество другихъ обстоятельствъ, которыя приходится принимать въ разсчетъ, помимо своихъ чувствъ и даже принциповъ. Я не могу рѣшить, какъ бы поступилъ Уилмингтонъ. Какъ предполагаешь ты дѣйствовать въ ближайшемъ будущемъ относительно Нортвика?

— Я обѣщалъ ему, что его не станутъ «травить», пока онъ будетъ стараться оправдать себя. Если же мы откроемъ, что онъ удралъ, мы должны передать это дѣло въ руки сыскной полиціи. Такъ мнѣ кажется.

Отвращеніе выразилось на лицѣ Гилари, бывшемъ вѣрнымъ зеркаломъ всѣхъ его душевныхъ эмцій.

— Аппаратъ правосудія не отличается особенной привлекательностью,—промолвилъ сынъ съ сочувственной улыбкой,—даже въ томъ случаѣ, когда человѣкъ не совершалъ преступленія. Но я не знаю ничего возмутительнѣе коммерческаго или, какъ мы его называемъ, дѣлового аппарата. Нѣкоторая доля грязи, повидимому, остается на хлѣбѣ каждаго въ то время, какъ онъ его зарабатывалъ, или на его дѣлахъ даже и въ томъ случаѣ, когда онъ наживалъ ихъ большими кушами, какъ это практикуется въ нашемъ сословіи.

Эти послѣднія слова дали отцу возможность вымѣстить на сынѣ недовольство самимъ собою.

— Я бы попросилъ тебя, Маттъ, не говорить со мною этимъ высоко парнымъ языкомъ бродячаго делегата. Я оставляю тебя въ покоѣ съ

твоими бреднями и, мнѣ кажется, ты можешь легко сообразить, что я тоже не хочу, чтобы меня задѣвали.

— Извини, пожалуйста,—сказалъ молодой человѣкъ,—я не хотѣлъ сдѣлать тебѣ непріятное.

— Ну такъ и не дѣлай!

Спустя минуту Гилари прибавилъ, возвращаясь къ сознанію собственной неправоты:

— Вся эта исторія въ высшей степени мнѣ противна; но я не вижу, какъ могъ бы я поступить иначе. Знаю, я самъ навлекъ на себя отвѣтственность въ извѣстномъ смыслѣ, давъ Нортвику возможность выпутаться изъ бѣды. Но, право, ничего другого не оставалось. Если онъ обманетъ оказанное ему довѣріе, отъ этого самый фактъ ничуть не измѣнится; но я не могу скрыть отъ самого себя, что отчасти ожидалъ съ его стороны возможности обмана.

— Мнѣ кажется,—отвѣчалъ сынъ,—это естественно заставляетъ тебя предполагать, что онъ убѣжитъ.

— Да.

— Но твое предположеніе не устанавливаетъ еще самаго факта.

— Нѣтъ. Но вопросъ въ томъ, не обязываетъ ли это меня дѣйствовать такъ, какъ если бы существовалъ уже самый фактъ; не долженъ ли я, разъ у меня явилось это подозрѣніе, принять теперь же нѣкоторыя мѣры, чтобы узнать, уѣхалъ-ли Нортвикъ дѣйствительно, или нѣтъ, вмѣстѣ съ сыскной полиціей энергично слѣдить за нимъ, хотя и обѣщалъ ему, что ни малѣйшая тѣнь не коснется его, пока не пройдутъ льготные три дня.

— Это щекотливый вопросъ,—сказалъ Маттъ, — или, вѣрнѣе это скверный вопросъ. Однако, ты принимаешь свои страхи за совершившійся фактъ и всѣ вы должны были имѣть свои опасенія еще ранѣе. Я не думаю, чтобы даже виновная совѣсть обязывала кого бы то ни было къ занятію сыщика.

Маттъ снова засмѣялся съ тою нѣжной любовью, которую онъ питалъ къ отцу.

— Хотя я не вижу никакого, особеннаго позора въ положеніи полицейскаго сыщика, разъ онъ полицейскій сыщикъ. Полицейскіе сыщики составляютъ необходимую часть административнаго правосудія, какъ мы его понимаемъ и какимъ оно у насъ является на дѣла. Я не вижу, почему сыщикъ, арестующій, напримѣръ, убійцу, не представляетъ такого же достопочтеннаго чиновника, какъ судья, произносящій приговоръ надъ убійцей, или палачъ, накидывающій веревку ему на шею. Различіе, дѣлаемое нами между ними, одна изъ тѣхъ скрытыхъ уловокъ, которыя примѣняются нами повсюду въ нашей системѣ общественнаго устройства. Я говорю это не изъ желанія обратить тебя въ полицейскаго сыщика. Все это до такой степени грустно и возмутительно, что я желалъ бы, чтобы ты совсѣмъ не участвовалъ въ этомъ дѣлѣ.

Мнѣ кажется, ты думаешь, тебѣ слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, увѣдомить совѣтъ о твоихъ опасеніяхъ?

— Да,—сказалъ Гилари, печально свѣсивъ свой двойной подбородокъ на грудь,—сперва мнѣ казалось, что я долженъ сдѣлать это; но я далъ *ему* слово! И мнѣ хотѣлось переговорить съ тобою.

— Ты хорошо сдѣлалъ, оставивъ ихъ спать спокойно. Въ сущности, тутъ рѣшительно ничего нельзя сдѣлать.

Маттъ всталъ съ низкой кушетки, на которой растянулся, и широко разставилъ свои сильныя руки.

— Если этотъ человѣкъ бѣжалъ, то въ настоящую минуту за нимъ не угнаться; а если онъ не бѣжалъ, то нѣтъ основанія бить тревогу.

— Значитъ, ты бы ничего не сталъ дѣлать теперь?

— Разумѣется, нѣтъ. Что же ты можешь сдѣлать?

— Я тоже думаю, не лучше ли подождать до утра.

— Спокойной ночи,—сказалъ сынъ, намекая этими словами, что пора отдохнуть,—кажется, этотъ вопросъ исчерпанъ?

— Да, что же можно еще сказать? Иди лучше спать.

— Надѣюсь, папа, и ты пойдешь спать.

— О, я лягу... только ради порядка.

Сынъ засмѣялся.

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты также заснулъ порядка ради. Я буду спать.

— Я не могу заснуть,—съ горечью отозвался отецъ.—Когда происходятъ подобныя безобразія, кому-нибудь необходимо лежать безъ сна и думать, какъ съ ними быть.

— Навѣрное, Нортвикъ такъ и дѣлаетъ.

— Сомнѣваюсь,—сказалъ Гилари,—я подозрѣваю, что Нортвикъ наслаждается теперь подкрѣпляющимъ сномъ, въ курьерскомъ поѣздѣ, который уноситъ его въ Монреаль, гдѣ-нибудь близъ Сентъ-Альбанса, въ эту минуту.

— Сомнѣваюсь, чтобы грёзы его были веселыми. Во всякомъ случаѣ онъ только выбралъ болѣе обширную тюрьму, если отправился въ изгнаніе. Быть можетъ, онъ и въ Монреальскомъ курьерскомъ поѣздѣ, только я увѣренъ,—не спитъ онъ.

— Ты правъ,—согласился отецъ.—Бѣдняга! Гораздо лучше было бы для него умереть.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИСПОВѢДЬ.

Изъ Ады Негри.

Назойливый врачъ, мой владыка случайный,
Кровавый посмертный женихъ,
Жестокою сталью вскрывающій тайны
Поруганныхъ членовъ моихъ!
Ты знаешь ли кто я? Печальную повѣсть
Открыть не хочу я ножу.
Чтобъ ропотомъ скорби смутить твою совѣсть,
Ее я сама разскажу.
Семьи я не знала, росла безъ защиты
Мнѣ улица домомъ была,
Мнѣ были постелью холодныя плиты,
Покровомъ ненастная мгла.
Безсонныя ночи узнала я рано
И долгіе дни безъ ѣды,
Напрасныя просьбы и узы обмана,
И тяжкое иго нужды.
Я знала томленье страдальческой доли
И горе убогой стези
И вѣкъ свой влачила въ постыдной неволѣ,
Въ зловонной и ѣдкой грязи.
Послѣдній пріютъ мнѣ открыла больница,
И отдыхомъ былъ мнѣ недугъ,
Но смерть опустилась, какъ черная птица,
И очи закрыла мнѣ вдругъ.
И такъ умерла я не лучше собаки,
Не зная друзей до конца,
Привѣтнаго слова не слыша во мракѣ,
Не видя родного лица.
Какъ ярко чернѣли, въ красѣ шаловливой
Вились мои кудри волной!
Но смерть расплела ихъ рукою ревнивой,
Имъ ласки не видѣть земной.

Какъ пышно, какъ нѣжно цвѣло мое тѣло,
Но нынѣ въ холодную ткань
Безжалостный ножъ твой вонзается смѣло,
Взимая кровавую дань.
Вонзай же поглубже! Мой трупъ беззащитный
Пытливо на части изрѣжь!
Насыть моимъ чревомъ свой взоръ любопытный,
И алчное сердце натѣшь!
Нѣмую утробу терзай, торжествуя,
Раскрой ея нѣдра на свѣтъ!
Ищи тамъ пытливо печать роковую,
Жестокаго голода слѣдъ.
И грудь разсѣки мнѣ ножомъ безпощаднымъ,
И сердце на свѣтъ извлеки!
Ищи въ его складкахъ съ вниманіемъ жаднымъ
Зловѣщую тайну тоски.
На грязномъ столѣ я лежу предъ тобою,
Пріемля послѣдній позоръ.
Но знай: я страдаю. Неясной мольбою
Мерцаетъ недвижный мой взоръ.
Изъ устъ моихъ блѣдныхъ, какъ призрачный шопотъ
Загробныхъ невѣдомыхъ словъ,
Стремится сорваться настойчивый ропотъ,
Проклятій прерывистыхъ зовъ.

Танъ.

Капиталистическій процессъ въ изображеніи Мамина-Сибиряка.

(критическій очеркъ).

«Я долго не могъ заснуть. Мнѣ мерещилось все видѣнное и слышанное за день, эти толпы бурлаковъ, пьяный Савоська, мастеровые, «камешки», ужинъ въ караванной конторѣ и, наконецъ, больные бурлаки, и этотъ импровизованный пиръ «веселой скотинкой». Цѣлая масса несообразностей мучительно шевелилась въ головѣ, вызывая ряды типичныхъ лицъ, сценъ и мыслей. Какъ разобраться въ такомъ хаосѣ впечатлѣній, какъ согласовать отдѣльные житейскіе штрихи, чтобы получить въ результатѣ необходимое цѣлостное представленіе? Каждый разъ, когда хотѣлось сосредоточиться на одной точкѣ, мысли расползались въ разныя стороны, какъ живые раки изъ открытой корзинки» [1]).

Нѣчто подобное испытываетъ, безъ сомнѣнія, каждый читатель, когда вздумаетъ отдать себѣ отчетъ въ творчествѣ г-на Мамина. На первый взглядъ оно поражаетъ своей хаотичностью и безформенностью. Однѣ за другими проходятъ передъ читателемъ несмѣтныя толпы личностей. Здѣсь и представители, крѣпкаго своими устоями, крестьянскаго міра и индивидуализированные заводскіе мастеровые, охваченные жаждой золота старатели и дикіе вымирающіе башкиры, всевозможнаго сорта дѣльцы и воротилы, крупные и мелкіе хищники и, какъ рѣдкіе гости, мечтатели, занятые рѣшеніемъ соціальнаго вопроса, дипломаты и дѣльцы въ юбкѣ и жалкіе мужицкіе выродки; разбойники и бѣглые каторжники и невинныя дѣтскія тѣни, страдающія за грѣхи отцовъ... И кого, кого здѣсь только нѣтъ! Цѣлое необозримое море человѣческихъ головъ, съ своеобразными, характерными физіономіями. Безконечное величіе природы оттѣняетъ человѣческое ничтожество и пошлость, ея красота и гармонія—человѣческую нескладицу и хищничество. Картины природы смѣшиваются съ картинами человѣческой жизни. Эти послѣднія мелькаютъ одна за другой во всемъ ихъ пестромъ разнообразіи. Вотъ здѣсь, на тяжелой пріисковой и заводской работѣ, изнываютъ сотни и тысячи рукъ, а тамъ цѣлая стая хищниковъ справ-

[1]) «Бойцы»—Уральскіе разсказы. Т. II, стр. 59—60.

ляетъ свой безобразный шабашъ. Вотъ тянется передъ вами безконечная цѣпь человѣческой подлости, пошлости, жестокости и звѣрства и вдругъ, Богъ знаетъ откуда, встанетъ передъ вами чудный женскій образъ, и вы созерцаете сцены высокаго женскаго героизма. Массовыя движенія, захватывающія десятки и сотни семействъ, чередуются съ личными драмами и трагедіями, съ личнымъ горемъ и радостью; молитвенное настроеніе смѣняется звѣрствомъ, дикіе вопли голодныхъ—безсмысленнымъ, сумасшедшимъ бредомъ; то слышится проголосная пѣсня, то отчаянные вопли жертвы въ когтяхъ хищника, то безпорядочный шумъ и нестройный говоръ толпы и т. д., и т. д. Кажется, и конца не будетъ этому дѣвственному лѣсу лицъ, образовъ, сценъ и картинъ, вызванныхъ къ жизни творческой силой автора. Все это пестрое разнообразіе находится въ безпрерывномъ движеніи и измѣненіи: лица и образы мелькаютъ въ вихрѣ крутящейся жизни; въ концѣ романа они уже не тѣ, какими были въ началѣ. Какой-то невидимый художникъ однимъ взмахомъ своей творческой кисти начертилъ на всемъ новые узоры, окрасилъ все въ новые цвѣта; какая-то шальная рука смѣшала и перетасовала всѣхъ и все, и какъ-то сами собой уже складываются новыя, еще болѣе причудливыя сочетанія.

Этому внѣшнему хаосу жизни соотвѣтствуетъ внутренній хаосъ человѣческихъ отношеній. Въ жизни господствуютъ не разумъ и не воля людей, а слѣпыя стихійныя силы. Изъ-за необозримыхъ рядовъ отдѣльныхъ личностей, которыя кажутся какими-то живыми точками на жизненной сценѣ, передъ глазами читателя вырисовывается невидимая сѣть взаимно перекрещивающихся и причудливо перепутанныхъ силъ, гигантская система невидимыхъ колесъ, шестерней, валовъ и приводовъ, которая связываетъ людей въ одно сложное цѣлое [1]). Въ этой стихійной связи все обусловлено, «все идетъ съ страшной послѣдовательностью... и одно связано съ другимъ, какъ кольца желѣзной цѣпи» [2]). «Въ жизни всѣ явленія и всѣ люди связаны между собою невидимыми для глаза нитями. Эта внутренняя глубокая связь раскрывается только при исключительныхъ случаяхъ, когда только обнажается внутренній остовъ этихъ отношеній» [3]). Добро и зло связаны другъ съ другомъ, какъ причина и слѣдствіе, и наоборотъ. Самыя цѣнныя завоеванія ума, таланта, генія стоятъ дорогихъ, ни въ чемъ

---

[1]) Въ большинствѣ романовъ г-на Мамина и во многихъ его разсказахъ настоящими дѣятелями являются не люди, а именно стихійныя силы—банкъ («Хлѣбъ»), золото («Золото», «Дикое счастье» и др.), наслѣдственность («Дѣтскія тѣни», «Нужно поощрить искусство», «У теплаго моря» и пр.), улица («На улицѣ»), семейные и половые инстинкты («Поправка доктора Осокина» и др.). Эти силы нерѣдко даютъ развязку дѣйствія и управляютъ его ходомъ («Дикое счастье», «Золото», «Хлѣбъ» и др.).

[2]) «Русская мысль». 1894 г. 10. «Не мама».

[3]) «Весеннія грозы», стр. 85.

неповинныхъ жертвъ; одно зло рождаетъ другое, это, въ свою очередь, накрывается третьимъ, одно служитъ другому. «Вотъ въ этой сочной травѣ, подернутой утренней росой, съ виду такъ же тихо, какъ и въ воздухѣ, но сколько въ этотъ моментъ тамъ и здѣсь погибаетъ живыхъ существованій, погибаетъ безъ крика и стона, въ нѣмыхъ конвульсіяхъ. Одна букашка душитъ другую, червякъ точитъ червяка, весело чирикающая птичка одинаково весело ѣстъ и букашку, и червяка, дѣлаясь, въ свою очередь, добычей кошки или ястреба. Въ этомъ концертѣ пожиранія другъ друга творится тайна жизни» [1]). «Вся исторія человѣчества создана на подобныхъ жертвахъ, подъ каждымъ благодѣяніемъ цивилизаціи таятся тысячи и милліоны безвременно погибшихъ въ непосильной борьбѣ существованій, каждый вершокъ земли, на которомъ мы живемъ, напоенъ кровью аборигеновъ и каждый глотокъ воздуха, каждая наша радость отравлены миріадами безвѣстныхъ страданій, о которыхъ позабыла исторія, которымъ мы не приберемъ названія и которыя каждый новый день хоронитъ мать земля въ своихъ нѣдрахъ» [2]). Но и сильный и слабый являются одинаково жертвами стихійной связи вещей, жертвами взаимныхъ отношеній.

Отдѣльный человѣкъ—ничтожная точка въ этой стихійной связи вещей, жалкій матеріалъ въ рукахъ стихійныхъ силъ, слѣпое орудіе въ стихійномъ процессѣ развитія. Прошлое имѣетъ огромную власть надъ его судьбой. Жизнь течетъ по руслу, вырытому покойниками. «Какая эта ужасная мысль, что міръ управляется именно покойниками, которые заставляютъ насъ жить опредѣленнымъ образомъ, оставляютъ намъ свои правила морали, свои стремленія, чувства, мысли и даже покрой платья. Мы безсильны стряхнуть съ себя это иго мертвыхъ!» [3]) Его настоящее—результатъ стихійныхъ силъ, сталкивающихся, ослабляющихъ и усиливающихъ одна другую. «Есть роковыя силы, которыя заставляютъ человѣка дѣлаться тѣмъ или другимъ, и я увѣренъ, что никакой преступникъ не думаетъ о скамьѣ подсудимыхъ, а тюремщикъ, который своимъ ключемъ замыкаетъ ему весь вольный бѣлый свѣтъ, никогда не думалъ быть тюремщикомъ» [4]). Съ этой точки зрѣнія «жизнь положительно страшная вещь» [5]). Нельзя сдѣлать шагу, чтобы не натолкнуться на что-нибудь неизбѣжное и безпощадное, какъ сама судьба, что властно вторгается въ человѣческую жизнь, вопреки всякимъ разсчетамъ и соображеніямъ, логикѣ и разсудку. Длинный рядъ цѣпляющихся другъ за друга фактовъ, начало котораго скрывается въ глубинѣ исторіи, обложилъ человѣка желѣзнымъ кольцомъ, котораго онъ даже не пытается разорвать, потому что въ большинствѣ

---

[1]) «Бойцы», стр. 35.

[2]) Уральскіе разсказы. Т. I, «Въ худыхъ душахъ», 42—43 стр.

[3]) «Черты изъ Жизни Пепко», стр. 112—113.

[4]) Тамъ же, стр. 223—4.

[5]) Сибир. разсказы, «На перевалѣ», стр. 62.

случаевъ не замѣчаетъ и не видитъ его, и благодаря которому онъ зайдетъ въ такую трясину, гдѣ нѣтъ просвѣта и изъ которой нѣтъ выхода. Какая-то безпощадная и безжалостная рука властно распоряжается человѣческой судьбой и вопреки всякимъ надеждамъ и планамъ рисуетъ на ней свои собственные узоры. «Идешь туда, а глядишь пришелъ совсѣмъ въ другое мѣсто; хочешь принести человѣку пользу, получается вредъ; любишь человѣка—платятъ ненавистью; хочешь исправиться—только глубже опускаешься» [1]). «Мы, какъ дѣти, утѣшаемся карточными домиками, а природа насъ хлопъ, да хлопъ по носу» [2]). Нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что этотъ слѣпой, стихійный характеръ развитія жизни отражается въ сознаніи людей, какъ дѣйствіе рока [3]).

Если въ жизни господствуютъ слѣпыя, стихійныя силы, а человѣкъ—игрушка этихъ силъ, то отсюда ясенъ выводъ: жизнь мрачная трагедія въ самыхъ основахъ своихъ, трагедія, въ которой нѣтъ виноватыхъ. Зло коренится въ условіяхъ жизни, «не имѣетъ личной формы, а представляется чѣмъ-то стихійнымъ, безразличнымъ и неуловимымъ» [4]). Оно не концентрируется въ какой-нибудь отдѣльной личности или классѣ общества; оно въ самомъ строѣ вещей. За него никто исключительно не въ отвѣтѣ, въ немъ никто исключительно не виноватъ. Всѣ одинаково виноваты и одинаково правы. Но есть же возмездіе за существующее зло, есть карающая рука! «Каждый день,—говоритъ Маминъ,—день итога, день посѣщенія, день послѣдняго отвѣта» [5]). Изъ круговой стихійной несправедливости ткется безконечная паутина человѣческой жизни. Но вотъ надъ этой паутиной пронеслось холодное дыханіе смерти. Зданіе, воздвигавшееся неимовѣрными усиліями въ продолженіе многихъ столѣтій, готово рухнуть. Оно подгниваетъ въ своихъ собственныхъ основаніяхъ. Являются зловѣщіе признаки разложенія. Немезида вступаетъ въ свои права, и ея мечъ поражаетъ безъ разбору

---

[1]) «Горное гнѣздо», стр. 26.

[2]) Тамъ же, стр. 375.

[3]) Эта черта особенно сильно отразилась въ произведеніяхъ Мамина. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы познакомимся съ безчисленными иллюстраціями ничтожества и безсилія человѣка передъ стихійными силами. Та же черта отразилась и на слогѣ Мамина. Эпитетъ «роковой» наиболѣе употребительный у этого писателя. Роковая быстрота, роковая развязка, роковая черта, роковой діагнозъ, роковой день, роковое дѣло, роковыя секунды, роковая фраза, роковое рѣшеніе, роковое слово, роковой приговоръ, роковой женскій вопросъ, роковая записка, роковыя событія, роковая сила, роковая семья, роковой предѣлъ, роковая дверь, роковой мѣшокъ и т. д.—кажется, нѣтъ такого существительнаго, котораго Маминъ не наградилъ бы эпитетомъ «роковой». Въ данномъ случаѣ языкъ только изображаетъ характеръ мысли. У Мамина есть даже «типичные роковые люди». Таковъ, напр., Васька въ очеркѣ «Крестникъ» (Сибирскіе разсказы), Галактіонъ Колобовъ въ романѣ «Хлѣбъ», Приваловъ въ «Приваловскихъ милліонахъ» и др.

[4]) «Дѣтскія тѣни».

[5]) Тамъ же.

перваго встрѣчнаго, часто совсѣмъ непричастнаго къ данному проявленію зла; вѣдь всѣ люди служатъ только жалкимъ матеріаломъ въ рукахъ слѣпыхъ стихійныхъ силъ, строющихъ человѣческое общество. Въ этихъ кризисахъ личной и общественной жизни выражается стихійное требованіе личной и общественной правды. Передъ лицемъ смерти нѣтъ ни лжи, ни обмана, и изъ-за груды развалинъ стараго зданія глядитъ простая, ясная, какъ день, правда [1]).

Капитализмъ съ его сложными жизненными отношеніями, съ его обостренной, бѣшенной борьбой за существованіе, съ его разрушительной тенденціей, могъ дать богатый матеріалъ для такого міровоззрѣнія [2]). И мы, дѣйствительно, видимъ, что лучшіе романы Мамина посвящены исторіи капитала на Уралѣ и въ Зауральѣ. Эта исторія написана въ лицахъ и сценахъ, широкимъ размахомъ кисти и съ глубокимъ знаніемъ дѣла. Въ цѣломъ рядѣ блестящихъ картинъ, въ типичныхъ лицахъ и сценахъ, авторъ шагъ за шагомъ, страница за страницей развертываетъ передъ читателемъ исторію капитала въ той или другой отрасли промышленности, охватывающей иногда громадные округи и области. Онъ слѣдитъ за его вліяніемъ на докапиталистическія формы жизни, обрисовываетъ стянутые имъ общественные слои, ихъ взаимную группировку и общественные результаты, отсюда вытекающіе. Авторъ не ограничивается одной только экономической эволюціей общества. Онъ слѣдитъ за проникновеніемъ капитализма во всѣ сферы человѣческой жизни, въ семью, въ область правовыхъ отношеній, въ нравы и понятія, въ науку и литературу. Его герои—не ярлыки тѣхъ или иныхъ экономическихъ категорій, а живые люди съ разнообразной и сложной психической структурой. Захваченные стихійнымъ процессомъ,—одни изъ нихъ легко и быстро приспособляются, другіе переживаютъ внутренній мучительный процессъ разложенія прежняго духовнаго человѣка и формированія новаго, немногіе остаются въ сторонѣ отъ охватившаго всѣхъ движенія холодными наблюдателями формирующагося на ихъ глазахъ новаго общества, въ которомъ они не могутъ найти себѣ мѣста, рѣдко кто изъ нихъ вступаетъ въ непосильную борьбу съ новымъ росткомъ жизни. Эти превращенія происходятъ на глазахъ читателя, листъ за листомъ рас-

---

[1]) Жизненныя катастрофы занимаютъ, повидимому, важное мѣсто въ міровоззрѣніи Мамина. Это необходимая принадлежность почти каждаго его большого романа и многихъ повѣстей и разсказовъ. «Три конца», «Золото», «Дикое счастье», «Хлѣбъ», «Приваловскіе милліоны», «На улицѣ», «Дѣтскія тѣни» и мн. др. кончаются личными или грандіозными общественными катастрофами. Иногда эти катастрофы носятъ у Мамина какой-то особенный, пророчески—символическій характеръ, на что указываетъ и Скабичевскій въ своей статьѣ о Маминѣ («Новое Слово», 1896 г., Окт.-Ноябрь).

[2]) Будущій біографъ этого замѣчательнаго писателя, можетъ быть, покажетъ что его міровоззрѣніе и сложилось подъ наблюденіемъ процесса капиталистическаго развитія.

крывается книга новой жизни. Съ искусствомъ настоящаго мастера своего дѣла, авторъ освѣтитъ ее то съ одной, то съ другой стороны, выдвинетъ на первый планъ то ту, то другую часть одного сложнаго, живого цѣлаго, которое вырисовывается все яснѣе и яснѣе, принимаетъ опредѣленныя очертанія и вылипается въ нѣчто стройное, строго законченное. Впечатлѣніе безпорядочнаго, безформеннаго хаоса исчезаетъ, и передъ глазами читателя встаетъ широко задуманная и исполненная картина, въ которой пестрыя группы явленій складываются въ стройную систему и каждое явленіе находитъ свое опредѣленное мѣсто [1]).

Свою лѣтопись Маминъ ведетъ со времени освободительной реформы. Зауралье, какъ и вся Сибирь, не знало крѣпостнаго права, за очень немногими, ничтожными по своему значенію, исключеніями. Но Уралъ былъ знакомъ съ этимъ явленіемъ и притомъ въ одной изъ самыхъ тяжелыхъ его формъ, въ видѣ приписныхъ къ горнымъ заводамъ крестьянъ, этихъ когда-то вольныхъ насельниковъ, колонизаторовъ дѣвственнаго края, бѣжавшихъ на Камень, т.-е. на Уралъ, еще со временъ и отъ тяжелыхъ порядковъ московскаго государства, а въ послѣдствіи отъ религіозныхъ преслѣдованій. Когда въ прошломъ столѣтіи горные заводы стали расти на Уралѣ не по днямъ, а по часамъ, а рабочихъ рукъ не было, правительство стало приписывать къ нимъ окрестныя деревни съ крестьянами и безплатно отводило заводовладѣльцамъ громадныя, нетронутыя территоріи, которыя они, съ своей стороны, увеличивали, покупая у башкиръ необъятныя пространства за баснословно ничтожныя цѣны. Горнозаводчики не довольствовались этимъ и принимали къ себѣ на заводы раскольниковъ, бѣжавшихъ отъ жестокихъ преслѣдованій, просто бѣглыхъ каторжниковъ и разный сбродъ и даже покупали крѣпостныхъ въ Европейской Россіи цѣлыми партіями и отправляли на заводы. Такъ создавался пестрый контингентъ крѣпостныхъ, обязанныхъ работать на заводахъ. Тяжелое прошлое создавало условія для экспропріаціи цѣлой массы населенія, которыя и вскрылись съ освободительной реформой. Съ этой послѣдней, въ свою очередь, были связаны важныя перемѣны въ строѣ заводскаго хозяйства, въ семьѣ, въ экономическомъ бытѣ заводскаго населенія. Этотъ именно моментъ и схваченъ въ романѣ «Три конца», этой «лѣтописи» Урала, какъ мѣтко охарактеризовалъ его самъ авторъ.

[1]) Въ своемъ романѣ «Черты изъ жизни Пепко», который носитъ несомнѣнно автобіографическій характеръ, Маминъ разсказываетъ, что еще будучи студентомъ онъ задумалъ серію романовъ на манеръ Золя. По примѣру ли этого послѣдняго или по какимъ другимъ мотивамъ, Маминъ въ цѣломъ рядѣ романовъ—«Горное гнѣздо», «На улицѣ», «Три конца», «Золото», «Дикое счастье», Хлѣбъ«, «Приваловскіе милліоны»—даетъ дѣйствительно нѣчто цѣльное и связное, проникнутое одной идеей, причемъ на Приваловскіе милліоны» можно смотрѣть, какъ на заключительный романъ всей серіи. Кромѣ этой, у Мамина есть другая серія мелкихъ разсказовъ («Дѣтскія тѣни», «Врачъ» «Не мама»), проникнутая также одной идеей и имѣющая высокій художественный и общественный интересъ.

«Три конца» это—три заводскихъ поселка, раскидавшіе свои домишки по берегамъ трехъ горныхъ рѣчекъ—Урьи, Сойги и Култыма и заводскаго пруда, въ которомъ эти рѣчки сходились и дальше шли подъ именемъ одной рѣки, Березайки. Въ узлѣ этихъ рѣчекъ расположился Ключевскій заводъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ Мурмосскихъ заводовъ, дача которыхъ своими сотнями тысячъ десятинъ залегла на самомъ перевалѣ средняго Урала. Первыми поселенцами на Ключевскомъ заводѣ были раскольники, кержаки, расположившіеся по берегу рѣки Урьи. Они были первыми колонизаторами этого глухого края и поселились здѣсь въ незапамятныя времена, когда еще не было заводовъ. Первый ихъ поселокъ расположился по рѣкѣ Каменкѣ и извѣстенъ былъ подъ именемъ пристани Самосадки. Выселенцы съ Самосадки постепенно образовали особое селеніе на рѣкѣ Березайкѣ—Ключи. Когда въ серединѣ прошлаго столѣтія эта полоса цѣликомъ попала въ однѣ крѣпкія руки—какого-то выходца изъ Балахны, по фамиліи Устюжанинъ,—Ключи превратились въ Ключевской заводъ, а Самосадка такъ и осталась пристанью. Устюжаниновы повели заводское дѣло сильной рукой, а такъ какъ рабочихъ рукъ на Уралѣ въ то время было мало, то они охотно принимали бѣглыхъ раскольниковъ, бродягъ, не помнящихъ родства. Но и этого оказалось мало. Въ 30-хъ годахъ одному заводовладѣльцу удалось выгодно пріобрѣсти двѣ большія партіи крѣпостныхъ крестьянъ,—одну въ Черниговской, а другую въ Тульской губерніи. Малороссы и великороссы были пригнаны на Уралъ и заняли берега рѣкъ Сойги и Култыма. Такъ образовались три конца: раскольничій—кержацкій, хохлацкій и туляцкій. А верстахъ въ двухъ отъ Ключевского завода расположился мѣдный рудникъ—Крутяшъ. Сюда со всѣхъ заводовъ ссылали провинившихся рабочихъ, такъ что этотъ рудникъ служилъ чѣмъ-то въ родѣ домашней каторги. Ссыльное населеніе постепенно образовало здѣсь особый выселокъ, получившій названіе Пеньковки. Здѣсь сошелся самый отчаянный, нехозяйственный народъ, поставлявшій заводскихъ конюховъ, поденщицъ на фабрику и рабочихъ въ рудникъ. Фабрика и крѣпостное право связывали эти разнохарактерные поселки въ одно цѣлое, хотя и не могли вытравить существовавшаго между ними религіознаго и бытоваго очужденія и вражды—исконныхъ поселенцевъ, кержаковъ и новоселовъ—«мочеганъ» и хохловъ, и туляковъ между собою.

Фабрика служила экономическимъ центромъ округа. Въ концѣ концовъ все къ ней сводилось и все отъ нея исходило: одни работали на самой фабрикѣ, другіе на вспомогательныхъ работахъ—рубили дрова, жгли угли, добывали руду, строили барки для сплава заводскаго «металла», сплавляли заводскій караванъ, занимались перевозкой. Но эта фабрика была крѣпостной, съ крѣпостнымъ строемъ жизни. Населеніе обязано было работой въ силу личной зависимости. Это не были вольные, свободные мастеровые, а подневольные рабочіе. Всѣ служащіе на

заводѣ, не исключая и главнаго управляющаго, были крѣпостные. Даже первый заводскій «богатѣй», подрядчикъ Груздевъ, отправлявшій заводскій караванъ, содержавшій кабаки по всѣмъ заводамъ и лавки съ краснымъ товаромъ, былъ подневольнымъ человѣкомъ.

Здѣсь не было чужихъ, постороннихъ людей, а всѣ были свои, и всѣ ступени заводскаго хозяйства исполнялись своими людьми. Рабочіе сжились, срослись съ заводскимъ дѣломъ и не отдѣляли себя отъ фабрики. Фабрика была ихъ кровное дѣло. Даже тѣ жестокости, какія приходилось испытывать крѣпостнымъ, которыхъ нещадно били и, случалось, на смерть заколачивали шпицрутенами и кнутьями, которыхъ за самую ничтожную провинность ссылали въ мѣдный рудникъ, Крутяшъ, даже эти жестокости были, въ сущности, своимъ домашнимъ дѣломъ. Наказывать наказывали, но, при случаѣ, и жалѣли. Изба ли развалилась, лошадь ли падетъ, коровы нѣтъ — все это заводили на заводскій счетъ, чтобы не обезсилить народъ; содержали сиротъ, престарѣлыхъ, увѣчныхъ; въ случаѣ голода, засухи, поддерживали мастеровыхъ. Словомъ, рабочей силой дорожили, потому что при существованіи крѣпостнаго права, когда большая часть народа была прикрѣплена къ землѣ,—рабочихъ негдѣ было взять. Дорожили рабочими и потому, что при ручномъ способѣ производства, какой существовалъ на фабрикѣ, требовались извѣстныя практическія знанія и ловкость, которыя пріобрѣтались годами. Крѣпостная фабрика въ послѣднемъ отношеніи служила суровой школой, въ которой вырабатывались настоящіе мастера своего дѣла, фанатически преданные «огненной» работѣ, въ которыхъ совсѣмъ умеръ прежній мужичекъ-пахарь, тяготѣвшій къ своей землѣ и своему хозяйству.

Такихъ, впрочемъ, было немного. Это преимущественно мастеровые, выросшіе на огненной работѣ вторымъ или третьимъ поколѣніемъ. За ними стояла молодежь, входившая во вкусъ заводской жизни и особенно женщины, которыя не знали тяжелой крестьянской работы и привыкли къ легкому заводскому житью. Но у новоселовъ, которые еще помнили далекую родину, давала себя знать стихійная, вѣками воспитанная тяга къ своей землѣ. Изъ-за фабричнаго мастерового нерѣдко высматривалъ мужикъ, насильственно оторванный отъ земли и прикрѣпленный къ фабрикѣ. Эта тяга къ своей землѣ находила нѣкоторое удовлетвореніе въ собственномъ крестьянскомъ хозяйствѣ, которое было у большинства населенія. Правда, пахатной земли у населенія не было, но были выгоны, покосы, усадьбы, огороды, которыми населеніе пользовалось отъ заводоуправленія, пока работало на заводахъ. Впрочемъ, существованіе крестьянскаго хозяйства было отчасти въ интересахъ самого заводскаго хозяйства, которое эксплуатировало крестьянскіе инстинкты для удовлетворенія собственныхъ потребностей—въ доставкѣ дровъ и углей, въ перевозкѣ металла (крестьянская лошадь была необходима для завода, отсюда вы-

гоны и сѣнокосы. Съ Петрова дня до Успенія заводы пустѣли, и все заводское населеніе отправлялось на покосъ),—отчасти обусловливалось крѣпостнымъ строемъ этого хозяйства, расчитаннаго на даровой или низко оплачиваемый крѣпостной трудъ, служа коррективомъ низкой заработной платы.

Крѣпостное право не только насильственно втянуло и удерживало «мужика» въ водоворотѣ фабричной работы, оно служило также тормазомъ для возникновенія ростовщическаго и торговаго капитала, сдерживая хищническіе инстинкты среди населенія. Такіе разбогатѣвшіе подрядчики, какъ Груздевъ, были большой рѣдкостью. Ростовщиковъ совсѣмъ не было. Крѣпостное право всѣхъ подводило подъ одинъ общій уровень, изъ котораго выдѣлялись рѣдкія семьи. Основой богатства служила собственная рабочая сила и крѣпкій строй семьи. Таковы были туляцкія семьи, гдѣ раздѣлы были рѣдкостью.

Типичнымъ образчикомъ такой крѣпкой семьи служитъ семья Тита Горбатаго, который сморилъ сыновей и снохъ на тяжелой куренной работѣ, а старуха Пелагея, кромѣ того, завалила снохъ домашней работой. Старики держали членовъ семьи въ качествѣ рабочей, безсловесной скотины и на все наложили свою тяжелую руку; бородатые, дѣтные мужики покорно выносятъ побои отца и, въ свою очередь, вымѣщаютъ эти побои на женахъ, которымъ еще больше достается отъ свекрови. О выдѣлѣ изъ семьи никто и не думалъ, да онъ былъ бы и немыслимъ: тогда рухнуло бы все горбатовское благосостояніе. Такими тяжелыми жертвами покупалось богатство отдѣльныхъ семей. Напротивъ, въ хохлацкомъ концѣ, гдѣ раздѣлы были почти общимъ явленіемъ, не было богатыхъ семей, но не было и такого утѣсненія снохъ и вообще бабъ, какъ у туляковъ, а сыновья стояли съ отцами на равной ногѣ. Общую картину крѣпостной заводской жизни дополняютъ крѣпостные разбойники и дурачки, эти отбросы крѣпостнаго общества, жертвы жестокости и звѣрства, а на другомъ концѣ лѣстницы—мужицкіе выродки, проживающіе за границей и получающіе милліонные дивиденды отъ своей фабрики.

Но вотъ крѣпостное право рухнуло, и долго сдерживаемые инстинкты и страсти получили полную свободу. Среди заводскаго населенія началось броженіе; прежнія цѣпи и связи порвались, и всѣ побрели врозь. Прежде всего со всей силой проснулись крестьянскіе земледѣльческіе инстинкты. Туляки и хохлы задумали переселеніе въ орду, на богатыя, черноземныя земли.

«— Теперь, ежели разсудить, какая здѣсь земля, старички?—говорилъ Титъ Горбатый.—Тутъ тебѣ покосъ, а тутъ гора... камень...

«— Ужъ это што и говорить, — соглашались слушатели, — одно званье...

«— То-то вотъ, старички!.. Нужно тебѣ хлѣбъ, сейчасъ ступай на базаръ и купляй. Вѣдь баринъ-то теперь шабашъ, чтобы изъ магазину

хлѣбъ выдавать... Другое прочее—крупы, говядину, все купляй. Шерсть купляй, бабамъ ленъ купляй, овчину купляй, да еще бабы ситцу поганаго просятъ... Такъ я говорю?

«— Это ты вѣрно... Набаловались наши заводскія бабы!

«— Куды ни пошевелись, все купляй... Вотъ какая наша земля, да и та не наша, а господская. Теперь опять, такъ сказать, опять мы въ куренную работу съ волей-то своей, али на фабрику...

— «Э, пусть ей пусто будетъ, этой огненной нашей работѣ. Титъ! Шабашъ теперь!

«— Ну, а чѣмъ будемъ жить?

«— Кабы земля, такъ какъ бы не жить. Пашни бы разбили, хлѣбъ стали бы сѣять, скотину держать. Все повернулось бы на настоящую крестьянскую руку... Вонъ изъ орды когда хрестьяне хлѣбъ привозятъ къ намъ на базаръ, такъ, слышь, не нахвалятся житьемъ-то своимъ: все у нихъ свое.

«— То-то вотъ и оно-то, што въ ордѣ хрестьянину самый разъ, старички, — подхватывалъ Титъ заброшенное словечко, — земля въ ордѣ новая, травы ковыльныя, крѣпкія, скотина всякая дешевая... Все къ намъ, на заводы, съ той стороны везутъ, а мы деньги имъ травимъ».

Но съ особенной, съ какой-то болѣзненной силой эта исконная тяга великорусскаго племени къ своей землѣ сказалась въ старыхъ крестьянахъ. Самыя древнія старушки поднялись на дыбы при одной вѣсти о крестьянствѣ и своемъ хлѣбѣ. Сорока лѣтъ заводскаго житья точно не бывало.

«— Все свое будетъ, некупленое,—повторяли скопидомки-тулянки.— А хлѣбушко будетъ, такъ какого еще рожна надо! Сказываютъ, въ въ этой самой ордѣ аржанаго-то хлѣба и въ заведеньи нѣтъ, а все пшеничный ѣдятъ.

«— Скотину, слышь, рожью-то кормятъ, бабоньки! Божій даръ, а они его скотинѣ травятъ... Урожаи у нихъ страшенные.

«— Теперь снохи одними ситцами раззорятъ,—жаловалась старая Пелагея,—и на сарафанъ ситцу подай, и на подзоры къ станушкѣ подай, и на рубаху подай—одно раззоренье... А въ хрестьянахъ во все свое одѣвайся: ленъ свой, шерсть своя. У бабъ, у хрестьянокъ новинъ со сто набирается: и тебѣ холстъ, и тебѣ пестрядина, и сукно домашнее, и чулки, и варежки, и овчины.

«— Ужъ это што и говорить,—поддакивали старухи,—испотачились наши сношеньки. Пряменько сказать, въ конецъ истварились! А по хрестьяномъ-то баба всему голова, безъ бабы мужикъ ни взадъ, ни впередъ: оба къ одной землѣ привязаны. Такъ-то...

«— И мужики изъ хрестьянъ лучше нашихъ заводскихъ.

«— А чтобы дѣвки которыя гулящія были по хрестьяномъ—ни-ни!»

По мѣрѣ того, какъ выяснялся и воскресалъ идеалъ натуральнаго крестьянскаго хозяйства, язвы фабричной жизни выступали все ярче

и ярче: «Молодые ребята балуются на фабрикѣ, мужики изробливаются къ пятидесяти годамъ, а про бабъ и говорить нечего,—которая пошла на фабрику, та и пропала. Развѣ съ заводскимъ баловаинымъ народомъ можно сравнить хрестьянъ? Куда они лучше будутъ! Сиротства меньше по хрестьяномъ, потому нѣтъ у нихъ заводскаго увѣчья и простуды, какъ на огненной работѣ: у того ноги застужены, у другого поясница не владѣетъ, третьи и на ногахъ, да силы въ немъ нѣтъ никакой».

Всѣ эти разговоры и думы кончились тѣмъ, что рѣшили обстоятельно изслѣдовать ордынскія земли, для чего и выбрали двухъ ходоковъ—Тита Горбатаго и Дороха Коваля, которые, послѣ предварительныхъ переговоровъ съ попомъ и приказчикомъ, зашагали по дорогѣ въ орду съ котомками за плечами и длинными палками въ рукахъ, «какъ два библейскихъ соглядатая, отправлявшихся высматривать землю, текущую молокомъ и медомъ».

Воротились ходоки изъ орды. Титъ Горбатый хвалитъ орду: «Хорошо въ ордѣ... земля овчина овчиной, травы ковыльныя, крѣпкія... скотина кормная... хлѣба ржанаго совсѣмъ и въ заводѣ нѣтъ, а все пшеничный». Дорохъ, напротивъ, хаетъ орду: «Пусто бы этой ордѣ было!.. Чи вода була-бъ, чи лѣсъ, чи добри люди: ничегесенько!..

«— Да вѣдь ты самъ же хвалилъ все время орду,—накинулся на него Титъ,—а теперь другое говоришь...

«— Балакали, сватъ, а якъ набігло на думку, такъ зовсѣмъ другое и вийшло... Оце велико лихо твоя орда!..»

Ходоки заспорили; ихъ старались помирить, дѣлали имъ очныя ставки, водили къ попу и приказчику, въ волость, но каждый изъ нихъ упорно стоялъ на своемъ. Одно случайное обстоятельство — пріѣздъ горнаго исправника съ предписаніемъ остановить движеніе — сразу разрѣшило всѣ сомнѣнія. «Дѣло было яснѣе дня. Даже самые нерѣшительные присоединились теперь къ общему теченію. Это былъ захватывающій моментъ, и какая-то стихійная сила толкала впередъ людей, самыхъ неподвижныхъ, точно въ половодье, когда выступившая изъ береговъ вода выворачиваетъ деревья съ корнемъ и уноситъ тяжелые камни. Не могли увлекаться этимъ общимъ движеніемъ только тѣ, кто не могъ уѣхать по бѣдности или слабости, какъ увѣчные, старики, бобылки. Волненіе захватило даже фабрику». Около сотни семей, по преимуществу туляки, стали готовиться къ отъѣзду, продавали избы, покосы, скотину и разный домашній скарбъ. Наконецъ, все, что можно было продать, продано, остальное уложено въ возы. Вотъ и Пасха прошла, и дорога просохла, и толпа переселенцевъ, подъ предводительствомъ Тита Горбатаго, тронулась въ путь.

Прожили два года переселенцы въ ордѣ, и большинство воротилось назадъ, раззоренные, обнищалые. «Своя неустойка вышла,—виновато объяснялъ Титъ.—Старики и старухи хвалятъ житье, а молодяжникъ

забунтовалъ... Главная причина въ молодяжникѣ... Набаловался народъ на фабрикѣ. Бабамъ ситцу подавай, а другія бабы чаю требуютъ. По хрестьянству бабѣ много работы, вотъ снохи и подняли смуту. Правильная жисть имъ не по нутру, потому, какъ крестьянская баба настоящій возъ везетъ, а заводская набалованная... Вся неустойка отъ молодыхъ снохъ. Онѣ и мужиковъ подбивали. Способу съ емя не стало, съ бабами... На заводѣ-то одни мужики робятъ, а бабы шишляются только по домашнему, а въ хрестьянахъ баба-то наравнѣ съ мужикомъ: она и дома, и въ полѣ, и за робятами, и за скотиной и она же всю семью обряжаетъ. Наварлыжились наши заводскія бабы къ легкому житью, ну, имъ и не стало ходу. Вся причина въ бабахъ... Я на правильную жисть добрыхъ людей наводилъ, нѣтъ моего отвѣту... На легкое житье польстились бабенки...»

Отъ своего хлѣба молодыя снохи подурнѣли и состарились, молодежь измѣнилась на крестьянскую руку, выглядѣла смѣшными мужиками-челдонами, которыхъ на смѣхъ поднимали свои же дѣвки-тулянки. Всѣ отощали, обносились, обвѣтряли, «супротивъ заводскихъ страмъ глядѣть». «Половину вѣку унесла эта проклятущая орда».

Между тѣмъ, пока туляки ѣздили въ орду, въ строѣ заводскаго хозяйства и экономическомъ бытѣ населенія происходили свои измѣненія. Наступила эра свободной промышленности, и въ еще неясныхъ и туманныхъ очертаніяхъ вырисовывался новый складъ общества. Заводоуправленіе и заводское населеніе, прежде составлявшіе одно нераздѣльное цѣлое, раскололись на два враждебныхъ лагеря. Крестьянская мысль развивается туго, и только спустя нѣкоторое время послѣ объявленія воли населеніе поняло, что всѣ теперь вольные и, стало быть, никто не пойдетъ работать къ Устюжанинову. Только немногимъ фанатикамъ заводскаго дѣла эта мысль казалась дикой и нелѣпой, среди же остального населенія она находила полное сочувствіе. Туляки и отчасти хохлы, какъ мы видѣли, задумали сѣсть на свою землю. Ихъ отъѣздъ взбудоражилъ и кержаковъ, которые испытали на себѣ такія звѣрства и жестокости, какихъ не знали пригнанные сравнительно недавно туляки и хохлы. Нашлись старики, которые еще помнили устюжаниновскіе шпицрутены и кнутья. Мысль о своей землѣ воскресла среди кержаковъ сначала на Самосадкѣ, а потомъ перекинулась и къ ключевскимъ кержакамъ. Ихъ дѣды были вольные и сидѣли на своей землѣ, когда еще не было фабрики, ни Устюжанинова, и только потомъ Устюжаниновъ приписалъ ихъ къ своимъ заводамъ. Имъ незачѣмъ было переселяться, какъ тулякамъ. Они хотѣли только «обернуть на старое», т. е. воротить землю, которою владѣли ихъ дѣды. Между тѣмъ, заводоуправленіе вело свою линію. Здѣсь не сомнѣвались, что рабочіе придутъ къ нимъ, разъ населеніе уже привыкло къ заводской работѣ, а съ другой стороны, и вольнаго мужика опять можно «въ оглобли завести»—стоитъ только составить такую уставную грамоту, какъ въ сосѣднихъ Кукар-

скихъ заводахъ, о чемъ мечталъ секретарь главнаго управляющаго, Овсяниковъ. Мы вскорѣ подробно познакомимся съ этимъ послѣднимъ произведеніемъ крѣпостнаго крючкотворства. Здѣсь скажемъ только то, что оно опутывало населеніе по рукамъ и по ногамъ и головой выдавало заводоуправленію. По всей вѣроятности, и уставная грамота Мурмосскихъ заводовъ была близка къ этому образцовому произведенію. По крайней мѣрѣ, ни въ Мурмоссѣ, ни въ Ключевскомъ заводѣ населеніе не подписывало ея, и капитальный вопросъ о землѣ оставался открытымъ.

Въ ожиданіи, пока выяснятся взаимныя отношенія и опредѣлится положеніе сторонъ, рабочіе шли на фабрику. «Первое дѣло, человѣку жрать»,—объяснялъ дозорный самоварникъ. Фабрика загудѣла по прежнему. Но въ строѣ заводскаго хозяйства наступило переходное время. Управители понимали, что необходимы были реформы всего производства. Крѣпостной опекѣ пришелъ конецъ, и теперь каждому предстояло жить, какъ онъ только могъ и какъ умѣлъ. «За бариномъ жили—баринъ и промышлялъ, а теперь самъ доходи»... Взаимныя отношенія сторонъ пока свелись на заработную плату. Теперь всѣмъ и за все нужно было платить. Сообразно съ этимъ, нужно было перестроить на новыхъ началахъ все заводское хозяйство. Нужно было создать оборотный и запасный капиталы, чтобы перейти отъ дарового труда къ платному и отъ ручного къ машинному. На Ключевскомъ заводѣ уже поставили первую паровую машину, и вмѣстѣ съ ней явилась первая жертва—обваренный паромъ подростокъ. Эта первая машина должна была служить только предвѣстницей новой, машинной, эры производства: проэктировалась печь Сименса, которая должна была оставить безъ дѣла 150 дроворубовъ и 60 поденщицъ дровосушекъ. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ машиннаго производства спросъ на трудъ долженъ былъ все болѣе и болѣе сокращаться, а, между тѣмъ, предложеніе труда все болѣе и болѣе росло. Вслѣдъ за мужьями стали наниматься на фабрику жены и дѣти.

Въ экономическомъ бытѣ заводской массы также замѣчаются важныя перемѣны. Крѣпостное право всѣхъ подводило подъ одинъ общій уровень, изъ котораго выдѣлялись рѣдкія семьи. Богатство основывалось на собственной рабочей силѣ и крѣпкомъ строѣ семьи. Вмѣстѣ съ волей появились и новые люди и стали складываться новыя бытовыя формы. Типичнымъ образчикомъ этихъ новыхъ людей служитъ такой выходецъ, какъ солдатъ Артемъ, изъ семьи Горбатыхъ, пришедшій изъ военной службы. Очевидно, совсѣмъ незнакомый съ тѣмъ добро дѣтельнымъ типомъ солдата, какой рисовали для народа друзья народа вродѣ г. Погосскаго,—Артемъ сразу зарекомендовалъ себя человѣкомъ съ поведеніемъ: кому почетъ, кому уваженіе, и со всѣми свой человѣкъ; все высмотрѣлъ, разузналъ, вездѣ обнюхалъ; кого нужно, умѣлъ обойти; нужнымъ человѣкомъ умѣлъ воспользоваться. Вскорѣ

солдатъ взялъ подрядъ, нанялъ поденщицъ сушить пшеницу у Груздева изъ разбитыхъ коломенокъ, а потомъ открылъ мелкую торговлю, ограбивши предварительно одного скитскаго инока. Новый торговецъ пошелъ быстро въ гору, ссужая товаръ въ долгъ заводскому населенію, а деньги получая прямо изъ конторы. Скоро у солдата появился новый двухъ-этажный домъ на господскую руку и настоящій магазинъ, въ которомъ можно было найти рѣшительно все, чего бы только ни пожелали ключевляне. Въ этомъ фактѣ важно было то, что солдатъ открылъ новыя пути личнаго обогащенія, эксплуатируя живую рабочую силу. Обрисовывался новый типъ — заводскаго ростовщика. Кромѣ солдата, изъ заводской массы выдѣлилось до десятка другихъ лицъ, забравшихъ силу законными и незаконными средствами.

Прежняя основа богатства — крѣпкая патріархальная семья съ неограниченной властью старшаго члена—отживала свой вѣка. Явились новые пути обогащенія, и никто не хотѣлъ идти въ тяжелую семейную кабалу. Молодежь совсѣмъ не хочетъ знать стариковъ, женится безъ ихъ согласія и даже противъ ихъ воли. Разлагая прежніе союзы, капиталъ образуетъ новые. Ни фабрика, ни крѣпостное право, ни соединявшая всѣхъ нужда не могли сгладить отчужденія и глухой непріязни между кержаками и мочеганами. Деньги вытравили и это отчужденіе концовъ: богатые кержаки женятся на богатыхъ мочеганкахъ и богатые мочегане на богатыхъ кержанкахъ.

Первыя свадьбы выходили убѣгомъ, вызывая родительскія проклятія и непріятности, а потомъ стали играться открыто. Мочегане и кержаки сошлись, наконецъ, за свадебнымъ столомъ. Концы срослись все больше и больше.

Вскорѣ населеніе познакомилось еще съ однимъ новымъ явленіемъ, можетъ быть, наиболѣе важнымъ, чѣмъ всѣ предшествующія. Главнаго управляющаго смѣнили. На его мѣсто явился новый—Голиковскій. Это былъ дѣлецъ новаго типа, совершенно неизвѣстнаго на Уралѣ, сухой формалистъ, который вытравилъ послѣдніе остатки той личной, патріархальной связи, какая еще сохранялась въ отношеніяхъ между заводоуправленіемъ и рабочими. Подъ его управленіемъ полукрѣпостная масса сразу вступила въ новую эру — свободной промышленности. Жестокости крѣпостного права смѣнились безжалостными порядками промышленной свободы и конкуренціи: рабочій почувствовалъ себя человѣкомъ вольнымъ, какъ птица; нынче его наняли, а завтра могутъ разсчитать и на его мѣсто нанять другого, изъ другой мѣстности, не стѣсняясь разстояніемъ; его держатъ, какъ машину, которая должна приносить извѣстный процентъ прибыли, а въ противномъ случаѣ выкидываютъ за бортъ, которую штрафуютъ, обсчитываютъ, а въ случаѣ ея неустойки взываютъ къ закону.

— Если рабочимъ не нравятся новые порядки, то могутъ уходить на всѣ четыре стороны,—повторялъ Голиковскій направо и налѣво.—Я

силой никого не заставляю работать, а если свои не захотятъ работать, такъ выпишемъ рабочихъ изъ другихъ заводовъ, а въ случаѣ чего, даже изъ Россіи.

«Это было кровной обидой для всего сплоченнаго заводскаго люда, не отдѣлявшаго себя до сихъ поръ отъ заводскаго дѣла. Являлось какой-то нелѣпостью, что вдругъ въ Мурмоссъ наѣдутъ рабочіе съ другихъ заводовъ или даже рассейскіе. И служащіе, и рабочіе почуяли въ Голиковскомъ чужого человѣка, которому все трынъ-трава, потому что сегодня онъ здѣсь, а завтра неизвѣстно гдѣ».

— Я смотрю на рабочую силу, какъ на всякую машину—и только,— объяснялъ Голиковскій.—Каждая машина стоитъ столько-то и должна давать такой-то процентъ выгодной работы, а разъ этого нѣтъ, я выкидываю ее за бортъ... У насъ рабочія массы страшно распущены и необходимо ихъ субординировать. Будемъ учиться у Европы.

Словомъ, новые порядки, внесенные управляющимъ, были радикальной ломкой прежняго строя заводской жизни, при томъ же онъ совсѣмъ не думалъ считаться съ мѣстными условіями промышленной жизни.

При первомъ же критическомъ случаѣ это грозило полнымъ разгромомъ всего заводскаго хозяйства. Такъ и случилось. Выпалъ голодный годъ: нѣтъ хлѣба, сѣновъ. Поставщики угля и дровъ отказались исполнить подряды по взятымъ цѣнамъ; управляющій на ихъ отказъ обѣщалъ аппелировать къ власти. Между тѣмъ, голодъ дѣлалъ свое дѣло: скотина безсилѣла, падала. Мужики сначала крѣпились, а потомъ забастовали. «Цѣлый заводскій округъ очутился въ самомъ критическомъ положеніи: если по зимнему пути не вывести древеснаго топлива, то заводы должны пріостановить свое дѣйствіе на цѣлый годъ». Только теперь Голиковскій одумался — закупилъ корму въ степи и распредѣлилъ его по заводамъ. Но слишкомъ поздняя закупка не могла поправить дѣла: только половина древеснаго топлива была вывезена на заводы, и сообразно съ этимъ приходилось соразмѣрять заводскія работы. «По закону, заводъ не имѣлъ права оставлять населеніе безъ работы, поэтому заведены были «половинныя выписки»—одну недѣлю работаетъ, а другую гуляетъ, потомъ стали работать одну третью недѣлю и т. д. Заработная плата, понизилась до невозможнаго minimum'a, а тутъ еще введена была новая система штрафовъ, вычетовъ и просто мелкихъ недоплатъ.

Это послѣднее касалось ближе всего коренного фабричнаго люда, котораго лошадиный моръ не тронулъ. Общій ропотъ поднялся со всѣхъ сторонъ. «Весенній сплавъ также не обошелся безъ исторіи: молодежь охотно работала и за ничтожную плату, но самосадскіе старики въ самое горячее время забастовали, требуя неслыханной плату за спишку» коломенокъ въ воду. Состоялась сдѣлка очень невыгодная для завода; къ довершенію несчастій караванъ обмелѣлъ, а это грозило новыми

убытками и, главное, неисполненіемъ заказовъ къ сроку. «Самосадскіе старички устукали-таки ненавистнаго имъ главнаго управляющаго, который въ отместку отнялъ у нихъ всякій выгонъ и уже неизвѣстно для чего закрылъ мѣдный рудникъ Крутяшъ.

«— А мнѣ все равно, — повторялъ Голиковскій... — А Самосадку я все-таки укомплектую: на войнѣ, какъ на войнѣ. Мы сами виноваты, что распустили населеніе».

Такъ началась борьба. «Старики снаряжали ходоковъ въ Петербургъ къ самимъ владѣльцамъ, а вмѣстѣ заводили дѣло о своей землѣ... Къ самосадскимъ старикамъ пристали Кержацкій конецъ и нѣкоторые старики мочегане, какъ Титъ Горбатый и Коваль... Молодяжникъ отмалчивался, обдумывая свое дѣло. Наступала лѣтняя пора, и во всѣ стороны дорога скатертью. Кромѣ золотыхъ промысловъ, рабочія руки требовались на вновь строившуюся желѣзную дорогу... Молодежь уходила съ женами, а дома оставались одни старики съ ребятишками... Первыми двинулись самосадчане, не взявшіе подрядовъ на куренную работу, за ними потянула Пеньковка, а потомъ тронулся и Кержацкій конецъ... Уходила та живая сила, которая складывалась сотнями лѣтъ... Почти все мужское взрослое населеніе разбрелось, куда глаза глядятъ, побросавъ дома и семьи. Послѣднимъ уѣхалъ самъ Голиковскій. Онъ поступилъ на другое мѣсто съ еще большимъ жалованьемъ, какъ человѣкъ твердаго характера»...

Заводы остановились... все замерло..., не было жизни, трудового шума, движенія... Стоявшая молча фабрика походила на громаднаго покойника, лежавшаго всѣми своими желѣзными членами въ каменномъ гробу... Оставшееся населеніе начинала донимать нужда; заработковъ не было и проѣдали послѣднее. Солдатъ Артемъ сумѣлъ выжать деньги и изъ этой бѣды, выдавая харчи и разный лежалый товаръ подъ закладъ одежи и разной другой домашности. Операція оказалась чрезвычайно выгодной, и каждую недѣлю Артемъ отправлялъ нѣсколько возовъ съ одежей, конской сбруей и разной рухлядью куда-то на золотые промыслы, гдѣ все это продовалось уже по настоящей цѣнѣ... По улицамъ стали бродить нищіе, чего раньше и въ заводѣ не было». Въ концѣ концовъ «Мурмосскіе заводы за долги ушли съ молотка и достались какой-то безымянной компаніи, которая пріобрѣла ихъ въ разсрочку за 39 лѣтъ и сейчасъ же заложила въ земельный банкъ»... Это была «крупная мошенническая афера». Такъ одинъ изъ лучшихъ горнозаводскихъ округовъ очутился въ безвыходномъ положеніи.

Лучшіе заводскіе люди, вродѣ Петра Елисѣевича Мухина, убѣждены въ неизбѣжности этого эволюціоннаго процесса, по крайней мѣрѣ, въ его отдѣльныхъ частяхъ. Такъ Мухинъ сознаетъ, что заводъ долженъ пережить болѣзненный переходъ отъ ручного труда къ машинному производству и, чтобы не сдѣлать этотъ переходъ слишкомъ рѣзкимъ, проектируетъ новыя работы и расширеніе производства. Но даже

и эту задачу онъ не могъ выполнить. Старый строй жизни рушился, а люди остались старые. «Щука умерла, а зубы остались». Осталось то же невѣжество и тѣ же крѣпостныя вожделѣнія заводоуправителей и выслуживающейся мелкой служащей сошки. Съ этими крѣпостниками и крѣпостными крючкотворами вполнѣ сходились въ своихъ стремленіяхъ и новые люди—техники, фигурировавшіе въ роли главныхъ управляющихъ, крупные аферисты и, какъ увидимъ сейчасъ, профессора-экономисты. Этотъ замѣчательный союзъ дѣльцовъ старой и новой эпохи обобралъ на-голо заводскую массу, а дѣльцы новой эпохи, кромѣ того, установили тотъ капиталистическій режимъ, благодаря которому порвались послѣднія связи рабочаго съ опредѣленнымъ мѣстомъ и опредѣленными людьми. Такъ изъ старыхъ союзовъ выдѣлилась новая клѣточка, безземельный рабочій, свободный отъ власти патріархальной семьи, отъ полукрѣпостныхъ, личныхъ связей съ опредѣленнымъ мѣстомъ и опредѣленными людьми—«клѣточка, которая растетъ не по днямъ, а по часамъ» *).

Какъ мы видѣли изъ только что разобраннаго романа, въ жизни заводскаго населенія важную роль играетъ вопросъ объ уставной грамотѣ. Заводоуправленіе составляетъ проектъ, населеніе упорно отказывается принимать его, посылаетъ ходоковъ въ Петербургъ и хлопочетъ о своей землѣ. Въ чемъ тутъ дѣло и чѣмъ оно кончается, пока еще не совсѣмъ ясно. Также не ясно, кто это тѣ таинственные владѣльцы, для которыхъ изнываютъ на тяжелой огненной работѣ десятки тысячъ людей. Мы знаемъ о нихъ только то, что они привыкли получать милліонные дивиденды и, съ своей стороны, ничего не дѣлать для заводскаго хозяйства. Въ романѣ «Горное Гнѣздо» Маминъ во весь ростъ показываетъ намъ одного изъ такихъ владѣльцевъ, набоба Лаптева, типичнаго выродка крѣпкихъ когда-то мужицкихъ семей, положившихъ основаніе горнымъ заводамъ, и развертываетъ блестящую и оригинальную страничку изъ исторіи первоначальнаго накопленія, осложняя свой неподражаемый и съ трудомъ передаваемый разсказъ разными другими побочными обстоятельствами, рисующими поступательный ходъ капитализма.

«Горное Гнѣздо» это—Кукарскіе заводы, занимавшіе цѣлую громадную территорію въ 500 т. десятинъ земли (что равняется цѣлому германскому княжеству или маленькому европейскому королевству) съ населеніемъ до 50 т. человѣкъ, разсѣяннымъ по селамъ, деревнямъ и семи заводамъ. Административнымъ центромъ всей этой территоріи былъ Кукарскій заводъ, какъ самый большой, самый старый и центральный по мѣстоположенію. Здѣсь жилъ главный управляющій; здѣсь всего сильнѣе бился пульсъ заводской жизни; здѣсь сходились всѣ нити сложнаго заводскаго хозяйства и сосредоточивалась вся внутренняя

*) «Войцы» 70 стр.

политика этого громаднаго округа; отсюда все исходило и сюда же направлялись всѣ тайныя вожделѣнія служительскаго персонала. Крѣпостное право въ связи съ громадностью территоріи и населенія дѣлало изъ главныхъ управляющихъ настоящихъ князьковъ, пользовавшихся неограниченной властью и чисто княжескими почестями, а въ населеніи воспитывало рабскій страхъ и рабскую покорность. Крѣпостное право миновало, но слѣды его все еще жили. Среди новыхъ людей попадаются все больше старыя лица.

На мѣсто крѣпостнаго управляющаго былъ назначенъ новый—Горемыкинъ. Это былъ узкій спеціалистъ-техникъ, жившій фабрикой и на фабрикѣ и видѣвшій въ замѣнѣ живой рабочей силы мертвой машинной работой разрѣшеніе всѣхъ жгучихъ вопросовъ заводскаго населенія. Всей «внутренней политикой» громаднаго заводскаго округа заправляла его жена, Раиса Павловна. Она сократила количество служащихъ, урѣзала всѣмъ жалованье, прибавила работы; на мѣсто крѣпостныхъ приказчиковъ явились управители съ спеціальнымъ образованіемъ. Весь этотъ заводскій beau monde Раиса Павловна держала въ ежовыхъ рукавицахъ и являлась царицей въ этомъ заводскомъ міркѣ, гдѣ всѣ и все наружно преклонялось передъ ея авторитетомъ, всѣ заискивали, унижались, льстили и подличали, а за глаза злословили и интриговали. Интриги въ этомъ «маломъ дворѣ» были общимъ явленіемъ; здѣсь всѣ подкапывались другъ подъ друга, злословили и даже нерѣдко доходили въ азартѣ до рукопашной.

На одной изъ такихъ интригъ, чрезвычайно сложной и запутанной, построенъ и самый романъ. Интрига выросла на почвѣ отношеній заводоуправленія къ населенію и къ земству. Вмѣстѣ съ волей неразрывные до тѣхъ поръ интересы заводоуправленія и мастеровыхъ раскололись на двѣ неравныя половины, что и должно было выразиться въ уставной грамотѣ. На помощь заводоуправленію въ рѣшеніи этого капитальнаго, но тогда еще неяснаго и туманнаго вопроса явился крѣпостной крючкотворъ и дока, Родіонъ Антонычъ Сахаровъ, съ своимъ проектомъ уставной грамоты, который былъ chef d'ouvr'омъ въ своемъ родѣ. Онъ обезпечилъ за Кукарскими заводами такія преимущества, которыя головой выдавали десятки тысячъ заводскаго населенія въ руки заводовладѣльца. Даже сомнительныя статьи, которыя, кажется, трудно было обойти, были такъ неясно редактированы и спутаны такими хитросплетенными условіями, что можно было удивляться великой творческой силѣ приказнаго крючкотворства. Во-первыхъ, по этой уставной грамотѣ совсѣмъ не было указано сельскихъ работниковъ, которымъ заводовладѣлецъ обязанъ былъ выдѣлить крестьянскій надѣлъ, такъ что въ мастеровые попали всѣ крестьяне тѣхъ деревень, какія находились въ округѣ Кукарскихъ заводовъ. Затѣмъ, всѣ мастеровые, по новой грамотѣ, пользовались выгономъ, покосами, росчистями и лѣсомъ «на прежнихъ основаніяхъ», пока заводовладѣлецъ не измѣнитъ ихъ по соб-

ственному усмотрѣнію и пока мастеровые работаютъ на его заводахъ. Въ видѣ особенной милости заводовладѣльца, мастеровые получали отъ него въ даръ свои дома и усадьбы. Оговорено было даже то, что содержаніе церквей, школъ и больницъ остается на томъ же усмотрѣніи заводовладѣльца, который воленъ все это въ одно прекрасное утро «прекратить», т. е. лишить матеріальнаго обезпеченія.

Но центръ тяжести всей уставной грамоты заключался въ томъ, что уставная грамота касалась только мастеровыхъ и давала имъ извѣстныя условныя гарантіи только на томъ условіи, если они будутъ работать на заводахъ. Все остальное населеніе, которое не принимало непосредственнаго участія въ заводской работѣ, совсѣмъ не шло въ счетъ. Такъ что въ результатѣ на сторонѣ заводовладѣльца оставались всѣ выгоды, даже былъ оговоренъ оброкъ за пользованіе покосами и выгонами съ тѣхъ мастеровыхъ, которые почему-либо не находятся на заводской работѣ. Даже тѣ клочки, которые подарены были имъ, могли быть отобраны заводовладѣльцемъ, въ случаѣ нахожденія въ ихъ нѣдрахъ минеральныхъ сокровищъ. «Помѣщикамъ, наградившимъ своихъ крѣпостныхъ даровыми кошачьими надѣлами, и во снѣ не снилось ничего подобнаго, тѣмъ болѣе, что заводовладѣлецъ только пользовался казенной землей, а не былъ владѣльцемъ въ юридическомъ смыслѣ».

На виновника проекта посыпались всевозможныя милости Раисы Павловны. Этотъ доморощенный Ришелье сдѣлался правой рукой ея въ ея трудныхъ заботахъ по управленію, исполнителемъ ея геніальныхъ плановъ и домашнимъ секретаремъ Горемыкина. Быстро вошедши въ свою роль, этотъ крѣпостной фанатикъ все забралъ въ свои руки и напомнилъ населенію времена крѣпостнаго права. Когда нѣсколько обществъ, въ томъ числѣ и Кукарское, отказались принять составленную имъ уставную грамоту, Сахаровъ подыскалъ нѣсколько старичковъ, наобѣщалъ имъ золотыя горы, и тѣ подписали за все общество. Общества не сдавались, хлопотали по судамъ и палатамъ, но только несли убытки, да терпѣли утѣсненія на заводской работѣ. Крѣпостное право для нихъ еще не прошло.

Другимъ подвигомъ Сахарова была борьба съ земствомъ, во главѣ котораго стоялъ Авдѣй Никитычъ Тетюевъ. Этотъ послѣдній никакъ не могъ «примазаться» къ заводамъ и «солилъ» заводоуправленію въ его настоящемъ видѣ, обкладывая заводы крупными налогами. Съ этимъ новымъ врагомъ Сахаровъ повелъ упорную систематическую борьбу сначала при помощи ходатайствъ, прошеній, докладныхъ записокъ, которые дождемъ посыпались въ Петербургъ, а затѣмъ при помощи земскихъ выборовъ, организовавъ въ земскомъ собраніи большинство голосовъ въ свою пользу. «Такимъ образомъ, съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ того, какъ возростала земская сумма налоговъ, Кукарскіе заводы платили все меньше и меньше, слагая свою

долю на крестьянское населеніе» *). Тетюевъ, однако, не сдавался и сдѣлалъ новый совершенно неожиданный шахматный ходъ.

Въ этой крупной игрѣ всего интереснѣе было то, что она велась на свой страхъ и рискъ. Самъ заводовладѣлецъ, Лаптевъ, до сихъ поръ ничего не зналъ о ней. Это былъ типичный выродокъ когда-то крѣпкой мужицкой семьи настоящихъ лапотниковъ, основавшей заводы, но быстро выродившейся, одинъ изъ тѣхъ «русскихъ принцевъ», которые своими подвигами и безобразіями удивляли всю Европу. Къ двадцати годамъ онъ прошелъ всю школу молодыхъ набобовъ. Усталый и пресыщенный, онъ могъ любить только ѣду и, между прочимъ женщинъ, какъ острую приправу къ другимъ мудренымъ кушаньямъ. По природѣ ни злой, ни глупый, онъ былъ капризнымъ, взбалмошнымъ ребенкомъ, къ которому трудно было примѣниться и на котораго трудно было положиться. Проживши все время за границей, онъ какъ-то вдругъ, совершенно случайно, послѣ того, какъ его обругала какая-то бульварная парижская газетка, переселился въ Россію, т. е. въ Петербургъ. Здѣсь, какъ и за-границей, его окружалъ цѣлый дворъ такъ называемый «большой дворъ» нужныхъ и ненужныхъ людей, имѣвшій во главѣ всесильнаго Прейна, который больше всѣхъ другихъ владѣлъ секретомъ управлять своимъ взбалмошнымъ и капризнымъ господиномъ. Послѣ него въ составъ «большого двора» входили служащіе главной петербуургской конторы, какъ ближе всѣхъ стоявшіе къ подателю свѣта. Дальше, вокругъ заводчика ютился всевозможный сбродъ, различныя, темныя и потерянныя личности, удовлетворявшія минутнымъ прихотямъ и капризамъ Лаптева, «та мякина, которая обростаетъ всякое имя, особенное богатое, русское, «барское имя».

Какъ случайно Лаптевъ уѣхалъ изъ за-границы, такъ же неожиданно для всѣхъ онъ задумалъ поѣздку на Уралъ. Эта поѣздка была результатомъ дьявольски ловкой интриги Тетюева, который тиснулъ сначала нѣсколько статеекъ противъ заводовъ по поводу уставной грамоты и, когда Лаптевъ узналъ, наконецъ, объ этомъ дѣлѣ, «ловко подсунулъ ему профессора Блинова, какъ ученаго экономиста и финансовую голову, который можетъ все устроить. Лаптевъ схватился за приманку и сейчасъ же рѣшилъ ѣхать на Уралъ съ генераломъ (Блиновымъ) самъ». Профессоръ долженъ былъ распутать всѣ хитросплетенія Родьки Сахарова.

Вѣсть о поѣздкѣ Лаптева молніей облетѣла весь Кукарскій округъ и взбудоражила все населеніе. Раису Павловну заживо хоронили. Струсилъ самъ Ришелье. Выплыли на свѣтъ тайныя вождѣленія управителей; каждый расчитывалъ занять мѣсто главнаго управляющаго или, по крайней мѣрѣ, на что-нибудь надѣялся. «Малый дворъ пере-

*) Такъ «гора Куржакъ, заключавшая въ себѣ 30 милліардовъ лучшей въ свѣтѣ желѣзной руды, приносила земству всего 2 р. 17 к. дохода».

шелъ на сторону Тетюева. Въ населеніи воскресла надежда добиться своей земли, проснулись рабьи инстинкты. Всѣ ждали «самого», одни, какъ грозной кары, другіе, какъ подателя благъ...» Вотъ явился вѣнскій оркестръ, подъѣхалъ цѣлый обозъ съ кухней и поварами, нѣсколько подводъ съ гардеробомъ, конюшня и экипажи, охота; вотъ, наконецъ, и самъ Лаптевъ съ цѣлой свитой на пятнадцати тройкахъ. Въ уродливомъ шотландскомъ костюмѣ, апатичный, обрюзгшій, онъ усталымъ, неподвижнымъ взглядомъ смотрѣлъ на громадную толпу народа, зараженную рабскимъ энтузіазмомъ. Осовѣвшая отъ умиленія толпа неистово ревѣла, награждая своего повелителя рабскими поцѣлуями. Вотъ отпрягли лошадей и потащили экипажи на себѣ. Набобъ растерялся съ дѣтской безпомощностью смотрѣлъ по сторонамъ, не зная, что сказать, что сдѣлать. Вотъ вздрогнула, зашумѣла, завизжала и загрохотала фабрика, засуетились и забѣгали рабочіе,—Лаптевъ равнодушно проходилъ мимо кипѣвшей на его глазахъ работы, создавшей ему милліоны; ничто не могло расшевелить его; только на одну минуту его вниманіе остановилось на томъ, какъ красиво переливалась струйка огонька. Только что-нибудь необычайное выводило его изъ его обычнаго полусоннаго состоянія: какой-нибудь остроумный и пикантный анекдотъ, безсовѣтная ложь враля Сарматова или тѣ необыкновенныя кушанья, какими наперерывъ угощали его, и забавы, какими старались занять его управители заводовъ. На минуту лицо его оживлялось, взоръ повелителя милостиво обращался къ виновнику оживленія и острой болью и скрытой завистью отражался въ душѣ остальныхъ. Все это были только случайныя, мимолетныя вспышки пресыщенной натуры. И только разъ, можетъ быть во всей своей жизни набобъ испыталъ полноту, напряженность и свѣжесть чувства, столкнувшись съ гордой, полной внутренней жизни, дѣвушкой, Лушей Прозоровой. Онъ искалъ ея общества и въ присутствіи ея замѣтно оживлялся. его дряблыя щеки покрывались румянцемъ. Но дѣвушка избѣгала его. «Его неподвижная, апатичная натура съ чисто животными инстинтами отталкивала ее». Дѣвушка предпочитала общество Прейна, умъ и сила котораго производили на нее обаятельное дѣйствіе.

Между тѣмъ, событія слѣдовали одно за другимъ. Управители забыли на время свои личные счеты и заявили «коллективный протестъ противъ диктатуры Горемыкина, который губитъ заводское дѣло». Тетюевъ также получилъ аудіенцію у Лаптева и заявилъ, что «приготовился умереть у знамени земскаго обновленія». Мастеровые подали свою «бумагу». Набобъ принималъ депутаціи, разсѣянно слушалъ, скучалъ, соглашался и отсылалъ къ генералу. Генералъ все время бредилъ Кэри и Мальтусомъ, созданіемъ въ Россіи капиталистическаго производства, покровительственной системой, конкуренціей съ заграничными производителями и господствомъ на всемірномъ рынкѣ. Для

рѣшенія поднятыхъ вопросовъ заводской жизни рѣшено было устроить консультацію, въ которую вошли—генералъ, Прейнъ, Тетюевъ, два управителя, Родіонъ Сахаровъ, а на второе засѣданіе были приглашены и мужики. Засѣданія происходили при торжественной обстановкѣ, какъ будто это были засѣданія какого-нибудь европейскаго конгресса. Послѣ вступительной рѣчи генерала Блинова началось обсужденіе поднятыхъ вопросовъ. Первымъ поставленъ былъ вопросъ о недоразумѣніяхъ между заводоуправленіемъ и крестьянскими обществами. Послѣ чтенія мужицкой «бумаги» и докладной записки Сахарова начались пренія, которыя продолжались и на слѣдующій день, съ новыми членами, «делегатами отъ населенія», униженно кланяющимися барину. Кукарскому Ришелье приходилось совсѣмъ плохо. Съ одной стороны, на него нападали Тетюевъ и управители, съ другой стороны, у всѣхъ на глазахъ были «живые документы разныхъ заводскихъ неправдъ, фабрикованныхъ его ловкими руками». Въ добавокъ къ этому онъ насквозь видѣлъ всѣхъ, видѣлъ всѣ ходы и выходы... «Тотъ же Тетюевъ и другіе управляющіе толкуютъ за мужиковъ, а сами изъ-за мужицкой спины добиваютъ Раису Павловну. Дай-ка имъ въ руки этихъ мужичковъ, да они бы изъ нихъ лучины нащепали. А генералъ всякому ихъ слову вѣритъ, потому что они по образованному умѣютъ говорить, ученыя слова разговариваютъ». Чѣмъ дальше шли работы консультаціи, тѣмъ положеніе Ришелье дѣлалось невыносимѣе; казалось, все кругомъ рушилось, и дни Раисы Павловны были сочтены...

Недостойная комедія была прекращена. До сихъ поръ въ сторонѣ, повидимому, оставался одинъ Прейнъ. А, между тѣмъ, вся интрига велась съ его вѣдома и на его глазахъ. Онъ далъ развиться ей только затѣмъ, чтобы вѣрнѣе покончить ее. Одинъ только онъ держалъ въ рукахъ всѣ нити сложной и запутанной интриги: въ его рукахъ былъ Лаптевъ, которымъ, въ концѣ концовъ, все держалось и которымъ Прейнъ умѣлъ управлять. Лаптевъ былъ на консультаціи, скучалъ и зѣвалъ. Когда работы консультаціи приходили къ концу, по предложенію Прейна, генералъ сдѣлалъ докладъ набобу, чтеніе котораго длилось битыхъ пять часовъ. Вслѣдъ за генераломъ явился къ набобу Прейнъ и объявилъ, что Тетюеву, предполагаемому кандидату въ главные управляющіе, необходимо дать вторую аудіенцію. Это было слишкомъ. Прейнъ вѣрно разсчиталъ. Набобъ не выдержалъ докладовъ и дѣловыхъ разговоровъ и постыдно сбѣжалъ одинъ въ Петербургъ, не простившись ни съ кѣмъ. Общему удивленію не было границъ и мѣры, всѣ были оглушены, одурачены. Прейнъ торжествовалъ. Впрочемъ, все зданіе было увѣнчано достойнымъ образомъ. Царица Раиса со своимъ Ришелье осталась на прежнемъ мѣстѣ, причемъ послѣдній еще разъ засвидѣтельствовалъ свои министерскія способности, проведя мысль о переводѣ Тетюева въ главную петербургскую контору. Ходъ былъ разсчитанъ вѣрно. Тетюевъ продалъ свое земское первородство и потерялъ пос-

лѣднюю невинность. Для него была создана вновь особая должность юрисконсульта, которая охватывала тарифные вопросы, отношенія къ населенію, къ земству, словомъ область экономической политики. Важный моментъ въ развитіи капитализма!

На прощанье генералъ Блиновъ давалъ парадный обѣдъ, а на другой день всѣ разъѣхались. Прейнъ уѣхалъ послѣднимъ; вмѣстѣ съ нимъ уѣхала Луша Прозорова, оставивши пьяницу старика отца.

Всѣ дѣйствующія лица нашли достойную оцѣнку въ горькихъ словахъ Прозорова:—«Вы думаете, царица Раиса, я плачу о томъ, что Лукреція будетъ фигурировать въ роли еще одной жертвы русскаго горнаго дѣла,—о, нѣтъ! Это въ воздухѣ; понимаете мы дышемъ этимъ; проституціей заражена наука, проституція въ искусствѣ, въ нарядахъ, въ мысли, а что же можно сказать противъ одного факта, который является ничтожной составной частью общаго «прогресса». Не объ этомъ плачу, царица Раиса, а о томъ, что Виталій Прозоровъ, пьяница и потерянный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, является единственнымъ честнымъ человѣкомъ, послѣднимъ римляниномъ. Вотъ она гдѣ, настоящая-то античная трагедія! Господи, какое время, какіе люди, какая глупость и какая безграничная подлость! Тетюевъ съ Родькой теперь совсѣмъ подтянутъ мужиковъ, а генералъ будетъ конопатить ихъ подлости своей проституированной ученостью... Наука, святая наука—и та пошла въ кабалу къ золотому тельцу! И вашему царству, Раиса, не будетъ конца... Будьте покойны за свое будущее—оно ваше. Вашъ день и ваша пѣсня... И слабая женщина нашла, наконецъ, свое мѣсто на пиру жизни... Да, теперь честной женщинѣ нечего дѣлать».

Прозоровъ не ошибся. «Результаты пріѣзда барина на заводы обнаружились скоро: вопросъ объ уставной грамотѣ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что заводскимъ мастеровымъ земельный надѣлъ совсѣмъ не нуженъ, даже вреденъ; благодаря трудамъ генерала Блинова была возсоздана цѣлая система сокращеній и сбереженій на урѣзкахъ заработной рабочей платы, на жалованьи мелкимъ служащимъ и на тѣхъ крохахъ благотворительности, которыя признаны наукой вредными палліативами; управители, повѣренные и довѣренные получили соотвѣтствующія увеличенія своихъ окладовъ. Тетюевъ занялъ свой новый постъ юрисконсульта, а Родіонъ Антонычъ единогласно былъ избранъ предсѣдателемъ ельниковской земской управы, причемъ въ первый же годъ своей земской дѣятельности поставилъ дѣло такъ, что знаменитая гора Куржакъ, обложенная 2 р. 17 к. земскихъ налоговъ, была освобождена отъ этой непосильной тяготы, какъ освобождены на Уралѣ отъ земскаго обложенія всѣ золотые пріиски».

Естественнымъ продолженіемъ романа «Горное гнѣздо» служитъ романъ «На улицѣ» (Русская Мысль, 1886 г., 3—8), который и появился вскорѣ послѣ «Горнаго Гнѣзда». Я не буду входить въ разборъ этого романа отчасти въ виду того, что онъ не имѣетъ особен-

наго художественнаго значенія, отчасти потому, что все содержаніе его исчерпывается приведенными словами Прозорова. Маминъ изображаетъ здѣсь «улицу», широкую петербургскую улицу, міръ продажной науки и прессы, міръ дѣльцовъ высшей пробы и дѣловыхъ женщинъ, этого совершенно новаго явленія нашей жизни. «Улица» это—рынокъ, гдѣ можно купить знанія и энергію, талантъ и имя, совѣсть и честь, т.-е. все то, чего не достаетъ разнымъ Лаптевымъ. Авторъ показываетъ, какъ широко пользуется капиталъ этимъ рынкомъ невещественныхъ цѣнностей и какъ онъ заражаетъ все самое талантливое, выдающееся, отзывчивое.

В. Альбовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ПИСЬМА НЕНОРМАЛЬНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Андрея Немоевскаго.

Переводъ съ польскаго М. Траповской.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Сижу я однажды преспокойно у себя въ кабинетѣ. Вдругъ звонятъ. Дверь открывается.

— Наконецъ-то, я васъ отыскалъ! Какъ же вы живете-можете, дорогой мой!

Свѣтъ лампы мѣшаетъ мнѣ разглядѣть гостя. Я прикладываю руку ко лбу и вижу передъ собою—Людвися Колаковскаго.

— Вы? Какими судьбами!—восклицаю я, подымаясь навстрѣчу его распростертымъ объятіямъ.

Мы расцѣловались. Усаживаемся. Пріятель мой вытаскиваетъ изъ-подъ мышки какую-то объемистую тетрадь.

— Вотъ, видите ли,—говоритъ,—у меня къ вамъ дѣльце маленькое.

— Сдѣлайте ваше одолженіе,—отвѣчаю я, а самъ про себя думаю: вотъ-те и разъ!

Колаковскій почесываетъ у себя за ухомъ и начинаетъ:

— Былъ у меня, видите ли, пріятель одинъ, ненормальный человѣкъ — ну, да, просто, сумасшедшій... Бываетъ, что пріятели, даже иной разъ и самые лучшіе, съ ума сходятъ... Такъ вотъ у этого-то несчастнаго пріятеля моего была манія писать ко мнѣ предлинныя письма. Кой-когда, изрѣдка, я ему и отвѣчалъ, но его всѣ письма кидалъ въ печь. Такъ вообразите же, что оказалось! Господинъ сей хранилъ у себя черновики. Сдѣлайте мнѣ это одолженіе, прочитайте-ка вы ихъ и посовѣтуйте, какъ бы это тутъ съ ними... Кабы можно было это напечатать, то я съ превеликимъ удовольствіемъ, потому что, видите ли, этотъ безумецъ, бѣдняга, ужъ померъ... Да, померъ... Но въ оставленномъ имъ завѣщаніи онъ просилъ черновики эти всѣ передать мнѣ. И вдругъ меня мысль осѣнила: издамъ-ка я это!. Право, парень былъ славный... только вотъ не совсѣмъ того... тутъ...

Онъ вручилъ мнѣ рукопись и ушелъ.

Я надѣлъ очки, взялъ рукопись. Открываю. Гляжу на первую страницу, Читаю—читаю...

ПИСЬМО I.

Читали ли вы когда-нибудь, дорогой Людвигъ, книжку Нордау: «Условная ложь?» На дворѣ бушуетъ вѣтеръ, мокро, грязно, погода настраиваетъ самымъ пессимистическимъ образомъ. Возьмите въ руки эту книжку. Читайте ее подъ аккомпаниментъ вьюги, подъ шумъ ливня.

Все ложь, одна ложь!..

Прямо страшно становится коснуться перстомъ логики какого-либо явленія, какого-либо вопроса, разъ въ головѣ возникло подозрѣніе, что ложь составляетъ подкладку жизни.

Да, ложь—это подкладка жизни. Правда—служитъ намъ лишь верхнимъ покровомъ, по которому, точно по непромокаемому плащу, безвредно сплываетъ градъ упрековъ; но грѣетъ насъ только подкладка,

Само собою разумѣется, это—мысли ненормальнаго человѣка. Однако. внимали же гласу столькихъ мудрецовъ, столькихъ глупцовъ, почему же, хоть бы разокъ не послушать или хотя бы только выслушать рѣчи безумца!?..

Говорятъ, что сумасшедшіе въ своихъ сужденіяхъ и поступкахъ гораздо болѣе логичны, чѣмъ люди нормальные. Въ самомъ дѣлѣ, ихъ можно упрекнуть, въ чемъ угодно, только не въ неправильныхъ сужденіяхъ. Нормальнымъ людямъ свойственно дѣлать неправильные выводы изъ вѣрныхъ основныхъ положеній; люди же ненормальные исходятъ, пожалуй, изъ ложнаго основанія, но зато правильность ихъ выводовъ поистинѣ изумительна.

Exemplum.

Нормальный человѣкъ помолится утромъ Богу:—«Отпусти намъ грѣхи наши, яко же и мы отпускаемъ должникамъ нашимъ»—и тутъ же, только что поднявшись съ колѣнъ, обращается къ своему повѣренному съ вопросомъ, наложилъ ли онъ уже арестъ на имущество одного изъ ближнихъ за непогашенный долгъ.

Ненормальный человѣкъ внезапно объявляетъ своей супругѣ, что онъ сдѣланъ изъ стекла. Убѣжденіе это, правда, само по себѣ ложно но зато всѣ выводы и дальнѣйшіе поступки будутъ чрезвычайно логичны и послѣдовательны. Такой человѣкъ боится тронуться съ мѣста, чтобы какъ-нибудь не разбиться, онъ не дотронется ни до какого предмета, чтобы не удариться о него; онъ преспокойно будетъ торчать у васъ передъ глазами, увѣренный, что онъ вамъ ничего собою не заслоняетъ, такъ какъ, вѣдь, онъ прозраченъ; онъ отойдетъ развѣ только тогда, когда вы докажете ему, что онъ не изъ прозрачнаго, а изъ матоваго стекла. Положимъ, онъ отойдетъ тогда, но и то съ какою-то недовѣрчивостью, такъ какъ доказать ему, что онъ изъ матоваго стекла, довольно-таки трудно.

Ненормальные люди обладаютъ еще многими такими достоинствами, какихъ нѣтъ у людей нормальныхъ. Они чрезвычайно добросовѣстны, справедливы, нерѣдко высказываютъ глубокія мысли и держатся того взгляда, что дѣло должно слѣдовать непосредственно за словомъ.

Exemplum.

Человѣкъ нормальный плутуетъ въ торговлѣ, въ счетахъ, въ картахъ, поддѣлываетъ съѣстные припасы, общественное мнѣніе, усы, брови, добродѣтель, лицемѣритъ, подверженъ безволію и нравственному безсилію, создаетъ себѣ различныя теоріи для оправданія своей лѣни, своей алчности, наконецъ, чуть ли не ежеминутно высказываетъ такія мысли, надъ которыми въ душѣ самъ смѣется.

Совсѣмъ не то—человѣкъ ненормальный. Если онъ вдругъ и выразитъ такую ненормальную мысль, какъ та, что, во имя Божіе, слѣдуетъ отпускать своимъ должникамъ, то онъ немедленно призываетъ къ себѣ всѣхъ должниковъ, рветъ векселя и росписки, прощаетъ имъ всѣ обязательства и вдобавокъ напутствуетъ ихъ пожеланіями всего лучшаго въ жизни. Но тогда нормальные люди берутъ его подъ опеку.

Однимъ словомъ, ненормальный человѣкъ всегда и всюду бываетъ самимъ собою, между тѣмъ какъ человѣкъ нормальный, если на него посмотрѣть въ перспективу, состоитъ изъ двухъ людей.

Стоитъ только взять соотвѣтственно преломляющую призму логики и поставить два экрана подъ угломъ эгоизма—и вы на каждомъ изъ нихъ увидите образъ человѣческій.

Кто-то сказалъ, что тамъ, гдѣ соберутся двое поляковъ, всегда будетъ три мнѣнія. Неправда, тамъ будетъ четыре мнѣнія, и потому-то тамъ никогда нѣтъ такъ называемаго прямого большинства.

И потому-то у насъ почти нѣтъ ненормальныхъ людей—людей, которые руководились бы хотя и ложными убѣжденіями, но зато единымі, твердыми. Нѣтъ у насъ ненормальныхъ людей, потому что слова у насъ не имѣютъ никакой связи съ дѣломъ, ибо изъ двухъ человѣкъ, которые сидятъ въ каждомъ полякѣ, одинъ говоритъ одно, а другой дѣлаетъ другое. Да, вотъ есть еще декаденты—такъ тѣ на словахъ утверждаютъ, что въ нихъ сидитъ нѣсколько человѣкъ. Надо быть ненормальнымъ человѣкомъ со всей его превратной логикой для того, чтобы придти къ выводу, что нѣсколько человѣкъ никоимъ образомъ не могутъ образовать одного.

На этомъ основаніи мы осмѣливаемся предположить, что общество наше, способное одними и тѣми же ушами терпѣливо прослушивать до конца какъ наставленія Христа объ обязанностяхъ къ ближнему, такъ и разсужденія адвоката о необходимости наложенія ареста на имущество неоплатнаго должника, какъ «Имипровизаціи» Мицкевича, такъ и «Монологи» Завадзкаго, что это самое общество поинтересуется, хотя бы изъ одного любопытства, послушать, что можетъ сказать ему объ

искусствѣ ненормальный человѣкъ, который, быть можетъ, исходитъ изъ ложнаго взгляда, но зато разсуждаетъ логично.

Да и то сказать, откуда намъ знать, чьи взгляды ложны и чьи истинны?

Вотъ, вѣдь, были же мы вполнѣ счастливы и довольны нашими взглядами, какъ вдругъ, возьми, да появись такой Нордау—и все наше счастье улетучилось, какъ дымъ.

Онъ, вѣроятно, подлилъ какой-то ѣдкой кислоты во всѣ эти наши взгляды—и удивительно, какъ скоро они разложились...

Но откуда у этого человѣка взялась эта кислота?.. Не есть ли это, пожалуй, та кислота, которую можно бы назвать «кислотою ненормальности»?

Онъ приводитъ насъ къ заключенію, что наша нравственность не есть то, что въ химіи называется элементомъ и что ее можно разлагать на составныя части. Да, этотъ безумецъ идетъ еще дальше. Онъ утверждаетъ, что то, что мы называемъ добродѣтелью, не есть нѣчто цѣльное, единое, а что она представляетъ нѣчто, подобное тому, что въ металлургіи носитъ названіе «композиціи». Композиція—какой ужасъ! Мы убѣдительно просимъ помнить, что беремъ этотъ терминъ не изъ теоріи музыки, а изъ металлургіи и что у насъ даже и въ помине не было сказать такую вещь, какъ то, будто бы мы компонировали себѣ добродѣтели!

О, этого не посмѣлъ бы утверждать даже самый ненормальный человѣкъ!

Мы съ негодованіемъ отвергаемъ подобную мысль: Добродѣтель едина—объ этомъ и толковать нечего, хотя, по словамъ Нордау, она бываетъ подчасъ и альяжемъ. Альяжъ опять-таки альяжъ, а не фикція; надо быть, дѣйствительно, сумасшедшимъ, чтобы назвать альяжъ фикціей!

Правда, кто-то, и чуть ли не тотъ же самый Нордау, утверждаетъ, что мы, покупая дорбодѣтель, получаемъ за наши деньги альяжъ и что альяжъ этотъ, за который мы платимъ относительно дорого, содержитъ въ себѣ едва 1% добродѣтели, остальные же 99%—все примѣси.

Неужели это такъ?..

О, въ такомъ случаѣ, слѣдовало бы произвести въ химической лабораторіи логики тщательный анализъ всѣхъ этихъ примѣсей, главное, съ точки зрѣнія ихъ реагированія на всевозможные реактивы.

Но вотъ вопросъ: возьмется ли за такое дѣло человѣкъ нормальный?!

Сомнительно.

За такую работу можетъ взяться только человѣкъ ненормальный, одаренный, какъ мы доказали выше, неустрашимой логикой, человѣкъ, который хочетъ и умѣетъ быть послѣдовательнымъ.

Ненормальный человѣкъ *долженъ* быть послѣдовательнымъ. Человѣку нормальному въ этомъ нѣтъ надобности. Жизнь награждаетъ

его привиллегіей сводить счеты съ своей душою по двойной бухгалтеріи; суммы «дебета» и «кредита» сходятся, а то, что душа ведетъ себѣ особо счеты «мое» и «твое»—ну, такъ на этомъ-то, въ сущности, и основывается ея нормальность.

Да, только—вотъ и здѣсь тоже надо быть ненормальнымъ человѣкомъ, чтобы умѣть это различать.

Изъ всего вышесказаннаго вытекаетъ, что ненормальный человѣкъ видитъ многое такое, чего не видятъ люди нормальные. Выслушайте же терпѣливо, что вамъ скажетъ ненормальный человѣкъ, а проклясть его, выгнать или сжечь—на это у васъ еще хватитъ времени!

ПИСЬМО II.

Позвольте, Людвигъ, позвольте...

Всему есть границы. Отъ этого непріятнаго условія избавлены только такія вещи, какъ время, пространство и т. п. Вы къ нимъ не можете причислить вашего негодованія—оно не время и не пространство—и посему оно должно подлежать какому-нибудь ограниченію.

Ваше письмо произвело на меня удручающее впечатлѣніе. Теперь только я вижу поразительно ясно, до какой степени вы нормальный человѣкъ. Вы возмущаетесь тѣмъ, что я намѣреваюсь писать объ искусствѣ и выставляете такіе мотивы:

1) что я въ искусствѣ ничего не понимаю,

2) что я сумасшедшій и

3) что я никогда не былъ за границей.

По всѣмъ этимъ пунктамъ я вамъ возражу слѣдующее.

Вы меня упрекаете, что я берусь писать объ искусствѣ, ничего въ немъ не понимая. Но, голубчикъ, я въ этомъ еще не вижу ничего ненормальнаго, такъ какъ, вѣдь, у насъ-то объ искусствѣ преимущественно такіе господа и пишутъ, которые въ немъ ничего не смыслятъ. Положимъ, слава-то тутъ не велика! Это свойственно нормальному человѣку, и наше общество нормальныхъ людей обыкновенно ничего противъ этого не имѣетъ. Вся новизна, вся оригинальность положенія вашего пріятеля основана на томъ, что необходимо быть ненормальнымъ человѣкомъ для того, чтобы, не понимая искусства, сумѣть подмѣтить въ немъ такія вещи, которыя люди понимающіе упустили изъ виду.

Ясно?

Перейдемъ къ слѣдующему.

Вы говорите, что я не имѣю права писать объ искусствѣ, потому что я сумасшедшій, а на сумасшедшихъ никто не обращаетъ вниманія, ихъ отправляютъ въ Творки. Хотите, я однимъ взмахомъ сейчасъ уничтожу сей упрекъ: у насъ только тогда начинаютъ обращать на человѣка вниманіе, когда онъ сходитъ съ ума.

Вы, можетъ быть, не согласны?..

А теперь послѣднее.

Вы говорите, что я никогда не былъ за границей. Да былъ, ей-Богу же, былъ и даже нѣсколько разъ, я только въ Парижѣ не былъ, а это у людей нормальныхъ называется вовсе не быть за границей, между тѣмъ какъ люди ненормальные смотрятъ на это совершенно иначе. И знайте, покуда я не проведу черты подъ моимъ послѣднимъ письмомъ, до тѣхъ поръ я не поѣду въ Парижъ! Вы понимаете? А потому, я вамъ совѣтую умѣрить ваше негодованіе, ибо я, какъ человѣкъ ненормальный отличаюсь упрямствомъ. И еще по нѣкоторымъ причинамъ вы должны умѣрить изліянія вашего нормальнаго негодованія и необходимо вамъ, сударь, вооружиться терпѣніемъ въ виду того, что я, не побывавъ въ Парижѣ, имѣю дерзкое намѣреніе писать о немъ. Правда, это уже и до меня дѣлали нормальные люди, но я это буду дѣлать изъ совершенно иныхъ побужденій. Какъ человѣкъ, доведенный до безумія...

Итакъ, какъ видите, всѣ ваши аргументы разбиты и обращены въ однѣ жалкія развалины, и я не совѣтую вамъ въ нихъ копаться, ибо вы для себя извлечете одинъ только стыдъ.

Однако, помимо всего этого, я, признаться, частенько вамъ завидую...

Отчего??

А оттого, что я и самъ былъ когда-то нормальнымъ человѣкомъ, и спокойно было тогда у меня на душѣ. Совѣсть моя катилась, словно карета на резинахъ, по выбоинамъ всѣхъ житейскихъ вопросовъ. Жизнь представлялась мнѣ въ видѣ тарелки помидороваго супу; тарелка эта стояла передо мною, и я черпалъ изъ нея ложкой, которую мнѣ милостиво сунула въ руку судьба. Я находилъ, что моя главная и единственная обязанность заключается въ томъ, чтобы ѣсть этотъ супъ, ѣсть его до тѣхъ поръ, пока смерть своимъ саваномъ не утретъ мнѣ губъ и не скажетъ: «будетъ!»

Когда ночь спускала свою темную завѣсу на книгу, въ которой записывались всѣ мои дневныя дѣянія, сонъ производилъ балансъ активу и пассиву, а лѣнивая совѣсть не высылала никакихъ ревизіонныхъ коммиссій для провѣрки счетовъ. Слѣдующій день начинался какъ бы новой жизнью; я бралъ новую книгу, въ послѣднюю заглядывалъ рѣдко, въ предпослѣднюю—никогда. Такъ жилъ я изо дня въ день, отъ баланса до баланса, точь въ точь какъ наши акціонерныя общества, которымъ, однако, все это прощается, въ виду этой самой ихъ «нормальности».

Въ области мозга моего существовали материки и моря, простирались огромные континенты, еще невѣдомые другъ другу. Былъ тамъ континентъ человѣчества — и я его зналъ отлично. Былъ континентъ этики—я совершалъ по немъ многократныя путешествія. Былъ, наконецъ, и континентъ искуства—я любилъ проводить на немъ зимніе мѣсяцы. Какъ я сказалъ уже выше, континенты эти существовали

совершенно независимо одинъ отъ другого и не завязывали между собою никакихъ сношеній. Не было еще тогда въ мозгу моемъ Колумба, который указалъ-бы имъ пути другъ къ другу. О, какъ я былъ тогда счастливъ!

Когда теперь, порою, я озираюсь вокругъ себя, въ поискахъ за утраченнымъ счастьемъ, я съ болью въ душѣ встрѣчаю передъ собою цѣлые легіоны лицъ, сіяющихъ радостью и довольствомъ. Они производятъ на меня впечатлѣніе свѣтлыхъ, чистыхъ полотенъ, передъ которыми еще не останавливалась Самокритика съ кистью въ рукѣ. Я заглядываю въ глубь ихъ мозговъ — и что же? Я съ ужасомъ вижу, что и у нихъ міръ мысли разодранъ на точно такіе же материки и моря, на точно такіе же континенты, что тамъ правда, тоже появлялись Колумбы, но они были объявлены сумасшедшими и изгнаны изъ мозга...

Бреду я, безумецъ, домой, а за мною несутся цѣлыя арміи призраковъ, толпятся на лѣстницѣ, толкаются въ дверь; я пытаюсь запереть ее, но они не пускаютъ, грозятъ мнѣ, вваливаются за мной. Я сажусь за ужинъ; они вырываютъ у меня хлѣбъ изъ рукъ, отталкиваютъ столъ. Усталый, измученный, я ложусь спать; они окружаютъ меня, стаскиваютъ съ постели и все грозятъ, грозятъ!

Домашніе, глядя на меня, многозначительно покачиваютъ головами. Друзья, встрѣчаясь со мною на улицѣ, необыкновенно нѣжно жмутъ мнѣ руку и, уходя, пожимаютъ плечами. Знакомые меня избѣгаютъ.

Да, вѣдь, я же превосходно знаю, что я сумасшедшій! Никто меня въ этомъ не переубѣдитъ...

Но, вѣдь, когда-то, когда-то я имъ не былъ! Сколько сладкаго, тихаго счастья, таилось тогда въ моей душѣ!

А если бы вдругъ, какимъ-нибудь чудомъ, стать опять нормальнымъ человѣкомъ? Не было ли бы мнѣ лучше?

О, никогда! Не хочу я! Не хочу!

Теперь мнѣ было бы во стократъ хуже...

Кто уже сорвалъ плодъ съ древа познанія добра и зла, того могутъ выгнать изъ рая, могутъ заставить его зачать и рождать въ мукахъ, могутъ заставить его дрожать отъ холода, голода и страха смерти, могутъ, наконецъ, заставить его умереть—но онъ, несмотря ни на что, никогда не захочетъ стать опять—нормальнымъ человѣкомъ!..

ПИСЬМО III.

Стойте! Стойте!

Въ разгарѣ моихъ разсужденій я совсѣмъ позабылъ возразить вамъ на одинъ изъ самыхъ важныхъ упрековъ.

Что вы сказали, Людвигъ, о книжкѣ Нордау? Что это старье?

Помилуйте!..

Мнѣ это припомнилось въ ту самую минуту, когда я уже опускалъ письмо въ почтовый ящикъ. Вотъ-вотъ уже указательный палецъ получилъ изъ мозга приказаніе «задержать!». Но въ ту же секунду рука дрогнула, и письмо изчезло въ отверстіи. Въ первый моментъ я уже было собирался побѣжать на почту, чтобы распорядиться о возвращеніи мнѣ письма; но потомъ я раздумалъ, что гораздо практичнѣе будетъ просто вернуться домой, сѣсть, да написать продолженіе или, лучше сказать, дополненіе. Меня такъ и разжигало. Шелъ я довольно быстро, толкая прохожихъ и составляя у себя въ головѣ цѣлый планъ аттаки. Я готовилъ къ бою аргументы, точно войска, по наполеоновски маскировалъ артиллерію, которая вполнѣ замѣнила разрушительную аттаку нашей крылатой кавалеріи,—какъ вдругъ лицомъ къ лицу столкнулся съ Бронкой. Это та натурщица, о которой мы съ вами говорили. Я былъ страшно золъ, что она такъ некстати мнѣ встрѣтилась; я боялся, что какой-нибудь аргументъ ускользнетъ у меня изъ головы или что я потеряю нить разсужденій. Какъ нарочно, плутовка схватила за рукавъ и остановила.

— Куда вы это такъ спѣшите, безумецъ?

Видите, даже натурщицы уже обзываютъ меня безумцемъ!

Ко мнѣ въ одинъ мигъ вернулось хорошее настроеніе. Я сообразилъ, что до слѣдующей почты у меня еще пять часовъ времени, и пошелъ съ нею.

Бронка была восхительна. На ней была бурка отъ Герзе—чертовская бурка! Такая мягкая, нѣжная, пушистая—дотронешься до нея, такъ тебя словно жаромъ и обдастъ. Мелкій дождикъ рѣзалъ лицо, дулъ сильный вѣтеръ. Каштановые волосы Бронки были мокры. Тутъ я вдругъ въ первый разъ замѣтилъ, что глаза у ней совсѣмъ зеленые, какъ два изумруда въ формѣ миндалей. Ну, ей - Богу, точно какъ у кошки! Только у кошки круглые. Я ее всегда видалъ только по вечерамъ, и тогда у ней глаза были не то каріе, не то черные. Но зеленые!?..

Безумные глаза!

Я, ей такъ сказалъ. Обрадовалась! Въ сущности, наши натурщицы никого не уважаютъ, какъ только своихъ художниковъ, да скульпторовъ. Въ свободное время онѣ поступаютъ въ содержанки къ холостымъ фабрикантамъ, но зато комплименты принимаютъ только изъ устъ литераторовъ.

Я однажды предложилъ ей вопросъ, отчего это такъ? А она, плутовски улыбаясь, отвѣтила:

А оттого, что они умѣютъ ихъ говорить!

Ага, такъ и ты, голубушка, уже знаешь, что значитъ «умѣютъ говорить»?

Мы шли съ нею рядомъ, перекидываясь шуточками. Порою, вслѣдствіе чрезвычайно оживленнаго разговора, мы нечаянно толкали другъ дружку, благодаря чему уровень моего хорошаго настроенія еще болѣе повышался, точно столбикъ ртути въ барометрѣ.

— Зайдемте къ Густаву,—предложила мнѣ Бронка.

Я вамъ писалъ уже когда-то о Густавѣ Шанявскомъ. Онъ опять простудился и лежитъ въ постели.

Мы пошли. Ну, и высоко же свиты эти «орлиныя гнѣзда»! Подымались мы съ Бронкой, навѣрное, минутъ десять, останавливаясь на каждой площадкѣ. Подымаю голову вверхъ: кажись, лѣстницамъ и конца не будетъ! Еще лѣстница, и еще, и еще...

Изъ кухонныхъ дверей отовсюду высовываются физіономіи служанокъ. При видѣ Бронки, старухи сердито захлопываютъ дверь, а молодыя, окидывая насъ взглядомъ, улыбаются и, мурлыча себѣ что-то подъ носъ, медленно отходятъ.

Наконецъ, вотъ ужъ мы и въ «высшихъ сферахъ».

Сферы эти, дѣйствительно, заслуживаютъ названія высшихъ, съ одной стороны, какъ самыя высокія въ вертикальномъ направленіи, съ другой, съ точки зрѣнія господствующихъ въ нихъ убѣжденій.

Вотъ, если мы возьмемъ хотя бы торгово-промышленныя сферы: тамъ у нихъ человѣкъ директоромъ начинается, директоромъ и кончается.

По понятіямъ же тѣхъ, кто обитаетъ въ сихъ «орлиныхъ гнѣздахъ», человѣкъ, homo sapiens — это толпа, масса. Художникъ—это уже сверхъ человѣкъ.

Мы входимъ въ первую комнату. Изъ сосѣдней доносится покрякиваніе Шанявскаго. Бронка бѣжитъ туда. Я снимаю съ себя пальто и окидываю взоромъ мастерскую.

Три начатыя картины, двѣ недоконченныя, на полу, у стѣны, нѣсколько эскизовъ, кушетка, столикъ изъ дешевенькихъ, передъ нимъ—маленькое кресло рококко, на немъ—фотографіи, наброски—вотъ и все ея убранство.

Одна изъ начатыхъ картинъ изображаетъ Мадонну, стоящую на полумѣсяцѣ и возносящую взоры къ небу. На другой нарисована Бронка, лежащая на кушеткѣ, лицомъ къ зрителямъ, разумѣется, безъ бурки отъ Герзе и безъ многихъ другихъ вещей. На третьей—та же Бронка, опять-таки безъ бурки отъ Герзе и безъ многихъ другихъ вещей, но къ зрителямъ спиною.

На первой изъ недоконченныхъ картинъ—Бронка, до пояса лишенная принадлежностей дамскаго туалета; на другой изображена св. Женевьева, сія послѣдняя предназначается для бокового алтаря въ Чубатой Волькѣ. Бѣдные мужички! Придетъ ли имъ въ голову мысль, что образъ, передъ которымъ они стоятъ на колѣняхъ, нарисованъ самымъ ярымъ атеистомъ?

Разсматриваю эскизы. Большинство изъ нихъ представляетъ изо-

браженія составныхъ частей Бронки, передо мною три ноги ея, пять рукъ, два лица, наконецъ, торсъ ея; вѣренъ ли онъ—судить не берусь, ибо свидѣтелемъ сеансовъ мнѣ быть не приходилось. Изъ фотографій мнѣ, прежде всего, бросилась въ глаза Леда, съ головой, склонившейся къ клюву лебедя, затѣмъ, одна покойная актриса въ костюмѣ буквально изъ собственной кожи, который вполнѣ безупреченъ, затѣмъ нѣсколько нимфъ, нѣсколько Аполлоновъ и, наконецъ, рядъ сценъ изъ Овидіева: «De arte amandi».

Если бы въ этомъ ателье вдругъ очутились всѣ наши моралисты, наши скромницы, да еще разные другіе «наши»—какой содомъ поднялся бы среди нихъ! Какимъ негодованіемъ запылали бы ихъ сердца! Нечего и говорить, что Густавъ былъ бы немедленно объявленъ сумасшедшимъ.

Между тѣмъ, это несправедливо: тутъ все свидѣтельствуетъ о полнѣйшей нормальности. Я въ жизни не встрѣчалъ болѣе нормальнаго сверхъ-человѣка! Да это вамъ подтвердитъ и критика.

Порой лишь, когда какой-нибудь безумный, ненормальный человѣкъ случайно забредетъ сюда и остановитъ на всемъ этомъ взоръ свой, ему вдругъ почудится, что все это начинаетъ двигаться, метать угрожающіе взгляды, рты искажаются отчаянными конвульсіями, руки протягиваются съ мольбертовъ, высовываются изъ рамъ, изъ «орлиныхъ гнѣздъ», съ этой сверхчеловѣческой высоты туда, на уличную мостовую—и ужасною непрерывною цѣпью все это тянется дальше, смѣшивается съ сутолокой живой, человѣческой жизни, полной проклятій, безсильныхъ рыданій, полной безбрежнаго отчаянія, завершаемой больницей и нищенскими похоронами...

Да, когда смотритъ на это безумный, тогда въ мозгу дотолѣ одинъ другому невѣдомые континенты начинаютъ различать другъ друга, тамъ копошатся какіе-то Колумбы, пытаясь доказать, что все это связано между собою, что тутъ одно дополняетъ другое, одно вытекаетъ изъ другого—эти Колумбы снуютъ съ растрепанными волосами, съ остолбенѣлыми глазами...

Густавъ позвалъ меня къ себѣ... Бронка уже успѣла тѣмъ временемъ перемѣнить ему компрессъ. Онъ лежалъ въ постели. Странное впечатлѣніе произвело это сочетаніе молодости съ болѣзнью. Лобъ у него узкій, но высокій, глаза черные, такіе же усы и тонко вьющаяся бородка клиномъ. Окно было завѣшено занавѣской, на стулѣ, у изголовья, стояла зажженная свѣча; тѣнь Густава во всю свою длину выступила на стѣнѣ. И,—странное дѣло;—въ то время, какъ лицо Густава, при моемъ входѣ, озарилось привѣтливой улыбкой, глаза оживились и губы раскрылись, чтобы произнести нѣсколько привѣтственныхъ словъ, на стѣнѣ смутными очертаніями выдѣлялся какой-то призракъ, лежавшій навзничь, съ руками, сложенными на груди, съ беззвучно раскрытыми устами.

Бронка занялась самоваромъ, а Густавъ принялся сѣтовать надъ судьбою жрецовъ искусства. Это его любимая тема. Онъ осыпалъ упреками подлую толпу и перечислялъ всѣ тѣ козни, какими она преслѣдуетъ племя художниковъ. Тутъ меня въ первый разъ что-то кольнуло.

— Мы, жрецы искусства,—говорилъ онъ,—отдаемъ человѣчеству все, наше вдохновеніе, тѣло и кровь нашу, воспитываемъ его, развиваемъ въ немъ эстетическое чувство, выводимъ его изъ состоянія безсмысленнаго прозябанія, учимъ его чувствовать, вникать въ себя, создаемъ безсмертную красоту...

Тутъ меня что-то кольнуло второй разъ. Въ одинъ мигъ предстали у меня передъ глазами всѣ изображенныя Густавомъ составныя части Бронки, безъ бурокъ отъ Герзе и безъ всѣхъ другихъ вещей изъ области дамскаго туалета; безспорно, части эти дышали безупречной красотой, но все-таки я никакъ не могъ понять, что за связь между ними и понятіемъ о безсмертіи; я зналъ, что одна картина попадетъ ко мнѣ, другая—къ брату Густава, и вмѣстѣ съ тѣмъ никакъ не могъ себѣ представить, какимъ это образомъ я и братъ Густава образуемъ человѣчество, да еще неблагодарное!

И потому, когда Густавъ снова вернулся къ темѣ своего жреческаго достоинства, и я почувствовалъ, какъ меня кольнуло что-то въ третій разъ, я прямо сказалъ ему:

— Послушайте, Густавъ, объясните вы мнѣ, пожалуйста, одно. Почему рисованіе Бронокъ, безъ бурокъ отъ Герзе и безъ многихъ другихъ вещей, должно считаться священнымъ и почему собственно человѣчество за это должно падать ницъ передъ вашимъ мольбертомъ?

Этотъ вопросъ, видно, не пришелся ему по вкусу, и въ отвѣтъ онъ нагородилъ мнѣ, что у меня совершенно отсутствуетъ эстетическое чувство, что я—филистеръ, что я не умѣю вникать въ себя, что я не имѣю понятія о томъ, что такое неуловимыя душевныя состоянія, что такое настроенія, что я увлекаюсь безплодными разсужденіями, что вмѣсто того, чтобы дать чувству непосредственно овладѣть собой, я пускаюсь въ спекуляціи, которыя ни философовъ, ни людей ни къ чему не привели и не приведутъ, что я, навѣрное, сейчасъ сошлюсь на какую-нибудь отрасль науки, которую онъ отлично знаетъ, но которой онъ признавать не хочетъ, такъ какъ въ ней отсутствуетъ художественность и, наконецъ, объявилъ безповоротно, что если на свѣтѣ еще кто-либо стоитъ чего-нибудь, такъ это только художники, да, пожалуй, кромѣ нихъ, еще и хорошія натурщицы. При этихъ словахъ Бронка подскочила къ кровати, сѣла на ней, перегнулась черезъ Гутка и, откинувшись назадъ, указывая на него пальцемъ, сказала:—Вотъ онъ правъ,—а потомъ на меня,—а онъ не правъ.

Натурщица locuta, causa finita.

Я разсмѣялся и поглядѣлъ Бронкѣ въ глаза, которые теперь, при свѣтѣ свѣчи, изъ зеленыхъ стали темно-карими. Она заложила руки

за спину, оперлась на спинку кровати, положила одну ногу на другую и призадумалась. Шанявскій продолжалъ говорить. Я притворялся, что слушаю. Бронка тоже притворялась, что слушаетъ, хотя она не только не слышала ни одного его слова, но даже не чувствовала моего, упорно устремленнаго на нее, взгляда. На лицо ея налетѣла тѣнь не то задумчивости, не то грусти. Мнѣ чудилось, что глаза ея вдругъ стали глубокими, глубокими; и чудилось мнѣ, что я вижу въ нихъ какой-то далекій край и въ немъ поля, луга, на горизонтѣ темнѣютъ очертанія деревьевъ и построекъ. Надвигается вечеръ. По дорогѣ на коренастомъ буланомъ ѣдетъ мужичокъ, съ сѣрыми глазами и длинными обвисшими усами; онъ на мгновеніе забылъ о свозкѣ сѣна, о срокѣ арендной уплаты, устремилъ взоръ въ даль, туда, гдѣ Варшава—и вздохнулъ. Но вдругъ онъ рѣзко, сердито махнулъ рукою, въ сѣрыхъ глазахъ его блеснула слеза, онъ перекрестился, потянулъ возжи и тронулся рысцой... Я бы еще долго смотрѣлъ ему вслѣдъ, но въ эту минуту я почувствовалъ на рукѣ моей чье-то прикосновеніе, услышалъ голосъ Шанявскаго, говорившій: «да, да, голубчикъ, я безусловно правъ».—И увидѣлъ, вмѣсто полей, глаза и лицо Бронки, которая быстро отерла слезу и, словно разбуженная со сна, вздрогнула и слегка страннымъ голосомъ спросила: «что? Что такое?»

«Нельзя»,—доканчивалъ свое Шанявскій,—смотрѣть на такія вещи глазами нормальнаго человѣка, какъ это дѣлаете вы. Вы должны хоть немного умѣть быть ненормальнымъ...

Кровь ударила мнѣ въ голову, я вскипѣлъ было, но прежде, чѣмъ я успѣлъ что-либо подумать, Шанявскій добавилъ:

— Бронка могла бы намъ кой-что объ этомъ поразсказать изъ исторіи своей жизни...

Кровь отлила у меня отъ мозга и прилила къ сердцу. Я взглянулъ на натурщицу. Подъ ея широко раскрытыми глазами легли зеленоватые полукруги, губы у ней такъ и подергивались, казалось, вотъ-вотъ она разрыдается, но она сдержала себя, и только грустная улыбка уже не сходила съ ея лица.

Я зналъ, что прошлое этой дѣвушки было довольно трагическое, но мнѣ изъ него были знакомы только нѣкоторые отрывки, не могущіе представить ничего цѣлаго. Исторія ея была еще отъ меня сокрыта мракомъ неизвѣстности, и, признаться, я сгоралъ желаніемъ, чтобы онъ поскорѣе разсѣялся.

Правда, отъ Бронки было необыкновенно трудно допытаться чего-нибудь, но я не терялъ надежды, особенно въ виду того, что въ мою пользу говорило одно обстоятельство, благодаря которому эта дѣвушка, несмотря на то, что я не принадлежалъ къ сферѣ сверхъ-людей, т.-е. не былъ художникомъ, дарила меня своимъ исключительнымъ расположеніемъ. Дѣло въ томъ, что, проходя однажды по улицѣ въ сопровожденіи «нормальныхъ» дамъ, я, встрѣтивъ ее, серьезно, почтительно и естественно ей поклонился.

*

Я теперь могъ бы нанести ей какую угодно обиду, она простила бы мнѣ все за этотъ одинъ простой, естественный поклонъ.

И потому-то я поставилъ Бронку несравненно выше Шанявскаго. Она поняла, что такъ не поступилъ бы человѣкъ нормальный.

Она угадала во мнѣ ненормальнаго человѣка.

ПИСЬМО IV.

Дорогой другъ!

Нѣсколько разъ я уже брался писать вамъ, но, ей-Богу, не могъ. Попробую, можетъ быть, теперь удастся.

Да, такъ, значитъ, Бронка сидѣла на кровати. Мы собирались ее слушать. Но она первымъ дѣломъ закрыла руками лицо и принялась хохотать. Растопыритъ пальцы, поглядитъ то на меня, то на Шанявскаго—и опять хохочетъ.

Я даже въ недоумѣніе было пришелъ, что это она. Но вотъ она открыла смѣющееся лицо, и мнѣ на руку съ этого смѣющагося лица упала слеза; такъ, знаете, порою дождевая капля падаетъ съ дерева, когда его вдругъ сильно качнетъ вѣтромъ, когда минетъ гроза, и небо прояснится.

Потомъ она прошептала:

— Эхъ, что я вамъ стану разсказывать, — и опять захохотала. Потомъ она сказала:

— А, вѣдь, я дворянка, у меня всѣ бумаги въ порядкѣ,—и повернувшись къ стѣнкѣ, зашептала,—да, Стефекъ, Стефекъ, съ него, вѣдь, все и началось.

Потомъ, не глядя на меня, она опять повернулась къ Густаву:

— Начинать все съ самаго начала, что ли?

И, сначала несвязно, путаясь, потомъ все ровнѣй и ровнѣй, она начала разсказывать...

Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой, не могу теперь, только не теперь!

Господи! Бѣдная, бѣдная дѣвушка!..

ПИСЬМО V.

Дорогой мой Людвигъ! Передаю вамъ все почти ея подлинными словами...

«Я была красивая... Право... Красивѣе, чѣмъ теперь. Волосы у меня были совсѣмъ свѣтлые. Теперь они стали каштановыми, а тогда были совсѣмъ свѣтлые. И глаза у меня были свѣтлые. Но я была страшно глупа!

Теперь, когда я уже слишкомъ умна, теперь только я вижу, какъ глупы бываютъ дѣвушки. Мнѣ было тогда семнадцать лѣтъ и я ничего не знала...

У папеньки моего дѣла что-то пошли плохо. Когда имѣніе наше въ Кѣлецкой губерніи пришлось продать, мы переѣхали въ Варшаву, и тамъ папенька, посредствомъ объявленій и знакомыхъ, искалъ мѣста управляющаго или арендатора. Мнѣ тогда было ровно семнадцать лѣтъ.

О, мы стараго дворянскаго рода! Не думайте, что я такъ себѣ, простая... Нѣтъ!

Стефекъ помогъ папенькѣ познакомиться съ теперешнимъ владѣльцемъ той деревеньки... Какъ она называется? Нѣтъ, не скажу... Деревенька? Не скажу! Стефекъ? О, не скажу ни за что! Звали его Стефекъ, и довольно съ васъ!

Я даже и сама не знала, что люблю его! Потомъ, когда онъ это дѣло папенькѣ устроилъ, онъ бывалъ у насъ каждый вечеръ. Мама имъ не занималась, потому что у насъ было много дѣтей; самому маленькому былъ годъ. Всегда, когда, бывало, мама его при Стефекѣ начнетъ кормить, такъ у меня все лицо покраснѣетъ... Но мама на это вовсе не обращала вниманія. Старшему изъ братьевъ было четырнадцать лѣтъ и онъ ничего не зналъ! О, если бы онъ только узналъ!

Мнѣ въ Стефекѣ все нравилось. Иногда къ намъ захаживала его тетка. Я только послѣ узнала, что это не тетка была. Такихъ бабъ надо бы вѣшать на дорогахъ.

Она меня во всемъ умѣла убѣдить. Мнѣ тогда казалось, что Стефекъ одѣвается красивѣе всѣхъ, что Стефекъ умнѣе всѣхъ, что Стефекъ добрѣе всѣхъ...

Да, уменъ-то онъ, пожалуй, но добрый...

Мнѣ даже лысины начали нравиться, потому что у Стефека была лысина. А что тутъ такого? Онъ самъ смѣялся надъ этой лысиной и просилъ меня хлопать его по ней.

А знаете, эта кассирша изъ драматическаго театра, та, что умерла, такъ она, говорятъ, такое себѣ съ лысинами позволяла, что, бывало, какъ продаетъ билеты, такъ на галлереѣ всѣ чуть не лопались со смѣху. Она, видите, всѣхъ лысыхъ разсаживала на-крестъ, кресло за кресломъ...

Не вѣрите? Да мнѣ это Юзя разсказывала... Вы Юзю не знаете?.. Ну, такъ вашъ братъ хорошо ее знаетъ. Впрочемъ, можетъ быть, она и вретъ, она, вѣдь, страшно, какая хитрая; она и сама умѣетъ такія вещи дѣлать... Вотъ вамъ и Гутекъ скажетъ.

Какую она разъ съ Гуткомъ штуку сыграла! Ха, ха, ха, ха, ха, ха!..

Ну, а со Стефкомъ такъ дальше такъ было. Онъ вдругъ совсѣмъ пересталъ у насъ бывать. И такъ вдругъ, безъ малѣйшей причины. Я, точно больная, слонялась по комнатамъ и не знала, что мнѣ съ собой дѣлать. Разъ только зашла къ намъ та тетка и сухо сказала, что Стефекъ занятъ и ему некогда. Ну, днемъ я еще кое-какъ, но по вечерамъ! Прошло двѣ недѣли. Я себѣ взяла однажды, да и вышла сама на улицу и какъ разъ встрѣтила тетку. Спрашиваю ее опять, что съ Стефкомъ. «Занятъ», говоритъ. Но при этомъ она такъ какъ-то странно

смотрѣла на меня, а потомъ сказала, что если я люблю Стефка, то я должна стараться сдѣлать для него все въ жизни. Это мы уже прежде какъ-то говорили, что Стефекъ мнѣ какъ бы старшій братъ, а старшаго брата надо любить...

Ха, ха, ха, ха, ха...

Наконецъ, она сказала, что если Стефку некогда зайти къ намъ, то мнѣ бы слѣдовало къ нему забѣжать на минутку. Я уже не помню, что я ей на это отвѣтила, но она меня крѣпко обняла и сказала, что я должна ей довѣрять во всемъ.

Когда я вернулась домой, мамаша меня сильно разбранила за то, что я, не сказавшись, вышла изъ дому. Я промолчала, поцѣловала у мамы руку и ушла себѣ въ уголокъ. Оглянулась я. Никого нѣтъ. Я вынула зеркальце и давай на себя глядѣться. Тутъ и тутъ, съ обѣихъ сторонъ, на щекахъ у меня горѣли маленькія, красныя пятнышки, зрачки такъ расширились, что глаза стали совсѣмъ почти черные. Сердце во мнѣ совсѣмъ какъ бы замерло, а, между тѣмъ, я чувствовала, со мною что-то такое дѣлается, что прикажи мнѣ кто-нибудь въ ту минуту кинуться на войско, либо украсть что, либо изъ окна выскочить—я бы все сдѣлала, безъ малѣйшаго колебанія...

Пойти къ Стефку?!..

Я тогда читала одинъ французскій романъ... заглавія я вамъ не скажу, потому что вы будете надо мною смѣяться... Ну, не скажу—и конецъ! Это мнѣ эта тетка дала этотъ романъ.

Тамъ было многое сказано, очень многое, хотя я изъ всего этого мало понимала и о нѣкоторыхъ вещахъ принуждена была только догадываться. Но это чтеніе меня опьяняло, вотъ точно весною, когда черемуха цвѣтетъ. Странныя мысли приходятъ въ голову, когда черемуха цвѣтетъ. Вы бы хотѣли, чтобы черемухи росли на всѣхъ улицахъ и чтобъ онѣ цвѣли цѣлый годъ!

Это мнѣ сказалъ Стефекъ. И, помню, въ глазахъ его тогда что-то заблистало, потомъ онъ вдругъ расхохотался и, можетъ, цѣлыхъ пять минутъ все хохоталъ. Наконецъ, онъ пересталъ и сказалъ мнѣ, что я глупа и что я должна слушаться его тетки, потому что она умная и опытная женщина.

Въ тотъ самый день, вечеромъ, часовъ около семи я опять тайкомъ вышла изъ дому и опять встрѣтилась на улицѣ съ теткой. Я еще тогда Варшавы не знала и не помню, по какимъ улицамъ мы съ нею шли. Но вдругъ тетка остановилась передъ однимъ домомъ и спросила меня, какъ бы невзначай:

А не зайти ли намъ къ Стефку?

Я начала дрожать всѣмъ тѣломъ, но ни чего не отвѣчала. На мгновеніе мнѣ показалось, что я замираю, но я пересилила себя и пошла за нею въ ворота. Оттуда мы вошли во дворъ, къ лѣвому флигелю и стали подыматься по лѣстницѣ...

Намъ не пришлось даже постучаться въ дверь, потому что какъ только мы къ ней подошли, она раскрылась настежь, и я увидала передъ собою Стефка. Лицо его сіяло, глаза блестѣли. Схвативъ меня за обѣ руки, онъ не то съ радостью, не то съ похвалой восклицалъ:

— А—а—а—а!...

Я больше не стану разсказывать... Къ чему?!.. Вы только смѣяться надо мной будете...

Что?—Ну, такъ, прежде всего, всѣ мы, я и онъ съ теткой, сѣли на кушеткѣ и разговаривали такъ, какъ у насъ дома. Точь въ точь такъ. Потомъ Стефекъ угостилъ насъ конфектами. Онъ хотѣлъ было еще налить мнѣ вина, но я отказалась, потому что вина никогда еще въ жизни не пила. Стефекъ не настаивалъ, за что я была ему очень благодарна, такъ какъ я чувствовала, что я могла бы опьянѣть отъ одной рюмки, а потомъ болтала бы глупости...

Мнѣ было такъ хорошо у него и съ нимъ. Въ головѣ у меня немного шумѣло, и я то и дѣло хватала его за руку.

Тетка намъ не мѣшала, она занялась приготовленіемъ чаю. Я было удивилась, что у такого барина, какъ Стефекъ, нѣтъ прислуги. Но онъ объяснилъ мнѣ, что мужской прислуги не любитъ, а служанка вышла за покупками и еще не вернулась. Но такъ какъ намъ всѣмъ захотѣлось чаю, то тетка вызвалась поставить самоваръ; я было предложила помочь ей, но она не позволила, говоря, что дѣвушка въ моемъ возрастѣ должна жалѣть свои руки; она—это другое дѣло, она уже старуха и ей нужны не бѣлыя руки, а доброе сердце...

Они пьютъ ужасно крѣпкій чай. Стефекъ подлилъ себѣ рюмку рому, подлилъ и мнѣ, а когда я ему сказала, что такъ пить не буду, онъ отвѣтилъ, что самъ за меня выпьетъ. Тетка меня за это потрепала по спинѣ, я ее обняла... Начинаю я пить чай... Какъ будто что-то горькое... А Стефекъ смѣется.

— У Брони, вѣрно, сахару мало?—говоритъ онъ и подаетъ мнѣ сахарницу.

Я разсмѣялась, схватила стаканъ и выпила его залпомъ.

Потомъ мы начали играть со Стефкомъ въ лапки. Гляжу, чай ужъ опять налитъ. Тетка закурила папиросу. Я отпила изъ стакана немного чаю, потому что у меня что-то немного голова кружилась; а тутъ тетка опять меня по плечу треплетъ. Я ее опять обнимаю, но вдругъ оборачиваюсь и вижу, какъ Стефекъ отдергиваетъ отъ моего стакана руку съ рюмкой.

Что вы дѣлаете, Господи!—кричу я.

А они начинаютъ надо мною смѣяться, что я такая глупенькая, что забыла даже вкусъ чаю. Я подношу стаканъ къ свѣту—что-то такое красное.—Это не чай,—говорю,—что вы меня увѣряете?..

— Чай,—божится Стефекъ,—честное слово, чай; вотъ, это вотъ не чай,—говоритъ онъ, хватая рюмку и выпивая ее до дна.

Ну, коли такъ, хорошо.— А сами хохочутъ, хохочутъ такъ, что просто ужасъ. Я хватаю стаканъ и—залпомъ его...

Стефекъ отъ меня въ восторгѣ. Я разговариваю только съ нимъ и подсаживаюсь къ нему поближе, онъ обнимаетъ меня за талію. Я только какъ-то сама себѣ удивляюсь, почему это я ничего такого особеннаго не чувствую, хоть мы сидимъ такъ близко другъ около друга. Если бы мы такъ у папеньки сидѣли, я бы, навѣрно, въ обморокъ упала...

Стефекъ смотритъ мнѣ въ глаза и что-то долго, долго говоритъ, я тоже въ глаза ему гляжу. Вдругъ меня что-то какъ будто ударило:— гляжу—тетки нѣту.

— Гдѣ тетка?—спрашиваю.

— А на что тебѣ тетка?—отвѣчаетъ онъ и опять смѣется

Ну, такъ я домой пойду...

— Одна? Развѣ барышни ходятъ по вечерамъ однѣ по улицамъ?

— Нѣтъ, пойду, непремѣнно пойду! Если онъ такъ говоритъ, такъ я таки нарочно пойду...

— Иди себѣ, если хочешь, я тебя не держу...

Я хочу подняться—не могу... А онъ смѣется, все смѣется, да смѣется, смотритъ мнѣ въ глаза и смѣется, и я сама вдругъ тоже начинаю смѣяться, что вотъ съ мѣста подняться не могу...

На мгновеніе все пропадаетъ у меня изъ глазъ, кругомъ темно, въ ушахъ звенитъ... Прошло... Я опять вижу предъ собою столъ, лампу, стаканы, рюмку и бутылку, а слѣва—смѣющагося Стефка.

Голова моя запрокидывается назадъ... Я въ ту-же минуту выпрямляюсь, но Стефекъ успѣлъ это замѣтить. Онъ наклоняется ко мнѣ и говоритъ, что мнѣ, вѣрно, душно. Я слабо отодвигаю руку и говорю: Пускай ужъ такъ будетъ...

Опять у меня въ глазахъ потемнѣло, опять все пропало: и столъ, и лампа, и даже стѣны...

Когда я раскрыла глаза, передо мною уже не было стола; Стефекъ стоялъ передо мной на колѣняхъ, держалъ меня за обѣ руки, смотрѣлъ мнѣ въ лицо...

Мнѣ было ужасно душно... Я чуть не задыхалась... Кофточка была растегнута, но меня все-таки душило... Но это недолго продолжалось...

Опять у меня темно въ глазахъ стало... И въ этой темнотѣ я видѣла только нагнувшагося надо мной Стефка, его блѣдное лицо, отуманенные глаза... Потомъ исчезло все, все, все...

ПИСЬМО VI.

«Знаете, вѣдь, мама меня тогда побила?..

Она меня два раза въ лицо ударила, плакала, металась, потомъ схватила зонтикъ и била меня, била...

А я спряталась въ уголокъ, закрыла лицо руками и—ни звука...

Потомъ она начинала меня цѣловать, просить, умолять, потомъ, наконецъ, грозить и опять она выходила изъ себя отъ гнѣва и осыпала меня проклятіями...

Лучше бъ я тебя на свѣтъ не родила,—кричала она,—лучше бъ ты тогда отъ тифа померла...

Я все перенесла. Да я бы тогда себя на кусочки разрубить позволила, зарѣзать бы себя, убить бы дала...

Мама требовала отъ меня, чтобы я сказала ей только одно, одно словечко—у кого я была...

О нѣтъ, ни за что въ жизни я бы этого не сказала! Отецъ его убилъ бы, навѣрно бы убилъ; если не отецъ, такъ братъ. Съ дворянами шутить нельзя,—я это хорошо знала.

Отецъ меня не трогалъ. Онъ похудѣлъ, осунулся, сталъ грустнымъ и молчаливымъ и приказалъ немедленно укладываться въ дорогу. Черезъ недѣлю мы уѣхали въ Литву.

Я до того успѣла еще два раза побывать у Стефка. Въ первый разъ мнѣ вдругъ какъ-то все это страшно понятно стало. Я горько расплакалась. Но Стефекъ успокаивалъ меня, говорилъ, что это ничего, что не можетъ быть никакихъ послѣдствій, потому что мы, вѣдь, не обвѣнчались...

Вы думаете, что нѣтъ такихъ глупыхъ дѣвушекъ?..

Да и какъ я могла думать о какихъ-то тамъ послѣдствіяхъ, когда мнѣ трудно было вообще о чемъ-либо думать. Я только тогда начала немного думать, когда стали у насъ укладываться.

Не мало было со мной хлопотъ, потому что я вдругъ заупрямилась и не хотѣла уѣзжать изъ Варшавы.

Какъ? Ѣхать куда-то на край свѣта? Изъ Варшавы? Отъ него?..

Самыя странныя мысли приходили мнѣ въ голову. Когда заколачивали ящики, я садилась у окна и глядѣла на крыши домовъ. Пролетали ласточки, и я думала, что ласточки могутъ летѣть себѣ, куда имъ угодно, а я должна ѣхать въ Литву...

Я нѣсколько разъ пыталась украдкой выйти изъ дому, но за мной теперь строго слѣдили. Пойду въ другую комнату—мама за мной, въ кухню пойду—мама за мной.

И я опять садилась у окна и глядѣла на воробьевъ, садящихся на крышу. И думала я: вотъ этимъ воробушкамъ достаточно имѣть немного соломы для своего гнѣздышка и они довольны, а мнѣ развѣ нужно больше?..

Я бы прикурнула гдѣ-нибудь, хоть на порогѣ, на лѣстницѣ, лишь бы это была лѣстница Стефка.

Чѣмъ болѣе приближалось время отъѣзда, тѣмъ сильнѣе отчаяніе охватывало меня; я рѣшила, что не поѣду, хоть умру, да не поѣду.

Мама слѣдила за каждымъ моимъ шагомъ. Она постоянно плакала и глазъ съ меня не спускала. Порой только, бывало, спроситъ сквозь зубы:

У кого ты была?

Стефекъ не велѣлъ мнѣ говорить, такъ какъ изъ-за этого могли бы выйти непріятности, потому будто у родителей иной взглядъ на воспитаніе женщинъ, а у общества—иной.

Однажды я попробовала убѣжать. Уже подводы пріѣхали забирать наши вещи, начали уже сносить ящики, я уловила какъ-то минуту, когда мама куда-то засмотрѣлась, выбѣжала чернымъ ходомъ на улицу.

Такъ я, можетъ быть, этого бы и не сдѣлала, но дѣло въ томъ, что, глядя черезъ окно, я вдругъ замѣтила на противоположномъ тротуарѣ тетку. Она ужъ нѣсколько разъ прошлась мимо нашихъ оконъ и отъ времени до времени поглядывала наверхъ.

Увидѣвъ меня, она вошла въ ближайшія ворота. Я за нею. Нужно, говоритъ, сказать тебѣ словечко. Ну, я слушаю. Запомни—говоритъ—на всякій случай мой адресъ. Я съ плачемъ кинулась ей на шею, а она сказала мнѣ, что я большая дурочка и что никто изъ окружающихъ меня не сможетъ дать мнѣ хорошаго совѣта, и вотъ поэтому чтобы я хорошенько запомнила ея адресъ, такъ какъ она меня полюбила и въ случаѣ нужды готова многое для меня сдѣлать. Все это она проговорила быстро и какъ-то удивительно рѣзко. Я тогда подумала про себя, что вотъ къ ней можно было бы отнести слова папеньки, что часто у рѣзкихъ и непривѣтливыхъ людей бываетъ самое доброе сердце.

Между тѣмъ, меня бросились искать на улицѣ, поднялась цѣлая суматоха. Тетка куда-то исчезла. Я попыталась было проскользнуть между подводами, но папенька догналъ меня, схватилъ меня за руку и, еле дыша, втащилъ на третій этажъ.

Тогда-то я рѣшила лишить себя жизни. Я слыхала однажды, что одна институтка, желая покончить съ собою, взяла вязальный крючокъ и вбила его себѣ въ глазъ. Правда, крючокъ лежалъ у мамы въ корзинкѣ, но все-таки, вѣдь, я еще никогда не работала крючкомъ и потому я боялась, что я только себя этимъ искалѣчу, а больше ничего. Притомъ, я слыхала еще и то, что объ институткахъ разсказываютъ разныя чудеса, которымъ не всегда можно вѣрить.

Я вспомнила про фосфорныя спички. Теперь уже такихъ не употребляютъ. Но у насъ дома были только такія, потому что онѣ дешевле. Я взяла цѣлую коробку, обломала головки и проглотила.

Но, вмѣсто смерти, получилась ужасная глупость. Всѣ сбѣжались, увидѣли коробку съ обломанными спичками и очень скоро справились со мною.

Наконецъ, пришлось ужъ и намъ самимъ собираться. Ничего ужъ больше я не могла придумать, никакого средства, никакого исхода. Остановилась я въ послѣдній разъ у окна и взглянула на небо. А небо было какъ разъ такое чудное, чистое, ясное!

И начала я молиться Господу, тому всемогущему Господу, Который можетъ сдѣлать все, что захочетъ. Заливаясь слезами, я молила Его

чтобы Онъ сдѣлалъ такъ, чтобы я не уѣзжала, чтобы Онъ позволилъ мнѣ остаться со Стефкомъ, чтобы Онъ какъ-нибудь такъ устроилъ, чтобы я непремѣнно осталась... Глядя на ясное небо,. я такъ просила Его, такъ молила!.. Вѣдь для Него—это лишь одно мановеніе руки—такъ что же Ему стоитъ сдѣлать это для меня, для бѣдной, несчастной дѣвушки?..

Я молилась такъ горячо, такъ жаждала этого чуда, что мнѣ казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ я непремѣнно увижу что-нибудь на ясномъ небѣ. Но на немъ показались лишь легкія, бѣленькія облачка и мало-по-малу стали алѣть: солнце близилось къ закату...

Потомъ меня одѣли... Потомъ стучали дрожки по мостовой... Потомъ громыхалъ поѣздъ... Потомъ ржали лошади... Потомъ началась жизнь въ деревнѣ, сѣренькая, однообразная жизнь...

Я ничего не дѣлала, да съ меня и не требовали. По цѣлымъ часамъ, бывало, я просиживала у окна, безсмысленно глядя, какъ куры разгребаютъ землю, какъ надувается индюкъ, какъ чистятъ свои перышки утки.

Я не знала, гдѣ я: далеко ли, близко ли? Ничто меня не интересовало, ни о комъ я не думала: ни объ отцѣ, ни о матери, ни о братьяхъ и сестрахъ, ни о чемъ...

Мало-по-малу меня стала охватывать страшная, невыносимая тоска... Мнѣ нужно было Стефка...

Я выходила на крыльцо и смотрѣла въ даль, на западъ. Я не знала въ какой сторонѣ Варшава, но что-то говорило мнѣ, что—тамъ...

Тамъ—тамъ—тамъ!

Я глядѣла туда — и старалась представить себѣ комнату Стефка, И опять какія-то странныя мысли стали блуждать въ моей головѣ...

Стефекъ расхаживаетъ по комнатѣ.. .Я хотѣла бы быть поломъ, по которому онъ ходитъ...

Стефекъ беретъ палку и выходитъ гулять... Я хотѣла бы быть палкой Стефка, которую онъ держитъ своей рукой...

Я хотѣла быть книжкой, которую онъ читаетъ, картиной, на которую онъ смотритъ...

У Стефка была большая, красивая собака... Я хотѣла быть этой собакой, которая ласкается къ его ногамъ, ходитъ за нимъ всюду, ложится на порогѣ, поглядывая въ сторону хозяина... Когда Стефекъ ложится спать, она ложится подлѣ его постели и стережетъ его... Я хотѣла бы быть собакой и стеречь его, моего хозяина...

Стефекъ всегда носилъ цвѣтокъ въ петлицѣ сюртука... Я хотѣла быть этимъ цвѣткомъ.

Я хотѣла быть стаканомъ, котораго онъ касается своими губами... Лампой, что свѣтитъ ему по вечерамъ.

И не могла, не могла я быть даже тѣмъ, чѣмъ ему были стаканъ, палка, цвѣтокъ, чѣмъ была ему—собака...

ПИСЬМО VII.

«Глядѣла, глядѣла я—туда, и, наконецъ, мною вдругъ овладѣло одно сильное, непреодолимое желаніе: бѣжать, бѣжать туда.

Проходили дни, недѣли, мѣсяцы. Я не въ силахъ была больше выдержать. Бѣжать! Но какъ бѣжать? Куда? Въ какую сторону?

Я знала только, что въ ту!

Когда я бѣжала въ первый разъ, меня задержали въ сосѣдней деревнѣ.

Черезъ недѣлю я улизнула ночью и спряталась въ лѣсу. Но тамъ меня нашелъ лѣсникъ и задержалъ у себя, покуда за мною не подоспѣли изъ дому.

Между тѣмъ, кругомъ стали разноситься сплетни, распустился слухъ, что у папеньки моего одна изъ дочекъ—какъ-будто—того...

Была поздняя осень, когда я бѣжала въ третій разъ. Но на этотъ разъ въ моей глупой головѣ былъ уже составленъ цѣлый планъ. Я разсуждала, что *туда* мнѣ птицей не полетѣть, а нужно просто отправиться желѣзной дорогой. Я не знала, какъ называется ближайшая станція. Я помнила только, по какой дорогѣ мы пріѣхали въ...

Ай, чуть-чуть не проговорилась! Нѣтъ, вы никогда не узнаете, какъ называется деревенька, въ которой живутъ наши...

Разспрашивать я никого не могла, потому что это вызвало бы подозрѣніе. Чтобы поѣхать по желѣзной дорогѣ, нужно было купить билетъ, а у меня не было ни гроша.

Какъ-то разъ папенька забылъ на столѣ свои ключи. Я отперла его ящикъ и—украла у него пять рублей...

Было около трехъ часовъ пополудни. Я быстро накинула на себя пальтишко, надѣла платокъ на голову и незамѣтно выскользнула изъ дому.

Небо было подернуто мглою, моросилъ мелкій, мелкій дождикъ. Я шла по грязи и страшно промочила себѣ ноги. Но это меня ничуть не смущало.

Что за бѣда,—думала я,—просушу ихъ у Стефка!

Я пошла черезъ садъ, обогнула лѣсокъ и направилась къ болотамъ. Я знала, что отсюда за мною не погонятся.

Долго ли шла я — не помню; но вскорѣ начало темнѣть, и болота, поля, небо—все потонуло въ сѣромъ туманѣ.

Вдругъ я по колѣни увязла въ трясинѣ. Забрызганая грязью, испачканная, вся въ поту, тяжело дыша, я выкарабкалась на берегъ и устремила взоръ туда, въ даль, за болота, черезъ которыя я, во что бы то ни стало, хотѣла перейти: мнѣ все казалось, что оттуда будетъ ближе къ Варшавѣ, къ Стефку...

Вдругъ я услыхала топотъ конскихъ копытъ. Въ одинъ мигъ я вскочила на ноги и бросилась бѣжать. Это скакалъ конюшій, съ ко-

торымъ папенька былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Онъ скоро догналъ меня, соскочилъ съ лошади и схватилъ за руку.

Онъ былъ очень добрый человѣкъ. Ему было уже лѣтъ шестьдесятъ, хотя на видъ онъ казался лѣтъ сорока. Онъ гладилъ меня по щекамъ, ласкалъ, успокаивалъ, уговаривалъ.

— Папенька,—говорилъ онъ,—приказали мнѣ домой васъ доставить, барышня... не огорчайте, барышня, вашего папеньку... папенька ничего вамъ не сдѣлаетъ... на что вамъ бѣжать, Богъ знаетъ, куда?..

Я просила его, умоляла отпустить меня, вынула, наконецъ, даже тѣ пять рублей и думала подкупить его.

Но онъ только смѣялся, ласково гладилъ меня по лицу, упрашивалъ идти съ нимъ, словно нянюшка. Онъ мнѣ сулилъ золотыя горы, если только я вернусь...

Когда ничто, ни просьбы, ни увѣщанія не помогали, онъ сказалъ, что не пуститъ меня одну на вокзалъ, что онъ меня проводитъ. Мы пошли. По дорогѣ мы встрѣтили какого-то мужика. Конюшій сдалъ ему свою лошадь и велѣлъ отвести ее къ намъ. Мужикъ взялъ лошадь за узду и скоро исчезъ въ туманѣ, подымавшемся съ полей. Мы пошли дальше. Шли мы такъ около часу, какъ вдругъ за нами послышался стукъ повозки, и, вмѣсто того, чтобы проѣхать мимо, она остановилась...

Въ повозкѣ сидѣлъ папенька...

Меня усадили подлѣ него. Папенька былъ печаленъ, всю дорогу молчалъ и только разъ сказалъ:

— На такую дурную дочку я и смотрѣть не хочу...

Когда мы подъѣхали къ дому, когда я сошла съ повозки и прошла въ комнаты, я вся горѣла отъ стыда. Я не смѣла ни на кого глазъ поднять.

На слѣдующій день я замѣтила, что мама какъ-то особенно внимательно присматривается ко мнѣ...

А черезъ нѣсколько дней меня даже уже и не старались задерживать, сами велѣли заложить для меня лошадей,—мнѣ уже нельзя было больше оставаться дома—потому—потому—

Потому что—мое положеніе—

ПИСЬМО VIII.

«Къ Стефку! Къ Стефку!

Къ Стефку!—шумѣлъ мнѣ вѣтеръ, шептали деревья, стучали колеса, гремѣли рельсы подъ вагономъ, свистѣлъ локомотивъ.

— Къ Стефку!—говорилъ мнѣ мой чемоданчикъ, лицо каждаго пассажира, каждый фонарь, каждая станція!

— Къ Стефку!—загремѣло у меня въ ушахъ, когда на Тереспольскомъ вокзалѣ всѣ стали толкаться къ выходу, когда насъ окружили носильщики.

— Къ Стефку!—слышалось въ стукѣ колесъ, въ шумѣ дождя, рѣзавшаго мнѣ лицо, въ дребезжаніи желѣзнаго моста на Вислѣ, въ шумѣ и сутолокѣ Варшавы.

Какъ я тогда попала къ Стефку, этого я никогда не пойму!

И какая это была встрѣча—я тоже никогда не забуду!..

Я открыла дверь—кинулась было къ нему, а онъ вытаращилъ глаза, отступилъ на шагъ и холодно произнесъ:

— А ты тутъ какими судьбами??

Стефекъ!!.

Онъ спросилъ меня, имѣю ли я уже квартиру?

Я то озиралась вокругъ, то глядѣла на него... Я никакъ не могла сообразить чего-то...

— Ну, отправься-ка ты лучше сейчасъ къ теткѣ,—сказалъ онъ,—въ это время она еще дома. Ты ея адресъ помнишь? Она, вѣдь, дала его тебѣ...

Я двѣ недѣли пролежала въ постели. Тетка принялась давать мнѣ различные совѣты. А я ничего слушать не хочу. Она то и дѣло говоритъ мнѣ: дура ты, какъ я на тебя погляжу! А я все свое. Одно только и твержу ей: я люблю Стефка и хочу къ Стефку. Да Стефекъ тебя не хочетъ!—говоритъ. А я ее не слушаю.

Однако, Стефекъ нѣсколько разъ зашелъ ко мнѣ и даже позволилъ мнѣ у себя бывать.

Я опять похорошѣла, и Стефекъ опять началъ со мною хорошо обращаться.

Стали мы немного кутить...

Стефекъ все чаще сталъ водить меня къ художникамъ и знакомить съ ними. Веселый это народъ! Только ужъ чтобъ ихъ, что они себѣ съ нами позволяютъ...

Однажды, на пирушкѣ у Юлія они что сдѣлали? Переодѣлись всѣ греческими богами, а мнѣ велѣли представить изъ себя Венеру.

Теперь я уже не такъ легко пьянѣла и всегда помнила себя. Но бывали минуты, когда я ихъ всѣхъ ненавидѣла, даже Стефка...

Да, портили они меня—и испортили...

Такъ я и осталась у Юлія и съ тѣхъ поръ жила у него. Юлій срисовалъ съ меня нѣсколько картинъ.

Потомъ были пирушка у Стася. Послѣ этой пирушки я осталась у Стася, и Стась съ меня рисовалъ...

Потомъ рисовали съ меня и другіе. Ко многому я привыкла, къ одному только привыкнуть не могла: жить безъ Стефка...

А Стефекъ сердился ужасно, если я къ нему заходила.

Потомъ для натурщицъ настали плохія времена, потому что художники перестали рисовать женщинъ, а занялись только пейзажами.

Правда, мнѣ бы могло и не быть такъ плохо, если бы не мои фантазіи. Они хотѣли мнѣ все дать, но я принимала только то, что заработала за позированіе.

Отъ Стефка я никогда ничего не приняла! Никогда! Если онъ иногда хотѣлъ мнѣ что-либо подарить, такъ онъ мнѣ это долженъ былъ продать. Сперва я ему больше платила, а потомъ все меньше, да меньше. За золотые часы, что онъ мнѣ изъ-за-границы привезъ, я заплатила ему шесть рублей. Потомъ я давала ему за такія вещи всего по пятиалтынному. Ну, а потомъ и еще меньше... Вотъ за это колечко я ему дала всего... копѣйку...

Круглый годъ я принуждена была жить съ однимъ мыловаромъ. Но, къ счастью, теперь вотъ снова понемногу стали рисовать женщинъ, Гутекъ—первый.

Что? Вы спрашиваете, всегда ли я любила Стефка? Я его всегда... всегда... любила... А теперь?

Теперь я, разумѣется, люблю—Гутка...

ПИСЬМО IX.

Дорогой Людвигъ!

Ужъ вы извините, но я васъ съ Бронкой не познакомлю, хотя Вамъ и очень хочется увидѣть эту дѣвушку съ зелеными глазами.

А потому Вамъ незачѣмъ пріѣзжать. Слишкомъ ужъ много было въ жизни у Бронки «хорошихъ знакомыхъ». Я не желаю увеличивать круга этихъ «добрыхъ людей». При всемъ моемъ глубокомъ уваженіи къ Вамъ, я нахожу, однако, что Вы слишкомъ нормальный человѣкъ для того, чтобы я рѣшился стать мостомъ соединяющимъ двѣ такія души, какъ Ваша и Бронки.

Что же я могу сказать Вамъ на Ваше письмо!

Вы его сплели изъ двухъ частей: изъ экстатической лирики и неважной философіи. Лирика окружаетъ Бронку ореоломъ, а философія ее лишаетъ его.

Вы говорите, что исторія Бронки, какъ матеріалъ для литературнаго произведенія, весьма цѣнна и интересна; но если взять ее, какъ глину для лѣпки общественно-этическихъ теорій, то она не имѣетъ никакой цѣнности. По вашему, это фактъ, обыденный до тошноты, истасканный, нормальный...

Нормальный!...

Эхъ, вы—со всею вашею нормальностью...

— Вы находите, что у насъ красивыя дѣвушки—явленіе вполнѣ нормальное. И глупыя, неопытныя дѣвушки—тоже нормальное явленіе. И обольстить дѣвушку — нормальное явленіе, и сдѣлать изъ женщины «трехмѣсячный вексель», пущенный въ оборотъ безъ срока платежа— это что-то удивительно простое, обыкновенное. И рисованіе въ теченіе нѣкотораго времени исключительно женщинъ безъ бурокъ и безъ многихъ другихъ вещей, а потомъ рисованіе въ теченіе нѣкотораго времени исключительно пейзажей и пейзажиковъ — это нѣчто

несказанно естественное. И подобное понятіе о служеніи искусству вполнѣ нормально. И презрѣніе къ «толпѣ» очень естественно. И эта естественность, обыденность, нормальность, въ сущности, никого даже уже и удивлять не должны. Иначе въ одинъ прекрасный день мы оцепѣнѣемъ отъ ужаса при видѣ того, какъ котъ ловитъ мышь, либо какъ галка на нашихъ глазахъ утащитъ курченка изъ курятника.

Зато, съ другой стороны, вы высказываете ту мысль, что исторія Бронки, съ литературной точки зрѣнія, изобилуетъ интересными, оригинальными сценами, которыя Вамъ нравятся и могли бы понравиться также и нашей публикѣ.

А мнѣ сдается, что вся эта Бронкина исторія въ литературномъ отношеніи представляетъ сюжетъ, истасканный до такой степени, что, въ сущности, всякій сознающій свое достоинство раманистъ не долженъ его даже и касаться...

Вы, можетъ быть, скажете, что во мнѣ говоритъ скромность?!

Это былъ бы слишкомъ банальный упрекъ, въ виду нашего долголѣтняго знакомства. Я просто полагаю, что сюжетъ этотъ уже наскучилъ—и не столько, можетъ быть, самый сюжетъ, сколько затрагиваніе его. Вы помните «тетку» Стефка? Такъ вотъ если сравнить читателей со Стефками, то повѣствовательная литература является по отношенію къ нимъ въ роли той самой «тетки»...

Не думайте, что разсудокъ мой помрачился окончательно. Нѣтъ, онъ только обратился въ комету, которая движется по крайне продолговатому эллипсису; правда, она на нѣкоторое время исчезаетъ съ вашихъ глазъ, выходя изъ горизонта вашей системы мышленія, но иногда возвращается, появляется внезапно—не символъ ли это войны?!:

Когда она предстаетъ передъ вами, вы поражены: линія ея движенія представлялась вамъ параболой или даже и прямой...

О! Не вычислить вамъ степени ея наклона къ вашему образу мыслей... Не трудитесь напрасно!

Однако, несмотря на все это—слушайте!

Въ вашемъ мозгу Колумбъ, можетъ быть, и открылъ Америку, но забылъ про Европу и, пожалуй, теперь долженъ былъ бы наново открывать ее...

Когда Бронка окончила свой разсказъ, Шанявскій схватилъ меня за руку и воскликнулъ разъ двѣнадцать, по крайней мѣрѣ: «А что, видите? Видите? Видите?»

Собственно говоря, по праву, мнѣ слѣдовало схватить этого сверхъ-человѣка за шиворотъ и прокричить ему надъ ухомъ это многозначительное «видите».

Между нами завязался ожесточенный споръ, одинъ изъ глупѣйшихъ, какіе мнѣ только случались въ жизни. Шанявскій метался по постели, какъ щука въ котлѣ, разбивая меня во истину художественной логики. И, дѣйствительно, какъ было намъ понимать другъ друга, когда

мы говорили оба на разныхъ языкахъ: я—на одномъ, а онъ—на другомъ. Каждый изъ насъ упрекалъ другъ друга въ томъ, что другой считаетъ такъ: дважды два—зонтикъ, трижды три—безсмертіе, четырежды четыре—абажуръ...

Шанявскій утверждалъ, что разговоръ нашъ сводится къ слѣдующему.

Онъ говоритъ: съ Бронкой поступили по-свински, но если бы не дѣлали подобныхъ свинствъ, то не было бы натурщицъ, ибо порядочныя дѣвушки не согласятся позировать безъ бурокъ отъ Герзе и безъ разныхъ другихъ вещей; а такъ какъ безъ натурщицъ не было бы живописи, слѣдовательно, подобныя свинства необходимы и даже хороши и удобны съ точки зрѣнія художества, ибо да погибнетъ человѣчество, лишь бы только я могъ это хорошенько нарисовать, такъ чтобы, что называется, «за душу хватало».

А я говорю (это, разумѣется, по его толкованію), что когда художникъ держитъ кисть въ рукѣ, то онъ долженъ думать о міровыхъ вопросахъ: когда онъ рисуетъ дерево, онъ долженъ думать о теоріи Маркса, либо о дифференціальномъ счисленіи, а когда онъ ломаетъ себѣ голову надъ тѣмъ, какъ бы ему смѣшать краминъ съ «Parisergiau», чтобы изобразить кипарисовую рощу въ сумерки, то онъ долженъ проникаться человѣческими чувствами.

Я же настаивалъ на томъ, что разговоръ нашъ представляется вотъ въ какомъ видѣ.

Я говорю, что художники приносятъ человѣчеству больше вреда, чѣмъ пользы, ибо человѣчество, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, картинъ ихъ никогда и въ глаза не видитъ, потому что ихъ покупаютъ только банкиры, купцы, промышленники, бездѣльничающіе богачи, для которыхъ человѣчество является лишь подножіемъ; такимъ образомъ, человѣчество не имѣетъ возможности восхищаться геніемъ художниковъ, но зато на каждомъ шагу видитъ, что эти геніи дѣлаютъ съ его Бронками.

А онъ говоритъ, что такъ можетъ разсуждать только филистеръ, а не художникъ, что я сталъ черезчуръ произвольнымъ и что онъ во мнѣ разочаровался.

Въ то время, какъ между нами кипѣлъ этотъ споръ и каждый изъ насъ имѣлъ въ виду либо будущность искусства, либо будущность человѣчества, Бронка показала, что она умнѣе насъ обоихъ, такъ какъ она заговорила во имя потребностей настоящаго.

Обративъ ко мнѣ широко раскрытые глаза и подымая кулаки, она крикнула:

— Пожалуйста, не раздражайте Гутка, потому что онъ боленъ и ему это вредно.

Еще въ пылу спора, я хотѣлъ было крикнуть ей въ отвѣтъ, что сверхъ-люди не интересовались тѣмъ, что вредитъ ей, но какъ разъ

въ эту минуту мною овладѣло истинно-славянское уныніе. Я поглядѣлъ на Шанявскаго и на Бронку. Мнѣ чудилось, что носъ Гутка вдругъ обратился въ клювъ копчика, что уши у него стали остроконечными, и на лбу выступили рога. И чудилось мнѣ, что глаза Бронки обратились въ двѣ окропленныя росою фіалки, что длинный, ослѣпительно бѣлый, плащъ облекъ ея дѣвичью фигуру, и на плечахъ заколыхались бѣлоснѣжныя крылья...

Я схватилъ мою шляпу, бросился вонъ изъ «орлинаго гнѣзда» и стремглавъ пустился внизъ по лѣстницѣ.

ПИСЬМО X.

Что?! Что такое вы говорите, Людвигъ?!

Вы въ пухъ и прахъ меня разбить хотите?! Меня?! За то, что я говорю, что «художники приносятъ человѣчеству больше вреда, чѣмъ пользы»? По вашему, это нелѣпость?

Вы хотите меня сразить Гротгеромъ? Такъ у васъ-таки выставляютъ его картины?

Да ѣду же, ѣду! Разумѣется, ѣду! Выѣзжаю нынче съ вечернимъ поѣздомъ—а тамъ хоть чертъ побери все!

На все остальное я вамъ покуда не отвѣчаю. Ужъ это мы съ вами лично разсчитаемся. Смотрите, приготовьте-ка вы себѣ тамъ пока портнягу, придется сшивать васъ послѣ нашего разговора. Мѣста живого на васъ не оставлю...

А Гротгеръ!.. *) Знаете ли, что о немъ говорятъ нѣмцы? Нѣтъ, не знаете? Ну, такъ вотъ они что о немъ говорятъ. Если есть въ искусствѣ, наукѣ и тому подобныхъ великихъ силахъ геніи, то геній живописи—это Артуръ Гроттеръ. А, вѣдь, этотъ человѣкъ довольствовался почти одной скромной пастелью!

Простите, голубчикъ, если завтра утромъ мнѣ нечѣмъ будетъ васъ расцѣловать и прижаться къ вашей груди, но я, право, потерялъ голову.

Шанявскому лучше. Не бойтесь вы за него, хотя болѣзнь его и въ самомъ дѣлѣ изъ грудныхъ. Вотъ кабы онъ былъ Гротгеромъ либо Шопеномъ, то факелъ его сердца давно бы уже погасъ, а Бронку рисовалъ бы Медвей, который не прочь стянуть ее у Шанавскаго изъ-подъ носа. Но этотъ факелъ еще коптитъ и долго еще будетъ коптѣть...

До завтра! До завтра! До завтра!

---

*) Артуръ Гротгеръ—извѣстный польскій художникъ, картины котораго, помимо замѣчательной работы, отличаются глубиною содержанія. Циклъ его картинъ, подъ общимъ названіемъ «Въ юдолѣ плача» или «Война» изображаетъ войну, какъ источникъ страданій и несчастій человѣчества; картины эти полны глубокаго драматическаго смысла. Гротгеръ жилъ всего тридцать лѣтъ и умеръ въ 1867 г., въ полномъ расцвѣтѣ своего великаго таланта.

Прим. переводчицы.

ПИСЬМО XI.

Вотъ такъ оказія...

И какъ же я послѣ этого—не ненормальный человѣкъ? Совершенно позабылъ, что при нынѣ существующемъ порядкѣ вещей пускаться въ путешествіе безъ «презрѣннаго металла» никакъ невозможно...

Францъ Новицкій вполнѣ правъ: онъ говоритъ, что кошелекъ—се наше кожаное fatum. Я одно время совѣтовалъ ему написать сонетъ на тему этого унылаго или, по крайней мѣрѣ, пустотой своей наводящаго уныніе на душу человѣческую, fatum.

Собственно говоря, мнѣ бы слѣдовало всю эту страницу исписать всевозможными проклятіями... Чортъ возьми! Цѣлый день—все однѣ неудачи... У Шанявскаго, разумѣется, ни гроша — а у Бронки не возьму. Я не хочу принадлежать къ числу ея кредиторовъ...

Вечеръ. Восьмой часъ. Черезъ три часа свистнетъ локомотивъ и—прощайте, безумные сны... Положимъ—не имѣть ни гроша—это у насъ дѣло совершенно нормальное и имѣть безумныя прихоти—тоже нормально. . . . . .

. . . . . .

Эхъ!

А, право, вѣдь, это было бы чортъ знаетъ что, если бы въ подобномъ положеніи кожаное fatum...

XII. ТЕЛЕГРАММА.

Краковъ—Епископская 6—Людовигу Колаковскому.

Завтра курьерскимъ Краковъ Шанявскій Бронка встрѣчайте вокзалѣ.

ПИСЬМО XIII.

Если бы человѣкъ захотѣлъ все выразить на бумагѣ, онъ долженъ былъ бы искать настроенія въ своей собственной душѣ и не въ чернила, а въ человѣческія слезы и страданія погружать перо свое. Но какъ разобраться въ душѣ человѣческой, какъ отыскать въ ней то, что должно дать тонъ великой поэмѣ человѣческой жизни? Бываютъ, однако, минуты, когда кто-нибудь или что-нибудь вдругъ сильно, до глубины, потрясетъ всю нашу душу, и передъ нами, озаренные яркимъ свѣтомъ, одинъ за другимъ открываются, прежде совсѣмъ намъ невѣдомые или мало знакомые, глубочайшіе тайники ея. Такъ порою по дремучему лѣсу, гдѣ ростутъ и могучіе дубы, и гибкія ивы, и здоровыя высокія ели, и пригнувшійся къ землѣ можевельникъ, и сосны, подточенныя червями и сраженные молніей буки, бурной волною пронесется могучій вихрь, и тогда лишь увидишь, что въ лѣсу томъ должно жить и цвѣсти и что отжило и должно умереть: безпомощно

*

валятся подточенныя червями сосны, падаютъ уже ранѣе сраженные молніей буки; зато какъ торжественно шумятъ вѣковые, могучіе дубы, какъ пронзительно скрыпятъ насыщенныя смолою ели, и все, что мощно, здорово и живо, упершись въ землю, широко раскидываетъ свои крѣпкія вѣтви, подымается высоко къ небу и наполняетъ все пространство дивной мелодіей божественнаго гимна...

Дорогой Людвигъ! Если душа моя была такимъ лѣсомъ, то могучимъ, живительнымъ вихремъ, который потрясъ ее до глубины, былъ геній Гротгера. Я знаю теперь, чего должно искать въ своей душѣ для возвышеннаго настроенія, и знаю я, какая создается поэма, если геній омочитъ свое перо въ человѣческихъ слезахъ и страданіяхъ.

Я молчалъ за все время моего пребыванія тамъ... Я на все махнулъ рукой. Я не видѣлъ ни васъ, ни Шанявскаго...

Порой мнѣ казалось, что такая творческая буря—это ужъ не искусство, это—божественное откровеніе...

И я чувствовалъ, тогда, будто въ лѣсу моей души одинъ за другимъ рушились подгнившіе пни, и невидимыя, сокрытыя подъ гніющею почвой, сѣмена пускали побѣги, выростали на моихъ глазахъ и обращались въ исполинскія деревья, подставлявшія свои крѣпкія вѣтви живительному вихрю.

И я, къ сильному моему изумленію, понялъ, что для того, чтобы все то, что въ человѣкѣ отжило и стало негодно, рухнуло и исчезло навсегда, а то, что должно жить,—постепенно развивалось, вовсе не требуется ни цѣлыхъ вѣковъ, ни долгихъ, медленно текущихъ, періодовъ времени. Одно рѣзкое, могучее потрясеніе, одна быстрая освѣжающая гроза можетъ гораздо больше сдѣлать для возвышенія души, чѣмъ тепличная, искусственная культивировка этой самой души.

И когда, къ неимовѣрному моему изумленію, я это понялъ, я вдругъ задалъ себѣ вопросъ: какимъ образомъ этотъ маленькій, смертный человѣкъ, одаренный единственно талантомъ къ живописи, могъ обратиться въ такую великую, могучую силу?

Мы знаемъ, какъ онъ жилъ, знаемъ, что ему нерѣдко приходилось терпѣть голодъ и всякія лишенія; мы знаемъ, кто руководилъ его рукою и мыслями, знаемъ, кто были его отецъ и мать и кто былъ его учителемъ. Мы знаемъ также, что у учителей его было множество другихъ учениковъ. Почему же онъ одинъ и, можетъ быть, кромѣ него, еще одинъ только стали силами, а всѣ остальные ушли въ могилу, а съ ними умерли навсегда и ихъ мысли и чувства?

Что дали одному изъ этихъ двухъ избранниковъ другіе люди—это мы знаемъ. Но что было въ немъ самомъ, что дало ему безсмертіе??

Какая буря, какой вихрь потрясли его душу? Вѣдь и онъ же былъ простымъ смертнымъ! Вѣдь и въ немъ, навѣрное, рядомъ съ величіемъ его души таилось и мелочное, незначительное, присущее всѣмъ намъ, маленькимъ людямъ. Какимъ же образомъ онъ очистилъ самого себя

и изъ своихъ здоровыхъ и могучихъ элементовъ создалъ въ себѣ нѣчто высшее, лучшее?? Что сдѣлалъ онъ съ собою, что сталъ тѣмъ, чѣмъ сталъ?!..

Почему, какъ только душа его отозвалась на человѣческія страданія, всѣ преклонились передъ нимъ, и человѣчество назвало его своимъ?

Свершилось ли то чудо изъ чудесъ, что сердца всѣхъ людей на одно мгновеніе слились во-едино, въ одно огромное сердце человѣчества, а онъ, этотъ человѣкъ, приложилъ ухо къ сему великому, міровому сердцу и подслушалъ его громовое біеніе! И сердца вновь вернулись, каждое въ свою грудь, а каждый человѣкъ, стоя передъ твореніями безсмертнаго генія этого человѣка, узнаетъ въ нихъ себя, видитъ въ нихъ частицу собственной души, слышитъ біеніе собственнаго сердца?..

Поѣздъ несъ меня обратно въ Варшаву, и въ стукѣ колесъ, въ свистѣ и шумѣ вѣтра, въ бѣгущихъ по небу стаяхъ облаковъ—во всемъ мнѣ чудилось что-то иное...

Я ничего не сознавалъ, все летѣло мимо меня, и мнѣ казалось, что въ душу мою ворвался живительный вихрь, что какіе-то боги раскрыли мнѣ глаза и уши, придѣлали мнѣ какіе-то крылья, и я лечу, лечу...

Что я вижу? Что я слышу? Куда я лечу? Не знаю еще, не знаю...

Но я чувствую, что это незнаніе—минутное, скоро пройдетъ, и въ самомъ разгарѣ полета съ меня спадетъ оболочка безсознательности, и я пойму...

ПИСЬМО XIV.

Поѣздъ катился по рельсамъ, словно какой-то шипящій змѣй, созданный изъ дыма, огня и желѣза. Облака, словно стадо бѣлыхъ медвѣдей среди ледяныхъ горъ, казалось, неподвижно стояли на небѣ, и лишь отъ времени до времени можно было замѣтить, что стадо это не стоитъ, и вмѣстѣ съ горами медленно плыветъ по небу. А гдѣ-то тамъ, на западѣ, низко-низко притаившееся солнце метало изъ пылающаго колчана красныя стрѣлы и цѣлилось такъ мѣтко, что черезъ мгновеніе всѣ медвѣди облились кровью, и вскорѣ алая кровь смѣшалась со снѣгомъ, разлилась цѣлымъ потокомъ, заливая ледяныя горы. Мало-помалу въ этомъ багряномъ потокѣ потонули фигуры медвѣдей и очертанія горъ; потонули медвѣди и горы, и все небо горѣло однимъ краснымъ, ослѣпительно-яркимъ заревомъ... какъ чудо... какъ откровеніе!..

Я лежалъ на скамьѣ, лицомъ прямо къ окну вагона, и глядѣлъ на чудную картину вечерней зари. Слезы заволокли мнѣ глаза и мѣшали свободно любоваться этимъ зрѣлищемъ.

Вдругъ я почувствовалъ холодъ на лицѣ. Между мною и окномъ показалась чья-то тѣнь.

Въ первое мгновеніе я хотѣлъ было оттолкнуть ее ногою, но тѣнь эта вдругъ остановила мое вниманіе...

Молодой человѣкъ, въ изящномъ пальто, въ цилиндрѣ, заложивъ руки въ карманы, тоже глядѣлъ на зарево неба и шепталъ:

«Недурно... недурно... совсѣмъ недурно... право, недурно»...

Онъ отвернулся отъ окна, складывая губы, точно балерина для поцѣлуя, и взглянулъ на меня.

— А, мое почтеніе!—вдругъ услыхалъ я.—Что вы тутъ дѣлаете?

Я быстро поднялся, сѣлъ, протягиваю руку. Это былъ Юлій.

Онъ присѣлъ подлѣ меня и, какъ можно красивѣе складывая свои губы, произнесъ, указывая въ окно.

— Не знаю, смотрѣли ли вы на это пылающее небо. На такія вещи слѣдуетъ обращать вниманіе. Я это вамъ совѣтую, какъ художникъ. Посмотрите, правда, вѣдь совсѣмъ недурно! Вотъ только съ правой стороны слишкомъ мало горитъ пурпуръ, а съ лѣвой слишкомъ рано показывается фіолетовый оттѣнокъ. Больше я не нахожу никакихъ недостатковъ. Жаль только, что такихъ вещей рисовать нельзя.

Я, вмѣсто отвѣта, протянулъ руку въ карманъ за папиросницей. Но Юлій предупредилъ меня.

— Нѣтъ, вотъ, вы, пожалуйста, попробуйте одну изъ моихъ папиросокъ. Онѣ тонкія, съ очень хорошимъ табакомъ, между прочимъ, очень дорогимъ. Только такія папиросы и нужно курить, если хочешь получить отъ дыма какъ можно менѣе смѣшанное впечатлѣніе...

Несмотря на то, что самъ Юлій началъ производить на меня весьма смѣшанное впечатлѣніе, я, однако, принялъ и закурилъ предложенную имъ мнѣ папиросу.

— Можно ли полюбопытствовать, откуда судьба несетъ? — спросилъ онъ, поправляя цилиндръ и, прежде чѣмъ я успѣлъ отвѣтить, онъ самъ разсказалъ мнѣ, что возвращается съ охоты отъ графини Жиглинской, которая думаетъ купить у него картину: «Меланхолія тополя».

Когда же онъ узналъ, куда и зачѣмъ я ѣздилъ и сколькихъ трудовъ и морально-матеріальныхъ усилій мнѣ стоила эта поѣздка, онъ сложилъ свои губы, какъ самая прелестная балерина для самаго прелестнаго поцѣлуя, иронически усмѣхнулся, заморгалъ своими молочными глазами и молвилъ:

— Очень жаль, что вы предварительно со мной не посовѣтовались. Вы потратили даромъ и время, и деньги. Никто не ѣздитъ смотрѣть Гротгера. Это весьма посредственный рисовальщикъ, онъ всѣмъ жертвуетъ ради своихъ какихъ-то принциповъ, едва ли обладаетъ художественнымъ талантомъ и только морочитъ намъ публику.

Я протеръ глаза и поглядѣлъ на него. Онъ посмотрѣлъ на меня, точно гипнотизеръ, заговаривающій зубную боль, а потомъ, положивъ свою руку на мою, молвилъ:

— Не пытайтесь спорить со мною. Послушайте, вы, лучше, что я вамъ скажу. Право же, это для васъ будетъ не безполезно. Я увѣ-

ренъ, что Шанявскій, который вмѣстѣ съ вами былъ на выставкѣ, достаточно подробно и основательно выяснитъ вамъ всю рутину этого тенденціознаго иллюстратора. Притомъ же я лично совсѣмъ не люблю рисунковъ пастелью. Для меня краски—это первое дѣло! Что вы на меня такъ смотрите?.. Да-съ, да-съ, такъ это и есть!.. Я вамъ говорю, что вѣрно схваченное и переданное изображеніе отблеска солнечныхъ лучей во время заката, падающаго на лицо красивой натурщицы, для истиннаго искусства имѣетъ во сто разъ больше цѣны, чѣмъ всѣ эти завѣшенныя платками лица гротгеровскихъ женщинъ. Не спорю, можетъ быть, это и нравится людямъ сентиментальнымъ, шовинистамъ, разнымъ этимъ... простите за выраженіе... апостоламъ въ парчѣ, но мы, жрецы искусства, мы выше подобныхъ предразсудковъ и насъ интересуютъ лишь частныя, непосредственныя проявленія души...

— Простите... но видите ли... мнѣ бы хотѣлось выйти тутъ на станцію...

— Ахъ, вамъ, вѣрно, хочется выпить стаканъ пива. Знаете, я бы вамъ не совѣтовалъ. Пиво плохо настраиваетъ. Пейте только вино, и то итальянское, насколько у васъ есть возможность всегда получать свѣжее; въ крайнемъ случаѣ, можно французское. Погодите-ка, я выйду съ вами, тутъ, кажется, есть такое...

— Нѣтъ, я не пить... мнѣ такъ нужно... я одинъ... я сейчасъ вернусь...

— Ахъ, такъ... пожалуйста, пожалуйста,—проговорилъ онъ съ самой очаровательной улыбочкой, пропуская меня пройти. А я выскочилъ на платформу, пробѣжалъ ее два раза во всю длину, ворочая глазами, точно эпилептикъ, и думая себѣ въ душѣ:

— Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, какъ неисповѣдимы пути, по которымъ Ты ведешь меня, грѣшнаго, чтобы заставить меня совершенно обезумѣть...

Раздался третій звонокъ. Я вскочилъ въ другой вагонъ.

ПИСЬМО XV.

Дорогой Людвигъ!

Я теперь только немного пришелъ въ себя и вижу, что злоупотребилъ вашей любезностью. Я прекрасно отдаю себѣ отчетъ въ томъ, что очень было это нехорошо, съ моей стороны, уѣхать такъ, не распрощавшись и не поблагодаривъ даже за гостепріимство, тѣмъ болѣе, что я безъ спроса свалился къ вамъ на голову съ такимъ Гуткомъ и съ такой Бронкой. Но я хочу непремѣнно оправдаться передъ вами.

Бронка иногда способна на самыя сумасбродныя выходки Она заложила часы и вдругъ заявляетъ, что тоже ѣдетъ въ Краковъ смотрѣть Гротгера. Ѣхать съ ней одной мнѣ было не совсѣмъ удобно. А Шанявскому ужъ давно хотѣлось завязать сношенія съ краковской

выставкой—и вотъ, такимъ образомъ, устроилось, что мы собрались всѣ втроемъ. Вѣдь у васъ тамъ никто не знаетъ, что Бронка и Гутекъ не обвѣнчаны формально; такъ что въ этомъ отношеніи я не предполагаю, чтобы ихъ присутствіе могло вамъ чѣмъ-нибудь повредить въ общественномъ мнѣніи, съ которымъ притомъ вы, можетъ быть, и не такъ сильно считаетесь. Но я, признаться, опасался, что этотъ сверхъ-человѣкъ и эта сверхъ-натурщица могутъ вамъ до смерти наскучить. Между тѣмъ, къ моей сильной радости, я замѣтилъ, что они васъ ничуть не тяготятъ и что, напротивъ, даже нѣсколько васъ занимаютъ. Бронка—славная дѣвушка. А, что, понравились вамъ ея глаза? Пожалуйста, отвѣтьте мнѣ, какъ можно скорѣе и успокойте меня. Почему эте они еще не возвращаются?

Въ моихъ прежнихъ письмахъ я старался передать вамъ мои впечатлѣнія, но выходилъ у меня изъ всего какой-то хаосъ, такъ какъ я смѣшивалъ Гроттера съ моими собственными мыслями, съ картинами неба и земли и съ особою Юлія. Очень и очень прошу васъ извинить меня за это.

Почему вы мнѣ ничего не пишете? Можетъ быть, они занимаютъ у васъ слишкомъ много времени? Такъ вы ихъ прогоните. Безъ всякихъ церемоній...

Бѣда была у меня съ Юліемъ въ Варшавѣ, на вокзалѣ. Представьте себѣ, онъ сильно обидѣлся. Онъ говорилъ, что я поступилъ съ нимъ не по джентльменски, удирая отъ него въ другой вагонъ. Я старался увѣрить его, что я поневолѣ вскочилъ въ первый попавшійся вагонъ, такъ какъ поѣздъ уже тронулся. Ничего не помогало. Онъ даже не хотѣлъ подать мнѣ руки на прощанье, отстраняя ее съ сладко-колкой миной. Тогда я ему сказалъ вотъ что:

— Послушайте! Вы правы, что сердитесь на меня, потому что мое поведеніе, дѣйствительно, могло показаться вамъ оскорбительнымъ. Но развѣ вы не понимаете, что я — человѣкъ ненормальный, невмѣняемый, человѣкъ, который слѣдуетъ лишь своему индивидуальному влеченію, и что, въ виду всего этого, я нисколько не могу отвѣчать за свое поведеніе.

Онъ снялъ цилиндръ, переложилъ его изъ правой руки въ лѣвую и, пожимая мнѣ правой руку, съ важностью произнесъ:

— Я принимаю ваше оправданіе, такъ какъ я выше всего цѣню индивидуальность...

Затѣмъ онъ еще разъ пожалъ мою руку, поклонился, переложилъ цилиндръ изъ лѣвой руки въ правую, ловкимъ движеніемъ насадилъ его на голову и, сложивъ губы какъ прима-балерина въ менуэтѣ, повернулся на ногѣ и пошелъ къ выходу.

ПИСЬМО XVI.

Людвигъ, другъ мой! Отчего это они не возвращаются? Отчего вы не обмолвитесь ни словечкомъ? Что это значитъ?? Поймите же, наконецъ, что я безпокоюсь... Успокойте вы меня, ради Бога! Не случилось ли тамъ чего-нибудь???!

Впечатлѣнія, вынесенныя изъ поѣздки, начинаютъ понемному кристализироваться въ моей душѣ. Только теперь, откуда-то изъ глубины, изъ-за такъ очаровавшихъ меня картинъ Гротгера, выплываетъ передо мною Матейко *). Но, увы! Первый все заслоняетъ мнѣ собою второго. Мнѣ придется обязательно съѣздить еще разъ, чтобы смотрѣть исключительно Матейко. Я видѣлъ столько великихъ произведеній его, столько разъ преклонялся передъ этимъ титаномъ, но этого мало. Я хотѣлъ бы все это увидѣть именно теперь, именно въ томъ состояніи, въ которомъ я теперь нахожусь, съ тѣми чувствами, которыя теперь наполняютъ мою душу, ибо голосъ какой-то твердитъ мнѣ, что со мной бы совершилось что-то небывалое...

Вчера былъ у меня Юлій и торжественно пригласилъ меня къ себѣ въ мастерскую, чтобы посмотрѣть картину, которая называется «Меланхолія тополя» и которую онъ недавно окончилъ. На дняхъ отдаетъ ее на выставку, откуда черезъ мѣсяцъ ее заберетъ графиня Жиглинская.

Я ужъ былъ, видѣлъ, хвалилъ. Дѣйствительно, этотъ тополь такъ меланхоличенъ, что не мѣшало бы дать ему немного брому.

Мастерская у него великолѣпная. Я нашелъ въ ней еще нѣсколько эскизовъ, подъ названіями: «Вечерній вздохъ», «Рыдающее отчаяніе», затѣмъ, довольно большую картину: «Послѣдній судъ».

Юлекъ былъ со мною очень любезенъ, даже до приторности. «Вечерній вздохъ»—вещица весьма оригинальная и при томъ, по крайней мѣрѣ, по словамъ Юлія, изъ «совсѣмъ новыхъ». Тутъ я, между прочимъ, долженъ обратить ваше вниманіе на то, что у художниковъ имѣется свой особый лексиконъ, который значительно отличается отъ простого нашего лексикона. Подъ словами «совсѣмъ новое» на нашемъ языкѣ мы подразумѣваемъ нѣчто на самомъ дѣлѣ совсѣмъ новое. Между тѣмъ, у нихъ эти самыя слова имѣютъ нѣсколько иное значеніе. Кромѣ импрессіонизма, прерафаэлизма, реализма, символизма, есть у нихъ еще одно направленіе, которое называется просто «совсѣмъ новымъ». Кто-нибудь изъ насъ, профановъ, пожалуй, подумалъ бы, что ничего тутъ новаго нѣтъ, что это скорѣе «совсѣмъ старое», существующее уже много, много лѣтъ; но на то мы вѣдь и профаны. Такъ вотъ что представляетъ «Вечерній вздохъ». Закройте

*) Янъ Матейко—извѣстный польскій художникъ; картины его — преимущественно историческаго содержанія; особенно замѣчательна картина «Битва подъ Грюнвальденомъ». *Прим. перев.*

глаза и смотрите. Синеватый полумракъ—фонъ зеленый—съ него сверху начинается фіолетовое небо, а посрединѣ зеленаго фона подымается изъ-подъ земли чья-то красная рука. Вотъ онъ каковъ, «Вечерній вздохъ».

Я обратился къ Юлію съ вопросомъ, какъ слѣдуетъ понимать эту картину. Что тутъ вздыхаетъ? Красная ли рука, зеленое ли пространство или фіолетовое небо?

— Сударь! Художникъ никогда не даетъ объясненій... — отвѣтилъ мнѣ на это Юлій съ сладко-колкой улыбкой.

Мы подошли ко второму эскизу, подъ названіемъ «Душа». Закройте глаза. Синеваый полумракъ—фонъ фіолетовый—отъ него вверху начинается зеленое небо, а посреди фіолетоваго пространства сидитъ, съежившись, черная кошка и глядитъ на зрителя красными зрачками. Это—«Душа».

Я покачалъ головой и сказалъ:

— Очень, очень оригинально.

— Сударь! художникъ никогда не знаетъ, куда увлечетъ его чувство!—со вздохомъ промолвилъ Юлій, мигая своими молочными глазами.

Мы остановились передъ третьимъ эскизомъ. Названіе: «Рыдающее отчаяніе».

Закройте глаза.

Синій сумракъ—фіолетово-зеленое пространство—съ него вверху начинается красное небо, а посреди фіолетово-зеленаго пространства виднѣются три сломанныя лиліи. Это—«Рыдающее отчаяніе».

— Какая богатая мысль!—громко воскликнулъ я.

Юлій сложилъ свои губы въ кокетливо-скромную улыбку и промолвилъ:

— Сударь! Художникъ никогда не можетъ ручаться за себя!

— Конечно!—отвѣтилъ я.

— А это вотъ самая моя большая картина, называется «Послѣдній судъ». Это тоже для графини Жиглинской. Вы понимаете, разумѣется, что тутъ аллегорія. Вотъ смотрите: сверху темнѣется свѣтъ, внизу—просвѣчиваетъ мракъ. Въ глубинѣ его—кладбище черныхъ сердецъ—вотъ, видите!—сердца одно за другимъ. Сверху небрежно спускается женская рука—къ ней несется одно бѣлое сердце—не совсѣмъ бѣлое, а съ оттѣнкомъ темной синевы. И вотъ—схватитъ-ли эта рука сердце? Вы понимаете? Это зависитъ отъ послѣдняго суда.

— О какая глубокая мысль!—воскликнулъ я.

— Это—изъ «совсѣмъ новыхъ»—замѣтилъ Юлій.—У насъ теперь только такъ и дѣлается! Пожалуйста, не угодно-ли вамъ присѣсть, вотъ тутъ, на диванѣ. Не угодно ли папироску? За сортъ вамъ ручаюсь. А графиня, знаете, весьма симпатичная женщина. Притомъ, это женщина съ талантомъ.

— Съ какимъ же это?—позволилъ я себѣ спросить.

— Она чудесно понимаетъ, вотъ это «совсѣмъ новое» направленіе, а для этого, согласитесь, нужно имѣть талантъ!

— О, безъ сомнѣнія...

— Графиня обладаетъ весьма тонкимъ умомъ... но...

— Но что?

— Туда видите ли, очень хочется вкрасться Медвею. Онъ, навѣрное, имѣетъ на нее виды...

— Неужели онъ хочетъ просить ея руки?

— Помилуйте, сударь — за кого вы насъ принимаете? Правда, у нея огромное состояніе, ради этого, пожалуй, стоило бы пожертвовать своими убѣжденіями, но...

— Опять но?..

— Но у графини масса индивидуальности. И Медвей хочетъ ее — рисовать!

— Ну, и пускай его рисуетъ!

— Нѣтъ, онъ не имѣетъ права ее рисовать!

— Отчего??

— А оттого, что онъ ее не чувствуетъ.

— А вы ее чувствуете!

— Я портретовъ не рисую и, слѣдовательно, я ее чувствую совершенно иначе.

— Какъ же вы ее чувствуете, позвольте спросить!

— Сквозь символъ, сударь!

— Это какъ же? Скажите, это не такъ же, какъ чувствуютъ сквозь перчатку или сквозь кисею?

— Сударь, вы язвительны?!?!

— Помилуйте, гдѣ же тутъ язвительность. Я только спрашиваю, потому что мнѣ хочется знать.

— Скажите, бывали ли вы за границей?

— Бывалъ.

— А въ Парижѣ?

— Нѣтъ въ Парижѣ не былъ.

Въ отвѣтъ на это послышался какой-то рѣзкій и хриплый смѣшокъ, сначала тихій, потомъ все громче, потомъ опять тише, прерываемый то нечленораздѣльными звуками, вродѣ «а», то возгласами: «такъ это понятно», «вполнѣ естественно». Наконецъ, мой Юлій успокоился и, потрепавъ меня по плечу, заговорилъ:

— Вы должны немедленно ѣхать въ Парижъ. Немедленно! Поѣзжайте, послѣ завтра у насъ, кажется, среда будетъ? Да, среда. Такъ поѣзжайте значитъ, въ среду. Я васъ снабжу рекомендательными письмами. Но передъ отъѣздомъ вы обязательно должны сжечь все, что до сихъ поръ написали. Да, все, непремѣнно. Я вамъ это совѣтую, вы это должны сдѣлать во имя искусства. Васъ тутъ занимаютъ вещи, въ которыхъ нѣтъ ничего художественнаго: Гротгеръ, Матейко—вѣдь, признайтесь, васъ и Матейко занимаетъ?

— Не спорю.

— Вотъ видите, это я предугадалъ. Да, вамъ непремѣнно нужно стараться забыть о Матейкѣ, какъ можно скорѣе. Вѣдь это художникъ стараго направленія.

— Какъ стараго? Да вѣдь до него же никто такъ не рисовалъ; онъ вѣдь лишь недавно умеръ.

— Сударь! Матейко умеръ, но душа не умираетъ, и искусство улавливающее ея неуловимыя движенія, будетъ жить вѣчно.

— Но... какъ же это можно улавливать то, что неуловимо?

— Это вы узнаете въ Парижѣ. Но вернемтесь къ Матейкѣ. Скажите, найдете ли вы у него хоть одну символическую картину? Ну, видите. Не спорю, онъ, дѣйствительно, былъ человѣкъ необыкновенный, но съ умомъ извращеннымъ и одностороннимъ и слишкомъ ужъ онъ увязъ въ этомъ народѣ, точно желтокъ въ яйцѣ. Послушайте, вы пишете стихи?

— Откуда вамъ такая мысль въ голову пришла?

— Я это вижу по формаціи вашего черепа. Но я вамъ совѣтую все это бросить, пока не вернетесь изъ Парижа. А тогда начните съ поэтической прозы. Погодите, я вамъ сейчасъ покажу что-то новое, «совсѣмъ новое»...

— Вотъ, я выбралъ наудачу, и какъ разъ оно. Слушайте, я вамъ прочитаю. Только будьте внимательны и закройте глаза.

Заглавіе: ANDROGYNE.

Князь стоялъ на голубоватыхъ скалахъ и глядѣлъ на бушующее море, на которомъ зеленовато-коричневыя волны метались, словно змѣи, корчащіяся въ конвульсіяхъ. Князь глядѣлъ и вникалъ въ себя, и чѣмъ глубже онъ въ себя вникалъ, тѣмъ яснѣе онъ чувствовалъ, что тамъ, за предѣлами эпилептическаго движенія волнъ, за конвульсивно вздрагивающимъ моремъ, гдѣ подымается въ высь заслоненный бѣлоснѣжными пятнами тучъ фіолетовый сводъ небесъ, что тамъ — это была южная часть свѣта—изъ лона водъ выплыветъ бѣлое, какъ тѣло ея, солнце и будетъ плыть прямо въ вышину по своду, а когда оно достигнетъ до его половины, то удлиннится, отъ него отдѣлятся двѣ протянутыя впередъ передъ собою руки, завиднѣется лицо, нѣсколько приподнятое кверху, лицо съ полузакрытыми глазами, и своими золотисто-бѣлоснѣжными ногами она сойдетъ внизъ по воздушнымъ ступенямъ—она, эта душа, *прабытіе*, абсолютъ, женщина.

Князь уже узрѣлъ ее, вникнулъ въ себя еще глубже, протянулъ свои объятія, пропитанныя сильной страстью, перегнулъ голову назадъ и шепталъ:

— Ты—мое добро, и ты — мое зло... Въ тебѣ для меня упоенье и въ тебѣ для меня пресыщеніе... Въ тебѣ моя вѣра и мое невѣріе...

И въ то время, какъ онъ шепталъ это и она склонялась въ его жаждущія наслажденія и пресыщенія объятія, дрожащія волны моря стали подыматься къ нему по блѣдно-голубымъ скаламъ берега и, точно зеленые змѣи, лизали красными языками его расчувствованныя ноги...

А князь, утопая въ прабытіи, обнимая ее, ея золотыя груди, вникнулъ въ самую сокровенную глубину своей души и безсознательнымъ шепотомъ шепталъ:

— Androgyne... моя... моя...

Юлій отложилъ книжку въ сторону и произнесъ:

— Ну, теперь откройте глаза. А, что? Чудесно — не правда ли? И такъ, вы ѣдете послѣзавтра въ Парижъ.

— Я ѣду завтра, сегодня, хоть сейчасъ...

— Милостивый государь?? Какъ прикажете это понимать?!?

— Я, можетъ быть, вамъ мѣшаю... вы, навѣрное, привыкли въ эту пору вникать въ себя... а я такъ засидѣлся...

— Сударь, ваша язвительность...

— Да нѣтъ же, причемъ тутъ язвительность? только, поймите, и мнѣ хотѣлось бы, хоть на минутку, вникнуть въ себя, а эта золотисто-бѣлоснѣжная Androgyne...

— На саблях или на пистолетахъ?..

— Боже, неужели вы хотите обратить меня въ «Рыдающее отчаяніе»?..

— Вы, сударь, нисколько не сумѣли оцѣнить моихъ намѣреній. Я думалъ было поручить вамъ написать статью о моихъ послѣднихъ картинахъ, такъ какъ графиня выразила желаніе, чтобы какое-нибудь компетентное лицо дало о нихъ свой отзывъ. Между тѣмъ, въ нашемъ разговорѣ вы выказали такое отсутствіе художественнаго пониманія, что мнѣ не остается ничего иного, какъ любезно предложить вамъ— вотъ ваша шляпа—вотъ ваше пальто—пожалуйста—значитъ, до завтра; на пистолетахъ — да—и прошу васъ не забывать, милостивый государь, что я своихъ словъ никогда не беру обратно...

Я сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, придерживаясь за перила, точно человѣкъ, у котораго вдругъ помутилось въ головѣ. Только въ воротахъ я немного пріостановился... Ага, значитъ, вызовъ. Но за что же? За Androgyne? Что это Androgyne? Кажется, солнце... вѣтъ... женщина... или совсѣмъ какъ-будто: женщина-солнце.

Слушайте, Людвигъ... не... въ самомъ ли дѣлѣ я... сумасшедшій??

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Земледѣльческая кооперація въ Западной Европѣ.

I.

La democratie rurale и ея элементы.—Безсиліе либеральнаго народничества.—Задачи консерваторовъ по отношенію къ деревнѣ.—Фазисы развитія консервативнаго народничества.—Вліяніе рынковъ.—Различныя теченія деревенской кооперація.

Мы представимъ въ нѣсколькихъ словахъ главнѣйшія заключенія предыдущихъ нашихъ статей, именно тѣ, которыя намъ будутъ необходимы для послѣдующихъ выводовъ.

Въ деревнѣ, какъ мы видѣли, существуетъ нѣсколько слоевъ населенія, начиная отъ зажиточнаго крестьянина и кончая деревенскимъ пролетаріемъ, который, не владѣетъ ничѣмъ другимъ, кромѣ десяти пальцевъ на рукахъ. По мѣрѣ развитія современныхъ экономическихъ отношеній, каждый изъ этихъ слоевъ уясняетъ себѣ все болѣе свои интересы и начинаетъ тяготѣть въ другомъ направленіи.

Далѣе, воздѣйствіе современныхъ экономическихъ силъ на деревню происходитъ въ томъ направленіи, что крестьянскій участокъ все болѣе раздробляется и обременяется долгами, различные же слои крестьянскаго населенія начинаютъ все болѣе зависѣть отъ условій, находящихся внѣ деревни. Вмѣстѣ съ тѣмъ разрушается независимость и замкнутость деревенскаго міросозерцанія.

Въ то же время крестьянинъ, держащійся принциповъ натуральнаго хозяйства, нуждается въ общественномъ покровителѣ, который защищалъ бы его интересы. Въ менѣе развитую эпоху воздѣйствія капитализма на деревню этимъ опекуномъ являлась отдѣльная личность, въ этомъ именно и состояла idée napoléonienne по отношенію къ крестьянину. По мѣрѣ развитія общественныхъ отношеній, роль такихъ покровителей и руководителей принимаютъ на себя цѣлые общественные классы. А такъ какъ самая деревня распадается на ярко обособленные лагери, то и руководителями ея являются разные общественные классы.

И въ настоящее время вездѣ въ Западной Европѣ не деревня подыскиваетъ активнымъ образомъ руководителей, но они сами приходятъ къ ней и организуютъ ее во всѣхъ отношеніяхъ, экономически и

политически. Въ деревнѣ образуются два независимыхъ центра общественнаго развитія. Одинъ состоящій изъ зажиточнаго слоя крестьянъ-землевладѣльцевъ, другой—изъ деревенской голи.

Образуются, такимъ образомъ, два независимыхъ центра жизни, а съ ними двѣ различныя, даже враждебныя другъ другу, демократіи. Одна—это democratie rurale, мелкая деревенская буржуазія, вполнѣ самостоятельная по своимъ идеаламъ, для которыхъ она черпаетъ содержаніе сообразно вѣковымъ крестьянскимъ устоямъ, но все-таки согласуя ихъ съ требованіями экономической современности, хотя и смотритъ на большіе города, какъ на Вавилоны разврата и эксплоатаціи, которые слѣдовало бы уничтожить. Въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ мелкая буржуазія проникнута радикальными стремленіями, она дѣйствуетъ самостоятельно, въ другихъ государствахъ, напр., въ Австріи, она составляетъ вмѣстѣ съ ремесленниками одно довольно сплошное цѣлое, извѣстное подъ названіемъ антисемитической или соціально-христіанской партіи, именуемой иногда консервативными народниками (прогрессивные народники принадлежатъ къ прошлому Европы,—они не устояли противъ требованій жизни, домогающихся яснаго классоваго направленія). Главное ядро этого деревенскаго лагеря составляютъ зажиточные крестьянскіе элементы. Другая демократія, находящая поклонниковъ среди деревенской голи, имѣетъ свой центръ въ большихъ городахъ. Она отрекается отъ крестьянскихъ традицій и всей душой тянетъ къ городу. Говоря правду, это только аріергардъ городской демократіи.

Деревенская демократія несомнѣнно въ высшей степени консервативна и по своимъ жизненнымъ привычкамъ, и по условіямъ своего быта, и, наконецъ, по своимъ интересамъ и воззрѣніямъ. Всѣ условія ея быта укладываются такимъ образомъ, что она скорѣе готова повернуть колесо исторіи назадъ, чѣмъ впередъ. Даже по своему внѣшнему виду она ярко обнаруживаетъ свою привязанность къ прошлому: держится прадѣдовскихъ костюмовъ, живетъ въ домахъ особенной архитектуры, преклоняется передъ всѣми авторитетами, возникшими въ прошлые вѣка.

Элементы для ея образованія существовали издавна, но она—продуктъ послѣдняго времени.

Либерализмъ, который нѣсколько десятковъ лѣтъ имѣлъ въ общественной жизни Европы такое сильное значеніе, старался напрасно ее организовать. Возникшія подъ его вліяніемъ народническія теченія не могли проникнуть въ деревню, благодаря разбросанности и замкнутости сельскаго населенія; если же имъ удавалось вторгнуться, то они не приносили ничего положительнаго, кромѣ элементарныхъ книжекъ, да еще свободнаго раздѣла участковъ, торговыхъ сдѣлокъ и ликвидацій и вообще свободной конкуренціи,—стремленій, относительно которыхъ деревенская голь была вполнѣ равнодушна, зажиточные же крестьяне враждебно настроены. Окончательное окрѣпленіе парламен-

таризма въ Европѣ измѣнило это положеніе дѣлъ. Бывшіе феодальные и вообще консервативные элементы поняли, что имъ необходимо сдѣлаться политической силой и что крестьяне—самая надежная ихъ опора въ обществѣ. Они начали поэтому искать сближенія съ деревенскимъ міромъ. Но такъ какъ дѣло касалось не только настоящаго, но и далекаго будущаго, то сразу явился вопросъ, какимъ образомъ охранить зажиточные крестьянскіе слои отъ разложенія. Началась дѣятельная работа: практическая, организующая крестьянъ и политически, и экономически, и теоретическая, стремящаяся обезпечить бытъ крестьянства помимо враждебныхъ вліяній капиталистическаго режима на деревню. Появились ярые демократы-народники въ лицѣ разныхъ князей, барономъ и патеровъ. Что у нихъ беретъ перевѣсъ—народническія симпатіи или консервативныя побужденія, въ общемъ трудно сказать, но, безъ сомнѣнія, эти люди отдаютъ всю свою душу работѣ на пользу деревни. Здѣсь намъ слѣдуетъ вкратцѣ познакомиться съ ихъ теоретическими выводами. «Если Лассаль стремится преобразовать общество при помощи фабричныхъ бригадъ,—говоритъ одинъ изъ теоретическихъ вожаковъ соціально-христіанской партіи,—то мы пойдемъ во главѣ ремесленниковъ и крестьянъ, для сохраненія его». Но крестьянинъ лишь тогда консервативенъ, когда быть его обезпеченъ. Поэтому теоретики консервативнаго лагеря начали искать средствъ для обезпеченія крестьянской самостоятельности и зажиточности. Они начали требовать ограниченія отчуждаемости крестьянской усадьбы за долги и, вообще, ограниченія права совершать долги, учрежденія миноратовъ, проповѣдовали zwei Kinder System, сопротивлялись улучшенію средствъ транспорта и условій, благопріятствующихъ передвиженію сельскаго населенія. Таковъ былъ первоначальный фазисъ, проникнутый утопіей, что можно задержать ходъ экономическаго развитія общества и обезпечить благосостояніе крестьянства, придерживаясь индивидуалистическихъ принциповъ. Принявшись за работу въ деревнѣ, они встрѣтили тамъ такія задачи, какъ необходимость обезпеченія крестьянина отъ града, огня, падежа скота, а также снабженія крестьянъ дешевымъ кредитомъ. Всѣ эти стремленія нужно было разрѣшить частными усиліями безъ помощи государства, и, разумѣется, ихъ нельзя было разрѣшить, придерживаясь индивидуалистическихъ принциповъ, свойственныхъ крестьянину. Народники перешли къ коопераціи, начали организовать взаимный кредитъ и обезпеченіе и окончательно примирились съ государствомъ, стремясь къ образованію принудительныхъ крестьянскихъ союзовъ обезпеченія и кредита. Кромѣ того, познакомившись на дѣлѣ со стихійностью развитія современныхъ средствъ сообщенія и международныхъ рыночныхъ отношеній, они должны были расширить еще болѣе свою программу, переходя отъ ссудосберегательной кооперацін и взаимнаго обезпеченія къ синдикатамъ для покупки и продажи продуктовъ и къ производительной кооперацін, напр. сыроварнямъ, маслобойнямъ, даже къ обработкѣ полей коллективными орудіями.

Начался другой фазисъ—кооперативнаго консервативнаго народничества.

Впрочемъ, въ томъ же направленіи дѣйствовалъ и другой факторъ, именно вліяніе заморскаго соперничества на хлѣбномъ рынкѣ. Землевладѣльцы начали стремиться къ удешевленію производства и обезпеченію для себя рынка. Эти практическіе элементы, задаваясь лишь экономическими цѣлями, нашли тотъ же исходъ, т.-е. кооперацію. Въ этомъ отношеніи характернымъ является постановленіе международнаго коопераціоннаго союза въ Лондонѣ въ 1895 году, принятое по предложенію лорда Грея:

«Признавая крайнюю важность аграрнаго кризиса, свирѣпствующаго во всей Европѣ, и симпатизируя тяжелымъ испытаніямъ, постигшимъ всѣ слои, которые зависятъ отъ эксплоатаціи земли, конгрессъ рекомендуетъ ихъ вниманію принятіе кооперативныхъ методовъ, какъ средства для ослабленія настоящаго зла и приготовленія лучшаго будущаго».

Кооперативныя усилія, начатыя зажиточными землевладѣльцами, были подхвачены народниками. Оба теченія слились въ одно цѣлое, въ которомъ прежній консервативный элементъ сохранился, но въ ослабленной формѣ. Кооперативное движеніе въ нѣкоторыхъ странахъ въ послѣднія десятилѣтія сильно развилось. Мы займемся его анализомъ, а пока кончимъ бѣглый обзоръ его прошлаго выдержкой изъ недавно появившейся книги Куделькы о земледѣльческихъ обществахъ во Франціи.

«Синдикаты возникли какъ порожденіе необходимости тамъ, гдѣ они могли немедленно доставить выгоду. Ихъ существованіе было первоначально связано съ содѣйствіемъ благонамѣренныхъ въ соціальномъ отношеніи элементовъ. Крупные землевладѣльцы, въ большинствѣ случаевъ тѣ, которые отдали въ аренду свои имѣнія, были первыми энергичными организаторами и предводителями» *).

II.

Статистика различныхъ видовъ кооперацiи въ отдѣльныхъ странахъ. — Образцы дѣятельности французскихъ синдикатовъ.—Вопросы, требующіе отвѣта.

Теоретики аграрнаго движенія начали въ послѣднее время доказывать, что земледѣліе представляетъ самую благопріятную почву для возникновенія всякаго рода кооперацiи.

«Можно полагать,—говоритъ Блондель,—что земледѣліе, вопреки мнѣнію, нѣкогда очень распространенному, болѣе податливо, чѣмъ промышленность, на выгоды кооперацiи. Каждый промышленникъ старательно скрываетъ полученные результаты: это средство для полученія

*) Dr. Thaddäus Kudelka «Das landwirthschaftliche Genossenschaftswesen in Frankreich». Berlin. 1899, стр. 175.

еще большихъ выгодъ. Такого взаимнаго недовѣрія нѣтъ между земледѣльческими промыслами, сравнительно простыми и рутинными, какъ, напр., производство сыра и масла. Члены кооперації могутъ группироваться и ни одинъ изъ нихъ не долженъ жертвовать ничѣмъ изъ своихъ собственныхъ интересовъ» *).

Мы привели мнѣніе одного изъ новѣйшихъ авторовъ, чтобы показать, съ какими надеждами смотрятъ теоретики земледѣльческой кооперації въ будущее, забывая при этомъ всѣ неблагопріятныя обстоятельства, коренящіяся въ разбросанности, рутинѣ, психикѣ человѣка и, главнымъ образомъ, въ недостаткѣ внѣшней побуждающей и одновременно организующей причины. Но все-таки въ главной сути они правы, именно въ томъ, что опыты новѣйшаго времени обнаружили шаткость прежнихъ утвержденій, будто земледѣльцы неспособны соединяться въ кооперації. Но не подлежитъ тоже сомнѣнію, что многіе тезисы у нихъ отличаются неточностью, такъ въ понятіе кооперації они включили разнородные союзы и притомъ не обратили надлежащаго вниманія на соединяющіеся элементы. Кооперація кооперації не равна по своимъ окончательнымъ результатамъ для общественнаго развитія. Кредитная кооперація освобождаетъ земледѣльца отъ власти ростовщиковъ, но не требуетъ отъ своихъ членовъ никакихъ измѣненій въ индивидуалистическомъ режимѣ хозяйничанія и уживается съ самой большой рутиной. Потребительные союзы, организованные для покупки сѣмянъ, орудій, удобренія, уничтожаютъ власть посредниковъ и свидѣтельствуютъ о большей подвижности земледѣльцевъ и, разумѣется, представляютъ прогрессивную попытку организаціи общественныхъ отношеній, но и они не затрогиваютъ самаго главнаго, т.-е. производства. Еще болѣе прогрессивную форму кооперації представляетъ кооперація продажи, когда землевладѣльцы соединяются для непосредственнаго сношенія съ потребителями. Но и тутъ производство остается нетронутымъ. Только тогда, когда мы имѣемъ дѣло съ кооперацією производства, т.-е. съ организованіемъ кооперативныхъ сыроваренъ, маслобоенъ, мельницъ, пекаренъ и т. д., особенно же съ обработкою сообща полей, мы входимъ въ сферу попытокъ, измѣняющихъ деревенскую рутину.

Прогрессъ въ кооперації въ послѣднее время громаденъ, но размѣры ея сравнительно незначительны, если обратимъ вниманіе на самыя сложныя и важныя формы ея.

Статистика германскихъ отношеній ясно показываетъ это.

Земледѣльческія товарищества Германіи отчасти соединились въ болѣе обширныя организаціи, въ такъ-называемый обще-германскій союзъ земледѣльческихъ обществъ въ Оффенбахѣ, генеральный союзъ

*) Blondel «G. Etudes sur les populations rurales de l'Allemagne et la Crise agraire». 1897. Paris. Стр. 230.

въ Нейвидѣ, кромѣ того находятся еще болѣе мелкіе союзы, которыхъ главное бюро находится въ Мюнхенѣ, Штуттгартѣ и т. д. Всѣ эти союзы считали въ 1896 году 9.023 общества. Въ томъ числѣ находилось центральныхъ обществъ и союзовъ 27, ссудныхъ кассъ 6.391, обществъ, посредничающихъ при покупкѣ и продажѣ 925, молочныхъ союзовъ 1.397, союзовъ задающихся другими цѣлями 273. Въ послѣдней категоріи находятся многія общества для передѣлки земледѣльческихъ продуктовъ. Мы видимъ изъ приведенныхъ цифръ, что первое мѣсто занимаетъ ссудо-сберегательная кооперація, т.-е. самая незамысловатая и мало вліятельная въ соціальномъ отношеніи. Кромѣ того, мы замѣчаемъ характеристическій фактъ развитія маслобойныхъ и вообще молочныхъ союзовъ *).

Бельгія, другая страна, для которой мы владѣемъ подробнымъ статистическимъ матеріаломъ, считала въ концѣ 1895 года 65 молочныхъ союзовъ, 45 обществъ, посредничающихъ при покупкѣ, 67 обществъ страховки скота, 25 ссудо-сберегательныхъ кассъ, одинъ кооперативный сахарный заводъ и одну мельницу, одно общество для продажи свекловицы **).

Данія, несомнѣнно,—страна самаго развитаго земледѣльческаго кооперативнаго движенія, но она доказываетъ лишь то, что говорятъ намъ уже прежнія цифры, именно, что исходной точкой самой прогрессивной земледѣльческой кооперації служитъ не собственно земледѣліе, но переработка такихъ продуктовъ, какъ молоко. Образованіе молочныхъ союзовъ началось въ 1882 году. Въ 1895 году страна эта, насчитывающая около 1.000 сельскихъ общинъ, имѣла около 900 кооперативныхъ маслобоенъ, не считая частныхъ, т.-е. почти каждая деревня владѣла собственной. Эти маслобойни—различной величины, самая малая переработываетъ ежедневно молоко отъ 400 коровъ, самая большая—отъ 2.000. Маслобойни соединились въ союзы, контролирующіе содержаніе скота и качество молока и занимающіеся вывозомъ продукта въ Англію. Возникновеніе кооперативныхъ маслобоенъ повело къ дальнѣйшей кооперації. Члены ихъ соединяются для общей покупки сѣмянъ, орудій и т. д. и для непосредственныхъ сношеній съ потребителями, образуя кооперативныя лавки въ Копенгагенѣ и другихъ городахъ. Изъ этихъ обществъ самое замѣчательное Ютландское, котораго задача состоитъ въ вывозѣ яицъ въ Англію. Обратимъ еще вниманіе на союзы земледѣльцевъ для выкармливанія свиней и приготовленія ветчины. Они образовались при маслобойняхъ, пользуясь отбросами. Въ 1895 году ихъ существовало 16. которые убивали половину всѣхъ свиней, откормленныхъ въ странѣ ***). Одновременно рас-

*) «Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Zweiter Supplementband», стр. 575.

**) Ibidem, стр. 577.

***) «Рефератъ датскаго представителя на международномъ кооперативномъ съѣздѣ въ Лондонѣ». «Proceedings of the I-st international Cooperative Congress in London». 1895.

пространяются союзы для улучшенія породъ скота, покупающіе породистыхъ животныхъ изъ-за границы.

То же зрѣлище представляетъ Швейцарія. Въ 1896 году тамъ насчитывали 2.500 сельскихъ обществъ, т.-е. одно общество приходилось на 1.200 жителей. Составъ этихъ обществъ въ 1895 году, когда ихъ насчитывали только 1.783, былъ слѣдующій: 838 сыроваренъ, 673 спеціальныхъ обществъ въ сферѣ скотоводства, 251 общество для покупки земледѣльческихъ орудій, сѣмянъ и т. д., 39 винокуренныхъ заводовъ, 32 молотильныхъ союзовъ, 21 альпейскихъ (пастбищъ), 8 кирпичныхъ, 6 для воздѣлки винограда, 6 скотобоенъ и т. д. Другими словами, собственно земледѣліе почти не тронуто кооперацией. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ почти каждая деревня имѣетъ свою кооперативную сыроварню. Швейцарская потребительная кооперація должна была выдержать упорную борьбу съ оптовыми купцами, которые старались задержать ея развитіе, но побѣдила *).

Понятно, что и Голландія страна молочнаго хозяйства, представляетъ довольно значительное развитіе кооперации, хотя не такое, какъ Данія и Швейцарія. Въ ней насчитывали въ 1895 году около 100 кооперативныхъ маслобоенъ.

Развитіе синдикатнаго движенія во Франціи представляетъ предметъ, по поводу котораго много разсуждаютъ въ послѣднее время. Кооперація не была тамъ извѣстна еще лѣтъ 20 тому назадъ, между тѣмъ новѣйшіе источники говорятъ уже о милліонѣ членовъ, принадлежащихъ къ синдикатамъ **)—громадное число. Въ серединѣ 1897 г. насчитывали около 2.000 различныхъ синдикатовъ. Союзы французскихъ землевладѣльцевъ задаются самыми различными цѣлями. Пользуясь конкурсомъ, учрежденнымъ въ 1897 г. Парижскимъ соціальнымъ музеемъ, мы разберемъ дѣятельность нѣкоторыхъ изъ нихъ. Возьмемъ тѣ, которые получили высшія награды.

1. Синдикатъ, охватывающій кантонъ Белевиль надъ Соной, основанный въ 1887 г. и считающій теперь 2.352 членовъ. Онъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ мелкихъ земледѣльцевъ и владѣльцевъ виноградниковъ, онъ ограничивается своимъ кантономъ, насчитываетъ самое большое число членовъ и ведется лучше всего. Онъ способствовалъ распространенію въ этой мѣстности виноградниковъ, покупая виноградныя лозы въ южныхъ Штатахъ Сѣверной Америки; организовалъ продажу масла, дѣйствующую только тогда, когда цѣны на рынкѣ низки; ссудо-сберегательную кассу на принципахъ взаимопомощи; добился облегченій у страховыхъ обществъ отъ огня и падежа скота, создалъ между крестьянами третейскіе суды; наконецъ, образовалъ общества

*) Ср. Швейцарскій отчетъ на международномъ кооперативномъ съѣздѣ, кромѣ того «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», Стр. 576.

**) Maurin G. «Les syndicats agricoles et la crise sociale». Nimes. 1898, стр. 30.

взаимопомощи для старцевъ, сиротъ и больныхъ,—инвалиды труда получаютъ пенсію; когда же дѣло касается больныхъ сосѣдей, не могущихъ обрабатывать землю, то это исполняетъ синдикатъ. Онъ принадлежитъ къ лучше всего организованнымъ и образцово-дѣйствующимъ.

2. Синдикатъ округа Полиньи одинъ изъ первыхъ по времени возникновенія. Онъ насчитываетъ 1.700 членовъ. Свои принципы онъ сформулировалъ въ начальныхъ статьяхъ своего устава: «цѣль союза — доставить своимъ членамъ выгоды свободной кооперації; члены, связанные братскою солидарностію, будутъ другъ другу помогать и поддерживать себя. Онъ будетъ стремиться къ возбужденію любви къ професіи, которая въ продолженіе вѣковъ представляла источникъ народнаго богатства, и къ распространенію среди земледѣльцевъ привязанности къ домашнему очагу и землѣ, которую обрабатываютъ. Для этой цѣли онъ употребитъ всѣ средства, чтобы этотъ трудъ окружить почестями и сдѣлать его болѣе производительнымъ». Синдикатъ создалъ, главнымъ образомъ, взаимный кредитъ, причемъ опредѣлилъ для даваемаго займа самую большую норму 600 франковъ, ввелъ задатки на земледѣльческіе продукты до наступленія сбора. Онъ основалъ союзъ садовниковъ, нѣсколько молочныхъ союзовъ, а также учредилъ контроль надъ качествомъ товара, кооперативную мельницу для членовъ союза, контору безплатныхъ юридическихъ совѣтовъ. Кромѣ того, онъ организовалъ обученіе земледѣлію въ начальныхъ школахъ, ввелъ страховку отъ огня и падежа скота на началахъ взаимопомощи, началъ систематическое улучшеніе скота, покупая заводскихъ фрейбургскихъ производителей и продавая ихъ членамъ. Союзъ состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій, каждое ежемѣсячно во время ярмарокъ устраиваетъ собранія членовъ и такимъ образомъ сближаетъ ихъ.

3. Синдикатъ департамента Луары насчитываетъ до 7 тысячъ членовъ, состоитъ изъ 22 кантональныхъ отдѣленій и обладаетъ 17 складами товаровъ. Покупка предметовъ и орудій, необходимыхъ въ земледѣліи, и доставленіе ихъ членамъ происходитъ такъ, что ничего лучшаго и желать невозможно. Въ нѣкоторые годы размѣры оборотовъ достигаютъ 750 тысячъ франковъ и болѣе. Онъ устраиваетъ каждые три мѣсяца выставку сѣмянъ, ведетъ курсы земледѣлія и обработки виноградниковъ, основалъ экспериментальныя поля и устраиваетъ публичные опыты съ земледѣльческими орудіями и машинами, вошелъ въ договоръ съ молотильщиками, наконецъ, купилъ нѣкоторыя машины, которыми члены пользуются, внося небольшую плату. Существуетъ синдикальная мельница. Онъ одинъ изъ первыхъ обосновалъ страховку всякаго рода на принципѣ взаимопомощи; для этой цѣли онъ самъ устроилъ агентство страхованія отъ пожара и градобитія, наконецъ, основалъ орлеанскій союзъ, опирающійся на взаимномъ обезпеченіи членовъ въ случаѣ несчастія. Организовалъ посредничество въ поискахъ за работой, третейскіе суды, безплатную юридическую помощь.

4. Земледѣльческій синдикатъ въ Кальвадосѣ. Онъ издаетъ ежемѣсячные отчеты, которые достигли такихъ размѣровъ, что въ земледѣльческой прессѣ занимаютъ одно изъ самыхъ вліятельныхъ мѣстъ. Ведетъ контроль надъ скотоводствомъ и луговымъ хозяйствомъ. Занимается продажей лошадей и скота, масла и сыра, а также другихъ продуктовъ и даже вывозитъ ихъ за границу. Часть этихъ занятій взяло на себя Нормандское потребительно-производительное общество, основанное синдикатомъ. Существуетъ контора, занимающаяся доставленіемъ работы, юридическихъ совѣтовъ и т. д. Союзъ стремится создать разныя экономическія учрежденія, которымъ передаетъ часть своей работы; свою же дѣятельность направляетъ постоянно къ новымъ задачамъ и потребностямъ земледѣльческаго населенія.

Мы нарочно представили болѣе подробно дѣятельность нѣсколькихъ французскихъ синдикатовъ, чтобы показать, какъ она разнородна. Синдикаты создаютъ ссудо-сберегательныя кассы и краткосрочный кредитъ, организуютъ покупку необходимыхъ предметовъ въ земледѣліи и понизили цѣну удобренія и земледѣльческихъ орудій на 25 и даже 30% во всей странѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже на 50. Они устроили образцовую ферму, учредили странствующихъ лекторовъ и агрономовъ, равно какъ бюро для экономическихъ указаній, особенно важны ихъ попытки въ воздѣлываніи виноградной лозы, стремящіяся къ основанію питомниковъ ея для продажи членамъ по заготовительной цѣнѣ. Основываютъ товарищества для совмѣстной покупки и совмѣстнаго пользованія болѣе дорогими машинами и учреждаютъ кооперативныя маслобойни, сыроварни (послѣднихъ существуетъ около 2.000), мельницы, пекарни (въ 1896 году ихъ насчитывали около 500—600 съ 100.000 членами) и т. д. Наконецъ, они стараются войти въ непосредственное сношеніе съ потребителями, организуя продажу въ центрахъ населенія. Какъ распредѣляется число обществъ и количество членовъ между различными родами кооперацій, мы, къ сожалѣнію, не можемъ сказать, такъ какъ синдикатная статистика въ этомъ отношеніи совсѣмъ не обработана. Кромѣ того, трудно иногда разграничить различныя функціи, такъ онѣ сплетаются въ томъ же синдикатѣ.

Францією мы окончимъ нашъ обзоръ земледѣльческой кооперації, оставляя совсѣмъ въ сторонѣ остальныя менѣе развитыя государства Европы, въ томъ числѣ Англію, равно какъ и колоніи, относительно которыхъ у насъ очень мало точныхъ данныхъ, хотя, повидимому, разсматриваемое движеніе тамъ очень сильно. Земледѣльческая кооперація, какъ мы уже сказали,—продуктъ послѣднихъ двухъ десятковъ лѣтъ. Если примемъ во вниманіе это обстоятельство, то придемъ къ заключенію, что она совершила большой прогрессъ, особенно въ Швейцаріи и Даніи, причемъ нельзя отрицать, что именно неустойчивость продажи и борьбы за рынки служатъ исходной точкой всѣхъ успѣховъ.

Чего не могли произвести увѣщеванія народниковъ-идеологовъ, то совершили жестокія требованія жизни.

Возникаютъ теперь два вопроса.

Первый—насколько кооперація можетъ разсчитывать на дальнѣйшіе успѣхи въ будущемъ? То, что она до сихъ поръ развивалась такъ успѣшно, не служитъ еще доказательствомъ дальнѣйшаго прогресса. Мы должны разобрать факторы, на которые она можетъ разсчитывать въ будущемъ.

Во-вторыхъ, мы до сихъ поръ говорили о коопераціи вообще, не задаваясь вопросомъ, какіе земледѣльческіе элементы въ ней участвуютъ.

Разумѣется, значеніе ея будетъ различно, сообразно тому, какіе земледѣльческіе слои примкнутъ къ ней, зажиточные ли землевадѣльцы, либо крестьяне и какіе.

III.

Ходъ развитія земледѣльческой коопераціи.—Организованіе кооперативныхъ геологическихъ территорій.—Попытки сношеній съ городской потребительной кооперацією.—Недостатокъ въ земледѣльческой коопераціи элемента необходимости.—Переворотъ въ условіяхъ земледѣльческаго быта.

Разсматривая ходъ развитія синдикатовъ во Франціи, Германіи и Даніи на основаніи подробныхъ данныхъ, мы видимъ, что онъ имѣетъ опредѣленное направленіе: начинаясь въ большинствѣ случаевъ съ мелкихъ мѣстныхъ товариществъ, онъ ведетъ къ образованію болѣе обширныхъ союзовъ, обнимающихъ всю провинцію и даже страну.

Мы это превосходно видимъ на примѣрѣ организаціи продажи.

Образуются мѣстныя товарищества, задающіяся такой цѣлью; иногда они падаютъ, вслѣдствіе недостатка соотвѣтственной сноровки. Но въ томъ, либо другомъ синдикатѣ находятся двѣ—три личности, умѣющія повести дѣло и обладающія соотвѣтственными чертами характера, необходимыми для успѣшнаго веденія предпріятія. Предпріятіе начинаетъ развиваться, появляется навыкъ дѣйствовать сообща, образуется то, что мы бы назвали бюрократической рутиной, дающей возможность даже менѣе энергичнымъ личностямъ вести дѣло, мало-по-малу накопляется всякаго рода опытъ, переходящій въ традицію, воспитывается поколѣніе кооперативныхъ дѣятелей. Однимъ словомъ—будущее синдиката обезпечено, онъ пробилъ себѣ дорогу. Такія окрѣпшія общества соединяются въ союзы для организаціи продажи на болѣе отдаленныхъ рынкахъ.

Такимъ образомъ, синдикатное движеніе все разростается въ размѣрахъ, захватывая все болѣе пространства и рынковъ.

Съ другой стороны, всякое успѣшно развивающееся мѣстное общество становится центромъ расширенія круга мѣстной дѣятельности, что со временемъ отражается и на кругѣ дѣятельности районнаго союза.

Такъ, напр., въ Даніи дѣло въ деревнѣ началось съ основанія мѣстной кооперативной маслобойни, продающей свои продукты самостоятельно. Сосѣднія маслобойни соединяются для совмѣстной продажи, причемъ иногда организуются на ближайшемъ рынкѣ. Со временемъ возникъ громадный маслобойный союзъ, охватившій почти всю Данію, контролирующій качество вывозимагомасла и высылающій товаръ прямо въ Англію, отодвигая различныхъ посредниковъ. Онъ такъ удачно повелъ свои дѣла, что почти господствуетъ на англійскомъ рынкѣ, встрѣтивъ тамъ только въ послѣднее время подобнаго, хотя не столь сильнаго соперника въ организаціи ирландскихъ кооперативныхъ маслобоенъ. Датскія кооперативныя маслобойни, развившись, привели къ кооперативному выкармливанію и убою свиней, приготовленію окороковъ, къ основанію союзовъ для покупки породистаго скота и многимъ другимъ кооперативнымъ предпріятіямъ. По образцу вывоза масла организованъ союзъ для вывоза яицъ и другихъ продуктовъ.

Возьмемъ еще другой примѣръ.

Нѣсколько десятковъ кооперативныхъ маслобоенъ изъ западныхъ департаментовъ Франціи образовали союзъ, задающійся цѣлью облегчать промышленныя и коммерческія сношенія, сосредоточить всѣ полезныя указанія, защищать интересы отдѣльныхъ товариществъ передъ властью и частными учрежденіями, способствовать созданію центровъ для передачи свѣдѣній и контроля надъ продажей продукта, равнымъ образомъ пріобрѣтенію машинъ и другихъ орудій, необходимыхъ для производства масла. Союзъ охватываетъ отъ 25 до 30 тысячъ земледѣльцевъ и производитъ ежегодно отъ 4 до 5 милліоновъ килограммовъ масла, не считая дохода отъ выкормленныхъ свиней. Эти числа относятся къ 1895 г. Съ тѣхъ поръ размѣры союза возросли по крайней мѣрѣ на 50%, но продажа масла не организована, каждая маслобойня продаетъ свой продуктъ отдѣльно на парижскомъ рынкѣ. Но все-таки контроль союза не остался безъ вліянія. Масло отличается хорошимъ качествомъ и слыветъ на центральномъ парижскомъ рынкѣ какъ «Beurre des charentes». Союзъ имѣетъ своихъ агентовъ, къ которымъ отдѣльныя маслобойни направляютъ свой продуктъ. Это масло господствуетъ на парижскомъ рынкѣ, и вѣроятно дѣло кончится тѣмъ, что образуется центральная продажа продукта по образцу датской.

Мы привели нѣсколько примѣровъ все расширяющейся организаціи земледѣльцевъ, охватывающей по мѣрѣ своего развитія все больше сферъ сельской дѣятельности. Такихъ примѣровъ мы могли бы привести больше. Но такъ какъ мы не можемъ дать точныхъ статистическихъ данныхъ, и такъ какъ для насъ въ данномъ случаѣ важна лишь тенденція, то ограничимся только выше представленными случаями. Замѣтимъ, что поступая такимъ образомъ, земледѣльческая организація опирается на крѣпкомъ фундаментѣ.

Разумѣется, какихъ размѣровъ и результатовъ она достигнетъ, мы

теперь предвидѣть не можемъ, но все таки видимъ для нея возможность успѣшнаго развитія. Кромѣ того, мы въ состояніи уже теперь указать на одну ея тенденцію. Мы въ прошлогднихъ своихъ статьяхъ говорили о геологическо-агрономическихъ территоріяхъ, какъ о единицахъ высшаго разряда, пробивающихъ себѣ существованіе изъ современныхъ мелкихъ единицъ частнаго владѣнія. Разсматривая кооперативное движеніе, мы видимъ, что оно организуетъ прежде всего эти территоріальныя единицы. Союзы владѣльцевъ виноградниковъ, сыроваренъ, маслобоенъ во Франціи, союзы прирейнскихъ и датскихъ земледѣльцевъ и другія подобнаго рода организаціи, особенно въ колоніяхъ, всѣ они охватываютъ землевладѣльцевъ извѣстнаго геологическаго района. Исходя изъ организацій купли и продажи, они мало-по-малу организуютъ различныя области сельскаго производства по общему плану, заводятъ экспериментальныя фермы, контролируютъ производство даже отдѣльныхъ обществъ, вводя вездѣ однообразіе и общій принципъ. Теоретики движенія мечтаютъ даже о введеніи всего района въ одно кооперативное цѣлое и о съуженіи индивидуальной производительной свободы до крайнихъ предѣловъ, т. е. о производствѣ не только по общему плану, но и о производствѣ общими машинами, объ общихъ амбарахъ, кооперативныхъ хлѣвахъ и т. д. И снова мы не можемъ предвидѣть, насколько эти стремленія осуществятся указаннымъ путемъ, но для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что централизація въ земледѣліи обладаетъ большими шансами для осуществленія этимъ способомъ, чѣмъ при помощи концентраціи имѣній въ частныхъ рукахъ. Это движеніе исходитъ изъ промышленныхъ отраслей земледѣлія и спеціальныхъ хозяйствъ, захватывая мало-по-малу и чистое хлѣбопашество, которое, какъ оказывается, упорно держится индивидуальной рутины.

Въ этомъ организованіи землевладѣльцевъ значительную роль играетъ необходимость обезпечить для себя рынки. Земледѣльческія кооперації стараются поэтому монополизировать доставку для войскъ и войти въ непосредственныя сношенія съ потребительными коопераціями.

Кооперативное потребительное движеніе въ послѣднее время значительно разрослось въ нѣкоторыхъ странахъ Европы. Въ Англіи каждый потребительный продуктъ, покупаемый въ лавкахъ, пріобрѣтается въ потребительномъ обществѣ. Тамъ встрѣчаются города, гдѣ $^3/_4$ всего населенія соединены въ потребительный союзъ. Въ маленькой же Шотландіи около 100 тысячъ семействъ приготовляютъ свой хлѣбъ въ собственныхъ потребительно-кооперативныхъ пекарняхъ, самыхъ большихъ въ мірѣ. Кооперативный союзъ, центръ котораго находится въ Манчестерѣ, владѣетъ самыми большими въ мірѣ складами чая; онъ основалъ громаднѣйшія фабрики обуви и соединилъ, вѣроятно, около милліона семействъ. Во Франціи въ 1896 году насчитывали около 700 потребительныхъ обществъ, имѣющихъ болѣе 400 тысячъ членовъ и около 500—600 кооперативныхъ пекарней, насчитывающихъ болѣе 100

тысячъ членовъ. Французскія потребительныя общества стремятся сплотиться въ одно цѣлое. Потребительное движеніе тоже сильно развито въ Бельгіи и Германіи. И снова, не стараясь заглянуть въ будущее, мы все-таки можемъ сказать, что потребительная кооперація Западной Европы составляетъ внушительную силу и вмѣстѣ съ тѣмъ громадную рыночную организацію. Потребительно-кооперативный рынокъ въ Британіи употребилъ въ 1894 году продуктовъ на сумму въ 500.000.000 франковъ, въ томъ числѣ Манчестерскій союзъ спеціально масла на сумму почти въ 20.000.000 фр.

Вожаки кооперативнаго потребительнаго движенія и руководители земледѣльческихъ синдикатовъ стремятся въ послѣднее время къ тому, чтобы между земледѣльцами и потребителями завязать непосредственныя торговыя сдѣлки.

Во Франціи на съѣздѣ кооперативныхъ обществъ въ Греноблѣ въ 1893 году рѣшили избрать коммиссію, которая бы вошла въ переговоры съ синдикатами. Ліонскій съѣздъ синдикатовъ въ слѣдующемъ году отозвался на эту идею и разсматривалъ вопросъ, какимъ образомъ можно было бы осуществить непосредственныя сношенія. Делегаты англійской потребительной кооперації, присутствующіе на этихъ французскихъ съѣздахъ, объявили тогда, что англійскіе кооператисты уже избрали этотъ путь. «Мы имѣемъ конторы,—сказалъ одинъ изъ нихъ,—въ Копенгагенѣ и въ Оргусѣ въ Даніи, въ Гамбургѣ, Нью-Іоркѣ и Монреалѣ для экспорта товаровъ изъ этихъ странъ въ Великую Британію. Эти конторы покупаютъ у мѣстныхъ кооперативныхъ обществъ, напримѣръ, въ Нью-Іоркѣ и Монреалѣ мы покупаемъ сыръ въ кооперативныхъ фабрикахъ, въ Гамбургѣ масло въ кооперативныхъ маслобойняхъ Шлезвигъ-Гольштейна, въ Даніи масло и сало въ кооперативныхъ фабрикахъ, мы тоже поддерживаемъ сношенія съ древней кооперацією, существующей болѣе 1000 лѣтъ: три наши товарища въ настоящее время находятся въ Греціи, чтобы покупать въ монастыряхъ этой страны коринѳскій изюмъ». Наконецъ, на международномъ кооперативномъ съѣздѣ въ Лондонѣ въ 1895 году присутствовали равнымъ образомъ представители и земледѣльческихъ синдикатовъ, и потребительныхъ кооперацій.

Пока эти стремленія къ взаимному сближенію не привели еще къ положительнымъ результатамъ по винѣ земледѣльцевъ, которымъ чужда торговая сноровка. Они желали бы поскорѣе сбыть товаръ по возможно высокой цѣнѣ и не умѣютъ «*приготовлять товара*», т. е. придавать продукту торговую форму и однообразіе. Съ другой стороны потребительныя общества привыкли къ кредиту, прейсъ-курантамъ, пробнымъ посылкамъ и т. д. и вообще не желаютъ отказаться отъ этихъ образцовъ прогрессивной торговой техники. Но сближеніе между кооперативными земледѣльцами и потребителями вполнѣ возможно; оно принадлежитъ къ тѣмъ практическимъ задачамъ, рѣшеніе которыхъ зависитъ

отъ существованія энергичныхъ дѣятелей среди обоихъ видовъ кооперацiи. И если такія сношенія осуществятся, то сразу на основаніи существующаго кооперативнаго матеріала возникнутъ громадныя организаціи, воплощающія въ жизнь до извѣстной степени идею какого-то новаго строя, въ которомъ не будетъ посредниковъ, рыночной неустойчивости, индивидуальнаго произвола и многихъ другихъ сторонъ нашего экономическаго режима.

Мы старались, по возможности, держаться фактовъ и ограничились лишь анализомъ существующихъ элементовъ земледѣльческой кооперацiи. Въ будущее мы не заглядывали, опасаясь всякой Zukunftsmusik, которая въ данномъ случаѣ обманчива. Когда мы говоримъ о централизаціи въ обрабатывающей промышленности, мы имѣемъ дѣло съ необходимымъ историческимъ явленіемъ, которое должно принимать все большіе размѣры. Напротивъ, мы не видимъ такого *необходимаго* элемента въ развитіи земледѣльческой кооперацiи и даже потребительной. Оба эти движенія являются результатомъ свободной инiціативы, по крайней мѣрѣ, въ очень большой степени. Мы говоримъ: «*свободной инiціативы*», такъ какъ внѣшнія условія не столь сильны, чтобы у земледѣльца не было другого выхода, кромѣ кооперацiи. Вѣдь мы часто видимъ, какъ кооперативныя маслобойни и сыроварни, либо свеклосахарные заводы превращаются въ частныя предпрiятія, арендуемыя у бывшихъ кооператистовъ, доставляющихъ туда свой продуктъ, мы видимъ также, что такія частныя предпрiятія часто ведутъ свои дѣла удачнѣе, чѣмъ кооперативный союзъ. По этой причинѣ, на основаніи существующаго нынѣ мы не можемъ предвидѣть грядущаго.

Обратимъ только вниманіе на то, что въ земледѣльческой кооперацiи находится много энергическихъ и жертвующихъ собою дѣятелей, которые отдаютъ всю душу дѣлу. Замѣтимъ еще и то, что въ нѣкоторыхъ странахъ земледѣлецъ наталкивается на учрежденія, заставляющія его мечтать о расширенiи общественнаго веденія производства, посредничества и кредита. Монополія желѣзнодорожныхъ и элеваторныхъ обществъ привела американскихъ фермеровъ къ повсемѣстному требованію націонализацiи желѣзныхъ дорогъ и элеваторовъ государственнымъ варантнымъ кредитомъ. Мы встрѣчаемъ все чаще требованія принудительной всеобщей государственной страховки отъ огня, градобитій, падежа скота, къ чему, впрочемъ, ведутъ и синдикаты, въ болѣе демократическомъ духѣ: государственное вмѣшательство должно придать этимъ усиліямъ принудительный характеръ. Все это знаменія времени, которое требуетъ обобществленія различныхъ сторонъ экономической дѣятельности. Прибавимъ къ этому различныя земледѣльческія утопіи, которыя, оставаясь даже утопіями, все-таки свидѣтельствуютъ о направленiи развитія. Таковы требованія государственной монополiи торговли хлѣбомъ и даже еще далѣе идущія требованія государственной монополизацiи — приготовленія муки и хлѣба,

или желанія, чтобы государство ликвидировало земледѣльческіе долги и обратилось въ громадный кредитный банкъ. Мы убѣждены, что многія изъ этихъ утопій въ той либо другой формѣ осуществятся; по крайней мѣрѣ, это возможно.

Мы часто слышимъ о томъ, что земледѣліе не поддается современному экономическому развитію. Мы убѣждены въ противоположномъ. И земледѣліе прогрессируетъ. Все дѣло въ томъ, что прогрессъ происходитъ здѣсь очень медленно и вторгается извнѣ, дѣйствуя подъ давленіемъ силъ, чуждыхъ земледѣльческой сферѣ. Мы постоянно въ своихъ статьяхъ доказывали, что капиталистическое производство и обмѣнъ измѣняютъ условія земледѣльческаго быта, заставляютъ земледѣльцевъ бросать прежніе устои, требуя государственнаго вмѣшательства. Теперь мы показали, что въ зависимости отъ рынковъ проявляются дальнѣйшія усилія выхода изъ прадѣдовской рутины.

Спрашивается, насколько въ этомъ движеніи участвуетъ крестьянинъ?

IV.

Какіе крестьяне участвуютъ въ кооперації?—Значеніе спеціализированныхъ отраслей земледѣлія.—Рутина хлѣбопашцевъ.—Положеніе деревенскаго пролетаріата.

Мы уже знаемъ, что въ Даніи почти каждая деревня имѣетъ свою кооперативную маслобойню, что въ Швейцаріи, которой чужды латифундіи, различные виды кооперації довольно распространены. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ обѣихъ выше названныхъ странахъ кооперативное движеніе охватило широкія массы крестьянъ. Но какихъ крестьянъ? Мы на это до сихъ поръ не нашли отвѣта въ статистическихъ данныхъ. Впрочемъ, Данія и Швейцарія—исключительныя страны, такъ какъ собственно земледѣліе исчезло тамъ подъ давленіемъ молочнаго хозяйства, выкармливанія скота и т. д. Другое дѣло страны, въ которыхъ преобладаетъ воздѣлываніе хлѣба, какъ, напр., Франція.

Когда мы читаемъ сочиненія, относящіяся къ французскому синдикатному движенію, мы встрѣчаемъ тамъ постоянно отзывы о выгодахъ, вытекающихъ изъ кооперації даже для крестьянина. Одинъ изъ писателей, недавно издавшій книгу о синдикатахъ, пишетъ: «благодаря этому (т. е. кооперації), способность къ конкуренціи мелкихъ и среднихъ хозяйствъ увеличивается по отношенію къ крупнымъ владѣніямъ не только своей страны, но кромѣ того,—что важнѣе,—и относительно иностраннаго земледѣлія». Однако мы напрасно искали данныхъ, позволяющихъ опредѣлить размѣры участія крестьянъ въ синдикальномъ движеніи. Мы находимъ лишь абстрактнаго крестьянина, но не встрѣчаемъ данныхъ, сколько этотъ крестьянинъ имѣетъ земли. Французскіе синдикаты даже и не помышляютъ о томъ, что слѣдовало бы ввести такую статистику и распредѣлить своихъ членовъ по категоріямъ соотвѣтственно ихъ зажи-

точности. Вѣдь крестьяниномъ называютъ какъ того, у котораго 10 и 20 гектаровъ земли, такъ и того, который владѣетъ участкомъ въ одинъ гектаръ. Мы имѣемъ лишь косвенныя указанія, свидѣтельствующія, о томъ, что мелкій крестьянинъ участвуетъ очень мало въ движеніи и, притомъ лишь въ простѣйшихъ его видахъ, какъ напр. ссудо-сберегательныя кассы и т. д. Парижскій соціальный музей издалъ описаніе болѣе чѣмъ 20 образцовыхъ синдикатовъ. Только въ нѣсколькихъ участвуютъ крестьяне, нуждающіеся въ постороннемъ заработкѣ, напр., синдикатъ, означенный тамъ подъ номеромъ 3, въ числѣ 1.170 членовъ содержитъ 20% мелкихъ крестьянъ, но его задачи самыя простыя. Есть даже синдикаты, въ составъ которыхъ входятъ поденные рабочіе, но въ такихъ учрежденіяхъ главной задачей является эмеритальная помощь. Эти данныя доказываютъ, что синдикатное движеніе во Франціи главнымъ образомъ охватило лишь верхушки крестьянства.

Такое заключеніе мы можемъ вывести еще изъ другого источника, сравнивая количество крестьянъ различныхъ категорій съ размѣрами синдикатнаго движенія.

Именно, въ 1892 году насчитывалось во Франціи земледѣльческихъ хозяйствъ:

Менѣе чѣмъ въ гектаръ	2.235.405
Отъ 1 до 10 гект..	2.617.558
Отъ 10 до 40	711.118
Болѣе 40 гект.	138.671

Съ другой стороны, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ говорили о числѣ 600.000 членовъ синдикатнаго движенія, послѣдніе же источники говорятъ даже о милліонѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что болѣе зажиточные хозяева, прежде всего, пользуются выгодами возникающихъ кооперацій. Если мы даже допустимъ, что синдикаты имѣютъ около милліона членовъ, то выше приведенная таблица доказываетъ, что послѣднія двѣ категоріи, именно тѣ, которыя имѣютъ болѣе 10 гектаровъ, составляютъ большинство въ кооперации. Конечно, мы не хотимъ утверждать, чтобы каждый членъ болѣе зажиточнаго крестьянскаго сословія принадлежалъ къ синдикату, а также не отрицаемъ возможности проникновенія элементовъ изъ другихъ категорій. Кромѣ того, вслѣдствіе другихъ причинъ, взаимная зависимость не такъ точна, потому что размѣры владѣній не вполнѣ опредѣляютъ зажиточность отдѣльныхъ хозяйствъ. Въ виноградной полосѣ гектаръ стоитъ въ 20—30 разъ болѣе, чѣмъ въ Солоньи, и владѣлецъ такого участка, фигурирующій въ статистическихъ таблицахъ, какъ мелкій хозяинъ, однако, находится въ другомъ положеніи, чѣмъ его землякъ той же рубрики. Вообще вездѣ, гдѣ крестьянинъ спеціализировался, какъ молочный производитель, воздѣлыватель виноградной лозы или маслины и пр., а также подвергся исключительному вліянію рынковъ и производства для продажи, тамъ вездѣ онъ фактически отличается отъ

остальныхъ крестьянъ, владѣющихъ участками такихъ же размѣровъ. Такіе спеціализированные элементы состоятъ теперь главными участниками развивающагося синдикатнаго движенія. Разсматривая, напр., труды графа Рокиньи, мы встрѣчаемся съ этими элементами почти на каждой страницѣ совершенно не пропорціонально количеству ихъ во всей странѣ. Если бы мы отсчитали этотъ авангардъ кооперативнаго движенія, то кругъ членовъ значительно уменьшился бы, и число ихъ, безъ сомнѣнія, очень удобно можно было бы помѣстить въ рубрикѣ владѣльцевъ, имѣющихъ около 10 и болѣе гектаровъ. Конечно, здѣсь—и тамъ особенно, гдѣ дѣло касается кредитныхъ и страховыхъ союзовъ, земледѣльческая кооперація охватила также и другія группы, владѣющія менѣе чѣмъ 10 гектарами, но изъ того, что я знаю до сихъ поръ о французскихъ синдикатахъ, у меня составилось понятіе, что этотъ послѣдній элементъ играетъ очень незначительную роль во всемъ движеніи.

Чтобы убѣдиться въ томъ, какого рода земледѣльцы входятъ въ составъ производительной кооперації, мы, пользуясь сочиненіемъ графа Рокиньи, попробовали произвести соотвѣтственныя вычисленія, не претендующія на точность, но приблизительно вѣрныя.

Названный авторъ указываетъ на 76 кооперативныхъ маслобоенъ. Для 5 изъ нихъ онъ приводитъ количество членовъ и коровъ; на одного члена приходится, среднимъ числомъ 3,1 коровъ, причемъ существуютъ общества, въ которыхъ на одного члена приходится неполныя двѣ коровы, и другія, въ которыхъ на одного члена насчитывается 12 коровъ. Кромѣ того, для 13 маслобоенъ мы могли высчитать количество ежедневно переработываемаго молока, а такъ какъ мы располагаемъ также и количествомъ членовъ и можемъ приблизительно высчитать на основаніи приведенныхъ данныхъ количество молока, доставляемаго отдѣльной коровой, то и тутъ мы можемъ найти количество коровъ для каждаго отдѣльнаго участника. Мы нашли въ среднемъ числѣ $2^1/_2$ коровы и даже 3. Такимъ образомъ, въ маслобойной кооперації участвуютъ земледѣльцы, имѣющіе, по крайней мѣрѣ, двѣ коровы. Другими словами—сравнительно зажиточные крестьяне.

Кооперативныя маслобойни, къ сожалѣнію, единственный видъ кооперації, въ которомъ мы можемъ произвести такого рода вычисленія. Въ другихъ случаяхъ, напр., для винодѣловъ, мы получаемъ впечатлѣніе, что процентъ мелкихъ участниковъ значителенъ.

Но на этомъ и дѣло кончается. Когда же мы переходимъ къ видамъ кооперації среди хлѣбопашцевъ, то теряемъ уже почву подъ ногами. И даже тогда, когда мы разсматриваемъ среди нихъ виды производительной кооперації, мы не можемъ стряхнуть съ себя впечатлѣнія, что говорится о союзахъ нѣсколькихъ человѣкъ въ одномъ изъ 100 кантоновъ.

Такимъ образомъ,—мы снова говоримъ не на основаніи чиселъ, а впечатлѣній,—крестьянинъ хлѣбопашецъ оказался неотзывчивымъ на

кооперацію. Болѣе зажиточные представители этого слоя участвуютъ въ потребительной земледѣльческой кооперацiи, но невоспріимчивы къ другимъ видамъ сообщества. Напротивъ, тѣ крестьяне, которые спеціализировались подъ вліяніемъ рынковъ, отличаются большей способностію дѣйствовать совмѣстно. До сихъ поръ въ работахъ по этому вопросу рѣдко обращали вниманіе на эту сторону кооперативнаго движенія. Между тѣмъ, ея важность не подлежитъ сомнѣнію. Она показываетъ намъ, въ какой степени кооперація можетъ развиваться среди крестьянства. Нѣтъ сомнѣнія, что кооперація въ состояніи организовать спеціальныя территоріи и вообще спеціальныя вѣтви земледѣлія. Даже сравнительно мелкій крестьянинъ въ спеціализованныхъ отрасляхъ оказывается достаточно чуткимъ къ выгодѣ, получаемой отъ совмѣстнаго дѣйствія, что объясняется его большею зависимостію отъ рынковъ, необходимостію считаться съ условіями внѣшняго міра и вытекающимъ отсюда большимъ умственнымъ развитіемъ. Что же касается собственно хлѣбопашцевъ, то они участвуютъ въ сравнительно большомъ числѣ въ ссудо-сберегательныхъ кассахъ и въ союзахъ, покупающихъ навозъ, машины и сѣмена, рѣже въ продающей кооперацiи и почти исчезаютъ, когда обратимся къ производительной кооперацiи *). Кромѣ того, мы можемъ навѣрно предполагать, что лишь зажиточные крестьяне,—эти деревенскіе буржуа, сплочиваются, но остальные слои крестьянства вѣрны индивидуалистической рутинѣ. И снова мы опасаемся заглядывать въ будущее, но все-таки мы увѣрены, что мелкіе хлѣбопашцы останутся внѣ кооперативнаго движенія, развивающагося благодаря частной иниціативѣ, въ которой, впрочемъ, для нихъ и мѣста нѣтъ. Разумѣется, внѣ кооперацiи будутъ находится и совсѣмъ лишенные земли сельскіе элементы. Является вопросъ о ихъ будущемъ положеніи въ развитіи современнаго общества.

Мы знаемъ, что сельскій пролетаріатъ увеличивается абсолютно и относительно. Если бы кооперативное движеніе охватило даже *всѣхъ* крестьянъ землевладѣльцевъ, то все-таки вопросъ, что дѣлать съ крестьянскою голью, остался бы неразрѣшеннымъ. Положеніе ея ухудшилось бы, такъ какъ ей, какъ наемной силѣ, противостоитъ сплоченная масса хозяевъ. Этотъ слой по неволѣ долженъ искать другихъ дорогъ для выхода, чѣмъ идеалы сельской демократіи. Въ Австралійскихъ колоніяхъ само правительство начинаетъ организовать изъ пролетаріевъ земледѣльческія ассоціаціи. Эти опыты начались всего только нѣсколько лѣтъ тому назадъ и къ чему приведутъ практически, нельзя предсказать. И въ Европѣ, особенно въ Англіи и Франціи, подымался

*) Впрочемъ, мы встрѣчаемъ попытки организованія деревни въ кооперативную общину, напр., въ Пиншинѣ вблизи Данцига. Смотри: Blondel G. «Etudes sur les populations rurales de l'Allemagne et la Crise agraire». 1897. Paris. Стр. 232. Еще болѣе такихъ примѣровъ мы находимъ въ Англіи и въ колоніяхъ, въ которыхъ участниками кооперацiи являются другіе элементы.

вопросъ о томъ, чтобы отдавать въ аренду кооперація̀мъ изъ деревенской голи государственныя домены. Вожакъ же арміи спасенія, генералъ Бутсъ, выработалъ обширный планъ переселенія городской голодной голи въ деревню на такихъ же кооперативныхъ началахъ. Все это тоже знаменія времени. Починъ въ данномъ случаѣ исходитъ отъ различныхъ группъ городской демократіи. Но эта послѣдняя пока ограничивается менѣе замысловатыми задачами. Теперь она стремится организовать деревенскій пролетаріатъ въ профессіональные территоріальные союзы, воплотить въ жизнь обязательную помощь больнымъ и инвалидамъ труда и т. д.

V.

Нѣсколько общихъ замѣчаній.

Мы разсматривали кооперація среди землевладѣльцевъ, особенно среди крестьянъ. Мы упомянули, что консерваторы приняли исключительное участіе въ этомъ движеніи; они и до сихъ поръ стоятъ во главѣ его, укрѣпляя, такимъ образомъ, свое положеніе въ обществѣ и организуя для борьбы съ городской демократіей общественную силу, которая и по природѣ своей, и по условіямъ своего матеріальнаго и умственнаго быта отличается привязанностію къ традиціи. Но несмотря на такой характеръ кооперативнаго движенія, оно само по себѣ—элементъ прогресса и важный факторъ, подмывающій индивидуалистическую рутину, разумѣется, въ томъ случаѣ, если земледѣльческая кооперація охватитъ деревню въ достаточной мѣрѣ. Впрочемъ, это явленіе нельзя мѣрить аршиномъ желательнаго. Желательно ли оно для насъ или нѣтъ, прогрессивно или консервативно,—оно возникло, развивается и, быть можетъ, разовьется въ будущемъ въ огромныхъ размѣрахъ, не спрашивая ничьего позволенія. Это движеніе организуетъ опредѣленные общественные слои, пріучаетъ ихъ къ самоуправленію, заставляетъ ихъ формулировать свои требованія, такія, какъ введеніе таможенныхъ пошлинъ на хлѣбъ, хлѣбная монополія и т. д. Мы должны считаться съ этимъ фактомъ, какъ съ фактомъ дѣйствительнымъ, анализировать его всевозможныя стороны и изучить его глубоко. Кооперація организуетъ консервативныхъ «ruraux», общественный характеръ которыхъ достаточно обнаружился въ продолженіе текущаго вѣка въ исторіи Западной Европы. Но мы должны помнить, что деревня, организованная въ кооперацію, является все-таки уже прогрессивной деревней сравнительно съ первой половиной нашего вѣка, когда кругозоръ крестьянина начинался и кончался на межѣ его участка. Мы не можемъ предвидѣть всѣхъ условій будущаго развитія, но каковы бы они ни были, все-таки прогрессивнымъ силамъ общества лучше считаться съ такимъ крестьяниномъ, чѣмъ съ темной массой рутинеровъ крайняго индивидуализма.

Впрочемъ, крестьянинъ враждебно относится къ городу, потому что онъ представляетъ центръ враждебныхъ ему общественныхъ силъ рынка и вообще капитализма. Но съ возникновеніемъ новыхъ принциповъ общественности враждебность эта можетъ исчезнуть, деревенская же кооперація превратитъ будущихъ «ruraux» въ массу болѣе отзывчивую на запросы возможнаго грядущаго.

Все дѣло въ томъ, насколько земледѣльческая кооперація можетъ развиваться. Мы уже замѣтили, что въ ея развитіи отсутствуетъ элементъ *необходимости*. Вышесказаннаго мы не можемъ тутъ повторять. Но мы зато обратимъ вниманіе на факторы, могущіе повліять на дальнѣйшій прогрессивный ходъ деревенской прогрессивной общественности.

Важнѣйшимъ изъ этихъ факторовъ является государство. Въ настоящее время крестьянинъ представляетъ для государства лишь источникъ податной и рекрутской силы. Но Polizeistaat переходитъ къ Западной Европѣ, какъ выразился одинъ изъ новѣйшихъ писателей по аграрному вопросу, въ Kulturstaat и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ сдѣлаться возможнымъ рычагомъ для приведенія крестьянъ землевладѣльцевъ къ высшему уровню экономической культуры.

Уже теперь въ западной Европѣ много говорятъ объ агрономическихъ инспекторахъ, о принудительности союзовъ, обнимающихъ все крестьянство согласно съ принципами самоуправленія и организующихъ всякаго рода страховку и кредитъ. Всѣ эти проекты не переходятъ предѣловъ близкаго и возможнаго. Эти задачи количественно возрастутъ съ сознательной организаціей рынковъ общественной волей. Крестьянинъ, зависящій отъ рынка, найдетъ въ немъ общественную силу, лишенную современной враждебности, властвующую надъ нимъ, благодаря своему экономическому положенію, и организующую его. Общественный организмъ всосетъ тогда въ себя мирнымъ образомъ деревенскіе индивидуалистическіе устои.

Однимъ словомъ, будущее деревни зависитъ отъ силъ, *внѣ ея* находящихся. Капитализмъ, развиваясь въ обществѣ внѣ деревни и организуя отношенія, чуждыя крестьянину, вмѣстѣ съ тѣмъ создаетъ условія полнѣйшаго преобразованія вѣковыхъ устоевъ деревенской жизни.

Л. Крживицкій.

ВОСКРЕСШІЕ БОГИ.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.

РОМАНЪ *).

Sentio, redlit ab inferis Iulianus. Мнѣ кажется, что Юліанъ Отступникъ воскресаетъ. **Petrarca.**

Произошло столкновеніе двухъ самыхъ противоположныхъ идей, которыя только могли существовать на землѣ: Человѣко богъ встрѣтилъ Богочеловѣка, Аполлонъ Бельведерскій—Христа. **Достоевскій.**

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Бѣлая Дьяволица.

1494.

Въ городѣ Сіеннѣ нашли изваяніе богини Венеры-къ великой радости гражданъ, и поставили его на главной площади надъ «Fonte Gaja» — «Веселымъ Источникомъ». Народъ сходился толпами смотрѣть на Венеру. Но, во время войны съ Флоренціей, въ собраніи правителей одинъ изъ нихъ всталъ и молвилъ: «Граждане! такъ какъ церковь христіанская запрещаетъ поклоненіе языческимъ идоламъ,—я полагаю, что наше войско терпитъ пораженія съ тѣхъ поръ, какъ поставили мы изваяніе Венеры на площади,—по причинѣ гнѣва Божьяго. А потому совѣтую вамъ: разбейте эту статую и заройте ее въ землю флорентинцевъ, дабы навлечь на нихъ кару небесную». Такъ и поступили граждане Сіенны.

Изъ Записокъ флорентинскаго ваятеля XV вѣка, Лоренцо Гиберти.

I.

Во Флоренціи, рядомъ съ каноникой Оръ-Санъ-Микэле, находились товарные склады цеха красильщиковъ.

Неуклюжія пристройки, клѣти, неровные выступы на косыхъ дере-

---

*) *Вторая часть трилогіи—«Христосъ и Антихристъ».* — Первая часть была напечатана въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ» и потомъ (въ 1896 г.) отдѣльною книгою подъ заглавіемъ «Отверженный». Во второмъ изданіи эта *первая часть* («Отверженный»—Юліанъ Отступникъ)будетъ озаглавлена—«*Смерть боговъ*».—Третья часть — «*Антихристъ*» (Петръ I и царевичъ Алексѣй).—Каждая часть трилогіи, планъ которой намѣченъ въ предисловіи къ отдѣльному изданію «Отверженный», представляетъ законченное цѣлое.

Прим. отъ ред. Первыя пять главъ были напечатаны въ журналѣ «Начало».

вянныхъ подпорахъ лѣпились къ домамъ, сходясь вверху черепичными кровлями такъ близко, что отъ неба оставалась лишь узкая щель, и на улицѣ, даже днемъ, было темно. У входа въ лавки висѣли на перекладинахъ образчики тканей заграничной шерсти, крашеной во Флоренціи въ лиловый цвѣтъ лакмусовымъ ягелемъ, въ алый—маренною, въ голубой — синильникомъ съ протравой изъ тосканскихъ квасцовъ. Въ канавѣ посерединѣ улицы, мощеной плоскими камнями, сочились струи разноцвѣтныхъ жидкостей, выливаемыхъ изъ красильныхъ чановъ. Надъ дверями главныхъ складовъ—«фондаковъ» виднѣлись щиты съ гербомъ Калималы, цеха красильщиковъ: въ аломъ полѣ золотой орелъ на шарообразномъ тюкѣ бѣлой шерсти.

Въ одномъ изъ этихъ фондаковъ, окруженный торговыми записями и толстыми счетными книгами, сидѣлъ богатый флорентинскій купецъ, консулъ благороднаго искусства Калималы — мессэръ Чипріано Буонаккорзи.

Въ холодномъ свѣтѣ мартовскаго дня, въ дыханіи сырости, вѣявшей изъ подваловъ, загроможденныхъ товарами, старикъ зябъ и кутался въ облѣзлую бѣличью шубу, съ истертыми локтями. Гусиное перо торчало у него за ухомъ, и слабыми, близорукими, но всевидящими глазами просматривалъ онъ, какъ будто небрежно,—на самомъ дѣлѣ внимательно, — пергаментные листы громадной счетной книги, страницы, раздѣленныя продольными и поперечными графами: справа «дать», слѣва—«имѣть». Записи товаровъ сдѣланы были ровнымъ, круглообразнымъ почеркомъ, безъ прописныхъ буквъ, безъ точекъ и запятыхъ, съ цифрами римскими, отнюдь не арабскими, считавшимися легкомысленнымъ нововведеніемъ, непристойнымъ для дѣловыхъ книгъ. На первой страницѣ было написано большими буквами:

«Во имя Господа нашего Іисуа Христа и Приснодѣвы Маріи счетная книга сія начинается лѣта отъ Рождества Христова тысяча четыреста девяносто четвертаго».

Окончивъ просмотръ послѣднихъ записей и тщательно исправивъ ошибку въ числѣ принятыхъ подъ залогъ шерстяного товара лаштовъ продолговатаго стручковаго перцу, меккскаго имбирю и вязокъ корицы, мессэръ Чипріано съ усталымъ видомъ откинулся на спинку стула, закрылъ глаза и началъ обдумывать дѣловое письмо, которое предстояло ему послать главному прикащику на суконную ярмарку во Франціи, въ Монпелье.

Кто-то вошелъ въ лавку. Старикъ открылъ глаза и увидѣлъ своего мызника, поселянина Гриллo, который снималъ у него пахотную землю и виноградники на подгорной виллѣ Санъ-Джервазіо, въ долинѣ Муньоне.

Гриллo кланялся, держа въ рукахъ корзину съ темно-желтыми куриными яйцами, старательно переложенными соломою. У пояса его болтались два живыхъ молоденькихъ пѣтушка на связанныхъ лапкахъ, хохолками внизъ.

*

— А, Грилло!—молвилъ Буонаккорзи со свойственной ему любезностью, одинаковою въ обращеніи съ малыми и великими.—Какъ Господь милуетъ? Кажется, нынче весна дружная?

— Намъ, старикамъ, мессэре Чипріано, и весна не въ радость: кости еще хуже ноютъ,—въ могилу просятся.

— Вотъ къ свѣтлому празднику, — прибавилъ онъ помолчавъ,— яичекъ да пѣтушковъ вашей милости принесъ.

Грилло съ хитрою ласковостью щурилъ свои зеленоватые глазки, собирая вокругъ нихъ мелкія загорѣлыя морщины, какія бываютъ у людей, привыкшихъ къ солнцу и вѣтру.

Буонаккорзи, поблагодаривъ старика, началъ разспрашивать о дѣлахъ.

— Ну, что, готовы ли работники на мызѣ? Успѣемъ ли кончить до свѣту?

Грилло тяжело вздохнулъ и задумался, опираясь на палку, которую держалъ въ рукахъ.

— Все готово, и работниковъ довольно. Только вотъ что я вамъ доложу, мессэре, не лучше ли подождать?

— Ты же самъ, старикъ, намедни говорилъ, что ждать нельзя,— можетъ кто-нибудь раньше догадаться.

— Такъ-то оно такъ, а все таки страшно. Грѣхъ. Дни нынче святые, постные, а дѣло наше неладное...

— Ну, грѣхъ я на свою душу беру. Не бойся, я тебя не выдамъ. Только найдемъ ли что-нибудь?

— Какъ не найти! На то примѣты есть. Отцы и дѣды знали о холмѣ за мельницей у Мокрой Лощины. По ночамъ на Санъ-Джіованни огоньки бѣгаютъ. И то сказать: у насъ этой дряни всюду много. Вотъ, говорятъ, недавно, какъ рыли колодецъ въ виноградникѣ у Мариньолы, цѣлаго чорта вытащили изъ глины.

— Что ты говоришь? Какого чорта?

— Мѣднаго, съ рогами. Ноги шершавыя, козлиныя,—на концахъ копыта. А рыльце забавное,—точно смѣется, на одной ногѣ пляшетъ, пальцами прищелкиваетъ. Отъ старости весь позеленѣлъ, замшился.

— Что же съ нимъ сдѣлали?

— Колоколъ отлили для новой часовни Св. Архангела Михаила.

Мессэръ Чипріано едва не разсердился:

— Зачѣмъ же ты объ этомъ раньше не сказалъ мнѣ, Грилло?

— Вы въ Сіенну по дѣламъ уѣзжали.

— Ну, написалъ бы. Я бы прислалъ кого-нибудь. Самъ пріѣхалъ бы, никакихъ денегъ не пожалѣлъ бы, десять колоколовъ отлилъ бы имъ. Дураки! Колоколъ—изъ пляшущаго фавна, быть можетъ, древняго эллинскаго ваятеля Скопаса.

— Да, ужъ подлинно—дураки. Только не извольте гнѣваться, мессэръ Чипріано. Они и такъ наказаны: съ тѣхъ поръ, какъ новый ко-

колоколъ повѣсили, два года червь въ садахъ яблони и вишни ѣстъ, да на оливы неурожай. И голосъ у колокола нехорошій.

— Почему же нехорошій?

— Какъ вамъ сказать? Настоящаго звука нѣтъ. Сердца христіанскаго не радуетъ. Такъ что-то болтаетъ безъ толку. Дѣло извѣстное: какой же изъ чорта колоколъ! Не во гнѣвъ будь сказано вашей милости, мессэре, священникъ-то, пожалуй, правъ: изъ всей этой нечисти, что выкапываютъ, ничего добраго не выходитъ. Тутъ надо вести дѣло съ осторожностью, съ оглядкою. Крестомъ и молитвою ограждаться, ибо силенъ дьяволъ и хитеръ, собачій сынъ,—въ одно ухо влѣзетъ, въ другое вылѣзетъ. Вотъ хотя бы съ этой мраморной рукой, что въ прошломъ году Закелло у Мельничнаго Холма вырылъ,—попуталъ насъ нечистый, нажили мы съ нею бѣды, не дай Богъ,—и вспомнить страшно.

— Разскажи-ка, Грилло, какъ ты нашелъ ее?

— Дѣло было осенью, наканунѣ св. Мартина. Сѣли мы ужинать, и только что хозяйка поставила на столъ тюрю изъ поджареннаго хлѣба,—вбѣгаетъ въ горницу работникъ, кумовъ-племянникъ, Закелло. А надо вамъ сказать, что я въ тотъ вечеръ въ полѣ его оставилъ у Мельничнаго Холма, оливковую корчагу выворачивать,—коноплею то мѣсто хотѣлъ засѣять. «Хозяинъ, а хозяинъ!—лопочетъ Закелло, и лица на немъ нѣтъ: весь трясется, зубъ на зубъ не попадаетъ. «Господь съ тобой, малый!» «Недоброе,—говоритъ,—въ полѣ творится: покойникъ изъ подъ корчаги вылѣзаетъ. Если не вѣрите, пойдите, сами посмотрите». Взяли мы фонари и пошли.

Стемнѣло. Мѣсяцъ всталъ изъ-за рощи. Видимъ—корчага; рядомъ земля разрыта, и что-то въ ней бѣлѣетъ. Наклонился, смотрю—рука изъ земли торчитъ, бѣлая, и пальцы красивые, тонкіе, какъ у дѣвушекъ городскихъ. «Ахъ, пострѣлъ тебя возьми — думаю — это что за чертовщина?» Опустилъ фонарь въ яму, чтобы лучше разсмотрѣть, а рука-то зашевелилась, пальчиками поманила. Тутъ ужъ я не стерпѣлъ, закричалъ, ноги подкосились. А мона Бонда, бабушка, — она у насъ знахарка и повитуха, бодрая, хоть и древняя старушенка,—«чего вы всѣ испугались, дураки,—говоритъ,—развѣ не видите,—рука не живая и не мертвая, а каменная». Ухватилась, дернула и вытащила изъ земли, какъ рѣпу. Повыше кисти въ суставѣ рука была сломана. «Бабушка,—кричу,—ой, бабушка, оставь, не тронь, зароемъ поскорѣе въ землю, а то какъ бы бѣды не нажить». «Нѣтъ,—говоритъ,—такъ не ладно, а надо сначала въ церковь священнику отнести, пусть онъ заклятіе прочтетъ». Обманула меня старуха: священнику руки не отнесла, а въ свой ларь въ углу за очагомъ спрятала, гдѣ у нея всякая рухлядь была, тряпочки, мази, травы и ладонки. Я бранился, чтобы руку отдала, но мона Бонда заупрямилась. И стала съ тѣхъ поръ бабушка чудесныя творить исцѣленія. Заболятъ ли у кого зубы—идольской рукой только прикоснется къ щекѣ, и опухоль опа-

детъ. Отъ лихорадки, отъ живота, отъ падучей помогала. Если корова мучится, не можетъ родить, бабушка ей на брюхо каменную руку положитъ, корова замычитъ, и смотришь—теленочекъ уже въ соломѣ копошится.

Молва по окрестнымъ селеніямъ пошла. Много денегъ въ то время набрала старуха. Только проку не вышло: священникъ, отецъ Фаустино, не давалъ мнѣ спуска: въ церковь пойду—онъ меня на проповѣди при всѣхъ укоряетъ. Сыномъ погибели называлъ, слугою дьявола, епископу грозилъ пожаловаться, Св. Причастія лишить. И мальчишки за мною по улицѣ бѣгали, пальцами указывали: «вонъ идетъ Грилло, самъ Грилло колдунъ, а бабушка у него вѣдьма, оба душу чорту продали». Вѣрите ли, даже по ночамъ не было покоя: все мнѣ мраморная рука мерещится, будто бы подбирается, тихонько за шею беретъ, точно ласкаетъ, пальцы холодные, длинные, а потомъ, какъ вдругъ схватитъ, стиснетъ горло, начнетъ душить,—хочу крикнуть и не могу.

Э, думаю, шутки-то плохи. Всталъ я разъ до свѣту, и какъ бабушка на луга по росѣ пошла травы собирать, выломалъ замокъ у ларя, взялъ руку и вамъ отнесъ. Хотя старьевщикъ Лотто десять сольдовъ давалъ, а отъ васъ получилъ я только восемь, ну да для вашей милости мы не то что двухъ сольдовъ, а и живота своего не пожалѣемъ,—пошли вамъ Господь всякаго благовременія и мадоннѣ Анжеликѣ, и дѣткамъ, и внукамъ вашимъ.

— Да, судя по всему, что ты разсказываешь, Грилло, мы что-нибудь найдемъ въ Мельничномъ Холмѣ,—произнесъ мессэръ Чипріано въ раздумьи.

— Найти-то, найдемъ,—продолжалъ старикъ, опять тяжело вздохнувъ,—только вотъ какъ бы отецъ Фаустино не пронюхалъ. Ежели узнаетъ, расчешетъ онъ мнѣ голову безъ гребня такъ, что не поздоровится, да и вамъ помѣшаетъ: народъ взбунтуетъ, работы кончить не дастъ. Ну, да Богъ милостивъ. Только ужъ и вы меня не оставьте, благодѣтель, замолвите словечко у судьи.

— Это насчетъ того куска земли, который у тебя мельникъ хочетъ оттягать?

— Точно такъ, мессэре. Мельникъ—жила и пройдоха. Знаетъ, гдѣ у чорта хвостъ. Я, видите ли, телку судьѣ подарилъ, и онъ ему—телку, да стельную. Во время тяжбы она возьми и отелись. Перехитрилъ меня, плутъ. Вотъ я и боюсь, какъ бы судья не рѣшилъ въ его пользу, потому что телка-то бычкомъ отелилась на грѣхъ. Ужъ заступитесь, отецъ родной. Я вѣдь это только для вашей милости съ Мельничнымъ Холмомъ стараюсь,—ни для кого такого грѣха на душу не взялъ бы.

— Будь покоенъ, Грилло. Судья—мой пріятель, и я за тебя похлопочу. А теперь ступай. На кухнѣ тебя накормятъ и виномъ угостятъ. Сегодня ночью мы вмѣстѣ ѣдемъ въ Санъ-Джервазіо.

Старикъ, низко кланяясь, поблагодарилъ и ушелъ, а мессэръ Чи-

піано удалился въ свою маленькую рабочую комнату, рядомъ съ лавкой, куда никто не имѣлъ позволенія входить.

Здѣсь, какъ въ музеѣ, разставлены и развѣшаны были по стѣнамъ мраморы и бронзы. Древнія монеты и медали красовались на доскахъ, обитыхъ сукномъ. Обломки статуй, еще не разобранные, лежали въ ящикахъ. Черезъ свои многочисленныя торговыя конторы выписывалъ онъ древности отовсюду, гдѣ можно было ихъ найти: изъ Аѳинъ, Смирны и Галикарнасса, съ Кипра, Левкозіи и Родоса, изъ глубины Египта и Малой Азіи.

Оглянувъ сокровища свои, консулъ Калималы снова погрузился въ строгія, важныя мысли о таможенномъ налогѣ на шерсть и, все окончательно обдумавъ, сталъ сочинять письмо довѣренному въ Монпелье.

II.

Въ это время, въ глубинѣ склада, гдѣ тюки товара, наваленные до потолка, и днемъ освѣщались только лампадою, мерцавшею передъ Мадонною, бесѣдовали трое молодыхъ людей: Доффо, Антоніо и Джіованни. Доффо, прикащикъ мессэра Буонаккорзи, съ рыжими волосами, курносый и добродушно-веселый, записывалъ въ книгу число локтей смѣреннаго сукна. Антоніо да Винчи, старообразный юноша, со стеклянными рыбьими глазами, съ упрямо торчавшими космами жидкихъ черныхъ волосъ, проворно мѣрилъ ткань флорентинскою мѣрою длины—канною. Джіованни Бельтраффіо, ученикъ живописи, пріѣхавшій изъ Милана, юноша лѣтъ девятнадцати, робкій и застѣнчивый, съ большими невинными и печальными сѣрыми глазами, съ нерѣшительнымъ выраженіемъ лица, сидѣлъ на готовомъ тюкѣ, закинувъ ногу на ногу, и внимательно слушалъ.

— Вотъ до чего, братцы, дожили,—говорилъ Антоніо тихо и злобно,—языческихъ боговъ изъ земли стали выкапывать.

— Шотландской шерсти съ ворсомъ, коричневаго — тридцать два локтя, шесть пяденей, восемь ончій,— прибавилъ онъ, обращаясь къ Доффо, и тотъ записалъ въ товарную книгу. Потомъ, свернувъ смѣренный кусокъ, Антоніо бросилъ его сердито, но ловко, такъ что онъ попалъ какъ разъ туда, куда нужно, и, поднявъ указательный палецъ съ пророческимъ видомъ, подражая брату Джироламо Савонаролѣ, воскликнулъ:

— Gladius Dei super terram cito et velociter! Св. Іоанну на Патмосѣ было видѣніе: Ангелъ взялъ дракона, змія древняго, который есть дьяволъ, и сковалъ его на тысячу лѣтъ, и низвергъ въ бездну, и заключилъ, и положилъ надъ нимъ печать, дабы не прельщалъ народы, доколѣ не кончится тысяча лѣтъ, время и полъ-времени. Нынѣ сатана освобождается изъ темницы. Окончилась тысяча лѣтъ. Ложные боги, предтечи и слуги Антихриста, выходятъ изъ земли изъ подъ

печати Ангела, дабы обольщать народы. Горе живущимъ на землѣ и на морѣ!...

— Желтаго, брабантской шерсти, гладкаго — семнадцать локтей, четыре пядени, девять ончій.

— Какъ же вы разумѣете, Антоніо, — произнесъ Джіованни съ боязливымъ и жаднымъ любопытствомъ, — всѣ эти знаменія свидѣтельствуютъ...

— Да, да. Не иначе. Бодрствуйте! Время близко. И теперь уже не только древнихъ боговъ выкапываютъ, но и новыхъ творятъ на подобіе древнимъ. Нынѣшніе ваятели и живописцы служатъ Молоху, то-есть дьяволу. Изъ церкви Господней дѣлаютъ храмъ сатаны. На иконахъ, подъ видомъ мучениковъ и святыхъ, нечистыхъ боговъ изображаютъ, коимъ поклоняются: вмѣсто Іоанна Предтечи—Вакха, вмѣсто Матери Божьей — блудницу Венеру. Сжечь бы такія картины и по вѣтру пепелъ развѣять!

Въ рыбьихъ, тусклыхъ глазахъ благочестиваго прикащика вспыхнулъ мрачный огонь.

Джіованни молчалъ, не смѣя возражать, съ безпомощнымъ усиліемъ мысли сжимая свои тонкія дѣтскія брови.

— Антоніо,—молвилъ онъ наконецъ,—слышалъ я, будто бы вашъ двоюродный братъ, мессэръ Леонардо да-Винчи, принимаетъ иногда учениковъ въ свою мастерскую. Я давно хотѣлъ...

— Если хочешь,—перебилъ его Антоніо, нахмурившись,—если хочешь, Джіованни, погубить душу свою—ступай къ мессэру Леонардо.

— Какъ? Почему?

— Хотя онъ и братъ мнѣ, и старше меня на двадцать лѣтъ, но въ Писаніи сказано: еретика, послѣ перваго и втораго вразумленія, отвращайся. Мессэръ Леонардо—еретикъ и безбожникъ. Умъ его омраченъ сатанинскою гордостью. Посредствомъ математики и черной магіи мыслитъ онъ проникнуть въ тайны природы.

И поднявъ глаза къ небу, онъ привелъ слова Савонаролы изъ послѣдней проповѣди:

— Мудрость вѣка сего — безуміе предъ Господомъ. Знаемъ мы этихъ ученыхъ: всѣ грядутъ въ жилище сатаны—tutti vanno al casa del diabolo.

— А слышали вы, Антоніо, — продолжалъ Джіованни, еще болѣе робко, — мессэръ Леонардо теперь здѣсь, во Флоренціи. Только-что пріѣхалъ изъ Милана.

— Зачѣмъ?

— Герцогъ прислалъ, чтобы развѣдать, нельзя ли купить нѣкоторыя изъ картинъ, принадлежавшихъ покойному Лоренцо Великолѣпному.

— Здѣсь такъ здѣсь. Мнѣ все равно,—перебилъ Антоніо, отвернувшись и еще усерднѣе принимаясь отмѣривать на каннѣ кусокъ зеленаго сукна.

Въ церквахъ зазвонили къ повечерію. Доффо радостно потянулся и захлопнулъ книгу. Работа была кончена. Лавки запирались.

Джіованни вышелъ на улицу. Между мокрыми крышами было сѣрое небо съ едва уловимымъ розовымъ оттѣнкомъ вечера. Въ безвѣтренномъ воздухѣ сѣялъ мелкій дождь.

Вдругъ изъ открытаго окна въ сосѣднемъ переулкѣ послышалась пѣсня:

O vaghe montanine e pasturelle.
О, дѣвы горъ, о милыя пастушки.

Голосъ былъ молодой и звонкій. Джіованни догадался по равномѣрному звуку подножки, что поетъ ткачиха за станкомъ, вытягивая набилку.

Онъ заслушался, вспомнилъ, что теперь весна, и почувствовалъ, какъ сердце его бьется отъ безпричиннаго умиленія и грусти.

— Нанна! Нанна! Да гдѣ же ты, чортова дѣвка? Оглохла, что-ли? Ужинать ступай. Лапша простынетъ.

Деревянные башмаки—«цокколи» бойко застучали по кирпичному полу,—и все умолкло.

Джіованни стоялъ еще долго, смотрѣлъ на пустое окно, и въ ушахъ его звучалъ весенній напѣвъ, подобный переливамъ далекой свирѣли—

O vaghe montanine e pasturelle.

Потомъ тихо вздохнулъ, вошелъ въ домъ консула Калималы и по крутой лѣстницѣ съ гнилыми, шаткими перилами, изъѣденными червоточиной, поднялся въ большую комнату, служившею библіотекой, гдѣ сидѣлъ, согнувшись за письменнымъ поставцомъ, Джіорджіо Мэрула, придворный лѣтописецъ миланскаго герцога.

III.

Мэрула пріѣхалъ во Флоренцію, по порученію государя, для покупки рѣдкихъ сочиненій изъ книгохранилища Лоренцо Медичи и, какъ всегда, остановился въ домѣ друга своего, такого же, какъ онъ, любителя древностей, мессэра Чипріано Буонаккорзи. Съ Джіованни Бельтраффіо ученый историкъ познакомился случайно на постояломъ дворѣ, по пути изъ Милана, и, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему, Мэрулѣ, нуженъ хорошій переписчикъ, а у Джіованни почеркъ красивый и чоткій, взялъ его съ собою въ домъ Чипріано.

Когда Джіованни входилъ въ комнату, Мэрула тщательно разсматривалъ истрепанную книгу, похожую на церковный требникъ или псалтырь. Онъ осторожно проводилъ влажною губкою по тонкому пергаменту, самому нѣжному, изъ кожи мертворожденнаго ирландскаго ягненка,—нѣкоторыя строки стиралъ пемзою, выглаживалъ лезвіемъ ножа и лощилъ, потомъ опять разсматривалъ, подымая къ свѣту.

— Миленькія!—бормоталъ онъ себѣ подъ носъ, захлебываясь отъ

умиленія,—ну-ка, выходите, бѣдныя, выходите на свѣтъ Божій. Да какія же вы длинныя, красивыя!

Онъ прищелкнулъ двумя пальцами и поднялъ отъ работы плѣшивую голову съ одутловатымъ лицомъ, съ мягкими, подвижными морщинами, съ багрово-сизымъ носомъ, съ маленькими свинцовыми глазками, полными жизни и неугомонной веселости. Рядомъ, на подоконникѣ, стоялъ глиняный кувшинъ и стаканъ. Ученый налилъ себѣ вина, выпилъ, крякнулъ и хотѣлъ опять погрузиться въ работу, когда увидѣлъ Джіованни.

— Здравствуй, монашекъ!—привѣтствовалъ его старикъ шутливо. Монашкомъ называлъ онъ Джіованни за скромность.—Я по тебѣ соскучился. Думаю, гдѣ пропадаетъ? Ужъ не влюбился ли, чего добраго? Дѣвочки-то во Флоренціи славныя. Влюбиться не грѣхъ. А я тоже времени даромъ не теряю. Ты этакой забавной штучки отъ роду, пожалуй, не видывалъ. Хочешь, покажу? Или нѣтъ,—еще разболтаешь. Я вѣдь у жида, старьевщика за грошъ купилъ,—среди хлама нашелъ. Ну, да ужъ куда ни шло, тебѣ одному покажу.

Онъ таинственно поманилъ его пальцемъ:

— Сюда, сюда, поближе къ свѣту.

И указалъ на страницу, покрытую тѣсными, остроугольными буквами церковнаго письма. Это были акафисты, молитвы, псалмы съ громадными, неуклюжими нотами для пѣнія.

Потомъ взялъ у него книгу, открылъ на другомъ мѣстѣ, поднялъ къ свѣту почти въ уровень съ его глазами, и Джіованни замѣтилъ, какъ тамъ, гдѣ Мэрула соскоблилъ церковныя буквы, появились иныя, почти неуловимыя строки, безцвѣтные отпечатки древняго письма, углубленія въ пергаментѣ,—не буквы, а только призраки давно исчезнувшихъ буквъ, блѣдные и нѣжные.

— Что? Видишь, видишь?—повторялъ Мэрула съ торжествомъ.—Вотъ онѣ, голубчики. Говорилъ я тебѣ, монашекъ, веселая штучка!

— Что это? Откуда?—спросилъ Джіованни.

— Самъ еще не знаю. Кажется, отрывки изъ древней антологіи. Можетъ быть, и новыя, невѣдомыя міру сокровища эллинской музы. А, вѣдь, если бы не я, такъ бы и не увидѣть имъ свѣта Божьяго! Пролежали бы до скончанія вѣковъ подъ антифонами и покаянными псалмами.

И Мэрула объяснилъ ему, что какой-нибудь средневѣковой монахъ-переписчикъ, желая воспользоваться драгоцѣннымъ пергаментомъ, соскоблилъ древнія языческія строки и написалъ по нимъ новыя.

Солнце, не разрывая дождливой пелены, а только просвѣчивая, наполнило комнату угасающимъ розовымъ отблескомъ, и въ немъ углубленные отпечатки, тѣни древнихъ буквъ, выступали еще яснѣе.

— Видишь, видишь, покойники выходятъ изъ могилъ!—повторялъ Мэрула съ восторгомъ.—Кажется, гимнъ олимпійцамъ. Вотъ, смотри, можно прочесть первыя строки.

И онъ перевелъ ему съ греческаго:

Слава любезному, пышно-вѣнчанному гроздьями Вакху,
Слава тебѣ, дальномечущій Фебъ, сребролукій, ужасный,
Богъ лѣпокудрый, убійца сыновъ Ніобеи.

— А вотъ и гимнъ Венерѣ, которой ты такъ боишься, монашекъ. Только трудно разобрать.

Слава тебѣ, златоногая мать Афродита,
Радость боговъ и людей...

Стихъ обрывался, исчезая подъ церковнымъ письмомъ.

Джіованни опустилъ книгу, и отпечатки буквъ побѣднѣли, углубленія стерлись, утонули въ гладкой желтизнѣ пергамента,—тѣни скрылись. Видны были только ясныя, жирныя, черныя буквы монастырскаго требника и громадныя, крючковатыя, неуклюжія ноты покаяннаго псалма.

«Услышь, Боже, молитву мою, внемли мнѣ и услышь меня. Я стенаю въ горести моей и смущаюсь: сердце мое трепещетъ во мнѣ, и смертные ужасы напали на меня».

Розовый отблескъ потухъ, и въ комнатѣ стало темнѣть. Мэрула налилъ вина изъ глинянаго кувшина, выпилъ и предложилъ собесѣднику.

— Ну-ка, братецъ, за мое здоровье: vinum super omnia bonum diligamus!

Джіованни отказался.

— Ну, Богъ съ тобой. Такъ я за тебя выпью... Да что это ты, монашекъ, какой сегодня скучный, точно въ воду опущенный? Или опять этотъ святоша Антоніо пророчествами напугалъ? Плюнь ты на нихъ, Джіованни, право плюнь. И чего каркаютъ, ханжи, чтобъ имъ пусто было! Признавайся, говорилъ ты съ Антоніо?

— Говорилъ...

— О чемъ?

— Объ антихристѣ и мессэрѣ Леонардо да Винчи.

— Ну, вотъ! Да ты только и бредишь Леонардо. Околдовалъ онъ тебя, что ли? Слушай, братъ, выкинь дурь изъ головы. Оставайся-ка моимъ секретаремъ: я тебя живо въ люди выведу,—латыни научу, законовѣдомъ сдѣлаю, ораторомъ или придворнымъ стихотворцемъ, разбогатѣешь, славы достигнешь. Ну, что такое живопись? Еще философъ Сенека называлъ ее ремесломъ, недостойнымъ свободнаго человѣка. Посмотри на художниковъ—все люди невѣжественные, грубые...

— Я слышалъ,—возразилъ Джіованни,—что мессэръ Леонардо—великій ученый.

— Ученый? Какъ бы не такъ! Да онъ и по латынѣ-то читать не умѣетъ. Цицерона съ Квинтиліаломъ смѣшиваетъ, а греческаго и не нюхалъ. Вотъ такъ ученый! Курамъ на смѣхъ.

— Говорятъ, — не унимался Бельтраффіо, — что онъ изобрѣтаетъ чудесныя машины, и что его наблюденія надъ природою...

— Машины, наблюденія! Ну, братъ, съ этимъ далеко не уйдешь. Въ моихъ «Красотахъ латинскаго языка»—«Elegantiae linguae latinae»—собрано болѣе двухъ тысячъ новыхъ изящнѣйшихъ оборотовъ рѣчи. Такъ знаешь ли ты, чего мнѣ это стоило?... А хитрые колесики въ машинкахъ прилаживать, посматривать, какъ птицы въ небѣ летаютъ, травы въ полѣ ростутъ—это не наука, а забава, игра для дѣтей!

Старикъ помолчалъ. Лицо его сдѣлалось строже. Взявъ собесѣдника за руку, онъ промолвилъ съ тихою важностью:

— Слушай, Джіованни, и намотай себѣ на усъ. Учителя наши — древніе греки и римляне. Они сдѣлали все, что люди могутъ сдѣлать на землѣ. Намъ же остается только слѣдовать за ними и подражать. Ибо сказано: ученикъ не выше своего учителя.

Онъ отхлебнулъ вина, заглянулъ прямо въ глаза Джіованни съ веселымъ лукавствомъ, и вдругъ мягкія морщины его расплылись въ широкую улыбку:

— Эхъ, молодость, молодость! Гляжу я на тебя, монашекъ, и завидую. Распуколка весенняя—вотъ ты кто! Вина не пьетъ, отъ женщинъ бѣгаетъ. Тихоня, смиренникъ. А внутри — бѣсъ. Я вѣдь тебя насквозь вижу. Подожди, голубчикъ, выйдетъ наружу, выйдетъ бѣсъ. Самъ ты скучный, а съ тобой весело. Ты теперь, Джіованни, вотъ какъ эта книга. Видишь, — сверху псалмы покаянные, а подъ ними гимнъ Афродитѣ!

— Стемнѣло, мессэръ Джіорджіо. Не пора ли огонь зажигать?

— Подожди,—ничего. Я въ сумеркахъ люблю поболтать, молодость вспомнить.

Языкъ его тяжелѣлъ, рѣчь становилась неясной.

— Знаю, другъ любезный,—продолжалъ онъ,—ты вотъ смотришь на меня и думаешь: напился, старый хрычъ, вздоръ мелетъ. А, вѣдь у меня здѣсь тоже кое-что есть.

Онъ самодовольно указалъ пальцемъ на свой плѣшивый лобъ.

— Хвастать не люблю—ну, а спроси перваго школяра: онъ тебѣ скажетъ, превзошелъ ли кто Мэрулу въ изяществахъ латинской рѣчи. Кто открылъ Мартіала? — продолжалъ онъ, все болѣе увлекаясь, — кто прочелъ знаменитую надпись на развалинахъ Тибуртинскихъ воротъ? Залѣзешь, бывало, такъ высоко, что голова кружится, камень сорвется изъ-подъ ноги—едва успѣешь за кустъ уцѣпиться, чтобы самому не слетѣть. Цѣлые дни мучаешься на припекѣ, разбираешь древнія надписи и списываешь. Пройдутъ хорошенькія поселянки, хохочутъ: «посмотрите-ка, дѣвушки, какой сидитъ перепелъ—вонъ, куда забрался, дуракъ, должно быть клада ищетъ!» Полюбезничаешь съ ними,—пройдутъ—и опять за работу. Гдѣ камни осыпались, подъ плющомъ и терновникомъ—только два слова: gloria Romanorum.

И, какъ будто вслушиваясь въ звуки давно умолкшихъ, великихъ словъ, повторилъ онъ глухо и торжественно:

— Gloria Romanorum! Слава римлянъ!

— Э, да что вспоминать,—все равно не воротишь,—махнулъ онъ рукой и, подымая стаканъ, хриплымъ голосомъ затянулъ застольный гимнъ школяровъ:

Не обмолвлюсь на тощакъ
Ни единой строчкой.
Я всю жизнь ходилъ въ кабакъ
И умру за бочкой.
Какъ вино, я пѣснь люблю
И латинскихъ грацій,—
Если жъ пью, то и пою
Лучше, чѣмъ Горацій.
Въ сердцѣ буйный хмѣль шумитъ,
Dum vinum potamus,—
Братья, Вакху пропоемъ:
Te Deum laudamus

Старикъ закашлялся и не кончилъ.

Въ комнатѣ было уже совсѣмъ темно. Джіованни съ трудомъ различалъ лицо собесѣдника.

Дождь пошелъ сильнѣе и слышно было, какъ частыя капли изъ водосточной трубы шлепаютъ, падая въ лужу.

— Такъ вотъ какъ, монашекъ,—бормоталъ Мэрула заплетающимся языкомъ.—Что, бишь, я говорилъ? Жена у меня красавица. Нѣтъ, не то. Погоди. Да, да... Помнишь стихъ:

Tu regere imperio populos, Romane, memento.

— Слушай, это были исполинскіе люди! Повелители вселенной!..

Голосъ его дрогнулъ, и Джіованни показалось, что на глазахъ мессэра Джіорджіо блеснули слезы.

— Да, исполинскіе люди! А теперь—стыдно сказать... Хоть бы этотъ нашъ герцогъ миланскій Лодовико Моро. Конечно, я у него на жалованьѣ, исторію, пишу на подобіе Тита Ливія,—съ Помпеемъ и Цезаремъ сравниваю зайца трусливаго, выскочку. Но въ душѣ, Джіованни, въ душѣ у меня...

По привычкѣ стараго придворнаго, онъ подозрительно оглянулся на дверь—не подслушиваетъ ли кто-нибудь—и, наклонившись къ собесѣднику, прошепталъ ему на ухо:

— Въ душѣ стараго Мэрула не угасла и никогда не угаснетъ любовь къ свободѣ. Только ты объ этомъ никому не говори. Времена нынѣче скверныя. Хуже не бывало. И что это за людишки—смотрѣть тошно,—плѣсень, отъ земли не видать. А, вѣдь, тоже носъ задираютъ, съ древними равняются! И чѣмъ, подумаешь, взяли, чему радуются? Вонъ, мнѣ одинъ пріятель изъ Греціи пишетъ: недавно на островѣ Хіосѣ монастырскія прачки по зарѣ, какъ бѣлье полоскали, на мор-

скомъ берегу настоящаго древняго бога нашли, тритона съ рыбьимъ хвостомъ, съ плавниками, въ чешуѣ. Испугались дуры. Подумали — чортъ,—убѣжали. А потомъ видятъ—старый онъ, слабый, должно быть, больной, лежитъ ничкомъ на пескѣ, зябнетъ и спину зеленую чешуйчатую на солнцѣ грѣетъ. Голова сѣдая, глаза мутные, какъ у грудныхъ дѣтей. Расхрабрились, подлыя, обступили его съ христіанскими молитвами, да и ну колотить во славу Святой Троицы вальками. До смерти избили, какъ собаку, древняго бога, послѣдняго изъ могучихъ боговъ Океана, быть можетъ, внука Поссейдонова.

Старикъ замолчалъ, уныло понурилъ голову, и по щекамъ его скатились двѣ пьяныя слезы отъ жалости къ морскому чуду, убитому христіанскими прачками.

Слуга принесъ огонь и закрылъ ставни. Языческіе призраки улетѣли.

Позвали ужинать. Но Мэрула такъ отяжелѣлъ отъ вина, что его должны были отвести подъ руки въ постель.

Бельтраффіо долго не могъ заснуть въ эту ночь и, прислушиваясь къ безмятежному храпу мессэра Джіорджіо, думалъ о томъ, что въ послѣднее время его больше всего занимало, о Леонардо да Винчи.

IV.

Во Флоренцію пріѣхалъ Джіованни изъ Милана, по порученію своего дяди Освальда Ингрима, стекольщика, чтобы купить красокъ, особенно яркихъ и прозрачныхъ, какихъ нельзя было достать нигдѣ, кромѣ Флоренціи.

Стекольщикъ - живописецъ — magistro a vitriatis, родомъ изъ Граца, ученикъ знаменитаго страсбургскаго мастера Іоганна Кирхгейма, Освальдъ Ингримъ, работалъ надъ окнами Сѣверной ризницы миланскаго собора. Джіованни, сирота, незаконный сынъ его брата, каменщика Рейнольда Ингрима, получилъ имя Бельтраффіо отъ матери своей, уроженки Ломбардіи, которая, по словамъ дяди, была распутною женщиной и вовлекла въ погибель отца его.

Въ домѣ угрюмаго дяди росъ Онъ одинокимъ запуганнымъ ребенкомъ. Душу его омрачали безконечные разсказы Освальда Ингрима о всякихъ нечистыхъ силахъ, бѣсахъ, вѣдьмахъ, колдунахъ и оборотняхъ. Особенный ужасъ внушало мальчику преданіе, сложенное сѣверными людьми въ языческой Италіи, о женообразномъ демонѣ,—такъ называемой Бѣлобрысой Матери или Бѣлой Дьяволицѣ.

Еще въ раннемъ дѣтствѣ, когда Джіованни плакалъ ночью въ постели, дядя Ингримъ пугалъ его Бѣлой Дьяволицей, и ребенокъ тотчасъ утихалъ, пряталъ голову подъ подушку, но сквозь трепетъ ужаса чувствовалъ любопытство, желаніе когда-нибудь увидѣть Бѣлобрысую лицомъ къ лицу.

Освальдъ отдалъ племянника на выучку монаху-иконописцу, фра Бенедетто.

Это былъ простодушный и добрый старикъ. Онъ училъ, прежде всего, приступая къ живописи, призывать на помощь всемогущаго Бога, возлюбленную заступницу грѣшныхъ, Дѣву Марію, св. евангелиста Луку, перваго христіанскаго живописца и всѣхъ святыхъ рая; затѣмъ украшаться одѣяніемъ любви, страха, послушанія и терпѣнія; наконецъ, заправлять темперу для красокъ на яичномъ желткѣ и молочномъ соку молодыхъ вѣтокъ смоковницы съ водой и виномъ, приготовлять дощечки для картинъ изъ стараго фиговаго или буковаго дерева, протирая ихъ порошкомъ изъ жженой кости, причемъ предпочтительнѣе употреблять кости изъ реберъ и крыльевъ куръ и каплуновъ, или реберъ и плечъ барана.

Это были неисчерпаемыя, подробныя наставленія. Джіованни зналъ заранѣе, съ какимъ пренебрежительнымъ видомъ фра Бенедетто подыметъ брови, когда рѣчь зайдетъ о краскѣ, именуемой драконовой кровью, и непремѣнно скажетъ: «оставь ее и не очень печалься о ней; она не можетъ принести тебѣ много чести». Онъ угадывалъ, что тѣ же слова говорилъ и учитель фра Бенедетто, и учитель его учителя. Столь же неизмѣнной была улыбка тихой гордости, когда фра Бенедетто повѣрялъ ему тайны мастерства, которыя казались монаху предѣломъ всѣхъ человѣческихъ художествъ и хитростей: какъ, напримѣръ, для состава промазки при изображеніи молодыхъ лицъ должно брать яйца городскихъ куръ, потому что желтки у нихъ свѣтлѣе, нежели у сельскихъ, которыя, вслѣдствіе своего красноватаго цвѣта, идутъ болѣе для изображенія стараго смуглаго тѣла.

Несмотря на всѣ эти тонкости, фра Бенедетто оставался художникомъ безхитростнымъ, какъ дитя. Къ работѣ готовился постами и бдѣніями. Приступая къ ней, падалъ ницъ и молился, испрашивая у Господа силы и разумѣнія. Каждый разъ, какъ онъ изображалъ Распятіе, лицо его обливалось слезами.

Джіованни любилъ учителя и нѣкогда почиталъ его величайшимъ изъ мастеровъ. Но въ послѣднее время находило на ученика смущеніе, когда, объясняя свое единственное правило изъ анатоміи, — что длину мужского тѣла должно полагать въ восемь лицъ и двѣ трети лица,—фра Бенедетто прибавлялъ съ тѣмъ же пренебрежительнымъ видомъ, какъ о драконовой крови: «что касается до тѣла женщины,— лучше оставимъ его въ сторонѣ, ибо оно не имѣетъ въ себѣ ничего соразмѣрнаго». Онъ былъ убѣжденъ въ этомъ такъ же непоколебимо, какъ въ томъ, что у рыбъ и вообще у всѣхъ неразумныхъ животныхъ сверху—темный цвѣтъ, а снизу свѣтлый; или въ томъ, что у мужчины однимъ ребромъ меньше, чѣмъ у женщины, такъ какъ Богъ вынулъ ребро Адама, чтобы создать Еву.

Однажды понадобилось ему представить четыре стихіи посредствомъ аллегорій, обозначивъ каждую какимъ-нибудь животнымъ. Фра Бенедетто выбралъ крота для земли, рыбу для воды, са-

ламандру для огня и хамелеона для воздуха. Но полагая, что слово хамелеонъ есть увеличительное отъ camelo, которое значитъ по-итальянски верблюдъ,—монахъ въ простотѣ сердца представилъ стихію воздуха, изобразивъ верблюда, который открываетъ пасть, чтобы лучше дышать. Когда же молодые художники стали смѣяться надъ нимъ, указывая на ошибку, онъ терпѣлъ насмѣшки съ христіанскою кротостью, оставаясь при убѣжденіи, что между верблюдомъ и хамелеономъ нѣтъ разницы.

Таковы были и остальныя познанія благочестиваго мастера о природѣ.

Давно уже въ сердце Джіованни проникли сомнѣнія,—новый мятежный духъ, «бѣсъ мірского любомудрія», по выраженію монаха. Когда же ученику фра Бенедетто незадолго до поѣздки во Флоренцію случилось увидѣть нѣкоторые изъ рисунковъ Леонардо да Винчи, эти сомнѣнія нахлынули въ душу его съ такою силою, что онъ болѣе не могъ имъ противиться.

Въ ту ночь, лежа рядомъ съ мирно-храпѣвшимъ мессэромъ Джіорджіо, въ тысячный разъ перебиралъ онъ въ умѣ своемъ эти мысли, но, чѣмъ болѣе углублялся въ нихъ, тѣмъ болѣе запутывался.

Тогда рѣшилъ онъ прибѣгнуть къ помощи небесной и, устремляя взоръ, полный надежды, въ непроницаемую темноту ночи, сталъ молиться такъ:

— Господи, помоги мнѣ и не оставь меня! Если мессэръ Леонардо—человѣкъ въ самомъ дѣлѣ безбожный, и въ наукѣ его—грѣхъ и соблазнъ, сдѣлай такъ, чтобы я о немъ больше не думалъ и о рисункахъ его забылъ. Избавь меня отъ искушеній, ибо я не хочу согрѣшить передъ Тобою. Но, если можно, угождая Тебѣ и прославляя имя Твое въ благородномъ искусствѣ живописи, знать все чего фра Бенедетто не знаетъ и что мнѣ такъ сильно хочется знать: и анатомію, и перспективу, и прекраснѣйшіе законы свѣта и тѣни,—тогда, о Господи, дай мнѣ твердую волю, просвѣти мою душу, чтобы я уже болѣе не сомнѣвался; сдѣлай такъ, чтобы и мессэръ Леонардо принялъ меня въ свою мастерскую, и чтобы фра Бенедетто — онъ такой добрый — простилъ меня и понялъ, что я ни въ чемъ передъ Тобою не виновенъ.

Послѣ молитвы Джіованни почувствовалъ отраду и успокоился. Мысли его сдѣлались неясными: онъ вспомнилъ, какъ въ рукахъ стекольщика раскаленное до бѣла желѣзное остріе наждака впивается и, съ пріятнымъ шипящимъ звономъ, рѣжетъ стекло; увидѣлъ, какъ изъ подъ струга выходятъ, извиваясь, гибкія свинцовыя полосы, которыми соединяютъ въ рамахъ отдѣльные куски раскрашенныхъ стеколъ. Чей-то голосъ, похожій на голосъ дяди, сказалъ: «зазубринъ, побольше зазубринъ по краямъ, тогда стекло крѣпче держится»,—и все исчезло. Онъ повернулся на другой бокъ и заснулъ.

Джіованни увидѣлъ сонъ, которой впослѣдствіи часто вспоминалъ:

ему казалось, что онъ стоитъ въ сумракѣ громаднаго собора передъ окномъ съ разноцвѣтными стеклами. На нихъ изображена была виноградная жатва таинственной лозы, о которой сказано въ Евангеліи: «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отецъ мой виноградарь». Нагое тѣло Распятаго лежитъ въ точилѣ, и кровь льется изъ ранъ. Папы, кардиналы, императоры собираютъ ее, наполняютъ и катятъ бочки. Апостолы приносятъ гроздья, св. Петръ топчетъ ихъ. Въ глубинѣ пророки, патріархи окапываютъ лозы или срѣзаютъ виноградъ. И съ чаномъ вина проѣзжаетъ колесница, въ которую запряжены евангельскіе звѣри—левъ, быкъ, орелъ, правитъ же ею ангелъ св. Матѳея. Стекла съ подобными аллегоріями Джіованни встрѣчалъ въ мастерской своего дяди. Но нигдѣ онъ не видалъ такихъ красокъ,—темныхъ и въ то же время яркихъ, какъ драгоцѣнныя каменья. Всего больше наслаждался онъ алымъ цвѣтомъ крови Господней. А изъ глубины собора долетали слабые, нѣжные звуки его любимой пѣсни:

O fior di castitate,
Odorifero giglio,
Con gran soavitate
Sei di color vermiglio.
Цвѣтокъ цѣломудрія,
Душистая лилія,
О, полная нѣгою,
Багровая лилія!

Но пѣснь умолкла, стекло потемнѣло,—голосъ прикащика Антоніо да Винчи сказалъ ему на ухо: «бѣги, Джіованни, бѣги! *Она*—здѣсь!» Онъ хотѣлъ спросить «кто?», но понялъ, что Бѣлобрысая у него за спиною. Повѣяло холодомъ, и вдругъ тяжелая, нечеловѣческая рука схватила его за шею сзади и стала душить. Ему казалось, что онъ умираетъ.

Онъ вскрикнулъ, проснулся и увидѣлъ мессэра Джіорджіо, который стоялъ надъ нимъ и стаскивалъ съ него одѣяло:

— Вставай, вставай, а то безъ насъ уѣдутъ. Давно пора.

— Куда? Что такое?—бормоталъ Джіованни въ просонкахъ.

— Развѣ забылъ? На виллу въ Санъ-Джервазіо, раскапывать Мельничный Холмъ.

— Я не поѣду...

— Какъ не поѣдешь? Даромъ я тебя будилъ, что ли? Нарочно велѣлъ чернаго мула осѣдлать, чтобы удобнѣе было ѣхать вдвоемъ. Да ну же, вставай, сдѣлай милость, не упрямься! Чего ты боишься, монашекъ?

— Я ничуть не боюсь, но мнѣ просто не хочется...

— Послушай, Джіованни: тамъ будетъ этотъ твой хваленый мастеръ Леонардо да Винчи.

Джіованни вскочилъ и, не возражая болѣе, сталъ одѣваться.

Они вышли на дворъ.

Все уже было готово къ отъѣзду. Расторопный Грилло давалъ совѣты, бѣгалъ и суетился. Тронулись въ путь.

Нѣсколько человѣкъ, знакомыхъ мессэра Чипріано, въ томъ числѣ Леонардо да Винчи, должны были пріѣхать позже, другою дорогою, прямо въ Санъ-Джерваэіо.

V.

Дождь пересталъ. Сѣверный вѣтеръ разогналъ тучи. Въ безлунномъ небѣ звѣзды мигали, какъ лампадные огни, задуваемые вѣтромъ.

Смоляные факелы дымились и трещали, разбрасывая искры.

По улицѣ Рикасоли, мимо Санъ-Марко, подъѣхали они къ зубчатой башнѣ воротъ Санъ-Галло. Сторожа долго спорили, ругались, не понимая спросонья, въ чемъ дѣло, и, только благодаря хорошей взяткѣ, согласились выпустить ихъ изъ города.

Дорога шла узкою, глубокою долиною потока Муньоне. Миновавъ нѣсколько бѣдныхъ селеній, съ такими же тѣсными улицами, какъ во Флоренціи, съ высокими домами, похожими на крѣпости, сложенными изъ грубоотесанныхъ камней, путники въѣхали въ оливковую рощу, принадлежавшую поселянамъ Санъ-Джерваэіо, спѣшились на перекресткѣ двухъ дорогъ и по винограднику мессэра Чипріано подошли къ Мельничному Холму.

Здѣсь ожидали ихъ работники съ лопатами и заступами.

За холмомъ, по ту сторону болота, называвшагося Мокрой Лощиной, неясно бѣлѣли въ темнотѣ между деревьями стѣны виллы Буонаккорзи. Внизу, на Муньоне, была водяная мельница. Стройные кипарисы чернѣли на вершинѣ холма.

Грилло указалъ, гдѣ, по его мнѣнію, слѣдуетъ копать. Мэрула указывалъ на другое мѣсто, у подошвы холма, гдѣ нашли мраморную руку. А старшій работникъ, садовникъ Строкко, утверждалъ, что слѣдуетъ рыть внизу, у Мокрой Лощины, такъ какъ, по его словамъ: «всегда нечисть ближе къ болоту водится».

Мессэръ Чипріано велѣлъ копать тамъ, гдѣ совѣтовалъ Грилло.

Застучали лопаты. Запахло разрытою землею.

Летучая мышь едва не задѣла крыломъ лицо Джіованни. Онъ вздрогнулъ.

— Не бойся, монашекъ, не бойся!—ободряя, похлопалъ его Мэрула по плечу.—Никакого чорта не найдемъ. Если бы еще не этотъ оселъ Грилло... Слава Богу, мы не на такихъ раскопкахъ бывали! Вотъ, напримѣръ, въ Римѣ, въ четыреста пятидесятую олимпіаду—Мэрула, пренебрегая христіанскимъ лѣтосчисленіемъ, употреблялъ древне-греческое,—при папѣ Иннокентіи VIII, на Аппіевой дорогѣ, близъ памятника Цециліи Метеллы, въ древнемъ римскомъ саркофагѣ съ надписью

«Юлія, дочь Клавдія», ломбардскіе землекопы нашли тѣло, покрытое воскомъ, дѣвушки лѣтъ пятнадцати, какъ будто спящей. Румянецъ жизни не сошелъ съ лица ея. Казалось, что она дышетъ. Несмѣтная толпа не отходила отъ гроба. Изъ далекихъ странъ пріѣзжали взглянуть на нее, ибо Юлія была такъ прекрасна, что еслибы можно было описать прелесть ея, то не видѣвшіе не повѣрили бы. Папа испугался, узнавъ, что народъ поклоняется мертвой язычницѣ, и велѣлъ ночью тайно похоронить ее у воротъ Пинчіанскихъ. Такъ вотъ, братецъ, какія раскопки бываютъ!

Мэрула съ презрѣніемъ взглянулъ на яму, которая быстро углублялась.

Вдругъ лопата одного изъ работниковъ зазвенѣла. Всѣ наклонились.

— Кости!—проговорилъ садовникъ.—Кладбище сюда въ старину доходило.

Въ Санъ-Джервазіо послышался унылый, протяжный вой собаки.

— Могилу осквернили,—подумалъ Джіованни.—Ну ихъ совсѣмъ! Уйти отъ грѣха...

— Остовъ лошадиный,—прибавилъ Строкко злорадно и вышвырнулъ изъ ямы полусгнившій продолговатый черепъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Грилло, ты, кажется, ошибся,—сказалъ мессэръ Чипріано.—Не попытаться ли въ другомъ мѣстѣ?

— Еще бы! Охота дурака слушать,—произнесъ Мэрула и, взявъ двухъ работниковъ, пошелъ копать внизу, у подошвы холма. Строкко, также на зло упрямому Грилло, увелъ нѣсколькихъ людей, желая начать поиски въ Мокрой Лощинѣ.

Черезъ нѣкоторое время мессэръ Джіорджіо воскликнулъ, торжествуя:

— Вотъ, вотъ смотрите! Я зналъ, гдѣ надо рыть!..

Всѣ бросились къ нему. Но находка оказалась нелюбопытною: осколокъ мрамора былъ обыкновеннымъ камнемъ.

Тѣмъ не менѣе, никто не возвращался къ Грилло, и, чувствуя себя опозореннымъ, стоя на днѣ ямы, онъ при свѣтѣ разбитаго фонаря продолжалъ упорно и безнадежно ковырять лопатою землю.

Вѣтеръ стихъ. Въ воздухѣ теплѣло. Туманъ поднялся надъ Мокрою Лощиною. Пахло стоячею водою, желтыми весенними цвѣтами и фіалками. Небо сдѣлалось прозрачнѣе. Пропѣли вторые пѣтухи. Ночь была на исходѣ.

Вдругъ изъ глубины ямы, гдѣ находился Грилло, послышался отчаянный вопль.

— Ой, ой, держите, падаю, провалился!..

Сперва ничего не могли разобрать въ темнотѣ, такъ какъ фонарь Грилло потухъ. Только слышно было, какъ онъ барахтается, тяжело дышетъ, охаетъ и стонетъ.

Принесли другіе фонари и увидѣли полузасыпанный землею кирпичный сводъ, какъ бы крышу тщательно выведеннаго подземнаго погреба, которая не выдержала тяжести Грилло и провалилась.

*

Два молодыхъ сильныхъ работника осторожно слѣзли въ яму.

— Гдѣ же ты, Грилло? Давай руку! Или совсѣмъ тебя пришибло, бѣдняга?

Грилло замеръ, притихъ и, забывъ сильную боль въ рукѣ, — онъ считалъ ее сломанной, но она была только вывихнута,—что-то дѣлалъ, щупалъ, ползалъ и странно копошился въ погребѣ.

Наконецъ, радостно закричалъ:

— Идолъ! Идолъ! Мессэръ Чипріано, чудеснѣйшій идолъ!

— Ну, ну, чего галдишь? — проворчалъ недовѣрчиво Строкко, — опять какой-нибудь черепъ ослиный.

— Нѣтъ, нѣтъ! Только рука отбита... А ноги, туловище, грудь—все цѣльное,—бормоталъ Грилло, задыхаясь отъ восторга.

Подвязавъ себя веревками подъ мышки и вокругъ стана, чтобы сводъ не провалился, работники опустились въ яму и стали бережно разбирать хрупкіе, осыпавшіеся кирпичи, покрытые плѣсенью.

Джіованни, полулежа на землѣ, смотрѣлъ между согнутыми спинами рабочихъ въ глубину погреба, откуда вѣяло спертою сыростью и могильнымъ холодомъ.

Когда сводъ почти разобрали, мессэръ Чипріано сказалъ:

— Посторонитесь. Дайте взглянуть.

И Джіованни увидѣлъ на днѣ ямы, между кирпичными стѣнами, бѣлое голое тѣло: оно лежало, какъ мертвое въ гробу, но казалось не мертвымъ, а розовымъ, живымъ и теплымъ въ колеблющемся отблескѣ факеловъ.

— Венера!—прошепталъ мессэръ Джіорджіо благоговѣйно.—Венера Праксителя! Ну, поздравляю васъ, мессэръ Чипріано. Если бы вамъ подарили герцогство Миланское да въ придачу Геную, вы не могли бы считать себя счастливѣе.

Грилло вылѣзъ съ большимъ усиліемъ, и хотя по лицу его, запачканному землею, текла кровь изъ ссадины на лбу, и онъ не могъ шевельнуть вывихнутою рукою, въ глазахъ старика сіяла гордость побѣдителя.

Мэрула подбѣжалъ къ нему.

— Грилло, другъ ты мой любезный, благодѣтель! А я-то тебя бранилъ, дуракомъ называлъ,—умнѣйшаго изъ людей!

И, заключивъ въ объятья, онъ поцѣловалъ его съ нѣжностью.

— Нѣкогда флорентійскій зодчій Филиппо Брунеллески,—продолжалъ Мэрула,—подъ своимъ домомъ, въ такомъ же точно погребѣ нашелъ мраморную статую бога Меркурія: должно быть, въ то время, когда христіане, побѣдивъ язычниковъ, истребляли идоловъ, послѣдніе поклонники боговъ, видя совершенства древнихъ статуй и желая спасти ихъ отъ гибели, прятали изваянія въ эти кирпичныя подземелья.

Грилло слушалъ, блаженно улыбался и не замѣчалъ, какъ пастушья свирѣль играла въ полѣ, овцы на выгонѣ блѣяли, небо свѣтлѣло между холмами водянистымъ свѣтомъ, и вдалекѣ, надъ Флоренціей, нѣжными голосами перекликались утренніе колокола.

— Тише, тише! Правѣе, вотъ такъ. Отъ стѣны подальше, — приказывалъ работникамъ Чипріано,—по пяти серебряныхъ гросо каждому, если вытащите, не сломавъ.

Богиня медленно подымалась.

Съ тою же ясною улыбкою, какъ нѣкогда изъ пѣны волнъ морскихъ, выходила она изъ мрака земли, изъ тысячелѣтней могилы.

Слава тебѣ, златоногая мать Афродита,
Радость боговъ и людей!—

привѣтствовалъ ее Мэрула.

Звѣзды потухли всѣ, кромѣ звѣзды Венеры, игравшей, какъ алмазъ, въ сіяніи зари. И навстрѣчу ей голова богини поднялась надъ краемъ могилы.

Джіованни взглянулъ ей въ лицо, освѣщенное утромъ, и прошепталъ, блѣднѣя отъ ужаса:

— Бѣлая Дьяволица!..

Онъ вскочилъ и хотѣлъ бѣжать. Но любопытство побѣдило страхъ. И если бы ему сказали, что онъ совершаетъ смертный грѣхъ, за который будетъ осужденъ на вѣчную гибель, не могъ бы онъ оторвать взоровъ отъ голаго невиннаго тѣла, отъ прекраснаго лица ея.

Въ тѣ времена, когда Афродита была владычицей міра, никто не смотрѣлъ на нее съ такимъ благоговѣйнымъ трепетомъ.

VI.

На маленькой сельской церкви Санъ-Джервазіо ударили въ колоколъ. Всѣ невольно оглянулись и замерли. Этотъ звукъ въ затишьи утра похожъ былъ на гнѣвный и жалобный крикъ.

Порою тонкій, дребезжащій колоколъ замиралъ, какъ будто надорвавшись, но тотчасъ же заливался еще громче порывистымъ, отчаяннымъ звономъ.

— Іисусе, помилуй насъ!—воскликнулъ Гриллo, хватаясь за голову,— вѣдь это священникъ, отецъ Фаустино!.. Смотрите,—толпа на дорогѣ, кричатъ, увидѣли насъ, руками машутъ. Сюда бѣгутъ. Пропалъ я, горемычный!

Къ Мельничному Холму подъѣхали новые всадники. То были остальные приглашенные на раскопки. Они опоздали, потому что заблудились и долго не могли найти дороги.

Бельтраффіо мелькомъ взглянулъ, и какъ ни былъ онъ поглощенъ созерцаніемъ богини, замѣтилъ лицо одного изъ нихъ. Выраженіе холоднаго, спокойнаго вниманія и проникновеннаго любопытства, съ которымъ незнакомецъ началъ разсматривать Венеру, и которое было такъ противоположно тревогѣ и смущенію самого Джіованни поразило его. Не подымая глазъ, прикованныхъ къ статуѣ, все время

чувствовалъ онъ за спиной своей человѣка съ необыкновеннымъ лицомъ.

— Вотъ что,—произнесъ мессэръ Чипріано послѣ нѣкотораго раздумья,—вилла въ двухъ шагахъ. Ворота крѣпкія, какую угодно осаду выдержатъ...

— И то правда,—воскликнулъ обрадованный Грилло,—ну-ка, братцы, живѣе, подымайте!

Онъ заботился о сохраненіи идола съ отеческою нѣжностью.

Статую благополучно перенесли черезъ Мокрую Лощину.

Едва переступили они за порогъ дома, какъ на вершинѣ Мельничнаго Холма появился грозный обликъ отца Фаустино съ поднятыми къ небу руками.

Нижняя часть виллы была необитаема. Громадный залъ, съ гладко выбѣленными стѣнами и сводами, служилъ складомъ земледѣльческихъ орудій и большихъ глиняныхъ сосудовъ для оливковаго масла. Пшеничная солома, сваленная въ углу, золотистою копною громоздилась до потолка.

На эту солому—смиренное сельское ложе—бережно положили богиню.

Только что всѣ успѣли войти и запереть ворота, какъ послышались крики, ругательства и громкій стукъ въ ворота.

— Отоприте, отоприте! — кричалъ тонкимъ, надтреснутымъ голосомъ отецъ Фаустино,— именемъ Бога живого заклинаю васъ, отоприте

Мессэръ Чипріано по внутренней каменной лѣстницѣ подвялся къ узкому рѣшетчатому окну, находившемуся очень высоко надъ поломъ, оглянулъ толпу, убѣдился, что она не велика, и съ улыбкой свойственной ему утонченной вѣжливости началъ переговоры.

Священникъ не унимался и требовалъ, чтобы отдали идола, котораго, по словамъ его, откопали на кладбищенской землѣ.

Консулъ Калималы, рѣшивъ прибѣгнуть къ военной хитрости, произнесъ твердо и спокойно:

— Берегитесь! Нарочный посланъ во Флоренцію къ начальнику стражи, и черезъ два часа будетъ здѣсь отрядъ кавальери: силою никто не войдетъ въ мой домъ безнаказанно.

— Ломайте ворота,—воскликнулъ священникъ,—не бойтесь! Съ нами Богъ. Рубите!

И выхвативъ топоръ изъ рукъ подслѣповатаго рябого старичка съ унылымъ, кроткимъ лицомъ и подвязанной щекой, онъ ударилъ въ ворота со всего размаха.

Толпа не послѣдовала за нимъ.

— Домъ-Фаустино, а домъ-Фаустино,—шепелявилъ кроткій старичокъ, тихонько трогая его за локоть, — люди мы бѣдные, — денегъ мотыкою изъ земли не выкапываемъ. Засудятъ—разорятъ...

Многіе въ толпѣ, заслышавъ о городскихъ стражникахъ, которыхъ боялись больше всего на свѣтѣ, уже думали о томъ, какъ бы улизнуть незамѣтно.

— Конечно,—если бы на своей землѣ, на приходской, другое дѣло,—разсуждали одни.

— А гдѣ межа-то проходитъ? Вѣдь по закону, братцы...

— Что законъ? Паутина! Муха застрянетъ, шершень вылетитъ. Законъ для господъ не писанъ,—возражали другіе.

— И то правда! Каждый въ землѣ своей владыка.

Въ это время Джіованни по прежнему глядѣлъ на спасенную Венеру.

Лучъ ранняго солнца проникъ въ боковое окно. Мраморное тѣло, еще не совсѣмъ очищенное отъ земли, искрилось на солнцѣ, словно нѣжилось и грѣлось послѣ долгаго подземнаго мрака и холода.

Тонкіе желтые стебли пшеничной соломы загорались, окружая богиню смиреннымъ и пышнымъ золотымъ ореоломъ.

И опять Джіованни обратилъ вниманіе на незнакомца.

Стоя на колѣняхъ, рядомъ съ Венерой, вынулъ онъ циркуль, угломѣръ, полукруглую мѣдную дугу, на подобіе тѣхъ, какія употреблялись въ математическихъ приборахъ, и съ выраженіемъ того же упорнаго, спокойнаго и проникновеннаго любопытства въ холодныхъ, свѣтло-голубыхъ глазахъ и тонкихъ, плотно сжатыхъ губахъ, началъ мѣрить различныя части прекраснаго тѣла, наклоняя голову, такъ что длинная бѣлокурая борода его касалась мрамора.

— Что онъ дѣлаетъ? Кто это?—думалъ Джіованни съ возрастающимъ удивленіемъ, почти страхомъ, слѣдя за быстрыми, дерзкими пальцами, которые скользили по членамъ богини, проникая во всѣ тайны красоты, ощупывая, изслѣдуя неуловимыя для глаза выпуклости мрамора.

У воротъ виллы толпа поселянъ съ каждымъ мгновеніемъ рѣдѣла и таяла.

— Стойте, стойте, бездѣльники, христопродавцы! Стражи городской испугались, а власти антихристовой не боитесь!—вопилъ священникъ, простирая къ нимъ руки.—«Ipse vero Antichristus opes malorum effodiet et exponet». Такъ говоритъ великій учитель Анзельмъ Кэнтерберійскій. «Effodiet»—слышите?—Антихристъ выроетъ древнихъ боговъ изъ земли и снова явитъ ихъ міру...

Но никто уже не слушалъ.

— И бѣдовый же у насъ отецъ Фаустино, ой, бѣдовый!—покачивалъ головой благоразумный мельникъ.—Въ чемъ душа держится, а на, поди ты, какъ расхорохорился! Добро бы кладъ нашли...

— Идолище-то, говорятъ, серебряное.

— Какой серебряное! Самъ видѣлъ: мраморная, вся голая, безстыдница...

— Съ такой паскудою, прости Господи, и рукъ-то марать не стоитъ.

— Ты куда, Закелло?

— Въ поле пора.

— Ну, съ Богомъ, а я на виноградникъ.

Вся ярость священника обратилась на прихожанъ:

— А, вотъ вы какъ, псы невѣрные, хамово отродье! Пастыря покинули! Да знаете ли вы, исчадіе сатанинское, что, если бы я за васъ денно и нощно не молился, не билъ себя въ грудь, не рыдалъ и не постился,—давно уже все ваше селеніе окаянное сквозь землю провалилось бы? Кончено! Уйду отъ васъ, и прахъ съ ногъ моихъ отряхну. Проклятье на землю сію! Проклятье на хлѣбъ и воду, и стада, и дѣтей, и внуковъ вашихъ. Не отецъ я вамъ больше, не пастырь! Отрекаюсь! Анаѳема!

VII.

Въ тихой глубинѣ виллы, гдѣ богиня лежала на золотомъ, соломенномъ ложѣ, Джіорджіо Мэрула подошелъ къ незнакомцу, измѣрявшему статую:

— Божественной пропорціи ищете?—молвилъ ученый съ покровительственной усмѣшкой.—Красоту желаете къ математикѣ свести?

Тотъ молча посмотрѣлъ на него, какъ будто не разслышалъ вопроса, и опять углубился въ работу.

Ножки циркуля складывались и раздвигались, описывая правильныя геометрическія фигуры. Спокойнымъ, твердымъ движеніемъ приставилъ онъ угломѣръ къ прекраснымъ губамъ Афродиты,—сердце Джіованни улыбка этихъ губъ наполняла ужасомъ,—сосчиталъ дѣленія и записалъ въ книгу.

— Позвольте полюбопытствовать, — приставалъ Мэрула, — тутъ сколько дѣленій?

— Это приборъ неточный,—отвѣтилъ незнакомецъ, нехотя.—Обыкновенно для измѣренія пропорцій я раздѣляю человѣческое лицо на градусы, доли, секунды и терціи. Каждое дѣленіе—двѣнадцатая часть предъидущаго.

— Однако!—произнесъ Мэрула.—Мнѣ кажется, что послѣднее дѣленіе—меньше, чѣмъ ширина тончайшаго волоска. Пять разъ двѣнадцатая часть!

— Терція,—также нехотя объяснилъ ему собесѣдникъ,—одна сорокъ-восемь-тысячъ-восемьсотъ-двадцать-третья часть всего лица.

Мэрула поднялъ брови и недовѣрчиво улыбнулся:

— Вѣкъ живи—вѣкъ учись. Никогда не думалъ я, что можно дойти до такой точности.

— Чѣмъ точнѣе, тѣмъ лучше,—замѣтилъ собесѣдникъ.

— О, конечно!—произнесъ Мэрула.—Хотя, знаете ли, въ искусствѣ, въ красотѣ, всѣ эти математическіе разсчеты—градусы, секунды... Я, признаться, не могу повѣрить, чтобы художникъ въ порывѣ восторга, пламеннаго вдохновенія, такъ сказать, подъ наитіемъ Бога...

— Да, да, вы правы,—со скучающимъ видомъ согласился незнакомецъ,—а все-таки любопытно знать...

И наклонившись, онъ сосчиталъ по угломѣру число дѣленій между началомъ волосъ и подбородкомъ.

— Знать!—подумалъ Джіованни.—Развѣ тутъ можно знать и мѣрить. Какое безуміе! Или онъ не чувствуетъ, не понимаетъ?..

Мэрула, очевидно желая задѣть противника за живое и вызвать на споръ, началъ говорить о совершенствѣ древнихъ, о томъ, что слѣдуетъ имъ подражать. Но собесѣдникъ молчалъ, и когда Мэрула кончилъ, произнесъ съ тонкой усмѣшкой въ свою длинную, золотисто-русую бороду:

— Кто можетъ пить изъ родника — не станетъ пить изъ сосуда.

— Позвольте,—воскликнулъ ученый, — позвольте! Если вы и древнихъ считаете водою въ сосудѣ, то гдѣ же родникъ?

— Природа,—молвилъ незнакомецъ.

И когда Мэрула опять заговорилъ напыщенно и раздражительно, онъ уже не спорилъ, и съ уклончивой любезностью соглашался. Только скучающій взоръ холодныхъ глазъ его становился все равнодушнѣе и непроницаемѣе.

Наконецъ Джіорджіо умолкъ, истощивъ свои доводы. Тогда собесѣдникъ указалъ на нѣкоторыя углубленія въ мраморѣ статуи: ни въ какомъ свѣтѣ, ни въ слабомъ, ни въ сильномъ, нельзя было видѣть ихъ глазомъ, и только ощупью, проводя рукою по гладкой поверхности мрамора, можно было чувствовать эти безконечныя тонкости работы «moltissime dolcezze»—какъ онъ выразился. И однимъ глубокимъ, чуждымъ восторга, пытливымъ взоромъ окинулъ незнакомецъ все тѣло богини.

— А я думалъ, что онъ не чувствуетъ, — удивился Джіованни.— Но, если чувствуетъ, то какъ можетъ мѣрить, испытывать, разлагать на числа?.. Кто это?

— Мессэре,—прошепталъ Джіованни на ухо старику,—послушайте, мессэръ Джіорджіо,—какъ имя этого человѣка?

— А, ты здѣсь, монашекъ,—произнесъ Мэрула, обернувшись,—я и забылъ о тебѣ. Да вѣдь это и есть твой любимецъ. Какъ же ты не узналъ? Это мессэръ Леонардо да Винчи.

И Мэрула познакомилъ Джіованни съ художникомъ.

VIII.

Они возвращались во Флоренцію.

Леонардо ѣхалъ шагомъ на конѣ. Бельтраффіо шелъ рядомъ пѣшкомъ. Они были одни.

Между отволглыми черными корнями оливъ сверкала изумрудная трава съ голубыми ирисами, неподвижными на тонкихъ стебляхъ. Было такъ тихо, какъ бываетъ только раннимъ утромъ раннею весною.

— Неужели это онъ? — думалъ Джіованни, наблюдая и находя въ немъ каждую мелочь любопытной.

Ему было лѣтъ за сорокъ. Когда онъ молчалъ и думалъ, маленькіе, острые, свѣтло-голубые глаза подъ нахмуренными, золотисто-русыми бровями смотрѣли холодно и проницательно. Но во время разговора принимали они выраженіе глубокой доброты. Длинная бѣлокурая борода и такіе же свѣтлые, густые, вьющіеся волосы придавали ему видъ величавый. Лицо обладало тонкою, почти женственною прелестью, и голосъ, несмотря на большой ростъ и могучее тѣлосложеніе, былъ тонкій, странно-высокій, очень пріятный, но не мужественный. Красивая рука,—по тому, какъ онъ правилъ конемъ Джіованни угадывалъ, что въ ней большая сила,—была нѣжня, съ длинными тонкими пальцами, точно у женщины.

Они подъѣзжали къ стѣнамъ города. Сквозь дымку утренняго солнца виднѣлся куполъ Собора и башня Палаццо Веккіо.

— Теперь или никогда!—думалъ Бельтраффіо.—Надо рѣшить и сказать, что я хочу поступить къ нему въ мастерскую.

Въ это время Леонардо, остановивъ коня, наблюдалъ за полетомъ молодого кречета, который, выслѣживая добычу,—утку или цаплю въ болотныхъ камышахъ на берегу Муньоне,—кружился въ небѣ плавно и медленно. Потомъ упалъ стремглавъ, точно камень, брошенный съ высоты, съ короткимъ хищнымъ крикомъ, и скрылся за верхушками деревьевъ. Леонардо проводилъ его глазами, не упуская ни одного поворота, ни одного движенія и взмаха крыльевъ, открылъ привязанную къ поясу памятную книжку и сталъ записывать, должно быть, свои наблюденія надъ полетомъ птицы.

Бельтраффіо замѣтилъ, что карандашъ онъ держитъ не въ правой, а въ лѣвой рукѣ, подумалъ: «лѣвша», и вспомнилъ странные слухи, ходившіе о немъ,—будто бы Леонардо пишетъ свои сочиненія загадочнымъ обратнымъ письмомъ, которое можно прочесть только въ зеркалѣ,—не слѣва направо, какъ всѣ, а справа налѣво, какъ пишутъ на востокѣ. Говорили, что онъ это дѣлаетъ для того, чтобы скрыть преступныя, еретическія мысли свои о природѣ и Богѣ.

— Теперь или никогда!—снова сказалъ себѣ Джіованни и вдругъ вспомнилъ суровыя слова Антоніо да Винчи:

«Ступай къ нему, если хочешь погубить душу свою: онъ еретикъ и безбожникъ».

Леонардо съ улыбкой указалъ ему на миндальное деревцо: маленькое, слабое, одинокое, росло оно на вершинѣ пригорка и еще почти голое, зябкое,—уже довѣрчиво и праздничнo, одѣлось бѣло-розовымъ цвѣтомъ, который сіялъ, насквозь пронизанный солнцемъ, и нѣжился въ голубыхъ небесахъ.

Но Бельтраффіо не могъ любоваться. На сердцѣ его было тяжело и смутно.

Тогда Леонардо, какъ будто угадавъ печаль его, съ добрымъ тихимъ взоромъ сказалъ тѣ слова, которыя Джіованни часто вспоминалъ впослѣдствіи:

— Если хочешь быть художникомъ, оставь всякую печаль и заботу, кромѣ искусства. Пусть душа твоя будетъ, какъ зеркало, которое отражаетъ всѣ предметы, всѣ движенія и цвѣта, само оставаясь неподвижнымъ и яснымъ.

Они въѣхали въ городскія ворота Флоренціи.

IX.

Бельтраффіо пошелъ въ Соборъ, гдѣ въ это утро долженъ былъ проповѣдывать братъ Джироламо Савонарола.

Послѣдніе звуки органа замирали подъ гулкими сводами Маріа дэль-Фіоре. Толпа наполняла церковь душной теплотой, тихимъ шелестомъ. Дѣти, женщины и мужчины, отдѣлены были одни отъ другихъ завѣсами. Подъ стрѣльчатыми арками, уходившими въ высь, было темно и таинственно, какъ въ дремучемъ лѣсу. А внизу кое-гдѣ лучи солнца, дробясь въ темно-яркихъ стеклахъ, падали дождемъ радужныхъ отблесковъ на живыя волны толпы, на сѣрый камень столбовъ. Надъ алтаремъ во мракѣ краснѣли огни тресвѣщниковъ.

Обѣдня отошла. Толпа ожидала проповѣдника. Взоры обращены были на высокую деревянную каѳедру съ витою лѣстницею, прислоненную къ одной изъ колоннъ въ среднемъ кораблѣ собора.

Джіованни, стоя въ толпѣ, прислушивался къ тихимъ разговорамъ сосѣдей:

— Скоро ли?—тоскливымъ голосомъ спрашивалъ низкорослый, задыхавшійся въ тѣснотѣ человѣкъ съ блѣднымъ, потнымъ лицомъ и прилипшими ко лбу волосами, перевязанными тонкимъ ремнемъ,— должно быть, столяръ.

— Одному Богу извѣстно,— отвѣчалъ котельщикъ, широкоскулый краснолицый гигантъ съ одышкой.—Есть у него въ Санъ-Марко нѣкій монашекъ Маруффи, косноязычный и юродивый. Какъ тотъ скажетъ, что пора, онъ и идетъ. Намедни четыре часа прождали, думали, совсѣмъ не будетъ проповѣди, а тутъ и пришелъ...

— О, Господи, Господи!—вздохнулъ столяръ,—я вѣдь съ полночи жду. Отощалъ, въ глазахъ темнѣетъ. Маковой росинки во рту не было. Хоть бы на корточки присѣсть...

— Говорилъ я тебѣ, Дамьяно, что надо загодя придти. А теперь отъ каѳедры вонъ какъ далеко. Ничего не услышимъ.

— Ну, братъ, услышишь,—не бойся. Какъ закричитъ, загремитъ,— тутъ тебѣ не только глухіе, но и мертвые услышатъ!

— Нынче, говорятъ, пророчествовать будетъ?

— Нѣтъ, пока Ноева ковчега не достроитъ...

— Или не слышали? Кончено все до послѣдней доски. И таинственное дано истолкованіе: длина ковчега — вѣра, ширина — любовь, высота —надежда. Поспѣшайте, сказано, поспѣшайте въ Ковчегъ Спа-

сенія, пока еще двери отверзты. Се, время близко, закроются врата, и восплачутъ многіе, что не покаялись, не вошли.

— Сегодня, братцы, о потопѣ,—семнадцатый стихъ шестой главы книги Бытія...

— Новое, говорятъ, было видѣніе о гладѣ, морѣ и войнѣ.

— Коновалъ изъ Валломброзы сказывалъ,—надъ селеніемъ ночью въ небѣ несмѣтныя полчища сражались, слышенъ былъ стукъ мечей и броней...

— А правда ли, добрые люди, будто бы на ликѣ Пресвятой Дѣвы, что въ Нунціатѣ дей-Серви, кровавый потъ выступилъ?

— Какъ же! И у Мадонны на мосту Рубаконта каждую ночь слезы капаютъ изъ глазъ. Тетка Лучія сама видѣла...

— Не къ добру это, ой, не къ добру! Господи, помилуй насъ грѣшныхъ...

На половинѣ женщинъ произошло смятеніе: упала въ обморокъ старушка, стиснутая толпою. Старались поднять ее и привести въ чувство.

— Скоро ли? Мочи моей больше нѣтъ!—чуть не плакалъ тщедушный столяръ, вытирая потъ съ лица.

И вся толпа изнывала въ безконечномъ ожиданіи.

Вдругъ море головъ всколыхнулось, зашелестѣло. Послышался шопотъ.

— Идетъ, идетъ, идетъ!—Нѣтъ, не онъ.—Фра Доменико да-Песчіа.—Онъ, онъ!—Идетъ!

Джіованни увидѣлъ, какъ на каѳедру медленно взошелъ и откинулъ куколь съ головы человѣкъ, въ черной и бѣлой доминиканской одеждѣ, подпоясанный веревкой, съ лицомъ исхудалымъ и желтымъ, какъ воскъ, съ толстыми губами, крючковатымъ носомъ, низкимъ лбомъ.

Лѣвую руку, какъ бы въ изнеможеніи, опустилъ онъ на каѳедру, правую поднялъ и протянулъ, сжимая Распятіе.

И молча, медленнымъ взоромъ горящихъ глазъ обвелъ толпу.

Наступила такая тишина, что каждый могъ слышать удары собственнаго сердца.

Неподвижные глаза монаха разгорались все ярче, какъ уголья. Онъ молчалъ,—и ожиданіе становилось невыносимымъ. Казалось—еще мигъ, и толпа не выдержитъ, закричитъ отъ ужаса.

Но сдѣлалось еще тише, еще страшнѣе.

И вдругъ въ этой мертвой тишинѣ раздался оглушительный, раздирающій, нечеловѣческій крикъ Савонаролы:

— Ecce ego adduco aquas super terram! Се Азъ низведу воды на землю!

Дыханіе ужаса, отъ котораго волосы дыбомъ встаютъ на головѣ, пронеслось надъ толпой.

Джіованни поблѣднѣлъ: ему почудилось, что земля шатается, своды Собора сейчасъ рухнутъ и раздавятъ его. Рядомъ съ нимъ толстый

котельщикъ затрясся, какъ листъ, застучалъ зубами. Столяръ весь съежился, вобралъ голову въ плечи, точно подъ ударомъ,—сморщилъ лицо и зажмурилъ глаза.

То была не проповѣдь, а бредъ, который вдругъ схватилъ всѣ эти тысячи народа, и помчалъ, какъ мчитъ ураганъ сухіе листья.

Джіованни слушалъ, едва понимая. До него долетали отдѣльныя слова:

— «Смотрите, смотрите, вотъ уже небеса почернѣли. Солнце багрово, какъ запекшаяся кровь. Бѣгите! Будетъ дождь изъ огня и сѣры, будетъ градъ изъ раскаленныхъ камней и цѣлыхъ утесовъ! Fuge, o Sion, quae habitas apud filiam Babylonis!

«О, Италія, придутъ казни за казнями! Казнь войны—за голодомъ, казнь чумы—за войною! Казни здѣсь и тамъ,—всюду казни!»

«У васъ не хватитъ живыхъ, чтобы хоронить мертвыхъ. Ихъ будетъ столько въ домахъ, что могильщики пойдутъ по улицамъ и станутъ кричать: «у кого есть мертвые?» и будутъ наваливать на телѣги до самыхъ лошадей, и сложивъ ихъ цѣлыми горами,—сжигать. И опять пойдутъ по улицамъ, крича: «у кого есть мертвые? У кого есть мертвые?» И выйдете вы къ нимъ и скажете: «вотъ мой сынъ, вотъ мой братъ, вотъ мой мужъ». И пойдутъ они далѣе и будутъ кричать: «нѣтъ ли еще мертвецовъ?»

«О, Флоренція, о, Римъ, о, Италія! Прошло время пѣсенъ и праздниковъ. Вы больны, даже до смерти. Господи, ты свидѣтель, что я хотѣлъ поддержать моимъ словомъ эту развалину. Но я не могу больше, нѣтъ моихъ силъ! Я не хочу больше, я не знаю, что еще говорить объ этомъ. Мнѣ остается только плакать, изойти слезами. Милосердія, милосердія, Господи!.. О, мой бѣдный народъ, о, Флоренція!»

Онъ раскрылъ объятія, и послѣднія слова произнесъ чуть слышнымъ шопотомъ. Они пронеслись надъ толпою и замерли, какъ шелестъ вѣтра въ листьяхъ, какъ вздохъ безконечной жалости къ народу.

И прижимая помертвѣлыя губы къ Распятію, въ изнеможеніи опустился онъ на колѣни и зарыдалъ.

Проповѣдь была кончена. Медленные, тяжкіе звуки органа загудѣли, разростаясь все шире и необъятнѣе, все торжественнѣе и грознѣе, подобно рокоту ночного океана.

Кто-то вскрикнулъ въ толпѣ женщинъ тонкимъ, отчаяннымъ голосомъ:

— Misericordia!

И тысячи голосовъ отвѣтили, перекликаясь. Словно колосья въ полѣ подъ вѣтромъ,—волны за волнами, ряды за рядами,—тѣснясь, давя другъ друга, какъ подъ грозою овцы въ испуганномъ стадѣ, они падали на колѣни, и сливаясь съ многоголосымъ ревомъ и гуломъ органа, потрясая землю, каменные столбы и своды Собора, вознесся покаянный вопль народа, крикъ погибающихъ людей къ Богу:

— Misericordia! Misericordia!

Джіованни упалъ, рыдая. Онъ чувствовалъ на спинѣ своей тя-

тяжесть толстаго котельщика, который въ тѣснотѣ навалился на него, горячо дышалъ ему въ шею и тоже рыдалъ. Рядомъ тщедушный столяръ странно и безпомощно всхлипывалъ, точно икалъ, захлебываясь, какъ маленькія дѣти, и кричалъ пронзительно:

— Милосердія! Милосердія!

Бельтраффіо вспомнилъ свою гордыню и мірское любомудріе, желаніе уйти отъ фра Бенедетто и предаться опасной, быть можетъ, богопротивный наукѣ Леонардо, вспомнилъ и послѣднюю страшную ночь на Мельничномъ Холмѣ, воскресшую Венеру, свой грѣшный восторгъ передъ красотой Бѣлой Дьяволицы и, протягивая руки къ небу, такимъ же отчаяннымъ голосомъ, какъ всѣ, возопилъ:

— Помилуй, Господи! Согрѣшилъ я предъ Тобою,—прости и помилуй!

И въ то же мгновеніе, поднявъ лицо мокрое отъ слезъ, увидѣлъ онъ невдалекѣ высокій стройный обликъ Леонардо да Винчи. Художникъ стоялъ, опираясь плечомъ о колонну, въ правой рукѣ держалъ свою неизмѣнную записную книжку, лѣвой рисовалъ въ ней, иногда вскидывая глаза на каѳедру, должно быть надѣясь еще разъ увидѣть голову проповѣдника.

Чуждый всѣмъ, одинъ въ толпѣ, обуянной ужасомъ, Леонардо сохранялъ совершенное спокойствіе. Въ холодныхъ, блѣдноголубыхъ глазахъ его, въ тонкихъ губахъ, плотно сжатыхъ, какъ у человѣка, привыкшаго ко вниманію и точности, была не насмѣшка, а то самое выраженіе любопытства, съ которымъ онъ мѣрилъ математическими приборами тѣло Афродиты.

Слезы на глазахъ Джіованни высохли, молитва замерла на губахъ.

Выйдя изъ церкви, онъ подошелъ къ Леонардо и попросилъ позволенія взглянуть на рисунокъ. Художникъ сперва не соглашался, но Джіованни настаивалъ съ умоляющимъ видомъ, и, наконецъ, Леонардо отвелъ его въ сторону и подалъ ему записную книжку.

Джіованни увидѣлъ страшную каррикатуру.

Это было лицо не Савонаролы, а стараго, безобразнаго дьявола въ одеждѣ монаха, похожаго на Савонаролу, изможденнаго самоистязаніями, но не побѣдившаго своихъ похотей и гордыни. Нижняя челюсть выдавалась впередъ, морщины бороздили щеки и шею отвислую, черную, какъ на высохшемъ трупѣ, вздернутыя брови щетинились и нечеловѣческій взоръ, полный упрямой, почти злобной мольбы, устремленъ былъ въ небо. Все темное, ужасное и безумное, что предавало брата Джироламо во власть юродивому, косноязычному ясновидцу Маруффи, было испытано въ этомъ рисункѣ, обнажено безъ гнѣва, безъ жалости, съ невозмутимой ясностью наблюденія.

И Джіованни вспомнилъ слова Леонардо:

«L'ingegno dell' pittore vuol essere a similitudine dello specchio. Душа художника должна быть подобной зеркалу, которое отражаетъ всѣ

предметы, всѣ движенія и цвѣта, само оставаясь неподвижнымъ и яснымъ.

Ученикъ фра Бенедетто поднялъ глаза на Леонардо и почувствовалъ, что, хотя бы ему, Джіованни, грозила вѣчная погибель, хотя бы онъ убѣдился, что Леонардо дѣйствительно слуга Антихриста,—онъ можетъ уйти отъ него, и неодолимая сила привлекаетъ его къ этому человѣку: онъ долженъ узнать его до конца.

X.

Два черезъ два во Флоренцію, въ домъ мессэра Чипріано Буонаккорзи, въ это время занятаго неожиданнымъ стеченіемъ торговыхъ дѣлъ, и потому неуспѣвшаго перевезти Венеру въ городъ, прибѣжалъ Грилло съ горестнымъ извѣстіемъ: приходскій священникъ, отецъ Фаустино, покинувъ Санъ-Джерваэіо, отправился въ сосѣднее горное селеніе Санъ-Маурицію, запугалъ народъ небесными карами, собралъ ночью отрядъ поселянъ, осадилъ виллу Буонаккорзи, выломалъ двери, избилъ садовника Строкко, связалъ по рукамъ и ногамъ приставленныхъ къ Венерѣ сторожей. Надъ богиней была прочитана, сложенная въ древнія времена, молитва: «oratio super effigies vasaque in loco antiquo reperta». Въ этой молитвѣ надъ изваяніемъ и сосудами, находимыми въ древнихъ гробницахъ, служитель церкви проситъ Бога очистить вырытые изъ земли предметы отъ языческой скверны, обративъ ихъ на пользу душъ христіанскихъ во славу Единосущной Троицы,—Отца, Сына и Духа Святаго,—ut omni immunditia depulsa sint fidelibus tuis utenda per Christum dominum [nostrum». Потомъ мраморное изваяніе разбили, осколки бросили въ печь, обожгли, приготовили известь и обмазали ею недавно выведенную стѣну сельскаго кладбища.

При этомъ разсказѣ стараго Грилло, который едва не плакалъ отъ жалости къ идолу, Джіованни почувствовалъ рѣшимость. Въ тотъ же день пошелъ онъ къ Леонардо и попросилъ, чтобы художникъ принялъ его ученикомъ въ свою мастерскую.

И Леонардо принялъ его.

Немного времени спустя во Флоренцію пришла вѣсть о томъ, что Карлъ VIII, христіаннѣйшій король Франціи, во главѣ несмѣтнаго войска выступилъ въ походъ для завоеванія Неаполя и Сициліи, быть можетъ Рима и Флоренціи.

Граждане были въ ужасѣ, ибо видѣли, что пророчества брата Джироламо Савонаролы совершаются,—казни идутъ, и мечъ Божій опускается на Италію.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ecce deus—Ecce homo.

1494.

Се—человѣкъ!
Іоаннъ XIX, 5.
Се—богъ!
Изъ надписи на памятникѣ Франческо Сфорца.

I.

«Если тяжелый орелъ на крыльяхъ держится въ рѣдкомъ воздухѣ, если громадные корабли на парусахъ движутся по морю, почему не можетъ и человѣкъ, разсѣкая воздухъ большими крыльями, овладѣть вѣтромъ и подняться на высоту побѣдителемъ?»

Въ одной изъ своихъ старыхъ тетрадей прочелъ Леонардо эти слова, полныя надежды, написанныя пять лѣтъ назадъ. Рядомъ былъ рисунокъ: дышло, съ прикрѣпленнымъ къ нему круглымъ желѣзнымъ стержнемъ, поддерживало крылья, приводимыя въ движеніе веревками.

Теперь эта машина казалась ему неуклюжей и безобразной.

Новый приборъ напоминалъ летучую мышь. Остовъ крыла состоялъ изъ пяти пальцевъ, какъ въ рукѣ скелета, многоколѣнчатыхъ, сгибающихся въ суставахъ. Сухожиліе изъ ремней дубленой кожи и шнурковъ сырого шелка, съ рычагомъ и шайбой, въ видѣ мускула, соединяло пальцы. Крыло подымалось посредствомъ подвижного стержня и шатуна. Накрахмаленная тафта, не пропускающая воздуха, какъ перепонка на гусиной лапѣ, сжималась и распускалась. Четыре крыла ходили крестъ на крестъ, какъ ноги лошади. Длина ихъ—сорокъ локтей, высота подъема—восемь. Они откидывались назадъ, давая ходъ впередъ и опускались, подымая машину вверхъ. Человѣкъ, стоя, вдѣвалъ ноги въ стремена, приводившія въ движеніе крылья посредствомъ шнуровъ, блоковъ и рычаговъ. Голова его управляла большимъ рулемъ съ перьями, на подобіе птичьяго хвоста.

Птица, прежде чѣмъ вспорхнуть съ земли, для перваго размаха крыльевъ, должна приподняться на лапкахъ. Каменный стрижъ, у котораго лапки короткія, положенный на землю, бьется и не можетъ взлетѣть.

Двѣ тросниковыя лѣсенки замѣняли въ приборѣ птичьи лапки.

Леонардо зналъ по опыту, что совершенное устройство машины сопровождается изяществомъ и соразмѣрностью всѣхъ ея частей. Уродливый видъ необходимыхъ лѣсенокъ смущалъ изобрѣтателя.

Онъ погрузился въ математическія выкладки. Искалъ ошибки и не могъ найти. Вдругъ со злобой перечеркнулъ страницу, наполненную

мелкими, тѣсными рядами цифръ, на поляхъ написалъ «non è vero!»—«невѣрно!» и съ боку прибавилъ ругательство большими, яростными буквами: «Satanasso!»—«Къ чорту!»

Вычисленія становились все запутаннѣе. Неуловимая ошибка разросталась.

Пламя свѣчи неровно мигало, раздражая глазъ. Котъ, успѣвшій выспаться, вспрыгнулъ на рабочій столъ, потянулся, выгнулъ спину и началъ играть лапкою изъѣденнымъ молью чучеломъ птицы, подвѣшеннымъ на бичевкѣ къ деревянной перекладинѣ,—приборомъ для опредѣленія центра тяжести при изученіи полета. Леонардо толкнулъ кота съ досадой, такъ что онъ едва не упалъ со стола и жалобно мяукнулъ.

— Ну, Богъ съ тобой, ложись, гдѣ хочешь,—только не мѣшай.

Онъ ласково провелъ рукою по черной шерсти своего любимца. Въ ней затрещали искры. Котъ поджалъ бархатныя лапки, важно улегся, замурлыкалъ и устремилъ на хозяина неподвижные зеленоватые зрачки, полные нѣгой и тайною.

Опять потянулись цифры, скобки, дроби, уравненія, кубическіе и квадратные корни.

Вторая безсонная ночь пролетала незамѣтно.

Вернувшись изъ Флоренціи въ Миланъ, Леонардо провелъ цѣлый мѣсяцъ, почти никуда не выходя, работая надъ летательной машиной.

Въ открытое окно заглядывали вѣтви бѣлой акаціи, иногда роняя на столъ нѣжные, сладко-пахучіе цвѣты. Лунный свѣтъ, смягченный дымкой рыжеватыхъ облаковъ съ перламутровыми отливами, падалъ въ комнату, смѣшиваясь съ краснымъ свѣтомъ заплывшей сальной свѣчи.

Комната была загромождена машинами и приборами по астрономіи, физикѣ, химіи, механикѣ, анатоміи. Колеса, рычаги, пружины, винты, трубы, стержни, дуги, поршни и другія части машинъ—мѣдныя, стальныя, желѣзныя, стеклянныя, какъ члены неясныхъ чудовищъ или громадныхъ насѣкомыхъ, торчали изъ мрака, путаясь и переплетаясь. Виднѣлся водолазный колоколъ, мерцающій хрусталь оптическаго прибора, изображавшаго глазъ въ большихъ размѣрахъ, скелетъ лошади, чучело крокодила, банка съ человѣческимъ зародышемъ въ спирту, похожимъ на блѣдную огромную личинку, острыя лодкообразныя лыжи для хожденія по водѣ и рядомъ, должно быть случайно попавшая сюда изъ мастерской художника, глиняная головка дѣвушки или ангела съ лукавой и грустной улыбкой.

Въ глубинѣ, въ темномъ зѣвѣ плавильной печи съ кузнечными мѣхами, розовѣли подъ пепломъ угли.

И надо всѣмъ отъ полу до потолка распростирались крылья машины, одно еще голое, другое затянутое перепонкою. Между ними на полу, развалившись и закинувъ голову, лежалъ человѣкъ, должно быть

уснувшій во время работы. Въ правой рукѣ его была рукоять закоптѣлаго мѣднаго черпака, откуда на полъ вылилось олово. Одно изъ крыльевъ нижнимъ концомъ тростниковаго легкаго остова касалось груди спящаго и отъ его дыханія тихонько вздрагивало, двигалось, какъ живое, шуршало о потолокъ острымъ верхнимъ концомъ.

Въ невѣрномъ сіяніи луны и свѣчки, машина съ человѣкомъ между раскинутыми крыльями, имѣла видъ гигантскаго нетопыря, готоваго вспорхнуть и улетѣть.

II.

Луна закатилась. Съ огородовъ, окружавшихъ домъ Леонардо въ предмѣстіи Милана между крѣпостью и монастыремъ Маріи дэлле Граціе, повѣяло запахомъ овощей и травъ,—мелиссы, мяты, укропа. Въ гнѣздѣ надъ окномъ защебетали ласточки, готовясь къ вылету. Въ сажалкѣ у сосѣдняго курятника утки брызгались и весело крякали.

Пламя свѣчи померкло. Рядомъ, въ мастерской, послышались голоса учениковъ.

Ихъ было двое—Джіованни Бельтраффіо и Андрэа Салаино. Джіованни срисовывалъ анатомическій слѣпокъ, сидя передъ приборомъ для изученія перспективы,—четырехугольной деревянной рамой съ веревочной сѣткой, которая соотвѣтствовала такой же сѣткѣ изъ пересѣкавшихся линій на бумагѣ рисовальщика.

Салаино накладывалъ алебастръ на липовую доску для картины. Это былъ красивый мальчикъ съ невинными глазами и бѣлокурыми локонами,—баловень учителя, который писалъ съ него ангеловъ.

— Какъ вы думаете, Андрэа,—спросилъ Бельтраффіо,—скоро ли мессэръ Леонардо кончитъ машину?

— А Богъ его знаетъ!—отвѣтилъ Салаино, насвистывая пѣсенку и поправляя атласные шитые серебромъ отвороты новыхъ башмаковъ. Въ прошломъ году два мѣсяца просидѣлъ, и ничего не вышло, кромѣ смѣха. Этотъ косолапый медвѣдь Зороастро пожелалъ летѣть во что бы то ни стало. Учитель его отговаривалъ, но тотъ заупрямился. И представь,—взобрался-таки чудакъ на крышу, обмоталъ себя по всему тѣлу связанными, какъ четки, бычачьими да свиными пузырями, чтобы не разбиться, если упадетъ, поднялъ крылья и сначала вспорхнулъ,—вѣтромъ его понесло, что ли,—а потомъ сорвался, полетѣлъ вверхъ ногами и прямо—въ навозную кучу. Мягко было, не расшибся, а только всѣ пузыри на немъ сразу лопнули, и такой былъ громъ, какъ отъ пушечнаго выстрѣла,—даже галки на сосѣдней колокольнѣ испугались и улетѣли. А новый-то нашъ Икаръ ногами болтаетъ въ воздухѣ, вылѣзть не можетъ изъ навозной кучи!

Въ мастерскую вошелъ третій ученикъ Чезаре да Сэсто, человѣкъ уже не молодой, съ болѣзненнымъ желчнымъ лицомъ, съ умными и

злыми глазами. Въ одной рукѣ держалъ онъ кусокъ хлѣба съ ломтемъ ветчины, въ другой—стаканъ вина.

— Тьфу, кислятина! — плюнулъ онъ, поморщившись, — и ветчина какъ подошва. Удивляюсь: жалованья двѣ тысячи дукатовъ въ годъ,— и кормить людей такою дрянью!

— Вы бы изъ другого боченка, что подъ лѣстницей, въ чуланѣ,— молвилъ Салаино.

— Пробовалъ. Еще хуже.—Что это, у тебя опять обновка?—посмотрѣлъ Чезаре на щегольской беретъ Салаино изъ пунцоваго бархата съ перомъ.—Ну и хозяйство у насъ, нечего сказать. Собачья жизнь! На кухнѣ второй мѣсяцъ свѣжаго окорока не могутъ купить. Марко божится, что у самого мастера ни гроша,—все на эти крылья окаянныя просадилъ, въ черномъ тѣлѣ держатъ всѣхъ насъ,—а деньги-то, вотъ онѣ гдѣ! Любимчиковъ задариваетъ! Бархатныя шапочки съ медалями! И какъ тебѣ не стыдно, Андрэа, отъ чужихъ людей подачки принимать,—вѣдь мессэръ Леонардо тебѣ не отецъ, не братъ, и ты уже не маленькій...

— Чезаре,—сказалъ Джіованни, чтобы перемѣнить разговоръ,— намедни вы обѣщали мнѣ объяснить одно правило перспективы, помните? Учителя мы, видно, не дождемся. Онъ такъ занятъ машиною...

— Да, братцы, погодите,—ужо всѣ въ трубу вылетимъ съ этой машиною, чтобы чортъ ее побралъ! А, впрочемъ, не одно, такъ другое. Помню, однажды среди работы надъ Тайной Вечерей мастеръ вдругъ увлекся изобрѣтеніемъ новой машины для приготовленія миланской червеллаты — бѣлой колбасы изъ мозговъ. И голова апостола Іакова Старшаго такъ и осталась неконченной, ожидая совершенства колбаснаго крошила. Лучшую изъ своихъ Мадоннъ забросилъ онъ въ уголъ, пока изобрѣталъ самовращающійся вертелъ, чтобы равномѣрно жарить каплуновъ и поросятъ. А это великое открытіе щёлока изъ куринаго помета для стирки бѣлья! Вѣрите ли,—нѣтъ такой глупости, которой бы мессэръ Леонардо не предался съ восторгомъ, только бы отдѣлаться отъ живописи!

Лицо Чезаре передернулось судорогою, тонкія губы сложились въ злобную усмѣшку.

— И зачѣмъ, зачѣмъ только Богъ даетъ такимъ людямъ талантъ!— прибавилъ онъ тихо и яростно.

III.

А Леонардо все еще сидѣлъ, согнувшись надъ рабочимъ столомъ.

Ласточка влетѣла въ открытое окно и закружилась въ комнатѣ, задѣвая о потолокъ и стѣны, наконецъ, попала въ крыло летательнаго прибора, какъ въ западню, и запуталась въ сѣткѣ веревочныхъ сухожилій своими маленькими живыми крыльями.

*

Леонардо подошелъ, освободилъ плѣнницу, бережно, такъ, чтобы не причинить ей боли, взялъ въ руку, поцѣловалъ въ шелковисто-черную головку и пустилъ въ окно.

Ласточка взвилась и потонула въ небѣ съ радостнымъ крикомъ.

— Какъ легко, какъ просто! — подумалъ онъ, проводивъ ее завистливымъ, печальнымъ взоромъ. Потомъ съ брезгливымъ чувствомъ взглянулъ на свою машину, на мрачный остовъ исполинской летучей мыши.

Человѣкъ, спавшій на полу, проснулся.

Это былъ помощникъ Леонардо, искусный флорентинскій механикъ и кузнецъ, по имени Зороастро или Астро да Перетола.

Онъ вскочилъ, протирая свой единственный глазъ: другой—вытекъ отъ искры, попавшей въ него изъ пылающаго горна во время работы. Неуклюжій великанъ, съ дѣтскимъ простодушнымъ лицомъ, вѣчно покрытымъ сажей и копотью, походилъ на одноглазаго циклопа.

— Проспалъ!—воскликнулъ кузнецъ, въ отчаяніи хватаясь за косматую голову.—Чортъ меня побери! Эхъ, мастеръ, какъ же вы не разбудили? Торопился, думалъ къ вечеру и лѣвое кончу, чтобы завтра утромъ летѣть...

— Хорошо, сдѣлалъ, что выспался,—молвилъ Леонардо.—Все равно крылья не годятся.

— Какъ? Опять не годятся? Ну, нѣтъ, мессэре, воля ваша, а я этой машины передѣлывать не стану. Сколько денегъ, сколько трудовъ! И опять все прахомъ пошло! Чего же еще? Чтобы на эдакихъ крыльяхъ да не полетѣть. Не только человѣка—слона подымутъ! Вотъ увидите, мастеръ. Дозвольте разокъ попытаться — ну, хоть надъ водой, — если упаду, только выкупаюсь, я вѣдь плаваю, какъ рыба, ни за что не утону...

Онъ сложилъ руки съ умоляющимъ видомъ.

Леонардо покачалъ головой.

— Потерпи, другъ. Все будетъ въ свое время. Потомъ...

— Потомъ! — простоналъ кузнецъ, горестно моргая глазами, чуть не плача.—Отчего же не теперь? Право же, мессэре, ну вотъ, какъ Богъ святъ,—полечу...

— Не полетишь, Астро. Тутъ математика...

— Такъ я и зналъ! Ну ее ко всѣмъ дьяволамъ, вашу математику! Только смущаетъ... Сколько лѣтъ корпимъ! Душа изныла. Каждый глупый комаръ, моль, муха—прости Господи—поганая, навозная, и та летаетъ, а люди, какъ черви, ползаютъ! Развѣ это не обида? И чего ждать? Вѣдь вотъ они, крылья! Все готово,—кажется, взялъ бы, благословясь, взмахнулъ, да и полетѣлъ,—только меня и видѣли!

Вдругъ онъ что-то вспомнилъ, и лицо его просіяло.

— Мастеръ, а, мастеръ? Что я тебѣ скажу. Сонъ-то я какой видѣлъ сегодня. Удивительный!

— Опять леталъ?

— Да. И вѣдь какъ! Ты только послушай. Стою будто бы среди толпы въ незнакомой горницѣ. Всѣ на меня смотрятъ, пальцами указываютъ, смѣются. Ну, думаю, если теперь не полечу—плохо. Подскочилъ, руками замахалъ изо всей мочи и сталъ подыматься. Сперва трудно было, словно гора на плечахъ. А потомъ все легче да легче,—взвился, едва головой о потолокъ не стукнулся. И всѣ кричатъ: смотрите, смотрите,—полетѣлъ! Я прямо въ окно, какъ птица, и все выше да выше, подъ самое небо,—только вѣтеръ въ ушахъ свиститъ, и весело мнѣ, смѣюсь: почему, думаю, прежде не умѣлъ я летать. Разучился, что ли? Вѣдь вотъ какъ просто! И никакой машины не надо!

IV.

Послышались вопли, ругательства, топотъ быстрыхъ шаговъ по лѣстницѣ. Дверь распахнулась, и въ нее вбѣжалъ человѣкъ съ жесткой щетиной огненно-рыжихъ волосъ, съ краснымъ лицомъ, покрытымъ веснушками. Это былъ ученикъ Леонардо—Марко д'Оджіоне.

Онъ бранился, билъ и тащилъ за ухо худенькаго мальчика лѣтъ десяти.

— Да пошлетъ тебѣ Господь злую Пасху, негодяй! Пятки я тебѣ сквозь глотку пропущу, мерзавецъ!

— За что ты его, Марко?—спросилъ Леонардо.

— Помилуйте, мессэре! Двѣ серебряныя пряжки стибрилъ, флориновъ десять каждая. Одну успѣлъ заложить и деньги въ кости проигралъ, другую зашилъ себѣ въ платье, за подкладку—я тамъ и нашелъ. Какъ слѣдуетъ хотѣлъ оттаскать за вихры, а онъ мнѣ же руку до крови укусилъ, чертенокъ!

И съ новой яростью схватилъ онъ мальчика за волосы.

Леонардо заступился и отнялъ у него ребенка. Тогда Марко выхватилъ изъ кармана связку ключей,—онъ исполнялъ должность ключника въ домѣ Леонардо,—и крикнулъ:

— Вотъ ключи, мессэре! Съ меня довольно!.. Съ негодяями и ворами въ одномъ домѣ я не живу.. Или я, или онъ!

— Ну, успокойся, Марко, успокойся... Я накажу его, какъ слѣдуетъ,—старался его образумить учитель.

Изъ двери мастерской выглядывали подмастерья. Между ними протѣснилась толстая женщина—стряпуха Матурина. Только что вернулась она съ рынка и держала въ рукѣ корзину съ лукомъ, рыбою, алыми жирными баклажанами и волокнистыми фэнокки. Увидѣвъ маленькаго преступника, кухарка замахала руками и затараторила,—точно сухой горохъ посыпался изъ дыряваго мѣшка.

Говорилъ и Чезаре, выражая удивленіе, что Леонардо терпитъ въ домѣ этого «язычника», ибо нѣтъ такой безцѣльной и жестокой шалости, на которую не способенъ Джьякопо: камнемъ перешибъ намедни

ногу больному старому Фаджіано, дворовому псу, разорилъ гнѣздо ласточекъ надъ конюшнею, и всѣ знаютъ, что его любимая забава— обрывать бабочкамъ крылья, любуясь ихъ мученіями.

Джьякопо не отходилъ отъ учителя, посматривая на враговъ изъподлобья, какъ затравленный волченокъ. Красивое, блѣдное лицо его было неподвижно. Онъ не плакалъ. Но, встрѣчая взглядъ Леонардо, злые глаза выражали робкую мольбу.

Матурина вопила, требуя, чтобы выпороли наконецъ этого бѣсенка, иначе онъ всѣмъ на шею сядетъ, и житья отъ него не будетъ.

— Тише, тише! Замолчите, ради Бога, — умолялъ Леонардо, и на лицѣ его было выраженіе страннаго малодушія, безпомощной слабости передъ семейнымъ бунтомъ.

Чезаре смѣялся и шепталъ, злорадствуя:

— Смотрѣть тошно!.. Мямля! Съ мальчишкой справиться не можетъ...

Когда, наконецъ, всѣ накричались вдоволь и мало-по-малу разошлись, Леонардо, подозвавъ Бельтраффіо, сказалъ ему ласково:

— Джіованни, ты еще не видѣлъ Тайной Вечери. Я туда иду. Хочешь со мной?

Ученикъ покраснѣлъ отъ радости.

V.

Они вышли на маленькій дворъ. Посерединѣ былъ колодецъ. Леонардо умылся. Несмотря на двѣ безсонныя ночи, онъ чувствовалъ себя свѣжимъ, веселымъ и бодрымъ.

День былъ туманный, безвѣтренный, съ блѣднымъ, точно подводнымъ свѣтомъ. Такіе дни художникъ любилъ для работы.

Пока они стояли у колодца, подошелъ Джьякопо. Въ рукахъ держалъ онъ самодѣльную коробочку изъ древесной коры.

— Мессэръ Леонардо, — произнесъ мальчикъ боязливо, — вотъ— для васъ...

Онъ осторожно приподнялъ крышку. На днѣ коробки былъ громадный паукъ.

— Едва поймалъ,—объяснилъ Джьякопо. — Въ щель между камнями ушелъ. Три дня просидѣлъ. Ядовитый!

Лицо мальчика вдругъ оживилось.

— А какъ мухъ-то ѣсть, —вотъ такъ страшно!

Онъ поймалъ муху и бросилъ въ коробку. Паукъ кинулся на добычу, схватилъ ее мохнатыми лапами, и жертва забилась, зажужжала все слабѣе, все тоньше.

— Сосетъ, сосетъ! Смотрите, — шепталъ мальчикъ, замирая отъ наслажденія. Глаза его горѣли жестокимъ любопытствомъ, и на губахъ дрожала неясная улыбка.

Леонардо тоже наклонился, глядя на чудовищное насѣкомое.

И вдругъ Джіованни показалось, что у нихъ обоихъ въ лицахъ

мелькнуло общее выраженіе, какъ будто, несмотря на бездну, отдѣлявшую ребенка отъ художника, они сходились въ этомъ любопытствѣ къ ужасному.

Когда муха была съѣдена, Джьякопо бережно закрылъ коробочку и сказалъ:

— Я къ вамъ на столъ отнесу, мессэръ Леонардо,—можетъ быть, вы еще посмотрите. Онъ съ другими пауками смѣшно дерется...

Мальчикъ хотѣлъ уйти, но остановился и поднялъ глаза съ умоляющимъ видомъ. Углы губъ его опустились и дрогнули.

— Мессэре,—произнесъ онъ тихо и важно,—вы на меня не сердитесь! Ну, что жъ,—я и самъ уйду, я давно думалъ, что надо уйти,—только не для нихъ,—мнѣ все равно, что они говорятъ,—а для васъ. Вѣдь я знаю, что я вамъ надоѣлъ. Вы одинъ добрый, а они злые, такіе же, какъ я, только притворяются, а я не умѣю. Я уйду и буду одинъ. Такъ лучше. Только вы меня все-таки простите...

Слезы заблестѣли на длинныхъ рѣсницахъ мальчика. Онъ повторилъ еще тише, потупившись:

— Простите, мессэръ Леонардо!.. А коробочку я отнесу. Пусть останется вамъ на память. Паукъ проживетъ долго. Я попрошу Астро, чтобы онъ получше кормилъ его...

Леонардо положилъ руку на голову ребенка:

— Куда ты пойдешь, мальчикъ? Оставайся. Марко тебя проститъ а я не сержусь. Ступай и впередъ постарайся не дѣлать зла никому...

Джьякопо молча посмотрѣлъ на него большими недоумѣвающими глазами, въ которыхъ сіяла не благодарность, а изумленіе—почти страхъ.

Леонардо отвѣтилъ ему тихой, доброй улыбкой и погладилъ по головѣ съ нѣжностью, какъ будто угадывая вѣчную тайну этого сердца, созданнаго природою злымъ и невиннымъ во злѣ.

— Пора,—молвилъ учитель,—пойдемъ, Джіованни.

Они вышли въ калитку и по безлюдной улицѣ между заборами садовъ, огородовъ и виноградниковъ направились къ монастырю Маріи Благодатной—Maria delle Grazie.

VI.

Послѣднее время Бельтраффіо опечаленъ былъ тѣмъ, что не могъ внести учителю условленной ежемѣсячной платы въ шесть флориновъ. Дядя поссорился съ нимъ и не давалъ ни гроша. Джіованни бралъ деньги, чтобы заплатить за два мѣсяца, у фра Бенедетто. Но у монаха больше не было: онъ отдалъ ему послѣднія.

Джіованни хотѣлъ извиниться передъ учителемъ.

— Мессэре,—началъ онъ робко, заикаясь и краснѣя,—сегодня четырнадцатое, а я плачу десятаго по условію. Мнѣ очень совѣстно... Но

вотъ у меня всего только три флорина. Можетъ быть, вы согласитесь подождать... Я скоро достану денегъ. Мэрула обѣщалъ мнѣ переписку...

Леонардо посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ:

— Что ты, Джіованни? Господь съ тобой! Какъ тебѣ не стыдно говорить объ этомъ?

По смущенному лицу ученика, по неискуснымъ, жалобнымъ и стыдливымъ заплатамъ на старыхъ башмакахъ съ протертыми веревочными швами, по изношенному платью, онъ понялъ, что Джіованни сильно нуждается.

Леонардо нахмурился и заговорилъ о постороннемъ.

Но черезъ нѣкоторое время съ небрежнымъ и какъ бы разсѣяннымъ видомъ пошарилъ въ карманѣ, вынулъ золотую монету и сказалъ:

— Джіованни, прошу тебя, зайди потомъ въ лавку и купи мнѣ голубой бумаги для рисованія, листовъ двадцать, краснаго мѣла пачку, да хорьковыхъ кистей. Вотъ, возьми.

— Здѣсь дукатъ. На покупку десять сольди. Я принесу вамъ сдачи...

— Ничего не принесешь. Стоитъ говорить о такихъ пустякахъ... Успѣешь отдать. Больше о деньгахъ никогда и думать не смѣй,— слышишь?

Онъ отвернулся и молвилъ, указывая на утреннія туманныя очертанія лиственницъ, уходившихъ въ даль длинымъ рядомъ по обоимъ берегамъ Навильо Гранде—канала, прямого какъ стрѣла.

— Замѣтилъ ты, Джіованни, какъ въ легкомъ туманѣ зелень деревьевъ становится воздушно-голубою, а въ густомъ—блѣдно-сѣрой?

Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько замѣчаній о различіи тѣней, бросаемыхъ облаками на лѣтнія, покрытыя листвою, и зимнія, безлиственныя горы.

Потомъ опять обернулся къ ученику и сказалъ:

— А вѣдь я знаю, почему ты вообразилъ, что я скряга. Готовъ побиться объ закладъ, что вѣрно угадалъ. Когда мы съ тобой говорили о мѣсячной платѣ, должно быть ты замѣтилъ, какъ я разспросилъ и записалъ въ памятную книжку все до послѣдней мелочи, сколько, когда, отъ кого. Только — видишь ли? — надо тебѣ знать, другъ мой, что у меня такая привычка, должно быть, отъ отца моего, нотаріуса Пьетро да Винчи, самаго точнаго и благоразумнаго изъ людей. Мнѣ она въ прокъ не пошла и въ дѣлахъ никакой пользы не приноситъ. Вѣришь ли, иногда самому смѣшно перечитывать, — такіе пустяки записываю! Могу сказать съ точностью, сколько данари стоило перо и бархатъ для новой шляпы Андрэа Салаино, а куда тысячи дукатовъ уходятъ,— не знаю. Смотри же,—впередъ, Джіованни, не обращай вниманія на эту глупую привычку. Если тебѣ нужны деньги, бери и вѣрь, что я тебѣ даю, какъ отецъ—сыну...

Леонардо взглянулъ на него съ такою улыбкой, что на сердцѣ ученика сразу сдѣлалось легко и радостно.

Указывая спутнику на странную форму одного низкорослаго шелковичнаго дерева въ саду, мимо котораго они проходили, учитель замѣтилъ, что не только у каждаго дерева, но и у каждаго изъ листьевъ—особенная, единственная, болѣе нигдѣ никогда въ природѣ не повторяющаяся форма, какъ у каждаго человѣка—свое лицо.

Джіованни подумалъ, что онъ говоритъ о деревьяхъ съ тою же самой добротою, съ которой только что говорилъ объ его горѣ, какъ будто это вниманіе ко всему живому, обращаясь на природу, давало взгляду учителя проницательность ясновидящаго.

На низменной, плодородной равнинѣ изъ-за темно-зеленыхъ тутовыхъ деревьевъ выступила передъ ними церковь доминиканской обители Маріи дэлле Граціе, кирпичная, розовая, веселая на бѣломъ облачномъ небѣ, съ широкимъ ломбардскимъ куполомъ, подобнымъ шатру, съ лѣпными украшеніями изъ обожженой глины,—созданіе молодого Браманте.

Они вошли въ монастырскую трапезную.

VII.

Это была простая длинная зала съ голыми выбѣленными стѣнами, съ темными деревянными балками потолка, уходившими вглубь. Пахло теплою сыростью, ладономъ и застарѣлымъ чадомъ постныхъ блюдъ.

У простѣнка, ближайшаго ко входу, находился небольшой обѣденный столъ отца-игумена. По обѣимъ сторонамъ его—длинные, узкіе столы монаховъ.

Было такъ тихо, что слышалось жужжаніе мухи въ окнѣ съ пыльно-желтыми гранями стекла, углубленными какъ ячейки сотъ. Изъ монастырской кухни доносился говоръ, стукъ желѣзныхъ сковородъ и кастрюль.

Въ глубинѣ трапезной, у стѣны, противоположной къ столу пріора, затянутой сѣрымъ грубымъ холстомъ, возвышались досчатые подмостки.

Джіованни догадался, что подъ этимъ холстомъ — произведеніе, надъ которымъ учитель работалъ уже болѣе двѣнадцати лѣтъ,—«Тайная Вечеря».

Леонардо взошелъ на подмостки, отперъ деревянный ящикъ, гдѣ хранились подготовительные рисунки, картоны, кисти и краски, досталъ маленькую, исчерченную замѣтками на поляхъ, истрепанную латинскую книгу, подалъ ее ученику, и сказалъ:

— Прочти тринадцатую главу отъ Іоанна.

И откинулъ покрывало.

Когда Джіованни взглянулъ, въ первое мгновеніе ему показалось, что передъ нимъ не живопись на стѣнѣ, а дѣйствительная глубина воздуха, продолженіе монастырской трапезной,—точно другая комната открылась за отдернутой завѣсою, такъ что продольныя и поперечныя

балки потолка ушли въ нее, съуживаясь въ отдаленіи, и свѣтъ дневной слился съ тихимъ вечернимъ свѣтомъ надъ голубыми вершинами Сіона, которыя виднѣлись въ трехъ окнахъ этой новой трапезной, почти столь же простой, какъ монашеская, только обитой коврами, болѣе уютной и таинственной.

Длинный столъ, изображенный на картинѣ, похожъ былъ на тѣ, за которыми обѣдали монахи: такая же скатерть съ узорными, тонкими полосками, съ концами, завязанными въ узлы, и четырехугольными, нерасправленными складками, какъ будто еще немного влажная, только что взятая изъ монастырской кладовой, такіе же стаканы, тарелки, ножи, стеклянные сосуды съ виномъ.

И онъ въ Евангеліи прочелъ:

«Передъ праздникомъ Пасхи Іисусъ, зная, что пришелъ часъ Его перейти отъ міра сего къ Отцу, явилъ дѣломъ, что, возлюбивъ своихъ, сущихъ въ мірѣ,—до конца возлюбилъ ихъ.

«И во время вечери, когда діаволъ уже вложилъ въ сердце Іудѣ Искаріоту предать Его,—возмутился духомъ, и засвидѣтельствовалъ, и сказалъ: аминь, аминь, глаголю вамъ, одинъ изъ васъ предастъ меня.

«Тогда ученики озирались другъ на друга, недоумѣвая, о комъ онъ говоритъ.

«Одинъ же изъ учениковъ Его, котораго любилъ Іисусъ, возлежалъ у груди Іисуса.

«Ему Симонъ Петръ сдѣлалъ знакъ, чтобы спросилъ, кто это, о которомъ говоритъ.

«Онъ, припавши къ груди Іисуса, сказалъ ему: Господи, кто это?

«Іисусъ отвѣтилъ: тотъ, кому я, омочивъ хлѣбъ, подамъ. И омочивъ хлѣбъ, подалъ Іудѣ Симонову Искаріоту.

«И послѣ сего куска вошелъ въ него сатана».

Джіованни поднялъ глаза на картину.

Лица апостоловъ дышали такою жизнью, что онъ какъ будто слышалъ ихъ голоса, заглядывалъ въ глубину ихъ сердецъ, смущенныхъ самымъ непонятнымъ и ужаснымъ изъ всего, что когда-либо совершалось въ мірѣ,—рожденіемъ зла, отъ котораго Богъ долженъ умереть.

Особенно поразили Джіованни Іуда, Іоаннъ и Петръ. Голова Іуды не была еще написана, только тѣло, откинутое назадъ, слегка очерчено. Сжимая въ судорожныхъ пальцахъ мошну со сребряниками, нечаяннымъ движеніемъ руки опрокинулъ онъ солонку,—и соль просыпалась.

Петръ, въ порывѣ гнѣва, стремительно вскочилъ изъ-за него, правой рукой схватилъ ножъ, лѣвую опустилъ на плечо Іоанна, какъ бы вопрошая любимаго ученика Іисусова: «кто предатель?»—и старая, серебристо-сѣдая, лучезарно-гнѣвная голова его сіяла тою огненною ревностью, жаждою подвига, съ которою нѣкогда онъ долженъ былъ

воскликнуть, понявъ неизбѣжность страданій и смерти Учителя: «Господи, почему я не могу идти за тобою теперь? Я душу мою положу за Тебя».

Ближе всѣхъ ко Христу былъ Іоаннъ; мягкіе какъ шелкъ, гладкіе вверху, книзу вьющіеся волосы, опущенныя вѣки, отягченныя нѣгою сна, покорно сложенныя руки, лицо съ продолговато-круглымъ очеркомъ,—все дышало въ немъ небесной тишиной и ясностью. Одинъ изъ всѣхъ учениковъ, онъ больше не страдалъ, не боялся, не гнѣвался. Въ немъ исполнилось слово Учителя: «да будутъ всѣ едино, какъ Ты, Отче, во мнѣ и Я въ Тебѣ».

Джіованни смотрѣлъ и думалъ:

— Такъ вотъ, кто Леонардо! А я еще сомнѣвался, едва не повѣрилъ клеветѣ! Человѣкъ, который создалъ это,—безбожникъ! Да кто же изъ людей ближе ко Христу, чѣмъ онъ!»

Окончивъ нѣжными прикосновеніями кисти лицо Іоанна, и взявъ изъ ящика кусокъ угля, учитель пытался сдѣлать очеркъ головы Іисуса.

Но ничего не выходило.

Обдумывая десять лѣтъ эту голову, онъ все еще не умѣлъ набросать даже перваго очерка.

И теперь, какъ всегда, передъ гладкимъ бѣлымъ мѣстомъ въ картинѣ, гдѣ долженъ былъ и не могъ явиться ликъ Господа, художникъ чувствовалъ свое безсиліе и недоумѣніе.

Отбросивъ уголь, онъ стеръ губкою легкій слѣдъ его и погрузился въ одно изъ тѣхъ размышленій передъ картиной, которыя длились иногда цѣлыми часами.

Джіованни взошелъ на подмостки, тихонько приблизился къ нему и увидѣлъ, что мрачное, угрюмое, точно постарѣвшее лицо Леонардо выражало упорное напряженіе мысли, подобное отчаянію. Но, встрѣтивъ взоръ ученика, онъ молвилъ привѣтливо:

— Что скажешь, другъ?

— Учитель, что могу я сказать? Это—прекрасно, прекраснѣе всего, что есть въ мірѣ. И этого никто изъ людей не понялъ, кромѣ васъ. Но лучше не говорить. Я не умѣю...

Слезы задрожали въ голосѣ его.

Онъ прибавилъ тихо, какъ будто съ боязнью:

— И вотъ, что я еще думаю и не понимаю: какимъ должно быть лицо Іуды среди такихъ лицъ?..

Учитель досталъ изъ ящика рисунокъ на клочкѣ бумаги и показалъ ему.

Это было лицо страшное, но не отталкивающее, даже не злобное,—только полное безконечною скорбью и горечью познанія.

Джіованни сравнилъ его съ лицомъ Іоанна.

— Да,—произнесъ онъ шопотомъ,—это онъ! Тотъ, о комъ сказано: «вошелъ въ него сатана». Онъ, можетъ быть, зналъ больше всѣхъ, но не принялъ этого слова: «да будутъ всѣ едино». Онъ самъ хотѣлъ быть одинъ...

Въ трапезную вошелъ Чезаре да Сэсто съ человѣкомъ въ одеждѣ придворныхъ истопниковъ.

— Наконецъ-то, нашли мы васъ!—воскликнулъ Чезаре,—Повсюду ищемъ... Отъ герцогини по важному дѣлу, мастеръ.

— Не угодно ли будетъ вашей милости пожаловать во дворецъ,— добавилъ истопникъ почтительно.

— Что случилось?

— Бѣда, мессэръ Леонардо! Въ баняхъ трубы не дѣйствуютъ, да еще, какъ на грѣхъ, сегодня утромъ, только что герцогиня изволила въ ванну сѣсть, а служанка за бѣльемъ вышла въ сосѣднюю горницу, ручка на кранѣ съ горячей водою сломалась, такъ что ихъ свѣтлость никакъ не могли воду остановить. Хорошо, что успѣли выскочить изъ ванны. Едва кипяткомъ не обожглись. Очень изволятъ гнѣваться: мессэръ Амброджіо да Феррари, управляющій, жалуются, говорятъ,— неоднократно предупреждали вашу милость о неисправности трубъ...

— Вздоръ!—молвилъ Леонардо.—Видишь, я занятъ. Ступай къ Зороастро. Онъ въ полчаса поправитъ.

— Никакъ нѣтъ, мессэре! Безъ васъ не велѣно приходить...

Не обращая на него вниманія, Леонардо хотѣлъ опять приняться за работу. Но, взглянувъ на пустое мѣсто для головы Іисуса, поморщился съ досадою, махнулъ рукою, какъ бы вдругъ понявъ, что и на этотъ разъ ничего не выйдетъ, заперъ ящикъ съ красками и сошелъ съ подмостокъ.

— Ну, пойдемъ, все равно! Приходи за мной на большой дворъ замка, Джіованни. Чезаре тебя проводитъ. Я буду ждать васъ у Коня.

Этотъ Конь былъ памятникъ покойнаго герцога Франческо Сфорца.

И къ изумленію Джіованни, не оглянувшись на «Тайную Вечерю», какъ будто радуясь предлогу уйти отъ работы, учитель пошелъ съ истопникомъ чинить трубы для спуска грязной воды въ герцогскихъ баняхъ.

— Что? Насмотрѣться не можешь? — обратился Чезаре къ Бельтраффіо.—Пожалуй, оно и вправду удивительно, пока не раскусишь...

— Что ты хочешь сказать?

— Нѣтъ, такъ... Я не буду разувѣрять тебя. Можетъ быть и самъ увидишь. Ну, а пока—умиляйся...

— Прошу тебя, Чезаре, скажи прямо все, что ты думаешь.

— Изволь. Только чуръ, потомъ не сердись и не пеняй за правду. Впрочемъ, я знаю все, что ты скажешь, и спорить не буду. Конечно, это—великое произведеніе. Ни у одного мастера не было такого знанія анатоміи, перспективы, законовъ свѣта и тѣни. Еще бы! Все съ природы списано—каждая морщинка въ лицахъ, каждая складка на скатерти. Но духа живого здѣсь нѣтъ. Бога нѣтъ и не будетъ. Все мертво—внутри, въ сердцѣ мертво! Ты только вглядись, Джіованни, какая геометрическая правильность, какіе треугольники: два созерцательныхъ, два дѣятельныхъ, средоточіе во Христѣ. Вонъ по правую сторону—со-

зерцательный, совершенное добро — въ Іоаннѣ, совершенное зло — въ Іудѣ, различіе добра отъ зла, справедливость—въ Петрѣ. А рядомъ—треугольникъ дѣятельный—Андрей, Іаковъ Младшій, Варѳоломей. И по лѣвую сторону отъ центра—опять созерцательный,—любовь Филиппа, вѣра Іакова Старшаго, разумъ Ѳомы—и снова треугольникъ дѣятельный. Геометрія вмѣсто вдохновенія, математика—вмѣсто красоты! Все обдумано, разсчитано, изжовано разумомъ до тошноты, испытано до отвращенія, взвѣшено на вѣсахъ, измѣрено циркулемъ. Подъ святыней — кощунство!

— О, Чезаре!—произнесъ Джіованни съ тихимъ упрекомъ, — какъ ты мало знаешь учителя! И за что ты такъ его не любишь?..

— А ты знаешь его и любишь? — быстро обернувъ къ нему лицо, молвилъ Чезаре съ язвительной усмѣшкой.

Въ глазахъ его сверкнула такая неожиданная злоба, что Джіованни невольно потупился.

— Ты несправедливъ, Чезаре,—прибавилъ онъ, помолчавъ.—Картина не кончена: Христа еще нѣтъ.

— А будетъ Христосъ? Ты увѣренъ, Джіованни, что Онъ будетъ? Ну, что же, посмотримъ! Только помяни мое слово: «Тайной Вечери» мессэръ Леонардо не окончитъ никогда, ни Христа, ни Іуды не напишетъ. Ибо—видишь ли, другъ мой,—математикой, знаніемъ, опытомъ многаго достигнешь, но не всего. Тутъ нужно другое. Тутъ предѣлъ, котораго онъ со всей своей наукой не переступитъ!

Они вышли изъ монастыря и направились къ замку Кастелло ди Порта Джіовіа.

— По крайней мѣрѣ въ одномъ, Чезаре, ты навѣрное ошибаешься,—сказалъ Бельтраффіо,—Іуда уже есть...

— Какъ есть? Гдѣ?

— Я видѣлъ самъ.

— Когда?

— Только что, въ монастырѣ. Онъ мнѣ показывалъ рисунокъ...

— Тебѣ? Вотъ какъ!

Чезаре посмотрѣлъ на него и молвилъ медленно, какъ будто съ усиліемъ:

— Ну и что же,—хорошо?

Джіованни молча кивнулъ головою. Чезаре ничего не отвѣтилъ и во всю дорогу уже больше не заговаривалъ, погруженный въ задумчивость.

IX.

Они подошли къ воротамъ замка и черезъ Баттипонте—подъемный мостъ, вступили въ башню южной стѣны, Торре-ди-Филарете, со всѣхъ сторонъ окруженную водою глубокихъ рвовъ. Здѣсь было мрачно, душно, пахло казармою, хлѣбомъ, навозомъ и овсянкою. Эхо подъ гулкими сводами повторяло разноязычный говоръ, смѣхъ и ругательства наемниковъ.

Чезаре имѣлъ пропускъ. Но Джіованни, какъ незнакомаго, осмотрѣли подозрительно и записали имя его въ караульную книгу.

Черезъ второй подъемный мостъ, гдѣ подвергли ихъ новому осмотру, вступили они на пустынную внутреннюю площадь замка, такъ называемую Пьяццу д'Армэ—Марсово Поле.

Прямо передъ ними чернѣла зубчатая башня Боны Савойской надъ Мертвымъ Рвомъ,—Фоссато Морто. Справа былъ входъ въ почетный дворъ—Кортэ Дукале, слѣва—въ самую неприступную часть замка,—крѣпость Рокэтту, настоящее орлиное гнѣздо.

Посерединѣ площади виднѣлись деревянные лѣса, окруженные небольшими пристройками, заборами и навѣсами изъ досокъ, сколоченныхъ на скорую руку, но уже потемнѣвшихъ отъ старости, кое-гдѣ покрытыхъ пятнами желто-сѣрыхъ лишаевъ.

Надъ этими заборами и лѣсами возвышалось глиняное изваяніе, называвшееся Колоссомъ, въ двѣнадцать локтей вышины, конная статуя работы Леонардо да Винчи.

Гигантскій конь изъ темно-зеленой глины выдѣлялся на облачномъ небѣ. Онъ взвился на дыбы, попирая копытами воина. Побѣдитель простиралъ герцогскій жезлъ. Это былъ великій кондоттьеръ Франческо Сфорца, искатель приключеній, продававшій кровь свою за деньги,—полусолдатъ, полуразбойникъ. Сынъ бѣднаго романьольскаго землепашца, вышелъ онъ изъ народа, сильный, какъ левъ, хитрый, какъ лиса, достигъ вершины власти злодѣяніями, подвигами, мудростью и умеръ на престолѣ миланскихъ герцоговъ.

Лучъ блѣднаго влажнаго солнца упалъ на Колосса.

Джіованни прочелъ въ этихъ жирныхъ морщинахъ двойного подбородка, въ страшныхъ глазахъ, полныхъ хищною зоркостью, добродушное спокойствіе сытаго звѣря. На подножіи памятника увидѣлъ онъ запечатлѣнное въ мягкой глинѣ рукой самого Леонардо, двустишіе:

Expectant animi molemque futuram
Suspiciunt; fluat aes; vox crit: Ecce deus!

Его поразили два послѣднія слова: Ecce deus!—Се богъ!

— Богъ,—повторилъ Джіованни, взглянувъ на глинянаго Колосса, на человѣческую жертву, попираемую конемъ тріумфатора, Сфорца-Насильника, и вспомнилъ безмолвную трапезную въ обители Маріи Благодатной, голубыя вершины Сіона, небесную прелесть лица Іоанна и тишину послѣдней Вечери Того Бога, о которомъ сказано: Ecce homo!—Се—человѣкъ!

Къ Джіованни подошелъ Леонардо.

— Я кончилъ работу. Пойдемъ. А то опять позовутъ во дворецъ. Тамъ, кажется, кухонныя трубы испортились,—дымятъ. Надо улизнуть, пока не замѣтили.

Джіованни стоялъ молча, потупивъ глаза. Лицо его было блѣдно-

— Простите, учитель!.. Я думаю и не понимаю, какъ вы могли создавать этого Колосса и Тайную Вечерю вмѣстѣ, въ одно и то же время?

Леонардо посмотрѣлъ на него съ простодушнымъ удивленіемъ.

— Чего же ты не понимаешь?

— О, мессеръ Леонардо, развѣ вы не видите сами? Этого нельзя— вмѣстѣ...

— Напротивъ, Джіованни. Я думаю, что одно помогаетъ другому. Лучшія мысли о Тайной Вечери приходятъ мнѣ именно здѣсь, когда я работаю надъ Колоссомъ и наоборотъ тамъ, въ монастырѣ, я люблю обдумывать памятникъ. Это два близнеца. Я вмѣстѣ ихъ началъ,—вмѣстѣ кончу.

— Вмѣстѣ! Этотъ человѣкъ и Христосъ! Нѣтъ, нѣтъ, учитель, не можетъ быть!..—воскликнулъ Бельтраффіо и, не умѣя лучше выразить своей мысли, но чувствуя, какъ сердце его возмущается нестерпимымъ противорѣчіемъ, онъ повторялъ:

— Этого не можетъ быть!..

— Почему не можетъ?—молвилъ учитель съ ясной улыбкой.

Джіованни хотѣлъ что-то сказать, но, встрѣтивъ взоръ спокойныхъ недоумѣвающихъ глазъ Леонардо, понялъ, что нельзя ничего сказать, что все равно—онъ не пойметъ.

— Когда я смотрѣлъ на Тайную Вечерю,—думалъ Бельтраффіо,— мнѣ казалось, что я узналъ его. И вотъ опять я ничего не знаю. Кто онъ? Кому изъ двухъ сказалъ онъ въ сердцѣ своемъ: *Се—богъ*. Или Чезаре правъ, и въ сердцѣ Леонардо нѣтъ Бога?

X.

Ночью, когда всѣ въ домѣ спали, Джіованни вышелъ, мучимый безсонницей, на дворъ и сѣлъ у крыльца на скамью подъ навѣсомъ виноградныхъ лозъ.

Дворъ былъ четырехугольный, съ колодцемъ посерединѣ. Ту сторону, которая была за спиной Джіованни, занимала стѣна дома, противъ него были конюшни, слѣва—каменная ограда съ калиткою, выходившею на большую дорогу къ Порта Верчеллина, справа — стѣна маленькаго сада, и въ ней — дверца всегда запиравшаяся на замокъ, потому что въ глубинѣ этого сада было отдѣльное зданіе, куда хозяинъ не пускалъ никого, кромѣ Астро, и гдѣ онъ часто работалъ въ совершенномъ уединеніи.

Ночь была тихая, теплая и сырая. Душный туманъ — пропитанъ мутнымъ луннымъ свѣтомъ.

Въ запертую калитку стѣны, выходившей на большую дорогу, послышался стукъ.

Ставня одного изъ нижнихъ оконъ открылась, высунулся человѣкъ и спросилъ:

— Мона Кассандра?

— Я. Отопри.

Изъ дома вышелъ Астро и отперъ.

Во дворъ вступила женщина, одѣтая въ бѣлое платье, казавшееся на лунѣ зеленоватымъ, какъ туманъ.

Сначала они поговорили у калитки. Потомъ прошли мимо Джіованни, не замѣтивъ его, окутаннаго черною тѣнью отъ выступа крыльца и виноградныхъ лозъ.

Дѣвушка присѣла на невысокій край колодца.

Лицо у нея было странное, равнодушное и неподвижное, какъ у древнихъ изваяній: низкій лобъ, прямыя брови, слишкомъ маленькій подбородокъ и глаза прозрачно-желтые, какъ янтарь. Но больше всего поразили Джіованни волосы: сухіе, пушистые, легкіе, точно обладавшіе отдѣльною жизнью,—какъ змѣи Медузы, окружали они голову чернымъ ореоломъ, отъ котораго лицо казалось еще блѣднѣе, алыя губы—ярче, желтые глаза—прозрачнѣе.

— Ты, значитъ, тоже слышалъ, Астро, о братѣ Анжело?—сказала дѣвушка.

— Да, монна Кассандра. Говорятъ, онъ посланъ папою для искорененія всякихъ ересей и черной магіи. Какъ послушаешь, что добрые люди сказываютъ объ отцахъ инквизиторахъ,—морозъ по кожѣ подираетъ. Не дай Богъ попасть имъ въ лапы! Будьте осторожнѣе. Предупредите вашу тетку...

— Какая она мнѣ тетка!

— Ну, все равно, эту мону Сидонію, у которой вы живете.

— А ты думаешь, кузнецъ, что мы вѣдьмы?

— Ничего я не думаю! Мессэръ Леонардо подробно объяснилъ и доказалъ мнѣ, что никакого колдовства нѣтъ и быть не можетъ, по законамъ природы. Мессэръ Леонардо все знаетъ и ни во что не вѣритъ...

— Ни во что не вѣритъ,—повторила монна Кассандра,—въ чорта не вѣритъ? А въ Бога?

— Не смѣйтесь! Онъ человѣкъ праведный.

— Я не смѣюсь... А только, знаешь ли, Астро, какіе бываютъ забавные случаи? Мнѣ разсказывали, что у одного великаго безбожника отцы инквизиторы нашли договоръ съ дьяволомъ, въ которомъ этотъ человѣкъ обязывался отрицать, на основаніи логики и естественныхъ законовъ, существованіе вѣдьмъ и силу чорта, дабы, избавивъ слугъ сатанинскихъ отъ преслѣдованій святѣйшей инквизиціи, тѣмъ самымъ укрѣпить и умножить царство дьявола на землѣ. Вотъ почему говоговорятъ: быть колдуномъ—ересь, не вѣрить въ колдовство—дважды ересь. Смотри же, кузнецъ, не выдавай своего учителя, — никому не сказывай, что онъ не вѣритъ въ черную магію.

Сначала Зороастро смутился отъ неожиданности, потомъ сталъ возражать, оправдывая Леонардо. Но дѣвушка перебила его:

— А что,—какъ у васъ летательная машина? Скоро будетъ готова?

Кузнецъ только махнулъ рукою.

— Готова, какъ бы не такъ! Все съизнова передѣлывать будемъ.

— Ахъ, Астро, Астро! И охота тебѣ вѣрить такому вздору! Развѣ ты не понимаешь, что всѣ эти машины только для отводу глазъ? Месэръ Леонардо, я полагаю, давно уже летаетъ...

— Какъ летаетъ?

— Да вотъ такъ же, какъ я.

Онъ посмотрѣлъ на нее въ раздумьи.

— Можетъ быть, это вамъ только снится, мона Кассандра?

— А какъ же другіе видятъ? Или ты объ этомъ не слышалъ?

Кузнецъ въ нерѣшительности почесалъ у себя за ухомъ.

— Впрочемъ я и забыла,—продолжала она съ насмѣшкою,—вы вѣдь тутъ люди ученые, ни въ какія чудеса не вѣрите, у васъ все механика!

— Ну ее къ чорту! Вотъ она мнѣ гдѣ, эта механика!—указалъ кузнецъ на свой затылокъ.

Потомъ, сложивъ руки съ мольбою, воскликнулъ:

— Мона Кассандра! Вы знаете, я человѣкъ вѣрный. Да мнѣ и болтать невыгодно. Того и гляди братъ Анжело самихъ притянетъ. Скажите же, сдѣлайте милость, скажите мнѣ все въ точности...

— Что сказать?

— Какъ вы летаете?

— Вонъ ты чего захотѣлъ! Ну, нѣтъ,—этого я тебѣ не скажу. Много будешь знать, рано состаришься.

Она помолчала. Потомъ, заглянувъ ему прямо въ глаза долгимъ взглядомъ, прибавила тихо:

— Что тутъ говорить! Дѣлать надо.

— А что нужно?—спросилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, немного блѣднѣя.

— Слово знать, и зелье такое есть, чтобы тѣло мазать.

— У васъ есть?

— Есть.

— И слово знаете?

Дѣвушка кивнула головою.

— И полечу?

— Попробуй. Увидишь,—это вѣрнѣе механики!

Единственный глазъ кузнеца загорѣлся огнемъ безумнаго желанія.

— Мона Кассандра, дайте мнѣ вашего зелья!

Она засмѣялась тихимъ страннымъ смѣхомъ.

— И чудакъ же ты, Астро! Только что самъ называлъ тайны магіи глупыми бреднями, а теперь вдругъ повѣрилъ.

Астро потупился съ унылымъ, упрямымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Я хочу попробовать. Мнѣ вѣдь все равно—чудомъ или механикой—только бы полетѣть! Я больше ждать не могу...

Дѣвушка положила ему руку на плечо.

— Ну, Богъ съ тобой! Мнѣ тебя жаль. Въ самомъ дѣлѣ, чего добраго съ ума сойдешь, если не полетишь. Ужъ такъ и быть, дамъ я тебѣ зелья и слово скажу. Только и ты, Астро, сдѣлай то, о чемъ я тебя попрошу.

— Сдѣлаю, мона Кассандра, сдѣлаю все! Говорите.

Дѣвушка указала на мокрую черепичную крышу, блестѣвшую за стѣною сада въ лунномъ туманѣ.

— Пусти меня туда.

Астро нахмурился и покачалъ головою.

— Нѣтъ, нѣтъ... Все, что хотите, только не это!

— Почему?

— Я слово далъ мастеру не пускать никого.

— А самъ былъ?

— Былъ.

— Что же тамъ такое?

— Да никакихъ тайнъ. Право же, мона Кассандра, ничего любопытнаго. Машины, приборы, книги, рукописи, есть и рѣдкіе цвѣты, животныя, насѣкомыя: ему путешественники привозятъ изъ далекихъ странъ. И еще одно дерево—ядовитое...

— Какъ ядовитое?

— Такъ,—для опытовъ. Онъ отравилъ его, изучая дѣйствіе ядовъ на растенія.

— Прошу тебя, Астро, разскажи мнѣ все, что ты знаешь объ этомъ деревѣ.

— Да тутъ и разсказывать нечего. Раннею весною, когда она было въ соку, пробуравилъ отверстіе въ стволѣ до сердцевины и полою, длинною иглою вбрызгивалъ какой-то жидкости.

— Странные опыты! Какое же это дерево?

— Персиковое.

— Ну, и что же? Плоды налились ядомъ?

— Нальются, когда созрѣютъ.

— И видно, что они отравлены?

— Нѣтъ, не видно. Вотъ почему онъ и не пускаетъ никого: можно соблазниться красотой плодовъ, съѣсть и умереть.

— Ключъ у тебя?

— У меня.

— Дай ключъ, Астро!

— Что вы, что вы, мона Кассандра! Я поклялся ему...

— Дай ключъ!—повторила Кассандра.—Я сдѣлаю такъ, что ты въ эту же ночь полетишь, слышишь,—въ эту же ночь! Смотри, вотъ зелье.

Она вынула изъ-за пазухи и показала ему стеклянный пузырекъ, наполненный темною жидкостью, слабо блеснувшей въ лунномъ свѣтѣ, и, приблизивъ къ нему лицо, прошептала вкрадчиво:

— Чего ты боишься, глупый? Самъ же говоришь, что нѣтъ никакихъ тайнъ. Мы только войдемъ и посмотримъ... Ну же, дай ключъ!

— Оставьте меня, — проговорилъ онъ, — я все равно не пущу, и зелья твоѣ вашего не надо. Уйдите!

— Трусъ!—молвила дѣвушка съ презрѣніемъ. — Ты могъ бы и не смѣешь знать тайны. Теперь я вижу, что онъ колдунъ и обманываетъ тебя, какъ ребенка...

Онъ молчалъ угрюмо, отвернувшись.

Дѣвушка опять подошла къ нему:

— Ну, хорошо, Астро, не надо... Я не войду. Только открой дверь и дай посмотрѣть...

— Не войдете?

— Нѣтъ, только открой и покажи.

Онъ вынулъ ключъ и отперъ.

Джіованни, тихонько привставъ, увидѣлъ въ глубинѣ маленькаго сада, окруженнаго стѣнами, обыкновенное персиковое дерево. Но въ блѣдномъ туманѣ, подъ мутно-зеленымъ луннымъ свѣтомъ, оно показалось ему зловѣщимъ и призрачнымъ.

Стоя у порога, дѣвушка смотрѣла съ жаднымъ любопытствомъ широко-открытыми глазами. Потомъ сдѣлала шагъ впередъ, чтобы войти. Кузнецъ удержалъ ее.

Она боролась, скользила между руками его, какъ змѣя.

Онъ оттолкнулъ ее, такъ что она едва не упала. Но тотчасъ выпрямилась и посмотрѣла на него въ упоръ. Блѣдное, точно мертвое лицо ея было злобно и страшно. Въ эту минуту она въ самомъ дѣлѣ была похожа на вѣдьму.

Кузнецъ заперъ дверь сада и не, прощаясь съ моной Кассандрой, вошелъ въ домъ.

Она проводила его глазами. Потомъ быстро прошла мимо Джіованни и выскользнула въ калитку на большую дорогу къ Порта Верчеллина.

Наступила тишина. Туманъ еще сгустился. Все исчезало и таяло въ немъ.

Джіованни закрылъ глаза. Передъ нимъ встало, какъ въ видѣніи, страшное дерево съ тяжелыми каплями на мокрыхъ листьяхъ, съ ядовитыми плодами въ мутно-зеленомъ лунномъ свѣтѣ, и вспомнились ему слова Писанія:

«Заповѣдалъ Господь Богъ человѣку, говоря: отъ всякаго дерева въ саду ты будешь ѣсть.

«А отъ дерева познанія добра и зла, не ѣшь отъ него; ибо въ день, въ который ты вкусишь отъ него, смертью умрешь».

---

*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ядовитые плоды.

1495.

И сказалъ змѣй женѣ: нѣтъ не умрете, но знаетъ Богъ, что въ день, въ который вы вкусите ихъ, откроются глаза ваши и вы будете, какъ боги, знающіе добро и зло.

Книга Бытія, III, 4—5.

Faciendo un bucho con un succhiello dentro un albusciello e chacciandovi arsenicho e risalghallo e sollimato stemperati con acqua arzente, a forza di fare e sua frutti velenosi.

Leonardo da Vinci

Пробуравивъ отверстіе въ стволѣ молодого деревца, вбрызни въ него мышьяку и реальгару и сулемы, разведенныхъ на спирту, дабы сдѣлать плоды ядовитыми.

Леонардо да Винчи.

I.

Герцогиня Беатриче каждую пятницу мыла голову и золотила себѣ волосы. Послѣ крашенія надо было сушить ихъ на солнцѣ.

Съ этою цѣлью устраивались такъ называемыя «альтаны»—вышки, окруженныя перилами, на крышахъ домовъ.

Герцогиня сидѣла на такой вышкѣ надъ громаднымъ загороднымъ дворцомъ герцогской виллы Сфорцески, на правомъ берегу Тичино, близъ крѣпости Виджевано, среди великолѣпныхъ пастбищъ и вѣчнозеленыхъ поемныхъ луговъ провинціи Ломеллины, терпѣливо вынося палящій зной солнца, въ то время, когда и работники съ волами уходятъ для отдыха въ тѣнь.

Ее облекала просторная, изъ бѣлаго шелку накидка безъ рукавовъ,—«скіавонетто». На головѣ была соломенная шляпа,—«солнцевикъ», для предохраненія лица отъ загара. Позолоченные волосы, блестѣвшіе на солнцѣ, выпущенные изъ круглаго отверстія шляпы, раскинуты были по широкимъ полямъ. Желтолицая рабыня-черкешенка смачивала волосы губкою, насаженною на остріе веретена. Татарка, съ узкими косыми щелями глазъ, чесала ихъ гребнемъ изъ слоновой кости.

Жидкость для золоченія приготовлялась изъ майскаго сока корней орѣшника, шафрана, бычачьей желчи, ласточкина помета, сѣрой амбры, жженыхъ медвѣжьихъ когтей и ящеричнаго масла.

Рядомъ, подъ наблюденіемъ самой герцогини, на треножникѣ съ почти невидимымъ отъ солнца, побѣдившимъ пламенемъ, въ длинноносой ретортѣ, на подобіе тѣхъ, которыя употреблялись алхимиками,

кипѣла розовая мускатная вода съ драгоцѣнною виверрою, адрагантовой камедью и любистокомъ.

Объ служанки обливались потомъ. Даже комнатная собачка герцогини не находила себѣ мѣста на знойной вышкѣ, укоризненно щурилась на свою хозяйку, тяжело дышала, высунувъ языкъ, и не ворчала, по обыкновенію, въ отвѣтъ на заигрыванія вертлявой мартышки. Обезьяна была довольна жарою такъ же, какъ негритенокъ, державшій зеркало, оправленное въ жемчугъ и перламутръ.

Несмотря на то, что Беатриче постоянно желала придать лицу своему строгость, движеніямъ плавность, которыя приличествовали ея сану,—трудно было повѣрить, что ей девятнадцать лѣтъ, что у нея двое дѣтей и что она уже три года замужемъ. Въ ребяческой полнотѣ смуглыхъ щекъ, въ невинной складкѣ на тонкой шеѣ подъ слишкомъ круглымъ и пухлымъ подбородкомъ, въ толстыхъ губахъ, сурово сжатыхъ, точно всегда немного надутыхъ и капризныхъ, въ узкихъ плечахъ, въ плоской груди, въ угловатыхъ, порывистыхъ, иногда почти мальчишескихъ движеніяхъ видна была школьница, избалованная, своенравная, безъ удержу рѣзвая и самолюбивая. А, между тѣмъ, въ твердыхъ, ясныхъ какъ ледъ, коричневыхъ глазахъ ея свѣтился разсчетливый умъ. Самый проницательный изъ тогдашнихъ государственныхъ людей, посолъ Венеціи, Марино Сануто, въ тайныхъ письмахъ увѣрялъ синьорію, что эта дѣвочка въ политикѣ—настоящій кремень, что она болѣе себѣ на умѣ, чѣмъ герцогъ Лодовико, мужъ ея, который отлично дѣлаетъ, слушаясь своей жены во всемъ.

Комнатная собачка сердито и хрипло залаяла.

По крутой лѣсенкѣ, соединявшей альтану съ уборными и гардеробными покоями, взошла, кряхтя и охая, старуха въ темномъ вдовьемъ платьѣ. Одной рукой перебирала она четки, въ другой держала костыль. Морщины лица ея казались бы почтенными, если бы не приторная сладость улыбки, мышиное проворство глазъ.

— О-хо-хо, старость не радость! Едва всползла... Господь да пошлетъ добраго здравія вашей свѣтлости,—сказала старуха и, раболѣпно приподнявъ съ полу край умывальнаго скіавонетто, приложилась къ нему губами.

— А, мона Сидонія! Ну что,—готово?

Старуха вынула изъ мѣшка тщательно завернутую и закупоренную стклянку съ мутною, бѣлесоватою жидкостью,—молокомъ ослицы и рыжей козы, настоянномъ на дикомъ бадьянѣ, корняхъ спаржи и луковицахъ бѣлыхъ лилій.

— Денька два еще надо бы въ тепломъ лошадиномъ навозѣ продержать. Ну, да все равно,—полагаю, и такъ поспѣло. Только передъ тѣмъ, какъ умываться, велите сквозь войлочное цѣдило пропустить. Намочите мякоть сдобнаго хлѣба и личико извольте вытирать столько времени, сколько нужно, чтобы три раза прочитать «Вѣрую». Черезъ пять недѣль всякую смуглоту сниметъ. И отъ прыщиковъ помогаетъ.

— Послушай, старуха,—молвила Беатриче,—можетъ быть въ этомъ умываніи опять какая-нибудь гадость, которую вѣдьмы въ черной магіи употребляютъ, вродѣ змѣинаго сала, крови удода и порошка лягушекъ, сушеныхъ на сковородѣ, какъ въ той мази для вытравленія волосъ на родинкахъ, которую ты мнѣ намедни приносила. Тогда лучше скажи прямо.

— Нѣтъ, нѣтъ, ваша свѣтлость! Не вѣрьте тому, что люди болтаютъ. Я работаю на чистоту, безъ обмана. Какъ кто хочетъ. Вѣдь и то сказать, иногда безъ дряни не обойдешься: вотъ, напримѣръ, досточтимая мадонна Анжелика цѣлое прошлое лѣто псиною мочою голову мыла, чтобы не облысѣть, и еще Бога благодарила, что помогло!

Потомъ, наклонившись къ уху герцогини, начала она разсказывать послѣднюю городскую новость о томъ, какъ молоденькая жена главнаго консула соляного приказа, прелестная мадонна Филиберта, измѣняетъ мужу и забавляется съ пріѣзжимъ испанскимъ рыцаремъ.

— Ахъ ты,старая сводня!—полушутливо погрозила ей пальцемъ Беатриче, видимо наслаждаясь сплетнею,—сама же соблазнила несчастную...

— И, полноте, ваша свѣтлость, какая она несчастная! Поетъ, словно птичка,—радуется, каждый день меня благодаритъ. Воистину говоритъ, я только теперь познала, сколь великая существуетъ разница между поцѣлуями мужа и любовника...

— А грѣхъ? Неужели совѣсть ее не мучитъ?

— Совѣсть? Видите ли, ваша свѣтлость: хотя монахи и попы утверждаютъ противное, но я такъ думаю, что любовный грѣхъ—самый естественный изъ грѣховъ. Достаточно нѣсколькихъ капель святой воды, чтобы смыть его. Къ тому же, измѣняя супругу, мадонна Филиберта тѣмъ самымъ, какъ говорится, платитъ ему пирогомъ за ватрушку и, если не совершенно заглаживаетъ, то, по крайней мѣрѣ, весьма облегчаетъ передъ Богомъ его собственные грѣхи.

— А развѣ слышно, что и мужъ?..

— Навѣрное не знаю. Но всѣ они на одинъ ладъ, ибо, полагаю, нѣтъ на свѣтѣ такого мужа, который лучше не согласился бы имѣть одну руку, чѣмъ одну жену.

Герцогиня разсмѣялась.

— Ахъ, мона Сидонія, на тебя и сердиться нельзя! Откуда ты берешь такія словечки?

— Да ужъ вѣрьте старухѣ,—все, что говорю,—святая правда! Я вѣдь тоже въ дѣлахъ совѣсти соломенку отъ бревна отличить съумѣю... Всякому овощу свое время. Не утолившись въ юности любовью, наша сестра на старости лѣтъ мучится такимъ раскаяніемъ, что оно доводитъ ее до когтей дьявола.

— Ты разсуждаешь, какъ магистръ богословія!

— Я женщина неученая. Но отъ всего сердца говорю, ваша свѣтлость! Цвѣтущая юность дается въ жизни только разъ, ибо какому

чорту—прости Господи,—мы, бѣдныя женщины, годны, состарившись? Развѣ на то, чтобы сторожить золу въ камелькахъ. Прогонятъ насъ на кухню мурлыкать съ кошками, пересчитывать горшки да противни. Сказано: молодицамъ покормиться, а старухамъ подавиться. Красота безъ любви—все равно, что обѣдня безъ Отче Нашъ, а ласки мужа унылы, какъ игры монахинь.

Герцогиня опять разсмѣялась.

— Какъ? Какъ? Повтори!

Старуха посмотрѣла на нее внимательно, и, должно быть разсчитавъ, что достаточно позабавила пустяками, опять наклонилась къ уху ея и зашептала.

Беатриче перестала смѣяться. Тѣнь пробѣжала по ея лицу.

Она сдѣлала знакъ. Рабыни удалились. Только негритенокъ остался на вышкѣ: онъ не понималъ по-итальянски.

Ихъ окружало тихое небо, блѣдное, какъ будто помертвѣлое отъ зноя.

— Можетъ быть, вздоръ?—сказала, наконецъ, герцогиня.—Мало ли что болтаютъ...

— Нѣтъ, синьора. Я сама видѣла и слышала. Вамъ и другіе скажутъ.

— Много было народу?

— Тысячъ десять: вся площадь передъ Павійскимъ замкомъ полна

— Что же ты слышала?

— Когда мадонна Изабелла вышла на балконъ съ маленькимъ Франческо, всѣ замахали руками и шапками, многіе плакали. «Да здравствуетъ,— кричали,— Изабелла Аррагонская, Джіанъ-Галеаццо, законный государь Милана, и наслѣдникъ Франческо! Смерть похитителямъ престола!»

Беатриче нахмурилась.

— Этими самыми словами?

— Да, и еще хуже...

— Какія? Говори все, не бойся.

— Кричали...—у меня, синьора, языкъ не поворачивается,— кричали: «смерть ворамъ».

Беатриче вздрогнула, но, тотчасъ преодолѣвъ себя, спросила тихо

— Что же ты слышала еще?

— Право, не знаю, какъ и передать вашей милости...

— Да ну же, скорѣе! Я хочу знать все.

— Вѣрите ли, синьора, въ толпѣ говорили, что свѣтлѣйшій герцогъ Лодовико Моро, опекунъ и благодѣтель Джіана-Галеаццо, заточилъ своего племянника въ Павійскую крѣпость, окруживъ его наемными убійцами и шпіонами. Потомъ стали вопить, требуя, чтобы къ нимъ вышелъ самъ герцогъ. Но мадонна Изабелла отвѣтила, что онъ лежитъ больной...

И мона Сидонія опять таинственно зашептала на ухо герцогинѣ.

Сперва Беатриче слушала внимательно. Потомъ обернулась гнѣвно и крикнула:

— Съ ума ты сошла, старая вѣдьма! Какъ ты смѣешь! Да я сейчасъ велю тебя сбросить съ этой вышки, такъ что воронъ костей твоихъ не соберетъ!

Угроза не испугала моны Сидоніи. Беатриче также скоро успокоилась.

— Я этому и не вѣрю,—молвила она, посмотрѣвъ на старуху изподлобья.

Та пожала плечами:

— Воля ваша, а не вѣрить нельзя...

— Изволите ли видѣть, вотъ какъ это дѣлается,—продолжала она вкрадчиво,—лѣпятъ маленькое изваяніе изъ воску, вкладываютъ ему въ правую сторону сердце, въ лѣвую—печень ласточки, прокалываютъ иглою, произнося заклинанія, и тотъ, на кого изваяніе похоже, умираетъ медленною смертью. Тутъ ужъ никакіе врачи не помогутъ...

— Молчи!—перебила ее герцогиня,—никогда не смѣй мнѣ говорить объ этомъ...

Старуха опять благоговѣйно поцѣловала край умывальной одежды.

— Ваше великолѣпіе! Солнышко вы мое ясное! Слишкомъ люблю я васъ,—вотъ и весь мой грѣхъ. Вѣрите ли, со слезами молю Господа за ваше здоровье каждый разъ, какъ поютъ Magnificat на повечеріи св. Франциска. Люди говорятъ, будто я вѣдьма, но, если бы я и продала душу мою дьяволу, то, видитъ Богъ, только для того, чтобы хоть чѣмъ-нибудь угодить вашей свѣтлости!

И она прибавила задумчиво:

— Можно и безъ колдовства...

Герцогиня посмотрѣла на нее молча, съ любопытствомъ.

— Когда я сюда шла по дворцовому саду,—продолжала мона Сидонія безпечнымъ голосомъ,—садовникъ собиралъ въ корзину отличные спѣлые персики,—должно быть, подарокъ мессэру Джіану-Галеаццо...

И помолчавъ, она прибавила:

— А вотъ въ саду флорентинскаго мастера Леонардо да Винчи тоже, говорятъ, удивительной красоты персики,—только ядовитые...

— Какъ ядовитые?

— Да, да. Мона Кассандра, племянница моя, видѣла...

Старуха снова зашушукала на ухо Беатриче.

Герцогиня ничего не отвѣтила. Выраженіе глазъ ея осталось непроницаемымъ.

Волосы уже высохли. Она встала, сбросила съ плечъ скіавонетто и спустилась въ гардеробные покои.

Здѣсь стояли три громадныхъ шкафа. Въ первомъ, похожемъ на великолѣпную ризницу, развѣшаны были по порядку восемьдесятъ четыре платья, которыя успѣла она сшить себѣ за три года замужества. Одни

отличались, вслѣдствіе обилія золота и драгоцѣнныхъ камней, такою плотностью, что могли прямо, безъ поддержки, стоять на полу. Другія были прозрачны и легки какъ паутина. Во второмъ находились принадлежности соколиной охоты и лошадиная сбруя. Въ третьемъ—духи, воды, полосканья, притиранья, зубные порошки изъ бѣлаго коралла и жемчуга, безчисленныя баночки, колбы, перегонные шлемы, горлянки—цѣлая лабораторія женской алхиміи. Въ комнатѣ стояли также роскошные ящики, покрытые живописью, и кованные рундуки.

Когда служанка отперла одинъ изъ нихъ, чтобы вынуть свѣжую рубашку, повѣяло благоуханіемъ тонкаго камбрейскаго бѣлья, переложеннаго лавандовыми пучками и шелковыми подушками съ порошкомъ изъ левантійскихъ ирисовъ и дамасскихъ розъ, сушеныхъ въ тѣни.

Одѣваясь, Беатриче бесѣдовала со швеею о выкройкѣ новаго платья, только что полученной съ гонцомъ отъ сестры,—маркизы Мантуанской, Изабелы д'Эсте, тоже великой модницы. Сестры соперничали въ нарядахъ. Беатриче завидовала вкусу Изабелы и подражала ей. Одинъ изъ посланниковъ герцогини Миланской тайно извѣщалъ ее о всѣхъ новинкахъ мантуанскаго гардероба.

Беатриче надѣла платье съ рисункомъ, особенно любимымъ ею за то, что онъ скрадывалъ ея маленькій ростъ: ткань состояла изъ продольныхъ перемежающихся полосъ зеленаго бархата и золотой парчи. Рукава, перевязанные лентами сѣраго шелка, были въ обтяжку, съ французскими модными прорѣзами, «окнами», черезъ которые виднѣлось бѣлоснѣжное полотно рубашки, все въ мелкихъ, пышныхъ сборкахъ. Волосы украшены были рѣдкою, легкою какъ дымъ, золотою сѣткою и заплетены въ косу. Голову окружала тонкая нить «фероньерры» съ прикрѣпленнымъ къ ней маленькимъ рубиновымъ скорпіономъ.

II.

Она привыкла одѣваться такъ долго, что, по выраженію герцога, можно было бы за это время снарядить цѣлый торговый корабль въ Индію.

Наконецъ, услышавъ вдалекѣ звукъ роговъ и лай борзыхъ, вспомнила, что заказала охоту, и заторопилась. Но, уже готовая, по дорогѣ зашла въ покои своихъ карликовъ, названные въ шутку «жилищемъ гигантовъ» и устроенные въ подражаніе такимъ же игрушечнымъ комнатамъ во дворцѣ Изабеллы д'Эсте.

Стулья, кровати, утварь, лѣсенки съ широкими, низкими ступенями, даже часовня съ кукольнымъ алтаремъ, за которымъ служилъ обѣдню ученый карликъ Янакки, въ нарочно сшитыхъ для него архіепископскихъ ризахъ и митрѣ,—все было разсчитано на ростъ пигмеевъ.

Въ «жилищѣ гигантовъ» всегда былъ шумъ, смѣхъ, плачъ, крикъ разнообразныхъ, порою страшныхъ голосовъ, какъ въ звѣринцѣ или

сумашедшемъ домѣ, ибо здѣсь копошились, рождались, жили и умирали въ душной неопрятной тѣснотѣ—мартышки, горбуны, попугаи, арапки, дуры, калмычки, шутихи, кролики, карлики и другія потѣшныя твари, среди которыхъ молодая герцогиня нерѣдко проводила дни, забавляясь, какъ дѣвочка.

На этотъ разъ, спѣша на охоту, зашла она въ «жилище гигантовъ» только на минутку, свѣдать о здоровьѣ маленькаго арапченка Наннино, недавно присланнаго изъ Венеціи. Кожа у Наннино была такой черноты, что, по выраженію прежняго владѣльца его,—«лучшаго и желать невозможно». Герцогиня играла имъ, какъ живою куклою. Арапченокъ заболѣлъ. И хваленая чернота его оказалась не совсѣмъ природною, ибо краска вродѣ лака, которая придавала тѣлу его черный блестящій лоскъ, мало-по-малу начала слѣзать, къ великому горю Беатриче.

Въ послѣднюю ночь ему сдѣлалось хуже. Боялись, что онъ умретъ. Узнавъ объ этомъ, герцогиня весьма опечалилась, ибо любила его по старой памяти, даже побѣднѣвшаго. Она велѣла какъ можно скорѣе крестить арапченка, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, не умеръ язычникомъ.

Спускаясь на лѣстницѣ встрѣтила она свою любимую дурочку Моргантину, еще не старую, хорошенькую и такую забавную, что, по словамъ Беатриче, она могла бы и мертваго разсмѣшить.

Моргантина любила воровать. Украдетъ что-нибудь, спрячетъ въ уголъ, подъ сломанную половицу въ мышиную норку и ходитъ довольная. Когда же спросятъ ее съ ласкою: «будь доброю, скажи, куда спрятала?»—возьметъ за руку, съ лукавымъ видомъ, поведетъ и покажетъ. А если крикнутъ: «ну-ка, рѣчку въ бродъ,»—Моргантина, не стыдясь, подымаетъ платье такъ высоко, какъ только можетъ.

Порой находила на нее тоска. Тогда по цѣлымъ днямъ плакала она о несуществующемъ ребеночкѣ,—никакихъ дѣтей у нея не было,—и такъ всѣмъ надоѣдала, что ее запирали въ чуланъ.

И теперь сидя въ углу лѣстницы, обнявъ колѣни руками и равномѣрно покачиваясь, Моргантина заливалась горькими слезами.

Беатриче подошла и погладила ее по головѣ.

— Перестань, будь умницей...

Дурочка, поднявъ на нее свои голубые дѣтскіе глаза, завыла еще жалобнѣе.

— Ой, ой, ой! Отняли у меня родненькаго! И за что, Господи? Никому онъ не дѣлалъ зла. Я имъ тихо утѣшалась...

Герцогиня сошла на дворъ, гдѣ ее ожидали охотники.

III.

Окруженная вершниками, сокольничими, псарями, стремянными, придворными дамами и пажами, она держалась прямо и смѣло на караковомъ

поджаромъ берберійскомъ жеребцѣ завода Гонзага не какъ женщина а какъ опытный наѣздникъ. «Настоящая королева амазонокъ!»—съ гордостью подумалъ герцогъ Моро, вышедшій на крытый ходъ передъ дворцомъ полюбоваться выѣздомъ супруги.

За сѣдломъ герцогини сидѣлъ охотничій леопардъ въ ливреѣ, шитой золотомъ, съ рыцарскими гербами. На лѣвой рукѣ—бѣлый, какъ снѣгъ, кипрскій соколъ—falcone pellegrino—подарокъ султана, сверкалъ усыпаннымъ изумрудами, золотымъ клобучкомъ. На лапкахъ его звенѣли бубенцы разнозвучными, переливчатыми звонами, которые помогали находить птицу, если терялась она въ туманѣ или болотной травѣ.

Герцогинѣ было весело, хотѣлось шалить, смѣяться, скакать, сломя голову. Оглянувшись съ улыбкой на мужа, который успѣлъ только крикнуть: «Берегись, — лошадь горячая!» она сдѣлала знакъ своимъ спутницамъ и помчалась въ перегонку съ ними, сначала по дорогѣ, потомъ въ открытое поле—черезъ канавы, кочки, рвы и плетни.

Доѣзжачіе отстали. Впереди всѣхъ неслась Беатриче со своимъ громаднымъ любимымъ волкодавомъ и рядомъ, на черной испанской кобылѣ, — самая веселая и безстрашная изъ ея фрейлинъ, мадонна Лукреція Кривелли.

Герцогъ былъ втайнѣ неравнодушенъ къ этой Лукреціи. Теперь, любуясь на нее и на Беатриче вмѣстѣ, не могъ онъ рѣшить, кто изъ нихъ ему больше нравится. Но тревогу онъ испытывалъ за жену. Когда лошади перескакивали черезъ яму, онъ жмурилъ глаза, чтобы не видѣть, и духъ у него захватывало.

Моро бранилъ герцогиню за эти шалости, но сердиться не могъ. Подозрѣвая въ себѣ недостатокъ тѣлесной отваги, онъ гордился втайнѣ храбростью жены.

Охотники исчезли въ лозникѣ и камышевыхъ зарослях на низменномъ берегу Тичино, гдѣ водились утки, бекасы и цапли.

Герцогъ вернулся въ маленькую рабочую комнату,—«студіоло» Здѣсь ожидалъ его для продолженія прерванныхъ занятій главный секретарь, — сановникъ, завѣдовавшій иностранными посольствами, мессэръ Вартоломэо Калко.

IV.

Сидя въ высокомъ креслѣ, Моро тихонько ласкалъ бѣлою холеною рукою свои гладко бритыя щеки и круглый подбородокъ.

Благообразное лицо его имѣло тотъ отпечатокъ прямодушной откровенности, который пріобрѣтаютъ только лица совершенныхъ въ лукавствѣ политиковъ. Большой орлиный носъ съ горбиной, выдающіяся впередъ, какъ будто заостренныя, тонко извилистыя губы напоминали отца его, великаго кондоттьера Франческо Сфорца. Но если Франческо, по выраженію поэтовъ, въ одно и то же время былъ львомъ и

лисицею, то сынъ его унаслѣдовалъ отъ отца и пріумножилъ только лисью хитрость безъ львинаго мужества.

Моро носилъ простое, изящное платье блѣдно-голубого шелка съ разводами, модную прическу, «цаццеру» — гладкую, волосокъ къ волоску, закрывавшую уши и лобъ почти до бровей, похожую на густой парикъ. Золотая цѣпь висѣла на груди его. Въ обращеніи была ровная со всѣми, утонченная вѣжливость.

— Имѣете ли вы какія-нибудь точныя свѣдѣнія, мессэръ Бартоломэо, о выступленіи французскаго войска изъ Ліона?

— Никакихъ, ваша свѣтлость. Каждый вечеръ говорятъ—завтра, каждое утро откладываютъ. Король увлеченъ невоинственными забавами.

— Какъ имя первой любовницы?

— Много именъ. Вкусы его величества прихотливы и непостоянны...

— Напишите графу Бельджіойозо, — молвилъ герцогъ,—что я высылаю тридцать... нѣтъ, мало—сорокъ... пятьдесятъ тысячъ дукатовъ для новыхъ подарковъ. Пусть не жалѣетъ. Мы вытащимъ короля изъ Ліона золотыми цѣпями! И знаешь ли, Бартоломэо,—конечно, это между нами, — не мѣшало бы послать его величеству портреты нѣкоторыхъ здѣшнихъ красавицъ. Кстати, письмо готово?

— Готово, синьоръ.

— Покажи.

Моро съ удовольствіемъ потиралъ мягкія, бѣлыя руки.

Каждый разъ, какъ онъ оглядывалъ громадную паутину своей политики, испытывалъ онъ знакомое сладкое замираніе сердца какъ передъ сложной и опасной игрой. По совѣсти, не считалъ онъ себя виновнымъ, призывая чужеземцемъ, сѣверныхъ варваровъ на Италію, ибо къ этой крайности принуждали его враги, среди которыхъ злѣйшимъ была Изабелла Аррагонская, супруга Джіана-Галеаццо, всенародно обвинявшая герцога Лодовика въ томъ, что онъ похитилъ престолъ у своего племянника. Только тогда, когда отецъ Изабеллы, король Неаполя, Альфонсо, въ отмщеніе за обиду дочери и зятя сталъ грозить Моро войною и низверженіемъ съ престола,—всѣми покинутый, обратился онъ къ помощи французскаго короля Карла VIII.

— Неисповѣдимы пути твои, Господи!—размышлялъ герцогъ, пока секретарь доставалъ изъ кипы бумагъ черновой набросокъ письма. — Спасеніе моего государства, Италіи, быть можетъ, всей Европы въ рукахъ этого жалкаго заморыша, сластолюбиваго и слабоумнаго ребенка, христіаннѣйшаго короля Франціи, передъ которымъ мы, наслѣдники великихъ Сфорца, должны пресмыкаться, ползать, чуть не сводничать! Но такова политика: съ волками жить—по волчьи выть.

Онъ перечелъ письмо Оно показалось ему краснорѣчивымъ, въ особенности, ежели принять въ разсчетъ пятьдесятъ тысячъ дукатовъ, высылаемыхъ графу Бельджіойозо для подкупа приближенныхъ его величества и соблазнительные портреты итальянскихъ красавицъ.

«Господь да благословитъ твое крестоносное воинство, Христіаннѣйшій,—говорилось, между прочимъ, въ этомъ посланіи,—врата Авзоніи открыты предъ тобою. Не медли же, вступи въ нихъ тріумфаторомъ, о новый Ганнибалъ! Народы Италіи алчутъ пріять твое иго сладчайшее, помазанникъ Божій,—ожидаютъ тебя, какъ нѣкогда, по воскресеніи Господа, патріархи ожидали Его сошествія во адъ. Съ помощью Бога и твоей знаменитой артиллеріи, ты завоюешь не только Неаполь, Сицилію, но и земли великаго Турка, обратишь невѣрныхъ въ христіанство, проникнешь въ нѣдра Святой Земли, освободишь Іерусалимъ и Гробъ Господень отъ нечестивыхъ агарянъ и славнымъ именемъ твоимъ наполнишь вселенную».

Горбатый, плѣшивый старичокъ, съ длиннымъ краснымъ носомъ, заглянулъ въ дверь студіоло. Герцогъ привѣтливо улыбнулся ему, приказывая знакомъ подождать.

Дверь скромно притворилась, и голова исчезла.

Секретарь завелъ было рѣчь о другомъ государственномъ дѣлѣ, но Моро слушалъ его разсѣянно, поглядывая на дверь.

Мессэръ Бартоломэо понялъ, что герцогъ занятъ посторонними мыслями,—кончилъ докладъ и ушелъ.

Осторожно оглядываясь, на цыпочкахъ, герцогъ приблизился къ двери.

— Бернардо, а, Бернардо? Это ты?

— Я, ваша свѣтлость!

И придворный стихотворецъ Бернардо Беллинчіони, съ таинственнымъ и подобострастнымъ видомъ подскочилъ, хотѣлъ было стать на колѣни, чтобы поцѣловать руку государя, но тотъ его удержалъ.

— Ну что, какъ?

— Благополучно.

— Родила?

— Сегодня ночью изволили разрѣшиться отъ бремени.

— Здорова? Не послать ли врача?

— Въ здравіи совершенномъ обрѣтаются. .

— Слава Богу!

Герцогъ перекрестился.

— Видѣлъ ребенка?

— Какъ же! Прехорошенькій...

— Мальчикъ или дѣвочка?

— Мальчикъ. Буянъ, крикунъ! Волосики свѣтлые, какъ у матери, а глазенки такъ и горятъ, такъ и бѣгаютъ,—черные, умные, совсѣмъ какъ у вашей милости. Сейчасъ видно—царственная кровь! Маленькій Геркулесъ въ колыбели. Мадонна Цецилія не нарадуется. Велѣли спросить, какое вамъ будетъ угодно имя.

— Я уже думалъ,—произнесъ герцогъ,—знаешь, Бернардо, назовемъ-ка мы его Цезаремъ. Какъ тебѣ нравится?

— Цезарь? А вѣдь въ самомъ дѣлѣ прекрасное имя, благозвучное, древнее! Да, да,—Цезарь Сфорца,—имя достойное героя!

— А что, какъ мужъ?

— Яснѣйшій графъ Бергамини добръ и любезенъ, какъ всегда.

— Превосходный человѣкъ!—замѣтилъ герцогъ съ убѣжденіемъ.

— Превосходнѣйшій! — подхватилъ Беллинчіони. — Смѣю сказать, рѣдкихъ добродѣтелей человѣкъ! Такихъ людей нынче поискать. Ежели подагра не помѣшаетъ, графъ хотѣлъ пріѣхать къ ужину, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе вашей свѣтлости.

Графиня Цецилія Бергамини, о которой шла у нихъ рѣчь, была давнею любовницей Моро. Беатриче, только что выйдя замужъ и узнавъ объ этой связи герцога, ревновала его, грозила вернуться въ домъ отца, феррарскаго герцога Эрколе д'Эсте, и Моро вынужденъ былъ поклясться торжественно, въ присутствіи пословъ, не нарушать супружеской вѣрности, въ подтвержденіе чего выдалъ Цецилію за стараго, разорившагося графа Бергамини, человѣка покладистаго, готоваго на всякія услуги.

Беллинчіони, вынувъ изъ кармана бумажку, подалъ ее герцогу.

То былъ сонетъ въ честь новорожденнаго,—маленькій діалогъ, въ которомъ поэтъ спрашивалъ бога солнца, почему онъ закрывается тучами. Солнце отвѣчало съ придворною любезностью, что прячется отъ стыда и зависти къ новому солнцу—сыну Моро и Цецилiи.

Герцогъ благосклонно принялъ сонетъ, вынулъ изъ кошелька червонецъ и подалъ стихотворцу.

— Кстати, Бернардо, ты не забылъ, надѣюсь, что въ субботу день рожденія герцогини?

Беллинчіони торопливо порылся въ прорѣхѣ своего платья полупридворнаго, полунищенскаго, служившей ему карманомъ, извлекъ оттуда цѣлую кипу довольно грязныхъ бумажекъ и, среди высокопарныхъ одъ на смерть охотничьяго сокола мадонны Анжелики, на болѣзнь сѣрой въ яблокахъ венгерской кобылы синьора Паллавичини, отыскалъ требуемые стихи.

— Цѣлыхъ три, ваша свѣтлость,—на выборъ. Клянусь Пегасомъ, останетесь довольны!

Въ тѣ времена государи пользовались своими придворными поэтами, какъ музыкальными инструментами. чтобы пѣть серенады не только своимъ возлюбленнымъ, но и своимъ женамъ, причемъ свѣтская мода требовала, чтобы въ этихъ стихахъ предполагалась между мужемъ и женой такая же неземная любовь, какъ между Лаурою и Петраркою.

Моро съ любопытствомъ просмотрѣлъ стихи: онъ считалъ себя тонкимъ цѣнителемъ, «поэтомъ въ душѣ», хотя риѳмы ему не давались. Въ первомъ сонетѣ пришлись ему по вкусу три стиха; мужъ говоритъ женѣ:

Sputando in terra quivi nascon fiori,
Come di primavera le viole...

И гдѣ на землю плюнешь ты,
Тамъ вдругъ рождаются цвѣты,—
Какъ раннею весной—фіалки.

Во второмъ—поэтъ, сравнивая мадонну Беатриче съ богиней Діаной, увѣрялъ, что кабаны и олени испытываютъ блаженство, умирая отъ руки такой прекрасной охотницы.

Но болѣе всего понравился его высочеству третій сонетъ, въ которомъ Данте обращался къ Богу съ просьбою отпустить его на землю, куда будто бы вернулась Беатриче въ образѣ герцогини Миланской. «О Giove! Юпитеръ!—восклицалъ Аллигіери,—такъ какъ ты опять подарилъ ее міру, позволь и мнѣ быть съ нею, дабы видѣть того, кому Беатриче даруетъ блаженство»,—то-есть герцога Лодовико.

Моро милостиво потрепалъ поэта по плечу и обѣщалъ ему краснаго флорентинскаго сукна, по десяти сольди за локоть, на шубу для предстоящей зимы, причемъ Бернардо сумѣлъ выпросить и лисьяго мѣха на воротникъ, увѣряя съ жалобными и шутовскими ужимками, что старая шуба его сдѣлалась такою сквозною и прозрачною, «какъ вермишель, которая сушится на солнцѣ».

— Прошлую зиму,—продолжалъ онъ клянчить,—за недостаткомъ дровъ, я готовъ былъ сжечь не только собственную лѣстницу, но и деревянные башмаки св. Франциска. I zoccoli arderei di San Francesco!—привелъ онъ стихъ одного изъ своихъ сонетовъ.

Герцогъ разсмѣялся и обѣщалъ ему дровъ.

Тогда, въ порывѣ благодарности, поэтъ мгновенно сочинилъ и прочелъ хвалебное четверостишіе:

Когда рабамъ своимъ ты обѣщаешь хлѣбъ,
Небесную, какъ Богъ, ты имъ даруешь манну,—
За что всѣ девять музъ и сладкозвучный Фебъ,
О, благородный Мавръ, поютъ тебѣ осанну!

— Ты сегодня, кажется, въ ударѣ—Бернардо? Послушай-ка, мнѣ нужно еще одно стихотвореніе...

— Любовное?

— Да. И страстное...

— Герцогинѣ?

— Нѣтъ. Только смотри у меня,—не проболтайся!

— О, синьоръ, вы меня обижаете. Да развѣ я когда-нибудь?..

— Ну, то-то же.

— Нѣмъ, нѣмъ, какъ рыба!

Бернардо таинственно и почтительно заморгалъ глазами.

— Страстное? Ну, а какъ? Съ мольбою или съ благодарностью?

— Съ мольбою.

Поэтъ глубокомысленно сдвинулъ брови:

— Замужняя?

— Дѣвушка.

— Такъ... Надо бы имя...

— Ну, вотъ! Зачѣмъ тебѣ?

— Если съ мольбою, то не годится безъ имени.

— Мадонна Лукреція. А готоваго нѣтъ?

— Есть, да лучше бы свѣженькое. Позвольте въ сосѣдній покой на минутку. Ужъ чувствую, выйдетъ недурно: рюмы въ голову такъ и лѣзутъ!

Вошелъ пажъ и доложилъ:

— Мессэръ Леонардо да Винчи.

Захвативъ перо и бумагу, Беллинчіони юркнулъ въ одну дверь, между тѣмъ какъ въ другую входилъ Леонардо.

V.

Послѣ первыхъ привѣтствій герцогъ заговорилъ съ художникомъ о новомъ громадномъ каналѣ Навильо Сфорцеско, который долженъ былъ соединить рѣку Сэзію съ Тичино и, развѣтвляясь въ сѣть меньшихъ каналовъ, оросить луга, поля и пастбища Ломеллины.

Леонардо управлялъ работами по сооруженію Навильо, хотя не имѣлъ чина герцогскаго строителя, ни даже придворнаго живописца, сохраняя, по старой памяти, за одинъ давно ужъ изобрѣтенный имъ музыкальный приборъ, чинъ музыканта, sonatore di lira, что было немногимъ выше званія такихъ придворныхъ поэтовъ, какъ Беллинчіони.

Объяснивъ съ точностью планы и счеты, художникъ попросилъ сдѣлать распоряженіе о выдачѣ денегъ для дальнѣйшихъ работъ.

— Сколько?—молвилъ герцогъ.

— За каждую милю по 506—всего 15.187 дукатовъ, — отвѣчалъ Леонардо.

Лодовико поморщился, вспомнивъ о 50.000 только что назначенныхъ для взятокъ и подкупа французскихъ вельможъ.

Дорого, мессэръ Леонардо! Право же, ты разоряешь меня. Все хочешь невозможнаго и небывалаго. Помилуй, что за величественные замыслы! Вѣдь вотъ Браманте — тоже строитель опытный, а никогда такихъ денегъ не требуетъ.

Леонардо пожалъ плечами.

— Воля ваша, синьоръ! Поручите Браманте.

— Ну, ну, не сердись. Ты знаешь, я тебя никому въ обиду не дамъ.

Начали торговаться.

— Хорошо! Успѣемъ завтра, — заключилъ герцогъ, стараясь, по своему обыкновенію, затянуть рѣшеніе дѣла, и началъ перелистывать тетради Леонардо съ неоконченными набросками, архитектурными чертежами и замыслами.

Художникъ, котораго это раздражало, долженъ былъ давать объясненія.

На одномъ рисункѣ изображена была исполинская гробница,—цѣлая искусственная гора, увѣнчанная многоколоннымъ храмомъ съ круглымъ отверстіемъ въ куполѣ, какъ въ римскомъ Пантеонѣ, чтобы озарять внутренніе покои усыпальницы, превосходившей великолѣпіемъ египетскія пирамиды. Рядомъ были точныя цифры и подробный планъ расположенія лѣстницъ, ходовъ, залъ, разсчитанныхъ на пятьсотъ могильныхъ урнъ.

— Что это?—спросилъ герцогъ,—когда и для кого ты задумалъ?

— Такъ, ни для кого... Мечты...

Моро съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него и покачалъ головою.

— Странныя мечты! Мавзолей для олимпійскихъ боговъ или титановъ. Точно во снѣ или въ сказкѣ... А вѣдь еще математикъ!

Онъ заглянулъ въ другой рисунокъ, планъ города съ двухъярусными улицами,—верхними для благородныхъ, нижни и для черни, вьючныхъ животныхъ и нечистотъ, омываемыхъ водою множества трубъ и каналовъ,—города, построеннаго согласно съ точнымъ знаніемъ законовъ природы, но для такихъ существъ, у которыхъ совѣсть не смущается передъ вопіющимъ неравенствомъ, раздѣленіемъ на избранниковъ и отверженныхъ.

— А вѣдь недурно!—молвилъ герцогъ.—И ты полагаешь, можно бы устроить?

— О, да!—отвѣчалъ Леонардо, и лицо его оживилось. — Я давно мечтаю о томъ, чтобы когда-нибудь вашей свѣтлости угодно было сдѣлать опытъ, хотя бы только съ однимъ изъ предмѣстій Милана. Пять тысячъ домовъ—на тридцать тысячъ жителей. И разсѣялось бы это множество людей, которые сидятъ другъ у друга на плечахъ, тѣснятся въ грязи, въ духотѣ, распространяя сѣмена заразы и смерти. Если бы вы исполнили мой планъ, синьоръ, — это былъ бы прекраснѣйшій городъ въ мірѣ...

Художникъ остановился, замѣтивъ, что герцогъ смѣется.

— Чудакъ ты, забавникъ, мессэръ Леонардо! Кажется, дай тебѣ волю,—все бы вверхъ дномъ повернулъ, какихъ бы только въ государствѣ бѣдъ не надѣлалъ! И неужели ты не видишь, что самые покорные изъ рабовъ взбунтовались бы противъ твоихъ двухъ-ярусныхъ улицъ, плюнули бы на хваленую чистоту твою, на водосточныя трубы и каналы прекраснѣйшаго города въ мірѣ, въ старые города свои убѣжали бы: въ грязи, молъ, въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ.

— Ну, а здѣсь что?—спросилъ онъ, указывая на другой чертежъ.

Леонардо вынужденъ былъ объяснить и этотъ рисунокъ, оказавшійся планомъ дома терпимости. Отдѣльныя комнаты, двери и ходы расположены были такъ, что посѣтители могли разсчитывать на тайну, не опасаясь встрѣчи другъ съ другомъ.

— Вотъ это дѣло!—восхитился герцогъ.—Право, ты не повѣришь какъ надоѣли мнѣ жалобы на грабежи и убійства въ притонахъ. А

при такомъ расположеніи комнатъ будетъ порядокъ и безопасность. Непремѣнно устрою домъ по твоему чертежу!

— Однако, — прибавилъ онъ, усмѣхаясь, — ты у меня, я вижу на всѣ руки мастеръ, не брезгаешь ничѣмъ: мавзолей для боговъ рядомъ съ домомъ терпимости!

— Кстати, — продолжалъ онъ, — читалъ я однажды въ книгѣ какого-то древняго историка о такъ называемомъ «ухѣ тиранна Діонисія» — слуховой трубѣ, скрытой въ толщѣ стѣнъ и устроенной такъ, что государь можетъ слышать изъ одного покоя все, что говорится въ другомъ. Какъ ты полагаешь, нельзя ли устроить ухо Діонисія въ моемъ дворцѣ?

Герцогу сначала было немного совѣстно. Но онъ тотчасъ оправился, почувствовавъ, что художника нечего стыдиться. Не смущаясь, даже не помышляя о томъ — хорошо или дурно Діонисіево ухо, Леонардо бесѣдовалъ о немъ, какъ о новомъ научномъ приборѣ, радуясь предлогу изслѣдовать при устройствѣ этихъ трубъ законы движенія звуковыхъ волнъ.

Беллинчіони съ готовымъ сонетомъ заглянулъ въ дверь.

Леонардо простился. Моро пригласилъ его къ ужину.

Когда художникъ ушелъ, герцогъ подозвалъ поэта и велѣлъ читать стихи.

«Саламандра, — говорилось въ сонетѣ, — «живетъ въ огнѣ, но не большее ли диво то, что въ пламенномъ сердцѣ моемъ

Холодная, какъ ледъ, мадонна обитаетъ,
И ледъ сей дѣвственный въ огнѣ любви не таетъ?

Особенно нѣжными показались герцогу послѣдніе четыре стиха:

Я лебедемъ пою, пою и умираю.
Амура я молю: «о сжалься, я сгораю!»
Но раздуваетъ богъ огонь моей души
И говоритъ, смѣясь: «слезами потуши».

VI.

Передъ ужиномъ, въ ожиданіи супруги, которая должна была скоро вернуться съ охоты, герцогъ пошелъ по хозяйству. Заглянулъ въ конюшню, подобную греческому храму, съ колонадами, портиками, двухсвѣтными денниками; въ новую великолѣпную сыроварню, гдѣ отвѣдалъ «джьюнкаты» — свѣжаго творожнаго сыру. Мимо безконечныхъ сѣноваловъ и погребовъ прошелъ на мызу и скотный дворъ. Здѣсь каждая подробность радовала сердце хозяина: и звукъ молочной струи, цѣдившейся изъ вымени его любимицы, краснопѣгой лангедокской коровы, и материнское хрюканье огромной, подобной горѣ жира, свиньи, только что опоросившейся, и желтая сливочная пѣна въ ясеневыхъ кадкахъ маслобойни, и медовый запахъ въ перепомненныхъ житницахъ.

На лицѣ Моро появилась улыбка тихаго довольства: воистину домъ его былъ, какъ полная чаша. Онъ вернулся во дворецъ и присѣлъ отдохнуть на галлереѣ.

Вечерѣло. Но до заката было еще далеко. Съ поемныхъ луговъ Тичино вѣяло пряною свѣжестью травъ.

Герцогъ окинулъ медленнымъ взоромъ свои владѣнія: пастбища, нивы, поля, орошаемыя сѣтью каналовъ и рвовъ съ правильными насажденіями яблонь, грушъ, шелковичныхъ деревьевъ, соединенныхъ висячими гирляндами лозъ. Отъ Мортары до Абіатеграссо, и далѣе, до самаго края неба, гдѣ въ туманѣ бѣлѣли снѣга Монте-Розы,— великая равнина Ломбардіи цвѣла, какъ Божій рай.

— Господи, — вздохнулъ онъ съ умиленіемъ и поднялъ глаза къ небу,—благодарю Тебя за все! Чего еще надо? Нѣкогда здѣсь была мертвая пустыня. Я съ Леонардо провелъ эти каналы, оросилъ эту землю, и нынѣ каждый колосъ, каждая былинка благодаритъ меня какъ я благодарю тебя, Господи!

Послышался лай борзыхъ, крики охотниковъ, и надъ кустами лозняка замелькало красное вабило—чучело съ крыльями куропатки для приманки соколовъ.

Хозяинъ съ главнымъ дворецкимъ обошелъ накрытый столъ, осматривая, все ли въ порядкѣ. Въ залу вошла герцогиня и гости, приглашенные къ ужину, среди которыхъ былъ Леонардо, оставшійся ночевать на виллѣ.

Прочли молитву и сѣли за столъ.

Подали свѣжіе артишоки, присланные въ плетенкахъ ускоренной почтой прямо изъ Генуи, жирныхъ угрей и карповъ мантуанскихъ садковъ, подарокъ Изабеллы д'Эсте, и студень изъ каплуньихъ грудинокъ.

Ѣли тремя пальцами и ножами, безъ вилокъ, считавшихся непозволительной роскошью. Золотыя, съ черенками изъ горнаго хрусталя, подавались онѣ только дамамъ для ягодъ и варенья.

Хлѣбосольный хозяинъ усердно подчивалъ. Ѣли и пили много, почти до отвалу. Изящнѣйшія дамы и дѣвицы не стыдились голода.

Беатриче сидѣла рядомъ съ Лукреціей.

Герцогъ опять залюбовался на обѣихъ. Ему было пріятно, что онѣ— вмѣстѣ, что жена ухаживаетъ за его возлюбленною, подкладываетъ ей на тарелку лакомые куски, что-то шепчетъ на ухо, пожимаетъ руку съ порывомъ той шаловливой внезапной нѣжности, похожей на влюбленность, которая иногда овладѣваетъ молодыми женщинами.

Разговаривали объ охотѣ. Беатриче разсказала, какъ олень едва не выбилъ ее изъ сѣдла, выскочивъ изъ лѣса и ударивъ лошадь рогами.

Смѣялись надъ дурачкомъ Діодою, хвастуномъ и забіякою, который только что убилъ вмѣсто кабана домашнюю свинью, нарочно взятую охотниками въ лѣсъ и пущенную подъ ноги шуту. Діода разсказы-

*

валъ о своемъ подвигѣ и гордился имъ такъ, какъ будто убилъ Калидонскаго вепря. Его дразнили и, чтобы уличить въ хвастовствѣ, принесли тушу убитой свиньи. Онъ притворился взбѣшеннымъ. На самомъ дѣлѣ это былъ прехитрый плутъ, игравшій выгодную роль дурака. Своими рысьими глазками сумѣлъ бы онъ отличить не только домашнюю отъ дикой свиньи, но и глупую шутку отъ умной.

Хохотъ становился все громче. Лица оживлялись, краснѣли отъ обильныхъ возліяній. Послѣ четвертаго блюда, молоденькія дамы украдкою, подъ столомъ, распустили туго стянутыя шнуровки.

Кравчіе разносили легкое бѣлое вино и красное, кипрское, густое, подогрѣтое, заправленное фисташками, корицею и гвоздикою.

Когда его высочество требовалъ вина, стольники торжественно перекликались, какъ бы священнодѣйствуя, брали кубокъ съ поставца, и главный сенешаль трижды опускалъ въ чашу единороговый талисманъ на золотой цѣпи. Если бы вино было отравлено, рогъ долженъ былъ почернѣть и ороситься кровью. Такіе же предохранительные талисманы,—жабный камень и змѣиный языкъ, вставлены были въ солонку.

Графъ Бергамини, мужъ Цециліи, усаженный хозяиномъ на почетное мѣсто, особенно веселый въ этотъ вечеръ, даже какъ бы рѣзвый, несмотря на свою старость и подагру, молвилъ, указывая на единорогъ:

— Полагаю, ваша свѣтлость, что у самаго короля французскаго нѣтъ такого рога. Величина изумительная.

— Ки-хи-ки! Ки-хи-ка! — закричалъ пѣтухомъ горбунъ Янакки, любимый шутъ герцога, гремя трещеткою, — свинымъ пузыремъ, наполненнымъ горохомъ, и позвякивая бубенчиками пестраго колпака съ ослиными ушами.

— Батька, а, батька! — обратился онъ къ Моро, указывая на графа Бергамини, — ты ему вѣрь: онъ во всякихъ рогахъ толкъ разумѣетъ, не только въ звѣриныхъ, но и въ человѣчьихъ. Ки-хи-ки, ки-хи-ка! У кого коза, у того рога!

Герцогъ пальцемъ погрозилъ шуту.

На хорахъ грянули серебряныя трубы, привѣтствуя жаркое—громадную кабанью голову, начиненную каштанами, павлина съ особою машинкою внутри, распускавшаго на блюдѣ хвостъ и бившаго крыльями и, наконецъ, величественный тортъ, въ видѣ крѣпости, изъ котораго сначала послышались звуки военнаго рога, а когда разрѣзали поджаристую корку, выскочилъ карликъ въ перьяхъ попугая. Онъ забѣгалъ по столу, его поймали и посадили въ золотую клѣтку, гдѣ, подражая знаменитому попугаю кардинала Асканіо Сфорца, онъ сталъ уморительно выкрикивать Pater noster.

— Мессэре,—обратилась герцогиня къ мужу, — какому радостному событію обязаны мы столь неожиданнымъ и великолѣпнымъ пиршествомъ?

Моро ничего не отвѣтилъ, только украдкой любезно переглянулся

съ графомъ Бергамини: счастливый мужъ Цециліи понялъ, что пиршество устроено въ честь новорожденнаго Цезаря.

Надъ кабаньей головой просидѣли безъ малаго часъ, времени на ѣду не жалѣли, памятуя пословицу: «за столомъ не состаришься».

Подъ конецъ ужина толстый монахъ, по имени Таппоне — Крыса возбудилъ всеобщее веселіе.

Не безъ хитростей и обмановъ удалось Миланскому герцогу переманить изъ Урбино этого знаменитаго обжору, изъ за котораго спорили государи, который будто бы однажды въ Римѣ, къ немалому удовольствію его святѣйшества, сожралъ цѣлую треть камлотоваго епископскаго подрясника, изрѣзанную на куски и пропитанную соусомъ.

По знаку герцога поставили передъ фра Таппоне громадный сотейникъ съ бузеккіо, — требухою, начиненною яблоками айвы. Перекрестившись и засучивъ рукава, монахъ принялся уписывать жирную снѣдь съ быстротой и жадностью неимовѣрною.

— Если бы такой молодецъ присутствовалъ при насыщеніи народа пятью хлѣбами и двумя рыбами, остатковъ не хватило бы и на двухъ собакъ! — воскликнулъ Беллинчіони.

Гости захохотали. Всѣ эти люди заряжены были грубымъ и здоровымъ смѣхомъ, который отъ каждой шутки, какъ отъ искры, готовъ былъ разразиться оглушительнымъ взрывомъ.

Только лицо одинокаго и молчаливаго Леонардо сохраняло выраженіе покорной скуки: онъ, впрочемъ, давно привыкъ къ забавамъ своихъ покровителей и не удивлялся ничему.

Когда на серебряныхъ блюдцахъ подали золоченые апельсины, наполненные душистой мальвазіей, придворный поэтъ Антоніо Камелли да-Пистойя, соперникъ Беллинчіони, прочелъ оду, въ которой между прочимъ Искусства и Науки говорили герцогу: «мы были рабынями, ты пришелъ и освободилъ насъ, да здравствуетъ Моро!» Четыре стихіи—земля, вода, огонь и воздухъ тоже пѣли: «Да здравствуетъ тотъ, кто первый послѣ Бога правитъ рулемъ вселенной, колесомъ Фортуны». Прославлялись также семейная любовь и согласіе между дядей Моро и племянникомъ Джіаномъ Галеаццо, причемъ поэтъ сравнивалъ великодушнаго опекуна съ пеликаномъ, кормящимъ дѣтей своей собственной плотью и кровью.

VII.

Послѣ ужина хозяева и гости перешли въ садъ, называвшійся Раемъ, Парадизо, правильный, на подобіе геометрическаго чертежа, съ подстриженными аллеями буксовъ, лавровъ и миртъ, съ крытыми ходами, лабиринтами, лоджіями и плющевыми бесѣдками. На зеленый лугъ, обвѣваемый свѣжестью фонтана, принесли ковровъ и шелковыхъ подушекъ. Дамы и кавалеры расположились въ непринужденной свободѣ передъ маленькимъ домашнимъ театромъ.

Сыграли одно дѣйствіе Miles Gloriosus Плавта. Латинскіе стихи наводили скуку, хотя слушатели изъ суевѣрнаго почтенія къ древности притворялись внимательными.

Когда представленіе кончилось, молодые люди отправились на болѣе просторный лугъ играть въ мячъ, въ лапту, въ «слѣпую муху» «mosca cieca»—то-есть жмурки, бѣгая, ловя другъ друга, смѣясь, какъ дѣти, между кустами цвѣтущихъ розъ и апельсинными деревьями. Старшіе играли въ кости, въ тавлею, въ шахматы. Донзеллы, дамы и синьоры, не принимавшіе участія въ играхъ, собравшись въ тѣсный кругъ на мраморныхъ ступеняхъ фонтана, разсказывали поочереди новеллы, какъ въ «Декамеронѣ» Боккаціо.

На сосѣдней лужайкѣ завели хороводъ подъ любимую пѣсню рано умершаго Лоренцо Медичи:

Quant'è belle giovenezza.
Ma si fugge tuttavia;
Chi vuol esser lieto,—sia:
Di doman non c'è certezza.

О, какъ молодость прекрасна,
Но мгновенна! Пой же, смѣйся,—
Счастливъ будь, кто счастья хочетъ,
И на завтра не надѣйся.

Послѣ пляски донзелла Діана, съ блѣднымъ и нѣжнымъ лицомъ, подъ тихіе звуки віолы запѣла унылую жалобу, въ которой говорилось о томъ, сколь великое горе любить, не будучи любимымъ.

Игры и смѣхъ прекратились. Всѣ слушали въ глубокой задумчивости. И когда она кончила, долго никто не хотѣлъ прерывать тишины. Только фонтанъ журчалъ. Послѣдніе лучи солнца облили розовымъ свѣтомъ черныя плоскія вершины пиній и высоко взлѣтавшія брызги фонтана.

Потомъ опять начались говоръ, хохотъ, музыка, и до поздняго вечера, пока въ темныхъ лаврахъ не загорѣлись лучіолы-свѣтляки, и въ темнемъ небѣ—тонкій серпъ молодого мѣсяца, надъ блаженнымъ Парадизо, въ бездыханномъ сумракѣ, пропитанномъ запахомъ апельсинныхъ цвѣтовъ, не умолкали звуки хороводнаго напѣва:

Счастливъ будь, кто счастья хочетъ,
И на завтра не надѣйся.

VIII.

На одной изъ четырехъ башенъ дворца Моро увидѣлъ огонекъ: главный придворный звѣздочетъ Миланскаго герцога, сенаторъ и членъ тайнаго совѣта, мессэръ Амброджіо да Розате, засвѣтилъ одинокую лампаду надъ своими астрономическими приборами, наблюдая предсто-

явшее въ знакѣ Водолея соединеніе Марса, Юпитера и Сатурна, которое должно было имѣть великое значеніе для дома Сфорца.

Герцогъ что-то вспомнилъ, простился съ мадонной Лукреціей, съ которой занятъ былъ нѣжнымъ разговоромъ въ уютной бесѣдкѣ, вернулся во дворецъ, посмотрѣлъ на часы, дождался минуты и секунды, назначенной астрологомъ для пріема ревенныхъ пилюль и, проглотивъ лѣкарство, заглянулъ въ свой карманный календарь, въ которомъ прочелъ слѣдующую отмѣтку:

«5 августа 10 часовъ вечера 8 минутъ—усерднѣйшая молитва на колѣняхъ со сложенными руками и взорами, поднятыми къ небу».

Герцогъ поспѣшилъ въ капеллу, чтобы не пропустить мгновенія, такъ какъ иначе астрологическая молитва утратила бы свое дѣйствіе.

Въ полутемной часовнѣ горѣла лампада передъ образомъ. Герцогъ любилъ эту икону, писанную Леонардо да Винчи, изображавшую Цецилію Бергамини подъ видомъ Мадонны, благословляющей столиственную розу.

Онъ отсчиталъ восемь минутъ по маленькимъ песочнымъ часамъ, опустился на колѣни, сложилъ руки и прочелъ Confiteor.

Молился онъ долго и сладко.

«О, Матерь Божія,—шепталъ онъ, поднявъ умиленные взоры,—защити, спаси и помилуй меня, сына моего Максимиліана и новорожденнаго младенца Чезаре, мою супругу Беттриче и мадонну Цецилію, а также моего племянника мессэра Джіана Галеаццо, ибо,—ты видишь сердце мое, Дѣва Пречистая,—я не хочу зла моему племяннику, я молюсь за него, хотя, быть можетъ, смерть его избавила бы не только мое государство, но и всю Италію отъ страшныхъ и непоправимыхъ бѣдствій».

Тутъ Моро вспомнилъ доказательство своего права на миланскій престолъ, изобрѣтенное законовѣдами: будто-бы старшій братъ его, отецъ Джіана-Галеаццо былъ сыномъ не герцога, а только военачальника Франческо Сфорца, ибо родился прежде, чѣмъ Франческо вступилъ на престолъ, тогда какъ онъ, Лодовико, родился уже послѣ того и, слѣдовательно, былъ единственнымъ полноправнымъ наслѣдникомъ.

Но теперь, передъ лицомъ Мадонны, это доказательство показалось ему сомнительнымъ, и онъ заключилъ молитву свою такъ:

— Если же я въ чемъ-нибудь согрѣшилъ или согрѣшу предъ Тобою, Ты знаешь, Царица Небесная, что я это дѣлаю не для себя, а для блага моего народа, для блага всей Италіи. Будь же заступницей моей передъ Богомъ,—и я прославлю имя Твое великолѣпною постройкою Собора Миланскаго и Чертозы Павійской, и другими многими дѣяніями.

Окончивъ молитву, онъ взялъ свѣчу и направился въ спальную по темнымъ покоямъ уснувшаго дворца. Въ одномъ изъ нихъ встрѣтился Моро съ Лукреціей.

— Самъ богъ любви благопріятствуетъ мнѣ!—подумалъ герцогъ.

— Государь!..—молвила дѣвушка, подойдякъ нему. Голосъ ея оборвался. Она хотѣла упасть передъ нимъ на колѣни. Онъ едва успѣлъ удержать ее.

— Смилуйся, государь!

Лукреція разсказала ему, что братъ ея, Маттео Кривелли, главный камерарій монетнаго двора, человѣкъ безпутный, но нѣжно ею любимый, проигралъ въ карты большія казенныя деньги.

— Успокойтесь, мадонна! Я выручу изъ бѣды вашего брата.

Немного помолчавъ, онъ прибавилъ съ тяжелымъ вздохомъ:

— Но согласитесь ли и вы не быть жестокою?..

Она посмотрѣла на него робкими, дѣтски-ясными и невинными глазами.

— Я не понимаю, синьоръ... Что это значитъ?

Цѣломудренное удивленіе сдѣлало ее еще прекраснѣе.

— Это значитъ, милая,—пролепеталъ онъ страстно и вдругъ обнялъ ея станъ сильнымъ, почти грубымъ движеніемъ,—это значитъ... Да развѣ ты не видишь, Лукреція, что я люблю тебя?..

— Пустите, пустите! О, синьоръ, что вы дѣлаете! Мадонна Беатриче...

— Не бойся, она не узнаетъ: я умѣю хранить тайну...

— Нѣтъ, нѣтъ, государь,—она такъ великодушна, такъ добра ко мнѣ... Ради Бога, оставьте, оставьте меня!

— Я спасу твоего брата, сдѣлаю все, что ты хочешь, буду рабомъ твоимъ,—только сжалься!

И на половину искреннія слезы задрожали въ голосѣ Моро, когда онъ зашепталъ стихи Беллинчіони:

Я лебедемъ пою, пою и умираю,
Амура я молю: о сжалься, я сгораю!
Но раздуваетъ богъ огонь моей души
И говоритъ, смѣясь: «слезами потуши».

— Пустите, пустите!—повторяла дѣвушка съ отчаяніемъ,

Онъ наклонился къ ней, почувствовалъ свѣжесть ея дыханія, запахъ духовъ—фіалокъ съ мускусомъ—и жадно поцѣловалъ ее въ губы.

На одно мгновеніе Лукреція замерла въ его объятіяхъ.

Потомъ вскрикнула, вырвалась и убѣжала.

IX.

Войдя въ спальную, онъ увидѣлъ, что Беатриче уже погасила огонь и легла въ постель, громадное, подобное мавзолею, ложе, стоявшее на возвышеніи посреди комнаты, подъ шелковымъ лазурнымъ балдахиномъ и серебряными завѣсами.

Онъ раздѣлся, приподнялъ край пышнаго, какъ церковная риза,

тканаго золотомъ и жемчугомъ одѣяла,—свадебнаго подарка феррарскаго герцога,—и легъ на свое мѣсто, рядомъ съ женою.

— Биче,—произнесъ онъ ласковымъ шопотомъ,—Биче, ты спишь?

Онъ хотѣлъ ее обнять, но она оттолкнула его.

— За что?

— Оставьте! Я хочу спать...

— За что, скажи только, за что? Биче, дорогая! Если бы ты знала, какъ я люблю...

— Да, да, знаю, что вы насъ любите всѣхъ вмѣстѣ, и меня, и Цецилію, и даже, чего добраго, эту рабыню изъ Московіи, рыжеволосую дуру, которую намедни обнимали въ углу моего гардероба...

— Я вѣдь только въ шутку...

— Благодарю за такія шутки!

— Право же, Биче, послѣдніе дни ты со мной такъ холодна, такъ сурова! Конечно, я виноватъ, сознаюсь: это была недостойная прихоть...

— Прихотей у васъ много, мессэре!

Она повернулась къ нему со злобою:

— И какъ тебѣ не стыдно! Ну, зачѣмъ, зачѣмъ ты лжешь? Развѣ я не знаю тебя, не вижу насквозь? Пожалуйста, не думай, что я ревную. Но я не хочу,—слышишь?—я не хочу быть одной изъ твоихъ любовницъ!

— Неправда, Биче, клянусь тебѣ спасеніемъ души моей—никогда никого на землѣ я такъ не любилъ, какъ тебя!

Она умолкла, съ удивленіемъ прислушиваясь не къ словамъ, а къ звуку его голоса.

Онъ въ самомъ дѣлѣ не лгалъ или, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ лгалъ. Чѣмъ больше онъ ее обманывалъ, тѣмъ больше любилъ. Нѣжность его какъ будто разгоралась отъ стыда, отъ страха, отъ угрызенія, отъ жалости и раскаянія.

— Прости меня, Биче, прости все за то, что я тебя такъ люблю!

И они помирились.

Обнимая и не видя ее въ темнотѣ, онъ воображалъ себѣ робкіе, дѣтски-ясные и невинные глаза, запахъ фіалокъ съ мускусомъ; воображалъ, что обнимаетъ другую, и любилъ обѣихъ вмѣстѣ: это было преступно и упоительно.

— А, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, ты сегодня, точно влюбленный,—прошептала она, уже съ тайною гордостью.

— Да, да, милая, вѣришь ли, я все еще влюбленъ въ тебя, какъ въ первые дни!

— Что за вздоръ!—усмѣхнулась она.—Какъ тебѣ не совѣстно? Лучше бы подумалъ о дѣлѣ. Вѣдь *онъ* выздоравливаетъ...

— Луиджи Марліани еще намедни сказывалъ мнѣ, что онъ умретъ—произнесъ герцогъ,—ему теперь лучше, но это не на долго: онъ умретъ, навѣрное.

— Кто знаетъ?—возразила Беатриче.—За нимъ такъ ухаживаютъ. Послушай, Моро, я удивляюсь твоей беззаботности. Ты переносишь обиды, какъ овца. Ты говоришь: «власть въ нашихъ рукахъ». Да не лучше ли вовсе отречься отъ власти, чѣмъ дрожать за нее день и ночь, какъ ворамъ, пресмыкаться передъ этимъ ублюдкомъ, королемъ французскимъ, зависѣть отъ великодушія наглаго Альфонсо, заискивать въ злой вѣдьмѣ Аррагонской! Говорятъ, она опять беременна. Новый змѣенышъ—въ проклятое гнѣздо! И такъ всю жизнь, Моро, подумай только,—всю жизнь! И ты называешь это: «власть въ нашихъ рукахъ»!..

— Но врачи согласны,—молвилъ герцогъ,—что болѣзнь неисцѣлима: рано или поздно...

— Да, жди: вотъ уже десять лѣтъ, какъ онъ умираетъ!..

Они замолчали.

Вдругъ она обвила его руками, прижалась къ нему всѣмъ тѣломъ и что-то прошептала ему на ухо. Онъ вздрогнулъ.

— Биче!.. Да сохранитъ тебя Христосъ и Матерь Пречистая! Никогда—слышишь?—никогда не говори мнѣ объ этомъ...

— Если боишься,—хочешь, я сама?..

Онъ не отвѣтилъ и, немного погодя, спросилъ:

— О чемъ ты думаешь?

— О персикахъ...

— Да. Я велѣлъ садовнику послать ему въ подарокъ самыхъ спѣлыхъ...

— Нѣтъ, я не о томъ. Я о персикахъ мессэра Леонардо да Винчи. Ты развѣ не слышалъ?

— А что?

— Они—ядовитые...

— Какъ ядовитые?

— Такъ. Онъ отравляетъ ихъ. Для какихъ-то опытовъ. Можетъ быть,—колдовство. Мнѣ мона Сидонія сказывала. Персики, хоть и отравленные,—красоты удивительной...

И опять оба умолкли и долго лежали такъ, обнявшись, въ тишинѣ, во мракѣ, думая объ одномъ и томъ же, каждый прислушиваясь, какъ сердце у друго бьется все чаще и чаще.

Наконецъ Моро съ отеческою нѣжностью поцѣловалъ ее въ лобъ и перекрестилъ:

— Спи, милая, спи съ Богомъ!

Въ ту ночь герцогиня видѣла во снѣ прекрасные персики на золотомъ блюдѣ. Она соблазнилась ихъ красотой, взяла одинъ изъ нихъ и отвѣдала,—онъ былъ сочный и душистый. Вдругъ чей-то голосъ прошепталъ: «ядъ, ядъ, ядъ!» Она испугалась, но уже не могла остановиться, продолжала ѣсть плоды одинъ за другимъ, и ей казалось, что она умираетъ. но на сердцѣ у нея становилось все легче, все радостнѣе.

Герцогу тоже приснился странный сонъ: будто бы гуляетъ онъ по зеленой лужайкѣ у фонтана въ Парадизо и видитъ: вдалекѣ, въ одинаковыхъ бѣлыхъ одеждахъ, три женщины сидятъ, обнявшись, какъ сестры. Подходитъ къ нимъ и узнаетъ въ одной мадонну Беатриче, въ другой—мадонну Лукрецію, въ третьей—мадонну Цецилію. И думаетъ съ глубокимъ успокоеніемъ: «ну, слава Богу, слава Богу, наконецъ-то помирились,—и давно бы такъ!»

X.

Башенные часы пробили полночь. Всѣ въ домѣ спали. Только на высотѣ, надъ крышею, на деревянныхъ подмосткахъ для золоченія волосъ, сидѣла карлица Моргантина, убѣжавшая изъ чулана, куда ее заперли, и плакала о своемъ несуществующемъ ребенкѣ:

— Отняли родненькаго, убили дѣточку! И за что, за что, Господи? Никому не дѣлалъ онъ зла. Я имъ тихо утѣшалась ..

Ночь была ясная. Воздухъ такъ прозраченъ, что можно было различить на краю небесъ, подобныя вѣчнымъ кристалламъ, ледяныя вершины Монте-Роза.

И долго уснувшая вилла оглашалась пронзительнымъ, жалобнымъ воплемъ полоумной карлицы, словно крикомъ зловѣщей птицы.

Вдругъ она вздохнула, подняла голову, посмотрѣла въ небо и сразу умолкла.

Наступила мертвая тишина.

Карлица улыбалась, и голубыя звѣзды мерцали, такія же непонятныя и невинныя, какъ ея глаза.

Д. С. Мережковскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

* * *

Легкій вѣтеръ ночной
Шелестѣлъ надо мной
И тихонько, чуть слышно шепталъ:
— Бѣдный, бѣдный мой братъ,
Ты печалью объятъ.
Я тебя среди тьмы угадалъ.
Я во мракѣ рожденъ
И, какъ ты, осужденъ
Проблуждать средь тумановъ и сновъ,
Тихо пѣсню пропѣть
И съ зарей умереть,
Не узнавъ ни лучей, ни цвѣтовъ.
И меня уже нѣтъ,
Когда солнца привѣтъ
Засіяетъ на дальней горѣ...
Но утѣшься, мой братъ,
Смерти будешь ты радъ:
— Хорошо умирать на зарѣ.

Allegro

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Истекшій годъ въ литературѣ.—Пушкинскій юбилей.—«Воскресеніе» Толстого.—Общность темы въ болѣе крупныхъ произведеніяхъ.—Типы отцовъ и дѣтей въ романахъ «Куда идти» г. Боборыкина, «Два поколѣнія» г. Головина, «Встрѣча» г. Потапенко, «Равнодушные» г. Станюковича, «Аргонавты» г-жи Ожешко и др. — Три опредѣлившіеся типа дѣтей—карьеристы, символисты, марксисты.—Можно ли ихъ смѣшивать въ одно?—«Деревенскія впечатлѣнія» (изъ записокъ статистика) г. Вѣлоконскаго. — Изображаемая имъ некультурность деревни. — Его противопоставленіе фабрики и деревни.

Конецъ года всегда вызываетъ желаніе подвести кое-какіе итоги, оглянуться назадъ и бросить общій взглядъ на пережитое и продуманное.

На первомъ планѣ, конечно, выдвигается пушкинскій юбилей, вызвавшій достаточно шуму. Теперь, когда онъ уже отодвинулся въ область исторіи, можно не обинуясь сказать, что было много шума изъ-за ничего. Юбилей сошелъ въ полномъ смыслѣ на нѣтъ и въ результатѣ его остались два-три траги-комическихъ воспоминанія. Около имени Пушкина создалась цѣлая литература, которая въ лучшемъ случаѣ ничего отъ этого имени не убавила, но, право, трудно сказать, что она прибавила къ нашему знакомству съ нимъ. Старую, обычно въ такихъ случаяхъ повторяемую попытку «нашихъ» и «вашихъ» растерзать Пушкина «на полы», сопричисливъ его только къ своимъ, поэтъ выдержалъ съ честью, и это, пожалуй, лучшій результатъ литературныхъ поминокъ. Онъ показалъ, что излюбленныя мѣрки различныхъ лагерей утратили смыслъ и значеніе въ глазахъ читателей,—по крайней мѣрѣ, въ примѣненіи къ такимъ огромнымъ явленіямъ русской жизни, какъ Пушкинъ.

Другое огромное явленіе стоитъ передъ нами въ концѣ столѣтія—Толстой и его колоссальное произведеніе «Воскресеніе», къ которому тоже не примѣнимы обычныя мѣрки. Мы не думаемъ говорить о немъ мимоходомъ, пока еще романъ не законченъ, и упомянули лишь, какъ о великомъ памятникѣ, которымъ великій старецъ отмѣтилъ истекшій годъ въ русской литературѣ. Самое молчаніе, съ какимъ критика до сихъ поръ относится къ этому роману, показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ такимъ громаднымъ литературнымъ явленіемъ, котораго не охватить сразу. Романъ подавляетъ при первомъ чтеніи, какъ сама жизнь, когда близко соприкоснешься съ нею послѣ долгаго уединенія въ четырехъ стѣнахъ, и надо нѣсколько отойти отъ нея, одуматься, стряхнуть первое впечатлѣніе, чтобы разобраться въ массѣ свѣжихъ ощущеній, уловить общую связь и установить свою точку зрѣнія. Совершенно подобное впечатлѣніе производитъ романъ Толстого огромнымъ захватомъ жизни, правдой ея воспроизведенія, глубиною анализа и безпощадностью, съ которою онъ разрушаетъ многіе ходячіе взгляды, понятія и вѣрованія. Это правда, это ужасная правда,—вотъ что съ грубой, почти физической болью приходится испытывать на каждой страницѣ.

Толстой нисколько не *старается* въ художественномъ смыслѣ, онъ непостижимымъ образомъ творитъ ту жизнь, которая окружаетъ насъ на каждомъ шагу, властно захватываетъ читателя, какъ Вергилій, ведетъ его по всѣмъ кругамъ ада и указываетъ безъ жалости и гнѣва—«такова ваша жизнь». И читатель никнетъ головою все ниже и ниже, а въ глубинѣ души раздается все громче, все настойчивѣе безотрадный голосъ—«это правда, это ужасная правда».

Переходъ отъ «Воскресенія» Толстого къ остальной беллетристикѣ истекшаго года такъ рѣзокъ, что ни о какомъ сопоставленіи здѣсь и рѣчи быть не можетъ. Это можно сравнить съ ощущеніемъ, когда въ замкнутой темной комнатѣ вдругъ захлопнутъ тяжелую массивную дверь, черезъ которую доносился шумъ, грохотъ улицы, говоръ народа и яркій блескъ сіяющаго дня. Внезапно наступившая тишина и глубокая темнота до боли ощущается вами, и нужно не малое время, пока вы опять овладѣете всѣми чувствами и сможете въ этой тишинѣ и мракѣ различать и ея музыку, и очертаніе предметовъ въ окружающей темнотѣ. Тогда свой интересъ и здѣсь оказывается, и кое-что любопытное и характерное вырисовывается въ общей массѣ беллетристики истекшаго года.

Онъ не далъ въ этой области чего-либо новаго и въ общемъ прошелъ довольно сѣровато и безцвѣтно. Не проявилось ни новаго яркаго таланта, ни новой рѣзкой черты въ общихъ настроеніяхъ. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе его сказалось нѣчто опредѣлившееся, что выразилось не ярко по формѣ, но опредѣленно по существу въ массѣ беллетристики, гдѣ одна общая тема проходитъ красной нитью во всѣхъ, болѣе крупныхъ произведеніяхъ. Намъ уже приходилось касаться ея (см. «Критич. зам.», май), и теперь, подводя итоги истекающаго года, мы можемъ болѣе точно опредѣлить ее, какъ главную черту въ общественномъ настроеніи, поскольку, конечно, литература у насъ отражаетъ таковое. Эту оговорку необходимо помнить всегда. Благодаря узилищамъ, въ какихъ вращается литература, очень часто то или иное явленіе жизни только однимъ угломъ входитъ въ нее, и мы весьма склонны по этому углу составлять представленіе о цѣломъ.

Черта, отличаемая нами,—разладъ между отцами и дѣтьми. Въ свое время мы указали на эту общую тему въ романахъ г.г. Боборыкина. Потапенко, Станюковича, г-жи Ожешко и г. Горькаго. Различныя по формѣ, рѣзко отличающіяся по силѣ таланта и темпераменту авторовъ, всѣ эти болѣе крупныя и, по нашему мнѣнію, выдающіяся произведенія этого года имѣютъ, несомнѣнно, общую тему. Въ каждомъ предъ нами два поколѣнія, не столько враждебныя по отношеніи другъ къ другу, сколько взаимно недовольныя. Старшее смотритъ съ недоумѣніемъ, какъ бы не вѣря себѣ, что эти странныя дѣти—его потомство, и то съ гнѣвомъ, то съ грустью укоряетъ дѣтей въ равнодушіи, карьеризмѣ, въ жестокости, въ отсутствіи любви къ ближнему, или зло высмѣиваетъ ихъ увлеченія странными для отцовъ теоріями—символизмомъ въ искусствѣ или марксизмомъ въ соціологіи. Дѣти не остаются въ долгу и съ большей или меньшей основательностью возвращаютъ эти упреки, обвиняя отцовъ въ безволіи, безхарактерности, въ излишней любви къ высокимъ словамъ, изъ-за которыхъ они проглядѣли жизнь, захватившую ихъ врасплохъ и потому для нихъ чуждую теперь и непонятную. Припомнимъ уже отмѣченные нами въ теченіе года разговоры главныхъ героевъ «Куда идти», «Аргонавтовъ», «Встрѣчи», въ «Двухъ поколѣніяхъ» или жестокія слова Маякина о Ѳомѣ, у котораго онъ видитъ одинъ развратъ и «мякинную душу». Это обоюдное недовольство, переходящее подчасъ въ полную враждебность, не имѣетъ опредѣленнаго центра ни въ той, ни въ другой сторонѣ, не отливается въ достаточно опредѣленную форму, вслѣдствіе чего наши симпатіи то и дѣло раздваиваются. Иногда намъ кажется, — правы отцы и много справедливаго въ ихъ сѣтованіяхъ. Но сейчасъ же приходится смягчить свое негодованіе противъ дѣтей, даже самыхъ возмутительныхъ, въ

родѣ тѣхъ, что выведены въ романѣ «Равнодушные», когда вдумаешься въ причины, обусловившія появленіе такихъ типиковъ, какъ сынъ Ордынцева или дочь Козельскаго Тина, и рѣзкое, безпощадное слово осужденія замираетъ само собой.

Что же собственно произошло, или, вѣрнѣе,—происходитъ? Почему такъ перемѣшались роли? Когда читаешь «Отцовъ и дѣтей» Тургенева, просматриваешь вызванную ими литературу, вполнѣ ясно видишь одно,—ни тогда, ни потомъ ни у кого не было сомнѣнія, въ чемъ розни между тогдашними отцами и дѣтьми. Оба поколѣнія такъ рѣзко отличны, занимаютъ настолько опредѣленныя позиціи, что для всякаго становится понятнымъ неизбѣжность столкновенія. Чувствуется нѣчто почти роковое, что раздѣляетъ ихъ, чего нельзя ни измѣнить, ни отклонить. Новое идетъ на смѣну стараго и властно устраняетъ его съ дороги жизни. Этимъ роковымъ является огромный переворотъ, совершившійся въ короткую эпоху великихъ реформъ, разомъ вскрывшій всѣ противорѣчія, таившіяся подъ покровомъ старой изжитой формы, и рѣзко отдѣлившій новое, вступающее въ жизнь, отъ стараго, осужденнаго на смерть. Конечно, и тогда были нюансы, переходныя ступени и сближающія настроенія, ибо въ жизни все гораздо сложнѣе, чѣмъ въ самомъ правдивомъ художественномъ произведеніи. Но въ главномъ не было сомнѣнія ни для одной изъ сторонъ. «Идеалисты» сороковыхъ годовъ стояли противъ «нигилистовъ» шестидесятыхъ. Позиціи были строго опредѣленны, вѣрованія догматичны, міросозерцанія вполнѣ сложившіяся, ясныя и не допускавшія разныхъ толкованій.

Ничего подобнаго мы не могли бы указать теперь. Отцы, нападая на дѣтей, смѣшиваютъ въ одну кучу самые разнородные элементы. Дѣти, защищаясь, должны постоянно подчеркивать, что отъ многаго они вовсе не отказываются, что «наслѣдство» они приняли, только употребленіе изъ него дѣлаютъ свое Дѣти разбираются среди отцовъ и довольно ясно указываютъ, что они выдѣляютъ, какъ положительное въ ихъ работѣ, и предъ чѣмъ охотно и невольно склоняютъ голову. И если по временамъ въ ихъ лагерѣ вдругъ объявляется тотъ или иной «безпардонный критикъ», по остроумному и мѣткому опредѣленію, которыя такъ удаются г. Михайловскому и становятся на долго ходячимъ словечкомъ,—дѣти нисколько не думаютъ защищать его безпардонныхъ издѣвательствъ. Въ послѣднемъ отношеніи, положимъ, обѣ стороны прегрѣшили не мало, что, конечно, не содѣйствовало выясненію взаимныхъ недоразумѣній. Но это явленіе обычное, свойственное не намъ однимъ. Когда происходитъ смѣна не поколѣній, а міросозерцаній, образуется водоворотъ, въ которомъ смѣшиваются и сталкиваются разнороднѣйшіе элементы, и разобраться среди нихъ хладнокровно можетъ развѣ историкъ, и меньше всего тѣ, кто эту исторію дѣлаютъ и переживаютъ.

Мы и не задаемся непосильной задачей выяснить взаимное положеніе, которое еще далеко не опредѣлилось. Процессъ созданія новаго міровоззрѣнія еще на ходу, и мы увидимъ еще много уклоненій, много шатаній и поворотовъ вспять, пока не выработается нѣчто цѣльное и, какъ намъ кажется, весьма далекое отъ того, что представляютъ оба лагеря теперь. Но кое-что уже несомнѣнно намѣчается теперь, и художественная литература до нѣкоторой степени отразила это въ образахъ. Предъ нами проходятъ здѣсь, какъ представители молодежи, карьеристы, декаденты, символисты и экономическіе матеріалисты, и порознь, и вмѣстѣ, и въ рѣзко опредѣлившихся типахъ, и въ смѣшанныхъ. Можно ли думать, что всѣ эти типы осуждены на смарку, что они—только порожденіе минутнаго настроенія, «накипь», употребляя словечко г. Боборыкина? Или же есть въ нихъ и живое, здоровое зерно, изъ котораго разовьется сильный, мощный организмъ будущаго?

Начнемъ съ карьеризма. Явленіе не новое, можно сказать безсмертное, оно есть и было всегда. Временами лишь оно особенно выдѣляется, и если не возводится въ принципъ, то лишь потому, что оно есть полное отрицаніе всякаго принципа. Во времена подъема общественнаго духа карьеризмъ смиренно скрывается и тихонько безъ шуму прокладываетъ себѣ дорогу, удобно примащиваясь около сильнѣйшихъ, мѣняя форму, прикрываясь любымъ флагомъ, въ данную минуту наиболѣе удобнымъ. Карьеризмъ въ либеральномъ мундирѣ такое же ходячее явленіе для извѣстнаго времени, какъ и карьеризмъ ретроградная типа и, наконецъ, безъ всякаго мундира, щеголяющій полнѣйшей наготой и гордящійся ею. Для нашего времени послѣдняя разновидность наиболѣе характерна. Но какъ бы онъ ни былъ силенъ и ярокъ теперь, нечего и говорить, что не ему суждено возобладать надъ жизнью и подчинить ее себѣ. Этого никогда не было и никогда не будетъ, чтобы животные интересы, одни лишь понятные карьеризму и проводимые имъ въ жизни, могли всѣхъ и вся воодушевить. По крайней мѣрѣ, исторія такихъ примѣровъ не знаетъ. Карьеризмъ и самъ это сознаетъ и лишь въ рѣдкія минуты такъ нагло обнажается, какъ теперь. Самая эта наглость показываетъ, что онъ уже чувствуетъ приближеніе конца своего торжества, и еще бравируетъ, но уже зорко поглядываетъ, за какой мундиръ ему надо схватиться скорѣе. Его недавняя выходка въ литературѣ, устами г. Суворина провозглашенное нововременское слово, что никакихъ программъ не надо, знаменуетъ это начало конца торжествующаго наглаго карьеризма.

Далѣе идутъ декаденты, о которыхъ мы говорили въ прошлый разъ. Ни сами они, ни то что они проповѣдуютъ, не имѣетъ значенія и не разовьется въ будущемъ. Это безпочвенное, наносное явленіе, любопытное только, какъ признакъ нѣкоторой неудовлетворенности художественной формой, въ которой искусство до сихъ поръ отливалось. Что такая неудовлетворенность есть, это несомнѣнно, и она сама по себѣ явленіе знаменательное. Конечно, увлеченіе небольшой кучки не столько талантливыхъ, сколько оригинальничающихъ писателей и художниковъ — картинами Боттичелли, средневѣковьемъ и другими мертвыми побрякушками—само по себѣ ничто. Но рядомъ идетъ болѣе интересная и глубокая работа—исканіе новыхъ формъ для искусства, выражающееся въ символизмѣ, который тоже идетъ къ намъ съ Запада. Интересъ къ такимъ художникамъ, какъ Россетти, Беклинъ, Максъ Клингеръ, имена которыхъ все чаще и чаще мелькаютъ въ нашей печати, показываетъ, что и насъ постепенно охватываетъ предчувствіе новаго въ искусствѣ, которое въ своей старой реалистической формѣ отстало отъ жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, за послѣднюю четверть вѣка опредѣлился рядъ общественныхъ явленій, имѣющихъ огромное значеніе, почти стихійно вліяющихъ на жизнь каждаго изъ насъ. Капитализмъ, милитаризмъ, паровая машина и весь переворотъ, ею обусловленный, печать,—вотъ явленія послѣдняго времени, подавляющія единичную жизнь и несомнѣнно оказывающія громадное вліяніе на всю нашу психику. Это вліяніе, которое сказывается въ самыхъ глухихъ, медвѣжьихъ уголкахъ міра, концентрируется въ средоточіяхъ міровой жизни и здѣсь выливается въ формы, подчасъ чудовищныя и импозантныя, невольно привлекающія общее вниманіе цивилизованной части человѣчества. Оно не можетъ не поддаваться очарованію этихъ новыхъ соціальныхъ силъ, всѣми фибрами существа своего ощущая ихъ біеніе и испытывая ихъ неотвратимое воздѣйствіе. Древній грекъ въ эпоху высшаго расцвѣта своихъ свѣжихъ силъ съ такой же страстью испытывалъ надъ собой вѣяніе невѣдомаго бога, котораго онъ называлъ *рокомъ*, и въ рядѣ символовъ пытался воспроизвести это роковое начало жизни, тяготѣющее надъ нимъ. Прикованный Прометей Эсхила это несомнѣннѣйшій символъ этой борьбы греческаго сознанія съ окружающими его міровыми загадками.

Эдипъ Софокла—то же символъ человѣка, раздавленнаго рокомъ, предъ которымъ онъ чувствуетъ свое безсиліе. Человѣкъ, полный доблести, ума и благородства, какимъ все время является Эдипъ,—это Периклъ, падающій жертвой неотвратимыхъ соціальныхъ и стихійныхъ условій, гибнущій за чужую вину, какъ теперь гибнутъ тысячи тысячъ жертвъ милитаризма или индустріализма. Орестъ Эврипида—опять символъ, только еще болѣе очеловѣченный, но символъ несомнѣнный той же борьбы съ рокомъ, противъ котораго онъ ищетъ прибѣжища въ союзѣ и судѣ такихъ же людей, какъ онъ самъ. Символизмъ греческой трагедіи не подлежитъ сомнѣнію и безъ него нельзя было бы объяснить ее. Наше время также нуждается въ символизмѣ, чтобы выразить свою сущность, и средства прежняго, реалистическаго, искусства безсильны это сдѣлать. Самъ натурализмъ, повидимому, столь чуждый и враждебный символизму, подготовилъ ему почву, раскрывъ въ романахъ, напр., Зола коллективную душу соціальныхъ явленій, власть неодушевленнаго міра вещей надъ единичной душой. Такой романъ, какъ «Au bonheur des dames», развѣ не частѣйшій символъ современнаго капитализма, съ его стремленіемъ къ концентраціи производства и капитала? Но такая символика очень груба по существу, она обрисовываетъ только внѣшность вещей, но не выражаетъ внутренняго состоянія современнаго человѣчества. Отсюда стремленіе къ символикѣ иного типа, на которую отчасти намекаетъ, напр., Рошгроссъ въ своей картинѣ, изображающей современную борьбу за жизнь въ городской цивилизаціи. «Богатый, промышленный городъ, безобразный и безпокойный, небо задернуто дымомъ и испареніями нездоровой и безполезной работы, и вотъ, охваченная отчаянной, неукротимой жаждой богатства, почестей, блеска и возвышенія, толпа въ братоубійственной свалкѣ встаетъ въ видѣ какой-то людской пирамиды, давя и толкая другъ друга, падая и снова вставая, цѣною мира, цѣною красоты, цѣною жизни подымаясь все выше къ золотой фортунѣ, которая съ насмѣшливой улыбкой пролетаетъ тамъ вверху надъ протянутыми къ ней пустыми руками и исчезаетъ». Еще утонченнѣе этотъ символизмъ въ картинахъ англійскихъ прерафаэлитовъ и у нѣмецкихъ художниковъ, какъ Бэклинъ и Клингеръ, которые цѣликомъ уходятъ въ міръ сложныхъ ощущеній такого осложненнаго существа, какимъ является современный человѣкъ. И этотъ символизмъ вполнѣ законенъ, какъ въ свое время было законно реальное направленіе, уничтожившее мертвую манерность ложно-классицизма.

Русское искусство не осталось внѣ вліянія новаго теченія. Въ немъ чувствуется усталость, пресыщенность реализмомъ, жажда новаго, которое помогло бы выразить сложность новой жизни. Художникъ прежняго времени, лѣтъ 20—25 назадъ, нарисовавъ молодое лицо въ широкополой шляпѣ, съ плэдомъ, въ очкахъ и съ выраженіемъ вдумчивой смѣлости во взглядѣ, могъ такимъ упрощеннымъ способомъ создавать типы, вѣрно уловивъ преобладающее настроеніе передовой части общества. Теперь такая упрощенная картинка будетъ въ лучшемъ случаѣ только портретомъ господина Х, но не передастъ ничего болѣе зрителю, не вызоветъ въ его душѣ того сложнаго процесса, который объединилъ бы зрителя и художника, сблизилъ бы ихъ во взаимномъ пониманіи, слилъ въ одномъ настроеніи. Необходимо еще что-то, что не получило пока надлежащей формы, потому что попытки нашихъ символистовъ, въ родѣ г. Нестерова, пошли по ложной дорогѣ. Смѣшно и жалко видѣть, когда художникъ, повидимому, не безъ дарованія, нарочно упрощаетъ свою живопись до дѣтской условности русскихъ иконописцевъ XVI и XVII в.в. Это ошибка того же порядка, что и дѣланное увлеченіе художествомъ средневѣковья и наивное поклоненіе Ботичелли. Такой символизмъ напоминаетъ символику дѣтей, когда они рисуютъ кривыя фигурки и пресерьезно видятъ въ нихъ принцевъ и фей. Чтобы серьезно увлечься такимъ символизмомъ, надо самому стать ребенкомъ.

Представители «юной Россіи», о которыхъ мы говорили прошлый разъ, дѣйствительно дѣлаютъ по временамъ попытки въ этомъ направленіи, и ихъ органъ «Міръ Искусства» полонъ образцами такого искусства. Но видъ бородатыхъ мужей, рѣзвящихся въ дѣтскихъ курточкахъ и коротенькихъ невыразимыхъ, также далекъ отъ истиннаго искусства, какъ нелѣпыя картонажи г. Врубеля отъ картинъ Бэклина или Бернъ-Джонса. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать такому искусству скорый конецъ. Въ сущности это уже область прошлаго, за которой нельзя признать никакой заслуги. Это та накипь, которая всплываетъ на поверхности при первомъ закипаніи воды, и не ей, конечно, суждено быть тѣмъ здоровымъ зерномъ, изъ котораго разовьется искусство будущаго. Замѣчательно, что ни одного таланта не создала эта новая группа. Все сколько-нибудь талантливое—люди зрѣлаго возраста, проявившіе свои способности совсѣмъ въ иной области. Изъ молодыхъ же—никого, не только талантливаго художника, но даже просто способнаго, ни въ поэзіи, ни въ живописи,—признакъ роковой для любого направленія.

Вслѣдъ за символистами идутъ марксисты, которыхъ охотно смѣшиваютъ съ ними, хотя между обѣими группами огромное различіе прежде всего въ настроеніи. Первые съ особой рѣзкостью подчеркиваютъ свое отвращеніе къ толпѣ, къ массѣ, какъ къ чему-то ненавистному и чуждому всякому искусству. Истинное искусство, по ихъ мнѣнію, именно то, которое недоступно и непонятно толпѣ. Вторые, напротивъ, видятъ въ массахъ главный элементъ общественной жизни, который своимъ выступленіемъ на сцену дѣйствія измѣняетъ все. Изученіе условій жизни массъ, тѣхъ законовъ, которые ими управляютъ,—вотъ что занимаетъ и увлекаетъ марксистовъ. Вѣра въ непреложность этихъ законовъ дѣлаетъ ихъ въ глазахъ отцовъ жестокими доктринерами, готовыми ради субботы жертвовать человѣкомъ. Подобныя обвиненія въ отсутствіи любви къ ближнему заходятъ подчасъ такъ далеко, что раздавались голоса, будто, благодаря марксистамъ, голодъ истекшаго года не вызвалъ такого сочувствія къ страданію крестьянъ неурожайныхъ мѣстностей, какъ это было во время голода 1891—1892 г.г. Факты, конечно, показали, насколько такое утвержденіе было несправедливо, ибо и пожертвованія въ истекшемъ году были обильнѣе, и число лицъ, несшихъ свой трудъ въ деревню, не менѣе. Не было только *увлеченія* голодомъ, а было простое сознательное къ нему отношеніе, какъ къ бѣдствію, и только. Предшествовавшій опытъ былъ слишкомъ поучителенъ, чтобы могло еще остаться какія-либо увлеченія. Это спокойствіе отцы приняли за равнодушіе, какъ сознательное отношеніе къ народу безъ всякаго преклоненія предъ нимъ они принимали за жестокость и даже презрѣніе къ нему, что уже было совершенно невѣрно.

Можно думать, что этотъ періодъ непониманія настроенія марксизма уже прошелъ. Тѣмъ болѣе, что и въ самомъ марксизмѣ, какъ дѣятельномъ теченіи, намѣчается новая струя болѣе спокойнаго и вдумчиваго отношенія къ жизни. Это пока очень сложный вопросъ, всецѣло относящійся къ будущему, почему въ нашемъ сжатомъ обзорѣ истекшаго года мы можемъ только его отмѣтить, какъ признакъ очень желательный и по существу здоровый, указывающій на то, что направленіе вовсе не впало въ доктринерство и узость сектантства, къ чему мы вообще довольно таки склонны.

Что принесетъ въ этомъ отношеніи наступающій годъ, трудно было бы намѣтить даже въ самыхъ общихъ чертахъ, да и не къ чему. Для насъ важно одно, что за періодомъ воинственности можно ожидать мирнаго взаимнаго изученія, которое приведетъ если не къ сближенію, то къ пониманію. Первымъ и наиболѣе важнымъ результатомъ его явится различеніе дѣтей и дѣтей, которыхъ не станутъ смѣшивать въ одну кучу. Русское декадентство въ лицѣ представителей «юной Россіи» едва-ли станутъ смѣшивать съ новымъ направле-

ніемъ въ искусствѣ, которое продолжаетъ работу прежняго, только ищетъ новыхъ средствъ для выраженія того новаго, что назрѣло за послѣднюю четверть вѣка. Въ марксизмѣ отдѣлится узкое доктринерство отъ жизненнаго и вполнѣ закономѣрнаго исканія новыхъ рѣшеній вопроса, который стоитъ на порогѣ столѣтія далеко не столь простымъ, какъ могло казаться еще нѣсколько лѣтъ назадъ.

Въ вышедшей недавно книгѣ г. Бѣлоконскаго «Деревенскія впечатлѣнія» мы нашли интересныя замѣчанія и кое-какія фактическія данныя, которыми могутъ воспользоваться обѣ стороны. Авторъ-земскій статистикъ, не лишенный наблюдательности и умѣнія подмѣтить новое и оцѣнить его значеніе. Для насъ его наблюденія тѣмъ интереснѣе, что г. Бѣлоконскій—народникъ правовѣрнаго толка, для котораго мужикъ и земля—это центръ міра. И вотъ этотъ-то народникъ раскрываетъ такую картину деревни, предъ которой блѣднѣютъ всѣ изображенія деревенской жизни, приводимыя противниками.

Нужно прежде всего оговориться, что авторъ описываетъ не дикіе углы, а центральную Россію. Районъ его наблюденій охватываетъ Орловскую, Тульскую, отчасти Курскую губернію, пограничную со степной полосой. Здѣсь коренная община, деревня, не знавшая иного уклада, далекая отъ тлетворнаго вліянія фабрики и всѣхъ золъ ея. Попутно онъ задѣваетъ и одинъ уголокъ фабричнаго характера, уголокъ, гдѣ расположились Брянскіе заводы, что даетъ ему возможность дѣлать интересныя сопоставленія. Достоинствомъ его очерковъ служитъ ихъ правдивость. Правда, нарисовавъ удручающую картину, г. Бѣлоконскій тутъ же даетъ полную волю своему народническому сердцу, но этимъ только подчеркиваетъ все безсиліе народничества выбиться изъ той «злой ямы» противорѣчій, въ которую оно погрязло съ середины 80-хъ годовъ и не можетъ двинуться ни взадъ, ни впередъ.

Трудно повѣрить, а приходится вѣрить, что на порогѣ двадцатаго вѣка въ центрѣ Россіи существуютъ полосы, гдѣ населеніе до сихъ поръ не знаетъ печей съ трубами и живетъ въ курныхъ избахъ, какъ жили во времена Гостомысла. Для многихъ читателей самое названія «курная» или «черная» изба непонятно, но въ такихъ избахъ живутъ милліоны русскихъ общинниковъ. Хотя какова эта жизнь, пусть судятъ сами читатели. Авторъ, для собиранія статистическихъ данныхъ, пріѣзжаетъ въ деревню, гдѣ ему приходится переночевать. Ямщикъ заявляетъ, что избы вездѣ черныя, и рекомендуетъ заѣхать къ кумѣ, у которой «житье разлюбезное».

«Подъѣзжаемъ къ кумѣ. Вхожу въ сѣни, и заглянувъ въ избу, убѣждаюсь, что остановиться у кумы, хотя она и «хорошая баба», нѣтъ никакой физической возможности. Изъ отворенной двери валомъ валитъ темный, сладкій на вкусъ, торфяной дымъ. Возлѣ печи стоитъ беременная, босая баба съ ухватомъ и грязнымъ до-нельзя рукавомъ протираетъ слезящіеся отъ ѣдкаго дыма глаза. На земляномъ полу, покрытомъ лужами воды и грязью, сидятъ въ однѣхъ закоптѣлыхъ рубашонкахъ дѣти и что то ѣдятъ, отталкивая назойливо хрюкающаго поросенка, нахально стремящагося подѣлиться убогимъ дѣтскимъ завтракомъ; откуда-то, вѣроятно изъ люльки, скрытой дымомъ, доносится страдальческій писк еще одного ребенка».

По совѣту хозяйки, авторъ перебирается къ ея сосѣдкѣ, у которой оказывается «теплушечка», много лучше настоящей курной избы. «Суть теплушечки заключается въ томъ, что жерло печи выходитъ не въ избу, а въ сѣни, такъ что печь, входя всѣмъ корпусомъ своимъ, за исключеніемъ отверстія, въ избу, согрѣваетъ послѣднюю, а дымъ уже черезъ сѣни валитъ на улицу. Такимъ образомъ теплушечка является несомнѣннымъ «самобытнымъ» прогрессомъ въ

строительномъ искусствѣ степного крестьянства. Положеніе хозяйки отъ этого прогресса нѣсколько ухудшилось, такъ какъ зимою она находится на холодѣ, но зато въ теплушкѣ нѣтъ дыма».

Но своей теплушечкѣ авторъ не долго радовался, и наступившая ночь убѣдила его, что дымъ далеко не главное зло русской «самобытной, настоящей» избы. Уставъ за день отъ возни съ мужиками, авторъ возвращается къ вечеру домой. «Я зажегъ свѣчу, заварилъ чай и съ удовольствіемъ приступилъ къ подкрѣпленію силъ городскими закусками. Однако мое буржуазное настроеніе весьма быстро было нарушено, во-первыхъ, мышами, весьма нахально шнырявшими не только по полу, но и по скамейкѣ, сидя на которой я предавался кейфу, а во-вторыхъ—«задумчивыми тараканами и бойкими пруссаками», какъ характеризовалъ этихъ насѣкомыхъ И. С. Тургеневъ. Вошедшая хозяйка на вопросъ мой, много ли въ избѣ таракановъ, отвѣтила: «у насъ, батюшка, сыпной тараканъ». Сказала она это такимъ тономъ, что мнѣ показалось, будто она успокаиваетъ, хвалитъ своихъ таракановъ за мирное ихъ направленіе. Скоро, однако, я убѣдился, что опредѣленіе хозяйки надо было понимать буквально, такъ какъ оно было безусловно вѣрно, совершенно точно. Когда я, напившись чаю, затушилъ свѣчу и улегся спать, на меня тотчасъ дождемъ посыпались тараканы. Какъ ужаленный, схватился я со своего незатѣйливаго ложа, и когда зажегъ свѣчу, то остолбенѣлъ отъ невиданнаго явленія:—вся моя постель представляла сплошное темное движущееся пятно, а съ потолка продолжали сыпаться безчисленныя количества таракановъ. Стряхнувъ съ большимъ усиліемъ съ себя сотни этихъ отвратительныхъ насѣкомыхъ, я скорѣе надѣлъ шапку и приподнялъ воротникъ куртки, такъ какъ паденіе на голову не прекращалось. Стѣны не менѣе потолка сплошною массою были укрыты насѣкомыми. О снѣ, конечно, нечего было и думать, и я принялся, пугая мышей, шагать изъ угла въ уголъ, не предвидя конца этому времяпрепровожденію, такъ какъ карманные часы показывали всего 8 часовъ вечера. Къ счастью, хозяйка не спала и пришла въ теплушечку.—«Какъ вы можете жить въ такой избѣ?» спрашиваю.—«А тамъ у насъ еще хуже»...—«Гдѣ?»—«А гдѣ мы спимъ».—«Да какъ же вы такъ живете?»—«Не дай Богъ наше житье!.. Привыкаемъ... Ребята-то до трехъ лѣтъ кричатъ отъ этихъ анафемовъ (она указала на насѣкомыхъ), а тамъ привыкаютъ... Вонъ, слышь, маленькій кричитъ: идите-ка, гляньте, что тамъ дѣется...» Взявъ свѣчу, я отправился за хозяйкой въ другую половину избы. Когда я заглянулъ въ люльку, то просто отшатнулся: несчастный малютка лежалъ въ насѣкомыхъ, какъ въ сѣнѣ, былъ обсыпанъ ими, они лѣзли ему въ ротъ, въ уши, и безпомощный страдалецъ отбивался маленькими ручонками.—«И вы ничего не дѣлаете, чтобы ихъ уничтожить?» спрашиваю бабу.—«Все, батюшка, дѣлали: и бѣлаго таракана за ногу тащили, и знахарокъ приводили, и святою водою кропили—ничего не помогаетъ! Да и не у насъ однихъ они, проклятые,—вездѣ, дьяволы!...»

Чтобы понять, какъ могутъ люди жить въ такой обстановкѣ, авторъ подробно описываетъ хозяйство этой деревни, которая ничѣмъ особымъ не выдѣляется среди остальныхъ. Земли, оказывается, «самая малость», да и изъ той мѣстные кулаки забрали себѣ за долги лучшую часть. Кромѣ земли, ничего—ни лѣсу, ни луговъ, ни подсобныхъ занятій. «Ничѣмъ, кромѣ земли, не занимаемся, только кружимся...» Словомъ, идеально-типичная земельная община, не развлекаемая и не тронутая тлетворнымъ ядомъ капитализма, хотя послѣдній все-таки достигаетъ ее, сильно понижая цѣны на хлѣбъ. Авторъ поинтересовался, имѣютъ ли эти чистые земледѣльцы какіе-либо виды на будущее, надежды на улучшеніе жизни. Оказывается,—«вольныя земли», т. е. переселеніе, вотъ главная мечта деревни. Куда переселяться и какъ—это вопросъ для нихъ второстепенный. «На Анисей рѣку ходили», сообщаютъ они о нѣсколькихъ «счаст-

ливцахъ», которые ходили въ Сибирь и окончательно разорились. Но остальныхъ этотъ примѣръ не пугаетъ: то, что они покидаютъ, не таково, чтобы жалѣть о немъ. Среди жалобъ и сѣтованій не было мѣста страхамъ и опасеніямъ, будущее представлялось столь же безотрадно безнадежнымъ, какъ и настоящее. Отсюда поражающее равнодушіе, граничащее съ безчувствіемъ. «Много у васъ дѣтей?» спрашиваетъ авторъ.—«Восьмеро было, батюшка»—«А теперь сколько?»—«Одинъ, батюшка, одинъ».—Остальныя, значитъ, умерли?»—«Въ одну зиму».—«Отчего же это?»—«Не знаемъ, батюшка: какъ закричитъ, какъ захватитъ горлышкомъ,—дыхнуть не дастъ... Покричитъ дитё и отдастъ Богу душу»,—и все.

Старая это картина, явленія, всѣмъ хорошо знакомыя, также какъ и платоническія пожеланія автора, у котораго подъ вліяніемъ всего виднѣнаго за день и за ночь, проведенную среди таракановъ, вырывается слѣдующее лирическое отступленіе. Свистокъ поѣзда, пронесшагося гдѣ-то далеко на горизонтѣ, нарушилъ тишину деревенской ночи и разогналъ дремоту автора. «О, какъ сжалось мое сердце! Какъ близокъ мнѣ былъ этотъ поѣздъ, съ его тепломъ, свѣтомъ, быстротою, а главное—онъ близокъ былъ мнѣ, какъ представитель культуры, цивилизаціи, какъ сблизитель всего человѣчества... Сядешь въ него—и весь міръ въ твоемъ распоряженіи, куда хочешь, туда и ѣдешь... И какъ далека была отъ меня вотъ эта «родная», мертвая, глухая деревня... Нѣтъ, я не могу, не въ силахъ любить теперь деревню, какъ она есть! Я ее полюблю, когда она породнится со мною при посредствѣ культуры... «Но чѣмъ же виновата эта несчастная деревня?—говорилъ во мнѣ другой голосъ.—Развѣ не деревня дѣлала эту дорогу, развѣ не она копала землю, устраивала полотно, прокладывала рельсы? А ты, воспользовавшись трудомъ этой деревни, презираешь ее, забывая еще и то, что самое образованіе ты получилъ, благодаря той же деревнѣ, которая, въ то время, какъ ты занимался науками, развивался, работала, чтобы дать тебѣ досугъ... Ты всѣмъ своимъ существованіемъ обязанъ этой деревнѣ,—отдай же ей хотя частицу того, что она тебѣ дала, а не презирай, не кори ее» .. И, какъ живыя, предстали предо мною сегодня опрашиваемыя мною лица,—лица, обремененныя нуждою, трудомъ, темные, забитые люди, просящіе объ одномъ, чтобы имъ дали возможность существовать при самыхъ элементарныхъ требованіяхъ. И жалко мнѣ стало этой деревни, и больно за нее»...

Правильны размышленія автора и дѣлаютъ честь его доброму сердцу. Но мы уже слыхали ихъ тысячи разъ, и ни мало отъ этого не улучшились дѣла деревни, которая за послѣднюю четверть вѣка все идетъ на убыль, чѣмъ въ достаточной мѣрѣ подчеркивается вся безполезность подобной лирики. Мы были бы гораздо болѣе благодарны автору, если бы онъ, какъ изслѣдователь деревни, указалъ въ ней тѣ силы, которыя могли бы содѣйствовать ея сближенію съ культурой и на первый разъ хоть побѣдить «сыпного таракана», выгнавшаго автора изъ «настоящей» избы подъ навѣсъ. Къ сожалѣнію, окидывая a posteriori всю народническую литературу, мы не находимъ въ ней никакихъ указаній на этотъ счетъ. Любопытное, между прочимъ, явленіе, что рядомъ съ великорусской полосой, гдѣ царитъ сыпной тараканъ, начинается малорусская, гдѣ нѣтъ и слѣда таракана. Было бы интересно изслѣдовать этотъ оригинальный этнографическій вопросъ, почему тараканъ такъ привержень къ великорусскому племени. Есть ли это законъ біологическій, или же чисто соціальный,—вотъ вопросъ, который смѣемъ рекомендовать нашимъ народникамъ,—признаемся, намъ его рѣшеніе не по силамъ.

Къ чести нашего автора надо признать, онъ мало увлекается лирикой и даетъ больше наблюденія, среди которыхъ есть очень интересное сопоставленіе двухъ культуръ—района Брянскихъ заводовъ, поставленныхъ на чисто капи-

талистическую ногу, и района нѣкогда знаменитыхъ мальцевскихъ заводовъ, гдѣ сохранилась смѣсь крѣпостного хозяйства, натурально-кустарнаго. Онъ не скрываетъ отсталости послѣдняго и приводитъ описаніе такихъ уголковъ, гдѣ не знаютъ употребленія спичекъ и до сихъ поръ поддерживается вѣчный огонь въ камелькахъ: «въ углубленіяхъ на шесткѣ хранятся горячіе угли, присыпанные золою». «Нѣтъ въ этихъ деревняхъ ни керосиновыхъ лампъ, ни свѣчей, а освѣщаются исключительно лучиною, при которой и мнѣ приходилось работать». Онъ описываетъ «край долбни и картошки», лѣсной уголокъ, гдѣ нищета дошла до крайней степени, и населеніе этихъ некультурныхъ лѣсовъ «вѣчно находится въ полуголодномъ состояніи, вѣчно, чтобы не умереть съ голоду, должно заниматься «долбнею» (особый видъ работы въ лѣсу, самый некультурный и первобытный), которую ненавидитъ отъ всей глубины души, потому что «долбня» эта доводитъ человѣка до уровня животнаго». Отсылаемъ читателя къ описанію этого интереснаго уголка въ книгѣ автора: передать этого собственными словами нельзя, здѣсь все перлъ въ своемъ родѣ, какъ, напр., то, что «иной разъ зимою «по пузо въ снѣгу» приходится верстъ за пятнадцать идти за хлѣбомъ». Вся эта работа ведется на лѣсопромышленниковъ, которые «черезъ мѣру обезпечены рабочими», за отсутствіемъ наличныхъ средствъ, лишенными возможности заниматься кустарнымъ лѣснымъ промысломъ на себя.

Рядомъ съ этимъ примитивнымъ угломъ—«культурный оазисъ», который вызываетъ у автора слѣдующее сравненіе. «Брянскій рельсопрокатный заводъ, не смотря на свою молодость, сравнительно съ промышленными районами мельниковскимъ и мальцевскимъ представляетъ въ настоящее время громадное предпріятіе, совершенно затмившее своихъ предшественниковъ. Если быстро перенестись изъ района старой промышленности на Брянскій заводъ, то получится, вѣроятно, такое же впечатлѣніе, какъ если бы изъ какой-нибудь Чухломы попасть, напр., въ Манчестеръ или Ливерпуль... Но помимо несравненнаго превосходства въ производительности, внутреннее благоустройство завода рѣзко отличаетъ его отъ старыхъ промышленныхъ районовъ. Въ новомъ центрѣ пять школъ (до 1.000 учащихся), библіотека (около 300 подписчиковъ), клубъ, магазины, выписываются въ значительномъ числѣ газеты, журналы, устраиваются народныя чтенія съ туманными картинами, имѣется больница, организовано общество потребителей и т. п.».

Но, продолжаетъ авторъ, если даже старое заводское хозяйство блѣднѣетъ и кажется жалкимъ передъ новымъ, то «насколько же ничтожно производство кустарное мужицкое!»—и слѣдуетъ краснорѣчивое сравненіе, которое, однако, приводитъ автора въ концѣ-концовъ къ такому конечному выводу:

«Все, повидимому, говоритъ въ пользу новаго заводскаго хозяйства, но только повидимому... Стоитъ углубиться въ смыслъ заводской жизни, какъ сейчасъ же раздумье беретъ... Зайдемте ночью въ казарму. Здѣсь въ каждой комнатѣ помѣщается по двѣ семьи. Лица обоего пола и всякихъ возрастовъ спятъ вплотную другъ возлѣ друга. Нужно ли говорить, какія послѣдствія являются отъ такого рода условій? Но вотъ свистокъ, надо идти на работу. Она продолжается, включая перерывъ на обѣдъ, 12 часовъ. За все это время каждый исполняетъ одну какую-либо работу. Помимо этихъ 12 часовъ, нерѣдко работаютъ еще часовъ шесть сверхъ срока, за что полагается особая плата какъ за 12-ти-часовой трудъ. Отдохнувъ послѣ смѣны, заводскій рабочій опять принимается за ту же самую работу—и такъ всю жизнь! Для такого труженика не существуетъ ни времени дня, ни времени года: не все ли равно для него—зима ли на дворѣ или осень, свѣтитъ ли на небѣ яркое солнышко, согрѣвая вселенную, или луна обливаетъ землю своими серебристыми лучами... Въ концѣ концовъ человѣкъ превращается въ машину, и когда выпадетъ время небольшого отдыха, единственное развлеченіе видитъ онъ въ алкоголѣ. Ему нѣтъ времени посѣщать

заводскіе клубы и библіотеки и другія общественныя учрежденія, да и мозги его дѣйствуютъ слабо отъ изсушающей работы».

Мы привели эту типичную тираду народника-лирика, такъ какъ въ ней ярко сказывается все безсиліе народнической экономической мысли. Авторъ далъ такое описаніе деревни той же губерніи, гдѣ и описанный заводъ, что, казалось бы, злѣйшая изъ фабрикъ является чуть ли не раемъ въ сравненіи съ «сыпнымъ тараканомъ», заживо поѣдающимъ дѣтей, въ сравненіи съ «долбней», превращающей человѣка въ животное, и т. п. Тѣмъ не менѣе, все это только «повидимому», какъ выражается авторъ. И тараканъ, и долбня, и мужики, «кружащіеся» около «пустой земли», и дѣти, сплошь вымирающія отъ «горлышка»,—все это лишь видимость, говорящая противъ современной деревни. Но сущность... Спрашивается, какова же эта сущность? И гдѣ она, наконецъ, чтобы можно было ее показать изумленному міру?

Прежде народники смѣло и отчетливо отвѣчали на такой вопросъ: «да это все видимость. А сущность—община, артель, кустари». Теперь г. Бѣлоконскій, по крайней мѣрѣ, такъ не отвѣчаетъ. Онъ скорбитъ только о солнцѣ, о лунѣ, о смѣнѣ временъ года, которыхъ не видитъ заводскій рабочій. Можно подумать, что ими наслаждается зато счастливый хоть въ этомъ отношеніи земледѣлецъ. Но врядъ ли ему до наслажденій этими превосходными вещами, если судить по разсказамъ того же автора. Человѣкъ, безъ оглядки бѣгущій на таинственные для него берега «Анисея», который рисуется ему, какъ единственный исходъ изъ его «гибльго» мѣста, мало склоненъ оцѣнить по достоинству и солнце, и луну, и смѣну временъ года. Онъ забираетъ съ собой туда и общину, и артель, и даже таракана, который съ легкой руки переселенца наводнилъ и Сибирь,—и вмѣстѣ съ этой «сущностью» также гибнетъ на берегахъ Енисея, какъ и въ центрѣ Россіи, «въ краѣ долбни и картошки». Выводъ для всякаго, кромѣ народника, отсюда ясенъ: пресловутая сущность не спасаетъ ни отъ ужасной «видимости», ни отъ всякихъ другихъ золъ, одолѣвающихъ деревню, пока послѣдняя такъ дика, некультурна и экономически слаба, какъ теперь.

Авторъ, можетъ быть, невольно, самъ наталкиваетъ на отвѣтъ, рисуя «культурный оазисъ» въ дикомъ углу брянскихъ лѣсовъ. Изображенная имъ картина этой культуры—это въ маломъ масштабѣ то, что дѣлаетъ крупная промышленность теперь вообще среди тысячи деревень и некультурныхъ угловъ. Никто не станетъ спорить съ авторомъ, когда онъ указываетъ на огромные недочеты этой новой культуры. Да, они громадны и гораздо тяжелѣе, чѣмъ указанные авторомъ. Но въ условіяхъ новой культуры есть и средства для ихъ устраненія, чего мы не видимъ въ условіяхъ деревни. Авторъ далѣе и самъ замѣчаетъ, что, по словамъ мѣстныхъ крестьянъ, «кабы не заводъ—намъ умирать бы пришлось», и склоняется къ мысли, что фабрика является большимъ подспорьемъ. Такая уступка съ его стороны есть уже нѣчто, если сравнить ее съ тѣми проклятіями, которыя еще недавно раздавались по адресу фабрики въ народнической литературѣ. Но фабрика, понимаемая въ широкомъ значеніи, не только подспорье для «хозяйственнаго мужичка»,—она—новый факторъ, который вноситъ въ деревню культуру, объединяющую эту деревню съ остальнымъ міромъ, о чемъ мечтаетъ г. Бѣлоконскій въ приведенной нами раньше выдержкѣ.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Голодъ на Югѣ. Голодъ на югѣ Россіи все болѣе и болѣе разростается. По словамъ газетъ, одесское уѣздное земство, какъ только была приблизительно выяснена степень недорода въ Одесскомъ уѣздѣ, немедленно занялось организаціей продовольственной помощи населенію послѣдняго. Для неспособныхъ къ работѣ стариковъ, калѣкъ и дѣтей уѣздное собраніе ассигновало 5.000 р., а губернское—10 тыс. руб. для безвозвратныхъ пособій. Рѣшено, по словамъ одесскихъ газетъ, устроить въ уѣздѣ, въ наиболѣе пострадавшихъ селахъ, до 70 безплатныхъ столовыхъ, изъ которыхъ будетъ выдаваться горячая пища. Столовыя предположено открыть при земскихъ школахъ, гдѣ могутъ питаться также старики, немощные, калѣки, вдовы и др. Ближайшее завѣдываніе столовыми возложено на учителей, землевладѣльцевъ, а общее наблюденіе—на земскихъ начальниковъ, священниковъ и другихъ. Столовыя будутъ открыты въ теченіе 130 дней. Совѣщаніе постановило начать продовольствіе съ 1-го декабря. Продукты для столовыхъ будутъ закупаться въ Одессѣ съ такимъ разсчетомъ, чтбы ихъ было достаточно на мѣсяцъ. Въ селахъ, гдѣ школъ нѣтъ, столовыя будутъ открыты при другихъ земскихъ учрежденіяхъ. По примѣру столовыхъ въ восточныхъ губерніяхъ, стоимость каждаго обѣда приблизительно опредѣлена въ 2 к.

Аккерманское уѣздное земство точно также устраиваетъ столовыя и организуетъ трудовую помощь нуждающемуся населенію. Вѣсти изъ Аккерманскаго уѣзда приходятъ самыя печальныя.

Г-жа Шахматова, членъ отряда С.-Петербургскаго частнаго кружка для доставленія трудовой помощи пострадавшимъ отъ неурожая въ бессарабской губерніи, пишетъ въ «Пет. Вѣд.»:

«Положеніе Аккерманскаго и Измаильскаго уѣздовъ—ужасающее; нужда такъ велика, что уѣхать, не кончивъ начатыя въ 14-ти селеніяхъ общественныя работы, не сдѣлавъ что-нибудь серьезнаго для облегченія этой нужды, было бы грѣшно, немыслимо. А средства у насъ быстро уменьшаются.

Въ селѣ Ново-Карачагѣ работа уже окончена; поденная плата 80-ти рабочимъ натурой была не свыше 25 коп., и ѣсть опять нечего, потому что цѣлыя семьи буквально безъ хлѣба... О хлѣбѣ, впрочемъ, и не мечтаютъ, а о кукурузѣ только. Изъ массы нуждающихся селеній мы выбираемъ самыя бѣдствующія, изъ нихъ же еще самыя жалкія.

Въ VI участкѣ, въ 40.000 человѣкъ населенія, мы выбрали три селенія, ассигновавъ отъ 100 до 200 рублей на работу: въ с. Ивановкѣ—прудъ; въ с. Купоранахъ—обведеніе рвомъ общественной плантаціи на 40 дес. Лѣсъ здѣсь такая рѣдкость, что можно проѣхать десятки верстъ и не видѣть дерева. Плантація эта ничѣмъ не огорожена, и скотъ ее портитъ, а ровъ можетъ ее спасти.

Третья работа въ с. Александровкѣ: при школѣ отведено двѣ десятины подъ садъ; одна вскопается подъ виноградъ, канавами, а другая подъ плодовый садъ. Вообще, весьма желательно развитіе у крестьянъ садоводства; у колонистовъ и въ Бендерскомъ уѣздѣ садоводство служитъ важнымъ подспорьемъ. Всѣ вышеозначенныя работы уже организованы и начинаются. Въ V участкѣ работы тоже почти организованы. Пришлось дожидаться изъ Аккермана земскихъ инженеровъ, такъ какъ, не зная силы теченія весеннихъ водъ, мы бы могли надѣлать плотины, которыя унесетъ ливень.

Инженеры прибыли вчера, и ихъ совѣты совершенно совпали съ наблюденіями мѣстныхъ инженеровъ, крестьянъ-стариковъ.

Для бѣдняковъ села Татарбунара предпринята работа: каменная гребля на почтовомъ трактѣ у самой границы Измаильскаго и Аккерманскаго уѣздовъ. До сихъ поръ оба уѣзда отказывались отъ этой работы, сваливая ее друга на друга, а проѣзжіе тонутъ и топятъ лошадей.

Въ с. Спасскомъ—прудъ и плотина, въ с. Акманчитѣ—тоже: работа большая, не по средствамъ нашимъ, и мы еще въ раздумьѣ. Въ с. Михайловкѣ нужно засыпать сотнями возовъ земли зловредную яму съ гніющей водой, отъ которой не прекращается тифъ, и даже теперь, въ холодъ, дышать нельзя за версту. Лѣтомъ, говорятъ крестьяне, просто невыносимо.

Намѣчены еще три работы.

Болѣе всего насъ тяготитъ часть приморской полосы Измаильскаго уѣзда. Здѣсь продовольственные списки только пишутся да переписываются въ четвертый разъ. У кого, напримѣръ, корова одна, а дѣтей безъ конца,—исключаются изъ продовольственнаго списка. Всѣ ждутъ здѣсь земства и земскихъ начальниковъ.

Работы нами организованы въ этой полосѣ въ селеніяхъ: Золокарахъ, Тропоклахъ и Новомъ Карагачѣ. Есть у насъ въ виду еще большая работа для этого района: каменная дамба въ узкомъ и мелкомъ мѣстѣ озера Кундука; она сократила бы на десятокъ верстъ сообщеніе. Узнавъ о нашихъ проектахъ, болградскій комитетъ прислалъ намъ техника для этой работы и обѣщалъ 100 р. на мостикъ, необходимый для этой дамбы, такъ какъ это очень нужная работа, но дамба будетъ стоить 700 р.; на эторѣшиться мы не можемъ за неимѣніемъ средствъ и такъ какъ насъ ждутъ еще въ I и IV участкахъ Аккерманскаго уѣзда, гдѣ необходимо помочь нѣсколькимъ селеніямъ.

Польза трудовой помощи здѣсь всѣми понята и къ намъ ежедневно обращаются съ просьбами крестьяне и священники. Количество же возможныхъ и необходимыхъ работъ весьма значительно: всѣ селенія терпятъ или отъ недостатка воды, или отъ разсадника тифа.

Въ селѣ Плахтѣевкѣ 60 человѣкъ больныхъ брюшнымъ тифомъ. Не могъ ли бы «Красный крестъ» помочь намъ? Здѣсь столько женщинъ и дѣтей совсѣмъ безъ помощи!

Мы все надѣемся на милость Божію, думаемъ, что все же найдутся добрые люди и что намъ возможно будетъ осуществить надежды населенія на помощь. Хотя бы спасти ихъ.. если не отъ раззоренія, то, по крайней мѣрѣ, отъ голодной смерти».

По поводу этого вопіющаго бѣдствія и равнодушія къ нему русскаго общества, въ короткое время собравшаго въ пользу буровъ болѣе 100.000 р., мы находимъ въ «Недѣлѣ» слѣдующія прекрасныя строки одного изъ ея сотрудниковъ г. М. Г. М.

«Я начинаю получать пожертвованія «въ пользу буровъ». Покорно прошу моихъ читателей не обращаться ко мнѣ съ подобными порученіями. Пожертвованіямъ въ пользу буровъ, хотя бы раненыхъ, я не сочувствую. Буры неизмѣримо богаче насъ—русскихъ. На менѣе чѣмъ 300 тысячъ душъ населенія ихъ государственный доходъ составляетъ до 40 милліоновъ рублей (4.807.513 ф.

стерл.). Раздѣлите нашъ государственный бюджетъ на число жителей—получите 11 р. на каждаго; раздѣлите трансваальскій бюджетъ—получите 133 рубля, то-есть болѣе чѣмъ въ 12 разъ больше нашего. Въ эту крохотную страну ежегодно ввозится товаровъ на 60—80 мил. р.; желѣзныя дороги въ одномъ 1897 году перевезли 16½ мил. двойныхъ центнеровъ всякихъ богатствъ. Въ странѣ съ населеніемъ двухъ-трехъ уѣздовъ—184 промышленныхъ заведенія. Одного золота въ 1898 году добыто почти на 160 мил., а золотыя залежи, по увѣренію одного бура въ «Times», хранятъ запасы въ 2.000 милліардовъ... и вотъ мы суемся съ своими мѣдными грошиками и засаленными кредитками помогать этимъ милліонерамъ! У самихъ оффиціально удостовѣренный голодъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ, т.-е. черный, какъ навозъ, смрадный хлѣбъ (къ нему не прикоснулась бы даже свинья въ Трансваалѣ),—опять голодный тифъ, писк умирающихъ ребятишекъ, «плавающія десна» во рту голодныхъ цынготныхъ... у насъ ужасы, которыхъ никогда не снилось откормленнымъ до отвалу фермерамъ Трансвааля, а мы волнуемся, собираемъ «пожертвованія» и посылаемъ будто бы на «Красный крестъ». Говорю «будто бы», потому что что же тутъ лицемѣрить, развѣ не всѣмъ ясно, что умыселъ тутъ вовсе не въ состраданіи раненнымъ, а въ политической демонстраціи противъ англичанъ. Вотъ-де, знайте, ненавистные англичане, что мы за буровъ и противъ васъ... Бурамъ нужна помощь, но чѣмъ—людьми, оружіемъ, военнымъ вмѣшательствомъ. Но разъ мы не хотимъ, или не можемъ оказать такой поддержки имъ, то эти грошики покажутся имъ просто обидной ироніей». По моему—это золотыя слова, подъ которыми не откажутся подписаться всѣ истинно-русскіе люди, любящіе свою родину свой смиренный, глубоконесчастный народъ».

«Помогая своимъ, можно и должно не забывать и чужихъ—но только тогда, когда у себя дома одѣты, накормлены и обогрѣты всѣ, до послѣдняго бѣдняка. А вѣдь у насъ цѣлый океанъ неудовлетворенныхъ, самыхъ существенныхъ, самыхъ жгучихъ народныхъ нуждъ и потребностей, самыхъ важныхъ дѣлъ и мѣропріятій, предпринимаемыхъ правительствомъ по поднятію умственнаго и нравственнаго развитія и экономическаго благосостоянія народа, мѣропріятій, требующихъ громадныхъ денежныхъ средствъ, недостатокъ которыхъ и могъ бы быть восполняемъ постояннымъ притокомъ денежныхъ пожертвованій на святое дѣло роднаго домостроительства во всѣхъ его разнообразныхъ отрасляхъ.

«Въ такой необъятной и не вполнѣ еще устроенной странѣ, какъ Россія, каждая копейка дорога и необходима и потому, повторяю, жертвовать русскія деньги на какихъ то буровъ стыдно, грѣшно и дико. Обязанность повременной, въ особенности вліятельной и столичной печати—проводить въ обществѣ здравыя идеи относительно насущныхъ задачъ исключительно національной, патріотической благотворительности, а не разжигать и не взвинчивать психопатическіе порывы вродѣ увлеченія «несчастными турами» или, лучше сказать, донкихотскою, совершенно безобидною враждою къ «ненавистнымъ англичанамъ».

Безпорядки на фабрикѣ Коншина. Московская газета «Курьеръ» приводитъ отчетъ о судебномъ разбирательствѣ дѣла о безпорядкахъ на фабрикѣ Коншина. По словамъ газеты, обстоятельства дѣла заключались въ слѣдующемъ: 26-го апрѣля настоящаго года на прядильно-ткацкой фабрикѣ товарищества мануфактуръ И. Н. Коншина «Новая Мыза», во 2 мъ станѣ Серпуховскаго уѣзда, по возобновленіи работъ послѣ праздниковъ Пасхи, ватерщицы, въ количествѣ около 100 человѣкъ, отказались стать на работу, заявивъ, что онѣ недовольны новымъ расцѣнкомъ работъ, сдѣланнымъ передъ Пасхой, по окончаніи срока ихъ найма. Въ расцѣнкѣ этомъ была сдѣлана нѣкоторая прибавка на пряжу болѣе низкихъ сортовъ, а на пряжу нѣкоторыхъ высшихъ сортовъ заработная плата была убавлена. Такъ какъ рабочимъ въ виду наступленія новаго сро

найма, который считался съ Пасхи, рабочія книжки еще не были выданы, вслѣдствіе чего они еще не считались принятыми на фабрику, то директоръ фабрики М. П. Лотаревъ приказалъ распустить недовольныхъ ватерщицъ, но въ тотъ же день къ нему явились выборныя отъ банкоброшницъ, въ числѣ 20-ти человѣкъ, и заявили такія же требованія, какъ и ватерщицы. Находившійся въ это время въ конторѣ, фабрики директоръ правленія, Сергѣй Николаевичъ Коншинъ, обѣщалъ имъ пересмотрѣть расцѣнокъ, но не ранѣе двухъ недѣль, и банкоброшницы послѣ этого стали на работу. Тѣ же условія предложены были и недовольнымъ ватерщицамъ, но онѣ потребовали немедленной прибавки заработной платы, и притомъ не на нѣкоторые сорта пряжи, а на всѣ. Въ этомъ требованіи имъ было отказано, и онѣ удалились съ криками, что на работу не станутъ. На слѣдующій день, 27-го апрѣля, недовольныя ватерщицы и банкоброшницы, явившись на работу, черезъ нѣкоторое время, однако, ушли съ фабрики и направились въ сосѣднюю съ ней мѣстность, извѣстную подъ названіемъ «Бугоръ», гдѣ стали водить хороводы и пѣть пѣсни. Администрація фабрики сообщила о происшедшемъ фабричному инспектору и, по совѣту послѣдняго, вывѣсила объявленіе о томъ, что всѣ, не желающіе стать на работы должны въ теченіе двухъ дней взять изъ конторы свои паспорты, и что не взявшимъ въ этотъ срокъ таковые будутъ возвращены черезъ полицію. 28-го апрѣля болѣе половины изъ отказавшихся банкоброшницъ и нѣсколько ватерщицъ стали на работу, а остальныя съ утра 28-го апрѣля продолжали водить хороды на «Бугрѣ». Вечеромъ къ нимъ присоединились прядильщики и ткачи изъ 2-й смѣны тѣхъ сортовъ тканей, на которые также былъ пониженъ разцѣнокъ, и стали высказывать намѣреніе бить согласившихся работать женщинъ, которыя въ 10 часовъ вечера, по окончаніи работъ 1-й смѣны, должны были выйти съ фабрики. Фабричная администрація довела о начавшихся безпорядкахъ до свѣдѣнія полиціи, и на «Новую Мызу» были командированы помощникъ пристава и шесть городовыхъ. Въ 10-мъ часу вечера 1-ая смѣна была выпущена черезъ задніи ворота фабрики, а для прегражденія толпѣ доступа на фабричный дворъ ворота со стороны открытаго двора рабочихъ спаленъ и съ улицы были заперты. Подступившая въ это время къ запертымъ воротамъ толпа, большинство которой состояло изъ женщинъ и мальчиковъ-подростковъ, стала ломиться въ ворота и бросать черезъ нихъ камни, которыми были разбиты окна фабрики и электрическіе фонари на дворѣ. Не проникнувъ въ фабричные корпуса, буйствовавшая толпа рабочихъ обратилась къ квартирамъ служащихъ, къ пожарному депо и къ квартирѣ директора фабрики Лотарева, гдѣ камнями выбила стекла, а затѣмъ подступила къ фабричной харчевой лавкѣ, помѣщавшейся въ нижнемъ этажѣ корпуса младшихъ служащихъ и, сломавъ запиравшій ее дверной желѣзный болтъ, проникла въ лавку и уничтожила весь находившійся въ ней товаръ: бочки съ масломъ и селедками были разбиты, головы сахара были расколоты на куски, которыми потомъ выбивали стекла въ окнахъ: въ хлѣбопекарнѣ въ дежи съ тѣстомъ были набросаны камни и налитъ керосинъ.

Безпорядки на «Новой Мызѣ» продолжались до 1 часа ночи, а затѣмъ толпа съ крикомъ и пѣснями отправилась на другую фабрику того же товарищества, «Новоткацкую», отстоящую отъ отъ «Новой Мызы» въ 1¼ верстѣ, и по дорогѣ туда выбила стекла въ окнахъ красильно отдѣлочной фабрики. На «Новоткацкую» фабрику толпа прибыла во 2-мъ часу ночи; здѣсь часть ея направилась къ фабричнымъ спальнямъ и стала подговаривать рабочихъ принять участіе въ безпорядкахъ, но послѣдніе отказались, а часть направилась къ харчевой лавкѣ и пыталась выломать въ ней двери, а когда это не удалось, то было выломано окно, черезъ которое нѣсколько человѣкъ, проникнувъ въ лавку, стали выкидывать товаръ, а находившіеся на улицѣ рабочіе тутъ же его уничто-

жали. Въ два часа ночи на «Новоткацкую» фабрику прибыли изъ Серпухова войска, при приближеніи которыхъ толпа разсѣялась, и порядокъ былъ возстановленъ, такъ что съ утра 29-го апрѣля фабрика «Новая Мыза» стала работать по прежнему. Убытокъ, понесенный при этихъ безпорядкахъ товариществомъ мануфактуръ Н. Н. Коншина, простирается до 13 тыс. руб. и былъ причиненъ разгромомъ двухъ харчевыхъ лавокъ, хлѣбопекарни и поврежденіемъ оконъ въ фабричныхъ корпусахъ; работы же на фабрикѣ во время безпорядковъ не прекращались.

Изъ лицъ, принимавшихъ участіе въ описанныхъ безпорядкахъ, обнаружены были только слѣдующія: Иванъ Голубевъ, который въ половинѣ 10 часа вечера находился въ буянившей толпѣ и на увѣщанія городового Самсонова и хожалаго Архипова кричалъ «уходите!»; Михаила Птягина и Павла Кудинова видѣли ломившимися въ запертыя ворота. При разгромѣ квартиры директора Лотарева его кучеръ Старичковъ призналъ рабочаго Ивана Наумова, который, находясь въ толпѣ, закричалъ: «вотъ директорскій кучеръ!» и ударилъ его, Старичкова, два раза по лицу. Послѣ разгрома лавки на «Новой Мызѣ» помощникъ пристава Зелепугинъ вмѣстѣ съ городовыми задержалъ около церкви Богоявленія рабочаго Константина Титова, который несъ похищенные изъ лавки четвертку чаю и кусокъ солонины. При задержаніи Титовъ кричалъ: «братцы, выручайте!» Въ рукахъ у него былъ камень.

На судѣ свидѣтель Лотаревъ, директоръ фабрики, показалъ, что онъ поступилъ на это мѣсто весной 1897 г., послѣ бывшихъ тогда крупныхъ безпорядковъ. При немъ никакихъ безпорядковъ не было, бывали заявленія отдѣльныхъ рабочихъ, которые просили уравнять заработную плату, такъ имъ казалось, что нѣкоторые рабочіе при меньшей затратѣ труда получаютъ больше тѣхъ, которые исполняютъ болѣе трудную работу. Въ виду этихъ заявленій передъ минувшей Пасхой былъ нѣсколько измѣненъ расцѣнокъ заработной платы, такъ какъ прежде, дѣйствительно, нѣкоторые нумера пряжи опредѣлены были невѣрно. По новому расцѣнку за нѣкоторые сорта плата была увеличена, за другіе—понижена; въ общемъ же заработокъ ватерщицъ долженъ былъ увеличиться копейки на три, на четыре въ день, но ватерщицамъ казалось, что онѣ будутъ зарабатывать меньше, потому что зарабатываемая ими пряжа вѣсомъ выходитъ меньше, чѣмъ предже. Поэтому онѣ заявили требованіе объ увеличеніи разцѣнка и подговорили банкоброшницъ, которыя тоже потребовали увеличенія разцѣнка. По мнѣнію свидѣтеля, главная масса рабочихъ не сочувствовала безпорядкамъ. На «Новой Мызѣ» буйствовавшая толпа была человѣкъ въ 600, а на «Новоткацкую» фабрику пришло только около 300 человѣкъ. По прекращеніи безпорядковъ, собраны были выборные отъ рабочихъ, причемъ прядильщики и ткачи въ присутствіи администраціи фабрики и властей заявили, что они всѣмъ довольны; банкоброшницы согласились работать послѣ того, какъ имъ было обѣщано пересмотрѣть разцѣнки; согласились работать и ватерщицы съ новыхъ ватеровъ, когда имъ разъяснили, что по новому расцѣнку плата имъ, въ сущности, прибавлена: дольше другихъ упорствовали ватерщицы со старыхъ ватеровъ, но согласились стать на работу и онѣ, когда имъ обѣщали удовлеворить ихъ претензіи. Во время безпорядковъ работы на фабрикѣ не прекращались; былъ только простой нѣкоторыхъ станковъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

По мнѣнію фабричнаго инспектора, причиной безпорядковъ былъ низкій заработокъ ватерщицъ и банкоброшницъ,—онѣ зарабатывали отъ 8 до 11 руб. въ мѣсяцъ Мѣсяца черезъ два послѣ прекращенія безпорядковъ расцѣнки были измѣнены, и заработокъ увеличенъ.

Большинство свидѣтелей рѣшительно отказывались сказать, участвовалъ

ли въ безпорядкахъ кто-нибудь изъ обвиняемыхъ: въ огромной толпѣ, да еще ночью, признать кого-либо было трудно.

Резолюція палаты: Штагина и Кудинова, признавъ виновными по 269[1] ст. улож. о наказ., заключить въ тюрьму: перваго—на 8 мѣс., съ ограниченіемъ правъ, а второго—на 3 мѣсяца; Титова, признавъ виновнымъ по 109 ст. ул. о нак., заключить въ тюрьму на 6 мѣс.; Наумова и Голубева оправдать.

Ремесленные рабочіе въ Симферополѣ. Въ мартѣ настоящаго года въ Петербургѣ состоится первый всероссійскій съѣздъ, посвященный вопросамъ ремесленной промышленности, которому предстоитъ, между прочимъ, заняться и вопросомъ о положеніи ремесленныхъ рабочихъ.

Нельзя не признать созыва этого съѣзда чрезвычайно своевременнымъ, потому что ремесленный рабочій занимаетъ совершенно исключительное положеніе въ русской рабочей семьѣ: рабочее законодательство не распространяется на ремесленную промышленность, господствующія въ ней условія труда, не подчиненныя никакому контролю, являются въ высшей степени тяжелыми для рабочихъ. Яркой иллюстраціей этихъ условій труда служитъ интересная статья о симферопольскихъ ремесленникахъ, помѣщенная въ «Спб. Вѣдом.». Вотъ, напр., таблица, характеризующая длинну рабочаго дня въ Симферопольскихъ ремесленныхъ мастерскихъ.

Ремесла.	Средній возрастъ рабочихъ	Средняя продолжительность раб. дня.
Сапожное.	16 лѣтъ.	15½ час.
Портняжное	17 »	15 »
Переплетное	16 »	15 »
Жестян. издѣлій	15 »	14 »
Столярное	16 »	14 »
Шорное.	16,5 »	14 »
Шапочное	17 »	13½ »
Дамскихъ нарядовъ	14 »	13½ »
Слесарное.	15,5 »	13 »
Обойно-драпировачное.	13,5 »	13½ »
Среднее для всѣхъ ремеслъ. .	1,56 »	14 »

На обѣдъ и отдыхъ приходится, въ среднемъ, около 35 минутъ въ день. Въ сапожномъ и портняжномъ производствахъ рабочій день продолжается иногда по 18 час. Въ остальныхъ категоріяхъ труда, рабочій день никогда не опускается ниже 12 час. Женскій трудъ находитъ приложеніе, главнымъ образомъ, въ модныхъ мастерскихъ дамскихъ нарядовъ, гдѣ изящество и быстрота исполненія заказа окупается дорогою цѣною здоровья и развитія малолѣтнихъ работницъ. Въ этой графѣ мы встрѣчаемся съ показаніями, что рабочее время часто длится «цѣлый день» безъ опредѣленнаго отдыха и что обѣдаютъ мимоходомъ, спѣша возвратиться къ иглѣ. При всемъ этомъ, оплата каторжнаго труда ремесленныхъ рабочихъ чрезвычайно низка. Не говоря о томъ, что такъ называемые ученики въ первое время совсѣмъ не получаютъ жалованія, подмастерья-сапожники, при хозяйскихъ харчахъ и одеждѣ, зарабатываютъ отъ 5 до 15 рублей въ мѣсяцъ; столяры — отъ 5 до 12; портные—отъ 6 до 18 р. Въ модныхъ же мастерскихъ плата колеблется отъ 3 до 6 р. Конечно, мы не беремъ высшаго слоя ремесленниковъ-мастеровъ, заработокъ которыхъ достигаетъ иногда 25—30 р. въ мѣсяцъ. Главная масса ремесленниковъ-рабочихъ состоитъ изъ малолѣтнихъ и подростковъ, охрана которыхъ признана необходимою законодательствомъ всѣхъ европейскихъ государствъ.

Приведенныя данныя получаютъ особенное значеніе, если мы обратимъ вниманіе на то, что помѣщенія, гдѣ производится работа, обыкновенно страдаютъ недостаткомъ воздуха и свѣта, а пища не содержитъ достаточнаго количества

питательныхъ веществъ. Эти цифры объясняютъ физическую неразвитость и истощенный видъ дѣтей и подростковъ, который поражаетъ наблюдателя въ воскресныхъ и субботнихъ школахъ, эти цифры объясняютъ, почему многіе изъ рабочихъ покидаютъ школу, несмотря на всю жажду просвѣщенія, эти цифры объясняютъ и то странное явленіе, что въ безплатной городской библіотекѣ школьники требуютъ «книжку потолще» и не хотятъ брать небольшихъ разсказовъ, а болѣе взрослые подписчики, которые почти исключительно—ремесленники, просятъ «что-нибудь потоньше» и отказываются отъ сочиненій въ 150—200 страницъ. Непомѣрная продолжительность рабочаго дня является твердою скалою, о которую разбиваются въ прахъ всѣ усилія ремесленниковъ пріобщиться къ богатой духовной сокровищницѣ человѣчества и сознанія безплодности своихъ попытокъ; въ особенности тяжело для нихъ теперь, когда стремленіе къ образованію все глубже и глубже проникаетъ въ народную массу и создаетъ въ ней новыя интеллектуальныя потребности. Это стремленіе заставляетъ и симферопольскихъ ремесленныхъ рабочихъ искать лучшихъ условій существованія. Не зная закона, они постоянно обращаются съ заявленіями къ фабричной инспекціи, а въ прошломъ году подмастерья портняжнаго цеха подали таврическому губернатору прошеніе, въ которомъ описывали свое положеніе и просили о фактическомъ обезпеченіи имъ продолжительности рабочаго дня въ предѣлахъ, установленныхъ 431 статьей устава о промышленности. Статья эта, неприкосновенно сохранившаяся съ екатерининскихъ временъ, какъ извѣстно, гласитъ, что «ремесленные рабочіе часы въ суткахъ суть отъ шести часовъ утра до шести часовъ вечера, исключая полчаса на завтракъ и полчаса на обѣдъ и отдыхъ». Прошеніе было принято, но что могла сдѣлать административная власть? Поручить наблюденіе за неуклоннымъ выполненіемъ закона общей полиціи, той полиціи, которая обязана блюсти за всѣмъ, начиная отъ чистоты помойныхъ ямъ и кончая чистотою обывательскихъ помысловъ? Естественно, что никакихъ практическихъ послѣдствій прошеніе не имѣло. Измѣненіе современныхъ условій труда произойдетъ подъ вліяніемъ только широкихъ законодательныхъ реформъ. Можно даже опасаться, что одно подчиненіе ремесленныхъ заведеній вѣдѣнію фабричной инспекціи не принесетъ желаемыхъ результатовъ, вслѣдствіе своеобразныхъ особенностей мелкаго производства: незначительнаго размѣра и большого числа отдѣльныхъ предпріятій. Лучшимъ средствомъ къ уничтоженію зла является устраненіе изолированности рабочихъ и предоставленіе имъ права профессіональной самодѣятельности для совмѣстнаго осуществленія справедливыхъ требованій и труда.

Одесскіе пекари. Положеніе рабочихъ въ одесскихъ булочныхъ можетъ выдержать сравненіе даже съ только что описаннымъ положеніемъ симферопольскихъ ремесленниковъ, «Одесскій Листокъ», сообщая о ходатайствѣ пекарей и другихъ рабочихъ одесскихъ булочныхъ о нормировкѣ рабочаго дня, приводятъ свѣдѣнія объ одесскихъ пекарняхъ.

Какъ оказалось изъ многочисленныхъ опросовъ, трудъ пекарей, въ среднемъ, продолжается около 20 часовъ въ сутки, а нерѣдко работа идетъ въ круговую въ теченіе 24 часовъ, днемъ и ночью. Подробными врачебными осмотрами констатированъ рядъ профессіональныхъ болѣзней, составляющихъ удѣлъ пекаря: тутъ и хроническое воспаленіе легкихъ, и артеріосклерозъ, и гипертрофія сердца, и проч., и проч.

Болѣзни, къ сожалѣнію, далеко не единственный результатъ такихъ условій пекарей. Изслѣдованія показали, что нынѣшній чрезмѣрный трудъ пекарей отражается крайне неблагопріятно не только на ихъ здоровьи, но и на всемъ складѣ жизни: при такомъ усиленномъ трудѣ, почти безъотдыха, неизбѣжно нарушается семей-

ная жизнь, остаются безъ удовлетворенія религіозныя и духовныя нужды и т. д. Съ другой стороны, вслѣдствіе, переутомленія, работникъ-пекарь не въ состояніи слѣдить за соблюденіемъ чистоты и вообще всѣхъ санитарныхъ требованій при производствѣ, не въ состояніи заботиться о качествѣ изготовляемаго имъ продукта. Наконецъ, тотъ же непосильный трудъ, разрушая преждевременно здоровье пекарей, создаетъ обществу, въ лицѣ ихъ, будущихъ кандидатовъ въ богадѣльни, пріюты и т. д.,—словомъ, создастъ контингентъ лицъ, нуждающихся постоянно въ общественномъ призрѣніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при этихъ условіяхъ, эпидеміи могутъ находить среди пекарей благопріятныя условія для своего распространенія.

Такимъ образомъ,—говоритъ въ заключеніе «Одесскій Листокъ»,—самые очевидные крупные общественные интересы требуютъ улучшенія положенія пекарей и прежде всего—сокращенія ихъ чрезмѣрнаго труда. Разрѣшеніе этого вопроса не представляетъ трудностей, такъ какъ и ремесленный, и фабричный уставы даютъ необходимый практическій выходъ. Въ тѣхъ пекарняхъ, гдѣ менѣе 16 рабочихъ, должны примѣняться требованія ремесленнаго устава, а послѣдній ограничиваетъ время работъ ремесленниковъ 12-ю часами въ день. Въ пекарняхъ же съ числомъ рабочихъ изъ 16 и свыше человѣкъ долженъ примѣняться фабричный рабочій день $11^1/_2$ часовъ. Сами работники-пекаря и ходатайствуютъ теперь объ установленіи въ одесскихъ пекарняхъ 12-часового рабочаго дня. Имѣя въ виду безпрерывность даннаго производства и ночную работу, надлежитъ устанивить двѣ смѣны.

Рѣчь астраханскаго губернатора. Юридическая газета «Право» напечатала слѣдующую рѣчь г. астраханскаго губернатора, пригласившаго къ себѣ для объясненій по дѣламъ службы городского голову съ полнымъ составомъ думы (рѣчь эта была перепечатана въ нѣсколькихъ столичныхъ и провинціальныхъ газетахъ): «прошу извиненія, господа, что побезпокоилъ васъ явиться ко мнѣ. Въ сущности, я могъ бы ограничиться приглашеніемъ для настоящаго объясненія лишь городского головы и членовъ управы, но я призналъ необходимымъ видѣться съ вами, тѣмъ болѣе, что мнѣ не приходилось обращаться ко всѣмъ вамъ лично, а лишь черезъ другихъ лицъ, причемъ нерѣдко,—я не утверждаю, что умышленно,—моимъ желаніямъ и мнѣніямъ придавался невѣрный смыслъ. Я созвалъ васъ съ тѣмъ, чтобы чистосердечно высказать все накопившееся у меня на душѣ противъ васъ неудовольствіе.

«Приглашая васъ, я думалъ было обратиться къ вамъ съ угрозою, но потомъ передумалъ, такъ какъ не въ моемъ характерѣ и не въ моихъ привычкахъ поступать такъ. Благодаря моему долгому опыту я знаю, что добромъ и убѣжденіемъ можно скорѣе и вѣрнѣе достигнуть желаемыхъ результатовъ и потому я рѣшилъ забыть всю горечь обидъ и, миролюбиво высказавъ вамъ все, забыть всѣ ваши проступки противъ меня. Господа, я здѣсь 4 года. Въ теченіе этого времени вы меня въ моихъ начинаніяхъ по благоустройству и благополучію города не слушаете, меня, мѣстнаго представителя Царской власти. Отношеніе ко мнѣ городскихъ представителей особенно ухудшилось за послѣднее время: такъ, почти всѣ мои предложенія городская дума отклоняетъ, конечно, я не хочу сказать, что вся дума въ полномъ ея составѣ, но мнѣ оказываютъ противодѣйствіе 3—4 лица, которыя высказываются всегда противъ моихъ предложеній, а большинство идетъ за ними. Мало того, оппозиція обзавелась своимъ органомъ печати—это «Астраханскій Вѣстникъ», редактора котораго я тоже пригласилъ сюда: но пусть г. Длинбергъ не безпокоится: ни противъ него, ни противъ его газеты не будетъ принято никакихъ репрессивныхъ мѣръ. «Астраханскій Вѣстникъ», несмотря на мое гуманное отношеніе къ печати,

*

умышленно, говорю, не только умалчиваетъ объ астраханскомъ губернаторѣ но моимъ дѣйствіямъ и распоряженіямъ придаетъ невыгодный для меня смыслъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ мною будутъ указаны факты. Будучи въ Царевѣ, мнѣ пришлось читать въ столичныхъ газетахъ телеграммы изъ Астрахани, облетѣвшія всю Европу, о пребываніи въ Астраханской губерніи Его Высочества принца Ольденбургскаго, причемъ въ телеграммахъ этихъ не было упомянуто, что принца сопровождалъ я. Телеграммы эти были даны г. Длинбергомъ, такъ какъ онъ состоитъ мѣстнымъ агентомъ «Россійскаго телеграфнаго Общества». Затѣмъ, въ отчетахъ той же газеты «Астраханскаго Вѣстника» о пребываніи принца въ Астрахани также совершенно умолчено, что принцъ удостоилъ посѣщеніемъ мою квартиру, навѣстивъ въ ней мою супругу, съ которой вмѣстѣ ѣздилъ осматривать дешевую столовую благотворительнаго Общества; но въ то же время было подробно указано о посѣщеніи Его Высочествомъ городской думы, хотя посѣщеніе это вышло совершенно случайно, такъ какъ принцъ не предполагалъ посѣщать думы, и я не знаю, какимъ образомъ могла получиться ошибка въ телеграммѣ, въ которой должно было быть сказано, что принцъ посѣтитъ архіерея въ городскомъ домѣ. Но я, узнавъ, что дума ожидаетъ принца, просилъ Его Высочество не отказать въ своемъ посѣщеніи ея, чтобы не обидѣть думы. По поданной же мною телеграммѣ о желаніи принца объ устройствѣ ночлежныхъ бараковъ и дешевыхъ столовыхъ городская дума не исполнила этого желанія. При этомъ я долженъ сказать, что пребываніе Его Высочества въ губерніи произвело самое хорошее впечатлѣніе, которое было омрачено городскими представителями, именно безтактною подачею двухъ записокъ о субсидіи городу и о набившемъ всѣмъ оскомину вопросѣ о лѣвобережной дорогѣ. Я же старался смягчить неудовольствіе принца. Что же касается до моихъ отношеній къ городскимъ цѣлямъ, то я укажу на дѣло постройки трамвая, въ защиту котораго городскими представителями столько ломалось копій, и все-таки на молебствіи, бывшемъ по случаю закладки зданія трамвая, присутствовалъ я и, наоборотъ, не было никого изъ представителей города.

«Не могу не указать, что не только при отъѣздѣ моемъ въ нынѣшнемъ году въ отпускъ никто изъ представителей города не явился меня проводить, но даже по возвращеніи моемъ изъ Царева, послѣ столь тяжкаго подвига, я не былъ встрѣченъ кѣмъ-либо изъ городскихъ представителей. Не сомнѣваюсь, что въ другомъ городѣ губернатора, сдѣлавшаго для края то же, что было сдѣлано мною во время 51-дневнаго пребыванія въ Царевскомъ уѣздѣ, встрѣтили бы съ хлѣбомъ-солью; никакихъ отговорокъ въ томъ, что мой пріѣздъ не былъ извѣстенъ, принять не могу, такъ какъ стоило лишь пожелать, и объ этомъ можно было узнать и по телефону, и по телеграфу. Вы могли бы еще исправить свою ошибку, посѣтивъ, по моему приглашенію, бывшее вчера торжество по случаю трехлѣтняго существованія пріюта прокаженныхъ, учрежденія столь дорогого моей женѣ и осуществленнаго при вашемъ же содѣйствіи, но всѣ представители города отсутствовали, за исключеніемъ Н. К. Фонова.

«Въ заключеніе, я долженъ опять сказать вамъ, что по своему характеру и привычкѣ, добытой годами,—мнѣ уже 56 лѣтъ,—да и думаю, что надо себя пожалѣть,—я не стану прибѣгать ни къ угрозамъ, ни къ какимъ-либо репрессивнымъ мѣрамъ, хотя бы я и могъ по отношенію къ городскимъ представителямъ, но оставаясь такимъ же гуманнымъ и безпристрастнымъ въ городскихъ дѣлахъ, я буду надѣяться, что городскіе представители измѣнятъ свое настоящее отношеніе ко мнѣ, буду терпѣливо ждать этого до открытія навигаціи будущаго года; если же къ этому времени отношеніе не измѣнится, то я буду вынужденъ поѣхать въ Петербургъ, обратиться къ г. министру внутреннихъ дѣлъ, Государю Императору и сказать, что я не могу служить здѣсь, переведите меня въ другую губернію, хотя, вѣроятно, вся Астраханская губернія и пожалѣетъ объ

этомъ, но зато въ другомъ мѣстѣ скорѣе оцѣнятъ меня; причемъ скажу, что вѣра въ то, что людьми можно достичь большаго не угрозой, а добромъ, не уничтожится во мнѣ. Я чистосердечно высказалъ вамъ все, что наболѣло у меня на душѣ; прошу извинить за безпокойство, затѣмъ до свиданія».

Студенческая перепись въ Кіевѣ. Корреспондентъ «Сѣв. Курьера» сообщаетъ о томъ, что въ настоящее время въ кіевскомъ университетѣ предпринята перепись—цѣль которой состоитъ въ томъ, чтобы представить картину экономическаго положенія студенчества. Нельзя не привѣтствовать этого явленія, тѣмъ болѣе, что изслѣдованія такого рода, столь рѣдкія у насъ до настоящаго времени, не мало могутъ способствовать объясненію нѣкоторыхъ характерныхъ чертъ нашего студенчества, такъ своеобразно отличающагося отъ его западно-европейскихъ сотоварищей. Существованіе этихъ своеобразныхъ чертъ, заставлявшихъ неоднократно обращать на себя вниманіе всего общества, обратило на себя вниманіе и нашего правительства и поставлено имъ въ связь съ экономическими условіями студенческаго быта, какъ это выясняется изъ ряда предпринятыхъ имъ мѣропріятій. Всюду въ этомъ году обращено усиленное вниманіе на улучшеніе матеріальнаго благосостоянія студенчества, всюду открываются общежитія, столовыя, инспекціи вмѣняется въ обязанность подыскивать студентамъ квартиры и доставать уроки, устраиваются при университетѣ бюро труда и т. д. Такъ и въ Кіевѣ, въ началѣ ноября, была торжественно открыта столовая для студентовъ, проектируется общежитіе, планъ устройства общежитія для политехниковъ близокъ къ осуществленію. Къ явленіямъ такого же порядка можно отнести и совершающуюся теперь перепись. Однако, какъ и перепись произведенная въ Томскѣ, наша «анкета» обязана своимъ происхожденіемъ не бюрократическимъ начинаніямъ «Оффиціальнаго благотворительнаго общества» или инспекціи, по крайней мѣрѣ, идея о ней зародилась въ средѣ студентовъ, и существенная частъ ея,—именно составленіе опросныхъ листковъ произведено ими же. Въ практическомъ же осуществленіи ея обойтись безъ содѣйствія «властей предержащихъ» было бы, конечно, невозможно. Поэтому на самомъ производствѣ переписи, довольно ощутительно отозвалась мертвящая рука канцелярщины. Когда опросные листки были отпечатаны (на счетъ благотворительнаго общества), предсталъ вопросъ: какимъ же образомъ осуществить перепись по возможности всѣхъ 2.500 студентовъ нашей «alma mater»? Лучше всего, разумѣется, было бы предоставить это дѣло самимъ студентамъ. Но здѣсь сразу пришлось бы натолкнуться на массу препятствій: счетчиковъ пришлось бы выбирать по курсамъ—для этого пришлось бы собираться, пришлось бы собираться потомъ и счетчикамъ для обсужденія плана дѣйствій и т. д. Есть и другой способъ, уступающій первому, но все-таки цѣлесообразный—разослать всѣмъ студентамъ переписные листы по почтѣ, но для этого нужно рублей 40—50 (на конверты, марки),—такихъ суммъ нигдѣ не нашлось... Въ концѣ концовъ, остановились на слѣдующемъ, болѣе простомъ образѣ дѣйствій (или, вѣрнѣе, образѣ бездѣйствій): положили кипу бланковъ гдѣ-то на столѣ въ канцеляріи, гдѣ желающіе могутъ ихъ разыскать и заполнить... Нечего и говорить, что при такой постановкѣ дѣла на сколько-нибудь благопріятный результатъ трудно разсчитывать. Вообще, въ данномъ случаѣ администрація обнаружила явную склонность къ принципу «непротивленія»...

На заголовкѣ помѣщена фраза: «просятъ дать *безусловно* вѣрный отвѣтъ, или никакого». Далѣе идутъ слѣдующія рубрики: 1) Факультетъ? 2) Семестръ? 3) Національность? 4) Вѣроисповѣданіе? 5) Возрастъ? 6) Подданство? 7) Годъ пребыванія въ университетѣ или высшемъ учебномъ заведеніи? 8) Перемѣнялъ ли факультетъ вслѣдствіе матеріальныхъ недостатковъ? 9) Сословіе отца? 10) Занятіе родителей? 11) Размѣръ доходовъ родителей въ годъ: а) вообще, б) въ

этомъ году. 12) Велика ли семьи и сколько членовъ ея нуждается въ поддержкѣ родителей? 13) Обезпеченіе со стороны родителей или родственниковъ: а) полное, б) никакого, в) неполное (и въ чемъ выражается). 14) Оказываете ли денежную помощь родителямъ или родственникамъ и въ какомъ приблизительно размѣрѣ (годично, ежемѣсячно)? 15) Семейное положеніе самого студента (холостъ, женатъ, есть-ли дѣти и сколько)? Далѣе помѣщена таблица, въ которой размѣщены всѣ источники доходовъ, какъ-то: получки отъ родителей, собственныя средства, стипендія, пособія, переписка, корректура, уроки, частная служба разнаго рода и т. д. Изъ этой таблицы можно получить свѣдѣнія о помѣсячномъ заработкѣ въ теченіе всего послѣдняго года, о средней суммѣ заработка въ мѣсяцъ и въ годъ, о числѣ часовъ, которое отнималъ послѣдній заработокъ и т. д. 16-й вопросъ—сколько времени вы искали послѣдній заработокъ? 17) Какимъ образомъ вы нашли заработокъ (газетная публикація, черезъ товарищей, объявленіе въ университетѣ, рекомендація гимназіи, знакомыхъ, инспекціи, общества вспомоществованія, случайно? 18) Какое общественное положеніе занимаетъ урокодатель? 19) Въ какомъ классѣ и какомъ учебномъ заведеніи находится ученикъ? 20) Довольны ли заработкомъ? 21) Если нѣтъ, то почему (платой, разстояніемъ, продолжительностью затрачиваемаго на заработокъ времени, отношеніемъ урокодателей)? 22) Во что обходятся вамъ ежемѣсячно: а) квартира, б) обѣдъ, в) чай, завтракъ, ужинъ, г) развлеченія, д) иные расходы (мытье бѣлья и пр.)? 23) Во что обходятся вамъ въ годъ: а) учебныя пособія, б) книги, в) журналы, газеты, библіотека, г) одежда, д) общая сумма годового расхода? 24) Остается-ли у васъ что нибудь? 25) Minimum необходимаго вамъ ежемѣсячнаго бюджета?

Въ заключеніе корреспондентъ «Сѣв. Кур.» справедливо высказываетъ сожалѣніе, что «анкета» ограничивается изслѣдованіемъ одной экономической стороны жизни студенчества.

Придавая важное значеніе «анкетѣ» такого рода,—говоритъ онъ,—мы не думаемъ, однако, чтобы экономическое положеніе студенчества занимало главенствующее мѣсто въ дѣлѣ объясненія крайне своеобразныхъ чертъ физіономіи русской молодежи. Здѣсь дѣйствуютъ болѣе широкія причины. Общественныя наклонности, искусственно изгоняемыя изъ жизни, находятъ себѣ пріютъ въ храмахъ науки.

Крестьяне о школѣ. «Спб. Вѣдомости» приводятъ интересныя данныя изъ «Матеріаловъ по народному образованію въ Воронежской губ.», характеризующія отношенія крестьянъ къ школѣ и требованія, которыя они къ ней предъявляютъ. Подавляющее большинство (88,4%), опрошенныхъ воронежскими статистиками крестьянъ, высказалось въ пользу образованія. Между тѣмъ, по свидѣтельству Ф. А. Щербины, всего 15 лѣтъ тому назадъ, когда впервые производилось земско-статистическое изслѣдованіе Воронежской губерніи, изъ ста спрошенныхъ крестьянъ, «по крайней мѣрѣ, человѣкъ 60 или 70 категорически заявляли, что имъ школа не нужна, что это—дѣло барское и для крестьянина неподходящее, что жили же раньше и безъ школы дѣды и отцы, жили далеко лучше нынѣшняго поколѣнія. Содержать школу казалось и дорого, и тяжело населенію. Однимъ словомъ, школа и школьное образованіе считались, по меньшей мѣрѣ, роскошью и пустымъ дѣломъ»...

Какое же значеніе придаютъ крестьяне получаемому въ школѣ образованію? Въ чемъ, по ихъ мнѣнію, заключается польза грамоты?

«Грамотный хоть Богу-то научится молиться», «лежишь неграмотный, якъ скотыняка», «грамотному дороже платятъ на заводѣ», «грамотному и на базарѣ сподручнѣе, и по военной службѣ легче», «грамотному все виднѣе»,—вотъ только самая ничтожная часть дословно записанныхъ воронежскими ста-

тистиками мотивированныхъ отвѣтовъ, достаточныхъ, однако, для сужденія о томъ разнообразіи точекъ зрѣнія, съ которыхъ грамота усваивается крестьянами. Въ общемъ, всѣ полученные отвѣты могутъ быть разбиты на шесть группъ. Мы имѣемъ группу отвѣтовъ, въ которыхъ грамота цѣнится, какъ средство для совершенствованія человѣка, другая группа выдвигаетъ на первый планъ образованіе, какъ средство, облегчающее разныя житейскія отправленія, напр., повинности, обязанности и т. п.; третья—цѣнитъ образованіе какъ орудіе самозащиты и самоохраненія; четвертая—разсматриваетъ значеніе образованія съ религіозно-нравственной точки зрѣнія; пятая—имѣетъ въ виду, такимъ образомъ, чисто матеріальныя выгоды, извлекаемыя изъ грамотности и, наконецъ, шестая—цѣнитъ просто ея общеполезность, безъ болѣе точнаго и ближайшаго опредѣленія послѣдней. Количественное взаимоотношеніе только что перечисленныхъ группъ представлено въ слѣдующей глубокопоучительной табличкѣ.

1)	Совершенствованіе	31,1 проц.
2)	Облегченіе житейскихъ отправленій . .	22,2 »
2)	Самоохраненіе	17,8 »
4)	Религіозно-нравственное значеніе . . .	13,3 »
5)	Матеріальныя выгоды	8,9 »
6)	Общеполезность	6,7 »

Эти данныя уже сами по себѣ достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, какой типъ школы предпочитается крестьянами. Но, одновременно съ отвлеченнымъ и принципіальнымъ вопросомъ объ отношеніи къ образованію, крестьянамъ ставился болѣе конкретный и практическій вопросъ объ отношеніи къ школѣ. И вотъ мы узнаемъ, что число сторонниковъ школы (65,8%) гораздо менѣе числа сторонниковъ образованія (88,4%); въ то же время число противниковъ школы (21,8%) во много разъ превосходитъ число противниковъ образованія (2,7%). Среди принципіальныхъ сторонниковъ образованія обнаруживается, слѣдовательно, значительный контингентъ враждебно настроенныхъ противъ школы, которая имъ почему-либо пришлась не по нутру, не соотвѣтствуя ихъ вкусамъ и не удовлетворяя ихъ требованіямъ. Какіе же дефекты школы обусловили отрицательное отношеніе къ ней крестьянъ? Тутъ приходится констатировать глубоко знаменательное явленіе: это отрицательное отношеніе,—какъ-то ясно и несомнѣнно слѣдуетъ изъ отзывовъ крестьянъ,—обусловлено не земкой школою!.. Наибольшее недовольство крестьянъ школою должно быть отнесено, прежде всего, на счетъ школъ грамоты. Изъ всей массы отзывовъ одобрительный имѣется только объ одной такой школѣ. Что же касается всѣхъ остальныхъ, то тутъ крестьяне недовольны всѣмъ: и условіями пріема, и преподавателями, и преподаваніемъ. Крестьяне, понятно, не могутъ быть довольны тѣмъ обстоятельствомъ, что въ нѣкоторыхъ школахъ грамоты учитель, объявляя о пріемѣ дѣтей, обычно присовокупляетъ: «кто пограмотнѣе—приходи» и что «въ школы грамоты предпочтительно принимаютъ уже заученныхъ дома дѣтей, а неученыхъ отсылаютъ назадъ». Съ обычной своей наблюдательностью крестьяне, среди которыхъ къ тому же теперь — уже не мало прошедшихъ курсъ земской школы, легко подмѣтили, что учителя въ школахъ грамоты «сами мало смыслятъ». Недовольны крестьяне и тѣмъ, что въ этихъ школахъ «мало учатъ». «Яка тамъ грамота—часъ—два», «не учатся, а въ свынку граютъ; ни якого дiла». Еще менѣе довольны крестьяне результатами обученія «читать читаемъ, по пониманія нѣтъ»...

Одинаково несочувственнымъ представляется ихъ отношеніе къ церковно-приходской школѣ. Отзывы крестьянъ на ея счетъ оказываются настолько рѣзкими, что воронежскіе статистики изъ понятной щепетильности сочли даже нужнымъ воздержаться отъ ихъ дословнаго повторенія, ограничившись общимъ

указаніемъ, что въ «церковно-приходской школѣ крестьяне видятъ школу неустойчивую» и обыкновенно противопоставляютъ ей земскую, въ которой и учитель «настоящій», и ученіе идетъ правильно и регулярно. Даже отъ вольныхъ учителей, находящихся въ полномъ распоряженіи родителей, крестьянами «требуется теперь обученіе «по граждански», на свѣтскій манеръ. То, что еще 10—15 лѣтъ тому назадъ считалось въ крестьянской средѣ верхомъ образованности, теперь третируется уже насмѣшливо. «Какой онъ грамотный,—часто слышалось во время переписи,—его и писать (записывать) не слѣдуетъ: псалтырь читаетъ, а что до письма, самъ не разбираетъ, что напишетъ, такихъ то много грамотѣевъ!»..

Естественно, какъ это обнаружено изслѣдованіемъ, что симпатіи крестьянъ всецѣло на сторонѣ земской школы, которая единственно считается ими «настоящей». Есть, конечно, недовольные и земской школою, но мотивы недовольства только еще болѣе убѣждаютъ въ прочности этихъ симпатій и въ необходимости для земской школы, ради сохраненія ихъ, не увлекаться никакими посторонними цѣлями и не уклоняться съ разъ избраннаго прямого пути. Недовольны иногда крестьяне школой, когда ихъ дѣтей не принимаютъ въ нее, за тѣснотою. Подвергаютъ они критикѣ кое-гдѣ еще процвѣтающее чрезмѣрно утрированное объяснительное чтеніе. Мало пользуется ихъ симпатіями и введенное въ нѣкоторыхъ земскихъ школахъ преподаваніе военной гимнастики. Прямо враждебно относятся они ко всѣмъ новымъ «затѣямъ», отклоняющимъ начальную школу отъ ея прямой задачи—дать народу грамоту, подъ которой крестьяне, по свидѣтельству изслѣдователей, разумѣютъ не одно только умѣніе читать и писать, но и образованіе въ широкомъ смыслѣ. Все, что мѣшаетъ достиженію этой цѣли, все, что отвлекаетъ отъ нея учителя и ученика, подвергается суровому осужденію. Если мы вспомнимъ вышеприведенныя данныя о томъ, съ какой точки зрѣнія крестьяне, главнымъ образомъ, оцѣниваютъ образованіе, то станутъ понятными «многочисленные приговоры сельскихъ обществъ, неоднократно отказывавшихъ въ поддержкѣ разнымъ нововведеніямъ, не имѣющимъ чисто образовательнаго характера и, наоборотъ, хлопотавшихъ о новой школѣ, о помощникѣ учителя или учительницы, о библіотекѣ и пр.». Всѣ эти современныя попытки смѣшенія въ начальной школѣ профессіональныхъ задачъ съ общеобразовательными — школьные сады, школьные огороды, опытныя поля — все это «рѣзко отвергалось стариками, а молодыми слегка вышучивалось, какъ только о томъ заходила рѣчь». Такое же отношеніе обнаружили крестьяне и къ устройству при начальныхъ училищахъ мастерскихъ и къ введенію въ нихъ обученія ремесламъ. «Однимъ дѣломъ нужно заниматься,—говорили они,—одно дѣло—грамотѣ учиться, другое — мастерству... Этакъ-то ни одного зайца не поймаешь»!

Изъ Русскихъ журналовъ.

«Русская Мысль», ноябрь. *Л. С. Зак*ъ печатаетъ начало очерка «Земство и крестьянское хозяйство»,—посвященное оцѣнкѣ условій, при которыхъ совершается «сбытъ крестьянскаго хлѣба». Статистическія цифры показываютъ, собственно, что «изъ общей массы населенія выдѣляется только очень небольшая группа—около $^1/_6$, производящая зерно съ избыткомъ, который и отчуждается. Масса же населенія производитъ зерно только для своихъ потребностей, причемъ больше половины всѣхъ крестьянъ своей земледѣльческой дѣятельностью даже не зарабатываютъ необходимыхъ средствъ пропитанія». Но на дѣлѣ продавать хлѣбъ приходится несравненно большему количеству крестьянъ,—про-

давать не потому, чтобы имѣлся излишекъ, а потому, что это—единственный способъ покрыть необходимые расходы (платежъ аренды и налоги). Авторъ замѣчаетъ, что крайне невыгодная «операція продажи зерновыхъ продуктовъ осенью и покупки ихъ весною является для крестьянъ не чѣмъ инымъ, какъ займомъ денегъ подъ залогъ хлѣба за крупные проценты». Для устраненія разорительности такого займа авторъ предлагаетъ земствамъ «организовать выдачу ссудъ подъ залогъ продуктовъ» и разсматриваетъ условія, при которыхъ эта операція могла бы совершаться «безубыточно». Въ настоящее время, когда вопросъ о расширеніи экономическихъ функцій земства стоитъ на очереди, разработка темы, поставленной г. Закомъ, является въ высшей степени своевременной. *Д. А. Корсаковъ* продолжаетъ біографическій очеркъ К. Д. Кавелина и описываетъ пребываніе его во Франціи и Германіи, куда онъ былъ командированъ для изученія строя германскихъ университетовъ въ 1862–1864 г. Изъ своего изученія Кавелинъ выводитъ, главнымъ образомъ, двѣ мысли: о необходимости разрѣшенія студенческихъ обществъ и открытія богословскихъ факультетовъ. Первое, по его мнѣнію, предотвратитъ университетскіе безпорядки и дастъ перевѣсъ консервативнымъ элементамъ студенчества; второе—излѣчитъ русское общество отъ его индифферентизма въ религіозныхъ вопросахъ. Интересно двойственное впечатлѣніе, произведенное на Кавелина польскимъ возстаніемъ. Съ одной стороны, онъ возмущается польскою агитаціей и иностраннымъ вмѣшательствомъ въ русскія дѣла по этому поводу и высказываетъ готовность, въ случаѣ войны, отдать себя въ распоряженіе военнаго министерства. Съ другой стороны, онъ не можетъ всецѣло присоединиться къ крикамъ негодованія противъ «бунтовщиковъ» и напоминаетъ своей корреспонденткѣ, баронессѣ Раденъ, «другую сторону, на которую слишкомъ мало обращаютъ вниманія: это—наша собственная вина, наши... нелѣпыя дѣйствія въ Польшѣ и Западномъ краѣ относительно поляковъ». «Разгаръ антиполонизма—нехорошее чувство». Съ этимъ внутреннимъ «разладомъ». Кавелинъ занимаетъ среднее мѣсто между Самаринымъ и Герценомъ. *М. А. Протопоповъ* начинаетъ характеристику С. Н. Терпигорева (Атавы), которую онъ строитъ на идеѣ, что авторъ «Оскудѣнія» былъ «много поменьше, нежели истинный сатирикъ, какимъ былъ у насъ Салтыковъ, и много побольше, нежели веселый анекдотистъ, вродѣ, напр., г. Лейкина». Это былъ—«сатирикъ-анекдотистъ», поставленный обстоятельствами жизни «лицомъ къ лицу съ такой общественно-психологической темою (дворянское «оскудѣніе»), относиться къ которой *вполнѣ* легкомысленно было невозможно, по самой сущности сюжета», а «отойти» отъ которой онъ «не могъ, потому что около этого именно сюжета группировались всѣ его наиболѣе живыя наблюденія». Очень интересна взятая изъ «Revue de Paris» небольшая статья о «парламентаризмѣ въ Японіи». Авторъ статьи видитъ въ короткой еще исторіи японскаго парламентаризма—«японскую форму классической дуэли между могущественной и хорошо дисциплинированной олигархіей и честолюбивой, но плохо еще организованной демократіей». Старое поколѣніе политическихъ дѣятелей принадлежитъ къ олигархіи клановъ,—тепереперешній остатокъ недавно разрушеннаго японскаго феодализма. Но эти дѣятели принуждены считаться съ новыми политическими партіями—либераловъ и прогрессистовъ, которые то соединялись въ одну «конституціонную» партію, то разъединялись и вступали въ борьбу другъ съ другомъ. Результаты этихъ союзовъ и столкновеній для политическаго развитія Японіи—немаловажны. «Менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ Японія перешла отъ абсолютной монархіи, бывшей ея удѣломъ въ теченіе двадцати вѣковъ, къ парламентскому образу правленія». Первой уступкой общественному мнѣнію было устройство, въ 1868 году, ежегодныхъ съѣздовъ губернаторовъ провинцій. Потомъ, въ 1875 г. учрежденъ былъ сенатъ, а въ 1889 году провозглашена конституція,—на первый разъ сохра-

нявшая за императоромъ всѣ права верховной власти. Министры были отвѣтственны только передъ нимъ; палата представителей имѣла лишь право жалобы на министровъ. Столкновенія между министрами и палатой, при этомъ режимѣ, были настолько часты и остры, что императоръ прибѣгалъ къ крайнему средству и пять разъ подрядъ распускалъ палату. Въ результатѣ—старые политики стали стремиться къ уничтоженію конституціи и къ возстановленію абсолютизма, а народъ сталъ требовать того, чего первоначально хотѣли лишь вожди новыхъ партій и пресса: дѣйствительной отвѣтственности министровъ передъ народнымъ представительствомъ. Это-то требованіе повело къ образованію слитой конституціонной партіи, а интриги дѣятелей стараго поколѣнія пытались воспользоваться ея внутренними раздорами, чтобы удержать въ своихъ рукахъ власть. Борьба еще не кончена, но, очевидно, она приведетъ къ окончательному развитію и упроченію парламентаризма.—*І-жа Кавосъ-Дехтерева* даетъ недурную характеристику быстро прогремѣвшей поэтессы итальянской демократіи, Ады Негри, извѣстной нашимъ читателямъ по статьѣ г. *Фриче*.—Проектъ нѣкоего профессора Казанской духовной академіи, г. *Несмѣлова*, заключить русское образованіе въ рамки церковной школы, удостоивается незаслуженнаго вниманія со стороны г. *В. К.* («Образовательный проектъ конца вѣка»). Конечно, авторъ безъ труда доказываетъ нелѣпость разсужденій казанскаго профессора. Г. *А. Ч.* излагаетъ (въ статьѣ «Къ вопросу объ изученіи литературы») очень интересную книгу *Лакомба*, автора переведеннаго на русскій языкъ сочиненія о «Соціологическихъ основахъ исторіи»,—«Introduction a l'histoire littéraire». «Въ трехъ томахъ задуманнаго имъ обширнаго труда Лакомбъ намѣревался охватить три крупнѣйшія отрасли человѣческой культуры: экономію, политику и искусство. Вниманію читателей предлагается авторомъ въ настоящую минуту третій томъ, посвященный, впрочемъ, пока только одному изъ искусствъ, а именно литературѣ. Въ первой части сочиненія Лакомбъ дѣлаетъ попытку научнаго обоснованія исторіи литературы; вторая часть представляетъ собою рядъ очерковъ, посвященныхъ психологіи писателя и публики, выясненію требованій и вкусовъ послѣдней и ея роли въ созданіи художественныхъ произведеній; въ третьей части авторъ касается вопроса о прогрессѣ въ литературѣ, о сравнительной оцѣнкѣ отдѣльныхъ эпохъ и писателей и излагаетъ свой взглядъ на роль литературы въ жизни человѣка. Заключительныя главы посвящены изученію художественнаго языка, этого могущественнаго орудія въ рукахъ писателей».

«Письма о современномъ искусствѣ» г. *—ина* начинаются разсказомъ о первыхъ шагахъ московскаго литературно-художественнаго кружка. «Цѣли художественныя, цѣли культуры должны быть и будутъ на первомъ планѣ въ жизни кружка... Но вотъ, что жалко. Масса публики внимательно слушаетъ лекторовъ (г.г. Урусова и Гольцева), но какъ только кончилось чтеніе, *общеніе* кончается, слушатели разбиваются на группы, появляются карточные столы, и обаяніе литературно-художественнаго вечера пресѣкается безжалостной рукой, или, вѣрнѣе, руками, начинающими снимать и сдавать карты». Далѣе, авторъ даетъ отчетъ о представленіи «Дяди Вани» *Ан. Чехова* на сценѣ «художественно-общедоступнаго театра». Самую пьесу онъ ставитъ ниже «Чайки» того же автора, находя, что центральное дѣйствующее лицо «Дяди Вани», Серебряковъ, настолько же неясно изображенъ въ пьесѣ, насколько ярко выписана была въ «Чайкѣ» центральная фигура Тригорина. «Несмотря, однако, на этотъ основной недостатокъ, пьеса полна такихъ жизненныхъ сценъ, рисуетъ намъ такъ художественно-просто глухую жизнь «нудныхъ» людей, что мы готовы забыть объ этомъ недостаткѣ и искренно восхищаемся отдѣльными картинами, написанными сильной, увѣренной рукой художника».—Во внутреннемъ обозрѣніи разсматривается выработанный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ наказъ земскимъ начальникамъ. По заключенію обозрѣвателя, «наказъ стремится огра-

ничить дискреціонную власть земскаго начальника и вообще поставить его въ болѣе опредѣленныя рамки, чѣмъ это было сдѣлано закономъ 12-го іюля 1889 г.». Въ этомъ «противорѣчіи между наказомъ и духомъ учрежденія земскихъ начальниковъ» обозрѣватель видитъ «доказательство того, что въ правительственныхъ сферахъ подорвана вѣра въ благотворность принциповъ, легшихъ въ основаніи закона 12-го іюля 1889 г.». «Наказъ является лишь первой попыткой къ измѣненію этого закона». Характернымъ признакомъ времени служитъ рѣшеніе казанскаго уѣзднаго земскаго собранія о «желательности перехода отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному». Совѣщаніе изъ гласныхъ крестьянъ, предшествовавшее этому рѣшенію, высказалось въ томъ смыслѣ, что «земля должна быть распредѣлена между членами общины на началахъ собственности съ правомъ продажи ея *лицамъ, принадлежащимъ къ тому же сельскому обществу*, но не болѣе 50 дес. въ однѣ руки». Обозрѣватель перечисляетъ далѣе постановленія уѣздныхъ земскихъ собраній о введеніи всеобщаго обученія. Александровское (Екатериносл. губ.), курское, кологривское, тульское, судогодское уѣздныя собранія высказались болѣе или менѣе рѣшительно въ этомъ смыслѣ.

«Вѣстникъ Европы», декабрь. Въ большой статьѣ о «значеніи поэзіи въ произведеніяхъ Пушкина» *Вл. Соловьевъ* старается разрѣшить вопросъ о значеніи поэзіи *вообще*, такъ какъ, по его мнѣнію, «самая сущность поэзіи... нигдѣ не проявлялась съ такой чистотой, какъ именно у Пушкина». *Чистоту* пушкинской поэзіи нашъ философъ усматриваетъ, какъ видно изъ сравненій Пушкина съ Мицкевичемъ и Байрономъ, въ томъ, что русскій поэтъ «ничего общезначительнаго не могъ *отъ себя* заранѣе внести въ поэзію», такъ какъ такого господствующаго центральнаго содержанія личности, какъ у Байрона и Мицкевича, у Пушкина «никогда не было, а была просто живая, открытая, необыкновенно воспріимчивая и отзывчивая ко всему душа—и больше ничего». «Настоящая пушкинская поэзія,—говоритъ Вл. Соловьевъ въ другомъ мѣстѣ,—не была дѣломъ ума, а зависѣла отъ воспріимчивости его души къ воздѣйствіямъ изъ *надсознательной* области». Для такой воспріимчивости «предварительное условіе—пассивность», въ ней же и залогъ «свободы творчества». «Вдохновеніе безусловно свободно по своему началу, оно приходитъ само собою—но не съ пустыми руками: оно несетъ съ собою плоды любимыхъ думъ и налагаетъ на поэта благородный подвигъ ихъ усовершенствованія». Какъ видимъ, простому смертному трудно услѣдить за теченіемъ мыслей философа. Если «вдохновеніе» Пушкина тоже «несетъ съ собой плоды любимыхъ думъ», то чѣмъ оно отличается принципіально отъ вдохновенія Байрона и Мицкевича? Или однѣ думы—сплошь *придуманы*, а другія—идутъ изъ «*надсознательной*» области? Мы рѣшились бы, пожалуй, спуститься съ философомъ въ «*под*сознательную» область психики—съ условіемъ найти ее у всѣхъ трехъ поэтовъ. Но въ «*над*сознательную» область, воздѣйствія которой были доступны лишь Пушкину, «поэту по преимуществу»,—пускаться не рискуемъ. Не рискуетъ на это и самъ авторъ, предоставляя «посвященнымъ» проникать въ тайный смыслъ его утвержденій и угадывать, вмѣстѣ съ тѣмъ, заднюю мысль всей статьи.—*Г. Н. Езерскій* излагаетъ возраженія «соціалъ-демократа (Бернштейна) противъ марксизма». По вопросу объ «экономическомъ пониманіи исторіи», авторъ излагаемой книги цитируетъ собственное признаніе Энгельса. «Намъ (съ Марксомъ) нужно было, въ отвѣтъ противникамъ, подчеркнуть отрицаемый ими главный принципъ (экономическую сторону) и не всегда имѣли мы время, мѣсто и случай отдать должное остальнымъ взаимодѣйствующимъ факторамъ». «Кто теперь,—заключаетъ отсюда Бернштейнъ,—примѣняетъ теорію экономическаго матеріализма, тотъ обязанъ брать ее въ ея наиболѣе законченной, а не въ первоначальной формѣ, т.-е. обязанъ, рядомъ съ развитіемъ и вліяніемъ производительныхъ силъ и отношеній, отводить должное

мѣсто правовымъ и нравственнымъ понятіямъ, историческимъ и религіознымъ традиціямъ каждой эпохи, воздѣйствію географическихъ и иныхъ природныхъ условій, къ которымъ принадлежитъ также природа самого человѣка и его духовныхъ способностей». Другому утвержденію Маркса—о возрастающей концентраціи производства, Бернштейнъ противопоставляетъ рядъ статистическихъ цифръ, показывающихъ, что дѣйствительный ходъ развитія среднихъ и крупныхъ предпріятій вовсѣ не соотвѣтствовалъ предполагавшемуся. Число владѣльцевъ среднихъ размѣровъ дохода не уменьшается, а растетъ. Въ 1851 г. въ Англіи около 300 тысячъ семей получали отъ полуторы до десяти тысячъ руб. дохода, въ 1881 ихъ уже стало въ $3^1/_2$ разъ больше, т.-е. 990 тысячъ, а теперь—до полутора милліона. Въ той же Англіи, т.-е. на самой родинѣ капитализма, въ крупномъ производствѣ занято около 4 милліоновъ рабочихъ, тогда какъ въ среднихъ и мелкихъ—работаетъ еще большее количество—$5^1/_2$ милліоновъ. Если во многихъ отрасляхъ производства успѣхи техники, дѣйствительно, ведутъ къ концентраціи предпріятій, то зато въ цѣломъ рядѣ другихъ отраслей «мелкія и среднія предпріятія оказываются вполнѣ жизнеспособными», такъ что «въ промышленности развитіе не идетъ по одинаковому для всѣхъ промысловъ шаблону». То же замѣчается и въ торговлѣ. Что касается сельскаго хозяйства, «во всей западной Европѣ, какъ, впрочемъ, и въ восточныхъ штатахъ Сѣверо-Американскаго союза, повсюду мелкое и среднее сельское хозяйство развивается,—крупное дѣлаетъ шагъ назадъ... Концентрація производства состоитъ здѣсь не въ томъ, что отдѣльныя хозяйства охватываютъ все большее пространство земли, а только въ томъ, что хозяйство уплотняется, переходитъ къ культурамъ, требующимъ больше работы на то же пространство, или къ высшимъ системамъ скотоводства». Критикуетъ Бернштейнъ и установившееся ученіе о кризисахъ. «Если всеобщій кризисъ не будетъ вызванъ непредвидѣнными *внѣшними* событіями,—а это, какъ сказано, можетъ случиться въ любой день,—то нѣтъ необходимости дѣлать выводъ о скоромъ наступленіи кризиса изъ чисто экономическихъ основаній. Случаи мѣстнаго и частнаго застоя неизбѣжны, но вовсе не неизбѣженъ всеобщій кризисъ при современномъ строѣ и размѣрахъ мірового рынка и особенно при значительномъ производствѣ жизненныхъ припасовъ». Къ такому выводу приводятъ Бернштейна факты, указывающіе на болѣе гибкую и быструю приспособляемость современнаго рынка къ несоотвѣтствіямъ между спросомъ и предложеніемъ. Наконецъ, Бернштейнъ отрицаетъ возможность экспропріаціи государствомъ или общинами частныхъ предпріятій въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ, а также и возможность захвата политической власти пролетаріями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ отрицаетъ и самую надобность крутого переворота при современныхъ условіяхъ политической жизни на западѣ. «Феодализмъ, съ его неподвижными сословными учрежденіями, почти всюду пришлось низвергнуть силой. Свободныя учрежденія современнаго общества именно тѣмъ-то и отличаются отъ первыхъ, что они гибки, способны къ перемѣнамъ и развитію. Ихъ не надо разрушать, ихъ надо только дальше развивать».

Очень интересную иллюстрацію къ вопросамъ, поднятымъ Бернштейномъ, даетъ *Г. І.* въ своей статьѣ «Промышленная Германія по профессіональной переписи». Статья основана на комментаріяхъ д ра Цана къ сводному тому итоговъ переписи 1895 года. Всѣ существенные результаты переписи совпадаютъ съ выводами Бернштейна, для которыхъ, впрочемъ, эта перепись и послужила однимъ изъ источниковъ.—Во «Внутреннемъ обозрѣніи» подводятся итоги дѣятельности бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ. «Когда, четыре года тому назадъ, къ управленію министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ призванъ И. Л. Горемыкинъ,—его предыдущая дѣятельность позволяла предполагать, что въ своемъ новомъ званіи онъ явится, по мѣрѣ возможности, блюстителемъ закона,

защитникомъ крестьянскихъ интересовъ и охранителемъ немногихъ правъ, оставшихся за земствомъ и городами послѣ изданія положеній 1890 и 1892 гг... Весьма скоро, однако, отдѣлъ (коммиссіи *по* пересмотру судебныхъ уставовъ, которой предстояло коснуться и института земскихъ начальниковъ) былъ закрытъ; рѣшено было, слѣдовательно, что громадная масса судебныхъ дѣлъ останется изъятой изъ вѣдѣнія суда... Законопроектъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ усиливаетъ, къ невыгодѣ для крестьянъ, неравенство между договаривающимися сторонами. Пересмотръ положеній о крестьянахъ, предпринятый еще при И. Н. Дурново, до сихъ поръ не законченъ. А, между тѣмъ, необходимость лучшаго «обезпеченія общественныхъ и имущественныхъ отношеній крестьянъ» становится настолько очевидной, что провозглашается другимъ вѣдомствомъ, прямо заинтересованнымъ въ ростѣ народнаго благосостоянія; потребность въ «прочномъ правопорядкѣ» подчеркивается во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ о росписи на 1899 годъ. Проектъ продовольственнаго устава совершенно вытѣсняетъ земство изъ такой области народнаго хозяйства, въ которой его дѣятельность особенно незамѣнима... Значеніе недорода 1897 года, давно раскрытое земствомъ, признается оффиціально лишь весною слѣдующаго года. Случаи неутвержденія выбранныхъ земскими собраніями должностныхъ лицъ повторяются все чаще и чаще, до крайности иногда затрудняя (напр., въ Тверской губ.) ходъ земскаго дѣла. Умножаются также случая опротестованія и отмѣны земскихъ постановленій, съ формальной стороны совершенно законныхъ. Земство курское и харьковское встрѣчаютъ непреодолимыя препятствія на пути, ведущемъ къ всеобщему обученію. Предсѣдателямъ губернскихъ земскихъ управъ запрещаются совѣщательные съѣзды, дозволяемые, въ то же время, губернскимъ предводителямъ дворянства. Не разрѣшается изданіе обще-земскаго органа, проектированнаго московскою земскою управою. Вносятся въ 1898 г. законопроекты о введеніи земскихъ учрежденій въ губерніяхъ западныхъ, Астраханской, Оренбургской и Ставропольской,—но съ такими отступленіями отъ дѣйствующаго земскаго положенія, которыя заставляютъ сомнѣваться въ желательности и неизбѣжности преобразованія. Существенно измѣнилось къ худшему за послѣдніе четыре года положеніе печати, какъ вслѣдствіе увеличенія числа «временныхъ» правилъ, стѣсняющихъ ее развитіе,—припомнимъ состоявшееся 28-го марта 1897 г. измѣненіе порядка передачи періодическихъ изданій,—такъ и въ особенности вслѣдствіе широкаго примѣненія дискреціонной власти, которою облечена администрація. Основаніе новыхъ органовъ печати хотя и допускалось, но утвержденіе редакторовъ встрѣчало, сплошь и рядомъ, величайшія трудности. Появились не предусмотрѣнные закономъ «временные редакторы», во всякое время подлежащіе удаленію. Отсюда—рядъ пріостановокъ, часто приводившихъ къ прекращенію изданія. Административнымъ взысканіямъ подвергались всѣ сколько-нибудь независимые журналы и газеты. Но нѣсколько мѣсяцевъ сряду не допускалась розничная продажа такихъ газетъ, какъ «С.-Петербургскія Вѣдомости». «Русскія Вѣдомости» подпали подъ дѣйствіе особаго вида цензуры, установленнаго «временными» правилами 1882 года. Отъ карательныхъ мѣръ не были изъяты и подцензурныя изданія, даже столичныя. Особенно сильно пострадала провинціальная печать, хотя статьи, навлекавшія кару, въ огромномъ большинствѣ случаевъ не заключали въ себѣ ровно ничего политическаго. Многократно обѣщанный пересмотръ законовъ о печати ожидался напрасно. Не выходили изъ употребленія, при волненіяхъ или безпорядкахъ, внѣ-законныя формы расправы. Оставались безъ измѣненія постановленія объ административной высылкѣ, хотя ихъ еще въ декабрѣ 1895 г. повелѣно было подвергнуть безотлагательному пересмотру. Примѣненіе ихъ на практикѣ продолжало быть чрезвычайно широкимъ. «Цѣлая группа лицъ»,—писали мы вначалѣ нынѣшняго года,—имѣя въ виду надѣлавшій много шуму

инцидентъ въ Полтавѣ, — «цѣлая группа лицъ, мирно занимавшихся полезнымъ трудомъ и соединенныхъ между собою только общностью нравственнаго чувства, — можетъ быть внезапно поставлена въ такія условія, при которыхъ крайне затруднительно даже самое скромное существованіе, даже пріисканіе средствъ къ жизни для себя и для своего семейства». Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, поводомъ къ административной высылкѣ послужила рѣчь, содержаніе которой, въ другой формѣ, два раза безпрепятственно было пропущено цензурой. Изъ бѣглаго взгляда, брошеннаго на недавнее прошлое, вытекаютъ сами собой, если не ожиданія—это было бы преждевременно,—то пожеланія относительно ближайшаго будущаго. Они сводятся, прежде всего, къ элементарному, но въ высшей степени цѣнному благу: къ бо́льшему обезпеченію правъ личности, связанному съ бо́льшей неприкосновенностью закона».

«Русское Богатство», ноябрь. Обращаетъ на себя вниманіе очень интересная статья г. *Вл. Кор.* «О сложности жизни». «Усложнившаяся жизнь требуетъ усложненныхъ формъ воздѣйствія и, наталкиваясь на упрощенныя формы и способы, ежеминутно испытываетъ отъ нихъ боль». Но, тѣмъ не менѣе, она «не можетъ ни ступеваться, ни опроститься въ интересахъ опрощеннаго воздѣйствія. Она сильна своей сложностью и не можетъ отъ нея отказаться... Прямикомъ или обходомъ, безболѣзненно или болѣзненно, но жизнь должна приспособить къ себѣ формы», потому что она, эта жизнь, и есть тотъ «человѣкъ», ради котораго существуетъ суббота «формы». Исходя изъ этихъ мыслей, высказанныхъ въ руководящей статьѣ новой петербургской газеты, г. Вл. Кор. сопоставляетъ ихъ съ отношеніемъ къ той же «усложнившейся жизни» сторонниковъ защищаемаго этой газетой направленія общественной мысли. Жизнь сложна, а «лѣченіе» рекомендуется, «несомнѣнно, очень простое». «Не упуская изъ виду необыкновенной сложности жизни», авторъ, съ своей стороны, «не вѣритъ въ соціальную алхимію». «*Единый* двигатель сложной жизни, состоящей изъ сложныхъ элементовъ, кажется мнѣ своего рода философскимъ камнемъ,—замѣчаетъ онъ, — а единый капитализмъ, какъ двигатель современнаго процесса, я считаю философскимъ камнемъ даже вовсе мизернымъ». Г. Вл. Кор., правда, готовъ сдѣлать значительныя уступки критикуемому воззрѣнію. Онъ признаетъ, что «было наивно» со стороны поколѣнія 60-хъ и 70-хъ годовъ думать, что Россія можетъ получить *сущность* извѣстнаго блага—самое развитіе «промышленнаго генія»—безъ данной его исторической *оболочки* (т. е. капитализма). Онъ «допускаетъ охотно, что, по разнымъ условіямъ данной эпохи, раздумье русскаго мыслящаго человѣка продолжалось, быть можетъ, нѣсколько дольше, чѣмъ бы слѣдовало, и если бы оно продлилось еще—мыслящій русскій человѣкъ рисковалъ, пожалуй, обратиться въ соляной столбъ на распутьи россійскаго прогресса». Но онъ находитъ, что «гвоздите все въ одну точку, повторяя по адресу «человѣка» (да, во-истину «человѣка») 60-хъ и 70-хъ годовъ: онъ ошибался относительно этого прекраснаго джентльмена (капитализма) ошибался, ошибался, ошибался», — значитъ повторять ту же самую ошибку. Вмѣсто этого, слѣдовало бы «зорко наблюдать новаго пришельца», который «скоро найдетъ себѣ и даже находитъ такихъ «защитниковъ» въ литературѣ, отъ которыхъ некуда будетъ дѣваться». Пора уже «перенести центръ тяжести общественнаго вниманія отъ старыхъ «ошибокъ семидесятыхъ годовъ», яко бы тяжко погрѣшавшихъ «недовѣріемъ къ капитализму», на тѣ общія у всѣхъ десятилѣтій требованія защиты «человѣка» (въ томъ числѣ и отъ новаго пришельца), которыя представляютъ именно насущную потребность настоящаго періода». «Кустарь бьется гдѣ-то изъ-за своей собственной жизни..., мужикъ желаетъ сохранить свой надѣлъ и свою послѣднюю лошадь; но мы давно уже объявили ихъ процессъ проиграннымъ въ послѣдней инстанціи»... А, между тѣмъ, «человѣкъ живетъ не для того, чтобы служить матеріаломъ

для тѣхъ или другихъ схемъ, и процессъ жизни важенъ не по тѣмъ лишь конечнымъ формуламъ, которыми отмѣчаются тѣ или другіе періоды, а и самъ по себѣ... Пусть *современемъ* земледѣлію суждено на Уралѣ уступить передъ горно-промышленностью. Но мы не хотимъ заранѣе готовить для этого «завершенія процесса»—живой матеріалъ изъ цѣлыхъ поколѣній... Самая свобода «человѣка» требуетъ, чтобы въ *данное время* вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу кустаря и земледѣльца противъ представителей капитализма». «То же нужно сказать и по одному изъ существенныхъ вопросовъ народной жизни—по вопросу объ общинѣ и ея будущемъ». «Вынесетъ ли ее потокъ не вполнѣ еще разложенной и способной принять участіе въ дальнѣйшемъ развитіи, или балластъ историческихъ пережитковъ потянетъ ее, перегруженную и ветхую ладью, ко дну гораздо раньше?.. Для меня, пишущаго эти строки, это вопросъ еще нерѣшенный»,—отвѣчаетъ авторъ на свой вопросъ.—Община важна для меня не сама по себѣ, а какъ форма обезпеченія «человѣка». Но человѣкъ мнѣ важенъ, не только какъ конечный результатъ процесса, а и самъ по себѣ, т. е. въ общинѣ, во время перехода изъ нея и послѣ»... «Человѣкъ, нынѣ живущій въ общинѣ, имѣетъ въ этомъ вопросѣ преимущественное право голоса, и въ этомъ правѣ самоопредѣленія я вижу то существенно-человѣческое, что подлежитъ защитѣ со стороны печати, независимо отъ того или другого отвѣта спеціалистовъ относительно будущаго самой общины, какъ института».

Теплое чувство и примирительный тонъ, отличающіе прекрасную статью г. Вл. Кор., конечно, не могутъ замѣнить теоретическаго обсужденія вопроса объ отношеніи между «единствомъ основнаго принципа» и «сложностью» практической программы. Тѣ или другія частныя положенія автора могутъ вызывать дальнѣйшіе споры. Въ этихъ спорахъ, напр., связь между «существомъ» и «оболочкой» «промышленнаго генія» можетъ оказаться тѣснѣе, чѣмъ, повидимому, склоненъ думать авторъ. Но его призывы къ «человѣчности», къ «борьбѣ за индивидуальность» не могутъ остаться безъ сочувственнаго отклика, также какъ его указанія на то, что есть такая почва для обсужденія, на которой «всѣ мы союзники». Въ смыслѣ подготовки этой почвы указанныя достоинства его статьи, безъ сомнѣнія, сдѣлаютъ свое дѣло.

Какъ бы теоретической иллюстраціей къ статьѣ г. Вл. Кор. служитъ статья *М. Б. Ратнера* объ «аграрномъ вопросѣ въ европейской литературѣ». Напечатанная часть статьи излагаетъ исторію возникновенія споровъ объ аграрномъ вопросѣ среди послѣдователей Маркса. Отмѣтивъ мимолетныя замѣчанія самого Маркса, разсматривавшаго аграрную эволюцію, какъ частный случай общаго капиталистическаго процесса, г. Ратнеръ находитъ, затѣмъ, у Энгельса невольное признаніе важности аграрнаго вопроса, «какъ вопроса самостоятельнаго». Онъ указываетъ, далѣе, на признанія Фольмара на франкфуртскомъ конгрессѣ 1894 года, «что аграрный вопросъ является въ высшей степени сложнымъ, что законы экономическаго развитія здѣсь вліяютъ инымъ образомъ, нежели въ индустріи,... что сельское хозяйство *инымъ образомъ* приведетъ къ экономическому и общественному прогрессу». Для Фольмара «несомнѣннымъ фактомъ является то, что мелкое и среднее (сельское) производство—и, слѣдовательно, самостоятельное крестьянство—во многихъ мѣстностяхъ охвачено растущимъ гнетомъ и нуждою и подвержено въ будущемъ гибели, если государство не окажетъ ему помощи»; но также несомнѣнно для него и то, «что крестьянство все еще существуетъ пока и обнаруживаетъ способность къ жизни на неопредѣленно-продолжительный срокъ». То же повторялъ Давидъ на бреславскомъ конгрессѣ 1895 г. и въ своихъ статьяхъ. Вопреки требованію схемы, по его мнѣнію, «поглощеніе мелкихъ производствъ средними, среднихъ крупными, крупныхъ гигантскими предпріятіями *не можетъ быть констатировано*, какъ общее массовое явленіе, нигдѣ въ земледѣліи». Объясняя причины этого, Давидъ указываетъ осо-

бенности сельскаго хозяйства сравнительно съ промышленностью по отношенію къ силамъ и средствамъ производства, къ самому процессу производства, наконецъ, по отношенію къ сбыту продуктовъ производства. Эти то особенности, не дозволяющія распространить на сельское хозяйство схему индустріальнаго развитія, и даютъ возможность мелкому производству конкурировать съ крупнымъ». Тотъ же фактъ принужденъ признать и Эрнстъ, несмотря на то, что «въ интересахъ прогресса нравственности и просвѣщенія» онъ «желаетъ исчезновенія мелкаго владѣнія». Защитникомъ традиціонной теоріи и противникомъ обоихъ «новаторовъ марксизма» явился Каутскій въ своей «изданной и въ русскомъ переводѣ книгѣ», критику которой г. Ратнеръ обѣщастъ дать въ слѣдующей статьѣ.—Той же области аграрныхъ вопросовъ касается статья г. *Я. П. Сигова*. излагающая судьбу бывшихъ «поссессіонныхъ горныхъ заводовъ», расположенныхъ въ двухъ округахъ (Кнауфскомъ и Суксунскомъ) Пермской губерніи. По его сообщенію, территорія этихъ заводовъ, занимающая огромную земельную площадь, продана была съ цѣлью ликвидаціи казенныхъ долговъ и земскихъ недоимокъ въ руки двухъ крупныхъ покупателей. Разсказу о хищническихъ пріемахъ хозяйничанія этихъ двухъ лицъ и посвящена статья г. Сигова.—*Н. А. Карышевъ* продолжаетъ серію своихъ статей о «земскихъ ходатайствахъ». На этотъ разъ рѣчь идетъ о ходатайствахъ по вопросамъ общественнаго призрѣнія и по вопросамъ земской медицины. По самому существу первыхъ, большая часть ихъ удовлетворялась правительствомъ: только 22,6% ходатайствъ было отвергнуто. Болѣе животрепещущіе вопросы земской тедицины гораздо чаще возбуждали затрудненія въ высшихъ сферахъ. Изъ этой категоріи ходатайствъ отклонена почти половина (46,7%).—«Труды коммиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ» дали матеріалъ г. *Е. К.* для статьи: «Къ характеристикѣ нашихъ общественныхъ начинаній». По замѣчанію автора, «въ коммиссіи главныя силы тратились не на отысканіе причинъ алкоголизма, не на опредѣленіе его территоріальнаго распространенія, не на статистику пьянства, а на критику или защиту нашей казенной монополіи». Были, правда, исключенія, къ которымъ авторъ относитъ обстоятельные доклады гг. Григорьева и Дриля, внесшіе «нѣкоторую непріятную для членовъ черту въ ихъ спокойныя разсужденія». Именно, «передъ коммиссіей была поставлена серьезная дилемма, требующая прямого отвѣта—приходилось признать, что при существующихъ соціальныхъ условіяхъ, алкоголизмъ, поскольку развитіе его обусловлено чрезмѣрнымъ истощеніемъ организма отъ непосильнаго напряженія рабочихъ силъ, *есть вопросъ трудящихся классовъ общества*». По словамъ автора, «мнѣнія гг. Дриля и Григорьева получили въ коммиссіи единодушное осужденіе» Вслѣдъ за своимъ предсѣдателемъ, коммиссія рѣшила, что «алкоголизмъ—недугъ *всенародный*».—Въ «Хроникѣ внутренней жизни» обозрѣвается интересная полемика печати по поводу назначенія новаго управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Какъ извѣстно, «Новое Время» полемизировало съ «Россіей» по вопросу, должна ли и можетъ ли быть у новаго министра и «новая программа». Послѣ нѣкоторыхъ колебаній газета г. Суворина остановилась на мысли, что «личность сама можетъ быть программой, если она чувствительная, тонко угадывающая потребности времени». Обозрѣватель считаетъ такое утвержденіе «безнравственнымъ» полагая, «что отдѣльная личность въ общественномъ дѣлѣ не судья», и что «программа необходима», но что для того, чтобы она не вызывала «одной только ломки», не кончалась болѣе или менѣе неудачными «экспериментами надъ живыми людьми»,—«нужно сдѣлать ее публичной, чтобы о ней высказалась жизнь, которой программа будетъ править». «Къ чему можетъ привести творчество «личности», освобожденной отъ осмѣиваемаго «Новымъ Временемъ» «реестра убѣжденій», по мнѣнію обозрѣвателя «понять не трудно. Само «Н. В.» изо дня въ день даетъ образчики такого «творчества», состоя-

шаго въ «примѣненіи» къ обстоятельствамъ».—«Литература и жизнь» *Н. К. Михайловскаго* посвящена на этотъ разъ «Повѣстямъ и разсказамъ» Е. П. Лѣтковой. Характерной чертой произведеній автора критикъ считаетъ то смѣшанное «любовно-враждебное» чувство, которое особенно интересуетъ г-жу Лѣткову при выборѣ ею героевъ и положеній въ ея «разсказахъ». «Каковъ бы ни былъ стаканъ, изъ котораго пьетъ г-жа Лѣткова»—таково общее сужденіе г. Михайловскаго, «она пьетъ изъ *своего* стакана. Ея повѣсти и разсказы—плодъ самостоятельнаго, серьезнаго наблюденія и размышленія, вдумчиваго отношенія къ жизни и къ задачамъ ея художественнаго воспроизведенія. И я мало знаю за послѣднее время въ литературѣ явленій, которыя, при такой скромной, сдержанной формѣ, были бы столь значительны по содержанію».

«Жизнь», ноябрь. *Г. Е. Соловьевъ* подводитъ «итоги» своимъ статьямъ о семидесятыхъ годахъ, вызвавшимъ, какъ извѣстно, не мало возраженій противъ автора. Свою основную точку зрѣнія онъ формулируетъ въ слѣдующихъ словахъ: Чтобы понять эту эпоху и этотъ періодъ, лучше всего разсмотрѣть заложенную въ нихъ драму и прослѣдить ея развитіе. Я думаю, что драма 70-хъ годовъ, послѣ всего мною сказаннаго, въ достаточной степени ясна... «Драма» 70-хъ годовъ имѣла два исходныхъ пункта: во-первыхъ, вѣру въ мужика и возможность съ его помощью осуществленія всякихъ благихъ пожеланій, и, во-вторыхъ, отрицаніе за человѣкомъ права на его личное счастье во имя счастья грядущихъ поколѣній. Когда вѣра въ мужика пошатнулась, и запросы человѣческой личности дали себя чувствовать съ особенной силой—драма разыгралась съ полной силой». Для иллюстраціи авторъ рисуетъ внутренній разладъ двухъ «излюбленныхъ людей семидесятниковъ», по его мнѣнію,—именно Новодворскаго и Гаршина. Если тутъ значеніе семидесятыхъ годовъ, сведенное къ его «драмѣ», оказывается у г. Соловьева черезчуръ съуженнымъ, то въ отвѣтѣ своемъ гг. Михайловскому и Скабичевскому авторъ оперируетъ съ черезчуръ уже расширеннымъ понятіемъ «народничества». Желая подкрѣпить свою мысль «о сословномъ духѣ литературы» (т. е. о «барскомъ» настроеніи «народничества») г. Соловьевъ превращаетъ въ народниковъ, въ «кающихся дворянъ»—и Щедрина, и Тургенева, и Герцена, и Григоровича, и даже Радищева. «Всѣ они, дѣйствительно, взывали прежде всего о состраданіи, а затѣмъ уже о правахъ человѣка. Я думаю, что «Путешествіе» Радищева, «Антонъ Горемыка», «Сорока-Воровка», «Муму» и «Записки охотника»—являются краеугольными камнями нашей народнической литературы и духъ ихъ запечатлѣлся на ней»... «литературный мужикъ 70-хъ годовъ былъ мужикомъ, созданнымъ и завѣщаннымъ намъ старобарской литературой». Это—не столько невѣрно, сколько неполно и неясно. Самъ авторъ чувствуетъ потребность въ оговоркахъ. «Всему этому литература семидесятыхъ годовъ придала специфическую, особую окраску», замѣчаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ. «Я не думалъ и не думаю утверждать, что кающійся дворянинъ былъ единственной персоной литературнаго движенія 70-хъ годовъ,—я говорю лишь, что онъ создалъ нѣкоторыя ея особенныя и специфическія черты,—и его не вычеркнешь». Опять неясно, «литературный ли мужикъ», сочиненный бариномъ, сообщилъ «особенныя черты» 70-мъ годамъ, или, наоборотъ, 70-е годы «придали» этому мужику «особую окраску», или же было и то, и другое, или, можетъ быть, ни то, ни другое, а что-нибудь третье составляло особенность 70-хъ годовъ, и «кающійся дворянинъ» былъ въ ней только частностью, вовсе ее не исчерпывающей и не характеризующей. Самая возможность такихъ недоумѣній и составляетъ слабую сторону работы г. Соловьева.—Небольшая статья *С. Штейнберга* затрогиваетъ много разъ обсуждавшійся вопросъ объ отношеніи между «соціальной дифференцировкой и личностью». Совмѣстимо ли возрастаніе общественной сложности съ ростомъ индивидуальнаго развитія? Не превращается ли личность въ процессѣ соціальной дифференціаціи, также какъ въ

процессѣ біологическомъ, изъ независимой единицы въ служебную часть цѣлаго? Таково было, какъ извѣстно, мнѣніе Н. К. Михайловскаго. Авторъ противопоставляетъ этому фактъ: «именно въ современномъ дифференцированномъ обществѣ мы встрѣчаемъ наиболѣе развитую и свободную личность, которая неизвѣстна недифференцированной первобытной общинѣ». Разрѣшеніе этого кажущагося противорѣчія авторъ ищетъ въ особенностяхъ соціологическаго процесса, совсѣмъ непохожаго на біологическій. «Соціальная дифференцировка состоитъ именно въ обоснованіи и точномъ отграниченіи дѣйствій и психическихъ состояній, связывающихъ личность съ обществомъ», отъ тѣхъ, которыя входятъ въ ея особенную сферу, которая такимъ образомъ постепенно расширяется, по мѣрѣ того, какъ точнѣе опредѣляются общественныя функціи личности. «Соціальная дифференцировка относится не столько къ людямъ, сколько къ учрежденіямъ, развитіе же индивидуализма—къ личностямъ». Вотъ почему, напр., занятія людей—спеціализируются, а группировка ихъ по занятіямъ (касты) въ то же время можетъ разрушаться.

Въ ноябрьскомъ номерѣ помѣщены прекрасно-исполненные портреты Салтыкова, Златовратскаго, Глѣба Успенскаго и Гаршина.

«Вѣстникъ всемірной исторіи», ежемѣсячный журналъ исторической литературы и науки. Декабрь. № 1. «Право на существованіе у насъ изданія, посвященнаго всемірной исторіи, съ цѣлью ознакомить русское общество съ *общимъ ходомъ исторіи*, едва ли требуетъ доказательствъ», замѣчаетъ редакція въ своемъ предисловіи къ первому номеру новаго историческаго журнала. Дѣйствительно, «доказательствъ» требуетъ лишь осуществимость поставленной редакціей цѣли. Всѣ усилія редакціи—опредѣлить эту цѣль точнѣе, показываютъ только, что для самой редакціи она не вполнѣ ясна. Правда, редакція безусловно отказывается преслѣдовать одну задачу: «перечисленіе фактовъ до конца», справедливо находя, что «для документовъ и матеріаловъ есть архивы». Но ея собственный взглядъ на исторію остается въ высшей степени неопредѣленнымъ. Мы узнаемъ, что «исторія-лѣтопись ничему не могла научить», что «великій опытъ исторіи только тогда будетъ плодотворенъ для современниковъ, когда въ безконечномъ разнообразіи фактовъ будетъ подмѣчено единство и преемственность, все будетъ приведено въ систему и образуетъ совокупность истинъ, т.-е. науку»,—и рядомъ съ этимъ встрѣчаемъ утвержденіе, что исторія «не можетъ пользоваться тѣми методами изслѣдованія, которые составляютъ силу и которыми создано величіе точныхъ наукъ», что ея «положенія и выводы могутъ имѣть лишь большую или меньшую внутреннюю убѣдительность, большее или меньшее вѣроятіе». Съ одной стороны, «общественныя воззрѣнія не могутъ не отражаться на пониманіи жизни прошлой», а съ другой—«прошлое» призвано «говорить» при истолкованіи современныхъ вопросовъ. Но оставимъ въ сторонѣ «программу», которая тогда только можетъ имѣть значеніе, когда есть кому исполнять ее, когда около журнала сплотился кругъ выдающихся сотрудниковъ, какъ это было, напр., съ «Вѣстникомъ Европы» шестидесятыхъ годовъ. Посмотримъ лучше на выполненіе.

Первыя статьи, какъ будто, показываютъ, что редакція попробовала выполнить въ нихъ часть своей программы—«ознакомлять общество со всѣмъ тѣмъ, что требуется для выясненія вопроса съ точки зрѣнія исторической науки». Идетъ война въ Трансваалѣ—и редакція даетъ справку «къ борьбѣ буровъ за независимость». Правда, справка сдѣлана настолько спѣшно и бѣгло, что даже въ общихъ, не историческихъ журналахъ, читатель найдетъ свѣдѣнія и полнѣе и лучше. Ожидали мы столкновенія съ кометой,—и редакція печатаетъ статью проф. Зѣлинскаго: «Первое свѣтопреставленіе». Рѣчь идетъ объ ожиданіи конца міра въ тридцатыхъ годахъ до Р. Х. въ римскомъ обществѣ. Статья очень ученая и талантливо скомпонованная, но едва ли общедоступная и общеинтересная.

Самое неудачное въ ней, конечно, есть попытка связать ее съ событіями нашего времени. «Вѣсть о предстоящемъ свѣтопреставленіи, пишетъ уважаемый профессоръ немного цицероновскимъ слогомъ,—получила, пишутъ намъ, широкое распространеніе среди деревенскаго люда. Угнетенные повторяющимися недородами, крестьяне приняли ее, какъ нѣчто естественное; она шла навстрѣчу той мрачной теодицеѣ, на которую наводила ихъ умы жестокость мачихи — сырой земли за послѣдніе годы. «Оттого-то», покорно говорили они, «Богъ и не далъ намъ хлѣба, что и жить-то осталось недолго». Но мѣстами теорія переходила и въ практику: бывали примѣры, что люди отказывались убирать неурожай со своихъ полей, ссылаясь на то, что пользоваться имъ, все равно, не придется. Хватилась, наконецъ, кое-гдѣ и мѣстная администрація; по ея настоянію, книгопродавцы обязались не продавать болѣе смущавшихъ народъ вздорныхъ брошюрокъ. Теперь, когда страхъ прошелъ, явилась возможность подвести итоги совершившемуся, что и будетъ сдѣлано, надѣемся, тою же администраціею, въ назиданіе потомству и въ предупрежденіе, поскольку это въ ея силахъ, такихъ же случаевъ въ будущемъ. Но, помимо администраціи, и историческая наука не можетъ относиться безучастно къ явленіямъ вродѣ описаннаго», и даритъ насъ поучительной статьей проф. Зѣлинскаго. Послѣ нея мы узнаемъ—на этотъ разъ уже безъ указаній на связь съ настоящими событіями, — біографію знаменитаго «принца Ммая до», жившаго въ VII вѣкѣ до Р. Хр. въ Японіи. Біографія написана, вѣроятно, очень основательно, такъ какъ авторъ ея—Іосибуми Куроно—спеціалистъ и написана она «по оригинальнымъ японскимъ источникамъ». Мы охотно вѣримъ, что по смерти героя въ 621 году «рыданія и вопли нѣсколько мѣсяцевъ оглашали страну, имя же его осталось въ вѣчной памяти народа». Вѣроятно, оно живетъ тамъ и до сихъ поръ, такъ что это не есть та «исторія-лѣтопись, которая ничему не научаетъ», по признанію редакціи, а та исторія, которая «особенно важна» «въ дѣлѣ выработки міросозерцанія, въ дѣлѣ выработки идеала личнаго и общественнаго». Пусть же имя благороднаго принца Ммая-до живетъ и въ вѣчной памяти русской интеллигенціи!

Есть, однако, въ журналѣ нѣсколько статей, и ближе относящихся къ отечественной дѣйствительности. Это—рѣчь *Д. Ѳ. Кобеко* объ Е. А. Энгельгардтѣ, какъ директорѣ лицея, въ которомъ учился въ его время Пушкинъ (Э. восторгается Пушкинымъ 20-хъ годовъ и считаетъ лучшую эпоху его творчества—періодомъ упадка), нѣсколько совершенно незначительныхъ по содержанію писемъ Гоголя и Державина, богатое живыми бытовыми подробностями дѣло о грабежѣ XVII столѣтія, совершенномъ нѣсколькими московскими помѣщиками и князьями (которыхъ такъ и не удалось привлечь къ судебной отвѣтственности) на большой дорогѣ. Интереснѣе прочаго для большой публики—анонимная справка о томъ: «какъ возникла газета «Новое Время». Создана она литовско-польскимъ этнографомъ Киркоромъ въ 1868 году, въ 1869 и 1870 получила за польскія симпатіи три предостереженія, куплена отъ конкурснаго управленія прежняго редактора Ѳ. Н. Устряловымъ, сыномъ историка, и вновь стала издаваться съ 1872 г. по расширенной программѣ, съ новымъ составомъ сотрудниковъ (въ ихъ числѣ были П. Д. Боборыкинъ, Н. Н. Полевой, А. П. Пятковскій, В. В. Чуйко и т. д.). «Недѣли въ двѣ газета заняла въ журналистикѣ мѣсто за самыми вліятельными тогда «Петербургскими Вѣдомостями» и «Голосомъ», но съ болѣе яркимъ противъ нихъ либеральнымъ оттѣнкомъ». Скоро начались и новыя злоключенія. По поводу статьи Н. Н. Полевого о только что вышедшемъ тогда переводѣ Маркса дано было первое предостереженіе, за «явное сочувствіе къ вредному ученію соціалистовъ и рѣзкое порицаніе экономическихъ основъ, на которыхъ зиждется жизнь благоустроенныхъ гражданскихъ обществъ». Черезъ четыре дня послѣдовало второе предостереженіе за «явное сочувствіе къ

*

антирелигіозной пропагандѣ и къ революціонному движенію, на которое анархисты возлагаютъ надежду для осуществленія своихъ преступныхъ замысловъ». Инкриминированный фельетонъ («Два старика: Гюго и Мишле») былъ присланъ изъ Парижа, «какъ потомъ обнаружилось, бывшимъ въ 1850-хъ и 1860-хъ годахъ популярнымъ профессоромъ артиллерійской академіи, извѣстнымъ въ то время философомъ, затѣмъ въ 1867 г. сосланнымъ административнымъ порядкомъ въ Вологодскую, изъ нея въ Архангельскую губернію, оттуда бѣжавшимъ за-границу и сдѣлавшимся эмигрантомъ П. Л. Лавровымъ». Фиктивнаго редактора газеты, нѣкоего Сухомлина, это предостереженіе такъ напугало, что онъ «втайнѣ отъ всѣхъ, въ типографіи, ночью, заставилъ набрать и вставить въ № 124» свое заявленіе, которымъ отказывался отъ редакторства. Пришлось газету пріостановить, въ ожиданіи, пока найдется новый редакторъ. Послѣ долгихъ поисковъ явился къ Устрялову нѣкій Перетцъ, учитель дѣтей тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, заключилъ съ нимъ письменное условіе о редакторствѣ и совсѣмъ было попалъ въ редакторы; но пока шли хлопоты объ утвержденіи, въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» появился приказъ о перемѣщеніи коллежскаго совѣтника Перетца «чиновникомъ особыхъ порученій въ III отдѣленіе Его Имп. Величества Канцеляріи». Такое совмѣстительство должностей Устряловъ призналъ неудобнымъ и принялся вновь искать редактора. Наконецъ, черезъ полгода отыскался лично знакомый тогдашнему начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати М. П. Ѳедоровъ, писавшій, переводившій и передѣлывавшій водевили. Съ нимъ газета вновь стала выходить съ 26-го ноября 1872 г.; но, ослабленная долгой пріостановкой, понизившая тонъ, растерявшая сотрудниковъ и подписчиковъ, она дотянула только до 25-го марта 1873 года. Возродилось «Новое Время» лишь съ 6-го ноября 1873 г., съ прежнимъ редакторомъ, въ рукахъ издателя О. К. Нотовича, но опять ненадолго. 20-го марта 1874 года газета навлекла на себя, за статьи о земскомъ самоуправленіи, о недостаткахъ женскаго образованія и о плохомъ состояніи институтовъ — третье предостереженіе съ новой полугодичной пріостановкой. Послѣ ея окончанія начался періодъ процвѣтанія газеты, — главнымъ образомъ, потому, что лучшая тогдашняя петербургская газета, «Петербургскія Вѣдомости», отняты были отъ прежняго издателя, В. Ѳ. Корша, и любимые фельетонисты этой газеты, А. С. Суворинъ и В. П. Буренинъ, перешли въ «Новое Время». Тутъ наступилъ періодъ славянскихъ увлеченій по поводу освобожденія Болгаріи, которымъ газета очень ловко воспользовалась, печатая горячія статьи и бойкія корреспонденціи, пришедшіяся по вкусу патріотической публикѣ. Въ послѣдующій періодъ своего существованія «Новое Время» получило опять два предостереженія (10-го января 1879 и 2-го октября 1880 г.). «Находиться подъ Дамокловымъ мечомъ—третьимъ предостереженіемъ—столько лѣтъ и удачно его избѣгать,— замѣчаетъ авторъ статьи,—такое исключительное счастье, какимъ чрезвычайно рѣдко судьба кого-нибудь награждаетъ».

«Русская Старина», декабрь. *М. А. Корфъ* въ своихъ запискахъ дѣлаетъ интересную характеристику знаменитаго шефа шандармовъ и начальника III отдѣленія, въ царствованіе имп. Николая I, графа А. Х. Бенкендорфа. «Онъ, въ сущности, былъ болѣе отрицательно добрымъ человѣкомъ, подъ именемъ котораго совершалось, на-ряду со многимъ добромъ, и не мало самоуправства и зла. Безъ знанія дѣла, безъ охоты къ занятіямъ, отличавшійся особенно безпамятствомъ и вѣчною разсѣянностью, наконецъ, безъ мѣры преданный женщинамъ, онъ никогда не былъ ни дѣловымъ, ни дѣльнымъ человѣкомъ и всегда являлся орудіемъ лицъ, его окружавшихъ. Сидѣвъ съ нимъ четыре года въ комитетѣ министровъ и десять лѣтъ въ Государственномъ Совѣтѣ, я ни единожды не слышалъ его голоса ни по одному дѣлу... Часто случалось, что онъ, послѣ засѣданія, въ которомъ присутствовалъ отъ начала до конца, спрашивалъ меня,

чѣмъ рѣшено такое-то изъ внесенныхъ имъ представленій... Должно прибавить, что при очень пріятныхъ формахъ, при чемъ-то рыцарскомъ въ тонѣ и словахъ, и при довольно живомъ свѣтскомъ разговорѣ, онъ имѣлъ самое лишь поверхностное образованіе, ничему не учился, ничего не читалъ и даже никакой грамоты не зналъ порядочно... Вѣрнымъ и преданнымъ слугою своему царю Бенкендорфъ былъ; конечно, въ полномъ и высшемъ смыслѣ слова и преднамѣренно не дѣлалъ никому зла; но полезнымъ онъ могъ быть только въ той степени, въ какой сіе отвѣтствовало видамъ и внушеніямъ окружавшихъ его: ибо личной воли имѣлъ онъ не болѣе, чѣмъ дарованія или высшихъ взглядовъ». Изъ другихъ мемуаровъ отмѣтимъ окончаніе «Моихъ цензурныхъ мытарствъ» *А. Чумикова*. Здѣсь находимъ, между прочимъ, довольно неожиданную характеристику И. А. Гончарова, какъ цензора. «Не такъ легко было добиться (объясненій) отъ знаменитаго автора «Обломова», замѣчаетъ г. Чумиковъ, сравнивая его съ другимъ цензоромъ, Новосильскимъ. «По крайней мѣрѣ, мнѣ И. А. Гончарова ни разу не пришлось удостоиться лицезрѣть; отъ его камердинера, повидимому, хорошо выдрессированнаго, слышался постоянно одинъ и тотъ же отвѣтъ: «баринъ ушелъ со двора». Между тѣмъ, почтеннѣйшій Иванъ Александровичъ, по примѣру другихъ своихъ коллегъ, не скупился на красныя чернила. Однажды Гончаровъ слѣдующую тираду: «Вообще смѣло можно сказать: въ Россіи, какъ народныя, такъ и дворянскія училища нисколько не соотвѣтствуютъ цѣли, съ которой они должны учреждаться»,—замѣнилъ такою фразою: «намъ не къ чему скрывать, что училища наши далеко не соотвѣтствуютъ назначенію». Но, какъ бы испугавшись смѣлости своей поправки, на томъ же корректурномъ листѣ отмѣтилъ: «для одобренія этой статьи въ печать нужно испросить разрѣшеніе г. министра народнаго просвѣщенія». Понятно, что послѣ такой резолюціи цензора министру,—вѣрнѣе сказать, директору его канцеляріи ничего больше не оставалось, какъ запретить статью».

Очень интересны, хотя, разумѣется, весьма субъективны, донесенія ген. Лидерса о «состояніи Царства Польскаго въ 1861 и 1862 гг.».

За границей.

«Маффіа» въ современной Италіи. Въ настоящее время въ Италіи разбирается грандіозный процессъ, волнующій итальянское общественное мнѣніе не менѣе, чѣмъ дѣло Дрейфуса волновало Францію. Дѣло идетъ объ убійствѣ сенатора Нотарбартоло, совершенное болѣе 6 лѣтъ тому назадъ, и виновники котораго такъ и не были открыты. Нотарбартоло былъ очень виднымъ лицомъ въ Сициліи и занималъ должность директора Сицилійскаго банка (Banco di Sicilia). Онъ былъ убитъ въ желѣзнодорожномъ поѣздѣ, довольно таинственнымъ образомъ, ясно указывающимъ, что это было убійство не съ цѣлью грабежа, а «по порученію», т. е. подосланными убійцами.

Преступленіе было совершено въ февралѣ 1893 года, но слѣдствіе, начатое по этому дѣлу, сразу наткнулось на какія-то препятствія. Общественное мнѣніе прямо указывало виновника и даже называло его по имени, но его никто не потревожилъ. Послѣ нѣкотораго колебанія арестовали, по подозрѣнію, какихъ-то трехъ второстепенныхъ лицъ, и тѣмъ дѣло кончилось. Слѣдствіе затягивалось, не открывая ничего новаго; арестованные напрасно требовали суда надъ собою,—и для всякаго мало—мальски безпристрастнаго человѣка было ясно, что тутъ пущены въ ходъ могущественныя вліянія, чтобы затормозить дѣло и дать ему другой оборотъ.

Но какъ это случилось въ дѣлѣ Дрейфуса, такъ и здѣсь, истина-мало-по

малу стала выплывать наружу. Началось разбирательство дѣла въ Миланскомъ судѣ. Хотя убійство и было совершено въ Сициліи, но правительство вполнѣ основательно не довѣряло безпристрастію Палермскаго суда. Съ первыхъ же засѣданій стали открываться удивительныя вещи, указывающія на могущественное вліяніе «Маффіи,» этого разбойничьяго общества, составляющаго бичъ, отъ котораго страдаетъ какъ соціальная, такъ и политическая жизнь современной Италіи. Вопросъ о «Маффіи» такимъ образомъ, былъ выдвинутъ на сцену съ первыхъ же засѣданій суда и даже былъ перенесенъ въ палату депутатовъ, очень неохотно допустившую пренія по этому поводу. Но палатѣ нельзя было уклониться—въ виду того, что, наконецъ, послѣ долгихъ колебаній и отсрочекъ, была наложена рука на главнаго виновника, палермскаго депутата Палиццоло, на котораго общественное мнѣніе давно уже указывало, какъ на иниціатора убійства и главу разбойничьей организаціи въ Сициліи. На судѣ открылось, что противъ Палиццоло существовали неотразимыя улики. Полицейскій инспекторъ Цервичъ въ оффиціальномъ донесеніи прямо указывалъ на него, какъ на виновника преступленія, но это донесеніе не достигло своего назначенія, какъ и масса другихъ документовъ, подтверждающихъ виновность депутата и доказывающихъ то, что онъ находился во главѣ «Маффіи» въ Палермо. Бывшій генеральный прокуроръ въ Палермо, Вентури, тотчасъ же по вступленіи въ должность началъ новое слѣдствіе по дѣлу убійства Нотарбартоло. Палиццоло явился къ нему и въ чрезвычайно почтительномъ и любезномъ тонѣ заговорилъ съ нимъ о томъ, что приближаются общіе выборы и возобновленіе процесса при такихъ условіяхъ можетъ послужить элементомъ пертурбаціи крайне нежелательной, такъ что лучше было бы его отложить. Другія лица, очень почтенныя и вліятельныя, также говорили объ этомъ въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ и Палиццоло. Вентури, однако, не обратилъ вниманія на эти предостереженія и совѣты, и результатомъ было, то что его смѣстили и, процессъ Нотарбартоло снова былъ отправленъ въ архивъ и до этого года объ немъ ничего не было слышно.

Такого рода факты подтверждаютъ могущество «Маффіи» въ Сициліи. Правительство много разъ пыталось уничтожить ее, но всѣ эти попытки остались безрезультатными, и члены этого общества до сихъ поръ совершаютъ въ высшей степени дерзкіе грабежи и продолжаютъ быть грозою мирныхъ жителей. Голодовка и другія общественныя бѣдствія только усиливаютъ «Маффію», а безсиліе полиціи въ борьбѣ съ ней и ея искусная организація заставляютъ мѣстныхъ жителей мириться съ нею и даже порою прибѣгать къ ея помощи.

Въ палатѣ депутатовъ вопросъ о «Маффіи» былъ выдвинутъ во время преній о бюджетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Изъ рѣчей, сказанныхъ по этому поводу, выяснилось, что Маффіа раздѣляется на высшую и низшую и что сначала она ограничивалась только низшими классами общества, но мало-по-малу проникла и въ высшіе классы и въ особенности въ администрацію, которая превратилась, въ большинствѣ случаевъ, въ орудіе этого разбойничьяго общества.

Особенно сильное впечатлѣніе произвела на палату рѣчь депутата Де-Феличе, пользующагося въ Италіи весьма почтенною репутаціей и довольно громкою извѣстностью послѣ тѣхъ безпорядковъ въ Сициліи, въ 1894 году, которые вызвали его заключеніе въ тюрьмѣ. Де Феличе прямо обвиняетъ полицію, какъ сообщницу и покровительницу «Маффіи». Онъ также дѣлитъ «Маффію» на разные разряды: первый—это «Маффіа» низшихъ классовъ народа; второй—полицейская «Маффіа» третій—«Маффіа» «въ желѣзныхъ лайковыхъ перчаткахъ». Сицилійскіе крестьяне,—сказалъ онъ,—вовсе не преступны по натурѣ, но «Маффіа» побуждаетъ ихъ къ преступленіемъ, и они волей неволей становятся членами этого преступнаго общества, такъ какъ каждый, кто не принадлежитъ къ нему, подвергается съ его стороны преслѣдованію. Сицилійское возстаніе, по словамъ

Де-Феличе, было возстаніемъ крестьянъ противъ «Маффіи» и ея руководителей и такъ называемые «fasci lavoratori»,—союзы, которые преслѣдовались правительствомъ какъ революціонныя ассоціаціи, представляли не что иное какъ родъ защиты отъ «Маффіи». Джолитти, бывшій тогда министромъ-президентомъ, самъ призналъ, что послѣ организаціи «fasci lavoratori» число грабежей въ Сициліи уменьшилось. «Маффіа» учредила настоящее царство террора въ Сициліи. Крестьянинъ, не принадлежащій къ «Маффіи,» обреченъ бѣдствовать и существованіе его не обезпечено, тогда какъ сдѣлавшись членомъ «Маффіи» онъ получаетъ опредѣленное содержаніе и можетъ жить спокойно. Ни административныя, ни судебныя, ни политическія власти ничего не дѣлаютъ для защиты бѣдныхъ людей. Всѣмъ извѣстно въ Сициліи, что ограбленные никогда не обращаются къ полиціи, такъ какъ это безполезно, а къ самой «Маффіи». Одинъ прокуроръ въ Катаніи, который долженъ былъ преслѣдовать вора, укравшаго 600.000 лиръ, говорилъ самому Де-Феличе: «я зналъ виновника, но долженъ былъ захватить его безъ всякаго приказа объ его арестѣ, такъ какъ еслибъ я раньше отдалъ такой приказъ по полиціи, то онъ бы немедленно скрылся». Всѣ грандіозные грабежи, происходившіе въ послѣднее время, воровство въ бюро аппеляціоннаго суда въ Палермо, грабежъ у герцогини Бофремонъ въ палаццо Ланца и др. мѣстахъ, все это, какъ утверждаетъ Де-Феличе, было организовано полиціей, которая подѣлилась барышами съ «Маффіей». Другой фактъ: въ Катаніи какой-то человѣкъ убилъ другого и затѣмъ самъ отдался въ руки карабинеровъ, сдѣлавъ имъ слѣдующее признаніе: «человѣкъ, котораго я убилъ, былъ главою «Маффіи» и вмѣстѣ съ полицейскимъ инспекторомъ, которому онъ отдавалъ половину барышей, командовалъ всѣмъ округомъ. Я не хотѣлъ подчиниться ихъ требованіямъ и тогда меня отдали подъ надзоръ полиціи, по приговору суда. Я потерялъ терпѣніе, прямо изъ суда отправился къ продавцу оружія и, купивъ револьверъ, застрѣлилъ виновника. Если вы мнѣ не вѣрите, то отправляйтесь на квартиру убитаго и тамъ вы найдете доказательства его принадлежности къ «Маффіи». И дѣйствительно, слова убійцы подтвердились при разслѣдованіи. Масса другихъ фактовъ, приведенныхъ Де-Феличе въ его рѣчахъ, указываютъ несомнѣнно на существованіи тѣсной связи между полиціей и «Маффіей». Затѣмъ Де-Феличе доказалъ также, что «Маффія» руководитъ политическими выборами въ Сициліи и поэтому, если какой-нибудь судья попробуетъ дѣйствовать противъ членовъ «Маффіи», то его немедленно переводятъ въ другое мѣсто или же прямо увольняютъ.

Рѣчь Де-Феличе вызвала, конечно, массу толковъ въ печати и обществѣ. Консервативная печать, склонная обвинять Де-Феличе въ пристрастіи, тѣмъ не менѣе признаетъ, что многіе факты подтверждаютъ разоблаченія соціалистскаго депутата. Въ процессѣ Нотарбартоло, обратившемъ всеобщее вниманіе на дѣятельность «Маффіи» въ Сициліи, президенту миланскаго суда присяжныхъ, гдѣ разбирается это дѣло въ данную минуту, приходится то и дѣло убѣждаться, что свидѣтели не хотятъ давать показаній или, вѣрнѣе, опасаются говорить. «Маффіа» всего больше процвѣтаетъ въ Палермо, гдѣ къ ея помощи нерѣдко прибѣгаютъ даже высокопоставленныя лица. Въ послѣдніе годы зачастую бывали случаи похищенія разбойниками разныхъ богатыхъ лицъ, съ которыхъ потомъ взимался болѣе или менѣе крупный выкупъ. Между прочимъ, убитый баронъ Нотарбартоло тоже подвергся этому однажды и долженъ былъ заплатить за себя 50.000 лиръ. Всѣми этими разбойничьими экспедиціями руководили очень высокопоставленныя лица, члены одного изъ самыхъ фешенебельныхъ клубовъ Палермо.

Въ сущности, «Маффію» нельзя причислить къ тайнымъ обществамъ, такъ какъ у нея нѣтъ ни статутовъ, ни іерархіи. Но этотъ недостатокъ восполняется сильно развитымъ чувствомъ солидарности между ея членами и, кромѣ того, страхомъ.

Чуть не каждую недѣлю приходится читать въ сицилійской печати сообщенія объ убійствѣ какого-нибудь мирнаго гражданина или крестьянина. Цѣль преступленія такъ и остается невыясненной, и убійца никогда не попадаетъ въ руки полиціи, но всѣ въ Сициліи знаютъ, что это «mafiosi» (члены «Маффіи») отмстили убитому за его измѣну или какое-нибудь другое преступленіе противъ «Маффіи».

Могущество «Маффіи» и ея предводителя Палиццоло, извѣстнаго среди членовъ этого разбойничьяго общества подъ кличкою «калифа», обусловливалось въ особенности тѣмъ, что «Маффіа» пользовалась огромнымъ вліяніемъ въ парламентѣ. Палиццоло и всѣ его предшественники были министерскими депутатами и поэтому-то послѣ 1893 года, когда былъ убитъ Нотарбартоло, въ Палермо смѣнились пять прокуроровъ. Де Феличе разсказываетъ, что Палиццоло открыто появлялся въ ложѣ съ знаменитымъ сицилійскимъ разбойникомъ Леоне, за поимку котораго была назначена большая премія, но ни одинъ полицейскій не осмѣлился наложить на него руку. Теперь, повидимому, правительство намѣрено принять энергичныя мѣры, но удастся ли ему совладать съ «Маффіей»—неизвѣстно, такъ какъ зло это коренится въ условіяхъ соціальнаго положенія Сициліи.

Соціальные музеи. Развитіе крупной промышленности увеличило во всѣхъ странахъ опасности, угрожающія жизни и здоровью рабочихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ усилило въ лучшей части общества и стремленія оградить рабочихъ отъ опасностей ихъ ремесла и обезпечить ихъ на случай какого либо несчастія. Эти задачи ставитъ себѣ теперь не только техника, но и соціальная политика, выдвигающая на первый планъ заботы объ огражденіи человѣческой жизни отъ опасности и дурныхъ санитарныхъ условій при работѣ. Для иллюстраціи мѣропріятій, которыя принимаются въ различныхъ странахъ съ этою цѣлью, служатъ такъ называемые соціальные музеи, гдѣ собрано все, что относится къ улучшенію условій труда и образа жизни рабочихъ. Благодаря этимъ музеямъ является возможность сравнивать мѣропріятія и учрежденія различныхъ государствъ, и видѣть, что сдѣлано въ этомъ отношеніи въ тѣхъ странахъ, гдѣ забота о благосостояніи рабочихъ составляетъ главную руководящую черту соціальной политики.

Соціальные музеи представляютъ учрежденіе совсѣмъ молодое и, конечно, надо ожидать, что въ будущемъ оно достигнетъ полнаго развитія и будетъ удовлетворять своему назначенію и цѣлямъ. Но идея, заложенная въ основу этихъ учрежденій, далеко не нова. Въ послѣднемъ нумерѣ журнала «Arbeiterfreund» издаваемаго союзомъ «Centralverein für das Wohl der arbeitenden Klassen», библіотекарь саксонскаго статистическаго бюро, Шмидтъ, сообщаетъ данныя, указывающія, что идея эта существуетъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ пятьдесятъ. Впервые она возникла у одного англичанина, по имени Твининга, члена «Society of Arts» въ Лондонѣ. Уже въ половинѣ XIX вѣка Твининга доказывалъ необходимость улучшенія быта рабочихъ классовъ въ экономическомъ и гигіеническомъ отношеніи и проповѣдывалъ устройство экономическаго музея, въ которомъ было бы собрано все, что касается жизни рабочихъ, ихъ жилищъ, питанія, условій работы и т. д. и гдѣ, такимъ образомъ, можно было бы найти указанія, какія мѣропріятія лучше достигаютъ цѣли и что уже сдѣлано въ этомъ направленіи.

Твининга нашелъ поддержку въ лондонскомъ «Society of Arts» и парижскомъ «Société d'économie charitable» и съ жаромъ принялся вербовать сторонниковъ своей идеи. Въ 1855 году, воспользовавшись парижскою выставкой, онъ устроилъ отдѣлъ, указывающій, въ какомъ видѣ онъ представлялъ себѣ организацію соціальнаго музея, согласно положенію техники, науки, гигіены и условіямъ экономической жизни, существовавшимъ тогда. Точно также и на международномъ благотворительномъ конгрессѣ въ Брюсселѣ, въ 1858 году и

на юбилейной выставкѣ сельскохозяйственнаго общества въ Вѣнѣ, въ 1857 году Твинингъ упорно продолжалъ развивать и пропагандировать свою идею.

Старанія Твининга, прежде всего, привели къ устройству постояннаго экономическаго музея въ Лондонѣ по иниціативѣ «Society of Arts». Но больше всего вниманія его идеѣ и его условіямъ было оказано во Франціи. Обязательно на каждой парижской выставкѣ существовалъ отдѣлъ, устроенный по идеѣ Твининга. На выставкѣ 1857 года Ле-Пле представилъ документы, модели и разные другіе матеріалы, имѣющіе цѣлью улучшеніе экономическаго быта и подъема нравственнаго уровня рабочихъ. Онъ назначилъ премію за лучшія учрежденія, имѣющія цѣлью смягченіе соціальныхъ контрастовъ и направленныя къ улучшенію положенія дѣтей рабочихъ классовъ и инвалидовъ труда. Въ выставкѣ Ле-Пле приняли участіе 600 главнѣйшихъ промышленныхъ учрежденій разныхъ странъ. Но наиболѣе обширный матеріалъ, относящійся къ этому вопросу, былъ собранъ на парижской выставкѣ 1889 года. Тогда-то въ кругу выдающихся французскихъ экономистовъ возникла идея образованія постояннаго музея, въ которомъ находилось бы все, относящееся къ условію и положенію труда. Французское правительство отнеслось сочувственно къ этой идеѣ, и съ этою цѣлью была организована въ 1890 году комиссія музея соціальной экономіи, передавшая правительству въ 1892 году всю свою коллекцію и документы. Но только послѣ крупнаго пожертвованія графа Шамбрена удалось, наконецъ, учредить настоящій соціальный музей въ Парижѣ, дѣятельность котораго теперь сильно развивается.

Въ Австріи, благодаря неустанной энергіи доктора Мигерка, былъ открытъ въ Вѣнѣ, въ 1889 году, музей промышленной гигіены. Музей этотъ поддерживается союзомъ, спеціально организованнымъ съ этою цѣлью, а также фабричными инспекторами и крупными промышленниками.

Въ Амстердамѣ также въ 1889 году секретарь фабричной инспекціи, Ландре предложилъ учредить музей, гдѣ было бы собрано все, относящееся къ защитѣ рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Но только въ началѣ 1899 г., благодаря опубликованному въ Дельфтѣ, по иниціативѣ доктора Эренгарда, воззванію, идея эта начала облекаться въ конкретную форму. Весною образовался съ этою цѣлью союзъ, и въ октябрѣ уже былъ открытъ «Соціальный музей для Нидерландовъ».

Въ Германіи нѣтъ соціальнаго музея въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ существуетъ въ Парижѣ, но, тѣмъ не менѣе, уже нѣсколько разъ возникалъ вопросъ объ устройствѣ подобнаго учрежденія. Въ 1883 году, во время гигіенической выставкѣ въ Берлинѣ, министръ просвѣщенія Госслеръ возбудилъ вопросъ о цѣлесообразности устройства постоянной выставки всѣхъ предметовъ, относящихся къ общественному благосостоянію, и результатомъ этого было открытіе 1 октября 1885 года при Берлинскомъ университетѣ гигіеническаго института, къ которому черезъ годъ былъ присоединенъ гигіеническій музей.

Устроенная въ 1889 году въ Берлинѣ выставка «Deutsche allgemeine Ausstellung für Unfallverhütung» дала новый толчокъ идеѣ устройства германскаго соціальнаго музея, и въ 1892 году вопросъ этотъ обсуждался въ рейхстагѣ, но безъ особеннаго успѣха, такъ какъ государственное казначейство отказалось выдать единовременно для организаціи этого музея 10.000 марокъ и ежегодно выдавать по пяти тысячъ. На этомъ дѣло остановилось. Но черезъ пять лѣтъ депутатъ Резике снова поднялъ этотъ вопросъ о соціальномъ музеѣ въ германскомъ рейхстагѣ и опять-таки безуспѣшно. Только въ январѣ прошлаго года вопросъ этотъ подвергся, наконецъ, всестороннему обсужденію, и депутатъ Резике, докторъ Мюллеръ и профессоръ докторъ Гице горячо отстаивали идею музея и организацію его на средства государства. Ихъ поддержали депутаты Вурмъ и баронъ Штуммъ. Министръ Позадовскій настаивалъ на томъ, что подобное учрежденіе будетъ стоить много денегъ. Недостаточно вѣдь выставить

модели; необходимо, чтобы предохранительныя мѣры отъ несчастныхъ случаевъ были испробованы на дѣлѣ, а это потребуетъ и времени, и средствъ. Сторонники устройства музея возражали на это, что даже если идея будетъ примѣнена и не въ столь широкихъ размѣрахъ, которые имѣетъ въ виду министръ, то все же она должна будетъ принести огромную пользу. Во всякомъ случаѣ первоначальное устройство такого музея не можетъ стоить слишкомъ дорого и начала его, конечно, должны быть скромныя.

Въ концѣ концовъ, усилія этихъ депутатовъ увѣнчались успѣхомъ и въ бюджетѣ на 1900 годъ включена довольно крупная ассигновка на постройку и устройство музея «für Arbeiterwohlfart» (для благополучія рабочихъ). Подъ этимъ словомъ въ Германіи подразумѣваютъ все, что только имѣетъ отношеніе къ вопросу объ улучшеніи условій труда и образа жизни рабочихъ. На первыхъ порахъ новый музей ставитъ себѣ задачей предупрежденіе несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ и улучшеніе фабричной гигіены, которой будетъ отведено въ музеѣ широкое мѣсто. Кромѣ того, въ этомъ музеѣ проектируются передвижныя выставки всѣхъ новыхъ изобрѣтеній, относящихся къ вопросу объ улучшеніи и облегченіи условій труда. Для фабрикантовъ и страховыхъ учрежденій будутъ отведены особыя залы, гдѣ они могутъ познакомить со своими изобрѣтеніями всѣхъ спеціалистовъ и интересующихся этимъ людей. Затѣмъ, при музеѣ будутъ устроены аудиторіи, гдѣ будутъ читаться популярныя лекціи для рабочихъ и спеціальныя—для студентовъ, техниковъ и врачей съ цѣлью ознакомленія ихъ съ гигіеной труда и способами предупрежденія несчастныхъ случаевъ. Въ послѣднемъ отношеніи въ Германіи сдѣлано уже довольно много, такъ какъ благодаря тому, что фабрикантамъ вмѣняется въ обязанность платить за всѣ увѣчья, они стали очень заботиться о предупрежденіи несчастныхъ случаевъ на своихъ фабрикахъ, и число несчастій на фабрикахъ, дѣйствительно, замѣтно уменьшилось. Предприниматели и всякаго рода крупные промышленники въ своихъ собственныхъ интересахъ заботятся о примѣненіи различныхъ мѣръ для огражденія человѣческой жизни и уже не останавливаются передъ расходами. Въ настоящее время германскіе заводчики и фабриканты съ гордостью выставляютъ на видъ свою заботливость и предусмотрительность, но не мѣшаетъ помнить, что до введенія закона объ обязательномъ страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ германскіе фабриканты ничѣмъ не отличались отъ фабрикантовъ другихъ странъ въ этомъ отношеніи и не выказывали ровно никакой предусмотрительности и заботливости о своихъ рабочихъ.

Французскія дѣла. Конецъ года ознаменовался для Франціи безконечнымъ процессомъ о заговорѣ, который разбирается въ верховномъ судѣ, и чрезвычайно оживленными преніями, происходившими на большомъ національномъ конгрессѣ представителей всѣхъ фракцій партіи соціалистовъ и присоединившихся къ ней рабочихъ синдикатовъ. На конгрессѣ участвовало около 800 делегатовъ, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Франціи, и настроеніе всѣхъ членовъ было очень возбужденное въ виду предстоявшаго обсужденія вопроса о вступленіи Мильерана въ министерство Вальдека Руссо. Съ самаго начала уже всѣ члены конгресса раздѣлились на правую и на лѣвую и, конечно, немедленно возникли весьма бурныя пренія и даже столкновенія, подобныя тѣмъ, какія составляютъ довольно частое явленіе во французской палатѣ депутатовъ.

Вопросъ о возможности вступленія члена партіи соціалистовъ въ буржуазное министерство, большинство котораго состоитъ изъ представителей другихъ партій, враждебныхъ соціалистамъ, вообще занялъ большое мѣсто въ обсужденіяхъ конгресса. Въ частности же, конечно, подвергнутъ былъ разсмотрѣнію именно поступокъ Мильерана. Жоресъ и многіе другіе не только оправдывали поступокъ Мильерана, но находили его пребываніе въ министерствѣ очень полезнымъ.

Рѣчь Жореса произвела большое впечатлѣніе, такъ какъ онъ очень много распространялся о необходимости для партіи реформаторской дѣятельности. Партія, стремящаяся къ осуществленію своего идеала, должна обратить на это серьезное вниманіе. Прежде рабочіе воздерживались отъ участія въ синдикатахъ и кооперацiяхъ и отъ выставленія своей кандидатуры на муниципальныхъ и законодательныхъ выборахъ. Но теперь это измѣнилось. Рабочая партія почувствовала необходимость имѣть своихъ сторонниковъ какъ въ палатѣ депутатовъ, такъ и въ муниципалитетахъ и теперь остается только сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ и послать одного изъ представителей партіи въ министерство, что, по мнѣнію Жореса, вполнѣ допустимо въ извѣстныхъ случаяхъ.

Однако, представители другихъ фракцій соціалистской партіи далеко не были согласны съ взглядами Жореса. Одинъ изъ нихъ съ горячностью заявилъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ и рѣчи не могло бы быть о вступленіи въ министерство кого-нибудь изъ членовъ рабочей партіи. Представитель этой партіи ни въ какомъ случаѣ не долженъ вступать въ министерство уже потому, что ему пришлось бы иногда нести на себѣ отвѣтственность за дѣйствія министерства. Присутствіе членовъ партіи въ парламентѣ въ роли оппозиціи очень полезно, но отнюдь не въ министерствѣ.

Пренія по этому вопросу приняли очень страстный характеръ, и Поль Лафаргъ даже воскликнулъ, что необходимо удержать членовъ партіи отъ погони за министерскими портфелями. Это повторили и нѣкоторые другіе делегаты, громившіе «новыя воззрѣнія и новую тактику» партіи, вызванную, по ихъ словамъ, желаніемъ эксплуатировать рабочую партію въ своихъ личныхъ интересахъ. Разумѣется, такого рода заявленія не могли не вызвать горячаго протеста и рѣзкихъ возраженій, но миръ былъ возстановленъ, когда делегаты отъ рабочихъ синдикатовъ объявили конгрессу, что вступленіе Мильерана въ составъ министерства тотчасъ же отразилось благопріятнымъ образомъ на положеніи синдикатовъ и вызвало приливъ новыхъ членовъ, а это, въ свою очередь, содѣйствуетъ распространенію взглядовъ рабочей партіи и усиленію ея престижа. Вообще рабочіе синдикаты склонны скорѣе одобрять поступокъ Мильерана, нежели порицать его.

Послѣ бурныхъ и продолжительныхъ дебатовъ по этому вопросу была вотирована резолюція весьма неопредѣленнаго характера. Въ принципѣ конгрессъ рѣшилъ большинствомъ 200 голосовъ, что «соціалистъ не можетъ вступать въ буржуазное министерство», и затѣмъ вотировалъ вторую резолюцію, на этотъ разъ большинствомъ 905 голосовъ (1.140 противъ 245), что «въ исключительныхъ обстоятельствахъ это можетъ быть допущено, и тогда партіи представляется самой обсудить и рѣшить этотъ вопросъ». Этимъ страннымъ постановленіемъ конгрессъ до нѣкоторой степени оправдалъ вступленіе Мильерана, но съ другой стороны, у многихъ возникаетъ вопросъ, относится ли эта резолюція къ прошлому или будущему. Если она имѣетъ въ виду прошлое, то Мильеранъ поступилъ неправильно, такъ какъ принялъ портфель безъ согласія партіи, которая даже не поднимала объ этомъ вопроса тогда; этотъ вопросъ возникъ лишь послѣ того, какъ Мильеранъ вступилъ въ министевство. Но если резолюція имѣетъ въ виду только будущее, то, разумѣется, Мильеранъ можетъ сохранить свой портфель (что онъ и дѣлаетъ), не чувствуя при этомъ никакихъ угрызеній совѣсти.

Незадолго до открытія конгрессовъ соціалистовъ, въ Парижѣ состоялось весьма симпатичное празднество: студенческая ассоціація справляла свое новоселье. Ассоціація достигла за пятнадцать лѣтъ своего существованія высокаго процвѣтанія и развитія и теперь переселилась изъ маленькаго тѣснаго помѣщенія въ большой пятиэтажный домъ, спеціально приспособленный къ ея потребностямъ. На праздникѣ студенческой ассоціаціи присутствовали, конечно, многіе выдающіеся представители науки и литературы, но, кромѣ нихъ, явились

и представители оффиціальнаго міра, президентъ республики, министры и президенты палаты, сената и парижскаго муниципалитета. По этому уже можно было судить, что парижская студенческая ассоціація сдѣлалась однимъ изъ очень видныхъ общественныхъ учрежденій. Произнесено было, какъ водится, множество рѣчей, въ которыхъ выставлялось на видъ огромное воспитательное и образовательное значеніе этой ассоціаціи для всей студенческой молодежи. На это значеніе, между прочимъ, указалъ и министръ просвѣщенія въ своей рѣчи. Ассоціація, по его мнѣнію, не только содѣйствуетъ сближенію студентовъ между собой, но сближаетъ ихъ также и съ профессорами, расширяетъ ихъ умственный кругозоръ и способствуетъ усиленію интереса къ наукѣ. Кромѣ того, благодаря возникающему общенію, студенческая молодежь пріучается относиться терпимо и съ уваженіемъ къ мнѣніямъ и убѣжденіямъ другихъ.

Министръ указалъ также на громадное значеніе, которое имѣла университетская реформа, такъ какъ благодаря этой реформѣ университеты получили довольно широкую самостоятельность въ дѣлѣ управленія своими дѣлами и въ настоящее время могутъ считаться дѣйствительными центрами умственной жизни.

Студенческая ассоціація систематически воздерживается отъ прямаго участія въ политической жизни и отъ какихъ бы то ни было политическихъ манифестацій. Но зато она обнаруживаетъ стремленіе къ общественной дѣятельности, въ особенности въ отношеніи народнаго образованія, такъ какъ члены ея занимаются организаціей воскресныхъ школъ и публичныхъ лекцій для народа и теперь приняли участіе въ устройствѣ народныхъ университетовъ.

Университетское начальство, оказывая всевозможную поддержку студенческой ассоціаціи съ самаго ея основанія, не вмѣшивалось, однако, въ ея дѣла и предоставило ей полную свободу дѣйствій, считая ее совершенно самостоятельнымъ учрежденіемъ. Поэтому и на праздникѣ ассоціаціи университетское начальство присутствовало лишь въ качествѣ гостей, наравнѣ съ прочими приглашенными.

Студенческая ассоціація съ самаго начала сумѣла привлечь симпатіи французскаго общества. Президентъ республики, нѣкоторые министры и всѣ знаменитости литературнаго, научнаго и политическаго міра состоятъ почетными членами этой ассоціаціи, а парижскій муниципалитетъ выдаетъ ей ежегодную субсидію и, кромѣ того, всѣ издатели считаютъ своимъ долгомъ снабжать ея библіотеку своими изданіями. Въ послѣднее же время, когда члены этой ассоціаціи выступили на поприщѣ народнаго образованія въ качествѣ дѣятельныхъ работниковъ, ассоціація эта пріобрѣла еще болѣе сторонниковъ, готовыхъ оказывать ей какую угодно поддержку въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи.

Споръ о языкахъ въ Норвегіи. Въ Австріи споръ о языкахъ, принявшій въ послѣднее время очень острый характеръ, находится въ связи съ вопросами расоваго и политическаго характера. Между протестантомъ нѣмцемъ, славяниномъ или чехомъ католикомъ существуетъ глубокій антагонизмъ, который сильно обостряетъ споръ по поводу указа устанавливающаго равенство языковъ въ Чехіи. Но между норвежцами и такъ называемыми «Maalsmaend» (націоналистами), принадлежащими къ одной и той же расѣ, исповѣдующими одну и ту же религію въ политическомъ отношеніи представляющими одну и ту же національность, и не существуетъ подобныхъ рѣзкихъ различій, тѣмъ болѣе, что и въ парламентѣ они образуютъ одну и ту же группу—лѣвую. Ихъ соединяетъ еще, кромѣ того, общее чувство противодѣйствія шведскому преобладанію. Тѣмъ не менѣе споръ между этими двумя норвежскими общественными группами изъ-за языка въ послѣднее время принимаетъ такіе размѣры, что возбуждаетъ у многихъ опасеніе насчетъ внутренняго спокойствія страны. Сначала это было

только споръ о словахъ, но теперь онъ мало-по-малу выростаетъ въ политическій конфликтъ.

Духъ независимости, представляющій основную черту норвежскаго характера, достаточно хорошо извѣстенъ. Связанные со Швеціей только въ лицѣ короля, норвежцы не переставали бороться за свои права. Недавно только они добились побѣды въ вопросѣ о національномъ знамени. Они требовали уничтоженія въ верхнемъ углу своего національнаго флага изображенія шведскаго знамени въ маленькомъ видѣ, которое служило символомъ конституціонной уніи обѣихъ странъ. Самолюбіе норвежцевъ страдало отъ этого. Споръ длился долго, но, въ концѣ концовъ, шведы уступили, и съ 1-го января норвежскій флагъ не носитъ уже на себѣ воспроизведенія въ миніатюрѣ шведскаго флага. Другой вопросъ, рѣшенія котораго добиваются норвежцы, это вопросъ о дипломатическомъ представительствѣ, въ настоящее время общемъ для обѣихъ сторонъ. Норвежцы давно уже упорно добиваются отдѣльнаго представительства и, вѣроятно, добьются своего.

Во всѣхъ этихъ вопросахъ антишведскаго характера норвежцы обнаруживаютъ чрезвычайное единодушіе, и расколъ между ними возникъ лишь по вопросу о языкѣ. Какъ извѣстно, оффиціальнымъ языкомъ страны служитъ датскій языкъ. Норвежцы говорятъ на этомъ языкѣ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ и ввели въ него нѣкоторыя спеціальныя выраженія. Старинныя провинціальныя нарѣчія не существуютъ болѣе, какъ письменный языкъ. Датскій языкъ съ XVI и XVII вѣка занимаетъ господствующее положеніе въ Норвегіи. На этомъ языкѣ возникла уже цѣлая литература, которою норвежцы въ правѣ гордиться, Тѣмъ интереснѣе, что теперь возникаетъ сильное движеніе, направленное противъ этого языка и принявшее въ послѣднее время довольно острый характеръ.

Въ началѣ этого вѣка нѣсколько ученыхъ филологовъ заинтересовались старинными нарѣчіями, которыя еще сохранились кое-гдѣ среди норвежскихъ крестьянъ. Толчокъ къ изученію этихъ нарѣчій былъ данъ Иваромъ Осеномъ, ученымъ филологомъ, который прежде былъ кочующимъ учителемъ, т.-е. учителемъ, переходившимъ изъ школы въ школу. Странствуя по деревнямъ въ качествѣ преподавателя, Осенъ изучилъ мѣстное нарѣчіе и написалъ о немъ статью, которая обратила на себя вниманіе норвежскаго ученаго общества въ Дронтгеймѣ. Послѣ того Иваръ Осенъ серьезно началъ изучать всѣ норвежскія нарѣчія, кодифицировалъ ихъ и составилъ грамматику. Во всѣхъ своихъ ученыхъ трудахъ и изысканіяхъ Осенъ стремился къ возможному очищенію норвежскаго языка отъ всякой примѣси датскаго и старался открыть ему путь для дальнѣйшаго развитія. Самъ онъ, кромѣ ученыхъ трудовъ, пріобрѣлъ еще извѣстность и своими стихотвореніями на народномъ нарѣчіи. Такимъ образомъ, народился «maal»—норвежскій національный языкъ, который имѣетъ теперь массу адептовъ. Въ настоящее время уже возникаетъ цѣлая литература на этомъ языкѣ, въ особенности пригодномъ для изображенія нравовъ и сценъ изъ народной жизни. Главнымъ представителемъ этой новой школы является Арне Гарборгъ.

Но пока всѣ эти стремленія создать національный языкъ оставались въ области литературы, до тѣхъ поръ спокойствіе не нарушалось, и разговоры о національномъ языкѣ не принимали характера спора. Все измѣнилось, какъ только «Maalmaend» образовали въ парламентѣ, въ самыхъ нѣдрахъ парламентской лѣвой, спеціальную партію. Проникнутые идеей, что этотъ языкъ,— только недавно реставрированный, — можетъ сдѣлаться орудіемъ интеллектуальной жизни современной націи, группа «Maalmaend» потребовала введенія обязательнаго обученія «новаго норвежскаго языка» въ школахъ, лицеяхъ и даже въ университетѣ Христіаніи. Это требованіе ясно указываетъ, что «Maalmaend» стремятся не только къ тому, чтобы обезпечить новому языку соот-

вѣтствующее мѣсто въ литературѣ, но желаютъ мало-по-малу окончательно изгнать оффиціальный датскій языкъ изъ общаго употребленія.

Такое постановленіе вызвало горячій протестъ среди сторонниковъ прежняго порядка вещей, и подъ предсѣдательствомъ Бьорнсона состоялось нѣсколько весьма шумныхъ митинговъ, на которыхъ была вотирована резолюція, требующая отмѣны обязательнаго преподаванія національнаго языка въ школахъ. Это произвело расколъ между двумя группами оппозиціи, долгое время дѣйствовавшими рука объ руку во всѣхъ своихъ антишведскихъ домогательствахъ. Говорятъ, что будущіе парламентскіе выборы весной будутъ уже производиться по вопросу о языкахъ. Разумѣется, шведы-консерваторы очень довольны этимъ движеніемъ и съ удовольствіемъ потираютъ руки, видя, что ихъ непримиримые враги, во главѣ которыхъ находится Бьорнсонъ, начинаютъ уже возставать другъ на друга. Съ той и другой стороны, безъ сомнѣнія, обнаруживаютъ слишкомъ много увлеченія, и страсти разгораются не на шутку. Бьорнсонъ заявилъ на послѣднемъ митингѣ, что возвращеніе къ діалекту «maal» — это возвращеніе ко временамъ варварства. Его противники, съ своей стороны, не могутъ не видѣть въ этомъ постановленіи объ обязательномъ преподаваніи діалекта—признакъ роста мѣстнаго національнаго самосознанія.

Событія германской общественной жизни. Обсужденіе бюджета въ германскомъ рейхстагѣ всегда носитъ характеръ подробнаго и тщательнаго обзора всей внутренней политики страны за истекшій годъ. Поэтому-то преніями о бюджетѣ такъ интересуются всѣ граждане имперіи, такъ какъ въ этихъ преніяхъ подвергаются разсмотрѣнію всѣ важнѣйшіе вопросы государственнаго управленія. Противники милитаризма съ огорченіемъ видятъ, что военные расходы въ бюджетѣ на 1900 г. увеличены на 21½ милліона, да притомъ еще надо ожидать, что экстренные расходы достигнутъ еще большей цифры. А теперь еще предстоитъ, вѣроятно, очень серьезная борьба изъ-за вопроса объ усиленіи флота, о чемъ такъ сильно хлопочетъ императоръ Вильгельмъ, и правительству, какъ всегда, придется упорно отстаивать и бороться за каждую мелочь, такъ какъ противники милитаризма и маринизма, конечно, будутъ энергично возставать противъ того, чтобы сотни милліоновъ были употреблены на новыя пушки и броненосцы.

Въ ожиданіи рѣшенія этого жгучаго вопроса въ газетахъ идетъ ожесточенная полемика за и противъ усиленія флота, впрочемъ, не мѣшающая германской печати отмѣчать каждый фактъ общественной жизни, заслуживающій вниманія. Къ такимъ фактамъ, напримѣръ, причисляется ею открытіе рабочей колоніи «Freistatt» по иниціативѣ пастора Бодельшвинга. Колонія основана въ Ганноверской провинціи съ цѣлью дать рабочимъ, не имѣющимъ заработка, а также юношамъ, «нуждающимся въ исправленіи», возможность обезпечить себѣ существованіе и заработать кусокъ хлѣба честнымъ трудомъ. Основатели колоніи постановили принципомъ полную свободу труда. Никакого принужденія къ труду не допускается, и только желающіе трудиться могутъ селиться въ колоніи. Колонія владѣетъ участкомъ земли въ 7.500 гектаровъ, но земля эта невоздѣланная и преимущественно болотистая, требующая культуры и усиленнаго труда. Для рабочихъ, временно нуждающихся въ заработкѣ, особенно въ зимнее время, выстроенъ баракъ, разсчитанный на помѣщеніе 30 человѣкъ. А для юныхъ питомцевъ колоніи, которые должны пріучаться къ труду, и при его помощи создать себѣ обезпеченное положеніе, выстроено большое зданіе, гдѣ могутъ помѣститься 20 человѣкъ и надзиратель или, какъ его называютъ въ колоніи, «Hausvater». Кромѣ этихъ двухъ зданій, имѣются, конечно, всѣ хозяйственныя постройки. Прежде всего, колонисты должны будутъ заняться прокладкою дорогъ и осушкою почвы, которая предназначается для культуры. З

также добычею торфа и приготовленія изъ него топлива. Колонія только что открыта и, конечно, о ея дѣятельности еще ничего нельзя сказать, но нѣсколько человѣкъ безработныхъ уже нашли въ ней пріютъ.

Недавно во Франкфуртѣ праздновался юбилей мѣстнаго литературнаго общества, который былъ настоящимъ торжествомъ печати. Самымъ знаменательнымъ фактомъ этого торжества было привѣтствіе, произнесенное депутаціей отъ народныхъ учителей. Депутація эта указала на важную роль печати въ дѣлѣ народнаго образованія и назвала печать—«союзницей школы». Также точно и бургомистръ города Франкфурта прославлялъ въ своей рѣчи печать, какъ важнѣйшую сотрудницу самоуправленія. «Печать пробудила въ нѣмецкомъ народѣ уваженіе къ правамъ человѣка и сознаніе своихъ обязанностей передъ общиной и страной,—сказалъ онъ.—Печать поднимаетъ голосъ за слабыхъ и говоритъ о долгѣ передъ народомъ, и если это проникло съ сознаніе современнаго общества, то лишь благодаря широкому вліянію печати».

Изъ множества рѣчей, произнесенныхъ на юбилейномъ банкетѣ, выдавалась рѣчь предсѣдателя общества, д-ра Герта, который обрисовалъ дѣятельность журналиста и въ особенности газетнаго писателя. «Профессія эта требуетъ не только знанія и упорнаго труда, но и умѣнья быстро формулировать свои мысли и отдѣльныя положенія. Газетному дѣятелю,—сказалъ Гертъ, подчасъ совершенно некогда тщательно обдумать форму и отдѣльныя положенія своего произведенія, но такъ какъ онъ сознаетъ свою отвѣтственность передъ огромною аудиторіей, къ которой обращается, то для честнаго публициста это служитъ часто источникомъ большихъ душевныхъ мукъ. Хорошо еще, если дѣятельность журналиста свободна, если она не знаетъ тѣхъ препятствій и путъ, которые представляютъ остатки отдаленной эпохи, той эпохи, когда мысль встрѣчала преграды на каждомъ шагу, и дѣятельность независимаго журналиста признавалась вредной и опасной!»

Далѣе ораторъ распространился объ облагораживающемъ и гуманизирующемъ вліяніи печати на всѣ общественныя отношенія и на жизнь народа. «Не легка профессія журналиста,—воскликнулъ онъ въ заключеніе,—но какъ много она даетъ отрады и какою гордостью должно наполняться сердце публициста при мысли, что перо въ его рукахъ служитъ святымъ оружіемъ за правду и добро!»

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue des Revues». — «Nineteenth Century». — «Contemporary Review», — «Popular Science Monthly».

Въ Англіи всѣ учрежденія, имѣющія цѣлью народное образованіе, были основаны внѣ какихъ-либо политическихъ партій: на этомъ поприщѣ сходились люди самыхъ разнообразныхъ политическихъ воззрѣній. Но въ другихъ странахъ, напримѣръ, въ Германіи и Бельгіи, инициатива въ этомъ отношеніи принадлежала соціалистамъ. «Revue des Revues» въ статьѣ о народныхъ университетахъ во Франціи и за границей говоритъ, что законъ о соціалистахъ, навязанный въ 1878 году Германіи волею желѣзнаго канцлера, вызвалъ среди рабочихъ усиленное стремленіе къ интеллектуальному труду, выразившееся образованіемъ различныхъ обществъ, литературныхъ и другихъ, организовавшихъ рядъ публичныхъ чтеній по разнымъ научнымъ, историческимъ и философскимъ вопросамъ. Чтобы избѣгнуть полицейскихъ затрудненій, клубы эти были названы литературными именами, напримѣръ: клубъ Лессинга, Гёте и др. Около 1889 г. было основано дарвиновское общество, которое должно было служить фундаментомъ для рабочаго университета. Въ статутахъ этого общества существовалъ пара-

графъ, ограничивающій число его членовъ,—что, по мнѣнію его организатора Поля Эрнста, было необходимо «для того, чтобы лекторъ въ состояніи былъ лично ознакомиться съ каждымъ изъ своихъ слушателей». Въ этомъ обществѣ допускались пренія о прочитанномъ, слушатели спрашивали разъясненія, если какое-нибудь мѣсто рѣчи оратора осталось для нихъ неяснымъ, и иногда возникали довольно горячіе дебаты. Вопросы, подвергавшіеся обсужденію въ этомъ обществѣ, принадлежали часто къ области очень серьезныхъ проблемъ философіи. Эта попытка организаціи рабочаго университета заглохла, впрочемъ, въ самомъ началѣ, вслѣдствіе отмѣны закона о соціалистахъ (1890 г.), вызвавшей необычайное оживленіе политической жизни, развитіе политическихъ обществъ, синдикатовъ и образованіе новыхъ группировокъ.

Но тѣмъ не менѣе, наряду съ организаціей этическаго общества, состоящаго изъ рабочихъ, и общества распространенія народнаго образованія, были основаны два учрежденія, носящія образовательный характеръ: свободный народный театръ и родъ рабочаго университета въ Берлинѣ, который возникъ вслѣдствіе желанія централизаціи всѣхъ клубовъ чтенія и различныхъ образовательныхъ обществъ. Иниціатива этаго проекта принадлежала Либкнехту, который сумѣлъ сгруппировать около себя четыре тысячи сторонниковъ. Такимъ образомъ, была основана «школа для рабочихъ», которая должна была, по словамъ Либкнехта, «пополнить пробѣлы, оставленные народною школой въ образованіи рабочаго, но отнюдь не дѣлать изъ него ученаго и не обременять его голову безполезными познаніями».

Въ 1891 г. эта школа уже насчитывала 3.600 членовъ, которые вносили ежемѣсячно 25 пфенниговъ. Лекціи были организованы въ четырехъ берлинскихъ училищахъ въ различныхъ кварталахъ Берлина. Въ программу входила исторія, политическая экономія, естественныя науки и т. п. Открытіе библіотеки и дѣятельная пропаганда въ пользу этого дѣла пріобрѣла ему еще многихъ сторонниковъ, и въ 1892 г. число членовъ школы возросло до 5.000. Однако, несмотря на такое удачное начало, школа все-таки погибла вслѣдствіе матеріальныхъ затрудненій, такъ что, въ сущности, въ Германіи еще не было открыто настоящаго народнаго университета, и это будетъ дѣломъ будущаго.

Въ Бельгіи, какъ и въ Германіи, рабочая партія была иниціаторомъ движенія въ пользу народнаго образованія. Бельгійская рабочая партія вообще обнаруживаетъ большую заботливость о нравственномъ и умственномъ подъемѣ народныхъ массъ. Съ этою цѣлью былъ основанъ въ 1892 году «Maison du peuple», гдѣ теперь устраиваются разные курсы, но самое разнообразіе этихъ курсовъ вредитъ ихъ успѣху. Кромѣ того, въ Шарльруа открытъ народный университетъ, пока еще не оправдавшій всѣхъ возложенныхъ на него надеждъ. Лекціи читаются въ школахъ по вечерамъ въ будніе дни или же по воскреснымъ днямъ. Многочисленные курсы, организованные въ 1893 году двумя профессорами брюссельскаго университета, Вандервельде и Леклеркомъ, больше всего подходятъ къ тому, что въ Англіи называется «University Extension». Въ первый же годъ 25 курсовъ, составлявшіе вмѣстѣ 183 лекціи, привлекли четыре тысячи слушателей. Несмотря на расколъ, возникшій между профессорами брюссельскаго университета, несмотря на образованіе новаго университета («Université nouvelle), эти курсы продолжались, и теперь существуютъ параллельно два общества «University Extension», такъ какъ, не взирая на политическія разногласія, всѣ рѣшительно убѣждены въ необходимости народнаго образованія, дополняющаго то, которое было получено въ школѣ.

Такую же полезную дѣятельность въ области народнаго образованія обнаруживаютъ и различныя кооперативныя общества, представляющія многочисленныя библіотеки въ распоряженіе своихъ членовъ и устраивающія различныя народныя развлеченія, концерты, собранія и т. п. съ образовательными цѣлями

Въ «Nineteenth Century» напечатана статья, подъ заглавіемъ: «Негръ о положеніи негровъ въ Америкѣ». («A Negro of the position of the Negro in America»), въ которой чрезвычайно мрачными красками описывается положеніе черной расы и тѣ преслѣдованія и несправедливости, которыя ей приходится выносить въ Соединенныхъ Штатахъ. Авторъ ставитъ вопросъ: «свободны ли негры въ Америкѣ?» И съ жаромъ восклицаетъ: «нѣтъ!». Онъ приводитъ множество доказательствъ и фактовъ, подтверждающихъ это, и заставляетъ читателя преклониться передъ силою своей аргументаціи. Во многихъ отношеніяхъ положеніе негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ нисколько не лучше того, которое было до войны за освобожденіе, въ особенности въ южныхъ штатахъ, гдѣ до сихъ поръ существуетъ особый родъ замаскированнаго рабства—система отдачи въ наймы преступниковъ. Когда сѣверное войско разрушило тюрьмы въ южныхъ штатахъ, то южане, разоренные войной, не могли ихъ отстроить и такъ какъ имъ негдѣ было держать преступниковъ, то они стали отправлять ихъ на работы въ рудники, фермы, фабрики и т. п. Эта система оказалась вполнѣ удобной для сохраненія рабства въ его первобытной формѣ и даже теперь, когда они могли бы выстроить тюрьмы, южане продолжаютъ придерживаться ея. Превратить свободнаго негра въ подобнаго раба не трудно, стоитъ только обвинить его въ какомъ-нибудь преступленіи. Отъ обвинителя не требуется никакихъ особенныхъ доказательствъ, часто довольно бываетъ одного заявленія, что негръ совершилъ преступленіе. Если это заявленіе дѣлаетъ бѣлый, то онъ встрѣчаетъ полное довѣріе со стороны властей, и бѣдный негръ, часто даже не знающій хорошенько въ чемъ его обвиняютъ, долженъ представить неопровержимыя доказательства своей невинности, а такъ какъ это необыкновенно трудно сдѣлать въ южныхъ штатахъ, то его отсылаютъ въ тюрьму, а оттуда на работы къ какому-нибудь частному лицу, который нанимаетъ его у государства. Эта система приноситъ государству хорошій доходъ, но она очень тяжело отзывается на черной расѣ. Негра отправляютъ въ тюрьму за самомалѣйшій проступокъ и если онъ побывалъ въ ней, хоть самое короткое время, то лишается уже навсегда права голоса. По одной этой причинѣ бѣлые стремятся отправить, какъ можно больше, негровъ въ тюрьму.

Авторъ ужасными красками описываетъ жизнь такихъ подневольныхъ работниковъ. Хозяева обращаются съ ними, какъ съ рабочимъ скотомъ, и заботятся о нихъ еще меньше, чѣмъ они заботились о прежнихъ рабахъ, такъ какъ рабъ представлялъ собою все-таки нѣкоторую цѣнность, а такой наемный арестантъ ничего не стоитъ, потому что, въ случаѣ смерти или увѣчья одного изъ нихъ, онъ тотчасъ же можетъ быть замѣненъ другимъ безъ убытка для хозяина.

Расовой антагонизмъ существуетъ рѣшительно во всѣхъ учрежденіяхъ южныхъ штатовъ и вездѣ введена демаркаціонная линія (Colour line), переступать, которую неграмъ не дозволено. Негръ платитъ и за университеты, и библіотеки, но пользуются ими только бѣлые. Таково положеніе въ южныхъ штатахъ, гдѣ притомъ до сихъ поръ еще царитъ законъ Линча, со всѣми его ужасами. Профессоръ коллегіи Тускеджи, Букеръ Вашингтонъ, говоритъ, что за послѣдніе шесть лѣтъ около 900 человѣкъ подвергнуты были расправѣ по закону Линча. Эти страшныя цифры должны бы заставить обратить вниманіе на зло, которое ложится позорнымъ пятномъ на американскую цивилизацію и унижаетъ ее.

Въ сѣверныхъ штатахъ положеніе негровъ, конечно, гораздо лучше: тамъ они не подвергаются такому остракизму, но все же оно оставляетъ желать многаго. Авторъ, впрочемъ, надѣется на то, что расовая проблема въ Соединенныхъ Штатахъ будетъ рѣшена въ духѣ справедливости и гуманности. «Больше тридцати тысячъ мужчинъ и женщинъ черной расы,—говоритъ онъ въ заключеніе,—имѣетъ уже ученыя степени, полученныя ими въ различныхъ воспитательныхъ учрежденіяхъ, и энергично трудятся съ цѣлью возвышенія своей

расы въ нравственномъ, умственномъ, религіозномъ и промышленномъ отношеніяхъ. Міръ движется впередъ, а не назадъ; онъ не можетъ остановиться и на одномъ мѣстѣ. Негръ усердно трудится, чтобы завоевать себѣ мѣсто человѣка въ американскихъ учрежденіяхъ и американской жизни,—и онъ долженъ рано или поздно достигнуть этого!»

Г-жа Мелегари описываетъ въ «Contemporary Review» положеніе женщинъ въ Италіи и усилія, которыя дѣлаются въ этой странѣ въ пользу женской эмансипаціи. По словамъ автора, въ особенности въ южной Италіи сохраняются въ неприкосновенности старинныя традиціи, ставящія женщину въ подчиненное положеніе. Женская эмансипація туда еще не проникла и во многихъ городахъ южной Италіи вопросъ о развитіи женщинъ даже не возбуждается никѣмъ. Но въ сѣверной Италіи эмансипація сдѣлала довольно значительные успѣхи, хотя, разумѣется, и рѣчи не можетъ быть о женскомъ движеніи въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ въ Германіи и Англіи. Тѣмъ не менѣе, въ итальянскихъ университетахъ, открывшихъ свои двери женщинамъ, насчитывается уже въ настоящее время 140 студентокъ. «Но, къ несчастью для передовыхъ итальянскихъ женщинъ,—прибавляетъ авторъ,—онѣ именно среди женщинъ встрѣчаютъ меньше всего сочувствія своимъ идеямъ и стремленіямъ. Мужчины смѣются, зубоскалятъ, скептически относятся къ стремленіямъ женщинъ добиться самостоятельности и независимости, но, въ общемъ, не препятствуютъ имъ и не воздвигаютъ никакихъ непреодолимыхъ преградъ на ихъ пути. Въ числѣ современныхъ писателей, журналистовъ встрѣчается не мало сочувствующихъ идеѣ женской эмансипаціи. Два современныхъ юмориста, Гандолинъ и Вомба—убѣжденные феминисты. Во всякомъ случаѣ, если какая-нибудь итальянская женщина напишетъ умную книгу или нарисуетъ хорошую картину, то она можетъ быть увѣрена, что встрѣтитъ поддержку именно среди мужчинъ, которые будутъ поощрять и одобрять ее похвалами. Но женщины, въ большинствѣ случаевъ, отнесутся вполнѣ равнодушно къ такому проявленію знанія, трудолюбія или талантливости со стороны одной изъ ихъ соотечественницъ. Такимъ образомъ, ни одна итальянка въ борьбѣ за свою самостоятельность, не можетъ разсчитывать на поддержку и сочувствіе своихъ сестеръ, другихъ женщинъ. Впрочемъ, и сами эти піонерки очень мало интересуются мнѣніемъ женщинъ о своемъ поведеніи. Поэтому среди итальянскихъ женщинъ нѣтъ никакой солидарности въ стремленіи къ прогрессу. Это обстоятельство и является главнымъ препятствіемъ, мѣшающимъ успѣхамъ женской эмансипаціи въ Италіи.

Профессоръ Бруксъ, изъ американскаго университета «John Hopkins» подводитъ итоги XIX вѣку, въ журналѣ «Popular Science» и дѣлаетъ краткій обзоръ успѣховъ, достигнутыхъ въ области интеллектуальнаго прогресса. Онъ ссылается на слова Уоллеса, который сказалъ, что наслѣдіе, получаемое, XX вѣкомъ въ этомъ отношеніи очень велико,—гораздо больше, чѣмъ то, которое было получено XIX вѣкомъ отъ другихъ столѣтій. Авторъ называетъ XIX вѣкъ «удивительнымъ столѣтіемъ» (wonderful Century). Но, къ сожалѣнію, этотъ вѣкъ ознаменовался также очень многими и весьма серьезными упущеніями и ошибками какъ въ интеллектуальномъ, такъ и въ соціальномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Многіе изъ великихъ современныхъ мыслителей сомнѣваются даже, въ виду такихъ ужасныхъ ошибокъ, которыя ложатся пятномъ на цивилизацію XIX вѣка, можно ли считать конечные результаты цѣлой вѣковой работы благодѣтельными для человѣчества? «Въ самомъ дѣлѣ, восклицаетъ авторъ, гигіеническая наука сдѣлала громадные успѣхи въ XIX вѣкѣ, а, между тѣмъ, мы допускаемъ огромную часть человѣчества жить и работать въ такихъ ус-

віяхъ, которыя способствуютъ въ значительной степени укороченію человѣческой жизни. Въ безумной погонѣ за богатствомъ мы сдѣлали золото болѣе священнымъ, нежели человѣческая жизнь. Мы создали такія тяжелыя условія человѣческой жизни, что самоубійства, сумасшествія и преступленія все возрастаютъ. Стремленіе къ наживѣ вызвало безразсудное потребленіе запасовъ природы; уничтожаются вѣковые лѣса, что ведетъ часто къ печальнымъ послѣдствіямъ, расходуются самымъ расточительнымъ образомъ минеральныя богатства земной поверхности, продукты давно прошедшихъ временъ и геологическихъ переворотовъ. И все это дѣлается лишь въ интересахъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ, безъ малѣйшаго помысла о долгѣ относительно грядущихъ поколѣній! Несмотря на громадные успѣхи промышленности и на то, что мы подчинили себѣ силы природы, борьба за существованіе приняла еще болѣе ожесточенный характеръ и нищета возрастаетъ наряду съ богатствами».

Но самое ужасное зло, которое получаетъ въ наслѣдіе XX вѣкъ—это возрожденіе духа войны. Всѣ націи сгибаются подъ непосильнымъ бременемъ военныхъ расходовъ. Флотъ и армія постоянно увеличиваются. Изобрѣтательность человѣческаго ума изощряется на устройствѣ смертоносныхъ орудій и снарядовъ и успѣхи науки и техники находятъ широкое примѣненіе въ этой области. Какою насмѣшкою надъ цивилизаціей являются всѣ эти націи, вооруженныя съ ногъ до головы и только ожидающія удобнаго случая, чтобы броситься другъ на друга! Опустошенія, которыя производили въ средніе вѣка и въ древности разные тираны и завоеватели, повторяются и теперь. По словамъ Уолласа, весь міръ представляетъ теперь не что иное, какъ игорный столъ. Но какъ игра дѣйствуетъ деморализующимъ образомъ на отдѣльныхъ индивидовъ, такъ и эта жажда власти и могущества деморализуетъ правительство. Благополучіе народа совсѣмъ не принимается во вниманіе или лишь постольку, поскольку это нужно, чтобы народъ исправно уплачивалъ налоги...

Свой обвинительный актъ противъ XIX вѣка авторъ заканчиваетъ словами, что великою задачею XX вѣка должно быть обузданіе всѣхъ этихъ разгулявшихся страстей и аппетитовъ ради высшихъ и лучшихъ цѣлей, къ которымъ должно стремиться человѣчество.

Что такое «образованный человѣкъ»?

Американскій журналъ для самообразованія «The Chautauquan» разослалъ для опроса выдающимся людямъ слѣдующіе четыре вопроса:

1) Что вы считаете самымъ характернымъ отличіемъ образованнаго человѣка отъ необразованнаго?

2) Какими особыми преимуществами отличается человѣкъ, прошедшій курсъ школьнаго ученія, передъ такъ называемыми самоучками?

3) Какими средствами лучше всего можно возмѣстить отсутствіе школьнаго образованія?

4) Въ чемъ должно заключаться различіе женскаго образованія отъ мужскаго?

Наиболѣе поучительные отвѣты, въ числѣ десяти, напечатаны въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ журнала. Изъ числа этихъ отвѣтовъ четыре принадлежатъ директорамъ университетовъ и колледжей (Eliot, Hadley, Faunce, Barrows), два — популярнымъ писателямъ и педагогамъ (Everett Hale, Moody), два — крупнымъ практическимъ дѣльцамъ (Alexander, Studebaker) и два—женщинамъ, пользующимся широкой извѣстностью (Wright Sewall, Alice Palmer).

Вмѣсто того, чтобы приводить самые отвѣты съ неизбѣжными повтореніями въ случайной и отрывочной формулировкѣ, намъ кажется, будетъ удобнѣе пред-

*

ставить общую характеристику американскихъ взглядовъ на вопросы образованія по намѣченнымъ четыремъ пунктамъ.

Первымъ условіемъ истиннаго образованія единодушно признается самодѣятельность. Образованный человѣкъ отличается отъ необразованнаго вовсе не дипломами, аттестатами, учеными степенями; образованіе не измѣряется программою пройденнаго курса; формальное и пассивное усвоеніе учебнаго матеріала не даетъ права называться образованнымъ человѣкомъ. «Ученые часто бываютъ наименѣе образованными людьми, и въ то же время истинно образованные люди очень часто не прошли никакой школы». «Учебныя заведенія даютъ только разнообразныя средства, съ помощью которыхъ всякій долженъ самъ создать свою культуру». Для иллюстраціи редакція журнала приводитъ слѣдующія слова Генри Друммонда: «есть одинъ человѣкъ, который почти ослѣпъ, работая послѣдніе два года надъ микроскопомъ. За это время онъ открылъ два новыхъ факта и надѣется на будущій годъ открыть еще одинъ. А, между тѣмъ, въ микрографическомъ словарѣ приведено, описано и иллюстрировано три тысячи фактовъ, которыхъ онъ совсѣмъ не знаетъ. И несмотря на это, онъ правъ. Эти три факта имѣютъ для него гораздо больше значенія, чѣмъ остальные три тысячи, и не потому, что они доставили ему извѣстность, а потому, что они заставили его самостоятельно поработать. Они завлекли, они двигали его впередъ, заставляли напрягать энергію, другими словами, они его воспитали, ибо воспитаніе (или, вѣрнѣе, образованіе) и есть постепенное, тщательное и гармоническое развитіе нашихъ способностей».

Переходя къ описанію типическихъ чертъ образованнаго человѣка, авторы отвѣтовъ указываютъ, прежде всего, на широту его взглядовъ, на глубину и разнообразіе интересовъ. Необразованный человѣкъ живетъ въ ограниченной и узкой сферѣ интересовъ и симпатій: его затрогиваетъ только то, что близко его касается; такъ, онъ интересуется своей семьей, своимъ ремесломъ, своимъ приходомъ, роднымъ городомъ и страной и глухъ ко всему, что лежитъ за предѣлами этого тѣснаго круга. Поэтому онъ «провинціаленъ» въ своихъ чувствахъ и односторонневъ въ сужденіяхъ; притомъ, вслѣдствіе бѣдности опыта онъ или неповоротливъ и упоренъ въ своихъ мнѣніяхъ, или же, наоборотъ, легкомысленъ и падокъ на всякія новыя ученія, въ которыхъ не умѣетъ критически разобраться. Въ противоположность этому, образованный человѣкъ обладаетъ умомъ гибкимъ, свободнымъ, открытымъ вліянію чуждыхъ взглядовъ, способнымъ легко овладѣвать новыми фактами и ученіями, опредѣлять ихъ относительную цѣнность и затѣмъ дѣлать своимъ достояніемъ.

Гораздо выше реальнаго содержанія, которое даетъ образованіе, американцы цѣнятъ ту дисциплину ума, которая является результатомъ образованія. Изученіе различныхъ наукъ развиваетъ различныя стороны умственной дѣятельности: съ одной стороны, научаетъ правильно наблюдать и дѣлать правильные выводы; съ другой—развиваетъ способность разсуждать и анализировать. наконецъ, вырабатываетъ умѣнье понимать относительную цѣну явленій, видѣть истинную пропорцію вещей и не жертвовать цѣлымъ ради части. Образованный человѣкъ не даетъ себя во власть отдѣльнымъ фактамъ, онъ умѣетъ возвышаться надъ частностями къ общему; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ умѣетъ обнять предметъ во всей его реальной обстановкѣ, схватить весь комплексъ связанныхъ между собой явленій, выдѣляя въ немъ рядъ причинъ и послѣдствій. Параллельно съ этимъ, образованіе изощряетъ рѣчь; выраженія становятся болѣе точными, словарь—болѣе богатымъ и разнообразнымъ, общій стиль—болѣе изящнымъ и утонченнымъ.

Практическіе дѣятели (business men) взглянули на образованіе со своей спеціальной точки зрѣнія, именно, какъ на подготовительную школу для чисто практической дѣятельности, придавая исключительное значеніе воспитанію воли.

Поэтому преимущество образованія они сводятъ къ слѣдующему: 1) *Способности сосредоточить вниманіе на одномъ дѣлѣ.* Извѣстно, въ какой неудобной обстановкѣ происходитъ по большой части практическая работа, какая масса перерывовъ, уклоненій въ сторону, отвлеченій постоянно разбиваетъ вниманіе, направленное на дѣло: поэтому нужна необычайная сила сосредоточенія, чтобы, вопреки всѣмъ препятствіямъ, не терять нить работы. 2) *Постоянству усилій.* Практическое дѣло часто представляетъ очень сложныя и запутанныя задачи, которыя надо вынашивать въ умѣ цѣлыми недѣлями, прежде чѣмъ остановиться на опредѣленномъ рѣшеніи. Дисциплинированный умъ привыкъ предварительно обдумать, составить себѣ планъ работы и затѣмъ уже приступить къ дѣятельности, между тѣмъ какъ лишенный такой дисциплины человѣкъ, безъ всякой предварительной подготовки, подходитъ къ работѣ и среди горячки и сумятицы самаго дѣла принужденъ обдумывать его дальнѣйшій планъ, что, конечно, не можетъ не отражаться на успѣшности результатовъ. 3) *Способности систематическаго выполненія работы.* Образованный человѣкъ можетъ охватить лежащую передъ нимъ практическую задачу въ цѣломъ, во всей совокупности различныхъ отношеній и развѣтвленій, какъ бы сложны они ни были. При этомъ онъ умѣетъ привлечь къ работѣ всѣ находящіеся въ его распоряженіи ресурсы—память, воображеніе, волю, чувство, опытность, и нечего и говорить, что такая концентрированная работа будетъ производительнѣе всякой другой.

Формальный характеръ, который придается образованію, выражается и въ слѣдующемъ опредѣленіи образованнаго человѣка: образованный человѣкъ обладаетъ умѣніемъ дѣлать то, чего онъ никогда не дѣлалъ, ибо, если образованіе и не даетъ всѣхъ нужныхъ знаній, оно научаетъ, гдѣ найти эти знанія.

Въ свою очередь, и женщины прибавили нѣсколько своеобразныхъ штриховъ въ характеристику образованнаго человѣка. Онѣ внесли въ оцѣнку образованія морально-практическую точку зрѣнія, разсматривая его со стороны нравственнаго достоинства и тѣхъ шансовъ на счастье, которые оно даетъ. Конечно, и въ другихъ отвѣтахъ попадаются указанія на моральное значеніе образованія, но въ отвѣтахъ женщинъ эти указанія занимаютъ гораздо болѣе важное мѣсто. Культура ума научаетъ подниматься отъ частнаго и конкретнаго къ общему и и отвлеченному, поэтому образованный человѣкъ всегда болѣе склоненъ къ идеализму. Широкое знакомство съ настоящимъ и углубленіе въ прошлое показываетъ ему въ яркихъ примѣрахъ «красоту терпимости, силу симпатіи» и развиваетъ стремленіе къ высшему и благородному. При всемъ этомъ, знаніе открываетъ много новыхъ источниковъ счастья, возбуждаетъ рядъ высокихъ и тонкихъ эмоцій въ тѣхъ случаяхъ, когда необразованный человѣкъ остается тупымъ и нечувствительнымъ, и, наоборотъ, даетъ самообладаніе въ тѣхъ положеніяхъ, въ которыхъ невѣжда поддается ложнымъ страхамъ и теряется. Наконецъ, открывая иные пути къ счастію и наслажденіямъ, образованіе освобождаетъ человѣка отъ того рабства передъ деньгами, которое царитъ въ необразованной средѣ; вмѣстѣ съ этимъ отпадаетъ и та кора грубости и эгоизма, которая наростаетъ очень часто на нетронутой культурой почвѣ. Въ концѣ концовъ, истинное образованіе научаетъ настоящей скромности. Съ этими сокровищами ума и сердца, человѣку легче вступать въ старческій возрастъ, въ нихъ онъ сохраняетъ лучше достояніе своей юности.

При разборѣ отвѣтовъ на второй вопросъ (преимущество прошедшаго школу передъ самоучкой), нужно сдѣлать оговорку. Различіе между школьнымъ образованіемъ и самообразованіемъ проводится на сравнительно высокихъ ступеняхъ, т. е. разумѣется прохожденіе курса колледжа (соотвѣтствующаго приблизительно старшимъ классамъ нашихъ гимназій и первымъ курсамъ университетовъ), предполагая, съ американской точки зрѣнія, что первоначальной школы не минуетъ никто. Можетъ показаться страннымъ, что нѣкоторые корреспонденты не на-

ходятъ никакихъ преимуществъ въ школьномъ образованіи; но, прилагая американскую мѣрку, мы найдемъ это довольно понятнымъ. Мы уже видѣли, что американцы выше всего цѣнятъ самостоятельность, а между тѣмъ, какъ бы школа ни старалась развивать въ ученикахъ самостоятельность въ работѣ, она едва ли можетъ довести эту самостоятельную работу до той степени напряженія и самобытности, до какой доходитъ человѣкъ, предоставленный самому себѣ. Конечно, при этомъ предполагается одно необходимое условіе, что человѣкъ, дошедшій одинъ, безъ всякаго руководства, до сравнительно сложныхъ отдѣловъ наукъ (соотвѣтствующихъ курсу колледжей), долженъ обладать и интересомъ, и энергіей, и способностями выше среднихъ. Однимъ корреспондентомъ высказано даже такое мнѣніе, что при настоящей нераціональной постановкѣ средней школы въ Америкѣ было бы очень грустно, если бы вся молодежь проходила черезъ колледжи. Къ чему отдавать четыре лучшихъ года жизни на изученіе греческаго, латинскаго языковъ и математики? Запросы жизни гораздо шире того, что даетъ архаическая система школьной педагогіи.

Впрочемъ, большинство находитъ неоспоримыя преимущества за школьнымъ образованіемъ,—именно въ двухъ отношеніяхъ: 1) въ отношеніи умственной дисциплины, 2) во вліяніи товарищества. Систематическое прохожденіе наукъ даетъ извѣстную формальную выправку уму и научаетъ мыслить систематически. Затѣмъ, не малое значеніе имѣетъ и выборъ въ преподаваніи всего лучшаго и наиболѣе важнаго въ литературѣ, исторіи и другихъ наукахъ, тогда какъ знанія самоучки носятъ случайный характеръ. Онъ идетъ ощупью, часто набираетъ много лишнихъ и несущественныхъ свѣдѣній и упускаетъ важное и нужное. Слѣдствіемъ этого бываетъ недостатокъ самоувѣренности, очень важнаго рычага въ практической дѣятельности. Далѣе, школьное преподаваніе развиваетъ способность критики, такъ какъ оно предоставляетъ въ распоряженіе учащагося массу фактовъ, съ помощью которыхъ онъ можетъ провѣрить правильность обобщеній и выводовъ. Наконецъ, указываютъ на плодотворность занятій съ пылкими юношами и энтузіастами-преподавателями: такихъ поощряющихъ стимуловъ не можетъ дать печатная книга.

Вліяніе товарищества, вообще вліяніе школьной атмосферы признается очень важнымъ. Въ школѣ завязываются дружескія отношенія на возвышенной основѣ—во имя преслѣдованія общихъ умственныхъ интересовъ, и эти связи часто держатся потомъ всю жизнь. Среда товарищества нравственно воспитываетъ человѣка, образуетъ характеръ, сбиваетъ мѣстныя особенности, провинціальную угловатость, возбуждаетъ честолюбіе, заставляетъ опредѣлить свое мѣсто въ ряду другихъ, чѣмъ сбавляетъ самомнѣніе и эгоизмъ и расширяетъ кругъ симпатій—все это трудно пріобрѣсти какимъ-либо инымъ путемъ. Вообще, прожить нѣсколько лѣтъ въ атмосферѣ юношескаго чистосердечія, правдивости и честности — не малое благо. Важное преимущество составляетъ также возможность узнать учителей—людей высшаго умственнаго и нравственнаго уровня, научиться уважать ихъ и поработать нѣсколько лѣтъ подъ ихъ руководствомъ.

Практики, съ своей точки зрѣнія, конечно, отдаютъ безусловное предпочтеніе школѣ, именно вслѣдствіе той дисциплины ума и воли, о которой была рѣчь выше. По ихъ мнѣнію, выдвинуться въ сферѣ практической дѣятельности—человѣку, не получившему школьнаго образованія, очень трудно, — несмотря на всѣ усилія, онъ едва ли сможетъ подняться надъ средними ступенями.

Матеріалъ, заключающійся въ отвѣтахъ на третій вопросъ (какими средствами возмѣстить отсутствіе школьнаго образованія), распадается на двѣ части, соотвѣтственно тому, идетъ ли рѣчь о замѣнѣ школы, какъ учебнаго или какъ воспитательнаго учрежденія. Само собой разумѣется, что въ первомъ случаѣ рекомендуется постоянное, систематическое чтеніе по извѣстной программѣ, при непремѣнномъ условіи идти впередъ только тогда, когда чувствуешь себя крѣпко

на предыдущихъ ступеняхъ. Конечно, очень желательно руководство компетентныхъ лицъ съ провѣркой усвоеннаго, затѣмъ полезно слушаніе лекцій, участіе въ дебатахъ. Америка (и Россія, прибавимъ отъ себя) обладаетъ учрежденіями, подобными Шотоквѣ, предлагающими систематическое чтеніе подъ руководствомъ опытныхъ лицъ и послѣдовательный рядъ общеобразовательныхъ публичныхъ курсовъ. При умѣломъ пользованіи чтеніе газетъ и журналовъ служитъ важнымъ образовательнымъ средствомъ. Такъ какъ самообразованіе имѣетъ опасную тенденцію — держать человѣка въ узкомъ и одностороннемъ кругѣ интересовъ, то ради противодѣйствія этому нужно читать газеты разныхъ политическихъ партій, знакомиться съ людьми несогласныхъ съ вами воззрѣній—это расширяетъ и укрѣпляетъ взгляды. Далѣе, совѣтуютъ извлекать пользу изъ всякаго знакомства, изъ всякой случайной встрѣчи, такъ какъ каждый человѣкъ непремѣнно знаетъ что-нибудь, чего мы не знаемъ, и, значитъ, можетъ сообщить что-нибудь поучительное. Чтобы упражнять самодѣятельность, рекомендуется какое-нибудь серьезное спеціальное занятіе. все равно практическое или теоретическое, искусство или наука. Но указать точный планъ и программу самообразованія невозможно, такъ какъ они обусловливаются индивидуальными особенностями человѣка, его вкусами, окружающей обстановкой, житейскими обстоятельствами, количествомъ досуга, который онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи, тѣмъ, какую цѣль онъ ставитъ себѣ въ жизни и т. д.

Воспитательную роль товарищества и учителей труднѣе возмѣстить чѣмъ-либо помимо школы. Въ этомъ отношеніи даются общіе совѣты—стараться сближаться съ учащейся молодежью, вступать въ общеніе съ умными и образованными людьми и т. п.

Относительно желательной постановки женскаго образованія, всѣ отвѣты вообще сходятся въ томъ, чтобы предоставить женщинамъ всѣ тѣ образовательныя средства, которыми пользуются мужчины, но ни въ какомъ случаѣ не формовать женщину по подобію мужчины. Здѣсь разсужденія о системѣ образованія невольно переходятъ въ болѣе широкій вопросъ о положеніи женщины вообще. Въ напечатанныхъ отвѣтахъ представлены не всѣ современныя теченія въ этомъ вопросѣ. Изъ опасеній корреспондентовъ—мужчинъ, какъ бы образованіе женщины не повело къ разрушенію семьи и того, что у нихъ называется «home», мы можемъ заключить, чтоони находятъ нужнымъ бороться противъ радикальнаго направленія и отстаивать «старинные нравы». Очевидно, призракъ, противъ котораго они борятся, представляется имъ очень сильнымъ, ибо они пространно и обстоятельно толкуютъ о томъ, что «обязанности матери и жены составляютъ вѣнецъ женской жизни, и каждой дѣвушкѣ необходимо внушать подобные взгляды и разбивать мнѣніе, что положеніе замужней женщины есть положеніе рабы». Что касается женщинъ—авторовъ отвѣтовъ,—онѣ принадлежатъ къ болѣе умѣренной партіи въ женской борьбѣ и не могутъ вызвать въ мужчинахъ никакихъ страховъ за разрушеніе семейныхъ устоевъ; онѣ не ждутъ близкаго переворота въ судьбѣ женщины и стараются лишь о томъ, чтобы придумать какіе-нибудь палліативы для пополненія пробѣловъ въ ея образованіи и для облегченія тягостей и неудобствъ ея положенія. Одна изъ нихъ рекомендуетъ усилить преподаваніе исторіи и философіи на слѣдующихъ основаніяхъ: такъ какъ женщина мало живетъ политической жизнью, то она должна восполнять этотъ недостатокъ знакомствомъ съ политическимъ прошлымъ народовъ. Занятія же философіей ей необходимы 1) потому что, по складу своей жизни, она много времени проводитъ въ одиночествѣ, а это для недисциплинированнаго ума представляетъ опасность—погрузиться въ мечтательность и умственную праздность. 2) Занятія философіей научаютъ, между прочимъ, терпѣливости и мужеству, въ чемъ особенно нуждается женщина. 3) Такъ какъ жизнь женщины по большей части наполнена мелочами, и часто очень ничтожными, ей необходимо расширить кру-

горизонтъ и сообщить подъемъ уму широкими обобщеніями, составляющими предметъ философіи.

Что касается техническихъ знаній, то, само собой разумѣется, женщина должна изучать только тѣ, которыя могутъ ей пригодиться: до сихъ поръ она отстранена еще отъ многихъ профессіональныхъ занятій.

Въ итогѣ приходится констатировать преобладаніе формальнаго характера во взглядѣ американцевъ на образованіе. Формулировать вкратцѣ этотъ взглядъ можно словами редакціи «Chautauquan'a»: образованный человѣкъ есть тотъ, кто можетъ дѣлать все наилучшимъ образомъ». Опредѣленіе очень характерное для американцевъ: образованіе цѣнится скорѣе съ точки зрѣнія самого процесса дѣла и дѣятельности, чѣмъ съ точки зрѣнія того содержанія, которое наполняетъ эту дѣятельность и служитъ для нея импульсомъ. Очевидно, въ американской средѣ человѣка дѣлаетъ культурнымъ не столько книга, сколько самая жизнь. Обращаясь къ русской точкѣ зрѣнія, увидимъ, что въ понятіи «образованный человѣкъ» центръ тяжести совершенно перемѣщается: прежде всего образованный человѣкъ есть опредѣленная величина самъ по себѣ, независимо отъ его дѣятельности,—величина, надѣленная помимо извѣстнаго запаса знаній и опредѣленнаго уровня развитія, также и цѣлымъ рядомъ положительныхъ—моральныхъ и общественныхъ принциповъ. Чтобы рѣзкоподчеркнуть, что въ образованіи цѣнится преимущественно его реальное содержаніе, въ русскомъ обществѣ и литературѣ выраженіе «образованный» охотно замѣняется выраженіемъ «интеллигентный» человѣкъ. А. М.

Публичныя библіотеки-читальни въ Англіи.

(Письмо изъ Англіи).

Я едва ли ошибусь, если къ числу наиболѣе интересныхъ учрежденій Лондона и многихъ городовъ Англіи отнесу безплатныя публичныя библіотеки-читальни. Онѣ интересны, во-первыхъ, потому, что открываются по желанію большинства жителей даннаго города и, слѣдовательно, до извѣстной степени самымъ своимъ существованіемъ указываютъ на тотъ интересъ, который мѣстное населеніе питаетъ къ книгѣ, а, во-вторыхъ, онѣ интересны тѣмъ, что по своимъ размѣрамъ, обилію свѣта, прекрасной обстановкѣ, массѣ книгъ, газетъ, журналовъ не оставляютъ желать ничего лучшаго. Англійскія публичныя библіотеки—читальни существуютъ не для какой-нибудь кучки интеллигенціи; нѣтъ, онѣ широко раскрываютъ свои двери для всѣхъ жителей даннаго района. Отъ посѣтителя требуется лишь одно: чтобы онъ соблюдалъ тишину, имѣлъ чистыя руки и не водилъ съ собою собакъ и, кромѣ этого, ничего, ни платы, ни залога; впрочемъ, если подписчикъ — неизвѣстное въ данномъ районѣ лицо, то онъ долженъ представить поручительство какого-нибудь мѣстнаго жителя, если желаетъ взять книги на домъ. И какія это библіотеки! Обширный читальный залъ, посрединѣ котораго возвышаются пюпитры съ газетами; вдоль стѣнъ столъ съ еженедѣльными изданіями; дальше, отдѣльная комната съ журналами и справочными книгами, рядомъ съ нею читальный залъ для дамъ; и сколько свѣта, сколько простора и воздуха, несмотря на то, что съ пяти часовъ вечера народу толпится особенно много. По стѣнамъ висятъ гравюры, стоятъ бюсты писателей и общественныхъ дѣятелей; въ углу подъ стекломъ—какая-нибудь коллекція или раковинъ, или минераловъ, или рѣдкихъ старинныхъ книгъ. Двери читальни гостепріимно открыты съ десяти часовъ утра до девяти вечера, кромѣ праздничныхъ дней, въ которые время посѣщенія читальни сокращено. Вы можете встрѣтить тутъ и нарядную даму, и господина въ пи-

линдрѣ, и рабочаго только что пришедшаго съ работы, что видно по его костюму, и тѣхъ жалкихъ плохо одѣтыхъ безработныхъ, которые заняты два-три дня въ недѣлю, а остальное время предаются вынужденной праздности *). Многіе толпятся около пюпитровъ съ газетами, другіе читаютъ журналы или перелистываютъ иллюстрированныя изданія. Несомнѣнно, мало подготовленный и неразвитой посѣтитель чувствуетъ себя совершенно потеряннымъ среди обилія книгъ. Къ его услугамъ имѣется каталогъ. Но развѣ онъ можетъ разобраться въ каталогѣ, содержащемъ нѣсколько десятковъ тысячъ названій? Именно для такихъ посѣтителей многія библіотеки-читальни устраиваютъ лекціи. Напримѣръ, въ Ноттингемѣ читались лекціи о томъ, «Что читать и какъ читать», о Викторѣ Гюго, о Дарвинѣ; въ Норвичѣ—о Чарльсѣ Диккенсѣ, о Джоржѣ Эліотъ, о «Воспитательномъ значеніи публичныхъ библіотекъ»; въ Манчестерѣ читались лекціи: «Книги наши друзья», «Баллады» и «Общеобразовательное чтеніе»; въ Ливерпулѣ: «Исторія неба», «Элементы астрономіи», «Экспериментальная механика». Кромѣ этихъ лекцій, которыя нерѣдко читаются любителями изъ мѣстныхъ жителей, Общество распространенія университетскихъ знаній (University Extension) посылаетъ своихъ лекторовъ для чтенія болѣе или менѣе законченнаго цикла лекцій по исторіи, литературѣ, политической экономіи, естественнымъ наукамъ. Публичныя библіотеки въ подобныхъ случаяхъ снабжаютъ слушателей необходимыми книгами, согласно указаніямъ вышеупомянутыхъ лекторовъ, и составляютъ «кочующія» библіотечки для лицъ, живущихъ внѣ города и занимающихся по программѣ Общества распространенія университетскихъ знаній (University Extension). Въ публичныхъ библіотекахъ, возникшихъ за послѣднее десятилѣтіе, весьма часто можно встрѣтить залъ, предназначенный для лекцій, вечернихъ классовъ и общедоступныхъ концертовъ. Аудиторія всегда бываетъ переполнена. Ничтожная плата за входъ покрываетъ всѣ расходы. Члены комитетовъ по устройству публичныхъ библіотекъ прибѣгали къ публичнымъ чтеніямъ, какъ къ средству прити на помощь читателямъ, не умѣющимъ обращаться съ книгою. Большинство читателей дѣйствительно не умѣло воспользоваться богатствомъ, заключающимся въ публичныхъ библіотекахъ, и набрасывалось на разные сенсаціонные романы, игнорируя болѣе серьезное чтеніе. На основаніи отчетовъ нѣсколькихъ лондонскихъ библіотекъ видимъ, что изъ всего числа ежегодно выдаваемыхъ томовъ, которыхъ приходится до ста тысячъ на библіотеку, отъ 67% до 80% составляетъ беллетристика **, отъ 2% до 4%—естественно-научныя сочиненія и искусство, 3%—исторія и біографія, отъ 0,3% до 0,6%—соціологія, общественныя науки и т. д. Такое предпочтеніе, оказываемое читателями легкому чтенію, даетъ богатый матеріалъ для нападокъ лицамъ, недоброжелательно относящимся къ публичнымъ библіотекамъ-читальнямъ. Но защитники ихъ справедливо указываютъ на постепенное уменьшеніе процента выдаваемыхъ книгъ беллетристическаго содержанія; напримѣръ, въ Ньюкестлѣ изъ общаго числа ежегодно выдаваемыхъ книгъ на долю беллетристики приходилось: въ 1883 году—65%, въ 1884 г.—64%, въ 1885 г.—61%, въ 1886 г.—55% и въ 1890 г.—52%. Научные отдѣлы представлены настолько хорошо, что каждый желающій имѣетъ полную возможность получить по любой отрасли знанія болѣе или менѣе законченное общее образованіе. Вы найдете въ каждой публичной библіо-

*) Изслѣдованіе состава читателей, сдѣланное Гринвудомъ относительно 14 городовъ, показало, что 17%—люди свободныхъ профессій, 41%—купцы, клерки и учащаяся молодежь и 39%—механики и рабочіе.

**) Беллетристика не совсѣмъ соотвѣтствуетъ слову *fiction*, стоящему во главѣ рубрики, включающей романы и ежемѣсячныя изданія. Классики и драматическія произведенія образуютъ особую рубрику и составляютъ отъ 1 до 2% изъ всего числа выдаваемыхъ книгъ.

текѣ Дарвина, Гекели, Лайеля, Канта, Спинозу, Маркса, Ингрема, Адама Смита и многимъ другихъ. Что касается беллетристическаго отдѣла, то онъ особенно богатъ; кромѣ англійскихъ классиковъ и романистовъ, которые, конечно, всѣ на лицо, вы найдете представителей французской. нѣмецкой литературы и даже русской, а именно: Тургенева. Толстого, Достоевскаго.

Таковы эти библіотеки-читальни, которыми англичане могутъ вполнѣ заслуженно гордиться. Но тогда какъ теперь муниципалитеты одинъ за другимъ спѣшатъ открывать публичныя библіотеки, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда одинъ изъ членовъ парламента, Вилльямъ Эвартъ (William Ewart), выступилъ со своимъ предложеніемъ о библіотекахъ, онъ встрѣтилъ цѣлый рядъ препятствій. Предложеніе Эварта поступило въ спеціальную парламентскую коммиссію и затѣмъ было передано палатѣ общинъ. Эвартъ указывалъ, что для того, чтобы покрыть Англію сѣтью публичныхъ библіотекъ, достаточно расширить актъ о музеяхъ, согласно которому каждый городъ, имѣющій не менѣе 10.000 жителей, можетъ по желанію большинства полноправныхъ гражданъ ввести обложеніе въ пользу музеевъ. Этотъ актъ далъ блестящіе результаты, но если муниципалитетамъ будетъ предоставлено право устраивать и публичныя библіотеки, то развитіе интеллектуальной жизни населенія пойдетъ ускореннымъ темпомъ. Конечно, налогъ въ размѣрахъ полъ-пенни съ фунта, подлежащаго обложенію, слишкомъ малъ, но въ такомъ случаѣ муниципалитеты могутъ ограничиться постройкою зданій для библіотекъ, а добрые люди, готовые пожертвовать книги, всегда найдутся. Когда было назначено второе чтеніе билля о публичныхъ библіотекахъ (13 марта 1850 года), то палата общинъ, какъ нарочно, состояла, главнымъ образомъ изъ лицъ, недоброжелательно относившихся къ нему. Со всѣхъ сторонъ раздавались нападки. «Теперь не такое время», — говорилъ одинъ, — «чтобы заботиться о развлеченіяхъ для народа. Нужно подумать объ улучшеніи его матеріальнаго положенія. Какимъ образомъ полъ-пенни съ фунта дохода, подлежащаго обложенію, можетъ быть достаточно на устройство библіотекъ? По всей вѣроятности, вынуждены будутъ повысить налогъ, и это новое обложеніе ляжетъ тяжелымъ бременемъ на народъ». Другой опасался, что публичныя библіотеки-читальни обратятся въ политическіе клубы и сдѣлаются орудіемъ въ рукахъ кучки политикановъ. Третій строилъ предположенія, что библіотеки будутъ наполнены разными сенсаціонными романами и тому подобной нежелательной литературой, которая окажетъ развращающее дѣйствіе на читателя. Раздавались опасенія, что такъ какъ налога хватитъ лишь на постройку зданій, то библіотеки будутъ стоять пустыя въ ожиданіи жертвователей, которые не всегда являются по первому требованію. Однимъ словомъ, противниковъ было много, но Эвартъ вѣскими аргументами и горячей защитой билля заставилъ многихъ склониться на свою сторону. Въ палатѣ лордовъ къ биллю отнеслись благосклонно (быть можетъ, потому, что лорды, какъ землевладѣльцы, не подлежали обложенію), и въ 1850 году билль былъ утвержденъ. Когда 14 августа 1850 г. билль получилъ королевскую санкцію, онъ распадался на слѣдующіе основные пункты:

1. Городскимъ думамъ предоставлено, если онѣ считаютъ это желательнымъ, предложить городскимъ жителямъ, пользующимся избирательными правами, вопросъ, желаютъ ли они ввести обложеніе въ пользу публичныхъ библіотекъ. Если отвѣтъ получится утвердительный, производится подсчетъ голосовъ *). Городъ долженъ имѣть не менѣе 10.000 жителей.

---

*) Подсчетъ голосовъ для рѣшенія вопроса о желательности введенія налога можетъ быть произведенъ и по иниціативѣ самихъ жителей. Для этого достаточно, чтобы десять человѣкъ, пользующихся избирательными правами, подали заявленіе въ муниципалитетъ.

2. Въ случаѣ согласія большинства, вводится налогъ въ размѣрѣ полъ-пенни съ фунта дохода, подлежащаго обложенію.

3. Деньги, собранныя такимъ путемъ, идутъ на сооруженіе или на наемъ помѣщенія для публичной библіотеки и на связанные съ этимъ расходы.

Но этому знаменитому акту Эварта суждено было въ теченіе пяти лѣтъ оставаться мертвою буквою, потому что полъ-пенни съ фунта дохода, подлежащаго обложенію, давали слишкомъ ничтожную сумму. Лишь съ 1885 года, когда размѣры налога были увеличены до пенни съ фунта, число библіотекъ стало быстро возрастать. Въ 1891 г. на всю Англію приходилось 330 библіотекъ, въ 1897-мъ. число ихъ возросло до 350, причемъ въ одномъ Лондонѣ было 36 библіотекъ. Thomas Greenwood въ своей книгѣ «Public Libraries» высчиталъ, что если открытіе прличныхъ библіотекъ будетъ идти также быстро, какъ оно шло съ 1870 г. по 1891 годъ, то къ 1900 г. Англія будетъ имѣть 400 библіотекъ. Несомнѣнно, что назрѣвшія въ обществѣ и сознанныя имъ потребности выдвинули вопросъ о публичныхъ библіотекахъ, но выразителемъ этого движенія явился Эвартъ. Благодаря его иниціативѣ и энергіи этотъ вопросъ вылился въ столь опредѣленную форму и пробудилъ вниманіе всего общества. Его роль особенно ярко охарактеризована въ рѣчи, произнесенной Гладстономъ въ 1887 году при открытіи библіотеки въ Swansea. «Это торжество,—началъ Гладстонъ,—напоминаетъ мнѣ начало моей политической карьеры и имя того, кого я зналъ въ ранней молодости, имя Вильяма Эварта, благодаря которому прошелъ актъ о публичныхъ библіотекахъ; къ его памяти и заслугамъ я отношусь съ величайшимъ уваженіемъ. Заслуги мистера Эварта въ этой области такъ велики, что ему, конечно, принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди лицъ, облагодѣтельствовавшихъ англійскій народъ. Онъ былъ не только истиннымъ патріотомъ, но и пророкомъ. Онъ поднялъ вопросъ о публичныхъ библіотекахъ въ такое время, когда не могъ встрѣтить сочувствія у большинства, и воспоминаніе о немъ заставляетъ насъ вспомнить фразу, сказанную въ болѣе широкомъ смыслѣ о личности, близкой намъ всѣмъ: «его голосъ былъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ». Но мало-по-малу въ публикѣ началъ пробуждаться интересъ къ вопросу поднятому Вильямомъ Эвартомъ еще въ то время, когда никто не подозрѣвалъ объ его существованіи и когда большинство было склонно смотрѣть на него какъ на продуктъ праздной фантазіи. Несмотря на эти неблагопріятныя условія, Вильямъ Эвартъ мужественно защищалъ свой проэктъ и, еслибъ онъ теперь былъ съ нами, какъ былъ бы онъ удовлетворенъ тѣми блестящими результатами, какими увѣнчалось проведеніе въ жизни акта Эварта». Такъ почтилъ великій политическій дѣятель Англіи память человѣка, столь много сдѣлавшаго для развитія этихъ просвѣтительныхъ учрежденій.

Но въ то время, какъ города, имѣющіе не менѣе 10.000 жителей, не встрѣчаютъ никакихъ препятствій ко введенію налога въ пользу библіотекъ, мѣстечка и деревни совершенно лишены этой возможности. Лица, которыхъ интересуетъ развитіе деревенскихъ жителей, поднимали вопросъ о распространеніи акта Эварта и на деревню, но по разсчетамъ оказалось, что налогъ, введенный въ деревнѣ въ размѣрѣ пенни съ фунта дохода, подлежащаго обложенію, дастъ слишкомъ ничтожную сумму, чтобы можно было покрыть всѣ расходы, сопряженные съ открытіемъ библіотекъ. Гладстонъ высказалъ какъ-то мысль, что ландлорды при помощи собственнаго кармана должны разрѣшить эту проблему для деревни. Пока же тѣ немногія библіотеки, которыя, въ видѣ исключенія, существуютъ въ деревняхъ, обязаны своимъ возникновеніемъ или частнымъ лицамъ, или кооперативнымъ обществамъ.

Е. Б.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Бактеріологія. Микробы въ арктическихъ странахъ.—Физіологія. О физіологическомъ дѣйствіи нефтяныхъ продуктовъ на организмъ животныхъ.—«Морскія змѣи».—Сила воображенія. *Д. Н.*—Географія и путешествія. 1) Вильгельмъ Баренцъ—изслѣдователь арктическихъ областей и 300-лѣтіе его путешествій. 2) Алмазныя копи южной Африки. *Н. М.*—Астрономическія извѣстія. *К. Покровскій.*

Бактеріологія. *Микробы въ арктическихъ странахъ.* Многочисленныя наблюденія показываютъ, что горный воздухъ отличается особенной чистотой и отсутствіемъ зародышей микробовъ, поэтому въ настоящее время и устраиваютъ санаторіи преимущественно въ горахъ (въ Швейцаріи, Тиролѣ, Норвегіи, Швеціи). Многіе ученые и врачи, принимавшіе участіе въ экспедиціяхъ въ полярные страны, всегда въ своихъ отчетахъ указываютъ, что воздухъ въ этихъ странахъ не содержитъ болѣзнетворныхъ началъ. Впервые это мнѣніе было высказано профессоромъ Норденшильдомъ въ его запискахъ о путешествіи на Шпицбергенъ въ 1864 г. На Шпицбергенѣ не знаютъ простуды, хотя тамъ каждый день приходится подвергаться такимъ перемѣнамъ температуры, которыя въ странахъ болѣе южныхъ неизбѣжно повлекли бы за собой рано или поздно весьма серьезныя послѣдствія; можно съ полнымъ правомъ утверждать, что трудно найти на всемъ земномъ шарѣ климатъ болѣе здоровый, чѣмъ лѣтомъ на Шпицбергенѣ: въ тѣ три лѣта, которыя провела шведская экспедиція въ этихъ краяхъ, среди ея участниковъ не было ни одного случая діарреи, перемежающейся лихорадки, катарра или какой-либо другой болѣзни.

Эти условія, такъ исключительно благопріятныя въ гигіеническомъ отношеніи, слѣдуетъ приписать отсутствію въ воздухѣ заразныхъ началъ. Безчисленные зародыши микробовъ, которыми, можно сказать, кишитъ воздухъ населенныхъ мѣстностей въ болѣе южныхъ странахъ, и которые являются причиной различныхъ эпидемическихъ болѣзней, въ полярной атмосферѣ отсутствуютъ, поэтому, хотя быстрыя перемѣны температуры и располагаютъ къ лихорадкѣ, она не можетъ развиться, такъ какъ воздухъ совершенно свободенъ отъ микробовъ возбудителей этой болѣзни, и, весьма вѣроятно, въ скоромъ времени многихъ больныхъ будутъ направлять въ сѣверныя страны для возстановленія силъ и здоровья.

Итакъ, воздухъ полярныхъ странъ такъ же, какъ и воздухъ высокихъ горъ, судя по отсутствію заразныхъ болѣзней въ этихъ мѣстностяхъ, долженъ быть свободенъ отъ болѣзнетворныхъ микробовъ вообще и въ частности отъ патогенныхъ бактерій, но до сихъ поръ несомнѣнныхъ доказательствъ этого въ наукѣ не имѣется. Почти единственныя спеціальныя изслѣдованія въ этомъ направленіи были произведены на Шпицбергенѣ докторомъ Нистромомъ (Nyström), врачемъ экспедиціи 1868 года. Нистромъ, по указанію Пастера, который тогда уже началъ свои опыты надъ воздухомъ высокихъ горъ Швейцаріи и къ которому онъ обратился за совѣтомъ относительно метода изслѣдованія бактерій

въ воздухѣ, взялъ съ собою въ стерилизованныхъ сосудахъ настой мяса, дрожжей и мочу и затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ на Шпицбергенѣ открывалъ эти сосуды, чтобы въ нихъ могли попасть микроорганизмы воздуха. Результатъ этихъ опытовъ и другихъ, которые еще не вполнѣ закончены, былъ тотъ, что гніенія, броженія или какихъ-либо другихъ измѣненій подобнаго рода въ этихъ жидкостяхъ почти не послѣдовало; въ рѣдкихъ случаяхъ они обнаруживались, но гораздо позже, чѣмъ обыкновенно въ странахъ неполярныхъ. Но содержимое сосудовъ не было изслѣдовано подъ микроскопомъ; кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что способы стерилизаціи, примѣнявшіеся въ то время, не вполнѣ соотвѣтствуютъ требованіямъ, которыя мы предъявляемъ къ нимъ теперь. Нансенъ въ своемъ трудѣ «Fram öfver polar havfet» («Фрамъ въ полярныхъ моряхъ») говоритъ, что въ лужахъ, которыя образуются весною отъ таянія снѣга на плоучихъ льдинахъ, а именно въ маленькихъ ямкахъ на днѣ этихъ лужъ (smalthåler), онъ находилъ въ тинѣ не только діатомовыхъ и другія водоросли, но также инфузорій и флагеллатъ. Докторъ Блессингъ, принимавшій участіе въ этой экспедиціи, находилъ бактерій въ тинѣ, гдѣ лежали дохлые щенки, но въ воздухѣ найти ихъ не могъ. Такимъ образомъ, вопросъ о бактеріяхъ въ арктическихъ странахъ далеко не рѣшенъ и поэтому шведскій ученый Левинъ, принимавшій участіе въ экспедиціи Наттгорста, на кораблѣ «Antartic», поставилъ себѣ задачей изслѣдовать въ бактеріологическомъ отношеніи воздухъ и воду этихъ странъ. Результаты своихъ наблюденій Левинъ сообщилъ въ «Annales de l'Inst. Pasteur» 1899. № 7. Опыты были начаты въ Beeren Eiland, затѣмъ производились на Шпицбергенѣ и на землѣ короля Карла великій разъ, какъ только къ этому представлялся удобный случай. Изслѣдованіе воздуха производилось посредствомъ фильтрованія большихъ его количествъ черезъ стеклянную вату, порошокъ сахара или черезъ смѣсь сахара и соли (разумѣется, предварительно стерелизованныхъ) посредствомъ спеціально для этой цѣли устроеннаго аппарата. Общее количество профильтрованнаго воздуха равняется 21.600 литровъ. Аппаратъ устанавливался обыкновенно на какомъ-нибудь возвышенномъ мѣстѣ, у конца ледника или на высокомъ береговомъ утесѣ: въ нѣсколькихъ случаяхъ воздухъ взятъ былъ на палубѣ корабля. Въ каждомъ случаѣ количество взятаго воздуха нѣсколько измѣнялось, въ среднемъ, оно было около 1.000 литровъ, и фильтрованіе продолжалось 4—5 часовъ. Фильтръ употреблялся двойной: первый служилъ для собиранія зародышей, второй для того, чтобы показать всѣ ли микробы были удержаны. Когда просасываніе воздуха оканчивалось, фильтры помѣщались въ жидкую желатину, на которой впослѣдствіи и могли бы развиться колоніи бактерій изъ попавшихъ туда зародышей. Во всѣхъ этихъ опытахъ только одинъ разъ были найдены бактеріи и именно въ томъ воздухѣ, который былъ взятъ на палубѣ корабля въ портѣ Beeren Eiland. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ образовалось только 3 колоніи, расположенныхъ весьма близко одна отъ другой. Судя по ихъ расположенію, можно думать, что въ желатину попала пылинка съ корабля и съ нею вмѣстѣ три бактеріи, изъ которыхъ эти колоніи и произошли. Контрольные фильтры въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, оставались совершенно стерильными. Въ пяти опытахъ найдены были колоніи плѣсеней, происшедшія несомнѣнно изъ воздуха, причемъ только въ одномъ случаѣ число ихъ достигало 27 на 740 литровъ, и развились эти колоніи только двѣ недѣли спустя. Итакъ, въ 2.000 литрахъ воздуха, взятыхъ въ различныхъ мѣстахъ, оказалось только нѣсколько плѣсеней, бактерій же или другихъ какихъ-либо микробовъ вовсе не было найдено, что указываетъ на необычайную чистоту воздуха и вполнѣ согласуется съ выводами, которые можно сдѣлать изъ указаній на отсутствіе заразныхъ болѣзней въ этихъ странахъ. «Чтобы показать насколько атмосфера арктическихъ странъ, лишенная зародышей и пыли,—

говоритъ докторъ Левинъ,—благопріятна въ гигіеническомъ отношеніи, я могу сообщить слѣдующія наблюденія. Я могъ въ теченіе нѣсколькихъ дней ходить въ мокрой одеждѣ и обуви и подвергаться ураганамъ и морозу, ложиться спать на мокрой землѣ—безъ всякихъ прискорбныхъ послѣдствій. Въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ, проведенныхъ нами въ полярныхъ странахъ, мы всѣ пользовались превосходнымъ здоровьемъ. Насъ было 28 человѣкъ, и у насъ былъ только одинъ случай болѣзни: а имено icterus catarrhalis съ gastroenteritis далеко незлокачественнаго свойства. Недѣля діэты и слабительное вполнѣ излѣчили нашего больного. Конечно, царапины и небольшія ранки на ногахъ и рукахъ встрѣчались довольно часто. Я замѣтилъ, что эти ранки, особенно на рукахъ, заживали довольно медленно; не имѣя никакихъ положительныхъ доказательствъ, я однако думаю, что заживленіе задерживалось соленой водою».

Кромѣ того, было сдѣлано большое число опытовъ для опредѣленія количества микробовъ, содержащихся въ водѣ; была изслѣдована вода съ поверхности моря и вода ручьевъ, стекающихъ съ ледниковъ. Изслѣдовался также и самый ледъ, снѣгъ (и обыкновенный, и зеленый или красный т.—е. съ развившимися на немъ водорослями), красная, желтая и бурая глина и отложенія на камняхъ по берегамъ ручьевъ. При помощи спеціальнаго прибора было взято 78 пробъ воды съ поверхности моря. Во всѣхъ этихъ пробахъ оказались бактеріи, но въ весьма малыхъ количествахъ. Въ среднемъ, одна бактерія приходилась на 11 куб. сант., между тѣмъ какъ въ морской водѣ у береговъ Швеціи на то же количество воды приходится 7.700 бактеріи, въ водопроводныхъ трубахъ Стокгольма (гдѣ водопроводъ устроенъ превосходно) на то же количество воды приходится 330 бактерій, а въ водѣ Сены 6.600.000. Виды бактерій, найденныхъ въ сѣверныхъ водахъ еще не опредѣлены, но, судя по характеру колоній на желатинѣ, тамъ ихъ имѣется только два вида. Въ водѣ ледниковыхъ ручьевъ, въ снѣгу и во льду также оказались бактеріи. Интересный и неожиданный результатъ дало изслѣдованіе упомянутыхъ выше ямокъ (smälthalor) въ которыхъ обыкновенно находятся діатомовыя и зеленыя водоросли. Изъ 12 пробъ тины, взятыхъ въ этихъ ямкахъ, только въ трехъ случаяхъ найдены были бактеріи или, вѣрнѣе сказать, всего три бактеріи, потому что въ каждой изъ этихъ пробъ развилось только по одной колоніи на желатиновыхъ пластинкахъ. «Если принять во вниманіе трудности бактеріологическихъ изслѣдованій на льду, а потомъ на палубѣ корабля,—говоритъ Левинъ по этому поводу,—то не покажется удивительнымъ, что въ такихъ изслѣдованіяхъ будетъ нѣсколько случаевъ ошибокъ. По моему мнѣнію, эти smälthalor или вовсе не содержатъ бактерій, или содержатъ ихъ такъ мало, что при микроскопическомъ изслѣдованіи ихъ можно найти лишь съ величайшимъ трудомъ». При производствѣ гидрографическихъ изслѣдованій, были взяты пробы воды на большихъ глубинахъ (1.000—3.000 метровъ). Въ этихъ пробахъ также оказались бактеріи и притомъ въ нѣсколько большомъ количествѣ, чѣмъ на поверхности моря, что также является неожиданнымъ результатомъ, потому что на этой глубинѣ вода имѣетъ температуру—1,5°, тогда какъ у поверхности +3°. Что касается видовъ бактерій, то, кромѣ двухъ, упомянутыхъ выше, въ пробахъ съ большой глубины были найдены еще и спириллы. Многочисленные опыты анаэробныхъ культуръ дали отрицательные результаты. Это обстоятельство особенно важно потому, что къ числу анаэробовъ (т.—е. развивающихся въ отсутствіи кислорода) принадлежатъ бактеріи, вырабатывающія яды въ гніющемъ мясѣ (птомаины).

Особенный интересъ представляетъ послѣдняя серія изслѣдованій Левина. Результаты ихъ такъ поразительны, что невольно возникаетъ нѣкоторое сомнѣніе, не явились ли они послѣдствіемъ случайности или даже какихъ-либо погрѣшностей наблюденія. Весьма желательно, чтобы они были подтверждены

дальнѣйшими наблюденіями. Дѣло въ томъ, что въ этихъ опытахъ изслѣдованію подвергалось содержимое кишечника различныхъ животныхъ, какъ-то: бѣлыхъ медвѣдей, тюленей, акулъ, гагъ, пингвиновъ, фрегатовъ, чаекъ, кайръ, морскихъ ежей, актиній, креветокъ и т. д. и оказалось, что у большой части этихъ животныхъ содержимое кишечника совершенно не содержитъ микробовъ, тогда какъ вездѣ въ болѣе южныхъ странахъ въ кишечникѣ всѣхъ животныхъ находится множество бактерій, какъ говорятъ, цѣлая флора. Въ опытахъ Левина изъ числа млекопитающихъ только у одного бѣлаго медвѣдя и у двухъ тюленей были найдены бактеріи одного вида, очень похожихъ, по ихъ свойствамъ, на bacterium coli commune, обыкновеннѣйшую бактерію въ кишечникѣ животныхъ и человѣка. Почти у всѣхъ низшихъ морскихъ животныхъ были найдены изолированныя бактеріи. Наблюдавшееся до сихъ поръ постоянное присутствіе бактерій въ пищеварительномъ каналѣ и ихъ способность производить разнообразныя превращенія питательныхъ веществъ невольно возбуждаютъ вопросъ, не являются ли эти бактеріи необходимыми для пищеваренія. Еще въ 1880 году Постеръ обратилъ вниманіе на это обстоятельство. Впослѣдствіи были произведены опыты надъ выращиваніемъ мелкихъ животныхъ въ такихъ условіяхъ, чтобы кишечникъ ихъ не содержалъ бактерій. Эти опыты, предоставляющіе огромныя, едва преодолимыя трудности, показали, что въ первые дни жизни (такъ какъ продолжительное время вести эти опыты невозможно) животныя могутъ питаться (молокомъ) безъ помощи бактерій. Наблюденія Левина повидимому показываютъ, что и всякаго рода пища можетъ перевариваться безъ участія микробовъ.

Описанныя выше наблюденія и изслѣдованія доктора Левина, дѣйствительно приводятъ къ убѣжденію, что онъ имѣлъ полное право сказать: «можно утверждать, что на всей поверхности земного шара нельзя найти климатическихъ условій, болѣе благопріятныхъ для здоровья, чѣмъ лѣтомъ на Шпицбергенѣ».

Физіологія. *О физіологическомъ дѣйствіи нефтяныхъ продуктовъ на организмъ животныхъ.* Въ послѣдніе годы неоднократно поднимался вопросъ о вредномъ вліяніи нефти на рыбъ и это вліяніе выставлялось даже причиной замѣтнаго уменьшенія количества рыбы въ Волгѣ; количество же поступающихъ въ нее нефтяныхъ продуктовъ, дѣйствительно, громадно. По разсчетамъ О. А. Гримма, утечка одного только керосина изъ деревянныхъ баржъ на пути отъ Баку до Нижняго достигала въ 1888 году 1.700.000 пудовъ, а въ 1889 г. 2.370,000 пудовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нефтяные продукты покрываютъ поверхность рѣки сплошною пленкой. Неоднократно въ спеціальной литературѣ по рыболовству описывались наблюденія, указывающія на вредное вліяніе нефти на рыбъ. Однако, наряду съ ними появлялись и другія изслѣдованія, которыя приводили къ заключенію, что рыбы совершенно индефферентно относятся къ присутствію нефти въ водѣ и не избѣгаютъ ея. Въ виду такихъ противорѣчій и при отсутствіи систематическихъ изслѣдованій, вопросъ такъ и остался невыясненнымъ. Поэтому въ послѣднее время директоромъ физіологической лабораторіи Импер. Ак., Н. Овсянниковымъ, и лаборантомъ ея, Кулябко, былъ предпринятъ цѣлый рядъ опытовъ для выясненія вліянія нефтяныхъ продуктовъ на физіологическія отправленія животныхъ. Въ № 9 VIII т. 8 сер. «Зап. Имп. Ак. Н.» напечатаны результаты первой серіи этихъ опытовъ, представляющіе весьма большой интересъ, потому что всѣ эти опыты сопровождались одинаковыми весьма ясными и притомъ положительными результатами: испытанные нефтяные продукты оказались безусловно ядовитыми для животнаго организма. Задача этихъ первыхъ опытовъ состояла въ томъ, чтобы выяснить общій характеръ физіологическаго дѣйствія нефтяныхъ продуктовъ, т. е. вліяніе ихъ на отдѣльныя системы органовъ животнаго тѣла: на нервную

систему, на сердце, на кровь, на мышцы и проч. Изслѣдованія производились надъ лягушками, морскими свинками, кроликами и кошками. Опыты надъ теплокровными животными представляютъ еще особый интересъ потому, что въ медицинской литературѣ имѣются указанія на случаи отравленія нефтью, которые быстро повлекли за собою смертельный исходъ, какъ напр., описанный докторомъ Корженевскимъ случай смерти молодого компаніона нефтепромышленнаго товарищества «Надежда», который, проведя нѣсколько часовъ у прорвавшагося нефтянаго фонтана, обнаружилъ признаки тяжелаго отравленія и къ утру слѣдующаго дня былъ уже мертвъ; или случаи гибели татарчатъ при чисткѣ баковъ и цистернъ. Несмотря на существованіе такихъ не слишкомъ рѣдкихъ случаевъ отравленія, вопросъ о ядовитости нефти по отношенію къ человѣческому организму мало привлекалъ вниманіе изслѣдователей, и сколько нибудь полныхъ и систематическихъ работъ въ этомъ направленіи почти не существуетъ, что не помѣшало, однако нѣкоторымъ врачамъ не только считать нефть совершенно безвредною, но и приписывать ей цѣлебныя свойства и даже предложить вдыханіе паровъ ея, какъ средство для лѣченія чахотки.

Было бы весьма важно изслѣдовать возможно большое количество нефтяныхъ продуктовъ относительно ихъ дѣйствія на животный организмъ въ виду того громаднаго развитія, котораго достигаетъ въ настоящее время нефтяная промышленность въ Россіи. Къ крайнему сожалѣнію, трудность полученія этихъ продуктовъ заставила авторовъ излагаемаго изслѣдованія ограничиться на первое время тѣми, какіе случайно находились подъ руками въ лабораторіи, а именно очищенныхъ нефтянымъ масломъ, петролейнымъ эфиромъ и керосиномъ. Способы введенія нефтяныхъ продуктовъ въ организмъ животнаго примѣнялись слѣдующіе. Во-первыхъ, вводилась подъ кожу эмульсія нефтянаго масла и воды съ примѣсью камеди, во-вторыхъ, животныхъ заставляли дышать воздухомъ, къ которому были примѣшаны пары этихъ продуктовъ (т.-е. помѣщали ихъ надъ стекляннымъ колпакомъ, иногда съ отверстіями, и вмѣстѣ съ ними клали или подвѣшивали кусочекъ ваты, смоченный тѣмъ или другихъ изъ указанныхъ веществъ) или же, наконецъ, заставляли животныхъ дышать воздухомъ, въ которомъ посредствомъ пульверизатора были распылены указанные нефтяные продукты.

Всѣ произведенные опыты съ несомнѣнностью указываютъ, что изслѣдованные нефтяные продукты дѣйствуютъ на организмъ, какъ ядъ: почти всѣ животныя погибали, если не были своевременно вынесены на чистый воздухъ; въ одномъ случаѣ подъ вліяніемъ паровъ керосина кроликъ погибъ (на другой день) отъ вдыханія воздуха, въ которомъ былъ распыленъ керосинъ, въ теченіе 1 ч. 5 м., хотя послѣ этого животное было вынесено на свѣжій воздухъ. Ядовитое дѣйствіе всѣхъ трехъ изслѣдованныхъ продуктовъ весьма сходно, различіе сказывается только въ быстротѣ и силѣ появляющихся симптомовъ отравленія, такъ что весьма вѣроятнымъ является предположеніе, что ядовиты эти вещества сами по себѣ, благодаря своему химическому составу. При всѣхъ способахъ введенія въ организмъ нефтяныхъ продуктовъ, кромѣ введенія черезъ ротъ *), общая картина отравленія представляется въ слѣдующемъ видѣ. Прежде всего, ядовитое дѣйствіе сказывается на нервной системѣ, а именно на органахъ центральной нервной системы, на головномъ мозгѣ. Первоначально наблюдается сильное возбужденіе, выражающееся прыжками и скачками животныхъ, въ высшей степени сходное съ тѣмъ, какое наблюдается при отравленіи наркотиче-

*) Въ виду малой растворимости и ничтожнаго всасыванія ихъ въ кишечникѣ, общее дѣйствіе на организмъ развивается при этомъ крайне слабо и лишь отъ весьма значительныхъ дозъ; и здѣсь, однако, общій характеръ симптомовъ остается тотъ же.

скими ядами; и здѣсь за начальнымъ возбужденіемъ слѣдуетъ угнетеніе: движенія утрачиваютъ цѣлесообразность, становятся спутанными, безпорядочными. Съ дальнѣйшимъ дѣйствіемъ яда пораженіе нервной системы все болѣе распространяется, переходя съ коры мозга на болѣе глубоко лежащіе центры. Появляется разстройство координаціи движеній (ходьбы, прыганья и проч.). Затѣмъ, наступаетъ состояніе полной прострація. Весьма часто, особенно у кроликовъ и морскихъ свинокъ, наблюдались судорожныя такъ называемыя насильственныя движенія, т.-е., напр., лежа на боку, животное часто и быстро машетъ лапами, какъ будто бѣжитъ, или и дѣйствительно бѣгаетъ кругомъ на одномъ мѣстѣ («манежныя движенія»), кувыркается и катается по полу или ритмически качаетъ головою. Вмѣстѣ съ этими движеніями иногда появлялись и другія, производившія впечатлѣніе бреда (сильные крики). Затѣмъ, возбужденіе смѣняется періодомъ покоя. Разстройствъ въ дѣятельности периферической нервной системѣ первое время не наблюдается: чувствительность сохранена, хотя и притуплена нѣсколько. При продолжающемся дѣйствіи нефтяныхъ продуктовъ пораженіе переходитъ на продолговатый и спинной мозгъ: появляется весьма характерный приступъ тетаническихъ судорогъ, т.-е. все тѣло животнаго становится твердымъ, такъ что можно было животное (напр., кролика, въ опытѣ надъ вліяніемъ керосина) поднять за конецъ вытянутой лапки. Иногда передъ этими судорогами мышцы приходятъ въ особое состояніе, въ которомъ животное принимаетъ всякое приданное ему положеніе и не измѣняетъ его («flexibilitas cerea»). При первомъ же приступѣ судорогъ иногда наступаетъ смерть вслѣдствіе задушенія; если послѣ устраненія дѣйствія нефтяныхъ продуктовъ дыханіе не возстановляется само собою, нерѣдко удается сохранить животному жизнь, примѣняя искусственное дыханіе, сердце продолжаетъ биться очень долгое время даже послѣ остановки дыханія. Это обстоятельство имѣетъ весьма важное значеніе, такъ какъ оно даетъ надежду на возможность спасенія и при несчастныхъ случаяхъ съ людьми даже и тогда, когда, судя по отсутствію дыханія (да и сердце-то при едва замѣтно слабо бьется), мы бы сочли ихъ погибшими.

Вліяніе нефтяныхъ продуктовъ на сосудистую систему выражается въ медленномъ, но постоянномъ паденіи кровянаго давленія, т. е. въ ослабленіи силы сердечныхъ сокращеній, что было весьма отчетливо показано на опытѣ съ примѣненіемъ прибора, записывающаго измѣненія кровянаго давленія. Органы дыханія сами по себѣ не испытываютъ значительныхъ разстройствъ, и остановка дыханія происходитъ подъ вліяніемъ побочныхъ причинъ (продолжительныя судороги). У лягушекъ дыхательныя движенія прекращаются довольно рано подъ вліяніемъ нефтяныхъ продуктовъ. Вообще, по сравненію съ сердцемъ, дыхательные органы обнаруживаютъ меньшую сопротивляемость ядовитому вліянію нефтяныхъ продуктовъ. Кровь при очень долгомъ дѣйствіи яда становится болѣе темною и жидкою. При изслѣдованіи ея спектроскопомъ, обнаруживаются полосы поглощенія, соотвѣтствующія спектру метгемоглобина.

Въ заключеніе авторы высказываютъ предположеніе, что, въ виду несомнѣнной, хотя и не слишкомъ сильной ядовитости продуктовъ нефти (которая, какъ показалъ проф. Хлопинъ, растворима въ водѣ), и по отношенію къ рыбамъ, врядъ ли эти вещества могутъ считаться индифферентными; болѣе точные выводы, однако, могутъ быть сдѣланы лишь на основаніи непосредственныхъ наблюденій и притомъ непремѣнно въ естественныхъ условіяхъ.

Но и полученные авторами результаты, по ихъ опредѣленности и крайне важному значенію изслѣдованныхъ явленій, несомнѣнно представляютъ громадный интересъ. (Извлечено изъ «Зап. Имп. Ак. Н.»).

«Морскія змѣи». Въ журналахъ за прошлый годъ неоднократно появлялись извѣстія о морскихъ змѣяхъ; сообщалось даже, съ большимъ торжествомъ,

что были найдены скелеты этихъ змѣй невѣроятной величины. Такъ, весною черезъ Австралію было получено извѣстіе, что пароходъ «Emu» у Суворовыхъ острововъ, на пути въ Сидней, сошелъ съ курса, чтобы «спасти для науки» скелетъ выброшенной на берегъ морской змѣи въ 18 метровъ длины и, по крайней мѣрѣ, 60 тоннъ (т. е. около 3.600 п.) вѣсомъ. Это весьма характерный случай для выясненія того, какъ возникаютъ разсказы о морскихъ змѣяхъ. Кости найденнаго позвоночника, сложенныя другъ за другомъ, дѣйствительно представляли указанную длину, одна только головная часть достигала 90 сант. Весьма трудно было объяснить, однако, слѣдующее обстоятельство: на кучѣ костей было найдено два черепа. Изъ этого заключили, что змѣя была двухголовая, но, какъ это ни досадно, зоологъ Австралійскаго музея, E. Waite, изъ этихъ остатковъ сложилъ скелеты двухъ китовъ, каждый по 9-ти метр. длиною, какіе весьма часто встрѣчаются въ австралійкихъ моряхъ.

Итакъ, по существу, здѣсь оказалось то же, что было съ необычайно громадной морской змѣей изъ Алабамы, которая впослѣдствіи оказалась составленной изъ нѣсколькихъ ископаемыхъ китовъ и которую пріобрѣлъ прусскій король, «потому что этимъ подтверждается существованіе библейскаго бегемота» Іоганнъ Мюллеръ разъяснилъ, въ чемъ была ошибка. Описаніе такихъ многоловыхъ морскихъ змѣй появлялось неоднократно.

Существованіе морскихъ змѣй, повидимому, было блестяще подтверждено сообщеніемъ приватъ-доцента Упсальскаго университета, Лёнберга, по которому въ Stor-Sjö близь Oestersund'a сотни лицъ видѣли, какъ морская змѣя нѣсколько разъ всплывала на поверхность воды, т. е. они видѣли, что на протяженіи приблизительно 9 метровъ надъ водой появлялись возвышенія, которыя Лёнбергъ приписываетъ морскому животному, до сихъ поръ неизвѣстному, имѣющему на спинѣ рядъ плавниковъ; эти-то плавники будто бы прежде и принимались за изгибы самой змѣи; голову животнаго, къ сожалѣнію, не удалось ясно различить; надо надѣяться, что истинная природа этого чудовища будетъ выяснена въ скоромъ времени, но во всякомъ случаѣ существованіе морскаго животнаго, которое чуть не каждую минуту должно всплывать на поверхность, чтобы запастись воздухомъ, весьма сомнительно.

Съ гораздо большей опредѣленностью сообщалось въ «Kölnische Zeitung» о морской змѣѣ, правда, ископаемой, которая была пріобрѣтена американскимъ естественно-историческимъ музеемъ въ Нью-Іоркѣ. Это животное, по сообщенію газеты, представляетъ собою морского ящера съ 4 плотно-прилегающими къ тѣлу плавнико-образными конечностями, общая длина его достигаетъ 82 м. или 270 футовъ, быть можетъ, даже нѣсколько больше, такъ какъ найдено было 72 хвостовыхъ позвонка, а ихъ должно быть около 86. Такое животное заслуживаетъ вниманія, такъ какъ самые крупные экземпляры китовъ достаютъ лишь 100 футовъ, а самый большой изъ извѣстныхъ донынѣ динозавровъ—120 ф., такимъ образомъ, пріобрѣтенный американскимъ музеемъ экземпляръ больше чѣмъ вдвое въ длину превышаетъ этихъ гигантовъ. Такъ какъ сообщеніе «Kölnische Zeitung» было заимствовано изъ весьма почтеннаго американскаго журнала «Science», то сомнѣній въ вѣрности его быть и не могло, и почти всѣ нѣмецкіе журналы перепечатали это сенсаціонное извѣстіе, нѣкоторые даже съ пространными разсужденіями на тему, что народная молва на этотъ разъ опять оправдалась. Въ американскомъ журналѣ, послужившемъ источникомъ, была помѣщена выдержка изъ сообщенія завѣдующаго палеонтологическимъ отдѣломъ музея, проф. Генри Осборна, о покупкѣ и установкѣ превосходнаго экземпляра мозазавра, который два года тому назадъ былъ найденъ въ верхнихъ мѣловыхъ отложеніяхъ въ Канзасѣ и весьма удачно былъ извлеченъ. Длина его, дѣйствительно, указана въ 270 фут., но эта цифра, очевидно, представляетъ собою простую опечатку: надо читать 27 футовъ, такъ какъ въ

журналѣ сказано: «The total length of the skeleton as preserved is a little over 270 feet; the estimated total length of the animal is 30 feet» *). Изъ дальнѣйшаго подробнаго описанія вполнѣ ясно, что вѣрна именно эта послѣдняя цифра. Только погоня за сенсаціонными извѣстіями, повидимому, побудила умолчать, что въ этомъ сообщеніи нужно видѣть простую опечатку.

Такъ возникаютъ сказки о морскихъ змѣяхъ («Prometheus»).

Сила внушенія Слоссонъ (Slosson) въ «Psychological Review», сообщаетъ о слѣдующемъ опытѣ, который онъ произвелъ въ университетѣ Wyoming.

«Я взялъ флаконъ, наполненный дистилированной водой, тщательно завернутый въ бумагу и, кромѣ того, положенный въ ящикъ. Въ то время, когда я читалъ популярную лекцію, произведя нѣсколько опытовъ, я объявилъ, что желалъ бы опредѣлить, съ какой быстротою распространится въ воздухѣ запахъ, и попросилъ присутствующихъ поднять руку, какъ только они его почувствуютъ. Я развернулъ флаконъ и, отвернувшись, налилъ немножко воды на вату, затѣмъ взялъ въ руки часы и сталъ ожидать результатовъ. Я замѣтилъ присутствующимъ, что вполнѣ увѣренъ въ томъ, что никто во всей аудиторіи никогда не слышалъ запаха того химическаго соединенія, которое я желаю испытать, и выразилъ надежду, что, хотя запахъ и долженъ показаться сильнымъ и специфическимъ, все-таки онъ никому не будетъ противенъ. Спустя 15 секундъ бо́льшая часть тѣхъ, которые сидѣли впереди, подняли руки, а черезъ 40 секундъ «запахъ» распространился по всей аудиторіи довольно правильными параллельными волнами. Приблизительно $^3/_4$ всего числа присутствующихъ заявили, что они чувствуютъ запахъ. Безъ сомнѣнія внушеніе распространилось бы на гораздо бо́льшее число лицъ, если бы по прошествіи одной минуты я не былъ вынужденъ прекратить опытъ вслѣдствіе того, что нѣкоторымъ изъ лицъ, находившимся въ первыхъ рядахъ, запахъ показался отвратительнымъ, такъ что они хотѣли оставить аудиторію («Revue scientifique»).

Д. Н.

Географія и путешествія. 1) *Вильгельмъ Баренцъ—изслѣдователь арктическихъ областей, и 300-лѣтіе его путешествій.* Однимъ изъ центральныхъ вопросовъ, занимавшихъ ученыхъ географовъ въ теченіе сессіи Берлинскаго международнаго географическаго конгресса осенью истекшаго года, былъ вопросъ объ организаціи путешествій для изслѣдованія арктическихъ областей. Естественно, что присутствовавшій на конгрессѣ Фритіофъ Нансенъ былъ одной изъ тѣхъ фигуръ, которыя останавливали на себѣ всеобщее вниманіе. Его знаменитое путешествіе несомнѣнно открыло новую эру въ исторіи полярныхъ путешествій; всѣмъ извѣстно по какому строгому плану оно было расчитано и какъ блестяще этотъ планъ былъ приведенъ въ исполненіе; элементъ случайности здѣсь былъ доведенъ до возможнаго минимума. Многіе чисто практическіе вопросы разрѣшены были вполнѣ удовлетворительно и будущіе путешественники оцѣнятъ всю важность заслугъ Нансена въ этой области. Съ другой стороны, научная цѣль экспедиціи—изученіе физико-географическихъ условій арктическихъ областей если и не исчерпана вполнѣ, то во всякомъ случаѣ достигнутые Нансеномъ результаты такъ велики, что, быть можетъ, только отдаленное будущее подвинетъ насъ впередъ въ этомъ отношеніи. Интересъ къ арктическимъ областямъ до извѣстной степени исчерпанъ, и вотъ взоры географовъ-теоретиковъ и путешественниковъ обращаются къ другому полушарію, къ областямъ антарктическимъ, въ которыхъ скрывается еще много тайнъ, способныхъ освѣтить множество темныхъ теоретическихъ вопросовъ, для рѣшенія которыхъ не хватаетъ фактическаго матеріала.

---

*) Общая длина сохранившагося скелета немного болѣе 270 футовъ, предполагаемая общая длина животнаго 30 футовъ.

Начало будущаго столѣтія ознаменуется, повидимому, крупными открытіями въ антарктическихъ областяхъ: цѣлыхъ три экспедиціи, обставленныя всѣми возможными средствами, направятся сразу въ нѣсколькихъ направленіяхъ къ южному полюсу. Мы уже сообщали въ свое время объ организаціи и планахъ нѣмецкой, англійской и американской экспедицій.

Въ виду такого возрожденія всеобщаго интереса къ полярнымъ путешествіямъ, мы и рѣшаемся напомнить читателямъ объ одной, отдаленной отъ насъ страничкѣ изъ исторіи этихъ путешествій и объ одномъ человѣкѣ, также какъ и Нансенъ, положившемъ въ свое время начало новой эрѣ въ исторіи этихъ подвиговъ человѣчества.

20-го іюня 1597 г. умеръ въ концѣ своего третьяго, знаменитаго полярнаго путешествія энергичный и отважный, голландскій мореплаватель—Вильгельмъ Баренцъ, именемъ котораго названо море у сѣвернаго побережья Россіи между полуостровами Канинымъ и Новою Землею. Съ его смертью закончилась блестящая эпоха въ исторіи изученія арктическихъ областей, и три его полярныхъ путешествія положили прочное основаніе для всего того, что было достигнуто послѣ него, и послужили примѣромъ для его послѣдователей.

Своими открытіями Баренцъ сильно расширилъ кругъ современныхъ ему свѣдѣній объ арктическихъ областяхъ: такъ, въ разное время имъ были открыты Медвѣжьи острова, Шпицбергенъ и сѣверное побережье Новой Земли. Во время своихъ странствованій по Ледовитому океану Баренцъ достигъ тѣхъ высшихъ широтъ, которыя послѣ него были достигнуты и перейдены лишь въ самое недавнее время. Но и этого мало: Баренцъ явился настоящимъ новаторомъ—онъ и здѣсь открылъ новые пути и новые способы выполненія полярныхъ путешествій. До него моряки, изслѣдовавшіе Ледовитый океанъ у сѣверныхъ береговъ Европы, не рисковали особенно удаляться отъ береговъ и едва только встрѣчали плавучій ледъ на своемъ пути, торопились уйти обратно или же терпѣливо ожидали, пока море очистится отъ льда. Баренцъ первый имѣлъ отвагу пуститься въ открытый океанъ съ цѣлью пробить себѣ дорогу посреди льдовъ и первый рѣшился на рискованное предпріятіе—врѣзаться въ громадныя ледяныя поля. При этомъ онъ пользовался, съ одной стороны, искусной лавировкой посреди льдовъ и отыскиваніемъ проходовъ. съ другой—употребилъ всѣ усилія, чтобы насильно прорваться чрезъ льдины, разбивая ихъ носовою частью своего корабля. Такимъ образомъ, мы видимъ, что способы Баренцса, которыми онъ первый воспользовался, остались до нашихъ дней тѣми же и, какъ извѣстно, дали чрезвычайно богатые результаты.

Напомнимъ въ краткихъ чертахъ исторію трехъ голландскихъ путешеетвій, главнымъ героемъ и выполнителемъ плановъ которыхъ явился Баренцъ. Выгодныя коммерческія сношенія, завязавшіяся у англичанъ съ Россіею въ половинѣ XVI ст. возбудили зависть предпріимчивыхъ голландцевъ. Въ 1565 г. первое голландское судно прибыло въ Колу и нѣсколько лѣтъ спустя правильныя коммерческія сношенія были установлены съ одной богатой торговой фирмою въ Амстердамѣ. Къ этому же времени относятся попытки найти морской путь въ Китай и другія богатыя страны Востока черезъ Ледовитый океанъ. Несмотря на то, что первая попытка англичанъ въ этомъ направленіи окончилась полною неудачею, голландцы не захотѣли отстать отъ своихъ конкурентовъ и, въ свою очередь, снарядили четыре корабля съ цѣлью отыскать сѣверный морской путь въ Китай и Индію. 15-го іюня 1594 г. голландскіе корабли отправились въ путь. Кораблями, снаряженными на средства Амстердама, командовалъ Баренцъ. У береговъ русской Лапландіи корабли раздѣлились. Два изъ нихъ, слѣдуя завѣтамъ старины, направились по побережьямъ къ проливамъ, ведущимъ въ Карское море. Баренцъ, воспользовавшись совѣтами знаменитаго космографа Планціуса, направился прямо въ открытое море, намѣреваясь обойти

Новую Землю. Дѣло въ томъ, что кабинетные географы того времени, несмотря на всѣ противоположныя заявленія мореходовъ, держались того мнѣнія, что льды образуются только по сосѣдству съ сушей. Отсюда произошла долго державшаяся теорія свободнаго моря, которое должно лежать на пути къ полюсу въ открытомъ океанѣ.

Остановимся лишь на важнѣйшихъ результатахъ достигнутыхъ Баренцсомъ. Съ необычайною легкостью онъ достигъ широты 76° 30', но здѣсь и началась отчаянная борьба со стихіею. Много разъ его корабль былъ окончательно затертъ льдами, но никакая опасность не могла сломить его мужества. Шагъ за шагомъ отвоевывая себѣ дорогу, Баренцъ 29-го іюля достигъ острововъ, расположенныхъ у сѣверной оконечности Новой Земли. Любопытно отмѣтить, что пунктъ этотъ былъ перейденъ лишь современниками нашими въ 1872 г. Трудно представить себѣ ту массу энергіи, которая была затрачена Баренцсомъ для того, чтобы проложить себѣ путь впередъ; достаточно будетъ сказать, что путь, пройденный имъ по разнымъ направленіямъ среди льдовъ, равнялся 1.750 милямъ (разстояніе отъ г. Калэ до сѣвернаго берега Шпицбергена). Уже одно это путешествіе обнаружило геніальныя мореходныя способности Баренцса. Въ концѣ концовъ, передъ глазами измученнаго трудностями пути экипажа разстилались безконечныя ледяныя поля Карскаго моря. Баренцъ принужденъ былъ остановиться и 1 августа—отправился въ обратный путь. Другіе корабли, послѣ удачнаго плаванія по Карскому морю, вернулись обратно въ увѣренности, конечно, ошибочной, будто они были недалеко отъ устьевъ Оби. Задача—найти путь въ Китай казалась капитану Нэю выполненной. И вотъ въ слѣдующемъ году былъ снаряженъ флотъ изъ семи кораблей, нагруженныхъ товарами, съ миссіей пройти въ Китай черезъ Вайгачскій проливъ. Начальство было поручено Нэю, назначенному адмираломъ, Баренцъ же былъ назначенъ капитаномъ одного изъ кораблей. Но состояніе плавучихъ льдовъ въ Карскомъ морѣ оказалось далеко менѣе благопріятнымъ въ сравненіи съ предыдущимъ годомъ. Послѣ цѣлаго ряда безплодныхъ усилій, экспедиція вернулась въ Голландію. На этой неудачной попыткѣ закончились оффиціальныя экспедиціи съ правительственной субсидіей. Чтобы возбудить частную инціативу, правительство назначило крупную премію тому моряку, который найдетъ сѣверный путь къ Китаю. И дѣйствительно, городъ Амстердамъ снарядилъ въ слѣдующемъ 1596 г. два корабля, однимъ изъ которыхъ командовалъ Баренцъ. Условія оказались не особенно благопріятными въ этомъ году и, несмотря на это, Баренцъ черезъ нѣсколько недѣль плаванія открываетъ послѣдовательно: Медвѣжьи острова, дѣлаетъ очень точное измѣреніе ихъ широты и, покинувши ихъ, черезъ четыре дня открываетъ Шпицбергенъ. Посѣтивши одинъ заливъ на сѣверномъ берегу Шпицбергена, онъ отправляется далѣе на сѣверо-западъ, но принужденъ былъ вернуться, встрѣтивши непроходимыя массы плавучаго льда. Нѣсколько разъ потерпѣвши неудачу въ стремленіи пробиться дальше къ сѣверу, Баренцъ направляется на югъ и вскорѣ держитъ путь къ Новой Землѣ по морю, которое носитъ теперь его имя. Но и здѣсь условія оказались не болѣе благопріятными, чѣмъ у Шпицбергена. Въ своемъ дневникѣ Баренцъ упоминаетъ о глыбахъ льда толщиною до 100 метровъ; но и въ этихъ условіяхъ онъ находится и держится на мѣстахъ слишкомъ мелкихъ для такихъ айсберговъ. Въ концѣ концовъ, преодолѣвши крупныя опасности, въ серединѣ августа ему удалось обогнуть Новую Землю, а чрезъ нѣсколько дней корабль его оказался затертымъ льдомъ въ одномъ изъ заливовъ на восточномъ побережьи острова. Положеніе было критическое. Всѣ усилія, сдѣланныя Баренцсомъ для того, чтобы проложить себѣ путь по какому-нибудь направленію, оказались тщетными, и въ концѣ августа онъ вынужденъ былъ окончательно остановиться на восточномъ берегу Новой Земли. Предстояла неизбѣжная зимовка.

До того времени, ни разу еще ни одинъ европеецъ не проводилъ зимы въ арктической зонѣ. Храбрые моряки не безъ ужаса думали о своей судьбѣ, такъ какъ къ тому же европейцы имѣли преувеличенное представленіе о суровости полярной зимы.

Первою опасностью, угрожавшею экспедиціи, была, конечно, опасность потерять свое судно, которое легко могло быть раздавлено напоромъ льда. Но голландскія суда имѣли очень выпуклую форму нижней части корпуса—конструкція и теперь отличающая голландскія суда; смыслъ такого устройства заключался въ томъ, чтобы дать возможность судамъ лучше приставать къ мелкимъ побережьямъ Сѣвернаго моря. Такая форма спасла судно Баренцса: первый сильный натискъ льда выдавилъ судно его на поверхность, точь въ точь какъ ровно черезъ триста лѣтъ случилось съ «Фрамомъ» Нансена.

Въ минуты опасности Баренцъ обнаружилъ удивительную находчивость. Боясь потерять припасы въ случаѣ гибели корабля, онъ позаботился о перевозкѣ ихъ на берегъ, гдѣ была устроена хижина для предстоявшей зимовки. Съ 24 октября экипажъ перебрался въ новое помѣщеніе, гдѣ ему суждено было пережить много опасностей, лишеній и испытаній. Вокругъ хижины бродили медвѣди, не привыкшіе еще бояться сосѣдства съ человѣкомъ и лишь только человѣкъ выходилъ изъ своего убѣжища, они съ чрезвычайной дерзостью нападали на него. Не легка была борьба съ этимъ звѣремъ, въ особенности, если принять въ соображеніе плохое вооруженіе того времени, состоявшее, главнымъ образомъ, изъ аллебардъ. Разсказы исторіографа этой экспедиціи полны драматическихъ эпизодовъ и жизненной правды, что и обезпечило имъ громадный литературный успѣхъ: сочиненіе де Вира, голландскаго морехода, было переведено почти на всѣ языки, на которыхъ говорила въ то время культурная Европа: на латинскій, французскій, англійскій, нѣмецкій и итальянскій.

Наконецъ, въ маѣ мѣсяцѣ побережье начало очищаться отъ льда; но корабль путешественниковъ плотно застрялъ на огромной глыбѣ льда, отъ которой его не было возможности освободить. Въ этихъ обстоятельствахъ голландцы рѣшили оставить судно на произволъ судьбы и попытаться возвратиться на родину въ лодкѣ. 14-го іюня экспедиція направилась къ югу. Для своей эпохи такое путешествіе является столь-же рискованнымъ, героическимъ предпріятіемъ, какъ и знаменитое путешествіе Нансена пѣшкомъ. Способы передвиженія, какими пользовались голландцы во время своего замѣчательнаго возвращенія, и до нашего времени остались единственными, примѣняющимися и теперь. Среди всѣхъ злоключеній экспедиція потеряла 20 іюня своего начальника: Баренцъ, уже давно хворавшій, взглянулъ въ послѣдній разъ на открытую имъ Землю и на рукахъ де-Вира скончался.

Только послѣ 35-дневныхъ усилій путешественникамъ удалось обогнуть Новую Землю и выйти въ открытое море. Слѣдуя по сѣверному побережью Россіи и переплывши далѣе Бѣлое море они встрѣтились въ Колѣ съ прошлогодними компаньонами по экспедиціи.

Возвращеніе путешественниковъ на родину праздновалось банкетами и рѣчами. Члены экспедиціи были приглашены ко двору принца Морица Нассаускаго, гдѣ послѣ пира въ ихъ честь, ими былъ сдѣланъ подробный разсказъ о приключеніяхъ, ими пережитыхъ. Такъ состоялся первый докладъ объ арктической экспедиціи.

Результаты путешествій Баренцса, какъ видно изъ этого краткаго отчета, были крайне обильны. Въ теченіе трехъ своихъ экспедицій онъ начерталъ въ общемъ главныя линіи побережій полярнаго бассейна и далъ въ общихъ чертахъ его конфигурацію, дотолѣ совершенно неизвѣстную. Наблюденія экспедиціи, какъ мы уже имѣли случай упоминать выше, отличались точностью; видна чрезвычайная наблюдательность голландскихъ мореходовъ: отчетъ де-Вира со-

держитъ много цѣнныхъ свѣдѣній, напр., о динамикѣ полярнаго льда, много геологическихъ замѣтокъ; такъ, де-Виръ—первый упоминаетъ о поднятіи побережья полярныхъ земель.

Хотя прямая цѣль—найти дорогу въ Китай и не была выполнена, экспедиціи Баренца имѣли косвенно-экономическіе результаты глубокой важности. Спустя нѣсколько лѣтъ по слѣдамъ Баренца отправились англичане и посѣтили Шпицбергенъ и Медвѣжьи острова. Узнавши, что англичане встрѣтили здѣсь громадныя стада трески и китовъ, голландцы, фламандцы и др. вскорѣ явились сюда съ большимъ числомъ судовъ для охоты. Въ періодъ времени въ 160 лѣтъ послѣ этого прибыль одной Голландіи отъ этого промысла превышаетъ 300 милліоновъ франковъ и капиталъ, пущенный въ оборотъ на это предпріятіе, приносилъ 40% дохода.

Въ 1871 году норвежскій капитанъ Карлсенъ сдѣлалъ чрезвычайно интереснее открытіе на сѣверѣ Новой Земли. Подъ слоемъ льда и снѣга онъ нашелъ старую хижину; войдя въ нее, онъ къ крайнему своему изумленію нашелъ въ ней мебель, хозяйственныя принадлежности, оружіе и даже книги. Это была хижина, гдѣ 274 года тому назадъ зимовалъ Баренцъ со своими товарищами. Все оказалось на своемъ мѣстѣ, какъ будто бы Баренцъ только что покинулъ свое жилище: на стѣнѣ висѣли часы, на столѣ найдена флейта, съ которою отважный мореплаватель короталъ скуку безконечной полярной ночи. Всѣ эти предметы хранятся теперь въ національномъ музеѣ Амстердама, какъ свидѣтельство бывшей морской славы голландцевъ.

Незначительность результатовъ, добытыхъ въ теченіе послѣдующихъ 300 лѣтъ, несмотря на весь колоссальный прогрессъ техники въ тотъ же періодъ времени, всего рельефнѣе показываетъ важное значеніе открытій Баренца и въ то же время увеличиваетъ роль заслугъ Норденшильда и Нансена, которые въ послѣднее время сильно двинули впередъ дѣло изученія арктической области.

2) *Алмазныя копи южной Африки.* Первыя находки алмазовъ въ южной Африкѣ были сдѣланы въ 1867 году въ бассейнѣ рѣки Ваала. Странствующій торговецъ О'Рейи представилъ первый алмазъ вѣсомъ въ 21 каратъ, пріобрѣтенный имъ у одного бура, который не имѣлъ представленія о его цѣнѣ. Камень этотъ былъ переданъ въ придворное хранилище драгоцѣнностей въ Лондонѣ и проданъ, въ концѣ концовъ, одному англійскому барону за 500 фунтовъ стерлинговъ (4½ т. руб.). О'Рейи подѣлился прибылью съ первымъ владѣльцемъ алмаза. Черезъ два года тотъ же самый буръ пріобрѣлъ отъ жившаго въ этой мѣстности готтентота за 400 ф. ст. алмазъ вѣсомъ въ 83½ карата, который онъ тутъ же непосредственно продалъ за 11.200 ф. стерл. Камень этотъ, извѣстный подъ названіемъ «звѣзды южной Африки» принадлежитъ теперь графинѣ Dudley и оцѣнивается въ 25.000 ф. стерл.

Вскорѣ въ страну, на которую прежде едва ступала человѣческая нога, устремилась цѣлая толпа искателей приключеній всѣхъ національностей, и пустынная, бѣдная водою страна начала оживляться. Тысячи людей, жертвуя удобствами жизни, проживая въ наскоро сооруженныхъ, подвижныхъ палаткахъ, были заняты одной мыслью—разыскать драгоцѣнную находку, обладавшую свойствомъ превратить въ одно мгновеніе бѣднаго человѣка въ богатаго. Вскорѣ были открыты два мѣстонахожденія алмазовъ, одно возлѣ другого, такъ что на пространствѣ въ одну квадратную милю возникло сразу четыре копи. Первоначальная организація этихъ копей носила чисто хаотическій характеръ: если промышленникъ находилъ мѣсто, по его мнѣнію обѣщавшее обильный заработокъ, онъ начиналъ его раскопку съ помощью туземцевъ самымъ примитивнымъ путемъ, за недостаткомъ необходимыхъ машинъ и взрывчатыхъ матеріаловъ. Каждый работалъ на свой страхъ, небольшою партіею, работалъ, примѣняя свои способы, не справляясь съ выгодами сосѣда, а такъ какъ вскорѣ

число алмазопромышленниковъ достигло солидной цифры, 12.000 человѣкъ. то мы легко можемъ вообразить себѣ царствовавшую здѣсь анархію, поджигаемую единственной страстью быстрой наживы. Если прибавить къ этому еще недостатокъ путей сообщенія, скверную воду, развитіе лихорадки, а также ссоры и междоусобія промышленниковъ между собою, то картина первоначальной стадіи въ эксплуатаціи южно-африканскихъ копей получится полная.

Увеличеніе раздоровъ, разныя проявленія страстей, не имѣвшихъ надъ собой узды въ законѣ и правосудіи, наконецъ, быть можетъ, и болѣе корыстныя соображенія привели къ тому, что правительство Капской колоніи объявило страну своею собственностью. Но буры сосѣдней Оранжевой республики объявили также свои притязанія на владѣніе этой территоріей и дѣло, вѣроятно, дошло бы до войны, если бы спорящія стороны не помирились: Оранжевая республика за 90.000 ф. стерл. отказалась отъ своихъ притязаній.

Между тѣмъ пока шло дѣло упорядоченія эксплуатаціи копей, мѣры были приняты самыя рѣшительныя и отношенія обострились въ такой мѣрѣ, что произошло настоящее возстаніе алмазопромышленниковъ. Къ счастью, дѣло обошлось безъ кровопролитія и споръ былъ улаженъ мирнымъ путемъ.

Какъ только былъ возстановленъ порядокъ, началось правильно поставленное горное дѣло. Палатки были замѣнены постоянными жилищами, и такъ возникъ теперешній городъ Кимберлей. Порядокъ былъ однако только наружный.

Съ большою легкостью алмазы могли быть добыты нечестнымъ путемъ и громадные барыши отъ тайно пріобрѣтенныхъ у рабочихъ-туземцевъ алмазовъ опять привлекли сюда большое количество любителей легкой наживы, которые организовали здѣсь цѣлую систему тайной покупки и продажи краденыхъ алмазовъ. Едва лишь половина добывавшихся камней поступала въ распоряженіе законныхъ владѣльцевъ копей. Владѣльцы обратились за содѣйствіемъ къ властямъ, и были изданы законы, жестоко каравшіе тайную торговлю алмазами. Цѣлая армія тайныхъ полицейскихъ чиновниковъ наблюдала за тѣмъ, чтобы торговля драгоцѣнными камнями производилась только лицами, получившими концессію. Одного факта обладанія необработанными алмазами достаточно было для осужденія на семилѣтнія каторжныя работы. Закономъ, конечно, воспользовались какъ репрессивной мѣрой, и легко можно вообразить, къ какимъ злоупотребленіямъ повело изданіе такихъ законовъ: многихъ нежелательныхъ людей удаляли, подкладывая имъ въ карманы запретныя сокровища.

Между тѣмъ мало по-малу основались акціонерныя общества, взявшія на себя эксплуатаціи копей и къ 1884 году произошла, наконецъ, полная капитализація и объединеніе Кимберлеевскихъ копей, когда установлено желѣзнодорожное сообщеніе съ Капштадтомъ.

Большинство разрабатываемыхъ въ настоящее время копей находится на дневной поверхности и лишь отдѣльныя, единичныя шахты удаляются далеко въ глубину земли. Всего въ пяти минутахъ ходьбы отъ базарной площади Кимберлея находится одна изъ богатѣйшихъ южно-африканскихъ копей; копь имѣетъ въ глубину до 150 метровъ, отдѣльныя подземныя шахты ея уходятъ теперь уже до глубины 500 метровъ. Образцовою въ настоящее время является копь De Beers Company, лежащая на $^1/_4$ мили къ востоку отъ первой: она можетъ дать посѣтителю общую картину современной добычи драгоцѣнныхъ камней.

Алмазы находятся въ глинистой, голубовато-зеленой породѣ, твердой консистенціи, называемой кимберлитомъ. Куски этой породы добываются посредствомъ динамитныхъ взрывовъ и доставляются вверхъ въ особыхъ вагончикахъ и выставляются на открытыхъ дѣйствію воздуха плацахъ, послѣ чего они легко промываются. Много милліоновъ пудовъ породы разложены въ такихъ мѣстахъ. Въ 1.000 килограммовъ кимберлита заключается въ среднемъ отъ 0,85 до 0,89 каратъ алмазовъ (120 каратъ равны одной унціи или 16,67 грамма). Цѣлый рядъ

остроумныхъ машинъ и приспособленій сооруженъ для разныхъ операцій: размельченія, промывки, отдѣленія потерявшей цѣну земли и ея перевозки въ особыя мѣста, гдѣ выросли цѣлые искусственные холмы.

Кромѣ алмазовъ чистой воды, находятся алмазы желтоватой, красноватой и черной окраски; попадаются также рубины и другіе драгоцѣнные камни меньшей цѣнности, которая опредѣляется величиной, формой и цвѣтомъ камня.

Какъ и вообще, во всей южной Африкѣ всѣ черныя работы совершаются въ копяхъ туземцами-кафрами, всѣ же надсмотрщики, сортировщики и машинисты—бѣлые.

Нанимаются туземцы на извѣстный рабочій сезонъ, минимумъ на 3 мѣсяца, и на все это время остаются запертыми въ опредѣленномъ районѣ копи. Для внѣрабочаго времяпрепровожденія служитъ имъ особый, застроенный разными зданіями, замкнутый отъ внѣшняго міра участокъ, гдѣ они проводятъ ночь, обѣдаютъ и т. д.

Такимъ образомъ они подвергнуты постоянному контролю и не могутъ сбыть съ рукъ случайно найденные алмазы.

Въ алмазныхъ копяхъ Кимберлея работаетъ теперь 7.800 кафровъ чернорабочихъ и 2.000 бѣлыхъ.

Добыча алмазовъ со времени открытія копей оцѣнивается въ $1^1/_4$ милліарда марокъ (45 к.).

На территоріи Оранжевой республики также открыто богатое мѣстонахожденіе алмазовъ въ 1878 году. Здѣсь въ 1893 году найденъ наибольшій алмазъ въ 971 каратъ вѣсомъ, названный «Эксцельзіоръ» и другой въ 1895 году въ 834 карата, названный въ честь президента Оранжевой республики «Рейцемъ».

Сколько кровавыхъ драмъ разыгралось на этой небольшой территоріи въ теченіе 30-ти-лѣтняго періода отъ начала эксплуатаціи копей? Какіе низменные инстинкты и страсти народились и... или восторжествовали или погибли здѣсь? Сколько человѣческаго труда, слезъ и пота видѣла эта земля?! А сколько еще можно предвидѣть въ будущемъ...

И вся добыча идетъ, главнымъ образомъ, какъ предметъ роскоши,—предметъ, цѣна котораго, въ сущности, мнимая.

Уже теперь искусственные алмазы отличаются лишь опытными глазами, и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что недалекое будущее откроетъ способъ лабораторнаго воспроизведенія настоящихъ алмазовъ.

Н. М.

Астрономическія извѣстія.

Звѣздные дожди въ 1899 г. Въ ночь съ 3-го на 4-ое ноября, какъ сообщалось въ одной изъ предъидущихъ хроникъ, ожидалось интересное явленіе «звѣзднаго дождя» потока падающихъ звѣздъ Леонидъ. Съ нѣсколько меньшей вѣроятностью можно было надѣяться также на другой потокъ—Біэлидъ—11-го ноября. Къ наблюденіямъ этихъ двухъ феноменовъ давно уже готовились, ихъ ждали съ интересомъ. Ожиданія охватили даже большую публику, появились и слухи о концѣ міра, разукрашенные присказками о страшной кометѣ. Но кончина міра оказалась отсроченной на неопредѣленное время. Что касается кометы, то легковѣрная и мало свѣдущая масса ее видѣла. Въ Кіевской, Волынской и другихъ сосѣднихъ губерніяхъ 14-го ноября, около 11 час. вечера вдругъ замѣтили близъ зенита какую-то яркую полосу, которая прогорѣла два часа, а потомъ исчезла. Уже одного того факта, что явленіе продолжалось только два часа, что оно не зашло подъ горизонтъ, а исчезло тутъ же, гдѣ и показалось, было вполнѣ достаточно, чтобы отклонить мысль о какой-либо ко-

метѣ для объясненія его. Но предшествовавшіе слухи сдѣлали свое. Не только масса, даже газеты, претендующія на интеллигентный кругъ читателей, заговорили о кометѣ. 14-го ноября—это какъ разъ канунъ того дня, въ который земля пересѣкала до 1890 года орбиту кометы Біэлы, породившей намъ потокъ Біэлидъ, и вотъ «Кіевлянинъ» съ апломбомъ заявляетъ, что наблюдавшаяся полоса и есть комета Біэлы. Онъ приводитъ различныя историческія свѣдѣнія объ этой кометѣ, забывая только, что послѣдняя даже въ моментъ открытія въ 1826 году была телескопической, т. е. доступной только трубѣ, а послѣ того, какъ она раздѣлилась и породила рой метеоровъ, сдѣлалась совсѣмъ слаба или даже перестала совсѣмъ существовать, какъ комета.

По наиболѣе вѣроятнымъ объясненіямъ свѣтлая полоса, наблюдавшаяся на юго-западѣ Россіи 14-го ноября, была родъ мѣстнаго сѣвернаго сіянія. Во всякомъ случаѣ, ни съ ожидавшимися звѣздными потоками, ни съ какой-либо кометой вообще она ничего общаго имѣть не можетъ.—Потокъ Біэлидъ въ этомъ году, какъ и въ 1898, когда было еще болѣе основанія его ждать, не наблюдался совсѣмъ. Какая причина этому, пока не разслѣдовано. Пропали, напрасно, и ожиданія звѣзднаго дождя Леонидъ. Никакого эффектнаго явленія нигдѣ не наблюдалось. Кое-гдѣ, правда, помѣшала облачная погода, но во многихъ пунктахъ небо было чисто нѣсколько дней подъ-рядъ и тѣмъ не менѣе ничего выдающагося замѣчено не было. Число метеоровъ въ этомъ году оказалось меньше, чѣмъ въ прошломъ; меньше, можетъ быть, даже чѣмъ въ 1896 году.

Тѣмъ не менѣе благодаря тому вниманію, которое было отдано ожидавшемуся феномену, общее число наблюдавшихся въ различныхъ мѣстахъ метеоровъ, довольно значительно. Оно будетъ имѣть большое значеніе для изслѣдованія современнаго состоянія потока.

Въ Россіи проф. Глазенапъ разослалъ повсюду карты съ предложеніями наблюдать Леониды. Но результаты получены только изъ пунктовъ:

1) Петербурга, гдѣ г-жа Субботина въ ночь съ 5-го на 6-ое ноября наблюдала съ 9 часовъ вечера до 6 часовъ утра и замѣтила 13 метеоровъ, изъ которыхъ 8 было Леониды.

2) Стародуба, гдѣ г. Быковъ 1-го ноября наблюдалъ 14 метеоровъ.

3) Со станціи Московско-Ярославкой жел. дорогѣ Рязанцево, гдѣ г. Кащинцевъ видѣлъ 13 падающихъ звѣздъ 3-го ноября.

Кромѣ того, 4-го ноября ученики Горыгорецкаго земледѣльческаго училища подъ руководствомъ г. Рытова замѣтили 14 метеоровъ.

Во многихъ мѣстахъ Россіи всѣ первые дни ноября оказались облачными.

Въ Одессѣ астрономы наблюдали три ночи подъ-рядъ и набрали 106 метеоровъ: 1-го ноября—15, 2-го тоже 15, а 3-го—76 метеоровъ. Попытки фотографировать метеоры оказались безуспѣшными.

Въ Петербургѣ была сдѣлана даже попытка подняться на воздушномъ шарѣ. Астрономъ Ганскій изъ Пулкова, Кузнецовъ отъ главной физической обсерваторіи и г. Кованько полетѣли въ ночь съ 3-го на 4-ое, на шарѣ «Ген. Заботкинъ». Но они не могли пройти всѣхъ слоевъ облаковъ и вернулись безъ результатовъ.

За границей тоже были организованы полеты на воздушныхъ шарахъ. Въ ночь съ 2-го на 3-е поднимался въ Парижѣ русскій астрономъ Тиховъ, занимающійся на астрофизической обсерваторіи въ Медонѣ. Онъ нашелъ уже на высотѣ 1 километра чистое небо и наблюдалъ 100 метеоровъ, изъ которыхъ 20 было яркихъ.

Въ слѣдующую ночь поднялась г-жа Klumpke — астрономъ Парижской обсерваторіи она замѣтила только 12 метеоровъ, изъ которыхъ 7 оказались первой величины.

Въ Страсбургѣ поднимался астрономъ Тетенсъ въ ночь съ 3-го на 4-ое.

Черезъ $^1/_2$ часа послѣ отправленія шаръ вышелъ изъ облаковъ, небо было совершенно ясно, но впродолженіи двухъ часовъ не показывалось ни одного метеора, только къ концу ночи удалось замѣтить 10 метеоровъ, да и то половина оказалась не принадлежащими къ Леонидамъ.

Астрономы Страсбургской обсерваторіи Кобольдъ и Эбениль наблюдали потокъ съ самой высокой вершины Вогезъ *Grand Ballon* (1.390 метровъ). Въ ночь съ 2-го на 3-е ими насчитано было около 100, изъ которыхъ 15 нанесены на карту. 3-го числа небо было полузатянуто облаками и Леонидъ не замѣчено.

Въ самомъ Страсбургѣ только 4-го числа небо оказалось чисто. За пять часовъ наблюденій замѣчено тамъ 9 метеоровъ.

Въ Гамбургѣ и ближайшихъ окрестностяхъ наблюденія были организованы въ 5 пунктахъ, причемъ на 4 изъ нихъ предполагалось фотографировать метеоры. 2-ое ноября, благодаря густому туману, наблюденія совершенно не удались; 3-го числа погода вполнѣ благопріятствовала. На астрономической обсерваторіи было замѣчено 149 метеоровъ, изъ которыхъ принадлежащихъ потоку оказалось 111. На 4 другихъ станціяхъ наблюдено 110 метеоровъ, на фотографическихъ пластинкахъ не обнаружено ни одного слѣда.

Въ Боннѣ 3-го числа замѣчено всего 4 метеора и 4-го еще одинъ.

Въ Килѣ нѣсколько студентовъ, подъ руководствомъ проф. Гарцера и Ристенпарта, наблюдали 3-го ноября. Они замѣтили 115 метеоровъ, изъ которыхъ 77 оказались Леонидами.

Въ Утрехтѣ наблюдали каждый день съ 29-го октября. Въ первый день замѣчено 5, а во второй—4 метеора, принадлежащихъ потоку, 2-го ноября ихъ насчитали 50, 3-го—12.

Въ Лиссабонѣ (Тапада) 2-го ноября видѣли 10 метеоровъ, 3-го—11, 5-го—7.

Въ Прагѣ 30-го октября замѣченъ одинъ метеоръ и 3-го другой. Въ остальные дни небо было закрыто.

Въ Вѣнѣ наблюденія не удались по случаю облачной погоды. Пропала по той же причинѣ и вѣнская экспедиція въ Индію.

Теперь интересно только подождать подробныхъ отчетовъ американскихъ обсерваторій, изъ которыхъ нѣкоторыя дѣлали большія приготовленія къ наблюденіямъ, но общій характеръ явленія виденъ уже и теперь. Какъ отмѣчено выше, потокъ въ 1899 году оказался очень слабъ и во всякомъ случаѣ maximum его скорѣе падаетъ на 2-ое ноября, а не на конецъ 3-го, какъ давали вычисленія на основаніи прежнихъ наблюденій.

Здѣсь кстати интересно будетъ замѣтить, что берлинскій астрономъ Берберихъ, искусный вычислитель, еще за годъ до наблюденія, указалъ, что потокъ Леонидъ въ 1899 г. не можетъ быть такъ силенъ, какъ въ прежніе годы своихъ maximum'овъ, потому что разстояніе, на которомъ пройдетъ теперь земля отъ главной массы тѣлецъ, окажется значительно больше, чѣмъ прежде, вслѣдствіе возмущенія орбиты потока Юпитеромъ и Сатурномъ. И это то предсказаніе, повидимому, теперь и оправдалось.

К. Покровскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Январь. 1900 г.

Содержаніе:—Беллетристика.—Исторія литературы и искусства.—Исторія всеобщая.—Политическая экономія.—Этнографія.—Астрономія.—Сельское хозяйство.—Народныя изданія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Бомарше. Театръ.—«Севильскій цирульникъ».—«Свадьба Фигаро».—«Виновная мать».

Бомарше. Театръ.—«Севильскій цирульникъ».—«Свадьба Фигаро».—«Виновная мать». Переводъ А. А. Криль. Москва. 1899 г. Настоящій переводъ извѣстной трилогіи Бомарше сдѣланъ весьма внимательно. Неизбалованные на этотъ счетъ русскими переводчиками, обыкновенно ограничивающимися болѣе или менѣе удовлетворительной передачей перваго попавшагося текста даннаго произведенія, мы должны отмѣтить, что г. Криль взялъ на себя трудъ ознакомиться съ главнѣйшими сочиненіями о Бомарше и заимствовалъ оттуда нѣкоторыя страницы, которыхъ до сихъ поръ нѣтъ даже во французскихъ изданіяхъ сочиненій Бомарше, а именно: у Лентилака взято предисловіе къ *Виновной матери* и обширный варіантъ нѣкоторыхъ сценъ изъ *Свадьбы Фигаро*, а изъ отрывковъ, напечатанныхъ у Лентилака и Ломени, вполнѣ удачно сдѣланъ сводъ цѣлой маленькой комедіи (*Le double compliment de clôture*), которая въ свое время была сыграна послѣ *Севильскаго цирульника*, въ видѣ заключительнаго привѣтствія для конца театральнаго сезона. Въ предисловіи перечисленны лучшіе біографическіе труды и изданія текста, а также нѣсколько статей на русскомъ языкѣ; но странно при этомъ, что переводчикъ не указалъ прежнихъ русскихъ изданій комедій Бомарше; между тѣмъ, въ числѣ ихъ есть весьма удовлетворительное изданіе *Пантеона литературы* (Спб. 1888 г.) съ прекрасной статьей проф. Алексѣя Н. Веселовскаго.

Старанію передать какъ можно ближе смыслъ и характеръ подлинника надо приписать и слѣдующее довольно существенное нововведеніе: у Бомарше,—говоритъ переводчикъ,—есть «цѣлый рядъ именъ, въ дѣйствительной жизни не встрѣчающихся. Это, такъ сказать, имена—этикетки, наклеивать которыя на дѣйствующихъ лицъ было во времена Бомарше въ модѣ и въ Россіи». Эти имена, которыя до сихъ поръ передавались простой транскрипціей, переводчикъ считаетъ необходимымъ переводить соотвѣтствующими имъ по смыслу русскими словами. Надо признать, что новшество это (весьма, впрочемъ, употребительное въ русскихъ переводахъ XVIII столѣтія) весьма неудачно. Хотя во французскомъ языкѣ нѣтъ такихъ именъ, какъ Double-main, de-Verte Allure или Grippe-Soleil, но они, по крайнѣй мѣрѣ, возможны, тогда какъ по-русски прямо немыслимы имена Сугуборукій, Удалая или Грабь-Солнце, не говоря о неточности и тяжеловѣсности подобныхъ перифразовъ. Еще хуже, когда получается соединеніе иностраннаго имени съ русскимъ прозвищемъ. Brid'oison во французскомъ языкѣ стало такимъ же нарицательнымъ именемъ, какъ у насъ Фамусовъ или Репетиловъ, поэтому называть его донъ-Гусманъ Фалалей вдвойнѣ странно: названіе

это не связывается съ привычнымъ представленіемъ о данномъ типѣ, а, кромѣ того, рѣжетъ ухо неестественностью. Это, очевидно, чувствуетъ и самъ переводчикъ, потому что въ теченіе комедіи онъ его все время называетъ допъ-Гусманомъ, а не Фалалеемъ, а въ подлинникѣ онъ именуется не иначе, какъ Бридуазономъ. Переводъ никогда не можетъ передать всѣхъ мелочей содержанія подлинника, и надо мириться съ правиломъ—«по возможности», лишь бы сохранялся общій смыслъ и главное не нарушалась естественность, а то, «желая нарисовать рѣсницы, можно замазать глаза», какъ гласитъ французская поговорка.

Самый діалогъ комедій Бомарше, за немногими исключеніями, на которыхъ не стоитъ останавливаться, переданъ вполнѣ литературно и съ тою живостью, которая характеризуетъ языкъ Бомарше. Даже многіе каламбуры, которыми изобилуетъ оригиналъ, переводчику удалось сохранить, а тѣ мѣста, трудность которыхъ оказалась непреодолимою, указаны въ примѣчаніяхъ. Попадающіяся въ текстъ стихотворенія переведены также въ стихотворной формѣ и въ общемъ гладкимъ языкомъ при достаточной близости къ подлиннику. Однако, и тутъ необходимо сдѣлать два замѣчанія: во-1-хъ, переводчикъ слишкомъ вольно обращается съ риѳмами и соединяетъ такія созвучія, какъ, напр., мою—умру, госпожа—слуга, я—шла и т. п.; во-2-хъ, опять изъ стремленія сохранить ритмъ силлабическаго французскаго стиха, переводчикъ употребляетъ рядомъ двухстопные и трехстопные размѣры, что въ русскихъ стихахъ невозможно, напримѣръ:

Зима минуетъ,
И все ликуетъ!
Весна къ намъ пришла,
Любовь принесла!

Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ даются комментаріи нѣкоторыхъ подробностей, что весьма полезно. Но при этомъ не слѣдовало бы уже останавливаться на полпути и дать какъ можно больше объясненій, такъ какъ произведенія Бомарше полны намековъ на событія историческія и біографическія.

Всѣ сдѣланныя нами замѣчанія, однако, имѣютъ совершенно частный характеръ. Въ итогѣ же можно признать, что довольно трудная задача переводчика выполнена достаточно хорошо, чтобы читатель получилъ ясное и правильное представленіе о заразительно-веселыхъ комедіяхъ Бомарше. «Нравственная драма», составляющая третью часть трилогіи, совершенно лишена этого характера и прибавляется только ради полноты, такъ какъ и въ ней Фигаро играетъ центральную роль. *Е. Дегенъ.*

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА.

С. Д. Махаловъ. Фантазія на трагедію «Гамлетъ» — «Русскія древности въ памятникахъ искусства», издаваемыя *гр. П. Толстымъ* и *Н. Кондаковымъ*.—*А. Новицкій.* «Исторія русскаго искусства».

С. Д. Махаловъ. Фантазія на трагедію «Гамлетъ» Шекспира. Культурно-историческіе очерки. Москва. 1900 г. Дилеттантизмъ имѣетъ свои права въ оцѣнкѣ классическихъ произведеній литературы. Человѣкъ талантливый и вдумчивый, проникшійся сочувствіемъ къ какому-нибудь великому писателю, можетъ высказать свѣжее и оригинальное сужденіе, которое иногда «не снилось мудрецамъ», основательно изучившимъ всѣ контроверсы ученой литературы даннаго предмета. И даже въ томъ случаѣ, если такой дилеттантъ съ видомъ Колумба открываетъ уже давно открытыя истины, за его мнѣніями можетъ оставаться интересъ «голоса изъ публики», къ которому не можетъ не прислушиваться и ученая критика.

Фантазія г. Махалова, несомнѣнно обладающая всѣми признаками диллетантской литературы, къ сожалѣнію, почти лишена достоинствъ подобнаго рода произведеній. Насколько можно понять изъ весьма сбивчиваго изложенія, бо́льшая часть разсужденій автора клонится къ тому, чтобы опровергнуть наиболѣе распространенный взглядъ на Гамлета, какъ на человѣка съ слабой волей и сильной рефлексіей, и доказать, что онъ натура героическая и дѣятельная, что преобладающія въ немъ черты совѣсть и долгъ. Хотя этотъ взглядъ не разъ уже высказывался въ обширной гамлетовской литературѣ, на что указываетъ и г. Махаловъ, тѣмъ не менѣе пересмотръ этого вопроса могъ бы быть интереснымъ, если бы авторъ ограничилъ свою задачу критическимъ анализомъ самаго текста трагедіи, предоставивъ болѣе вооруженнымъ спеціалистамъ пріискивать историческія и біографическія данныя въ пользу защищаемой мысли. Но г. Махаловъ стремится самъ нарисовать культурно-историческій фонъ шекспировскаго творчества и связать таковое съ біографіей и психологіей самого поэта. Съ очевидною цѣлью щегольнуть эрудиціей, г Махаловъ на каждомъ шагу пересыпаетъ свое изложеніе ссылками не только на шекспирологовъ, списокъ которыхъ все-таки весьма не полонъ, но и вообще на всякихъ писателей, никакого отношенія къ Шекспиру не имѣющихъ. Очень часто приводимыя цитаты до того далеки отъ предмета, что получается впечатлѣніе, будто авторъ хотѣлъ вложить въ свою книжку все, что онъ знаетъ и вычиталъ. Въ самомъ неестественномъ сосѣдствѣ можно встрѣтить имена Спенсера, Гюйо, Метерлэнка (Метерлинка), Бенвенуто-Челлини, Ломброзо, Дж. Ст. Милля, Кавелина, Л. Толстого, Петра I, Скобелева, Ж. Леметра, г. Чичерина, г. Гольцева, Маріи Башкирцевой и весьма многихъ другихъ. Эти постоянные скачки и отступленія чрезвычайно утомляютъ добросовѣстнаго читателя, желающаго слѣдить за поминутно обрывающеюся мыслью автора.

При всемъ обиліи цитатъ, научный багажъ г. Махалова поражаетъ бѣдностью: дѣтски-наивные историческіе взгляды его часто не имѣютъ другого источника, кромѣ убогихъ учебниковъ г. Иловайскаго. Для примѣра возьмемъ исторію отпаденія Англіи отъ католицизма. «Почти за шестьдесятъ лѣтъ до появленія *Гамлета* въ Англіи еще (?) царствовалъ Генрихъ VIII, отецъ Елизаветы. Въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ увлеченій онъ дошелъ однажды до того, что пожелалъ жениться на изящной дамѣ (до чего, въ самомъ дѣлѣ, можно дойти!), по имени Анна Болейнъ... Генриху надо было развестись для этого съ Екатериной Аррагонской, папа не хотѣлъ дать развода, и вотъ произошла англиканская церковь. Такимъ путемъ Англія освободилась отъ католическаго ига и совершенно случайно подготовила почву для принятія реформаціи, благодаря семейнымъ дѣламъ своего короля». По такому упрощенному способу, совершенно случайно, благодаря семейнымъ дѣламъ королей, историческія событія происходятъ только у г. Иловайскаго. Въ другихъ случаяхъ г. Махаловъ уже совершенно самостоятеленъ, но правильность объясненій историческихъ явленій отъ этого не выигрываетъ. Такъ, напр., послѣ необыкновенно мрачной картины среднихъ вѣковъ съ ихъ «соціальнымъ неустройствомъ, лишеннымъ даже примитивныхъ ступеней благоустроеннаго общества» (пока оригиналенъ только стиль, а самая мысль взята также изъ старыхъ учебниковъ), изображается переходъ къ гуманизму эпохи Возрожденія. Оказывается, что всему причиной... провансальскіе трубадуры. «Казалось, жизнь замирала безвозвратно въ то время, когда на югѣ Франціи, въ странѣ веселаго Прованса, раздались звуки народныхъ пѣсенъ про любовь и наслажденіе жизнью. На нихъ откликнулась Италія», затѣмъ черезъ дворъ Фридриха II (?) Германія и пошло и пошло. «Толчокъ былъ данъ. Первое вдохновеніе прошло (чье вдохновеніе читатель не узнаетъ). Чувствовалось, что оковы спадаютъ и что никакая власть уже не въ силахъ остановить всеобщаго порыва». Можно было бы выписать

колько угодно такихъ же курьезовъ изъ области исторіи литературы. Ограничимся однимъ. «Подъ романтизмомъ,—повѣствуетъ г. Махаловъ,—принято, между прочимъ (?), понимать литературу неясныхъ томленій души по еще болѣе неясному идеалу. Эта литература проникаетъ въ таинственный міръ духовъ, преполнена загробнымъ бредомъ, охотно обращается къ привидѣніямъ, бродитъ по кладбищамъ». До сихъ поръ мы видимъ изложеніе школьнаго курса русской новѣйшей, гдѣ единственнымъ представителемъ романтизма считается Жуковскій, но въ этихъ словахъ есть хоть какой-нибудь логическій смыслъ. Въ дальнѣйшемъ теряется всякое содержаніе, и слова не выражаютъ никакихъ опредѣленныхъ понятій. «Данте, по мнѣнію автора, сдѣлалъ первый шагъ къ романтизму: онъ облагородилъ итальянскій языкъ, давши ему преимущество предъ латинскимъ и описавши подземныя и заоблачныя сферы съ точки зрѣнія *человѣка* (курсивъ автора), а не версификатора латинскихъ фразъ. И если Данте—романтикъ потому, что первый заговорилъ человѣческимъ языкомъ, то Шекспиръ—романтикъ вдвойнѣ, показавши намъ реальнаго человѣка, какимъ былъ его Гамлетъ...».

Мы не будемъ слѣдить за авторомъ въ его толкованіи самой трагедіи: единичныя толковыя замѣчанія тонутъ въ массѣ натянутыхъ или совершенно произвольныхъ афоризмовъ, выраженныхъ такимъ же претенціознымъ и непозволительно небрежнымъ языкомъ. По нашему мнѣнію, этотъ наборъ общихъ мѣстъ, а подчасъ безсмыслицъ, недостаточно назвать *фантазіей*, чтобы дать ему право на снисхожденіе и тѣмъ менѣе на серьезное вниманіе читателя.

Е. Дегенъ.

«Русскія древности въ памятникахъ искусства», издаваемыя гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Выпускъ шестой. Памятники Владиміра, Новгорода и Пскова. Спб. 1899 г. Главное содержаніе настоящаго выпуска составляетъ русское искусство XIII вѣка. Это—одинъ изъ наиболѣе загадочныхъ и наименѣе изученыхъ отдѣловъ въ исторіи русскаго искусства. Въ архитектурѣ и скульптурѣ появляются новыя формы; въ церковной живописи создаются новыя особенности; всѣ роды искусства развиваются при томъ вдали отъ тѣхъ южно-русскихъ центровъ, въ которыхъ восприняты были впервые Русью византійскіе образцы, на далекомъ сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Россіи. Пошло ли здѣсь искусство само впередъ, опираясь на заимствованные у предковъ типы, стало ли оно черпать изъ какихъ-нибудь новыхъ источниковъ, нашло-ли въ этихъ источникахъ и новое вдохновеніе или только новые трафареты для ремесленной копировки,—вотъ вопросы, которые тщетно старались рѣшить историки русскаго искусства,—которыхъ, надо признать, не рѣшили и составители настоящаго выпуска русскихъ древностей. Они, правда, исходятъ изъ опредѣленной идеи, къ сожалѣнію, предвзятой, какъ и въ предыдущемъ выпускѣ,—доказать непремѣнно, что русское искусство той поры было самобытно, а не подражательно. Но у нихъ достаточно ученой добросовѣстности, чтобы тотчасъ же признаться, что доказательства этой самобытности до сихъ поръ—исключительно отрицательныя. Не найдено ближайшихъ источниковъ заимствованія. Пока они не найдены, мы можемъ свободно предполагать—какъ то, что данные памятники оригинальны, такъ и то, что ихъ происхожденіе неизвѣстно. Нельзя отказать составителямъ ни въ тщательности ни въ обширности свѣдѣній, съ которыми они искали оригиналовъ русскихъ памятниковъ на широкомъ пространствѣ отъ западныхъ предѣловъ Европы до Сиріи и Египта. Если, тѣмъ не менѣе, всѣ эти поиски не дали ничего *тожественнаго* съ нашими произведеніями искусства, то это слѣдуетъ приписать скорѣе всего тому, что тотъ фокусъ, въ которомъ скрещивались и оплодотворяли другъ друга искусства востока и запада, создавая новые типы и формы, новые пріемы техники,—остается пока еще очень мало изученнымъ. Мы говоримъ о Балканскомъ полуостровѣ и Малой Азіи,

какъ о районѣ этихъ воздѣйствій, объ эпохѣ крестовыхъ походовъ, какъ о основномъ моментѣ, отъ котораго воздѣйствія исходили, и о поздневизантійскихъ и сельджукидскихъ элементахъ искусства, какъ о результатѣ такого взаимнаго оплодотворенія. Мы совершенно убѣждены, что здѣсь, въ этомъ еще пустомъ незаполненномъ наукой, пробѣлѣ должны найтись наиболѣе близкіе образцы объясненія богатой и загадочной орнаментаціи Дмитріевскаго собора во Владимірѣ и Георгіевскаго въ Юрьевѣ Польскомъ.

Если забудемъ объ этомъ коренномъ недостаткѣ, устраненіе котораго не зависѣло отъ доброй воли составителей, то, въ общемъ, нужно признать, что шестой выпускъ «Русскихъ древностей» не отстаетъ отъ предыдущихъ по богатству рисунковъ, дѣлающихъ общедоступными массу важнѣйшихъ памятниковъ русскаго искусства, а по тексту стоитъ даже выше большинства этихъ выпусковъ, давая не только обильный фактическій комментарій къ рисункамъ, но и ряд страницъ общаго содержанія, которыя съ большимъ интересомъ и пользой прочтутся не одними любителями и спеціалистами по исторіи искусства, а и вообще читающей публикой. *П. Милюковъ.*

А. П. Новицкій. Исторія русскаго искусства. М. 1899 г. Выпуски IV и V. Въ свое время мы уже высказали нѣсколькихъ общихъ соображеній по поводу первыхъ выпусковъ почтеннаго труда г. Новицкаго (см. библіогр. отдѣлъ въ августовской книгѣ 1899 года). Новые выпуски, которыми заканчивается первый томъ, посвященный до-петровскому періоду русскаго искусства, не даютъ повода къ измѣненію общей оцѣнки этого изданія, безспорно полезнаго и своевременнаго. Конецъ перваго тома, излагающій исторію церковной и гражданской архитектуры московскаго времени, а также рѣзное дѣло, живопись, орнаментику, гравюру той же эпохи, обнаруживаетъ тѣ же солидныя качества: основанное на обильныхъ фактахъ добросовѣстное изложеніе, на этотъ разъ почти не прерываемое лирическими цитатами. Многочисленность описываемыхъ памятниковъ иногда можно назвать даже безполезною роскошью, особенно въ виду того, что весьма значительное уменьшеніе количества иллюстрацій лишаетъ эти описанія наглядности. При отсутствіи пояснительнаго рисунка еще рѣзче обнаруживается неясность многихъ архитектурныхъ подробностей, въ обозначеніи которыхъ, какъ мы указывали, авторъ часто злоупотребляетъ техническими терминами. Укажемъ для примѣра такое мѣсто: «вѣнчающій зданіе антаблементъ состоитъ изъ карниза съ длинными и вытянутыми сухариками, богатаго узорнаго фриза и архитрава, выраженнаго небольшою тягой». Не нужно быть особенно необразованнымъ, чтобы прійти въ недоумѣніе предъ такимъ описаніемъ.

Интересъ двухъ послѣднихъ столѣтій московской эпохи въ исторіи искусства заключается въ томъ, что, несмотря на косность основныхъ началъ тогдашней русской жизни освѣжающее вліяніе запада врывается въ нее всѣми возможными путями. «Въ русскомъ искусствѣ той эпохи,—говоритъ цитируемый г. Новицкимъ Н. В. Султановъ,—появляются одновременно два теченія: одно—старое, которое доживаетъ свой вѣкъ по разнымъ градамъ и весямъ тогдашней Руси и продолжаетъ развивать далѣе формы, завѣщанныя ему московскимъ періодомъ; другое—новое, которое перерабатываетъ формы поздняго итальянскаго возрожденія и господствуетъ при дворѣ и въ столицѣ». Теченіе это проникаетъ въ Москву не только чрезъ прямое посредство иностранныхъ мастеровъ, приглашаемыхъ для художественныхъ работъ всѣхъ родовъ, но, пожалуй еще сильнѣе окольнымъ путемъ чрезъ Польшу, а оттуда чрезъ западную, особенно юго-западную Русь. То, что доходило такимъ длиннымъ путемъ въ Москву, разумѣется, было весьма далеко отъ своего первоисточника; иногда импортируемые художественные образцы по своему эстетическому достоинству были далеко ниже выработавшагося въ оригинальныя формы мѣстнаго искусства. Но значеніе новыхъ вѣяній заключалось въ томъ, что они, приходя въ столкновеніе съ

устарѣвшими направленіями, вызывали въ обществѣ новые запросы и возбуждали новыя эстетическія идеи у художниковъ. Теперь впервые можно говорить дѣйствительно о художникахъ, а не о мастерахъ, какъ до тѣхъ поръ.

Особенно характерно и плодотворно происходило это обновленіе въ области живописи или, точнѣе говоря, иконописи, потому что почти единственнымъ призваніемъ искусства все еще оставалось служеніе церкви. Русская иконопись съ самаго начала подчинялась строжайшему контролю византійскихъ традицій. Нѣкоторые чуждые элементы, попадавшіе въ Москву черезъ Новгородъ, подвергаются строгому осужденію мѣстныхъ консервативныхъ знатоковъ. Такъ, еще въ срединѣ XVI вѣка извѣстный дьякъ Висковатый былъ до глубины души «скандализированъ нѣкоторыми новшествами въ росписи государевыхъ палатъ. Былъ созванъ соборъ для разрѣшенія недоумѣній о правильности спорныхъ изображеній, и попъ Сильвестръ, руководившій этими работами, считалъ нужнымъ всѣми силами защищаться отъ обвиненій въ какомъ-либо новомъ и оригинальномъ замыслѣ. «Обыщите и разсудите,—писалъ онъ,—аще едину черту приложилъ азъ своего разума: всѣ иконы, какъ и бытейскія дѣянія и иныя многія притчи отъ древняго преданія, какъ иконники пишутъ; неприкосновенъ есмь самъ никоторому дѣлу, писали иконники все со старыхъ образцовъ своихъ». Въ то же время Стоглавый соборъ, очевидно на основаніи фактовъ нарушенія традицій, строго наказываетъ «святителемъ великое попеченіе и бреженіе имѣти, комуждо во своей области, чтобы городовые иконники и ихъ ученики писали съ древнихъ образовъ; а отъ самомышленія бы, своими догадками Божества не описывали». Стали издаваться многочисленные «подлинники», т. е. собранія каноническихъ рисунковъ, отъ которыхъ иконописцы не имѣли права ни на шагъ отступать, да обычно они и не писали иначе, какъ по прописямъ, взятымъ съ древнихъ иконъ. Несмотря на всѣ эти запреты, западное вліяніе завоевывало себѣ все большія симпатіи общества, такъ что черезъ сто лѣтъ патріархъ Никонъ торжественно предаетъ анаѳемѣ всѣхъ, кто будетъ писать или держать у себя въ домѣ «франкскія иконы». Не смущаясь тѣмъ, что эти еретическія произведенія находились у самыхъ именитыхъ вельможъ, Никонъ велѣлъ отбирать ихъ, выкалывать имъ глаза и носить по городу, дабы всѣ знали, какъ не слѣдуетъ писать иконъ. Въ церкви онъ собственноручно разбилъ ихъ объ полъ, приказывая ихъ сжечь. Царь Алексѣй Михайловичъ, который въ то время еще не рѣшался противорѣчить властному патріарху, по-видимому, сочувствовалъ въ глубинѣ души новаторамъ, «тихимъ голосомъ»талъ просить патріарха, говоря: «нѣтъ, отче, не сожигай ихъ, но пусть ихъ зароютъ въ землю». Такъ разсказываетъ свидѣтель этой сцены антіохійскій архіепископъ извѣстный Павелъ Алепскій.

Но, имѣя такихъ непримиримыхъ враговъ, западничество въ искусствѣ имѣло усердныхъ поборниковъ, чему сохранился прекрасный литературный памятникъ въ *Посланіи изографа Іосифа*, иконописца царской мастерской. Возмущаясь невѣжественными и противохудожественными предразсудками, накопившимися въ церковномъ и народномъ искусствѣ, «онъ съ одинаковою силою возстаетъ какъ противъ грубыхъ ремесленниковъ, развращающихъ убѣжденія вкусъ простого народа своими дешевыми, плохими произведеніями, выдаваемыми за исключительно православныя, такъ и противъ отсталыхъ лжеучителей... неймившихъ грѣхомъ и соблазномъ всякаго рода проявленіе природы и красоты въ иконописи». «Неужели ты скажешь,—возражаетъ онъ одному изъ подобныхъ гасителей,—что только однимъ русскимъ дано писать иконы, и только этому русскому иконописанію слѣдуетъ поклоняться, а отъ прочихъ земель иконъ не принимать и не почитать?» Указывая на то, что на западѣ «будто нивыя изображаютъ» не только священныя, но и историческія лица и сцены, изографъ Іосифъ выражаетъ любовь къ искусству истиннаго художника. «Когда

у иноземцевъ,—говоритъ онъ,—мы видимъ Христовъ или Богородиченъ образъ выдрукованъ или премудрымъ живописаніемъ изображенъ, тогда очи наши многой любви и радости исполняются. Мы... не разжигаемся завистью и не укоряемъ иностранцевъ, видя у нихъ хорошо написанныя иконы. Такія благодатныя вещи паче всѣхъ земныхъ вещей предпочитаемъ и отъ рукъ иноземныхъ любочестно выкупаемъ, иныя же за великій даръ испрашиваемъ...» Такіе взгляды не остались безъ вліянія на художественную дѣятельность русскихъ иконописцевъ, чему доказательствомъ служатъ произведенія лучшаго изъ нихъ, пріятеля упомянутаго Іосифа,—Симона Ушакова. Не разрывая съ византійскою традиціею и тѣмъ избѣгая противодѣйствія даже такихъ охранителей, какъ Никонъ, Ушаковъ подъ вѣяніемъ болѣе зрѣлаго западнаго искусства дѣлаетъ значительный шагъ къ сближенію унаслѣдованныхъ формъ съ жизнью и природой. Конечно, реализмъ этотъ весьма мало походитъ на то, что мы теперь называемъ этимъ именемъ, но важно то, что русской живописи, которой по-видимому, грозила неминуемая смерть въ неподвижныхъ формулахъ архаизма, открывалась дорога къ совершенствованію въ томъ направленіи, какое было указано западнымъ искусствомъ.

Свободнѣе, нежели въ иконописи, поступательное движеніе могло совершаться въ тѣхъ отрасляхъ, которыя не такъ были связаны съ регламентируемыми сторонами жизни. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ миніатюрахъ, украшающихъ рукописи нецерковнаго содержанія, мы имѣемъ настоящія бытовыя картинки, которыя уже даютъ достаточно простора для проявленія индивидуальнаго таланта художника.

Зародившимся въ XVII вѣкѣ элементамъ новаго искусства не суждено было достигнуть полнаго своего развитія. Наступившая эпоха реформъ мало благопріятствовала сохраненію старыхъ началъ искусства. Художествамъ въ Россіи пришлось пережить тяжелый періодъ безличія и подражательности. Но теперь, когда мы въ области духовной жизни успѣли опять достигнуть извѣстной самостоятельности, нѣтъ основанія особенно оплакивать совершившійся два вѣка тому назадъ «разрывъ непрерывности», сознавая, что именно на этой новой дорогѣ создалось все, чѣмъ можетъ гордиться русское общество,—русская литература, искусство, общественная мысль. Могло ли бы наше искусство достигнуть того же подъема на пути, указанномъ иконописцами XVII вѣка,—вопросъ праздный въ настоящее время праздный.

Въ настоящее время уже появился 1-й выпускъ II тома труда г. Некрасова, посвященный искусству послѣ Петра, но болѣе подробную рѣчь объ этой эпохѣ мы отложимъ до выхода дальнѣйшихъ выпусковъ, дабы имѣть возможность обозрѣть сразу болѣе законченный отдѣлъ. *Е. Денель.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ.

Ч. Эндрьюсъ. «Историческое развитіе современной Европы».—*Ш. Сеньобосъ.* «Политическая исторія современной Европы».—*Огюстенъ Тьерри.* «Исторія происхожденія и успѣховъ третьяго сословія».

Чарльзъ М. Эндрьюсъ «Историческое развитіе современной Европы Вѣнскаго конгресса до нашего времени, 1815—1850», томъ I. 1850—18[illegible] томъ II. Переводъ съ англійскаго М. В. Лучицкой, подъ ред. проф. И. Лучицкаго, изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1899. Стр. 355+346—[illegible]

Шарль Сеньобосъ. «Политическая исторія современной Европы. Эволюція партій и политическихъ формъ. 1814—1898». Переводъ съ фр[illegible] цузскаго подъ редакціей В. Поссе. Томы I—II. Второе, иллюстрирова[illegible]

исправленное и дополненное изданіе. Изд. товарищества «Знаніе», историко-политическая библіотека № 1. Спб. 1899. Приближеніе конца вѣка вызываетъ все новые обзоры его основныхъ движеній, все новыя характеристики его общихъ итоговъ. Къ числу такихъ обозрѣній принадлежатъ обѣ названныя книги, причемъ послѣдняя изъ нихъ, уже появившаяся въ трехъ переводахъ на русскій языкъ, вышла недавно вторымъ изданіемъ въ переводѣ подъ редакціей В. Поссе.

Книги Эндрьюса и Сеньобоса составлены по различному плану. Первая хочетъ представить исторію Европы въ промежутокъ отъ 1815 года до нашихъ дней, какъ одно связное цѣлое. Эндрьюсъ не только опускаетъ исторію второстепенныхъ государствъ, которыя, по его мнѣнію, не оказали большаго вліянія на ходъ общихъ событій, на общую эволюцію культурной Европы, но и въ судьбѣ тѣхъ странъ, которыя вошли въ его изложеніе, онъ не изучаетъ послѣдовательнаго развитія исторической жизни. Важные моменты эволюціи отдѣльныхъ странъ для него не что иное, какъ моменты одной общей всемірной цѣпи; онъ слѣдитъ за поворотами и катастрофами политическихъ идей и направленій, переходя изъ Франціи въ Италію, изъ Италіи въ Германію и т. д. Оцѣнки Эндрьюса сводятся къ тому, чтобы выдѣлить, что дала всему культурному міру такая-то война, такая-то конституція въ одной странѣ, такое-то общественное теченіе въ другой. Для каждаго характернаго поворота въ общей эволюціи Европы онъ выбираетъ типичную страну; національное движеніе Эндрьюсъ думаетъ прослѣдить въ наиболѣе яркой его формѣ на Италіи, ростъ государственной и военной силы на Пруссіи и т. д. Въ видѣ вступленія, Эндрьюсъ останавливается на общемъ значеніи для Европы французской революціи и наполеоновскаго господства. Онъ разсматриваетъ затѣмъ «реорганизацію Европы» и общую международную систему, установившуюся въ 1815 г., реставраціонную Францію, національное и конституціонное движеніе въ Италіи до 1848 г., либеральное движеніе въ Германіи, іюльскую монархію до 1840 г., революціи и реакціи во Франціи и въ другихъ странахъ въ 1848—50 гг. Второй томъ начинается съ установленія имперіи во Франціи, затѣмъ идетъ Крымская война, объединеніе Италіи, Франція при Наполеонѣ III, возвышеніе Пруссіи и объединеніе Германіи, образованіе дуализма въ Австро-Венгріи, восточный вопросъ въ 70—80-хъ гг. и обзоръ главныхъ внѣшнихъ явленій во Франціи, Германіи, Австро-Венгріи и Италіи за 70—90-е годы. Эндрьюсъ совершенно обходитъ Англію, не объясняя причинъ этого выдѣленія. Уже заглавія отдѣловъ говорятъ о главномъ содержаніи: на первомъ планѣ стоятъ международныя отношенія; затѣмъ внутренняя правительственная политика въ связи съ національными и конституціонными движеніями. Экономическій ростъ, классовая группировка и вліяніе ея на политическую борьбу, формированіе различныхъ соціальныхъ направленій—обо всемъ этомъ въ книгѣ Эндрьюса нѣтъ и рѣчи. Въ общей оцѣнкѣ перемѣнъ, обнаружившихся въ Европѣ къ серединѣ вѣка, бѣгло указано на ростъ техники и распространеніе печати, но общественныя измѣненія не упомянуты. Два раза возвращаясь къ исторіи Германіи въ 60—90-хъ гг., Эндрьюсъ не находитъ, однако, мѣста для характеристики крупнѣйшаго промышленнаго переворота, обратившаго Германію изъ аграрной страны въ индустріальную, для объясненія роста могущественной рабочей партіи, фактовъ, безъ которыхъ непонятно ни объединеніе Германіи, ни общія политическія отношенія послѣ 1870 г., ни въ частности поворотъ правительства въ 80-хъ гг. къ соціальной политикѣ. Всюду въ качествѣ преобладающей силы являются у него международныя сцѣпленія. Если республика во Франціи сохранилась въ 90-хъ гг., то главную роль, думаетъ Эндрьюсъ, сыграли здѣсь: выставка 1889 г., признаніе республики папою, иностранная политика Ганото, «содѣйствовавшая усиленію французской гордости и самоуваженія», и почет-

ное положеніе, занятое Франціей среди европейскихъ державъ (II, 293). Общ
оцѣнки, которыхъ такъ много въ книгѣ, вообще крайне поверхностны
Реакція во Франціи, выразившаяся въ государственномъ переворотѣ 2-го декабр
1851 г., представляется Эндрьюсу только «логическимъ» послѣдствіемъ рев
люціи 1848 г., поскольку крайности одной обусловили появленіе крайност
другой. Онъ довольствуется чисто моралистическимъ сужденіемъ: «Луи На
леонъ былъ въ такой же мѣрѣ виновенъ въ преступленіи, въ какой винов
были въ немъ тѣ революціонеры, ниспровергнувшіе законное правительств
провозгласившіе на его мѣсто систему и вольности, которыхъ Франція не з
лала и на которыя она никогда не проявляла согласія». (II, 32). Политическ
неподготовленность страны, привыкшей къ бюрократическому режиму и отстр
ненной, въ сущности, въ эпоху конституціи основанной на цензѣ, противоположн
Парижа и провинціи, волнующая сила новыхъ соціальныхъ идей, загнавшая мн
жество испуганныхъ въ ряды консервативныхъ партій и въ особенности па
тіи католической, ростъ католицизма, вторгающагося въ школу—все это факт
совершенно не указанные въ книгѣ.—Нерѣдко въ широкихъ и неопредѣленны
сужденіяхъ совершенно исчезаютъ всякія конкретныя очертанія. Доктрин
во Франціи опредѣлены, какъ сторонники теоріи, которая «заключалась въ то
чтобы крѣпко держаться всего, что есть хорошаго въ настоящемъ, никогда
переставая бороться за достиженіе лучшаго». (I, 113). Мѣстами самое изоб
женіе событій стерто и замѣнено quasi—драматическимъ противопоставленіе
системъ и партій. Недурно и живо составлены у Эндрьюса главы о національ
номъ движеніи въ Италіи и о событіяхъ 1848 г. во Франціи. Но основ
задача остается невыполненной; для читателя будетъ неясенъ самый подб
явленій, особенно во второй части; еще въ первомъ томѣ руководящей нит
какъ будто служитъ фактъ разрушенія системы 1815 г., но во второй ча
какого-либо центральнаго интереса вовсе не замѣтно.

Несравненно ближе подходитъ къ своей цѣли книга Сеньобоса, уже изв
ная русскимъ читателямъ. Сеньобосъ съ самаго начала скромнѣе ограни
ваетъ работу свою только изученіемъ политической эволюціи европейскихъ
родовъ. Онъ разсматриваетъ всѣ страны Европы въ отдѣльности, одну за д
гой на протяженіи всего періода 1815—1898 гг. Затѣмъ, онъ даетъ об
явленій, для которыхъ Европа образуетъ одну арену: это—различныя «вн
національныя» партіи и направленія, «молодыя» революціонныя группы 20—40
католическое движеніе и соціализмъ, наконецъ, между-государственныя, вое
дипломатическія отношенія. Можно возражать противъ такой группировки.
подобномъ расположеніи совершенно исчезаетъ въ цѣломъ, напр., такой м
ментъ, какъ 1848 годъ въ его значеніи для всей Европы, для общественн
настроенія всего Запада. Съ другой стороны, неудобно, напр., вырѣзывать
толическое движеніе изъ его мѣстной связи во Франціи, гдѣ оно получ
особый политическій характеръ; это значитъ—дѣлать непонятной всю реакц
начавшуюся съ 1840 года и протянувшуюся до торжества республики
концѣ 70-хъ годовъ. Но суживая и обрѣзывая свою задачу, Сеньобосъ дос
гаетъ зато большой отчетливости въ своихъ опредѣленіяхъ. Главное досто
ство его книги—точныя формулировки политическихъ программъ, конкрет
характеристики конституцій, иногда краткія опредѣленія политическихъ т
тринъ. Сеньобосъ старается схватить политическія и конституціонныя ан
гіи, ясно опредѣлить всѣ характерные моменты политическаго положенія.
мимо сжатыхъ оцѣнокъ въ срединѣ изложенія, къ каждому отдѣлу приложе
еще общая характеристика эволюціи страны за цѣлый періодъ. Книгѣ Се
боса вредитъ только мѣстами чрезмѣрная конспективность выраженія, а иног
обиліе деталей, раздробляющихъ вниманіе и не достаточно сведенныхъ
того, чтобы вызвать общее впечатлѣніе. Мы можемъ ограничиться указан

на болѣе существенные пробѣлы и ошибки, оставшіеся въ томъ изданіи Сеньобоса, съ котораго сдѣлано второе изданіе перевода. Въ обзорѣ политической исторіи Англіи Сеньобосъ опустилъ важную финансовую реформу Гладстона въ 1860 г., торговый договоръ съ Франціей около того же времени, представляющій высшую точку развитія фритрэда въ Европѣ, движеніе сельскихъ рабочихъ съ 70-хъ гг. и не отмѣтилъ, какіе классы населенія вошли въ составъ избирателей благодаря реформамъ 1867 и 1884 гг. Въ исторіи партій не слѣдовало также опускать такихъ явленій, какъ пьюзэизмъ *) и христіанско-соціальное направленіе. Въ главѣ о Франціи напрасно ищешь опредѣленія раннихъ соціалистическихъ ученій, особенно сенсимонизма; нѣтъ указанія на соціальную политику Наполеона III; не объясненъ законъ о синдикатахъ 1884 г. Повернуть Франціи съ начала 70-хъ гг. на путь протекціонизма едва упомянутъ—заднимъ числомъ,—да и вообще эта важная перемѣна въ торговой политикѣ большинства европейскихъ державъ, приходящаяся на 70—80-е годы, совершенно не отмѣчена въ книгѣ. Въ изображеніи эволюціи Италіи совсѣмъ оставлено въ тѣни экономическое положеніе страны (судя по отсутствію въ библіографическомъ отдѣлѣ соотвѣтствующихъ указаній, вопросъ этотъ остается совершенно неизвѣстнымъ Сеньобосу),- безъ чего однако непонятны ни волненія, особенно на югѣ, ни безсиліе внѣшней политики Италіи. Недостаточное выясненіе соціально экономической основы партій въ европейскихъ государствахъ вообще составляетъ слабую сторону книги Сеньобоса. У него, напр., общее распространеніе соціализма, характеръ соціалистическихъ партій въ разныхъ странахъ не поставлены въ связь съ особенностями промышленнаго развитія этихъ странъ. Съ этой точки зрѣнія можно бы много возразить противъ помѣщенія всей исторіи соціалистическихъ группъ и направленій въ рубрику «международныхъ революціонныхъ партій». Но еще болѣе странно, что Сеньобосъ въ общемъ обозрѣніи политической эволюціи Франціи говоритъ о какой-то одной революціонной партіи, существовавшей на протяженіи 100 лѣтъ отъ великой революціи: здѣсь, очевидно, форма смѣшана съ содержаніемъ и нѣкоторые поторяющіеся традиціонные лозунги и термины — съ мѣняющейся программой. ъ конституціонныхъ опредѣленіяхъ Сеньобоса, вообще хорошо освѣдомленнаго ъ этой области, надо исправить одну непонятную ошибку; по поводу порядка 814 года во Франціи онъ говоритъ: «*какъ въ Англіи*, конституція была становлена какъ бы на вѣки: не было указано способовъ для ея измѣненія». цѣсь, во-первыхъ, невѣрно, что Англія представляетъ примѣръ установленной а вѣки конституціи. Затѣмъ, нѣтъ причинной связи между первымъ и вторымъ утвержденіемъ: дѣло въ томъ, что тамъ, гдѣ не указаны способы измѣненія конституціи, она вовсе не является въ силу этого вѣчной и неизмѣнной. менно въ Англіи такіе способы не указаны; конституціонныя постановленія арламента не выдѣляются отъ остальныхъ законодательныхъ его рѣшеній, и менно въ этомъ и выражается «гибкость» англійской конституціи, возможсть свободнаго ея видоизмѣненія. Наконецъ, всякій, кто прочтетъ книгу Сеньоса, будетъ пораженъ удивительнымъ заключеніемъ этого серьезнаго сочиненія, въ которомъ не знаешь, видѣть ли наивность или отчаяніе политическаго скептика. «Естественная склонность приписывать великія событія крупнымъ ричинамъ побуждаетъ насъ объяснять политическую эволюцію, какъ и эволюцію геологическую, глубокими и постоянными силами, болѣе широкими, чѣмъ ндивидуальныя вліянія. *Исторія XIX вѣка плохо поддается подобнымъ бъясненіямъ*». И Сеньобосъ признаетъ нормальной лишь эволюцію Англіи, Нор-

*) Религіозное движеніе 30-хъ годовъ, получившее свое названіе отъ имени нглійскаго богослова Пьюзея, желавшаго приблизить англійскую «высокую церковь» ъ католицизму.

вегіи и Швейцаріи, «порожденную безпрерывнымъ внутреннимъ развитіемъ». Исторія остальныхъ странъ опредѣляется тремя «внезапными», какъ бы случайными кризисами: двумя революціями 1830 г. и 1848 г. и войной 1870 г. Переводъ сдѣланъ хорошо и дополненъ библіографическими указаніями книгъ и статей, появившихся на русскомъ языкѣ. *Р. В.*

Научно-образовательная библіотека Огюстена Тьерри. «Исторія происхожденія и успѣховъ третьяго сословія». Переводъ съ франц. подъ редакціей и со вступительной статьею Р. Ю. Виппера. Переводя знаменитую книгу Тьерри редакція руководилась двумя соображеніями. Во-первыхъ, эта книга даетъ сжатую и вѣрную характеристику главныхъ моментовъ всей французской исторіи, во-вторыхъ, она сама есть фактъ изъ жизни новой Франціи — отраженіе міровоззрѣнія общества, въ которомъ она возникла. Въ обстоятельной статьѣ, составляющей введеніе къ русскому переводу книги, пр. Виппер оцѣниваетъ книгу съ обѣихъ сторонъ.

Во всякомъ историческомъ построеніи обобщающая мысль должна опираться на болѣе или менѣе прочный фундаментъ. Эта простая истина была чужда предшественникамъ Тьерри. Двѣ половины исторической задачи—обобщеніе и фактическая разработка—оказывались у нихъ разорванными. Съ одной стороны, въ монастыряхъ и уединенныхъ кабинетахъ шла безсистемная работа нагроможденія матеріаловъ, подъ грузомъ которыхъ падали сами собиратели. Съ другой,—въ обществѣ распространялись печатно и въ рукописяхъ тенденціозные политическіе памфлеты, слегка лишь иллюстрированные историческими примѣрами. Черты изъ прошлаго, выхваченныя какъ попало, получали въ этихъ памфлетахъ фальшивое освѣщеніе и нанизывались на совершенно произвольныя схемы. Главнымъ побужденіемъ къ такимъ тенденціознымъ перетолкованіямъ исторіи Франціи служила давняя вражда между привилегированными классами и среднимъ слоемъ городскаго населенія, безправнымъ политически, не смотря на всю свою экономическую и умственную силу. Особенно обострилась эта вражда ко времени великой революціи 1789 года: тогда и сложились два рѣзко противоположныя между собой толкованія французской исторіи.

Благородные и привилегированные рисовали себѣ эту исторію въ слѣдующемъ видѣ. Въ V и VI вв. на французской землѣ столкнулись двѣ расы и двѣ культуры: античная культура галло-римскаго общества, уже одряхлѣвшаго и разложившагося морально и политически, и молодая культура варварскихъ народовъ. Побѣда варваровъ надъ римлянами опредѣлила строеніе общества. Побѣжденные по справедливости обречены были на подчиненіе и трудъ; побѣдители подѣлили между собою власть и собственность. Внизу захирѣвшіе города, наверху феодальный замокъ благороднаго варвара—вотъ наглядное выраженіе этого строя. Во главѣ общества сталъ король, первый между равными, старшій товарищъ побѣдоносной дружины. Когда въ XII в. порабощенное населеніе городовъ и деревень начало стремиться къ свободѣ и захвату государственныхъ должностей, когда король сталъ его поддерживать,—то это было насиліе надъ исторіей. Вопіющимъ нарушеніемъ историческихъ завѣтовъ была революція 1789 г.—возстаніе противъ короля и благородныхъ. «Рабье племя, вырванное изъ нашихъ рукъ,—восклицали послѣдніе; новоявленный народъ, тяглая порода вамъ пожаловано право быть свободными, а не намъ—быть благородными. Для насъ все—право, для васъ все—милость».

Совершенно иначе представляли себѣ исторію люди средняго сословія. Они желали сравнять всю націю съ благородными, «дать имъ братьевъ вмѣсто рабовъ». Съ этой цѣлью они принялись наскоро подбирать намеки на исконную свободу галло-римскихъ, а потомъ французскихъ городовъ, на ихъ исконное самоуправленіе. Галло-римское общество, говорили они, было еще способно къ жизни, внѣдреніе въ него варварской культуры есть насильственный фактъ, слѣдствіемъ

коего было паденіе государственности и общественности, огрубѣніе и *феодальный строй*. Изъ варварства и феодализма поднялось воинственное дворянское сословіе, насилуя права людей мирнаго труда и узурпируя власть короля. Напротивъ, королевская власть—наслѣдница императоровъ, была силой прогрессивной, продуктомъ античной культуры такъ же, какъ и городское общество. Когда городское сословіе возрождается въ коммунахъ XII вѣка, въ генеральныхъ штатахъ XIV и XV в., когда оно, наконецъ, занимаетъ властное положеніе въ Національномъ собраніи, то это отнюдь не измѣна исторіи, не насиліе надъ нею; это только *возвращало* исторію на старые, давно покинутые прогрессивные пути. Къ какому же изъ двухъ противоположныхъ взглядовъ долженъ былъ примкнуть Тьерри? На это отвѣтитъ намъ, прежде всего, его біографія.

То поколѣніе дѣтей III-го сословія, къ которому принадлежалъ Тьерри, родилось въ годы революціи, пережило молодость подъ имперіей Наполеона и подходило къ ранней зрѣлости въ эпоху Людовика XVIII, эпоху живой парламентской борьбы за конституціонную хартію. Это было очень замѣчательное поколѣніе. Его родила та же потрясенная революціей почва, изъ которой вышло 14 армій. Въ жилахъ дѣтей революціи переливалась огненная кровь ихъ отцовъ, но ихъ умственный взглядъ былъ яснѣе и шире. Деспотизмъ привилегированныхъ и деспотизмъ массы проявился передъ ними въ своихъ крайностяхъ и одинаково отталкивалъ ихъ. Прислушиваясь къ обѣимъ партіямъ, они старались воспитывать въ себѣ терпимость и любовь къ истинной свободѣ, какъ они любили выражаться. Въ послѣдніе годы правленія Карла X слишкомъ ясно обнаружилось, насколько расходится ихъ пониманіе хартіи съ пониманіемъ правительства. За это свободное пониманіе они подвергались преслѣдованіямъ, которыя придали боевой закалъ ихъ убѣжденіямъ и ореолъ ихъ личностямъ. Если болѣе дряблая часть общества, запуганная революціей, искала отдыха въ мистическомъ погруженіи въ католическую и рыцарскую романтику средневѣковья, то и наша либерально-демократическая группа не устояла противъ этого увлеченія («Мученики» Шатобріана и «Айвенго» Вальтеръ-Скотта были первыми сильными литературными впечатлѣніями Тьерри). Однако, она вышла изъ него съ своеобразными результатами: въ ней развился вкусъ къ историческому колориту и къ памятникамъ старины. Отвращеніе, вызванное въ ней уравнивающимъ деспотизмомъ наполеоновской диктатуры, заставляло ее съ любовью обращать взглядъ назадъ: въ небольшихъ, но крѣпкихъ союзахъ средневѣковья она видѣла зародыши растоптанныхъ мѣстныхъ вольностей и общественной самостоятельности. Назадъ, въ исторію, звалъ ихъ и всеобщій народный протестъ противъ самовластной расправы Наполеона съ независимостью народовъ: это былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и протестъ противъ революціоннаго космополитизма во имя возродившагося національнаго чувства. Повсюду въ Европѣ съ этой борьбой расъ связаны были реформы политическія и соціальныя; не было ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что и вражда общественныхъ классовъ во Франціи должна объясняться той же расовой борьбой. Слово, брошенное предшественниками Тьерри—«въ странѣ враждуютъ двѣ расы»—всплыло передъ нимъ и освѣтило его путь. Желая оправдать тѣхъ, кто любилъ свободу и страдалъ ради нея, онъ захотѣлъ объединить вокругъ этой задачи исторію Франціи. Съ этой точки зрѣнія она представлялась ему «прекрасной по единству и простотѣ».

Такъ подготовляется рядъ этюдовъ Тьерри по средневѣковой исторіи Франціи. Не въ примѣръ своимъ предшественникамъ онъ внимательно вчитывается въ источники; изъ пестрыхъ красокъ, разсыпанныхъ тамъ, съ инстинктомъ художника и тенденціей политическаго мыслителя онъ подбираетъ и группируетъ въ цѣльныя картины все то, что можетъ освѣтить борьбу расъ и исторію угнетенныхъ. Въ «Меровингскихъ разсказахъ» иллюстрируется болѣзненный процессъ скрещенія двухъ культуръ, въ «Письмахъ изъ исторіи Франціи» рисуются дви-

женія отдѣльныхъ сѣверныхъ коммунъ, въ «Исторіи Жака Бонома» символически изображена исторія обездоленнаго сословія. Въ эпизодическихъ разсказахъ,—живыхъ, какъ старыя легенды Греціи, исторія сосредоточивается вокругъ умѣло подобранныхъ типовъ. Точно по слову пророка, вдохнувшаго духъ Божій въ мертвыя кости, воскресаютъ ея герои, «пробуждаются забытыя расы, покоившіяся подъ разрушенными плитами церквей и кладбищъ». Не короли и рыцари, а вожди французскихъ коммунъ, ремесленные мастера и купеческія головы, а за вся ними живая, движущаяся, смѣлыми и широкими штрихами очерченная масса—вотъ что заполняетъ картину. Въ воскрешенныхъ имъ герояхъ Тьерри отыскалъ предковъ той либерально-демократической школы, которая отъ имени трудящихся и мыслящихъ классовъ все смѣлѣе говорила съ трибуны и каѳедры. Въ 1830 году она окончательно закрѣпила свое дѣло, сдѣлавъ королемъ — буржуа. Это событіе привѣтствовалъ Тьерри и съ новою энергіей принялся за изученіе исторіи Ш-го сословія. Его итоги онъ сформулировалъ уже незадолго до своей смерти. Задуманная въ качествѣ введенія къ изданію памятниковъ Ш-го сословія, книга «о его происхожденіи и успѣхахъ» явилась въ 50-мъ году. Если сравнить ее съ прежними произведеніями Тьерри, то найдемъ въ ней не мало новыхъ чертъ. Книга захватываетъ громадный хронологическій періодъ. Она слѣдитъ за исторіей Ш-го сословія отъ его колыбели въ V и VII вв. почти до момента революціи. Уже поэтому она измѣняетъ формѣ эпическаго разсказа и приближается къ формѣ соціально-историческаго трактата. Болѣе глубокое изученіе исторіи и жизни заставили Тьерри почти отказаться отъ расовой теоріи. Оно показало ему, какое значеніе имѣютъ искусственныя подраздѣленія внутри единаго, по народности, общества. По всѣмъ этимъ основаніямъ она является болѣе зрѣлой и научной. Строгость метода, конечно, повліяла на тонъ книги. Однако вѣроятнѣе, что ея холодность и сдержанность зависятъ, главнымъ образомъ; отъ другихъ причинъ: печальныхъ обстоятельствъ личной жизни и общественныхъ движеній 30-хъ и 40-хъ годовъ. Въ авторѣ нѣтъ уже того вдохновенія и протестующей силы, которая дѣлала его голосъ крѣпкимъ, какъ звукъ колокола, звонившаго возставшей коммунѣ. Печальникъ Жака Бонома, превратившійся въ идеолога торжествующей буржуазіи, вызывалъ какое то недоумѣніе даже у той части публики, которая взяла его репутацію подъ свое покровительство.

Книга начинается съ картины того движенія племенъ, которое совершалось на французской землѣ въ V и VI вѣкахъ. Вниманіе автора привлекаютъ не національныя различія ихъ, а общее всѣмъ учрежденіе рабства. Къ X вѣку передвиженія прекратились, племенныя различія стерлись, и на землѣ осѣлась нація, въ которой выдѣлилось только два разряда лицъ: господа, захватившіе оружіе, землю и власть надъ людьми, и сервы, обреченные на земледѣльческій трудъ и подчиненіе. Однако можно замѣтить, что и въ это время въ галло-римскихъ городахъ,—раззоренныхъ и опустѣвшихъ,—удержались обломки муниципальнаго режима: въ церковныхъ учрежденіяхъ удѣлѣло выборное начало, самоуправленіе и римское право. Когда сельское общество утвердилось на землѣ—города стали крѣпнуть, шириться, опоясываться стѣнами въ защиту отъ хищниковъ, которыхъ океанъ выбрасывалъ на всѣ берега. Епископъ въ городѣ, управитель въ селѣ, аббатъ въ монастырѣ собираютъ оружіе и людей. Послѣдніе, скопляясь большими массами, начинаютъ связываться въ союзы труднаго товарищества или церковнаго братства. Въ XI вѣкѣ проходитъ по нимъ первый трепетъ свободы. Движеніе начинается съ юга, гдѣ живѣе воспоминанія о римскомъ муниципальномъ строѣ и гдѣ они пробуждаются подъ вліяніемъ сосѣдства Италіи. Здѣсь, гдѣ отношеніе феодальныхъ сеньеровъ къ освобождающимся сервамъ было мягче, города безъ особой борьбы добиваются самоуправленія. Съ сѣвера — области мощнаго феодализма — распространялась на югъ присяжная коммуна. Ее одушевляли германскія традиціи

клятвеннаго товарищества, орудіемъ ея освобожденія было возстаніе. Это и есть моментъ, когда подымается III сословіе, поставившее на знамени своемъ гражданское равенство и независимость труда. Свобода переливается изъ городовъ въ деревни, и король поддерживаетъ это теченіе тѣмъ охотнѣе, что буржуазія претендуетъ на вольности чисто мѣстныя и остается вѣрна центральной власти. Притязанія короля на титулъ римскаго цезаря и библейскаго царя она закрѣпляетъ своею кровью и экономической силой. Своею мыслью и знаніями, съ дигестами и библіей въ рукахъ, она обосновываетъ ихъ идеально. Она наполняетъ королевскій его совѣтъ, покинутый феодалами; ея политическое бытіе оффиціально признается въ 1302 г., когда наряду съ духовенствомъ и дворянствомъ призываются въ генеральные штаты, въ качествѣ III-го сословія, «люди простонароднаго состоянія—меры и эшевены коммунъ».

Въ 1356—8 и 1413 гг. *парижское* населеніе пытается захватить центральную власть, но попытки эти кончаются неудачей, такъ какъ преждевременная буржуазія, не доросшая еще до сознанія солидарности своихъ интересовъ по всей территоріи—нуждается въ руководствѣ короля.

Это крушеніе вызываетъ временную реакцію и союзъ центральной власти съ привилегированными. Впрочемъ, онъ скоро распадается, и равномѣрное, спокойное, могучее развитіе III-го сословія *всѣхъ* французскихъ городовъ опять находитъ покровителя въ королѣ. Тьерри почти готовъ радоваться неудачѣ парижской революціи XIV и XV вѣковъ. Это были жертвы во имя болѣе широкихъ цѣлей. Вся исторія Франціи служитъ введеніемъ къ пришествію III-го сословія,—ея мессіи. III-е сословіе—это весь народъ. Его апоѳеозой, въ глазахъ Тьерри, былъ 1830 годъ. Торжество угнетенныхъ заканчивало поэму; вотъ почему французская исторія представлялась Тьерри «прекрасной по единству и простотѣ».

Въ 48 году Тьерри былъ слѣпымъ и больнымъ старикомъ, но чутье жизни подсказало ему, что эта жизнь проявилась тутъ съ новой стороны и ломаетъ его постройку. Обдѣленные буржуазіей рабочіе классы заявляли свои права. Угнетенные оказались не вполнѣ удовлетворенными, и «III-е сословіе»—не всѣмъ народомъ. «Если бы теперь Тьерри вглядѣлся назадъ въ возставшую коммуну,—замѣчаютъ его критики,—то увидѣлъ бы, что она, въ сущности, была неоднородной: верхніе слои ея, добиваясь гарантій независимости и власти, обдѣляли ими «le menu peuple». Гентскій суконщикъ XII в., жена котораго носила діадемы на зависть французской королевѣ, навряд ли соединялъ свои интересы съ интересами рабочаго люда, кормившагося возлѣ него и «имѣвшаго синіе ногти». Тьерри замѣтилъ бы также, что, опираясь на эту обездоленную чернь противъ ея просвѣщенныхъ руководителей, короли, «союзники коммунъ», губили ихъ».

Дряхлѣвшій старикъ кончилъ тѣмъ, что призналъ катастрофу 48 года уклоненіемъ отъ основной линіи французской исторіи. Но она отбила у него охоту положить вѣнецъ на зданіе:—«Исторія происхожденія и успѣховъ III-го сословія» осталась незаконченной.

Однако, и при этомъ крушеніи основного вывода многое устояло изъ дѣла Тьерри. Большая часть тѣхъ, кто работалъ послѣ него въ этой области, анализировали и углубляли то, что онъ открылъ, заполняли поставленныя имъ рамки, но не ломали ихъ почти никогда. Напримѣръ, городское движеніе выяснено у Тьерри очень неполно, оно представлено, какъ что-то самопроизвольное. Вовсе не замѣченъ имъ могучій факторъ внѣшней торговли, которая, охвативъ южный берегъ Франціи и Рейнъ, оживила старые городскіе центры и дала экономическій фундаментъ руководителямъ движенія. Въ глубину такихъ процессовъ Тьерри не входилъ. Но тѣ явленія, которыя всплывали на поверхность, очерчены имъ большею частью вѣрно и въ надлежащихъ пропорціяхъ. Его

книга незамѣнима для человѣка, который начинаетъ ориентироваться въ соціальной исторіи большого періода, захваченнаго Тьерри.

Исторія III-го сословія не была исторіей всего народа,—зато,—какъ замѣчаетъ пр. Виппперъ,—это вѣрное изображеніе судебъ и успѣховъ буржуазіи. Если Тьерри заблуждался насчетъ ея безкорыстной и высокой общественной роли, то онъ заблуждался искренно: его собственные идеалы, которые онъ отождествлялъ съ ея цѣлями, были безкорыстны и высоки. Да и было ли его заблужденіе полнымъ? Открывая одну за другой стѣснявшія ее перегородки, буржуазія всегда опредѣляла свою борьбу, какъ дѣло на пользу всѣхъ. Она выдвинула формулы общаго права, при помощи которыхъ легче становилась работа новыхъ вождей новаго слоя угнетенныхъ; она завоевала свободу совѣсти, слова, сходокъ и прессы, которые явились орудіемъ и для нихъ. И въ этой борьбѣ однимъ изъ самыхъ сильныхъ и честныхъ солдатъ былъ сынъ III-го сословія, Огюстенъ Тверри. *О. Д—шъ.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Сидней и Беатриса Веббъ. «Теорія и практика трэдъ-юніонизма».—*Т. Фаулъ.* «Призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи».

Сидней и Беатриса Веббъ. «Теорія и практика трэдъ-юніонизма» (Industrial-democracy). Томъ I. «Экономическая библіотека» изд. О. Н. Поповой, подъ общей редакціею П. Струве, перев. съ англ. Владиміра Ильина. Спб. 1900. Промышленная исторія Англіи въ связи съ тѣмъ духомъ солидарности, который такъ отличаетъ англо-саксонскую расу, выработала къ нашему времени среди англійскаго рабочаго класса цѣлый рядъ промысловыхъ профессіональныхъ союзовъ, носящихъ названіе «Trade-union». Сложная, сознательная и стойкая организація этихъ союзовъ входитъ, какъ существенная часть, въ то соціальное цѣлое, которое представляетъ собою современная демократическая и промышленная Англія. Изученіе этой организаціи и ея дѣятельности—освѣщаетъ не только формы и развитіе англійской промышленности, но и внутренній строй всего политическаго организма демократіи. Авторы выполнили свою задачу научнаго анализа трэдъ-юніонизма въ Соединенномъ Королевствѣ съ такой широтой взгляда и въ то же время обстоятельностью въ подробностяхъ, что дали гораздо больше, чѣмъ обѣщаютъ заглавіемъ своего труда. Въ виду этого, нельзя не привѣтствовать появленіе этого солиднаго и прекраснаго сочиненія на русскомъ языкѣ.

Имя Сиднея Веббъ уже извѣстно русскимъ читателямъ, интересующимся экономическими вопросами, какъ автора работы «Восьмичасовой рабочій день», написанной въ сотрудничествѣ съ г. Коксомъ (есть въ рускомъ переводѣ изд. и перев. Муратова). Предлагаемый трудъ также коллективный: помимо Сиднея и Беатрисы Веббъ въ немъ принималъ участіе еще и Ф. Гальтонъ. Совмѣстная работа помогала подойти къ задачѣ со всѣхъ сторонъ: не только была разработана обширная литература всѣхъ важнѣйшихъ союзовъ, уставы, отчеты, акты и проч., но и собранъ богатый матеріалъ личныхъ наблюденій. Одинъ изъ авторовъ книги нашелъ полезнымъ,—на различныхъ стадіяхъ изслѣдованія,—сдѣлаться сборщицей квартирной платы, швеей, работающей мужское платье, и жилицей въ семьяхъ изъ рабочаго класса. А другой авторъ книги пріобрѣлъ много свѣдѣній, будучи активнымъ членомъ рабочихъ союзовъ и принимая личное участіе въ различныхъ отрасляхъ управленія. Вообще, въ предисловіи книги авторы даютъ цѣнныя указанія о пріемахъ собиранія матеріала въ аналогич-

ныхъ вопросахъ и о методахъ изслѣдованія. Первоначально они обратили свое изученіе на исторію трэдъ-юніонизма. Трудъ ихъ въ этомъ направленіи былъ опубликованъ въ 1894 году, подъ заглавіемъ: «History of Trade-unionism». Въ немъ они очертили происхожденіе и ростъ трэдъ-юніонистскаго движенія въ его цѣломъ, въ промышленномъ и политическомъ отношеніи, и дали въ заключеніе статистическій обзоръ распредѣленія трэдъ-юніоновъ по производствамъ и по мѣстностямъ и очеркъ основныхъ чертъ жизни и характера трэдъ-юніоновъ. Предварительное знакомство съ исторіей трэдъ-юніонизма было бы наилучшимъ введеніемъ въ изученіе его теоріи и практики и для читателей; впрочемъ, редакторы русскаго изданія упоминаютъ, что переводъ «Исторіи трэдъ-юніонизма» также приготовляется къ печати и войдетъ въ составъ «Экономической Библіотеки». Тогда вмѣстѣ съ переводомъ соч. Поля де-Рузье «Профессіональные рабочіе союзы въ Англіи» *) (Спб. 1898 г.) на русскомъ языкѣ будетъ существовать основательная литература по данному вопросу, достаточная, чтобы получить ясное понятіе о томъ своеобразномъ явленіи, какое представляетъ англійскій трэдъ-юніонизмъ.

Вышедшій въ печати первый томъ сочиненія Веббовъ обнимаетъ собою первую часть всего труда и девять главъ второй части, разсматривающія строеніе и функціи трэдъ-юніоновъ. Содержаніе первой части имѣетъ не только спеціальный интересъ, но и болѣе общій: внутреннее устройство трэдъ-юніоновъ, хотя бы и въ болѣе узкой сферѣ промышленныхъ, профессіональныхъ интересовъ, разрѣшаетъ общую задачу всякой демократіи «управлять народомъ чрезъ народъ и для народа». Состоя изъ наемныхъ рабочихъ, живущихъ физическимъ трудомъ и объединенныхъ по занятіямъ, «эти тысячи рабочихъ демократій, самопроизвольно выростающихъ въ различное время и въ различныхъ мѣстахъ, не стѣсняемыя традиціей или интересами другихъ классовъ, постоянно преобразующія свои уставы, приспособляя ихъ къ новымъ и измѣняющимся условіямъ, представляютъ благодатное поле для изученія того, какъ рабочій классъ пытается разрѣшить задачу соединенія успѣшности управленія съ народнымъ контролемъ». Здѣсь мы видимъ разрѣшающимися на практикѣ цѣлый рядъ важнѣйшихъ вопросовъ современной демократической политики: объ отношеніяхъ между центральнымъ и мѣстнымъ управленіемъ, избирателемъ, представителемъ и должностнымъ лицомъ, обложеніемъ и представительствомъ, вопросы относительно федераціи, представленія права меньшинствамъ, примѣненія референіума и иниціативы. Поэтому первая часть труда имѣетъ значеніе не только для изслѣдователя формъ современной промышленой жизни, но и для лицъ, изучающихъ вопросы теоретической политики.

Зачаточною формою современныхъ обширныхъ рабочихъ союзовъ Англіи служили промышленные клубы (Trade Clubs) XVIII в., соединявшіе рабочихъ одинаковаго ремесла или занятія въ интересахъ взаимопомощи и защиты своихъ правъ передъ предпринимателемъ. На собраніяхъ этихъ клубовъ, которыя происходили обыкновенно въ какой-нибудь харчевнѣ и сопровождались общимъ угощеніемъ, дѣла обсуждались и рѣшались сообща, на основаніи принципа первобытныхъ демократій: «о томъ, что касается всѣхъ, должны постановлять рѣшенія всѣ». Изъ общаго состава союза не выдѣлялись ни должностныя лица, ни исполнительный совѣтъ, ни собранія представителей и всѣ правила союза исчерпывались предписаніями, касающимися порядка на собраніяхъ. Функціи должностныхъ лицъ исполнялись всѣми членами союза поочереди. Очевидно, такая организація была совмѣстима лишь съ небольшимъ количествомъ дѣлъ. Возрастаніе финансовыхъ и секретарскихъ дѣлъ союзовъ, а, главнымъ образомъ, требованія ихъ борьбы съ предпринимателями повели постепенно къ уклоне-

*) См. «Міръ Божій», 1898 г., декабрь.

ніямъ отъ этого простого идеала. Приходилось передавать управленіе дѣлами во всѣ критическіе моменты изъ рукъ общихъ собраній въ руки постоянно дѣйствующихъ комитетовъ. Когда въ какой-нибудь отрасли промышленности мѣстные клубы, ограниченные предѣлами отдѣльныхъ городовъ или округовъ, соединялись и образовывали федеральный союзъ, то управленіе посредствомъ общихъ собраній «ремесла», т. е. всѣхъ членовъ, становилось невозможнымъ. Тогда сдѣланъ былъ первый шагъ перехода отъ слабой связи отдѣльныхъ мѣстныхъ клубовъ къ національной организаціи: назначалась «управляющая секція» трэдъ юніона, должностныя лица и комитетъ которой становились центральнымъ управленіемъ. Однако, члены союза ревниво держались за свои права: всякое предложеніе, не предусмотрѣнное въ первоначальныхъ правилахъ, а также всѣ вопросы о войнѣ и мирѣ рѣшались голосованіемъ всѣхъ членовъ. Обычай требовать отъ членовъ службы поочереди исчезъ самъ собою, но генеральный секретарь избирался не иначе, какъ всѣмъ составомъ членовъ, что создало ему особое положеніе и, по мѣрѣ пріобрѣтенія извѣстной профессіональной опытности привело къ возвышенію вліянія этой должности. Въ интересахъ непосредственнаго рѣшенія массой каждаго возникающаго вопроса было введено примѣненіе того, что на языкѣ политиковъ называется референдумомъ и иниціативою. Подъ словомъ «референдумъ» въ современной политической наукѣ разумѣется передача предложеній, обсуждаемыхъ въ представительномъ собраніи, на голосованіе всего народа. Другое примѣненіе того же принципа есть такъ называемая «иниціатива», т. е. право части общества требовать передачи ея предложеній на голосованіе всѣхъ избирателей. Примѣненіе и того, и другого пріема мы и теперь можемъ наблюдать въ чистыхъ демократіяхъ швейцарскихъ кантоновъ и нѣкоторыхъ изъ штатовъ Сѣверной Америки. Широкое осуществленіе получили они и въ исторіи наиболѣе крупныхъ трэдъ-юніоновъ между 1834 и 1870 г. Результатъ, по словамъ авторовъ разсматриваемаго труда, былъ знаменателенъ и чрезвычайно поучителенъ въ политическомъ отношеніи. Неограниченное примѣненіе иниціативы и референдума, также какъ и прочіе пріемы, направленные къ тому, чтобы каждому члену союза доставить равную и тожественную долю участія въ управленіи, какъ-то: отбываніе должностей поочереди, массовыя собранія, снабженіе делегатовъ императивными мандатами, приводитъ неизбѣжно или къ безсилію и распаденію, или къ безконтрольному господству диктатора. И вотъ, въ результатѣ почти столѣтія опытовъ, въ конституціяхъ трэдъ-юніоновъ былъ сдѣланъ еще шагъ къ тому, что можетъ считаться типичной современной формою демократіи: собраніе выборныхъ представителей, назначающее и контролирующее исполнительный комитетъ, подъ руководствомъ котораго штабъ постоянныхъ должностныхъ лицъ исполняетъ свою работу. Въ такую именно форму отлилось внутреннее управленіе тѣхъ двухъ организацій въ мірѣ трэдъ-юніоновъ, которыя, превосходя всѣ остальныя по числу членовъ, по политическому вліянію и суммѣ годового дохода, являются наиболѣе развитыми и выдающимися изъ рабочихъ союзовъ. Это—федеральныя ассоціаціи рабочихъ хлопчато-бумажнаго и каменноугольнаго производствъ. Широкое примѣненіе представительныхъ учрежденій дало имъ возможность вполнѣ успѣшно разрѣшить основную проблему демократіи: сочетаніе сильной администраціи съ народнымъ контролемъ. Въ соединенномъ обществѣ рабочихъ бумагопрядильнаго производства (Amalgamated Association of Operative Cottonspinners), которое можно считать типичной организаціей рабочихъ хлопчатобумажнаго производства, «законодательная власть» прямо вручена собранію представителей отъ различныхъ провинцій и округовъ, входящихъ въ общество (приблизительно около ста представителей отъ общаго состава въ 18.000 членовъ). Оно собирается въ Манчестерѣ каждые три мѣсяца, общихъ собраній конституція союза не знаетъ, также какъ въ правилахъ не говорится ничего о референдумѣ и ини-

ціативѣ. Правительствомъ союза служитъ исполнительный совѣтъ, избираемый общимъ собраніемъ представителей и состоящій изъ президента, казначея и секретаря съ 13-ю другими членами, изъ которыхъ не менѣе семи должны быть рабочими прядильщикали, а другіе шесть состоятъ, по неизмѣнному обычаю, изъ постоянныхъ должностныхъ лицъ, назначаемыхъ и содержимыхъ главными окружными организаціями. Исполнительная работа лежитъ на генеральномъ секретарѣ, который самостоятельно назначаетъ необходимыхъ для него канцелярскихъ чиновниковъ. Тогда какъ уставы большинства трэдъ-юніоновъ предоставляютъ право избирать этого высшаго представителя исполнительной власти всей совокупности членовъ, правила бумагопрядильщиковъ предоставляютъ общимъ собраніямъ провинціальныхъ и окружныхъ представителей какъ избраніе генеральнаго секретаря, такъ и назначеніе ему размѣровъ жалованія. И они ничего не теряютъ. Авторы удостовѣряютъ полную успѣшность функціонированія этой системы управленія, приписывая ее, главнымъ образомъ, существованію достаточнаго числа прекрасно поставленныхъ и сравнительно хорошо оплачиваемыхъ, постоянныхъ чиновниковъ. Кандидаты на должность генеральнаго секретаря подвергаются для оцѣнки ихъ опытности и техническихъ познаній конкурсному испытанію. А что эти должностныя лица дѣйствительно состоятъ подъ контролемъ сочленовъ, это видно изъ того, съ какою точностью они приспособляютъ свою политическую и промышленную политику къ развивающимся взглядамъ и потребностямъ членовъ общества, которому служатъ. Эта чуткость къ желаніямъ избирателей обезпечивается дѣйствительнымъ контролемъ выборныхъ представителей (стр. 32). Благодаря удачному примѣненію подобной организаціи, тенденція къ развитію представительныхъ учрежденій замѣчается въ послѣдніе годы и въ прочихъ трэдъ-юніонахъ; такъ, въ указанномъ смыслѣ происходитъ преобразованіе въ національномъ союзѣ рабочихъ на сапожныхъ и башмачныхъ фабрикахъ (37.000 членовъ) и въ соединенномъ обществѣ машиностроительныхъ работъ (87.313 членовъ). Имѣя въ виду все увеличивающееся вліяніе класса наемныхъ рабочихъ на ходъ муниципальной и національной политики, авторы дѣлаютъ любопытные выводы на основаніи полученныхъ наблюденій объ общемъ характерѣ будущей эволюціи демократическихъ учрежденій.

Въ чемъ же заключаются цѣли, преслѣдуемыя трэдъ юніонами? Ихъ общая цѣль—повысить соціальное положеніе членовъ, обезпечивъ имъ одинаковыя для всей данной промышленности условія работы (стр. 62, 116). Этимъ объясняется и свойственная имъ тенденція къ расширенію: въ противуположность старинным ремесленнымъ цехамъ, у которыхъ единицею правленія былъ городъ, трэдъ-юніоны въ своемъ развитіи стремятся къ тому, чтобы организовать каждый промыселъ, какъ одно цѣлое. Правила, которыми именно и обезпечивается одинаковость условій работы въ каждой отрасли промышленности, касаются нормальнаго уровня заработной платы, нормальнаго рабочаго дня, санитарныхъ условій и безопасности производства, примѣненія новыхъ процессовъ производства и новыхъ машинъ, постоянства занятій, доступа въ промыселъ и права на промыселъ. Разсмотрѣнію этихъ правилъ, ихъ содержанія и мотивовъ, и посвящено содержаніе второй части сочиненія вмѣстѣ съ разсмотрѣніемъ тѣхъ средствъ или методовъ, которыми отъ начала XVIII в. до настоящаго времени трэдъ-юніонисты добивались своихъ цѣлей. Этими методами, по опредѣленію авторовъ, являются три: методъ взаимнаго страхованія, методъ коллективныхъ сдѣлокъ и методъ законодательныхъ постановленій. Подъ первымъ методомъ разумѣется составленіе изъ общихъ взносовъ фонда съ цѣлью обезпеченія членовъ въ разнаго рода случаяхъ, т. е. для того, чтобы дать содержаніе членамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они лишились средствъ къ существованію, вслѣдствіе причинъ, не зависящихъ ни отъ нихъ, ни отъ союза. Это—филантропическая или взаимно-вспомогательная сторона трэдъ-юніонизма, какъ-то: пособія боль-

нымъ, пострадавшимъ отъ несчастнаго случая и престарѣлымъ, «похоронныя деньги» и проч. Методъ коллективныхъ сдѣлокъ черезъ посредство представителей замѣняетъ въ значительной части индустріи прежній индивидуальный договоръ между хозяиномъ и рабочимъ. Заключенныя трэдъ-юніонами соглашенія пріобрѣтаютъ обыкновенно въ данной отрасли промышленности обязательную силу не только для трэдъ-юніоновъ, но и для широкой массы рабочихъ въ округѣ. По общему впечатлѣнію авторовъ, во всѣхъ областяхъ промышленности, гдѣ употребляется трудъ квалифицированныхъ рабочихъ, работающихъ совмѣстно въ помѣщеніяхъ предпринимателей, у 90% рабочихъ высота заработной платы и длина рабочаго дня, а часто и многія другія условія, опредѣляются коллективными сдѣлками. Лично эти рабочіе не принимали никакого участія въ такихъ сдѣлкахъ, но ихъ интересы защищали представители ихъ класса (стр. 141). Обычными механизмами для такихъ соглашеній служатъ или соединенный комитетъ, состоящій поровну изъ представителей отъ рабочихъ и предпринимателей, или профессіональная экспертиза, или, наконецъ, третейскій судъ, пріемы, достоинство и недостатки которыхъ подробно разбираются въ сочиненіи. Методъ законодательныхъ постановленій заключаетъ въ себѣ всю практику союзовъ, направленную къ тому, чтобы добиться признанія желательныхъ имъ правилъ путемъ рабочаго законодательства, парламентскихъ актовъ. По мѣрѣ политическаго роста рабочихъ классовъ въ Англіи, примѣненіе этого способа получаетъ все большее значеніе.

Главы разсматриваемаго тома, касающіяся нормальнаго уровня заработной платы, нормальнаго рабочаго дня, санитарныхъ условій и безопасности производства и проч., даютъ полное и обстоятельное изложеніе тѣхъ условій труда, въ которыхъ находится рабочій классъ въ современной Англіи, тѣхъ способовъ, которыми онъ ихъ поддерживаетъ, и тѣхъ улучшеній, которыхъ добивается. Эти главы настолько содержательны, что мы не беремся извлекать изъ нихъ наиболѣе существенное и отсылаемъ читателей самихъ къ этому цѣнному и интересному труду, стоящему вполнѣ на современномъ уровнѣ вопроса.

М. П—въ.

Т. Фауль. Призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи. (T. Fowle The Poor Law). Перев. съ англ. А. М. Бѣлова. Спб. 1899. Англія первая изъ прочихъ странъ пришла къ сознанію, что общественное призрѣніе бѣдныхъ и его устройство являются существенной частью обязанностей всякаго цивилизованнаго государства. Въ процессѣ своего роста система призрѣнія бѣдныхъ въ Англіи наталкивалась на всевозможныя затрудненія, перепробовала разныя средства, произвела многочисленные опыты, такъ что лѣтопись ея ошибокъ не мало способствовала усовершенствованію дѣла призрѣнія во всѣхъ государствахъ. Излагая важнѣйшія моменты этой лѣтописи, книга Т. Фауля претендуетъ именно на этого рода заслугу.

Знакомясь съ книгою Фауля, мы должны имѣть въ виду, что онъ занятъ исключительно тою областью призрѣнія, которая опредѣляется вмѣшательствомъ государства, и совсѣмъ не касается частной благотворительности и благотворительности самостоятельныхъ союзовъ, которые такъ характеризуютъ въ этомъ вопросѣ современную Англію.

Исторія законодательства о призрѣніи бѣдныхъ въ Англіи раздѣляется, главнымъ образомъ, на двѣ эпохи: эпоху Елизаветинскаго законодательства о бѣдныхъ, ведущую свое начало съ акта 1601 года, и эпоху со времени реформы 1834 года. Первую эпоху характеризовало обязательное призрѣніе бѣдныхъ по приходамъ съ примѣненіемъ принудительной работы какъ въ работныхъ домахъ, такъ и внѣ ихъ, вторую—организація призрѣнія по округамъ, съ центральнымъ контролемъ и преобладаніемъ закрытаго призрѣнія надъ открытымъ. О происхожденіи и дальнѣйшемъ развитіи призрѣнія бѣдныхъ въ Англіи Т. Фауль пишетъ такъ: «своимъ появленіемъ призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи обязано не

гуманности и не чистому утилитаризму, но единственно интересамъ классоваго эгоизма. Здѣсь достаточно отмѣтить, что смыслъ этого явленія заключается въ томъ, что эгоизмъ высшихъ классовъ съумѣлъ обратить въ свою пользу развивающійся духъ гуманности и заключилъ съ нимъ родъ тайной сдѣлки. Подъ условіемъ, что мѣстныя власти примутъ мѣры для призрѣнія дряхлыхъ, высшіе классы получили разрѣшеніе обращать здоровыхъ работниковъ фактически въ рабство подъ предлогомъ принудительной работы... Побужденія гуманныя, при всей ихъ незначительности, далеко пережили интересы эгоизма; ихъ то и можно назвать рѣшительной причиной, почему призрѣніе бѣдныхъ продолжало существовать долго спустя того времени, когда его можно было, съ нѣкоторою вѣроятностью, назвать орудіемъ угнетенія и порабощенія рабочихъ классовъ» (стр. 17).

Исторія законодательства о бѣдныхъ въ Англіи стоитъ въ тѣсной связи съ ея экономической исторіей, измѣненіями въ условіяхъ земельной собственности, развитіемъ классовъ, перемѣнами, совершавшимися въ земледѣліи, промышленности и торговлѣ. Безъ яснаго представленія обо всѣхъ этихъ явленіяхъ, многое не можетъ быть понято и въ исторіи законодательства о призрѣніи бѣдныхъ. Мы видимъ смѣну руководящихъ направленій въ законодательствѣ и его примѣненіе, но не знаемъ руководящихъ причинъ ихъ. Изслѣдуя вопросъ преимущественно по документамъ и законодательнымъ актамъ о призрѣніи бѣдныхъ, Фауль ограничивается лишь краткими и неясными оговорками на этотъ счетъ, и для читателя поэтому остается непонятнымъ, почему суровая практика перваго періода примѣненія законодательства Елизаветы о бѣдныхъ смѣнилась въ концѣ XVIII вѣка сентиментальнымъ направленіемъ, породившимъ столько злоупотребленій и деморализаціи. Реформа 1834 г. застала такое положеніе вещей, что около 7.000.000 ф. стерл. общественныхъ денегъ расходовалось въ годъ не столько на помощь дѣйствительно нуждающимся дряхлымъ, больнымъ и дѣтямъ, сколько на то, чтобы поддерживать норму земледѣльческаго заработка на извѣстномъ уровнѣ, оказывая подспорье къ заработку здоровыхъ людей, которые низводились тѣмъ изъ свободныхъ рабочихъ въ рабовъ. «Бѣдные, обладавшіе хорошимъ здоровьемъ, были обязаны жить тамъ, гдѣ ихъ заставъ законъ о приписке, получать такой доходъ, который считали достаточнымъ сосѣднія власти, работать на хозяина способомъ, предписаннымъ приходскими властями и нерѣдко жениться на женщинѣ, которую для нихъ находили тѣ же приходскія власти» (стр. 89). Словомъ, такой бѣдный являлся, по мѣткому выраженію, «искусственнымъ произведеніемъ, а не естественнымъ потомкомъ англійской расы». Распредѣленіемъ огромной суммы, собираемой путемъ налоговъ въ пользу этихъ бѣдныхъ, завѣдывало болѣе 2.000 мировыхъ судей, 1.500 приходскихъ совѣтовъ и 15000 группъ надзирателей, дѣйствовавшихъ независимо другъ отъ друга, безъ всякаго контроля.

Въ февралѣ 1834 года былъ опубликованъ отчетъ особой коммиссіи, назначенный для изслѣдованія вопроса объ управленіи призрѣніемъ бѣдныхъ и его практическомъ дѣйствіи. Въ этомъ отчетѣ было раскрыто все зло существовавшей системы, всѣ ея вредныя послѣдствія: крайнее отягощеніе облагаемой налогами собственности и бѣднѣйшихъ плательщиковъ, деморализація управленія и проч. Въ результатѣ пересмотра законовъ о призрѣніи бѣдныхъ, организація его получила существенныя измѣненія. Право вѣдать призрѣніе у отдѣльныхъ приходовъ было отнято, вся страна была раздѣлена на округи, учреждено было центральное управленіе призрѣніемъ бѣдныхъ, называемое теперь «Local Government Board (департаментъ мѣстнаго управленія), подчиненный одному отвѣтственному главѣ; въ каждомъ округѣ былъ образованъ общій фондъ, въ составъ котораго каждый приходъ дѣлалъ взносы не по облагаемому сборомъ имуществу, а пропорціонально расходамъ по призрѣнію бѣдныхъ. Системѣ закрытаго при-

зрѣнія въ рабочихъ домахъ было дано предпочтеніе передъ системою открытой помощи, что авторъ считаетъ большимъ и важнѣйшимъ шагомъ впередъ. Въ общихъ чертахъ система призрѣнія бѣдныхъ, установленная реформою 1834 г., оставалась въ Англіи до послѣдняго времени. Авторъ находитъ, что и позднѣйшія реформы мѣстнаго управленія 1885 г. не внесли въ это дѣло ничего существенно новаго. «Въ общемъ, мы встрѣчаемся съ тѣми же затрудненіями, съ тѣми же средствами противъ нихъ и съ тѣми же статистическими данными. Акты парламента имѣютъ дѣло съ прежними же вопросами, которые изъ года въ годъ обсуждаются на совѣщаніяхъ, причемъ новыхъ свѣдѣній и идей вносится сравнительно немного» (стр. 195. Приложеніе). Но это далеко несправедливо. Если законодательство о призрѣніи бѣдныхъ и не испытало за послѣднее время въ Англіи большихъ измѣненій, то практика благотворительности въ современной демократической и промышленной Англіи совершенно видоизмѣнилась и проникнута новыми началами, въ значительной мѣрѣ выработанными въ другихъ сѣверныхъ странахъ, дальше подвинувшихся въ этомъ направленіи. Фауль, съ его основнымъ требованіемъ, чтобы положеніе призрѣваемаго ни въ какомъ случаѣ не было лучше или равно положенію человѣка, не пользующагося призрѣніемъ, выражаетъ опасенія, которымъ врядъ ли можетъ быть мѣсто при современныхъ условіяхъ жизни. Также и пристрастіе его къ системѣ закрытаго призрѣнія, которое онъ считаетъ единственно «достойнымъ здраваго смысла и практической гуманности англійскаго народа», объяснимо, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія ошибокъ далекаго прошлаго. Практика этого самаго закрытаго призрѣнія въ такъ называемыхъ рабочихъ домахъ (Workhouse), съ принудительной работою, должна бы была показать ему, какъ много затрудненій и опасностей связано и съ этой системою. Описаніе всѣхъ неустройствъ въ этихъ домахъ еще въ не столь отдаленное время составляетъ одни изъ интереснѣйшихъ страницъ его книги. Рабочій домъ сдѣлался чѣмъ-то очень отличнымъ отъ того, чего ожидали отъ него основатели. «Громадный масштабъ, по которому были задуманы и построены рабочіе дома, и то обстоятельство, что каждый союзъ долженъ былъ имѣть свой отдѣльный домъ, показываетъ, во-первыхъ, что они разсчитаны были на большое число лицъ, загнанныхъ сюда отсутствіемъ занятій; во-вторыхъ, что, посредствомъ этихъ домовъ, каждый союзъ разсчитывалъ исполнить всѣ обязанности, лежащія на немъ относительно всѣхъ классовъ его бѣдныхъ». Однако, результатъ совершенно не оправдалъ этихъ намѣреній и ожиданій. «Въ рабочемъ домѣ нѣтъ людей, которые могли бы работать; онъ заключаетъ въ себѣ какъ разъ тѣ классы, которые всего менѣе можно выбрать для совмѣстнаго пребыванія: оба пола, крайнюю старость, различныя степени идіотизма и болѣзненности. Всѣ они—подъ одной кровлей, подъ начальствомъ чиновниковъ, которые могутъ оказаться способными имѣть дѣло съ однимъ классомъ и неспособными обходиться съ другимъ. Изъ этой аггрегаціи классовъ выходитъ нѣчто, что можно назвать сущностью рабочаго дома: онъ—не школа, не больница, не тюрьма, не убѣжище, не мѣсто работы, а нѣчто такое, что получается изъ сложенія всего этого вмѣстѣ» (стр. 172). Достаточно сказать, что еще въ то недавнее время, о которомъ пишетъ Фауль, значительный контингентъ состава рабочихъ домовъ представляли умалишенные, изъ которыхъ не болѣе 38.000 были выдѣлены въ особые пріюты, а 16.000 оставались среди обитателей рабочихъ домовъ. Но главными страдальцами являлись въ данномъ случаѣ дѣти, принужденныя жить въ атмосферѣ, пропитанной порокомъ. Фауль настаиваетъ на необходимости выдѣленія ихъ въ особыя учебно-воспитательныя заведенія и вообще на болѣе строгомъ соблюденіи назначенія рабочихъ домовъ для трудоспособнаго, но временно лишеннаго занятій населенія, съ особымъ устройствомъ заведеній для душевно-больныхъ, богадѣленъ для дряхлыхъ, школъ для дѣтей и проч. Его критика системы призрѣнія бѣдныхъ въ рабочихъ домахъ Англіи шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ

можетъ быть направлена до извѣстной степени и противъ порядковъ, существующихъ въ нашихъ домахъ трудолюбія. Разсматривая составъ ихъ по свѣдѣніямъ о 48 домахъ трудолюбія, проф. В. Й. Герье («Трудовая помощь». «Что такое домъ трудолюбія». 1897 г., ноябрь) отмѣчаетъ то же явленіе: крайне смѣшанный составъ обитателей рабочихъ домовъ и притомъ, главнымъ образомъ, такой, который совершенно не отвѣчаетъ задачамъ трудовой помощи. Здѣсь и дряхлые старики, и калѣки, нуждающіеся въ богадѣленномъ содержаніи, дѣти, мѣсто которыхъ въ профессіональныхъ пріютахъ и школахъ, больные и алкоголики, которымъ необходима, прежде всего, врачебная помощь. Изъ этого положенія вытекаетъ необходимость той же классификаціи призрѣваемыхъ и учрежденія для нихъ особыхъ заведеній, о которой говорилъ и Фауль.

Разсматриваемый трудъ Т. Фауля былъ составленъ около 1875 г.; въ изданіи, которое послужило для перевода, авторомъ сдѣлано особое приложеніе въ концѣ книги о призрѣніи бѣдныхъ въ 1890 г. Цифры этого приложенія переводчикъ нашелъ необходимымъ дополнить статистическими данными за позднѣйшіе годы. Все это показываетъ, насколько устарѣло сочиненіе Т. Фауля, главную цѣнность котораго составляетъ историческая часть съ той существенной оговоркой, какая была сдѣлана нами ранѣе, именно объ отсутствіи экономическаго освѣщенія исторіи законодательства о бѣдныхъ. Во всякомъ случаѣ, картины современнаго призрѣнія бѣдныхъ въ Англіи читатель въ книгѣ Т. Фауля не найдетъ.

Стоимость изданія — 1 руб., — имѣя въ виду его размѣры и внѣшнія достоинства, — можетъ быть признана невысокой. Вся сумма, вырученная отъ продажи изданія, полностью поступаетъ въ пользу Дѣтскаго пріюта трудолюбія Св. Ольги. *М. П—въ.*

ЭТНОГРАФІЯ.

Гопчевичъ. «Старая Сербія и Македонія».

Старая Сербія и Македонія. Историко-этнографическое изслѣдованіе Спиридона Гопчевича. Перев. съ нѣмецкаго Миланъ Г. Петровичъ. Спб. 1899 г. Если бы не стояло на обложкѣ имя переводчика, очевидно серба, и если бы не были упомянуты въ «послѣсловіи» имена лицъ, содѣйствовавшихъ появленію перевода (т. е. давшихъ средства на изданіе),—тоже сербовъ, то было бы трудно понять, зачѣмъ понадобился русскій переводъ этого плохого памфлета, осужденнаго ученой критикой и погубившаго литературную репутацію автора. До появленія этой книги Гопчевичъ былъ извѣстенъ, какъ талантливый журналистъ и бойкій компиляторъ, умѣвшій живо, хотя не безъ хвастовства и не безъ прикрасъ, передать свои путевыя впечатлѣнія, снабдивъ ихъ аппаратомъ легко пріобрѣтенной учености. По свѣдѣніямъ, исходящимъ, очевидно, отъ него самого, онъ знаетъ 27 языковъ, посѣтилъ 35 странъ и за пятнадцать лѣтъ издалъ 18 большихъ трудовъ и брошюръ, одинъ романъ, пять повѣстей, 250 военныхъ и морскихъ, 30 ученыхъ, 80 беллетристическихъ и 1.300 политическихъ статей, напечатанныхъ въ 70 различныхъ журналахъ и газетахъ. Разбираемое сочиненіе составило эру въ плодовитой карьерѣ нашего полигистора. Со времени изданія «Старой Сербіи и Македоніи» (1890 г.) Гопчевича стали считать недобросовѣстнымъ мистификаторомъ, не останавливающимся передъ подтасовкой личныхъ впечатлѣній и ученыхъ аргументовъ въ пользу предвзятой національной теоріи. Незнакомыхъ съ литературой предмета читателей развязный тонъ и показная ученость автора могутъ легко ввести въ

заблужденіе; знающіе дѣло могутъ только удивляться невѣжеству и неподготовленности Гопчевича, которыя равняются развѣ только его самоувѣренности, съ которой онъ «открываетъ» европейскому (а теперь и русскому) общественному мнѣнію страну, не хуже его извѣстную и путешественникамъ и ученымъ,—какъ будто бы дѣло шло не о Европѣ, а о центральной Африкѣ, и какъ будто разсказанное имъ не могло быть провѣрено въ любой моментъ.

Свой разсказъ о Македоніи Гопчевичъ ведетъ въ полубеллетристической формѣ, безъ церемоніи измышляя цѣлые разговоры и вставляя въ уста собесѣдниковъ свѣдѣнія, вычитанныя имъ изъ книгъ. Для большей занимательности есть и «интрига» въ его ученомъ романѣ. Нѣкій болгаринъ Дмитрій Петровъ,—котораго, между прочимъ, напрасно разыскивали критики Гопчевича и существованіе котораго автору не удалось доказать даже напечатаннымъ имъ факсимиле письма къ нему этого фантастическаго Петрова—предлагаетъ Гопчевичу, сербу, проѣхаться вмѣстѣ на счетъ его, Петрова, по Македоніи, чтобы рѣшить, населена ли Македонія сербами или болгарами. Петровъ—ничего не понимаетъ ни въ лингвистикѣ, ни въ наукѣ вообще; Гопчевичъ тоже дальше поверхностнаго дилетантизма не идетъ. Тѣмъ не менѣе, они надѣются путемъ простыхъ опросовъ и бесѣдъ съ прохожими и проѣзжими рѣшить національный споръ между болгарами и сербами. И вотъ начинается опросъ: изъ главы въ главу, изъ села въ село, изъ гостинницы въ гостинницу Гопчевичъ переноситъ все тѣ же вѣчные разговоры со встрѣчными туземцами на тему: кто ты и на какомъ языкѣ говоришь? Конечно, болгаринъ оказывается посрамленнымъ; его не понимаютъ, когда онъ говоритъ съ македонскимъ населеніемъ по болгарски, а Гопчевича, говорящаго по-сербски, понимаютъ отлично. Если иногда это населеніе и называетъ себя при этомъ «бугаре», то Гопчевичу легко удается убѣдить ихъ и читателя, что это—одно недоразумѣніе. Неловкая литературная форма возбуждаетъ, правда, у читателя съ самаго начала нѣкоторое подозрѣніе; но изъ частаго повторенія одного и того же получается, наконецъ, какая то привычка думать такъ же, какъ думаетъ авторъ. Притомъ же, читателю кажется невѣроятнымъ, чтобы авторъ могъ такъ беззастѣнчиво фальсифицировать факты. По счастливой случайности, пишущій эти строки побывалъ почти во всѣхъ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ былъ и Гопчевичъ. Онъ говорилъ только по-болгарски, не зная вовсе въ то время сербскаго языка. Населеніе всегда его понимало и выражалось понятно для него,—не говоря уже о томъ, что оно называло себя «болгарами» и съ этимъ соединяло сознательное представленіе о принадлежности своей къ той же національности, какъ жители сосѣдняго княжества. Познакомившись со спеціальной литературой о Македоніи, нижеподписавшійся могъ убѣдиться, до какой степени подтасованы и искажены ученыя доказательства Гопчевича. У сербской интеллигенціи, особенно у сербской молодежи—вѣра во всѣ эти доказательства сербизма македонцевъ можетъ объясняться добросовѣстнымъ заблужденіемъ, невозможностью думать иначе. Но у такого писателя, какъ Гопчевичъ, подобное «заблужденіе» непонятно и непростительно. Вопросъ о лингвистическомъ положеніи македонскихъ нарѣчій, правда, представляетъ трудности, разрѣшеніе которыхъ доступно только лингвисту. Нельзя сказать, чтобы лингвисты окончательно сговорились въ этомъ вопросѣ, но господствующее мнѣніе считаетъ македонскія нарѣчія—западными діалектами *болгарскаго*, а не частью сербскаго языка. Лингвистическія доказательства автора—повторяющаго, впрочемъ, большею частью то, что говорятъ его земляки,—болѣе чѣмъ наивны. Спеціально-сербскими считаются въ нихъ сплошь и рядомъ такія черты, которыя составляютъ явленіе даже не южнославянское, а общеславянское. То же относится и къ обычаямъ, при помощи которыхъ Гопчевичъ, вслѣдъ за сербскими писателями, старается доказать сербизмъ македонцевъ. О доказательствахъ «историческихъ» не стоитъ и упоми-

нать, такъ какъ это слабѣйшая часть аргументовъ и автора и всей той литературы, которую онъ компилируетъ. Эти доказательства цѣликомъ основаны на перетолкованіяхъ и умолчаніяхъ.

Нѣкоторый интересъ нѣмецкому изданію придавали рисунки и большая этнографическая карта Македоніи. Рисунки сильно попорчены въ русскомъ изданіи, такъ какъ сняты очевидно, не съ оригинальныхъ фотографій, а съ цинкографій нѣмецкаго изданія. Этнографическая карта вовсе отсутствуетъ; этнографическіе перечни нѣмецкаго изданія сокращены въ небольшую таблицу. То и другое, впрочемъ, надо считать устарѣлымъ послѣ новѣйшихъ болгарскихъ работъ. Этнографическую карту Македоніи по новѣйшимъ даннымъ мы печатаемъ въ изданіи И. П. Поддубнаго («Мѣста современныхъ происшествій»). Статистическую таблицу по новѣйшимъ даннымъ, собраннымъ извѣстнымъ знатокомъ Македоніи, болгариномъ Вас. Кънчевымъ (ему принадлежитъ и упомянутая карта—то и другое не издано) прилагаемъ здѣсь, съ цифрами Гопчевича en regard *). Цифры Гопчевича поставлены въ скобки.

	Христіане.	Магометане.	Всего.
Болгаре. . . .	1.090.000 (36.600)	145.000 (21.000)	1.235.000 (57.600)
Сербы.	500 (1.364.800)	500 (321.500)	1.000 (1.686.300)
Турки.	4.250 (—)	507.500 (215.000)	511.750 (215.000)
Греки	218.400 (—)	11.200 (—)	229.600 (201.149)
Арнауты . . .	8.400 (—)	113.000 (—)	121.400 (73.020)
Влахи (румуны)	74.000 (68.715)	3.500 (4.800)	77.500 (73.515)
Евреи	—	—	67.000 (69.445)
Цыгане	14.000 (—)	38.000 (—)	52.000 (20.520)
Черкесы . .	—	2.900 (—)	2.900 (—
Прочіе **) . .	9.000	—	9.000 (3.500)
Итого . .	1.418.550	821.600	2.307.150 (2.400.040)

Общій итогъ, какъ видимъ, довольно сходенъ; но число славянъ у Гопчевича значительно преувеличено, а число инородческихъ элементовъ—уменьшено. Не говоримъ уже о томъ, что почти всѣхъ славянъ Гопчевичъ причисляетъ къ сербамъ, тогда какъ по Кънчеву, въ мнѣнію котораго склоняемся и мы, всѣ они принадлежатъ къ болгарамъ. Сербы въ Македоніи суть только пришельцы изъ королевства. *П. Милюковъ.*

АСТРОНОМІЯ.

Клейнъ. Прошлое, настоящее и будущее вселенной.

Клейнъ. Прошлое, настоящее и будущее вселенной. Изданіе товарищества «Знаніе» Общедоступная научная библіотека. Редакція К. П. Пятницкаго. Изданіе второе. Спб. Ц. 1 р. 50 коп. Нельзя не отмѣтить похвальнаго стремленія товарищества «Знаніе» прогрессивно улучшать изданія своей «Общедоступной научной библіотеки». Такъ какъ послѣднія предназначаются для большой публики, расходятся въ большомъ числѣ экземпляровъ, то, конечно, очень важно, чтобы многіе были не только почтенны по содержанію, но и приличны по своей внѣшности. Было бы существенной ошибкой, по нашему мнѣнію, преподносить массѣ сѣрыя изданія. Плохо изданная книга меньше привлечетъ читателей,—а у насъ еще нужно позаботиться о привлеченіи читателя къ книгѣ,—она вредна и въ педагогическомъ отношеніи. Нужно стараться прове сти въ

*) Безъ Старой Сербіи въ собств. смыслѣ.

**) Русскіе монахи 4.000, европейцы 4.600, сирійцы, армяне etc около 400.

массу тотъ же матеріалъ, который мы считаемъ годнымъ для интеллигенціи. Нужно предложить ей тѣ же образцы, тѣ же иллюстраціи... Небольшая цѣна, которая можетъ быть назначена книжкѣ, предназначенной для широкаго распространенія, конечно, является препятствіемъ къ выпуску хорошихъ изданій... Но это только лишь препятствіе, противъ котораго можно и нужно бороться. Лучше дать немного, но дать хорошо. Необходима и извѣстная скромность. Нѣтъ ничего болѣе жалкаго, смѣшного, какъ убогая роскошь.

Переходя непосредственно къ разбираемому новому изданію книжки Клейна «Прошлое, настоящее и будущее вселенной», мы не можемъ прежде всего не высказать сожалѣнія, что въ немъ оставлена прежняя, чрезвычайно рекламная обложка. Она безусловно служитъ только во вредъ изданію. Дальше пойдетъ все уже гораздо лучше. На этотъ разъ цвѣтные рисунки въ общемъ вполнѣ удовлетворительны. Есть нѣсколько прекрасныхъ портретовъ, довольно много интересныхъ, вслѣдствіе новизны или рѣдкости иллюстрацій. Содержаніе книжки представляетъ собой общедоступное изложеніе основныхъ космологическихъ вопросовъ по программѣ. «Міръ, какъ цѣлое. Исторія развитія туманностей. Исторія развитія звѣздныхъ міровъ. Происхожденіе солнечной системы. Жизнь и судьба солнца. Исторія развитія и міровая роль кометъ. Роль метеорныхъ потоковъ. Древность солнечной системы и земли. Обитаемость луны. Обитаемость планетныхъ міровъ». Собственно говоря, мы имѣемъ здѣсь не космологію, а скорѣе рядъ очерковъ по описательной астрономіи, какъ въ другомъ извѣстномъ сочиненіи того же автора «Астрономическіе вечера», только они всѣ написаны въ данномъ случаѣ съ одной опредѣленной окраской и связаны общей идеей—картинно представить судьбы вселенной, хотя, конечно, изъ существующихъ по этому вопросу воззрѣній здѣсь приведены только самыя элементарныя. О гипотезахъ и теоріяхъ Фая, Вольфа, Гирна, Си и пр. мы не найдемъ здѣсь ничего, если не считать вставки въ русскомъ изданіи о теоріи солнечныхъ пятенъ, предложенной Фаемъ.

Въ разсматриваемомъ сочиненіи и много иллюстрацій является общими съ «Астрономическими вечерами».

О солнцѣ сказано гораздо больше, чѣмъ въ «Астроном. веч.». Больше касается на этотъ разъ авторъ и вопроса о природѣ кометъ, но нельзя не сдѣлать ему упрека за то, что онъ мало отдалъ вниманія теоріямъ Бредихина. Во всякомъ случаѣ, разъ онъ излагаетъ изслѣдованія этого знаменитаго ученаго, онъ долженъ бы аккуратнѣе передать хотя бы главнѣйшіе результаты. Нельзя не указать читателю одну грубую ошибку. Хвосты III-го Бредихинскаго типа вовсе не то, что такъ называемые *аномальные* хвосты. Послѣдніе даже по своему происхожденію совершенно отличны отъ обыкновенныхъ хвостовъ. Это не аггрегатъ легкихъ частицъ, а придатки изъ тяжелой матеріи, которая идетъ на образованіе метеоровъ. Курьезно то, что приложенный рисунокъ находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ текстомъ. Клейнъ—извѣстный селенографъ, но нужно все-таки съ осторожностью относиться къ его увлеченію идеей объ измѣненіяхъ на лунной поверхности и проявленію нѣкоторой жизни на ней. Одною изъ наиболѣе интересныхъ главъ является VII-я: «Древность солнечной системы и земли», въ которой приводятся числовые результаты изслѣдованій Адамсомъ и проф. Дарвиномъ такъ называемаго приливнаго тренія и его вліянія на замедленіе вращенія земли и луны.

Довольно много новыхъ подробностей приведено о Марсѣ и другихъ планетахъ. Отъ души желаемъ книжкѣ успѣха. *К. Покровскій.*

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

П. Елагинъ «Практическое птицеводство».—*О. Гриммъ.* «Бесѣды о прудовомъ хозяйствѣ».—*В. Котельниковъ* «Воздѣлываніе табака махорки».

П. Н. Елагинъ. Практическое птицеводство. Содержаніе и разведеніе птицъ въ русскихъ хозяйствахъ. Съ 120 рис. и чертеж. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. 1899. Ц. 2 р. Имя автора разбираемой книги пользуется почетною извѣстностью среди русскихъ птицеводовъ какъ за его литературную дѣятельность, такъ и за многолѣтнюю практику въ области птицеводства. Эти два качества отразились и на предлагаемой работѣ, гдѣ научность и точность теоретика соединены удачно съ опытомъ практика. Хорошо изложены главы о породахъ домашнихъ птицъ, большинство которыхъ представлены прекрасными рисунками, взятыми изъ извѣстнаго нѣмецкаго руководства Дюригена (Die Geflügelzucht). Подробно разсмотрѣны также болѣзни птицъ, при чемъ указаны наиболѣе простыя и доступныя средства; но глава объ искусственномъ выводѣ птицъ (инкубаціи) авторъ говоритъ значительно меньше, чѣмъ слѣдовало бы въ виду выгодности этого дѣла.

Въ концѣ книги приведенъ довольно большой списокъ литературы по птицеводству и орнитологіи, но, къ сожалѣнію, здѣсь пропущены такія капитальныя новыя сочиненія, какъ «Птицы Россіи» Мензбира, «Организація тѣла птицъ», Маршаля и т. п., а приведены только старыя работы Кесслера («Русская орнитологія») и Брандта, представляющія теперь библіографическую рѣдкость.

Внѣшняя сторона изданія вполнѣ удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ, а большое количество хорошихъ рисунковъ заставляетъ считать назначенную цѣну совсѣмъ недорогою. *И. И.*

О. А. Гриммъ. Бесѣды о прудовомъ хозяйствѣ. 4-е дополнен. изданіе. 1899. Ц. 75 коп. Выходъ спеціальной книги четвертымъ изданіемъ свидѣтельствуетъ уже объ успѣхѣ и достоинствахъ ея. Дѣйствительно, эта небольшая, но весьма толково составленная книжка даетъ основныя свѣдѣнія и полезныя наставленія къ искусственному разведенію наиболѣе распространенныхъ прѣсноводныхъ рыбъ—карповъ, форелей и стерлядей. Особенно подробно авторъ описываетъ образъ жизни, разноженіе и питаніе форели, которая разводится въ большомъ количествѣ заграницей, а также кое-гдѣ и у насъ въ Россіи, особенно на Никольскомъ рыбоводномъ заводѣ, директоромъ котораго и состоитъ много лѣтъ почтенный авторъ.

Къ сожалѣнію, авторъ довольно кратко говоритъ о содержаніи въ прудахъ стерляди, хотя и говоритъ, что по своей цѣнности она не имѣетъ конкуррента, а по своей живучести и способности скоро откармливаться эта рыба заслуживаетъ особеннаго вниманія русскихъ рыбоводовъ.

Кромѣ частныхъ указаній о разведеніи той или другой породы рыбы, въ книгѣ даны довольно подробныя указанія по вопросу объ устройствѣ прудовъ, при чемъ во многихъ мѣстахъ приведены цифровые примѣры, взятые изъ практики извѣстныхъ рыбоводныхъ заводовъ или хозяйствъ.

Внѣшняя сторона изданія не оставляетъ желать лучшаго, а дешевая цѣна дѣлаетъ его доступнымъ для всякаго, интересующагося этимъ дѣломъ.

И. И.

В. Г. Котельниковъ. Воздѣлываніе простого табака махорки. Изд. 2-е, просмотрѣнное и дополненное. 1899. Ц. 50 к. Разсматриваемая книжка предназначается главнымъ образомъ для мелкихъ табаководовъ, которыхъ такъ много въ Южной и Средней Россіи и въ хозяйствѣ которыхъ табаководство

является серьезнымъ подспорьемъ. Соотвѣтственно съ такимъ назначеніемъ авторъ обращаетъ главное вниманіе на практическую сторону дѣла, говоря подробно о всѣхъ условіяхъ и манипуляціяхъ табаководства. Изложено все это дѣльно, толково и вполнѣ популярно. Кромѣ того, авторъ вполнѣ умѣстно говоритъ и о нѣкоторыхъ экономическихъ условіяхъ дѣла: о продажѣ табака, объ условіяхъ, при которыхъ табаководство можетъ быть выгодно и т. п. Напрасно только авторъ пресерьезнымъ образомъ опровергаетъ мнѣніе «темныхъ людей», что табакъ есть «чертово зелье». Въ серьезной, хотя бы и популярной книжкѣ странно читать такія вещи! *И. И.*

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

В. Ладыженскій. «О книгахъ и сочинителяхъ».—Изданія «Посредника».—*О. Н. Поповой.* «Знанія» и др.

В. Н. Ладыженскій. О книгахъ и сочинителяхъ. Выпускъ 1-й. Съ древнѣйшихъ временъ до Петра Великаго. Чтеніе для школъ и народа. Изд. автора. Москва, типо-литографія А. В. Васильева. 1899 г. Ц. 30 к. Стр. 130. Разбираемая книжка, составленная даровитымъ поэтомъ г. Ладыженскимъ, въ настоящее время посвятившемъ себя школьному земскому дѣлу въ Пензенской губерніи,—явленіе въ высшей степени отрадное и оригинальное. Въ то время, какъ убогая народная наша школа, преслѣдуя, чуть не исключительно, одну цѣль — съ горемъ пополамъ народъ только огрмотить, почти вовсе не затрогиваетъ его мысли и чувства, авторъ дѣлаетъ смѣлую попытку, въ самой простой, популярной формѣ, ознакомить школу и народъ съ главнѣйшими явленіями русской народной устной словесности, еще живущей въ народѣ, и эти явленія осмыслить, а также, отчасти, и съ произведеніями древней письменности. Въ двѣнадцати небольшихъ очеркахъ, интересныхъ и безпрестанно иллюстрируемыхъ умѣло выбранными отрывками изъ самыхъ произведеній, передъ читателемъ проходитъ постепенно картина нашего народнаго творчества, а также важнѣйшіе изъ образцовъ литературы книжной. Первая попытка подобнаго ознакомленія народа съ исторіей литературы была сдѣлана, лѣтъ тридцать пять назадъ, въ журналѣ «Учитель», покойнымъ В. И. Водовозовымъ въ его статьяхъ «По старой памяти какъ по грамотѣ», вошедшихъ потомъ въ извѣстную его книгу «Древняя русская литература»; но новый трудъ г. Ладыженскаго кажется намъ и сжатѣе, и цѣльнѣе, а также и доступнѣе народу, даже грамотнымъ подросткамъ, причемъ не замѣтно ни малѣйшей искусственной поддѣлки подъ народный языкъ, а говорится ясно и просто только дѣло.

Начинается книжка чтеніемъ о происхожденіи *сказки и пѣсни* (стр. 1—7) обрядовой; вторая глава—*Былины и богатырскія пѣсни* (8—23). Эти главы, особенно вторая, показались намъ менѣе обработанными. Слѣдовало бы рельефнѣе выдѣлить богатырей новгородскихъ, для чего обильный матеріалъ представляютъ объяснительныя изложенія этихъ сѣверныхъ былинъ у Костомарова. Не объяснены у г. Ладыженскаго ни *мужики новгородскіе*, ни *Старчище пилигримище*, да и объясненіе исчезновенія богатырей какъ-то скомкано. Третья глава посвящена происхожденію грамоты, лѣтописи и Слова о Полку Игоревѣ (24—36), которое въ слѣдующемъ изданіи слѣдовало бы пересказать обстоятельнѣе и рѣзче выдвинуть основную идею. Четвертая глава (*Духовные стихи, Легенды*, 36—50) особенно интересна, также какъ и восьмая (*Запрещенныя церковныя книги. Ложныя молитвы. Книги суевѣрныя*, 76—91, имѣющія для народа тѣмъ большее значеніе, что онѣ касаются народнаго невѣжества и нелѣпыхъ понятій отъ него происходящихъ). Глава пятая (50—63—*Пѣсни про татарщину*

Пѣсни Московскаго царства и семейныя) требовала бы большаго рельефа въ изображеніи ужаса татарскаго погрома); зато шестая (65—71—*Малороссійскія думы и пѣсни*), седьмая (72—76—*Пословицы, загадки, заговоры*) и девятая (92—95—*Житія святыхъ и Четьи-Минеи*) составлены очень хорошо. Прекрасное впечатлѣніе оставляетъ также десятая глава (96—112—*Книга законовъ. Сказки про Ерша и Шемяку. Стоглавъ. Домострой*) и одиннадцатая (112—124—*Раскольничьи стихи. Пѣсни разбойничьи и сосдатскія*).

Книжка заканчивается двѣнадцатой заключительной, небольшой главой (шесть страницъ), гдѣ удачно предлагаются объясненія понятій: словесность, письменность, характеръ древняго образованія, иностранное вліяніе, періодъ литературы, писатель. Такимъ образомъ, книжка даетъ и много знаній, и, что особенно важно, очень интересно и просто написана. Нельзя поэтому не пожелать, чтобы она какъ можно скорѣе получила доступъ въ школы и въ народныя аудиторіи для публичныхъ чтеній, выборъ для которыхъ крайне ограниченъ въ особенности относительно литературы. Въ книжкѣ есть нѣсколько рисунковъ, исполненныхъ сносно; но въ общемъ издана она небрежно (нѣтъ даже оглавленія) и, принимая во вниманіе желательность широкаго проведенія такой книжки въ народъ, дорога. Обработавъ ее ко второму изданію болѣе тщательно, а тѣмъ болѣе, доведя свое симпатичное дѣло до конца (пока только одинъ выпускъ), г. Ладыженскій окажетъ нашему школьному дѣлу и народу вообще услугу очень цѣнную, Пока же желаемъ книжкѣ самаго большого распространенія.

В. П. О—скій.

«Пѣвцы народной жизни». О народныхъ поэтахъ: Цыгановѣ, Кольцовѣ, Никитинѣ, Суриковѣ и Дрожжинѣ. Съ 4-мя портр. Составилъ К. Хрѣновъ. Съ предисловіемъ И. Горбунова-Посадова. Изданіе «Посредника» № 319. Москва. 1899 г. Цѣна 15 к. стр. 198. II. Поэты-крестьяне Суриковъ и Дрожжинъ (съ 2-мя портр.) составилъ В. Брусъ. Изданіе Поповой № 41. Спб. 1899 г. Стр. 52. Отдѣлъ біографій писателей въ «народной» литературѣ количественно довольно богатъ, хотя нельзя того-же сказать о качественномъ его составѣ: лишь очень немногія изъ популярныхъ біографій могутъ быть признаны удачными по содержанію и по формѣ. Въ послѣднее время появилось нѣсколько новыхъ біографій, заслуживающихъ вниманія: однѣ изъ нихъ говорятъ о жизни писателей недавняго времени, вышедшихъ изъ народной среды, другія впервые вводятъ въ народную литературу имена, дотолѣ ей вполнѣ чуждыя

Къ числу первыхъ принадлежитъ и изданная «Посредникомъ» книжка «Пѣвцы народной жизни», представляющая изъ себя сборникъ біографій 5 поэтовъ. Самую мысль соединить вмѣстѣ эти 5 біографій поэтовъ, связанныхъ не только общностью происхожденія, но и сходнымъ типомъ творчества, близкимъ по формѣ къ народному пѣсенному творчеству нельзя не признать удачной.

Всѣ 5 біографій написаны очень понятнымъ языкомъ, чрезвычайно живо и интересно, рисуютъ передъ читателемъ картину той страшной борьбы съ бѣдностью, съ непониманіемъ окружающихъ какую, пришлось вынести почти всѣмъ поэтамъ-самоучкамъ. Особенно удались автору біографіи Кольцова и Никитина. Выборъ примѣровъ поэзіи всѣхъ 5 поэтовъ сдѣланъ также удачно. Біографическому очерку предшествуетъ предисловіе г. Горбунова-Посадова. По простотѣ и ясности, съ какими автору удалось коснуться такой отвлеченной темы, какъ содержаніе и значеніе поэтическаго творчества, эта небольшая замѣтка (стр. IV—IX) заслуживала-бы полнаго вниманія; но нельзя обойти молчаніемъ ту излишнюю тенденціозность, какая сквозитъ какъ въ предисловіи г. Горбунова-Посадова, такъ и во всей книжкѣ. Оба автора одинаково стремятся доказать читателю, что только деревня съ ея земледѣльческимъ трудомъ даетъ человѣку силу и душевную бодрость, сохраняетъ въ немъ неприкосновенными всѣ рели-

гіозныя, нравственныя и семейныя добродѣтели, Городъ же—это преддверіе ада, откуда нужно бѣжать спасаться въ деревню. Особенно сильно сказывается эта тенденція въ біографіи Дрожжина (г. Хрѣнова) «Тоскуетъ живая деревенская душа въ духотѣ фабричной и заводской жизни»,—говоритъ авторъ. «И крестьянинъ, поистинѣ любящій крестьянскій трудъ, старается вернуться въ деревню. (стр. 196). Здѣсь онъ хоть подышитъ чистымъ воздухомъ и по-человѣчески будетъ жить съ семьею и другими людьми». А въ заключеніе авторъ высказываетъ слѣдующее пожеланіе: «Пожелаемъ же, чтобы крестьянинъ крѣпко держался за свою землю, чтобы упорнымъ крестьянскимъ трудомъ и трезвой жизнью выбивался онъ изъ нужды, а не шелъ бы, если только есть какая нибудь возможность, на душные фабрики и заводы»... (стр. 198). Конечно, желать можно многаго и желанія бываютъ разныя. Можно бы пожелать также, чтобы бѣдняку, рабочему человѣку жилось лучше и въ городѣ и въ деревнѣ, можно пожелать еще и многаго другого. Но призывъ автора къ возвращенію въ деревню, гдѣ крестьянинъ не только подышитъ чистымъ воздухомъ, но и по человѣчески будетъ жить съ семьею и другими людьми»,—звучитъ горькой ироніей. Эту заманчивую картину какъ-бы нарочно отлично иллюстрируетъ самъ авторъ фактами изъ жизни Дрожжина. Въ 1878 г. Дрожжинъ уѣхалъ на родину... «Отецъ и мать, не видя отъ сына большой помощи, приняли его хуже, чѣмъ чужого. Каждый день они дѣлали ему какія-нибудь непріятности и не давали ни читать, ни писать»... и т. д. Немудрено, что Дрожжинъ поспѣшилъ обратно въ Питеръ и вернулся въ деревню опять только черезъ 6 лѣтъ. Тутъ опять біографъ разсказываетъ, какъ тяжела для поэта была встрѣча съ родными, чуть не окончившаяся дракой. А вотъ еще картина, рисующая семейные нравы деревни: Дрожжинъ мягко упрекнулъ отца за то, что тотъ истязалъ лошадь. «Отъ этихъ словъ старикъ, какъ бѣшеный, бросился на сына и больно хлестнулъ его кнутомъ»... и т. д. Такова деревенская семейная идиллія въ изображеніи г. Хрѣнова, о такихъ человѣческихъ отношеніяхъ говоритъ онъ, восхищаясь деревенскимъ укладомъ жизни! Рядомъ съ этой основной тенденціей стоитъ и другая: эти отрицаніе страсти и борьбы во всѣхъ ея видахъ. Въ предисловіи г. Горбуновъ-Посадовъ просто заявляетъ, что ничего хорошаго нѣтъ въ произведеніяхъ поэтовъ, воспѣвающихъ «человѣческія страсти, всякую любовь между мужчиной и женщиной» и т. п. «Истинно хорошіе поэты воспѣваютъ, какъ въ старинныхъ духовныхъ стихахъ, любовь къ Богу и святое стремленіе (къ вѣчной правдѣ и вѣчной любви), къ вѣчному миру и братству между всѣми людьми и народами». Съ этой точки зрѣнія произведенія такихъ поэтовъ, какъ Байронъ, Шиллеръ, Лермонтовъ и др. должны быть признаны просто вредными для человѣчества. И г. Горбуновъ-Посадовъ вѣроятно чистосердечно причислилъ бы ихъ къ числу поэтовъ плохихъ, вредныхъ.

Книга г. Бруса «Поэты-крестьяне Суриковъ и Дрожжинъ» — чужды той тенденціозности, какою отличается книга, изданная «Посредникомъ». Точка зрѣнія г. Бруса гораздо шире и раціональнѣе: онъ не умиляется передъ прелестью деревенской жизни, но подчеркиваетъ значеніе знанія для погибающей отъ темноты невѣжества деревенской массы. Такъ въ біографіи того же Дрожжина авторъ оттѣняетъ значеніе умственнаго развитія и привязанности къ книгѣ, пріобрѣтенныхъ поэтомъ (въ городѣ во время городской его жизни), при его вмѣшательствѣ въ общественныя дѣла своихъ односельчанъ, говоритъ о пользѣ, какую приноситъ деревнѣ крестьянинъ-интеллигентъ и личнымъ вліяніемъ и распространеніемъ книгъ.—Затѣмъ г. Брусъ не отдаетъ монополію на выраженіе интересовъ и нуждъ народа исключительно поэтамъ крестьянскаго происхожденія, а упоминаетъ также, напр., о Пушкинѣ, какъ народномъ поэтѣ, умалчивая, впрочемъ, какъ и г. ГорбуновъПосадовъ, о Некрасовѣ и др.

Отдавая предпочтеніе книгѣ г. Бруса передъ книгой г. Хрѣнова за ея болѣе

здравыя идеи, мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ не указать на то, что написана она гораздо болѣе сухо и менѣе доступно для обыкновеннаго читателя изъ народной среды, чѣмъ книга «Пѣвцы народной жизни»; особенно это можно сказать о предисловіи г. Бруса.

М. Полянская. Жизнь и сочиненія Ѳедора Михайловича Рѣшетникова. Изданіе книжнаго магазина «Знаніе» Спб. 1899 г. Цѣна 5 коп. Небольшой очеркъ г-жи Полянской читается легко и съ интересомъ, съ начала до конца. Горькія испытанія мальчика, никому не нужнаго, избиваемаго сначала за излишнюю живость и любознательность, потомъ за озорство, потомъ за неспособность къ зубренію бурсацкихъ наукъ, постоянная нужда и отсутствіе поддержки въ стремленіи юноши къ литературному творчеству, наконецъ, тяжкій литературный трудъ ради куска насущнаго хлѣба писателя, уже прославившагося своими произведеніями, такова въ краткихъ словахъ жизнь Рѣшетникова, какъ она проходитъ передъ нашими глазами въ біографическомъ очеркѣ г-жи Полянской. Личность писателя, реальные корни его творчества, характеристика его произведеній—очерчены достаточно полно; авторъ напрасно лишь не удѣлилъ мѣста изложенію содержанія и другихъ произведеній Рѣшетникова, напримѣръ «Свой хлѣбъ» и другіе, а не одного только романа «Подлиповцы». Со стороны простоты и ясности языка книжка г-жи Полянской не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Нельзя однако не указать на одну особенность разсматриваемаго біографическаго очерка, представляющую въ то же время и слабую его сторону. Жизнь Рѣшетникова представлена авторомъ такъ изолированно отъ общественныхъ условій жизни въ Россіи того времени, что даже о реформѣ 61 года нигдѣ не упомянуто ни словомъ. Какъ-то странно даже видѣть на страницахъ книжки упоминаніе именно этого года и рядомъ съ этимъ полное игнорированіе того коренного переворота, какой въ то время совершался во всѣхъ внутреннихъ отношеніяхъ страны; тѣмъ болѣе странно, что этотъ періодъ по времени какъ разъ совпалъ съ тѣмъ переломомъ въ жизни будущаго писателя, когда онъ переходилъ изъ юношескаго возраста въ зрѣлый. Какъ ни удаленъ отъ центра глухой городъ Пермь, но все же это губернскій городъ и такое событіе, какъ объявленіе воли крестьянамъ не могло пройти тамъ незамѣтно; начиная съ 63 года, т. е. въ самый разгаръ преобразованій 60-хъ годовъ, Рѣшетниковъ жилъ въ Петербургѣ, въ центрѣ умственной и общественной жизни того времени. Какъ отразилось на міровоззрѣніи писателя все, что совершалось вокругъ него, мы совершенно не видимъ въ очеркѣ г-жи Полянской. Если, по мнѣнію автора, характерныя черты эпохи не отразились ничѣмъ на духовной физіономіи писателя, то выясненіе причинъ и значенія этой особенности его психологіи входило непремѣнно въ обязанности его біографа. Точно такимъ же молчаніемъ обошелъ авторъ и ту среду выдающихся литераторовъ—лучшихъ общественныхъ дѣятелей эпохи великихъ реформъ, какіе группировались вокругъ редакціи «Современника», и съ которыми не могъ не сталкиваться общепризнанный уже въ то время писатель Рѣшетниковъ.

Ч. Вѣтринскій Очеркъ жизни и дѣятельности Вис. Григорьевича Бѣлинскаго. Народная библіотека. Изданіе книж. маг. «Знаніе». Цѣна 15 коп. Стр. 88. Спб. 1899 г. Имя Бѣлинскаго только недавно, со времени празднованія его 50-тилѣтняго юбилея, стало проникать и въ народную литературу. Среди популярныхъ книжекъ, посвященныхъ жизни и дѣятельности великаго критика, книжка г. Вѣтринскаго останавливаетъ на себѣ особое вниманіе, какъ по своему назначенію спеціально для народнаго чтенія, такъ и по той заслуженной извѣстности, какою пользуются составленныя тѣмъ же авторомъ біографіи другихъ выдающихся писателей (Тургенева, Шевченко и др.). Въ данномъ случаѣ задача автора была гораздо труднѣе, такъ какъ ему нужно было

не только передать читателю исторію жизни и творчества писателя, но и уяснить самое значеніе произведеній не художественныхъ, а критическихъ. Выясненію значенія критики и посвящена первая глава очерка. Написана она нѣсколько сухо, но достигаетъ своей цѣли, такъ какъ дѣлаетъ понятнымъ для читателя воспитательное значеніе образованнаго и добросовѣстнаго критика. Разсказъ о дѣтскихъ, отроческихъ и университетскихъ годахъ Бѣлинскаго (гл. II и III-я) написанъ чрезвычайно живо и интересно, краткая характеристика университетской среды и первыхъ литературныхъ вліяній на начинающаго писателя сдѣлана также вполнѣ понятно и хорошо. Слѣдующія главы IV—VIII посвящены литературной дѣятельности Бѣлинскаго: «Литературныя мечтанія». Общій взглядъ Бѣлинскаго на литературу. Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Гоголь, Кольцовъ, Достоевскій, Григоровичъ, Некрасовъ. Тургеневъ.—Народное просвѣщеніе. Наконецъ, въ главѣ IX и послѣдней разсказывается о кончинѣ Бѣлинскаго, его вліяніи на современниковъ, приводятся воспоминанія о его личности, затѣмъ упоминается о торжествахъ по случаю пятидесятилѣтія со дня его смерти. Какъ видно изъ краткаго перечня содержанія книжки г. Вѣтринскаго, онъ избралъ въ высшей степени простой планъ для передачи читателю наиболѣе выдающихся и характерныхъ чертъ творчества Бѣлинскаго. Г. Вѣтринскій беретъ въ хронологическомъ порядкѣ имена писателей, произведенія которыхъ подверглись въ свое время критикѣ Бѣлинскаго, приводитъ мнѣнія, высказанныя о нихъ и по поводу нихъ великимъ критикомъ, сообщаетъ попутно о личныхъ его отношеніяхъ съ этими писателями и, такимъ образомъ, даетъ безусловно интересную, поучительную и въ то же время вполнѣ доступную даже для читателя, далеко не привыкшаго къ отвлеченному мышленію, картину литературной дѣятельности Бѣлинскаго. По пути приведены выдержки изъ его сочиненій, очень удачно выбранныя. Вся книжка очень содержательна и серьезно, общій фонъ ея очень широкъ, такъ что передъ глазами читателя встаетъ цѣлая картина литературныхъ и общественныхъ отношеній эпохи. Но рядомъ съ этимъ авторъ обнаруживаетъ большую заботливость о читателѣ, вездѣ переводя и объясняя иностранныя и книжныя выраженія. Въ концѣ книги приложено добавленіе: библіографическій указатель литературы о Бѣлинскомъ и наставленіе, какъ раціональнѣе пользоваться его сочиненіями. Книжка заканчивается слѣдующими словами: «но до сихъ поръ имя Бѣлинскаго, какъ и имена большей части тѣхъ писателей, славу и вліяніе которыхъ онъ утвердилъ въ Россіи, чуждо массѣ русскаго народа, до сихъ поръ его «многострадальная тѣнь» витаетъ непримиренною въ виду того неустройства и невѣжества, которыми еще такъ богата русская жизнь». Отъ души желаемъ книгѣ г. Вѣтринскаго самаго широкаго распространенія. Она можетъ сдѣлать имя великаго критика менѣе чуждымъ массѣ русскаго народа, она заставитъ читателя, никогда раньше не знавшаго этого имени, полюбить образъ Бѣлинскаго и преклониться передъ памятью великаго писателя и человѣка.

«Свѣтъ Азіи». Индійское сказаніе. Составила по Арнольду О. Пассекъ. Изданіе «Посредника». № 340. Москва. 1899 г. Цѣна 1½ коп. Стр. 36. Г-жа Пассекъ очень удачно воспользовалась поэтическимъ подлинникомъ и сумѣла передать въ сокращеніи все обаяніе высоко-гуманной легенды о Буддѣ. Маленькая книжечка г-жи Пассекъ прочтется съ большимъ удовольствіемъ и пользой какъ юнымъ, такъ и взрослымъ читателемъ.

«Горе стараго каторжника» и другіе разсказы («Канитучья». Двѣ бѣлки. «Пѣгій осленокъ»). Изданіе «Посредника». № 323. Москва. 1999 г. Цѣна 6 к. Стр. 105. Всѣ 4 небольшихъ разсказа, переведенные съ итальянскаго, французскаго и англійскаго языковъ, рисуютъ читателю отношеніе человѣка къ животнымъ. Никакими особенными достоинствами эти разсказы не отличаются, но во всѣхъ

проводится идея сострадания къ живымъ, хотя и безсловеснымъ существамъ. Разсказъ «Двѣ бѣлки» понравится дѣтямъ.

«Домой!» Изъ жизни сибирскихъ переселенцевъ. Разсказъ Телетова. Изданіе «Посредника». № 322. Москва. 1899. Цѣна 1½ к. Стр. 36. Небольшой разсказъ о мальчикѣ сиротѣ, убѣжавшемъ изъ переселенческаго барака въ Сибири домой въ «Расею» въ родную деревню. По пути мальчикъ встрѣчается съ разными людьми и находитъ себѣ вѣрнаго товарища въ лицѣ бѣглаго каторжника, также стремящагося «домой!» Старикъ бродяга самоотверженно спасаетъ жизнь своего случайнаго спутника и попадается опять въ руки властей. А мальчику предстоитъ-таки добраться въ концѣ концовъ до желанной деревни Бѣлой. Разсказъ написанъ очень тепло и хорошо и прочтется съ интересомъ особенно деревенскимъ читателемъ.

М. Цебриковой (М. К. Николаева). «Пестунья-отравительница». Изданіе кн. маг. Лапина, въ Смоленскѣ. Смоленскъ. 1899 г. Стр. 71.

М. Цебриковой. «Пожаръ на кораблѣ». Того же изданіе. Стр. 44. Пестунья-отравительница — простой и милый разсказъ о крестьянской дѣвочкѣ, пострадавшей за свое разумное отношеніе къ уходу за ребенкомъ, непонятное для невѣжественныхъ окружающихъ. Приключеніе съ отравленіемъ ребенка оканчивается вполнѣ благополучно для умницы няньки, а читатель въ очень доступной беллетристической формѣ получаетъ полезныя свѣдѣнія по гигіенѣ ухода за дѣтьми.

Пожаръ на кораблѣ—разсказъ изъ англійской жизни, рисующій присутствіе духа и сознаніе долга передъ ближними у англійскихъ школьниковъ во время ужаснаго происшествія. Разсказъ этотъ особенно пригоденъ для подростковъ.

М. Б.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го ноября по 15-е декабря 1899 года).

Бомарше. Театръ. Москва. 1899. Ц. 1 р. 25 к.

В. Авсѣенко. Петербургскіе очерки. Т. I и II. Изданіе Суворина. Спб. 1900. Ц. за 2 т. 2 р.

П. Гнѣдичъ. Туманы. Ром. Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

П. Гнѣдичъ. По духовнымъ завѣщаніямъ. Спб. 1900. Ц. 1 р. 25 к.

Поэты Швеціи. Изд. подъ редакціей Н. Новича. Спб. 1900. Ц. 50 к.

Е. Карновичъ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Съ 13 портр. и 2 автогр. Изд. Суворина. Спб. 1899. Ц. 3 р.

И. Озеровъ. Об-ва потребителей въ Западной Европѣ, Америкѣ и Россіи. Съ пред. академика И. Янжула. 2-е изд. Доровятовскаго и Чарушникова. Спб. 1900. Ц. 2 р.

Фридрихъ Паульсенъ. Введеніе въ философію. Изд. 2-е Московск. Психол. Об-ва. 1899. Ц. 3 р.

Исторія римской республики по Момсену. Изд. библіотеки для самообразованія. Вып. I. Москва. 1900. Ц. 2 р.

Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Т. I. Части III и IV. Изд. 2-е К. Солдатенкова. Москва. 1899. Ц. 2 р. 50 к.

Семейный университетъ. Сборникъ Ф. С. Комарскаго. (Собраніе популярныхъ лекцій для самообразованія). Курсъ I. Спб. 1899. Ц. по подпискѣ 10 р.

Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ. Подъ ред. проф. Виноградова. Вып. IV и послѣдній. Москва. 1899. Ц. 1 р. 75 к.

П. Полевой. Избранникъ Божій. Историч. повѣсть. Съ 12 автотип. Спб. 1900 Изд. Девріена.

Е. Кондратова. Дѣти Солнцевыхъ. Съ рис. Спб. 1900. Изд. Девріена.

А. Нечаевъ. Между огнемъ и льдомъ. Спб. 1900.

А. Валуевъ. Севастополь и его славное прошлое. Съ рис. Спб. 1900. Изд. Девріена.

Г. Петерсъ. Что говорятъ камни. Перев. съ нѣм., съ предисл. проф. Иностранцева. Спб. 1900. Изданіе Девріена.

П. Полевой. Дѣвичій вѣкъ. Съ рис. Спб. 1900. Ц. 90 к. Изд. Девріена.

Проф. І. Ранке. Человѣкъ. Изд. книгоизд. т-ва «Просвѣщеніе». Вып. 26—28. Ц. за 30 вып. по подпискѣ 12 р. Спб. 1899. Ц. отд. вып. 50 к.

Проф. Кернеръ Ф. Марилаунъ. Жизнь растеній. Изд. книгоизд. т-ва «Просвѣщеніе». Ц. по подпискѣ за 30 вып. 12 р. 80 к. отд. вып. 50 к. Спб. 1899. Вып. 27—28.

Людвигъ Штейнъ. Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія. Перев. съ нѣм. П Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1899. Ц. 3 р.

С. И. Рапопортъ. Народъ-Богатырь. Очерки политической и общественной жизни Англіи. Спб. 1900. 1 р. 50 к.

А Ф. Струве. Въ сумеркахъ. Романы, повѣсти и очерки. Спб. 1899. Ц. 1 р.

Эдмонъ де-Амичисъ. Новеллы. Переводъ Е. Тарасовой. Итальянск. литература. Изданіе Никитина. Москва. 1900. Ц. 50 к. Вып. 1 и 2.

Джіовани Верга. Ева. Разсказъ. Пер. Е. П. Тарасовой. Итальянская литер. Изданіе Никитина. Москва. 1900. Ц. 50 к.

Ю. Озаровскій. Наше драматическое образованіе. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Сергѣй Ромiасъ. Любовь ли? Москва. 1900. Ц. 1 р. 25 к.

Павелъ Кротъ. Психографія. Москва. 1900.

М. В. Беренъ. Разсказы о борьбѣ человѣка съ природой. Изд. т-ва И. Д. Сытина. Спб. 1899. Ц. 30 к.

Н. Юрьинъ. Чужая жизнь. Разсказъ. Спб. 1900. Ц. 1 р.

И. Озеровъ. Главнѣйшія теченія въ развитіи прямаго обложенія въ Германіи. Спб. 1899.

Эдуардъ Ченей. Аграрный переворотъ въ Англіи въ XVI в. Перев. съ англ. Б. Я.

и И. Я. Гердъ. Подъ ред. Н. А. Рубакина. Изд. Куклина. Спб. 1899. Ц. 35 к.

Ю. Юревичъ. Стихотворенія. Спб.

Ф. Бѣлявскій. Старая и новая вѣра. («Лурдъ», «Римъ» и «Парижъ» Э. Золя). Спб. 1900. Ц. 1 р.

Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Вып. X.

Іона Иноземцева. Собраніе сочиненій. Т. I. Нижній-Новгородъ. 1899. Ц. 1 р.

І. Луповъ. Христіанство у вотяковъ со времени историч. извѣстій о нихъ до XIX вѣка. Спб. 1899. Ц. 2 р.

І. Г. Андриссенъ. Заря императорскаго трона.

О. Шрейнеръ. Грезы и сновидѣнія. Пер. съ англ. Ц. В. Изданіе Дароватовскаго и Чарушникова. Спб. 1900. Ц. 25 к.

Іс. Чешихинъ. Русскій литературный кружокъ въ г. Ригѣ, 1874—1899. Рига.

Отчетъ О-ва взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ начальныхъ и народн. учил. Псковск. губ. за 1898.

О. Надеждинъ. Курсы для рабочихъ и ремесленниковъ во Франціи. Спб. 1900.

Отчетъ О-ва взаимной помощи женщинъ-врачей за 1898 г. Спб. 1899.

Труды временнаго организац. Комитета. Спб. Служ. Фармацевтовъ. Спб. 1899.

Санитарныя условія — коечно-каморочныхъ квартиръ въ рабочихъ районахъ Москвы. Москва. 1899. Ц. 30 к. Изд. Император. русск. технич. об-ва.

Д-ръ Н. И. Ширманъ. Краткій учебникъ латинскаго языка (примѣнит. къ медицинѣ). Ц. 15 к.

Н. Виноградовъ. Значеніе А. С. Пушкина для каждаго изъ насъ. Москва. 1899. Ц. 20 к.

Отчетъ Кіевскаго об-ва грамотности за 1898 г. Кіевъ 1899.

Труды (Протоколы засѣданій, докладъ членовъ и коммиссій и проч.) IV съѣзда земскихъ врачей и представителей земства Нижег. губ. 1899.

Изд. В. Э. Форселлеса. Коммерческая энциклопедія М. Ротшильда. Подъ ред. С. С. Григорьева. Спб. 1899. Вып. VII и XVII.

А. Ф. Юстусъ. Курсъ счетоводства фабрично-заводскаго. Москва. 1900. Ц. 1 р. 75 к.

А Плестеръ. Учебникъ нѣмецкаго языка для гимназій. Москва. 1898. Ц. 35.

Феликсъ Данъ. Аттила. Ром. изъ эпохи переселенія народовъ. Перев. С. Д. Крылова. Изданіе К. И. Тихомірова. Москва. 1899. Ц. 1 р.

В. В. Розановъ. Природа и исторія. Сборникъ статей. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Peter von Struve. Die Marksche Theorie der socialen Entwickelung. Sonderabdruck aus d. Archive für soziale Gesetzgebung und Statistik, hg. v. H. Braun. B. XIV.

Peter von Struve. *Bernstein, Ed.* Die Voraussetzungen des Socialismus und die Aufgaben der Socialdemokratie.—*Kautsky Kr.* Bernstein und das socialistische Programm. Sonderabdruck aus d. Archive für Sociale Gesetzgebung und Statistik v. H. Braun. B. XIV.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Nouvelles études de Mythologie*» *par Max Müller, prof., traduit de l'anglais par Léon Lob, docteur ès lettres Bibliothèque de Philosophie contemporaine. Prix: 12 fr. 50 c.* (*Félix Alcan*). (*Новые очерки миѳологіи*). Имя автора этой книги хорошо извѣстно всѣмъ, интересующимся лингвистикой, сравнительною миѳологіей и исторіей религіозной мысли. Въ этомъ новомъ своемъ трудѣ авторъ возвращается къ своимъ прежнимъ излюбленнымъ теоріямъ филологическаго объясненія миѳовъ и подкрѣпляетъ ихъ новыми фактами и примѣрами. Переводъ книги сдѣланъ превосходно.

(Revue internationale).

«*Essai sus la classification des sciences*» *par Edmond Goblot, docteur ès lettres. Bibliothèque de Philosophie contemporaine. Prix: 5 fr. (Félix Alcan).* (*Опытъ классификаціи наукъ*). Въ первой части своей книги авторъ доказываетъ единство науки и несостоятельность существующихъ методовъ раздѣленія наукъ, такъ какъ это раздѣленіе соотвѣтствуетъ лишь различнымъ моментамъ прогресса всей науки вообще. Во второй части авторъ предлагаетъ классификацію наукъ, основанную на глубокихъ и радикальныхъ различіяхъ, отдѣляющихъ различныя отрасли человѣческаго знанія. Такая классификація не будетъ заключать въ себѣ ничего искусственнаго и случайнаго.

(Revue internationale).

«*L'être subconscient*» *par le D-r E. Gyel. Prix: 4 fr.* (*Félix Alcan*). (*Существо безсознательное*). Книга эта заключаетъ въ себѣ теоретическое изслѣдованіе всѣхъ явленій нормальной и анормальной психологіи: психологическаго автоматизма, явленій безсознательнаго, нормальнаго и анормальнаго сна, исторіи раздвоенія личности, гипноза, экстеріоризаціи, дѣйствія на разстояніи, телепатіи, внушенія и т. п. Авторъ старается доказать, что всѣ эти явленія находятся въ связи между собой какъ звенья одной и той же цѣпи и одна и та же гипотеза можетъ объяснить ихъ всѣ. Въ заключеніе авторъ указываетъ на связь этихъ явленій съ явленіями соціальной жизни.

(Revue internationale).

«*La Question d'Orient depuis ses origines jusqu'à nos jours*» *par Edouard Driault, prof. d'histoire. Préface de Gabriel Monod. Bibliothèque d'histoire contemporaine. Prix 7 fr.* (*Félix Alcan*). (*Восточный вопросъ, его происхожденіе и современное положеніе*). Подъ «восточнымъ вопросомъ» авторъ подразумѣваетъ не только исторію отношеній оттоманской имперіи къ христіанскимъ государствамъ Европы, но и вообще отношенія ислама ко всему христіанскому міру. Въ началѣ вопросъ этотъ носилъ исключительно религіозный характеръ, но теперь онъ сдѣлался политико-экономическимъ вопросомъ. Въ заключеніе своего историческаго изслѣдованія авторъ высказываетъ мнѣніе, что оттоманской имперіи суждено погибнуть и подвергнуться раздѣлу.

(Revue internationale).

«*Urbain Grandier ou le précurseur de la libre pensée*» *par Thomas Bensa. (Société d'édition scientifique et litteraire).* (*Урбенъ Грандье или предвѣстникъ свободы мысли*). Поэма, представляющая рѣзкую критику стараго режима и горячую защиту безсмертныхъ принциповъ, открывшихъ въ Европѣ эру созиданія новыхъ обществъ.

(Revue internationale).

«*Schwachsinnige Kinder*» *von Arno Fuchs (Gütessich. C. Batelsmann).* (*Тупоумныя дѣти*). Вопросъ о воспитаніи и обученіи такъ называемыхъ тупоумныхъ дѣтей въ послѣднее время сильно занимаетъ не только педагоговъ, но и дѣтскихъ врачей и психіатровъ. Въ области педагогики вопросъ этотъ, безъ сомнѣнія, играетъ очень важную роль и требуетъ всесторонняго изученія. Авторъ собралъ обширный матеріалъ въ своей монографіи по этому вопросу и на основаніи личныхъ наблюденій и опыта указываетъ на что, главнымъ образомъ, должно быть обращено вниманіе при воспитаніи такихъ отсталыхъ въ умственномъ отношеніи дѣтей дома и въ школѣ.

(Eranfurter Zeitung).

«*Unter den Papuas*» *von B. Hagen. Illustr. med. Wiesbaden.* (*Kreidel*). (*Среди папуасовъ*). Прекрасно изданная книга, заключающая въ себѣ наблюденія и подробныя

изслѣдованія природы и обитателей Новой Гвинеи. Авторъ—извѣстный естествоиспытатель и врачъ прожилъ много лѣтъ въ тропикахъ и всесторонне изучилъ вопросъ о заселеніи тропическихъ странъ европейцами. Кромѣ медицинскихъ совѣтовъ и наблюденій, въ книгѣ заключается чрезвычайно много интересныхъ свѣдѣній, относящихся къ природѣ и жизни Новой Гвинеи, причемъ авторъ отводитъ большое мѣсто сравнительной соціологіи и антропологіи. Книга снабжена превосходными иллюстраціями. (Frankfurter Zeitung).

«*Impressions of South Africa*». *By James Bryce. With three maps. London.* (*Macmillan*). (*Южно-африканскія впечатлѣнія*). Въ числѣ множества книгъ о южной Африкѣ, вышедшихъ въ послѣднее время, названная книга должна занять выдающееся мѣсто по своей содержательности и безпристрастію автора. Читатель подробно знакомится съ этою частью свѣта, въ которой разыгрывается теперь кровавая драма. Профессоръ Брайсъ былъ членомъ кабинета Розберри и послѣ паденія министерства отправился въ 1895 году въ южную Африку, чтобы на мѣстѣ изучить тѣ проблемы, которыя уже тогда начали принимать острый характеръ. Первое изданіе книги вышло два года тому назадъ, но теперь Брайсъ вновь его переработалъ и дополнилъ новѣйшими фактами, относящимися къ англо трансваальскому конфликту. Интересующіеся южной Африкой и связанными съ нею вопросами найдутъ въ этой книгѣ богатый матеріалъ.

(Daily News).

«*Psychology and Life*» *by Hugo Munsterberg. Prof. of Psychology in Harvard University.* (*Психологія и жизнь*). Авторъ изслѣдуетъ психологическія явленія и связь ихъ съ жизненными процессами человѣческаго организма. Книга написана настолько популярно, что не требуетъ никакихъ спеціальныхъ знаній отъ читателя, но въ то же время знакомитъ его съ чрезвычайно интересными вопросами человѣческой жизни.

(Daily News).

«*The Growth of Cities in the Nineteenth Century*», *by Adna Ferrin Weber, Columbia University, Studies in History, Economics and Public Law. New York.* (*Macmillan*). (*Ростъ городовъ въ XIX вѣкѣ*). Рѣзко выраженное стремленіе населенія къ агломераціи въ городахъ составляетъ одинъ изъ выдающихся соціальныхъ феноменовъ нашего времени. Это стремленіе обнаруживается въ каждой странѣ и авторъ старается изучить причины, вызывающія его, а также нравственныя, экономическія, политическія и соціальныя послѣдствія этого явленія и отношеніе къ нему государственныхъ и общественныхъ дѣятелей и публицистовъ.

(Popular Science Monthly).

«*A History of the American Nation*» *by Andrew C. Mc. Laughlin. New-York.* (*Appleton and C°*). (*Исторія американской націи*). Авторъ ставитъ себѣ задачею изобразить въ главныхъ чертахъ національное развитіе Америки и показать, какимъ образомъ американскій народъ достигъ своего настоящаго положенія въ свѣтѣ. Особенное вниманіе обращаетъ авторъ на политическіе факты, на развитіе государственнаго механизма и возникновеніе партій и на разные вопросы, имѣющіе отношеніе къ правительству и администраціи страны. Авторъ хорошо владѣетъ перомъ и умѣетъ живо и занимательно излагать событія и факты политической жизни народа.

(Popular Science Monthly).

«*The Wilderness of Worlds*» *A popular Sketch of the Evolution of Matter from Nebula to Man and Return. The Life-Orbit of a Star, by George W. Morehouse. New-York.* (*Peter Eckler*). (*Хаосъ міровъ*). Книга представляетъ обзоръ исторіи вселенной и всего, что въ ней заключается съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи. Авторъ изучаетъ процессъ развитія міровъ изъ туманныхъ пятенъ, какъ это подтверждается новѣйшими изслѣдованіями, затѣмъ постепенное угасаніе жизни и кончину планеты. Этотъ циклъ авторъ называетъ «жизненною орбитою звѣзды». Въ послѣдней главѣ, названной имъ «Призракъ мира» (The vision of Peace), авторъ сопоставляетъ религію и науку. Авторъ свободный мыслитель и съ этой точки зрѣнія разсматриваетъ интересующіе его вопросы.

(Popular Science Monthly).

«*The Living Organism*» *by, Alfred Earl M. S. New York.* (*Macmillan Company*). (*Живой организмъ*). Въ предисловіи къ своей книгѣ авторъ излагаетъ философскіе взгляды, которые служатъ введеніемъ къ изученію біологіи и, между прочимъ, касается витализма. Въ первыхъ трехъ главахъ авторъ исключительно занимается психологическими вопросами и затѣмъ уже переходитъ къ теоретической біологіи, изучая въ послѣднихъ главахъ нѣкоторыя изъ проблемъ, представляемыхъ живымъ организмомъ.

(Popular Science Monthly).

«*The Hermit Naturalist*», *by M-r Fred A. Lucas.* (*Натуралистъ пустынникъ*). Занимательный разсказъ о томъ, какъ авторъ случайно познакомился со старымъ сицилійскимъ натуралистомъ, эмигрировавшимъ въ Америку и поселившимся на маленькомъ островѣ на рѣкѣ Делаваръ. Натуралистъ дѣлится съ авторомъ своими наблюденіями надъ жизнью животныхъ и это составляетъ главный предметъ книги, заключающей въ себѣ, кромѣ того, нѣсколько драматическихъ эпизодовъ изъ жизни ученаго.

(Popular Science Monthly).

«*A History of Italian Unity*», *by Balton King. 2 vol.* (*Nisbet*). (*Исторія объединенія Италіи*). Чрезвычайно интересно и живо написанная исторія образованія единства

Италіи, которое, по словамъ автора, составляетъ одно изъ замѣчательныхъ историческихъ событій XIX вѣка. Авторъ подробно изслѣдуетъ причины возникновенія и развитія идеи единства и указываетъ, между прочимъ, на связь, существующую между романтическимъ движеніемъ въ области искусства и литературы въ Италіи и революціоннымъ движеніемъ, хотя въ другихъ мѣстахъ на континентѣ это движеніе благопріятствовало реакціи. Но въ Италіи было иначе, такъ какъ итальянскія традиціи были традиціями республики и чрезвычайно развитой гражданской жизни, а также побѣды надъ германскимъ феодализмомъ.

(Athenaeum).

«*Researches in the History of Economics*» *by prof. E. Nys* (*Black*). (*Очерки исторіи политической экономіи*). Авторъ изслѣдуетъ въ своей книгѣ развитіе коммерческой и промышленной Европы, возникновеніе свободной торговли и свободнаго труда, развитіе монетной и банковой системы, современныхъ коммерческихъ законовъ и т. д. Всѣ эти вопросы авторъ разсматриваетъ съ точки зрѣнія философа и историка

(Athenaeum).

«*Naturalism and Agnosticism*», *by James Ward. Prof. of Mental Philosophy and Logic in the University Cambridge.* (*Натурализмъ и агностицизмъ*). Книга эта представляетъ цѣнный вкладъ въ исторію философской мысли и, безъ сомнѣнія, должна обратить на себя вниманіе читателей, интересующихся философскими вопросами.

(Daily News).

«*La vie dans la nature, histoire naturelle pour tous*» *par Henri Coupin.* (*Жизнь въ природѣ*). Авторъ уже раньше пріобрѣлъ извѣстность своими научно-популярными статьями изъ области естественныхъ наукъ которыя печатались въ разныхъ періодическихъ журналахъ, и теперь сумѣлъ придать своимъ зоологическимъ очеркамъ очень занимательную форму, сохранивъ въ то же время и научный характеръ.

(Revue de Paris).

«*Mary Reed, Missionary to the Lepers*» *by John Jackson.* (*Marshall*). (*Мэри Ридъ миссіонерша у прокаженныхъ*). Въ этой маленькой книгѣ разсказывается чрезвычайно трогательная исторія одной американки Мэри Ридъ, которая сначала была членомъ методистской миссіи въ Индіи, но затѣмъ заболѣла и уѣхала въ Англію для поправленія здоровья. Тамъ у нея возникло подозрѣніе, что болѣзнь ея — проказа и когда это подтвердилъ ей одинъ докторъ-спеціалистъ, то она, не сказавъ ничего своимъ роднымъ, рѣшила вернуться назадъ въ Индію и тамъ посвятить себя уходу за прокаженными. Она сдѣлалась начальницей лепрозорія въ Чандагѣ въ Гималаяхъ и, несмотря на то, что у нея почти не было помощниковъ, ей удалось довести свое заведеніе до высокой степени процвѣтанія и въ настоящее время оно даетъ пріютъ отъ 50 до 90 несчастнымъ, за которыми Мэри Ридъ ухаживаетъ съ величайшимъ самоотверженіемъ.

(Daily News).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

НЕПОСИЛЬНОЕ БРЕМЯ.

РОМАНЪ ИЗЪ СИЦИЛІЙСКОЙ ЖИЗНИ.

КОНРАДА ТЕЛЬЛЬМАНА.

Перев. съ нѣмецкаго **З. Журавской.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1900.

Къ *Ave* прозвонили уже съ часъ тому назадъ, и сумерки давно наступили. На улицахъ Тинчино было тихо. Лишь временами, въ воротахъ того или другого изъ маленькихъ домиковъ, которые пугливо жмутся другъ къ дружкѣ и тѣсной гурьбой карабкаются на скалу, показывалась человѣческая фигура, зорко вглядывалась въ тропинку, спускающуюся къ пустынной безлѣсной равнинѣ, что тянется безъ конца тамъ, внизу, между двухъ рядовъ угрюмыхъ, грозныхъ горъ, и снова исчезала. Свѣта почти нигдѣ не было видно; лишь тамъ и сямъ отраженіе пламени очага играло на оконницахъ низенькихъ оконъ, а гдѣ стекла были выбиты или дверь отворена, тамъ изъ домовъ вырывались клубы дыма. Изрѣдка вечернюю тишину нарушалъ протяжный жалобный крикъ запертаго въ хлѣву мула, или мяуканье кошки; еще рѣже доносилось изъ этихъ каменныхъ лачугъ жужжаніе веретена, смѣшивающееся съ трескомъ хвороста, подкинутаго въ огонь.

Ни одинъ изъ этихъ признаковъ жизни не ускользнулъ отъ вниманія фра Леонардо, пока онъ шелъ черезъ мѣстечко. Онъ вышелъ съ южнаго конца и, пройдя всю главную улицу, остановился у сѣвернаго, передъ крайнимъ домикомъ, нависшимъ надъ круто сбѣгавшей внизъ тропинкой. Онъ поднялся на крыльцо по растрескавшимся каменнымъ ступенямъ и въ дверяхъ столкнулся съ женской фигурой, которая только что хотѣла отворить дверь, чтобы выйти на воздухъ.

— Хвала Іисусу Христу!—сказалъ монахъ, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

— Аминь!—раздалось въ отвѣтъ. И немного погодя:—Это вы, фра Леонардо?

Они стояли другъ противъ друга: онъ, въ темной, наглухо застегнутой рясѣ, въ черной шелковой шапочкѣ на тонзурѣ, въ плетеныхъ изъ лыка сандаліяхъ, надѣтыхъ на босую ногу, высокій, почти атлетическаго сложенія, съ рѣзкими чертами лица, усѣяннаго черными точками, слѣдами сбритой бороды, съ глазами, глубоко сидящими подъ выпуклымъ лбомъ и полными затаеннаго огня; она—тонкая, стройная, съ узкимъ овалomъ строго прекраснаго лица, обрамленнаго густыми косами, съ мрачнымъ неподвижнымъ взоромъ; на фонѣ пламени очага фигура ея выдѣлялась особенно ярко, словно нарисованная на золотомъ фонѣ. Ей не могло быть больше восемнадцати лѣтъ. Кожа у нея была смуглая, съ желтоватымъ оттѣнкомъ; стройные члены дышали силой. Ноги ея были босы; подъ грубымъ, безцвѣтнымъ шерстянымъ платьемъ, спускавшимся лишь немного ниже колѣнъ, явственно обрисовывались чудныя линіи молодого тѣла, застывшаго въ напряженномъ ожиданіи.

— Это я,—отозвался монахъ.—Гдѣ же Пиппо Даміани?

— Наши еще не вернулись. Я только что хотѣла посмотрѣть, не идутъ ли они.

— Еще не вернулись! Ужъ ночь на дворѣ.

Въ голосѣ его звучало негодованіе.

— Да, сегодня они запоздали. Не отпускаютъ ихъ съ поля, пока они не управятся съ сумахомъ *). И потомъ нынче день выдачи жалованья.

---

*) Сумахъ—листья *Rhies coriariae* (*Coriaria myrtifoglia*), употребляются для дубленія тонкихъ кожъ и какъ красильное вещество окрашивающее въ черный цвѣтъ. *Прим. пер.*

Монахъ засмѣялся отрывистымъ, презрительнымъ смѣхомъ, какъ бы говоря:

— Много-ли имъ заплатятъ-то!—потомъ спросилъ:—Почему ты не съ ними?

— Я была въ рудникѣ.

— Вы и Сантино всучили туда же.

Въ этомъ полувопросѣ звучалъ легкій упрекъ.

Дѣвушка пожала плечами.

— Намъ нужны деньги. Да Сантино и самъ хотѣлъ. Внизу ему не даютъ работать, старшіе не допускаютъ, говорятъ. и безъ него есть кому вырвать изо рта кусокъ хлѣба.

— Хотите войти?

Она отстранилась, чтобы дать ему войти, и затѣмъ повернулась къ очагу, на которомъ, подъ трещавшими сучьями, въ закоптѣломъ, подвѣшенномъ на цѣпяхъ котелкѣ, уже закипала вода. Желтое пламя бросало таинственные трепетные отблески въ зіяющій мракъ двухъ горницъ по правую и по лѣвую сторону очага; иногда въ блескѣ его внезапно вырисовывались очертанія старомодной мебели или утвари; иногда оно дерзко лизало какъ бы кровавыми языками лицо самой дѣвушки. Она же стояла и мѣшала въ котлѣ, вперивъ пристальный взоръ въ огонь, который какъ будто и не слѣпилъ ей глазъ и не жегъ ея. Вѣроятно, она думала, что монахъ вошелъ и пріютился гдѣ-нибудь въ темномъ углу, хотя онъ стоялъ въ дверяхъ и смотрѣлъ на нее, потому что она слегка вздрогнула, когда голосъ его раздался надъ самымъ ея ухомъ:

— Сколько вамъ даетъ пикконьере *)?

— Восемьдесятъ лиръ, — отвѣтила она, не оборачиваясь.

— Мазо Тамбурри далъ такъ много только потому, что онъ любитъ тебя, Рафаэлла. Сантино, вѣдь, слабоватъ для Карусо. Такое ужъ твое несчастье, что всѣ молодые люди въ тебя влюбляются, гдѣ бы ты ни появилась.

Рафаэлла, продолжала мѣшать въ котлѣ, не отвѣчая. Она только пожала плечами, какъ и въ первый разъ, съ видомъ глубокаго равнодушія; ни одна черточка не дрогнула въ ея строгомъ лицѣ. Молчалъ и монахъ, не сводя съ нея своихъ большихъ глазъ, полныхъ мрачнаго огня, который словно вырывался откуда-то изъ глубины. Сучья на очагѣ потрескивали; большая сѣрая кошка, старая и слѣпая на одинъ глазъ, съ тихимъ жалобнымъ мяуканьемъ терлась о платье дѣвушки; слѣва, откуда-то изъ-за спины монаха доносилось тихое пѣніе, прерываемое кашлемъ; голосъ былъ старческій, тонкій и дребезжащій.

— Какъ поживаетъ дѣдушка Карлино? Спросилъ монахъ, полуобернувшись въ ту сторону, откуда слышалось пѣніе.

— О, отлично. Развѣ вы не слышите? И всегда такъ. Ему бы только пѣть по цѣлымъ днямъ свои старыя пѣсни—онъ и доволенъ. Да, вотъ, кашель мѣшаетъ.

Она оправила платье, сильными руками подняла котелокъ и поставила его на горячую золу, на край очага. Снаружи доносился шумъ, гдѣ-то залаяла собака, на улицѣ слышались мѣрные, тяжелые шаги.

— Это они,—сказала Рафаэлла, и вышла на крыльцо.

Изъ мрака надвигающейся ночи выступала длинная вереница сѣрыхъ человѣческихъ фигуръ, направлявшихся вверхъ по тропинкѣ, къ городу. Отдѣльныя очертанія терялись, сливаясь съ сѣрымъ фономъ; виднѣлась только движущаяся сплоченная масса, подвигавшаяся впередъ медленно и упорно, какъ ползетъ, извиваясь, змѣя, по извилистой тропинкѣ—зрѣлище внушительное и вмѣстѣ печальное. Ибо не было ничего бодраго и радостнаго въ этомъ движеніи; всѣ шли, точно крадучись, усталые, раздраженные, понуривъ головы и опустивъ плечи, волоча ноги по каменистой тропинкѣ. Ни звука не раздавалось въ толпѣ. Глухое безмолвіе нависло надъ ней. Всѣ эти люди—женщины и мужчины, юноши и старики съ киркой за плечами, съ глинянымъ кувшиномъ или засаленнымъ узломъ, подвѣшеннымъ на локтѣ, шли, точно автоматы, тяжелыми мѣрными шагами, гуськомъ, другъ за другомъ. Казалось,

*) Смотритель рудника.

само горе-злосчастіе, голодное и жаждущее, подымалось на высоту изъ равнины, что лежала тамъ внизу, грозная и угрюмая, какъ черное бездонное море.

Дойдя до мѣстечка, процессія понемногу разбилась на отдѣльныя фигуры и группы, одна за другой исчезавшія въ домахъ. Ни звука на прощанье, ни слова привѣта; ни одинъ не посмотрѣлъ вслѣдъ другому. Этимъ людямъ не было дѣла другъ до друга. Всѣ лица носили одинъ и тотъ же отпечатокъ тупого равнодушія. На нихъ можно было прочесть только усталость и голодъ. Такъ возвращаются съ работъ каторжники, которымъ не на что больше надѣяться, нечего ждать отъ жизни.

И Пиппо Даміани вошелъ въ домъ, не поздоровавшись съ дочерью, стоявшей на порогѣ. По пятамъ его шелъ его сынъ, Винченцо. Оба бросили въ уголъ свои кирки, повѣсили на колокъ истертыя войлочныя шапки и направились въ горницу налѣво. Ихъ просто трясло отъ голода. При видѣ котелка, стоявшаго на кучкѣ горячей золы, на лицахъ обоихъ выразилась жадность; лицо старика было суровое, все въ морщинахъ, съ беззубымъ ртомъ; глазъ почти не было видно подъ тяжелыми вѣками; спутанныя сѣдыя космы волосъ падали на желтый костистый лобъ. Винченцо смотрѣлъ брюзгой и вмѣстѣ развратникомъ. Въ лицѣ его не было ничего юношескаго. Въ чертахъ, изнуренныхъ работой, порокомъ и лихорадкой, сквозило наглое равнодушіе ко всѣмъ и ко всему на свѣтѣ.

— Дай намъ поѣсть,—буркнулъ онъ хриплымъ голосомъ и протянулъ къ огню дрожащія руки, какъ бы желая согрѣть ихъ.

— Здѣсь фра Леонардо,—сказала Рафаэлла, указывая на монаха, безмолвно и неподвижно стоявшаго въ тѣни.

Пиппо Даміани подошелъ къ нему и поцѣловалъ руку. Винченцо только пробормоталъ сквозь зубы что-то невнятное, что должно было обозначать привѣтствіе.

— Ѣшьте съ Богомъ,—сказалъ монахъ;—вы заслужили это.

Всѣ усѣлись на стулья съ продранными рогожными сидѣньями, вокругъ тяжелаго, потемнѣвшаго отъ времени стола, и принялись за ѣду. Къ нимъ присоединился и дѣдушка Карлино. Это былъ древній параличный старикъ со сморщеннымъ, какъ у муміи лицомъ, обрамленнымъ длинными, серебристыми волосами. При видѣ большой, дымящейся глиняной миски, поданной на столъ Рафаэллой, даже въ потухшихъ глазахъ паралитика сверкнуло что-то вродѣ молніи, а скрюченныя ревматизмомъ поблекшія руки задвигались быстро-быстро, торопясь поспѣть за другими. Всѣ ѣли изъ одной миски деревянными ложками. Похлебка была сварена изъ накрошеннаго чернаго хлѣба, воды, маисовой муки и каштановъ—нѣчто вродѣ густой каши, тамъ и сямъ склеившейся комками. Отъ нея шелъ затхлый запахъ, тѣмъ не менѣе всѣ ѣли съ жадностью и молча. Слышенъ былъ только стукъ ложекъ и громкое чавканье. Каждый боялся, какъ бы другой не съѣлъ больше его и, чѣмъ менѣе оставалось варева въ глубокой мискѣ, тѣмъ усерднѣе всѣ хлебали. Имъ свѣтила маленькая жестяная лампочка, стоявшая на узкой полкѣ у стѣны и немилосердно чадившая. Кошка, льстиво мурлыкая, терлась по очереди объ ноги каждаго изъ ѣдоковъ и даже карабкалась на колѣни, но ни у кого не было времени обратить на нее вниманіе. Въ концѣ концовъ она жалобно и громко замяукала отъ голода; тогда Винченцо далъ ей пинка ногой, и она убѣжала.

Когда миска совсѣмъ опустѣла, дѣдушка Карлино вычистилъ ее пальцами, потомъ еще вылизалъ языкомъ. Никто, повидимому, не чувствовалъ себя удовлетвореннымъ. Съ минуту всѣ сидѣли задумавшись и какъ бы въ ожиданіи, опершись подбородками на руки, не сводя глазъ съ пустой миски.

Монахъ ѣлъ вмѣстѣ съ ними и не меньше другихъ. Но никто, повидимому, не жалѣлъ о томъ, что пожертвовалъ часть своей порціи въ его пользу. Пиппо Даміани вытащилъ коротенькую обитую трубку и грязную бумажечку съ завернутыми въ нее накрошенными желтыми листьями, набилъ ими трубку, тщательно завернулъ въ бумажку оставшееся и сунулъ въ карманъ своей вы-

линявшей и во многихъ мѣстахъ заплатанной куртки. Когда онъ закурилъ, по комнатѣ распространился удушливый ѣдкій дымъ, такъ что дѣдушка Карлино даже прикрылъ себѣ глаза рукою. До сихъ поръ никто еще не сказалъ ни слова.

Первою заговорила Рафаэлла.

— Хромой опять былъ здѣсь. Если къ утру понедѣльника мы не уплатимъ fuocatico *)—насъ опишутъ.

Она выговорила это безъ всякаго волненія, какъ нѣчто заурядное и привычное. Никто не отвѣтилъ ей. Такія угрозы были имъ не въ новинку.

Пиппо Даміани спокойно продолжалъ дымить своей трубкой; запахъ высушенныхъ листьевъ сумаха, которые онъ припряталъ во время работы, повидимому очень ему нравился. Одинъ только Винченцо, почти лежавшій на столѣ, облокотясь на него обоими локтями, что-то проворчалъ себѣ подъ носъ.

— А налоги опять повысили,—продолжала Рафаэлла —Хромой говоритъ—имъ деньги нужны. Дорогу, говоритъ, будутъ строить.

— Какую-такую дорогу?—спросилъ монахъ.

Этого Рафаэлла не знала. Она только пожала плечами.

— Опять дорога,—сказалъ фра Леонардо и снова искры засверкали въ его глубоко ушедшихъ въ орбиты глазахъ.

— Это, должно быть, дорога изъ Аджиры въ Бальцо, о которой шелъ разговоръ еще въ прошломъ году, — продолжалъ онъ, но никто изъ слушателей, видимо, не интересовался тѣмъ, какую именно дорогу будутъ строить. Даже когда онъ, помолчавъ, прибавилъ:—это, чтобъ герцогу было удобнѣе ѣздить на вокзалъ,—всѣ остались равнодушны.

Дѣдушка Карлино никакъ не могъ сообразить, о чемъ идетъ рѣчь.

— Что тамъ такое?—спросилъ онъ,—дума опять хочетъ повысить налоги? — и когда Рафаэлла подтвердила это, онъ закивалъ головой: — Да, да, это ужъ всегда такъ было. Налоги нужно платить—за всякую домашнюю скотину, и за упряжного мула, и подушное тоже. Да, Рафаэлла, это всегда такъ было. У нихъ права. Это все въ книгахъ написано про ихнія права.

Старикъ вертѣлъ пальцами въ воздухѣ, стараясь объяснить это внучкѣ какъ можно вразумительнѣе, чтобъ она хорошенько поняла. Когда онъ, обезсиленный, откинулся, наконецъ, на спинку своего кресла, набитаго соломой и обтянутаго грубой парусиной, на устахъ его блуждала безсмысленная, блаженная улыбка. Вотъ ужъ три года, какъ эта улыбка не покидала его лица, съ тѣхъ поръ, какъ съ нимъ приключилось несчастье при взрывѣ скалы динамитомъ. Онъ переставалъ улыбаться только по вечерамъ, когда сынъ его Пиппо на рукахъ относилъ его въ постель.

— За каждаго осла теперь требуютъ десять лиръ,—объявила Рафаэлла.

— У насъ, слава Богу, нѣтъ осла,—словно торжествуя, промолвилъ Пиппо Даміани.

Рафаэлла не возражала. Они заявили городскому совѣту, что продали своего осла въ сосѣднюю деревню, но на самомъ дѣлѣ держали его въ горной пещерѣ, потихоньку кормили и, при случаѣ, пользовались имъ для провоза, нерѣдко контрабаднаго, необходимѣйшихъ предметовъ житейскаго обихода, обложенныхъ высокою пошлиной. Оселъ, впрочемъ, принадлежалъ не однимъ только Даміани, но еще четыремъ семьямъ въ Тинчино, и всѣ имѣли одинаковое право ѣздить на немъ, хотя бѣдное животное отъ старости и недостатка ухода почти уже отказывалось служить. Однако, если бы обманъ вышелъ наружу, Даміани поплатились бы большимъ денежнымъ штрафомъ.

Рафаэлла продолжала разсказывать, что ей сообщилъ посыльный изъ ратуши, за свое увѣчье повсюду извѣстный подъ именемъ хромого, о новыхъ налогахъ и пошлинахъ, которые предполагалось ввести въ городѣ. Всѣ пошлины увеличены; хромой показалъ ей во всѣхъ графахъ, сколько полагается платить семьѣ Даміани. Прибавьте къ этому еще *dazio*—налогъ на всѣ ввозимые въ городъ съѣстные припасы, и *fuocatico*—

*) Подымное—подать съ каждаго очага.

подымное, по которому за ними давно уже числится недоимка. Все это Рэфаэлла уже высчитала и вычислила. Загибая пальцы, она называла отцу сумму платежей, одну за другой. Пиппо Даміани слушалъ все съ тѣмъ же тупымъ выраженіемъ лица.

— А другіе какъ же?—спросилъ онъ, наконецъ, точно съ завистью.

Рафаэлла объяснила, что и другимъ не лучше; многимъ придется платить еще больше, чѣмъ имъ. Она называла имена, указанныя ей въ спискахъ хромымъ. Круче всего придется Фадолини, хотя они и такъ недавно продали свои восемь сальмовъ земли. Пиппо Даміани выпустилъ изъ носу клубъ сѣраго вонючаго дыма, и маленькіе заплывшіе глазки его опять сверкнули лукавствомъ, какъ въ тотъ разъ, когда онъ говорилъ объ ослѣ. Онъ былъ доволенъ, что другимъ, въ особенности Фадолини, придется еще солонѣй, чѣмъ ему, и злорадство превозмогло въ немъ даже досаду на собственныя непріятности. Его, положительно, утѣшала мысль, что платить будутъ всѣ безъ изъятія.

— Кромѣ дворянчиковъ,— вставилъ монахъ. — Они всегда такъ устраиваются.

Пиппо Даміани пожалъ плечами, какъ бы говоря:—кто ходитъ въ шляпѣ, тому и живется вольготнѣе. Такова уже воля Господня. Даже поговорка есть въ этомъ родѣ.

Затѣмъ онъ опять заговорилъ о Фадолини. Поскорѣй-бы ужъ у нихъ отобрали свинью! Этакая рвань и свинью держатъ!—Свинья Фадолини составляла предметъ зависти по крайней мѣрѣ двѣнадцати семействъ въ городкѣ.

Больше разсказывать было нечего. Мазо Тамбурри, смотритель сѣрныхъ рудниковъ Камастры, у котораго сегодня была Рафаэлла, не захотѣлъ выдать ей мертваго задатка за Сантино сполна: пусть, говоритъ, сперва заслужитъ,—а пока будетъ выдавать по частямъ. Только на такомъ условіи онъ и согласился выдать восемьдесятъ лиръ: вѣдь Сантино хилой, даромъ, что ему четырнадцать лѣтъ;—онъ, пожалуй, и не годится въ карузи*). Сегодня онъ еле-еле выдалъ ей десять лиръ и раньше, какъ черезъ мѣсяцъ, не велѣлъ и на глаза казаться съ просьбами. Да вдобавокъ еще мясникъ говоритъ, что одна изъ бумажекъ, данныхъ ей Мазо, фальшивая. Придется еще разъ идти къ нему—пусть обмѣняетъ на другую. Рафаэлла выложила на столъ девять лиръ грязными, захватанными кредитками и мѣдью. Бумажка, забракованная мясникомъ, переходила изъ рукъ въ руки,—её ощупывали, разсматривали на свѣтъ, но никто не могъ понять, въ чемъ тутъ фальшь. А вотъ изъ мѣдныхъ монетъ есть одна, въ два сольди, съ изображеніемъ Папы Пія IX,—такъ этой ужъ, навѣрное, нигдѣ не примутъ. Этакій безсовѣстный этотъ Мазо Тамбурри! Еще и на надувательство пустился!—Отецъ и сынъ на перерывъ ругали его мошенникомъ.

Рафаэлла остановила ихъ. Пусть лучше они покажутъ, сколько они сами принесли домой. Про себя она давно уже распредѣлила ихъ жалованье. Пиппо Даміани выругался, сунулъ темную мозолистую руку въ карманъ и бросилъ на столъ разомъ цѣлую пригоршню сольди. Винченцо медленно доставалъ одну монету за другой, словно подолгу отыскивая каждую, и складывалъ ихъ передъ собой столбикомъ на столѣ. Потомъ, какъ водится, пошли жалобы. Деньги-то получены всѣ сполна,—на это дона Джозуэ взять: по субботамъ всякому полный разсчетъ, копѣйки не останется долженъ. Зато вычеты! Господи, за что только не вычитаютъ!—кирка притупилась—вычетъ въ пользу арендатора; сработалъ меньше положеннаго—опять вычетъ; и въ кассу взаимопомощи плати, и въ ссудную кассу—хоть изъ этой никто еще не получалъ ни копѣйки. Куда ни повернись—всюду вычетъ; и все по контракту, по разнымъ статьямъ—а развѣ ихъ всѣ упомнить! Объ иномъ

*) *Carusi*—дѣти до 16 лѣтняго возраста, проданные родителями для работы въ рудникахъ, на годъ, или нѣсколько лѣтъ, за единовременную плату, получаемую родителями впередъ и называемую «мертвымъ задаткомъ»—*Anticipo morto*.
(*Прим. пер.*).

даже и въ голову не придетъ, чтобы за это могли вычесть изъ жалованья. Въ концѣ концовъ, просто и не сообразить, сколько тебѣ причитается: если что-нибудь дадутъ, и то радъ. Такъ и теперь: самую малость пришлось получить. У Рафаэллы, само собой, за два дня вычли, потому что она не ходила на работу, да еще донъ-Джозуэ сказалъ, что въ слѣдующій разъ и за всю недѣлю не заплотитъ, если она будетъ такъ пропускать безъ всякой причины.

Рафаэлла почти не слушала объясненій отца; беззвучно шевеля губами, она считала деньги. При этомъ оказалось, что Винченцо опять не дополучилъ двухъ лиръ и шестидесяти чентезими *). А можетъ и получилъ, да не хочетъ отдать. Дѣвушка повернулась было спросить его, но онъ уже исчезъ. Пока другіе считали, онъ старательно крошилъ ножемъ окурки сигаръ, подобранные на улицѣ, и вышелъ, словно лишь затѣмъ, чтобы набить трубку, но ужъ не вернулся. Не трудно было догадаться, что онъ потихоньку удралъ изъ дому, чтобы на припрятанныя деньги распить полулитра вина въ остеріи дона Чезаре, или поволочиться за дѣвками. Во всякомъ случаѣ, ждать его нечего.

Пиппо Даміани заворчалъ себѣ подъ носъ:

— Вотъ такъ онъ и всегда, мошенникъ! У него всегда есть деньги на вино и табакъ. И откуда онъ ихъ только беретъ? Онъ, должно быть, каждый разъ насъ обманываетъ.

Онъ сжалъ кулаки, но гнѣвъ его не былъ глубокъ и скоро смѣнился обычнымъ тупымъ равнодушіемъ. Ченцо вѣдь не маленькій. Что тутъ подѣлаешь?— Трубка его догорѣла, онъ набилъ ее снова и сонными глазами смотрѣлъ, какъ Рафаэлла, все также неслышно шевеля губами, раскладывала деньги на кучки и каждую завертывала въ особую бумажку. Для этого она разорвала на части повѣстку объ уплатѣ налоговъ, врученную ей сегодня «хромымъ». Все равно она не могла прочесть, что тамъ написано, а сколько придется платить—знала и безъ того. Въ концѣ концовъ оказалось, что она позабыла о платѣ за квартиру—по крайней мѣрѣ, на это денег не осталось. Дѣвушка сидѣла, точно пришибленная. Какъ тутъ быть? Жалованья донъ Михеле не станетъ—это ужъ вѣрно. Сколько разъ уже имъ случалось просить объ отсрочкѣ и всегда отказъ. Придется поголодать и не платить подати, тогда натянешь на квартиру. Донъ Михеле Манка шутить не любитъ. У него цѣлая дюжина домовъ въ Тикчино,— вотъ такихъ же маленькихъ лачугъ, чизенькихъ, льнущихъ другъ къ другу, и каждый долженъ приносить свой процентъ: а если кто изъ жильцовъ не платитъ—долго ли на улицу вышвырнуть. Донъ Михеле—сила; онъ засѣдаетъ въ думѣ, синдика зоветъ «кумомъ». да въ городскомъ правленіи у него есть родственники. Съ такимъ человѣкомъ шутки плохія.

Стали раскидывать умомъ. Даміани стоялъ на своемъ: пусть Мазо Тамбурри внесетъ выкупъ за Сантино сполна, не то Сантино убѣжитъ отъ него: по томъ ищи вѣтра въ полѣ;—всѣ такъ дѣлаютъ. Но Рафаэлла и слышать не хотѣла о Мазо Тамбурри; она напрямикъ объявила, что раньше, какъ черезъ мѣсяцъ не пойдетъ къ нему; почему—она не объясняла, но изъ словъ ея можно было заключить, что смотритель предоставилъ ей на выборъ—вернуться домой съ деньгами или безъ нихъ. Въ словахъ ея не звучало ни страха, ни возмущенія; вся эта исторія не стоила того, чтобъ изъ-за нея волноваться: и видно было, что рѣшеніе ея твердо. Оставалось одно: опять отложить уплату подымнаго; пусть описываютъ, коли охота! Да что описывать-то? Съ голоднаго нечего взять. Вотъ только какъ бы козу не увели. При мысли, что сборщикъ можетъ увести козу, . взволновался даже Пиппо Даміани.

Отчего не призанять у кого-нибудь изъ сосѣдей?—посовѣтовалъ монахъ.— Вѣдь не на вѣкъ же. Да хоть бы и такъ? Вѣдь они всѣ составляютъ какъ бы одну большую семью и должны стоять одинъ за другого, выручать другъ друга. Изъ сосѣдей многимъ легче живется.

*) *Sentesimo*— сантимъ.

потому что у нихъ нѣтъ дѣтей. Навѣрное, имъ не откажутъ одолжить денегъ на квартиру; да онъ самъ пойдетъ собирать—и соберетъ, хоть бы пришлось выпрашивать по копѣйкамъ. Нельзя же допустить, чтобъ увели и козу; онъ знаетъ, какъ они всѣ къ ней привязаны. Разъ, когда она была еще совсѣмъ маленькимъ козленкомъ и сломала себѣ переднюю ногу, Рафаэлла цѣлый часъ несла ее на рукахъ съ горнаго пастбища. Тогда еще Амброджіо хотѣлъ ее зарѣзать. А какой въ ней прокъ?—Мяса не хватило бы и на обѣдъ, а у него бы вычли изъ жалованья.

Рафаэлла только недовѣрчиво улыбнулась на слова фра Леонардо и покачала головой. Занять! Конечно, всѣ они составляютъ одну большую семью, но вѣдь въ этой семьѣ все только голодные и холодные. Ни у кого нѣтъ лишняго, тѣмъ болѣе для сосѣда. Да хоть бы и было, никто бы не далъ ни одного сольдо. И можно ли осудить ихъ за это? Надо вѣдь и на черный день отложить; мало ли, что можетъ случиться; заболѣлъ, не поработалъ нѣсколько дней—глядишь, и ушло все. И потомъ всякій скажетъ: пока Даміани въ состояніи держать козу, имъ еще нечего жаловаться.

Но слово «коза» внезапно навело Рафаэллу на новую мысль. Не поможетъ ли имъ Амброджіо? Онъ, навѣрное, уже заплатилъ сполна всю *мезату* *), и, въ крайнемъ случаѣ, можетъ взять ссуду. Конечно, не легко будетъ урезонить его. Вѣдь эти пастухи, тамъ наверху, въ горахъ,—полудикіе; они по недѣлямъ не видятъ человѣческаго лица и трясутся надъ каждымъ сольдо; кажется, только деньги и привязываютъ ихъ къ жизни. Въ своемъ одиночествѣ большинство изъ нихъ даже забываютъ, что у нихъ есть родные—какія ужъ тутъ родственныя чувства!.. А все-таки попробовать можно. Она завтра же пойдетъ къ Амброджіо.

— Но вѣдь ты сегодня только была въ рудникѣ, — возразилъ монахъ.—А завтра опять въ горы! Этакъ ты не выдержишь.

Она почти презрительно пожала плечами. При мысли, что Амброджіо, можетъ быть, согласится помочь имъ, она сразу утѣшилась, и черты ея снова приняли выраженіе усталости и покоя. Заблестѣли и маленькіе глазки Пиппо Даміани, но скоро его опять стало клонить ко сну. На минуту у него мелькнула мысль—не выпить ли ради такого случая квинту вина, разъ есть надежда, что Амброджіо дастъ денегъ. Тутъ ему вспомнилось, что негодяй Ченцо сидитъ себѣ теперь въ остеріи и угощается на утаенныя деньги. Эта мысль такъ его взбудоражила, что онъ даже стукнулъ кулакомъ по столу; но скоро усталость превозмогла всѣ другія чувства; онъ выбилъ золу изъ трубки и тяжело поднялся на ноги. Батька, спать!—крикнулъ онъ старику.

Но дѣдушкѣ Карлино спать не хотѣлось. Онъ держалъ на колѣняхъ тощую сѣрую кошку и, не переставая, гладилъ ея мягкую шерсть своими скрюченными пальцами. При этомъ онъ мурлыкалъ себѣ подъ носъ какую-то пѣсенку. Видъ денегъ на столѣ, должно быть, воспламенилъ его разстроенное воображеніе; онъ необычайно оживился и рѣшительно отказывался лечь спать. Пиппо хотѣлъ было, безъ лишнихъ словъ, взять его на руки и снести въ постель, но монахъ воспротивился.

— Оставьте его. Я потомъ самъ уложу его—вѣдь онъ не тяжелѣе ребенка.

Пиппо Даміани, не возражая больше, поцѣловалъ руку монаху и тяжелой поступью вышелъ изъ комнаты. Нѣкоторое время слышно было, какъ онъ тамъ двигался и кряхтѣлъ; потомъ все стихло. Тихо было и на улицѣ. Слышно было только пѣніе одного Карлино, по временамъ прерывавшееся приступами кашля. Сложивъ руки на спинѣ кошки, старикъ тихимъ, дребезжащимъ голосомъ пѣлъ отрывки изъ старыхъ революціонныхъ пѣсенъ:

«На нашихъ знаменахъ: «права и свобода!»
За нихъ мы готовы на бой,
Пока и рабовъ и господъ средь народа
Не выживемъ.—«Шляпы долой»!

Фра Леонардо съ минуту прислушивался, не вникая въ слова; старческій

*) *Mesata*—подати за цѣлый мѣсяцъ.

голосъ сливался для него съ шипѣньемъ чадящей лампочки у стѣны.

— Я опять хочу тебѣ что-то разсказать, Рафаэлла, если ты не прочь слушать.

Дѣвушка сидѣла, устало откинувшись на спинку стула; руки ея свѣсились; рѣсницы были опущены. При этомъ вопросѣ по губамъ ея скользнула почти сострадательная улыбка.

— Вы опять написали исторію? Что-жъ, читайте!

Несмотря на добродушный тонъ, въ словахъ ея сквозило пренебреженіе.

— Я знаю ее наизусть.

И онъ началъ разсказывать. Онъ наклонился впередъ, положилъ кисти рукъ на колѣни и закрылъ глаза. Голосъ его звучалъ тихо и однотонно. Иногда его заглушало пѣніе старика, но это пѣніе раздавалось все рѣже и рѣже; въ немъ слышалось все больше усталости; мало-по-малу оно совсѣмъ слилось съ мурлыканьемъ пригрѣвшейся кошки.

Фра Леонардо разсказывалъ сказку не о великанахъ и карликахъ, не о злыхъ волшебникахъ и благодѣтельныхъ феяхъ,—но о людяхъ, тѣхъ самыхъ людяхъ, что жили, страдали и трудились вокругъ него и его слушательницы, на угрюмыхъ высотахъ горъ и унылыхъ равнинахъ. Эта сказка была, словно поэма, только печальная,—пѣснь о горькой, обидной бѣдности, которая бьется какъ рыба объ ледъ и все же не можетъ вырваться изъ желѣзныхъ когтей нищеты, не видитъ конца безотрадному сѣрому однообразію своей жизни.

— Только въ груди этихъ людей, какъ святое, неугасимое пламя, свѣтитъ имъ ихъ сердце. Они облегчали другъ другу лишенія, помогали нести нищету. Они жертвовали собой другъ для друга, съ радостнымъ сердцемъ творили добро, жили такъ, что всѣ стояли за одного, и одинъ за всѣхъ. И въ концѣ концовъ они убѣдились, что нищета ихъ перестала быть нищетой. Ибо ни одинъ изъ нихъ не былъ богаче другого, и что заработывалъ одинъ, то принадлежало и другому. Они сообща всѣмъ владѣли, сообща несли тяготы, и миръ былъ въ нихъ и съ ними. Они стали опять такими, какъ первые христіане, и великая любовь Спасителя нашего укрѣпилась въ ихъ сердцахъ и лучилась, изливая потоки тепла на скупую каменистую землю, изъ которой они тяжкимъ трудомъ, съ помощью кирки и мотыки, добывали себѣ скудное пропитаніе, и покрывала нужду и болѣзни, которыя жили въ ихъ хижинахъ. И земля ихъ стала щедрой и плодоносной, и подъ кровомъ ихъ воцарилось и счастье, и миръ, и согласіе. И такъ всемогуща была сила любви, пламенѣвшей, какъ священный огонь, въ этой мирной общинѣ обездоленныхъ, что лучи ея мало-по-малу проложили себѣ дорогу и къ другимъ людямъ и проникли въ ихъ сердца, твердыя, какъ мраморъ, и размягчили ихъ, и снова сдѣлали добрыми. До тѣхъ поръ эти другіе люди жили въ пышныхъ дворцахъ, ѣли отборныя яства съ украшенныхъ драгоцѣнными каменьями блюдъ, проводили дни въ праздности и суетныхъ развлеченіяхъ, считали, что имъ все позволено, чего только пожелаетъ душа ихъ, и не думали о своихъ алчущихъ и жаждущихъ братьяхъ, на долю которыхъ выпало рабство, стыдъ и презрѣніе. Теперь же пламя чистой любви, подымавшееся къ небу, какъ дымъ кадильный, отъ общинъ неимущихъ, растопило броню, оковывавшую ихъ сердца, и въ этихъ сердцахъ поселился великій стыдъ и святая рѣшимость все исправить и все загладить. Они покинули свои недоступные замки и спустились внизъ, къ обездоленнымъ братьямъ, и стали жить среди нихъ, грѣясь у ихъ очаговъ. До тѣхъ поръ они и не знали совсѣмъ этихъ братьевъ и теперь только съ удивленіемъ и испугомъ замѣтили, какъ много божественнаго сокрыто въ душѣ бѣдняковъ, и поняли, что они, богатые, должны уподобиться имъ, чтобы исполнить предвѣчный завѣтъ Творца: «Дѣти мои, любите другъ друга!» И пошли, и раздѣлили съ братьями все, что имѣли, и стали радостны сердцемъ. И съ тѣхъ поръ было только одно царство на землѣ и одна человѣческая семья, и великій праздникъ насталъ для всего міра, въ

которомъ раньше жило столько нужды и горя.

Фра Леонардо кончилъ. По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, голосъ его набиралъ силы; въ немъ дрожало горячее нѣжное чувство. На смуглыхъ щекахъ выступили красныя пятна. По временамъ, когда онъ открывалъ глаза, устремляя взоръ словно въ безконечную даль, глаза его свѣтились, какъ двѣ темныхъ звѣзды, какимъ то неземнымъ блескомъ, а худыя костлявыя руки ловили воздухъ, словно ища опоры. Онъ умолкъ и устало откинулся на спинку стула, но на губахъ его застыла мечтательно-блаженная улыбка, красившая строгія, острыя черты.

На минуту въ комнатѣ, слабо освѣщенной догорающей лампой, стало опять совсѣмъ тихо. Дѣдушка Карлино давно затихъ. Въ продолженіе разсказа онъ то дремалъ вмѣстѣ съ кошкой, лежавшей у него на колѣняхъ, то прислушивался, съ доброй безсмысленной улыбкой на старческомъ лицѣ, наклонивъ голову въ сторону монаха и съ довольнымъ видомъ поблескивая глазами, словно желая выразить свое одобреніе. Теперь онъ мирно спалъ, свѣсивъ голову на бокъ.

Рафаэлла ни однимъ словомъ не перебила монаха, но и не выказала ни вниманія, ни сочувствія. Теперь она первая нарушила молчаніе.

— Откуда вы берете всѣ эти сказки?

Это было сказано тѣмъ же тономъ, какимъ раньше она изъявила согласіе слушать: разсказывай молъ, коли охота; въ немъ сквозило добродушное удивленіе, словно она говорила съ ребенкомъ.

— Сказки?.. — повторилъ онъ съ грустью и укоромъ.—Почему, Рафаэлла? Если въ одинъ прекрасный день во всѣхъ насъ проснется живое состраданіе другъ къ другу, во всѣхъ,—въ вельможахъ и бѣднякахъ, въ священникахъ и мірянахъ, почему не можетъ быть такъ, какъ хотѣлъ Господь? Онъ можетъ зажечь во всѣхъ сердцахъ святое пламя любви и тогда люди опять соединятся въ одну семью, какъ было когда-то.

Онъ выговорилъ это тономъ проповѣдника и невольно поднялъ голову, какъ, бы увѣренный въ побѣдѣ. Рафаэлла опять не возражала, но по выраженію ея лица фра Леонардо понялъ, что ему не удалось разсѣять мглу безнадежности въ этой ожесточившейся душѣ и что она молчала, только чтя въ немъ священника. Онъ тихонько вздохнулъ и поднялся съ мѣста, говоря:

— Поздно уже; мнѣ пора.

Онъ осторожно поднялъ съ кресла спящаго паралитика, снесъ его въ сосѣднюю комнату и положилъ на кровать, гдѣ давно уже, раскинувъ руки, лежалъ и храпѣлъ Пиппо Даміани.

Дѣдушка Карлино очнулся и съ просонокъ, шамкая беззубымъ ртомъ, пробормоталъ:

— Налоги нужно платить, Рафаэлла. Это всегда такъ было. Налоги нужно платить.

И, снова закрывъ глаза, онъ мирно прикурнулъ на соломенномъ матрацѣ подлѣ спящаго сына. Монаху казалось, что онъ и въ темнотѣ видитъ эту тупо довольную улыбку на сморщенномъ увядшемъ лицѣ. Онъ вышелъ, нахмурившись. Сказанныя съ просонокъ слова старика и мятежныя пѣсни, которыя онъ пѣлъ, не понимая ихъ значенія, звучали въ ушахъ монаха, какъ насмѣшливый отвѣтъ на сказку, разсказанную имъ Рафаэллѣ. Онъ простился съ ней, не подымая головы, и такъ и вышелъ.

Она стояла на крыльцѣ, высоко поднявъ лампу, и свѣтила ему.

— Счастливаго пути, — сказала она и наклонилась поцѣловать его руку.

Этого онъ не допустилъ и самъ положилъ ей руку на голову, какъ бы благословляя ее.

— Милость Господня буди съ тобою и со всѣми нами. Будемъ всѣ усердно молиться, чтобъ наступило царство Его. Спокойной ночи. — Онъ удалился быстрыми шагами и скоро исчезъ во мракѣ.

Путь ему предстоялъ не близкій. Какъ отшельникъ, онъ жилъ въ келейкѣ возлѣ церкви Санта Марія ди-Больцо, при которой онъ состоялъ капелланомъ; церковь находилась въ горахъ и подыматься туда нужно было изъ Тинчино добрый часъ времени по крутой тропинкѣ, проложенной для муловъ. Но монахъ ежедневно спускался съ горъ, чтобы пообѣдать въ одномъ изъ трехъ мѣстечекъ,

принадлежавшихъ къ его приходу: онъ не хотѣлъ, чтобъ ему носили пищу наверхъ. Онъ всюду имѣлъ право входа, и въ самой бѣдной лачугѣ съ нимъ охотно дѣлили послѣдній кусокъ хлѣба, не видя въ томъ никакого подвига,—ничего кромѣ того, что и быть должно. И чаще всего онъ заходилъ къ Даміани въ Тинчино.

Когда онъ шелъ по главной улицѣ городка, въ низенькихъ, нагроможденныхъ другъ на друга и сбившихся въ кучу лачугахъ было уже темно и тихо. Но онъ невольно думалъ о томъ, какъ много бѣдности и горя скрыто за этими стѣнами, какъ много тупости и безнадежности въ этихъ узкихъ и тѣсныхъ клѣтушкахъ, гдѣ забывшись сномъ на жесткомъ ложѣ, люди ждутъ новаго утра, которое принесетъ съ собою все тоже, что было вчера и будетъ завтра—нужду, тяжкій трудъ и животное тупое равнодушіе тѣхъ, кто не видитъ неба и солнца. Онъ явственно видѣлъ ихъ всѣхъ передъ собою, какъ видѣлъ ихъ два часа тому назадъ, когда, въ тускломъ свѣтѣ зимнихъ сумерекъ, они проходили передъ нимъ длинной нескончаемой вереницей, поднимавшейся изъ равнины—но видѣлъ не ихъ однихъ. Все новыя группы, новыя толпы примыкали къ нимъ, прибывали со всѣхъ сторонъ, какъ несчетныя полчища труждающихся и обремененныхъ, съ безкровными лицами, съ воспаленными глазами и согбенной отъ работы спиной, исхудалыя, кашляющія. Здѣсь были горцы изъ сѣрныхъ рудниковъ, гдѣ они вѣкъ свой изнываютъ въ тяжкомъ трудѣ, подъ землею, во мракѣ, вдыхая ядовитыя испаренія сѣры, ради нищенскаго заработка, который только-только позволяетъ имъ не умереть съ голоду; за ними—желтолицые, съ впалыми щеками рабочіе съ болотистыхъ низинъ, гдѣ шесть мѣсяцевъ въ году свирѣпствуетъ убійственная малярія, гдѣ они зябнутъ на поляхъ подъ знойными лучами солнца, изнуренные, съ глубоко ушедшимъ въ орбиты, горящими лихорадочнымъ огнемъ, глазами, застывшіе въ своей великой безнадежности. Ихъ прибывало все больше. Толпа ихъ росла и росла. Передъ глазами монаха въ страшномъ видѣніи вставало все безысходное горе этихъ порабощенныхъ людей, и во мракѣ безмолвной ночи глаза ихъ смотрѣли на него съ полнымъ ужасомъ и горячей мольбой. Сердце его исполнилось глубокаго состраданія, великой святой скорби. Ему хотѣлось бы раскрыть объятія и прижать къ себѣ всѣхъ этихъ несчастныхъ отверженныхъ, обездоленныхъ, этихъ парій своей, богатой цвѣтущей родины, чтобы утолить ихъ мученія, чтобы снова вдохнуть въ ихъ очерствѣвшія души лучшіе дары неба—мужество и надежду. Съ жаркой мольбой бросился онъ на колѣни передъ этимъ придорожнымъ распятіемъ и склонился челомъ до самой земли. Среди глубокой тишины, охватившей и дремлющую внизу равнину, и грозно нависшихъ надъ нимъ горы, вся его скорбь и жалость вышли изъ устъ его горячей молитвой. Единая великая община, проникнутая духомъ истины и любви, завѣщанныхъ Спасителемъ,—община, гдѣ нѣтъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни знатныхъ, ни убогихъ, но всѣ только люди, только братья, почему это должно оставаться сказкой, легендой? Такъ было прежде, когда великая идея Спасителя еще жила въ сердцахъ Его учениковъ, такъ можетъ быть и снова. Нужно только *хотѣть*. Нужно только бодрствовать духомъ, не терять надежды, хранить живую вѣру. Онъ самъ долженъ выступить проповѣдникомъ старыхъ и вѣчныхъ новыхъ завѣтовъ и вдохновенными словами провозглашать Евангеліе любви и хижины въ хижину, гдѣ болѣзнь и нужда ожесточаютъ сердца и отчуждаютъ людей отъ Бога. Онъ будетъ стучаться въ двери богатыхъ и сильныхъ міра, взывать къ нимъ: «Проснитесь! Вспомните о вашихъ братьяхъ! Вспомните о голодныхъ, о холодныхъ, отчаявшихся! Отверзите щедрую руку, приложите стараніе, чтобы имъ стало лучше, не живите въ избыткѣ и беззаботности, не проливайте крови ваго пота трудящихся, ибо тѣ, кто изнываетъ у ногъ вашихъ во мракѣ безнадежности, такія же дѣти Божіи, какъ и вы, и за всѣ ихъ обиды, за все ихъ нерадѣніе о нихъ, вы должны будете дать отвѣтъ предъ Нимъ въ день суда. Пробудитесь! Время пришло!»

Карабкаясь по крутой горной тропинкѣ, ра Леонардо смотрѣлъ на звѣзды, сіявшія дъ его головою съ темнаго неба. Въ мъ зрѣла великая, святая рѣшимость. онъ долженъ пробудиться, и для него ремя приспѣло. Не одинокими молит- ми въ горной пустынѣ, не служеніемъ ссъ и отпущеніемъ грѣховъ, не разска- ваніемъ сказокъ и грезами долженъ ъ служить Богу; всего этого мало, чтобъ полнить то, чего настоятельно тре- етъ суровое время отъ проповѣдника вангелія. Онъ долженъ оторваться отъ его самодовольнаго одиночества и выйти міръ и возвѣстить всему міру волю асителя. Пусть это не свойственно его родѣ,—именно потому онъ долженъ о слѣлать, долженъ переспилить себя.

Отецъ небесный будетъ съ нимъ и тъ силу его простотѣ и устамъ его аменное краснорѣчіе. *Онъ* научитъ его осить и умолять, убѣждать и грозить, гда нужно, утѣшать и успокаивать.

Поглощенный всѣми этими мыслями, ъ незамѣтно прошелъ свой одинокій уть и достигъ вершины. Церковь, къ торой примыкала его келія, высилась редъ нимъ, вся бѣлая въ неясномъ яніи звѣздъ. Онъ еще разъ обернулся ъ глубинѣ, изъ которой поднялся на ершину, и сотворилъ надъ нею знаменіе реста. Ему хотѣлось начертать это зна- еніе на небесномъ сводѣ, усѣянномъ вѣздами, и воскликнуть: «Симъ побѣ- ши!»

II.

На другой день, едва только занялась ря, Рафаэлла Даміани была уже на пути ъ дикимъ горнымъ высотамъ Соммаи- но. Она повязала на голову шерстяной латочекъ, сложенный треугольникомъ, къ палкѣ, на которую опиралась, при- ѣсила пустой, пузатый кувшинъ. Въ ничию не было порядочной воды для итья, а по дорогѣ навѣрное попадется точникъ, откуда можно будетъ зачерп- уть воды и принести домой. Ноги ея, вердо ступавшія по каменистой тро- инкѣ, были босы; то же безцвѣтное, ыцинявшее платье прикрывало ея строй- ое тѣло. Она шла быстрыми мѣрными шагами, глядя прямо передъ собой, все съ тѣмъ же усталымъ, равнодушнымъ видомъ. Она не замѣчала, какъ розовое сіяніе зари залило румянцемъ вершины горъ и побѣдоносно спускалось все ниже и ниже, золотя обнаженныя скалы, заливая горячимъ свѣтомъ ущелья и трещины, гоня оттуда ужасъ и тьму. Ничего этого она не видѣла. Яркій зимній день, занимавшійся надъ безоблачнымъ небомъ, ничего не говорилъ ея сердцу. Она не замѣчала ни рѣзкаго вѣтра, словно вырывавшагося изъ-за скалъ при каждомъ поворотѣ дороги, ни солнца, понемногу согрѣвавшаго холодные слои горнаго воздуха и уже начинавшаго припекать ей затылокъ. Путь ей лежалъ не близкій; ей некогда было ни смотрѣть по сторонамъ, ни думать. Только когда вѣтеръ донесъ до нея отдаленный звонъ церковнаго колокола изъ горной часовни,—едва слышный, словно звонъ колокольчика, привѣшенный на шеѣ у горной козы, она перекрестилась и шепотомъ прочла «Отче Нашъ». Ей вспомнилось, что нынче праздникъ, что она пропустила обѣдню, и въ слѣдующее воскресенье священникъ, навѣрное, наложитъ на нее за это эпитимію. Послѣ этого она передъ каждымъ распятіемъ, по пути машинально опускалась на колѣни и крестила себѣ лобъ и грудь, но мысли ея были далеко. Да и грубо сколоченныя часовенки, съ изображеніемъ распятія и святыхъ, вылинявшихъ отъ дождя и солнца, скоро перестали попадаться по дорогѣ; кругомъ нея была каменистая пустыня, угрюмая, безмолвная.

Рафаэлла знала дорогу къ становищамъ пастуховъ, которые тамъ наверху, на безлюдныхъ высотахъ, въ полномъ одиночествѣ пасли стада козъ и овецъ, но не знала, гдѣ именно она найдетъ Амброджіо. Стада паслись въ различныхъ мѣстахъ и переходили съ одного на другое, смотря по времени года и по состоянію корма. Да и пастуховъ было нѣсколько человѣкъ, кромѣ Амброджіо. Дѣвушка пошла наудачу, съ трудомъ пробираясь между острыми обломками скалъ, обрушившихся и въ безпорядкѣ нагроможденныхъ другъ на друга. Съ ловкостью дикой козы, незнакомой съ го-

ловокруженіемъ, она карабкалась все дальше и дальше, не оглядываясь назадъ. Не разъ надъ ея головой раздавался крикъ хищной птицы, но она не обращала на это вниманія и только чутко прислушивалась, не раздается ли гдѣ-нибудь звонъ колокольчиковъ стадъ. Она была въ пути уже нѣсколько часовъ; не останавливаясь, не отдыхая, она карабкалась все выше и выше. Ноги ея покрылись кровавыми ссадинами—она этого какъ будто не чувствовала. Грудь ея дышала все чаще и чаще. Наконецъ, она достигла высоты, гдѣ нижніе вулканическіе слои горной почвы, послѣ тысячелѣтней борьбы, подъ вліяніемъ дождя и солнца, произвели на свѣтъ растительность, и сами гранитные великаны обступили ее стѣною, чтобы защитить отъ горныхъ бурь.

— Теперь уже недалеко,—подумала Рафаэлла.

Собачій лай, повторенный горнымъ эхомъ, указалъ ей дорогу и вскорѣ она увидѣла передъ собой огромную, бѣлую, косматую овчарку съ остроконечной мордой,—одну изъ знаменитыхъ, славящихся своей кровожадностью, овчарокъ, которыхъ держатъ при себѣ итальянскіе пастухи для защиты отъ внезапнаго нападенія. Собака оскалила острые бѣлые зубы и глядѣла на дѣвушку блестящими злыми глазами.

Къ счастью, Рафаэлла знала окрикъ, которымъ можно было сразу успокоить собаку и дать знать пастуху, очевидно, тоже находящемуся неподалеку, о приближеніи друга. Овчарка, ворча, пропустила ее впередъ и сама поплелась за ней, сконфуженно виляя опущеннымъ пушистымъ хвостомъ. Раздался рѣзкій, протяжный свистъ, — отвѣтъ пастуха. Рафаэлла пошла на голосъ. Черезъ минуту къ ней явственно донесся серебристый звонъ колокольчиковъ, и, обогнувъ выступъ скалы, она внезапно очутилась посреди стада жавшихся другъ къ дружкѣ сѣрыхъ пушистыхъ овецъ, окруженныхъ такими же бѣлыми сторожевыми собаками. Овцы были крупныя, съ густымъ длиннымъ руномъ; онѣ подвигались медленно, бокъ-о-бокъ, ощипывая скудную поросль и побѣги травы.

Поодаль стоялъ пастухъ. Рафаэлла с перваго взгляда узнала, что это не Ам броджіо. Пастухъ былъ гораздо выш ростомъ, чѣмъ ея братъ. Стоя у плетня, прислонившись къ нему, и опираясь обѣими руками на длинный посохъ, в шляпѣ безъ полей, сдвинутой на зат локъ, въ накинутой на плечи овечьей шкурѣ, въ сандаліяхъ, съ ногами, завер нутыми въ козьи шкуры и перевитыми ремнями отъ сандалій, пастухъ смотрѣ выходцемъ изъ какой-то далекой, перво бытной эпохи. Только ружье, висѣвше у него за спиной, показывало, что онъ сынъ нашего вѣка. Его незатѣйливую одежду стягивалъ кожаный поясъ, к которымъ торчалъ острый ножъ.

При видѣ дѣвушки, онъ даже не шевельнулся. Словно каменное изваяніе стоялъ онъ и ждалъ, когда она подой детъ. Темное морщинистое лицо его рѣзк выступало изъ рамки сѣдыхъ волосъ и сѣдой же, всклокоченной, неровно ра стущей бороды; мрачные глаза смотрѣл дико, видимо, привыкшіе къ пустын и безлюдью. Рафаэллѣ былъ знакомъ этотъ пастухъ; его звали «кумъ Аль фіо». Фамилія его была извѣстна немно гимъ, и никто не зналъ, откуда онъ и какого роду-племени. Онъ былъ стар шимъ надъ пастухами, водившими стад по склонамъ и пастбищамъ Соммативо и съ незапамятныхъ временъ велъ жизн дикаря, вдали отъ городовъ и людей упорно не пользуясь даже обычнымъ от пускомъ пастуховъ, которымъ кажды три мѣсяца дозволяется спускаться съ горъ, чтобъ навѣстить родныхъ. Всѣ бо лись его мрачнаго взгляда, его силы и считали его способнымъ во гнѣвѣ н все. Ему такъ рѣдко доводилось гово рить, что голосъ его звучалъ невнятно и прерывисто, какъ будто онъ отвык отъ употребленія словъ и разучился пользоваться ими.

Когда Рафаэлла спросила его о братѣ онъ молча указалъ ей рукой, въ какую сторону надо идти. Самъ онъ не пред ложилъ ей никакого вопроса и на при вѣтствіе ея отвѣтилъ лишь наклоненіем головы. Онъ даже не посмотрѣлъ ей вслѣдъ, когда она пошла дальше искат Амброджіо; онъ, казалось, не хотѣл

видѣть ничего на свѣтѣ, кромѣ своихъ стадъ, собакъ, да свѣтло-сѣрыхъ гранитныхъ стѣнъ, кое-гдѣ покрытыхъ приземистымъ кустарникомъ. Оглянувшись, Рафаэлла увидѣла его стоящимъ все на томъ же мѣстѣ; фигура его рѣзко обрисовывалась на фонѣ скалы, неподвижная, словно безжизненная.

Послѣ получасовой ходьбы дѣвушка добралась, наконецъ, до пастбища Амброджіо. Она до такой степени утомилась, что теперь уже только машинально переставляла ноги, сгибая колѣни и сильно наклонивъ впередъ станъ; на лбу ея выступили крупныя капли пота. Амброджіо грѣлся на солнышкѣ, полулежа на обросшемъ травою камнѣ, положивъ руки на колѣни и надвинувъ шляпу на глаза. Онъ былъ средняго роста, строенъ и гибокъ, но подъ вывороченными шерстью наружу шкурами, прикрывавшими его тѣло и ноги, этого нельзя было разсмотрѣть. Обутъ онъ былъ въ кожаные башмаки, подбитые гвоздями. Только продолжительный лай сторожевой собаки, покрывшій звонъ колокольчиковъ, разбревшихся въ разныя стороны козъ, вывелъ его изъ полузабытья, и онъ большими черными глазами уставился на подходившую дѣвушку. Ни радости, ни жгучаго любопытства не замѣтно было въ этомъ взглядѣ. Онъ лѣниво выпрямился и свистнулъ сквозь зубы собакѣ, чтобъ она замолчала. Когда Рафаэлла подошла, на смуглomъ, словно бронза, лицѣ его выразилась жадность, и онъ спросилъ:

— Принесла мнѣ что-нибудь хорошенькое? А?

Онъ искалъ глазами сумки или узелка,—вѣдь, должна же она была что-нибудь захватить съ собой. Голосъ его звучалъ хрипло.

Рафаэлла, тяжело переводя духъ, опустилась возлѣ него на камень. Горькая смѣшка тронула уголки ея рта. Съ минуту она сидѣла молча, смертельно усталая, словно вся опустившись, цѣпляясь руками за тощую траву. Потомъ выговорила:

— Принесла?.. я?

Ей показалось это до того невѣроятнымъ, что она даже не понимала, какъ можно было предложить такой вопросъ. Ей и въ голову не пришло, что онъ можетъ этого ожидать. Прежде, навѣщая брата, она иногда приносила ему что-нибудь поѣсть, потому что пища этихъ полудикарей, всегда одна и та же, нерѣдко становилась имъ, мало-по-малу, до того противной, что они по мѣсяцамъ жадно мечтали о перемѣнѣ, и самая незатѣйливая ѣда казалось имъ лакомствомъ; — все что угодно, лишь бы только не сыръ, молоко и пахтанье. Они съ наслажденіемъ пожирали даже мясо павшихъ животныхъ, которое принадлежало имъ по уговору. Для нихъ былъ праздникъ, когда они могли изжарить это мясо на огнѣ. Нерѣдко это вело за собою болѣзни, но изъ-за этого ни одинъ изъ пастуховъ не отказалъ бы себѣ въ томъ же удовольствіи въ слѣдующій разъ, а кто постарше, тѣ и совсѣмъ не болѣли: они уже привыкли къ употребленію падали. Зато хлѣбъ, черный, черствый хлѣбъ, который они должны были размачивать въ козьемъ молокѣ, плохо выпеченный и невкусный, расходовался у нихъ всегда раньше времени. Этотъ хлѣбъ былъ ихъ любимой ѣдой и, когда люди случайно заходили въ эту пустыню, они прежде всего спрашивали, не принесли ли имъ хлѣба. Рафаэлла чувствовала, что Амброджіо имѣетъ право счесть себя обиженнымъ за то, что она не принесла ему хотя бы кусочка хлѣба. Ей было жаль его и стыдно. Но дома у нихъ не осталось ни крошки хлѣба.

Такъ она ему и сказала и попросила у него молока и сыру, потому что у нея отъ слабости кружилась голова и она боялась, что упадетъ. Но пастухъ недружелюбно оскалилъ зубы, словно собака, и заворчалъ не хуже собаки. Въ глазахъ его появилось дикое выраженіе, полное ненависти; но постепенно это выраженіе сгладилось и лицо его приняло тотъ же видъ тупого покоя, какой оно имѣло до прихода Рафаэллы. Онъ лѣниво зѣвнулъ, потянулся и опять улегся на то же мѣсто, прислонившись спиною къ камню.

— Сама возьми!—сказалъ онъ, сонливо щуря глаза отъ солнца.

Рафаэлла вошла въ его хижину, сло-

женную изъ неотесанныхъ каменныхъ глыбъ. Крышу замѣнялъ кстати подвернувшійся нависшій выступъ скалы; трещины и скважины были законопачены сухою травой; охапка той же травы, съ постланными поверхъ ея козьими шкурами, служила постелью Амброджіо. Посреди хижины, на плоскихъ, гладкихъ и блестящихъ камняхъ еще курились полуобугливіеся сучья, отъ которыхъ шелъ вонючій дымъ. Все убранство хижины составляли деревянныя кадки съ молокомъ и сырами, да развѣшанныя по стѣнамъ, еще не выдѣланныя недавно только снятыя кожи, распространявшія отвратительный запахъ. Въ углу стояла винтовка, а возлѣ нея пара ножей и желѣзная утварь. Тутъ же, на старой, почти совсѣмъ вытертой шкурѣ лежала собака; отъ старости или болѣзни она была почти не въ состояніи двигаться и только лѣниво поглядѣла на вошедшую слезящимися глазами и оскалила зубы. Рафаэлла отрѣзала себѣ кусокъ сыру и съѣла его съ жадностью, запивая молокомъ, потомъ опять вышла на воздухъ и прикурнула возлѣ брата, который уже не обращалъ на нее вниманія съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что она не только ничего не принесла ему, но еще хочетъ поживиться его же припасами. Она лежала такъ довольно долго, грѣясь на солнышкѣ, и какъ будто спала съ открытыми глазами. Кругомъ ничего не было слышно, кромѣ тихаго звона колокольчиковъ, то приближавшагося, то удалявшагося, прерываемаго по временамъ рѣзкимъ, отрывистымъ собачьимъ лаемъ.

Затѣмъ дѣвушка усиліемъ воли отогнала усталость и заговорила о томъ, ради чего она пришла. Рѣчь ея была коротка и убѣдительна. Денегъ у нихъ совсѣмъ мало, не хватаетъ и на ѣду. Ну, положимъ, они-то кое-какъ еще потерпятъ эту недѣлю, обойдутся, подымное необходимо, наконецъ, внести и вмѣстѣ съ штрафомъ за просрочку, иначе имъ придется плохо. Амброджіо долженъ помочь имъ—затѣмъ она и пришла.

Пастухъ слушалъ ее вначалѣ совершенно безучастно. Эти вѣчныя жалобы были ему знакомы съ дѣтства. Сколько онъ себя помнитъ, у нихъ въ домѣ всегда была недохватка, при всей экономіи въ ѣдѣ и одеждѣ. Всегда у нихъ только и было рѣчи, что о налогахъ и податяхъ и всегда они голодали, если только не удавалось стянуть во время работъ на полѣ что-нибудь изъ овощей. И всѣ въ Тинчино такъ жили. Ради того только, чтобы сказать ему, что и теперь имъ живется не лучше, не стоило подниматься сюда. Но подъ конецъ онъ возмутился. —Помочь? Онъ? Да что она, съума сошла? У него у самого нѣтъ ни гроша. Или она думаетъ, что онъ пошелъ кладъ гдѣ-нибудь въ горахъ? Подымное! Скажите, пожалуйста! Да ему-то какое дѣло? Вѣчно подати, вычеты, штрафы! Тамъ, внизу, ни о чемъ иномъ и не говорятъ. Ну и толкуйте, коли охота, а его оставьте въ покоѣ. Не для того онъ ушелъ въ горы. Не желаетъ онъ ничего знать и слышать, у него и своихъ дѣлъ довольно. Чѣмъ бы ему хлѣба принести, она вонъ что выдумала! Этого только не доставало!.. Пастухъ и того взволновался, что даже покраснѣлъ весь и свирѣпо размахивалъ въ воздухѣ своими смуглыми руками.

Рафаэлла осталась спокойной. Она не рѣшила къ просьбамъ. — Ченцо всякую субботу утаиваетъ четверть, а то и треть своего заработка, а ѣстъ за двоихъ. Мало Тамбурри выдалъ всего 10 лиръ изъ задатка, за одну недѣлю ничего не собрать, какъ ни урѣзывай на ѣдѣ, а занять не у кого. Амброджіо долженъ помочь. Если не ему, такъ кому же и помочь? Онъ такой же сынъ Пиппо Даміани и внукъ дѣдушки Карлино, какъ и всѣ они. Если онъ теперь не дастъ денегъ, какъ онъ покажется на глаза отцу и дѣду? Кто же, какъ не онъ сдѣлалъ его пастухомъ? Вѣдь не захочетъ же онъ, чтобъ у нихъ изъ-за подымнаго свели со двора посл[illegible]нюю козу? Хлѣбъ! У нихъ у самихъ вотъ ужъ двѣ недѣли нѣтъ крошки хлѣба дома. А о винѣ ужъ и забыли, какой у него вкусъ. Амброджіо вѣдь не нужны деньги. На что они ему здѣсь? А потомъ ему отдадутъ—навѣрное, отдадутъ.

Но Амброджіо не сдавался. Онъ возражалъ упрямо, съ горечью, почти зло, нецъ даже заплакалъ отъ гнѣва

лости. Трясясь всѣмъ тѣломъ, онъ воклицалъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! Не хочу и не могу! Да и нѣтъ у меня ничего. Откуда у меня быть деньгамъ? Какъ дойдетъ дѣло до разсчета, глядишь, тамъ вычли, здѣсь вычли; останутся гроши — такъ вѣдь мнѣ и самому нужно, до зарѣзу нужно. Да что тутъ разговаривать. Ни одного чентезимо не дамъ, вотъ же и весь сказъ, хоть убейте меня на мѣстѣ, хоть закидайте камнями. Ни единаго чентезимо! Клянусь всѣми святыми! Отчего она не попроситъ взайма у слѣпого калѣки, отца Тибурціо, который клянчитъ милостыню на паперти церкви Св. Духа? Все равно, что у этого нищаго просить, что у него.

Рафаэлла начала высчитывать вслухъ. Правда, Амброджіо пока еще подпасокъ, не настоящій пастухъ, но все же онъ получаетъ семьдесятъ пять лиръ въ годъ, — это она отлично знаетъ. Да къ тому, еще имѣетъ право держать въ стадѣ собственную козу и всѣ молочные продукты отъ нея продавать въ свою пользу, что, навѣрное, приноситъ ему въ годъ не меньше тридцати лиръ. Куда же онъ дѣваетъ всѣ эти деньги? Сто лиръ слишкомъ — это цѣлое состояніе! Онъ говоритъ! вычитаютъ? Ну такъ что-жь? И съ вычетами еще остается достаточно. А на что ему деньги? Ѣда готовая, платье готовое. Притомъ же всѣмъ извѣстно, что пастухи въ горахъ всѣ до одного водятъ дружбу съ разбойниками; онъ напрасно сталъ бы отрицать это. А отъ такихъ пріятелей тоже не мало, чай, перепадаетъ. Вѣдь они, говорятъ, берутъ богатѣйшіе выкупы и тутъ ужъ сами не скупятся, швыряютъ деньгами направо и налѣво. Она уже не говоритъ о мелкихъ присвоеніяхъ чужой собственности и кражѣ овецъ изъ стада. Словомъ, пастухамъ, живется не худо. А тратить имъ некуда, можетъ быть, онъ скажетъ, что истратилъ всѣ свои деньги? Пусть говоритъ это кому другому, но только не ей. Стоитъ только пошарить хорошенько въ хижинѣ, между камнями, — навѣрное, найдется все, что нужно, и больше того.

Отъ жалобъ и нытья Амброджіо мало-по-малу перешелъ къ злобному упорству.

— А, ты вотъ какъ думаешь? Ну что-жъ, поди, ищи. Что найдешь, то и твое. — И онъ злобно засмѣялся. — А то не призанять ли у кума Альфіо; попроси его — можетъ и дастъ. У него ни жены, ни дѣтей нѣтъ, съ него и вычетовъ не берутъ: какъ ни провѣряютъ его чиновники, — все чисто, комаръ носу не подточитъ. Я вотъ жениться собираюсь, такъ денежки-то лучше на свадьбу приберечь, а до васъ мнѣ дѣла нѣтъ: какъ знаете, такъ и устраивайтесь.

Послѣ долгихъ просьбъ и уговоровъ, пастухъ, наконецъ, далъ Рафаэллѣ двѣ лиры изъ кожаннаго кошеля, спрятаннаго у него на груди. Ему такъ не хотѣлось разставаться съ этими деньгами, что каждая мѣдная монета, казалось, прилипала къ его пальцамъ. Онъ нѣсколько разъ пересчитывалъ монеты и въ концѣ концовъ взялъ съ сестры торжественное обѣщаніе, что ему при первой же возможности возвратятъ долгъ; а, отдавъ деньги, стоналъ и кряхтѣлъ, словно вынесъ тяжелую операцію.

Увидавъ, что большаго отъ него не добьешься, Рафаэлла стала сбираться въ обратный путь. Все же она пришла не совсѣмъ понапрасну. Можетъ быть, еще удастся какъ-нибудь уломать «хромого», чтобъ онъ далъ отсрочку; съ нимъ иногда можно поговорить по душѣ — надо только минутку выискать подходящую. Часть подымнаго внесутъ, а остальное и подождать можно; вѣдь онъ же видитъ, что они бы и сами рады душой, да взять неоткуда.

Она уходила съ тѣми же мыслями, съ какими и пришла сюда. Амброджіо, въ сущности, правъ: тамъ, внизу, вся жизнь вертится на податяхъ и налогахъ. Да и можетъ ли быть иначе? Онъ даже не спросилъ ее ни о комъ изъ родныхъ, и она не разсказывала. Такъ они и разстались.

Онъ остался лежать на камнѣ, только засвисталъ и запѣлъ крикливымъ голосомъ какую-то пѣсню.

Отдохнувшая Рафаэлла твердой поступью спускалась съ горы. Нѣкоторое

время ее провожалъ серебристый звонъ колокольчиковъ и лай сторожевыхъ собакъ, но скоро все стихло, и снова вокругъ нея раскинулась безмолвная, каменистая пустыня.

На обратномъ пути она остановилась только разъ, у источника, чтобы наполнить свой кувшинъ, привязанный къ палкѣ. Но какъ только она остановилась, ею овладѣла такая усталость, она почувствовала себя такой разбитой, что поневолѣ должна была присѣсть на камень и отдохнуть. Случай привелъ ее на такое мѣсто, съ котораго ей въ просвѣтъ между скалами видны были сѣрые домики Тинчино, какъ гнѣзда, лѣпившіеся по гранитной стѣнѣ и мало отличавшіеся отъ нея цвѣтомъ. Позади нея, далеко, куда глазомъ ни кинь, стлалась равнина, утопающая въ солнечномъ свѣтѣ, подобная морю. Взглядъ дѣвушки безучастно переходилъ съ одного предмета на другой, какъ вдругъ чей-то голосъ вывелъ ее изъ этого раздумья безъ мысли.

— Эй, дѣвушка, послушай!

Она неохотно подняла отяжелѣвшія вѣки и посмотрѣла вверхъ, откуда слышался голосъ. Тамъ, на тропинкѣ, стоялъ человѣкъ и дѣлалъ ей какіе-то знаки. Она не знала его. Онъ казался еще молодъ и былъ одѣтъ въ городское платье; это, очевидно, былъ путешественникъ, такъ какъ за спиной его висѣлъ ранецъ, а въ рукѣ была длинная палка съ острымъ наконечникомъ, какія берутъ съ собой въ горы. Это могъ быть новый чиновникъ изъ сѣрныхъ рудниковъ, странствующій торговецъ, пріѣхавшій въ эти края закупать вино изъ имѣнія герцога Баррофранка, можетъ быть одинъ изъ главныхъ арендаторовъ, которые почти никогда не показываются на поляхъ. Во всякомъ случаѣ онъ, очевидно, шелъ съ берега изъ Ликаты или Пальмы, напрямикъ, черезъ горы въ Джирдженти. Это было не рѣдкостью, напротивъ, въ виду непостояннаго и неудобнаго сообщенія моремъ, путешественники нерѣдко избирали эту дорогу; странно было только, что этотъ человѣкъ шелъ пѣшкомъ, вмѣсто, того чтобы, какъ водится, нанять себѣ мула, такъ какъ путь былъ дологъ и утомителенъ, и еще странно, что онъ пошелъ одинъ, не зная направленія и мѣстности. Онъ, вѣроятно, также не зналъ, что на этой тропинкѣ путники нерѣдко подвергаются нападенію разбойниковъ. Все это, конечно, не могло интересовать Рафаэллу, но все же эти мысли одна за другой промелькнули у нея въ головѣ, пока путникъ осторожно пробирался къ ней по скату, по камнямъ и галькамъ, которые сыпались у него изъ подъ ногъ.

Онъ остановился передъ ней и пристально смотрѣлъ на нее, видимо удивленный и заинтересованный. И губы и глаза его улыбались. Онъ какъ будто говорилъ себѣ:—Святители! Да какъ-же мнѣ повезло. Вотъ такъ красавица!— Но вслухъ онъ сказалъ только:

— У тебя, вѣрно, вино въ кувшинѣ? Дай мнѣ выпить глотокъ. Мой запасъ истощился и я умираю отъ жажды.

У него былъ очень утомленный видъ. Онъ, должно быть, страшно усталъ отъ долгой ходьбы. Платье и обувь его также носили явные слѣды лазанья по крутымъ склонамъ, то и другое было въ пыли, поцарапано и мѣстами разорвано. Узкое тонкое лицо, къ которому очень шли маленькіе черные усики, было блѣдно, гибкій станъ съ узкими плечами слегка наклоненъ впередъ. Въ общемъ путникъ казался не крѣпкаго здоровья, только въ поразительно свѣтлыхъ глазахъ его сверкалъ огонь, говорившій о силѣ духа. Рафаэлла только разъ, и то мелькомъ, взглянула на него и, не двинувшись съ мѣста, отвѣтила равнодушно, какъ-бы говоря сама съ собой:

— У меня нѣтъ вина.

— А что же, молоко?

— Нѣтъ. Вода.

— Вода? Зачѣмъ?—Онъ какъ будто не повѣрилъ ей.

— У насъ нѣтъ хорошей воды,— сказала она спокойно и просто.

— Ты изъ Бальцо? — спросилъ онъ и, сбросивъ свой ранецъ, усѣлся на него рядомъ съ дѣвушкой. Мѣстечко, повидимому, показалось ему подходящимъ для отдыха; онъ шляпу сдвинулъ на затылокъ.

Рафаэлла посмотрѣла на него искоса, не поворачивая головы.

Что за вопросъ? Смѣется онъ надъ ней, что-ли? Изъ Бальцо! Она-то! Изъ Бальцо, гдѣ живутъ господа, гдѣ почти всѣ женщины ходятъ въ шляпахъ! Развѣ въ Бальцо можетъ быть недостатокъ въ водѣ? Должно быть этотъ путникъ въ самомъ дѣлѣ-таки пришелъ издалека.

— Изъ Тинчино,—отвѣтила она, помолчавъ.

Теперь онъ понялъ. Тинчино и Аджира были «фракція» Бальцкой общины и подвластны ей. Въ этихъ мѣстечкахъ жили почти исключительно сельскіе рабочіе, семьи пастуховъ и мелкіе домовладѣльцы. Онъ только теперь замѣтилъ, какъ бѣдно была одѣта эта красивая дѣвушка. Теперь, когда онъ началъ соображать, что за существо находится передъ нимъ, ему, должно быть, стало жаль ея.

— Ты тоже работаешь на полѣ,— спросилъ онъ съ любопытствомъ и, когда она утвердительно кивнула головой, онъ опять спросилъ:—на кого ты работаешь?

— На латифундію,—отвѣтила она и невольно, какъ-то неопредѣленно, повела рукой, указывая вдаль, какъ бы желая очертить что-то огромное, не имѣющее границъ, обнимающее весь горизонтъ.

Онъ продолжалъ разспрашивать сначала объ отцѣ, потомъ о братьяхъ, сестрахъ. Она на все давала коротенькіе равнодушные отвѣты; въ большинствѣ случаевъ отвѣтомъ ея было одно слово—латифундія. Въ этомъ словѣ, казалось, заключался цѣлый міръ для нея и для всѣхъ жителей Тинчино. Мать ея умерла отъ маляріи изъ-за того, что разъ во время жатвы въ самую страду осталась ночевать въ полѣ, вмѣсто того, чтобы вернуться въ Тинчино, а подыматься на гору ей было трудно, потому что она была беременна; въ августѣ перемерли отъ маляріи двѣ трети тѣхъ, которые ночевали на равнинѣ въ соломенныхъ шалашахъ латифундіи. Дѣдушку въ латифундіи поставили присматривать за тѣмъ, какъ взрывали порохомъ гору, хотя онъ былъ уже очень старъ и далеко не такъ проворенъ, чтобы отскочить во-время, прежде чѣмъ произойдетъ взрывъ. Ну, въ концѣ концовъ, и случилась бѣда: огромная каменная глыба настигла его, когда онъ спасался внизъ, опрокинула наземь и придавила ему ноги, да такъ и лежала на нихъ съ полчаса, прежде чѣмъ его освободили. Съ тѣхъ поръ онъ не годенъ ни къ какой работѣ, да и разумъ у него помутился отъ страха; а ѣсть-то, все-таки, проситъ.

— И ему не выдаютъ пособія?— спросилъ незнакомецъ.—Его никуда не пристроили?

Рафаэлла даже не поняла вопроса.— Кто же сталъ бы его призрѣвать, старика-то? Вѣдь никто же не виноватъ. Почему же онъ не отскочилъ во-время? Несчастье — тутъ ужъ ничего не подѣлаешь!

— А тотъ братъ, что служитъ пастухомъ на Соматино,—кому принадлежатъ стада, которыя онъ пасетъ?

— Латифундіи.

Опять тотъ же отвѣтъ. Незнакомецъ съ минуту молча смотрѣлъ вдаль, на сѣрые домики Тинчино, какъ гнѣзды, лѣпившіеся по бокамъ гранитной разсѣлины.

— Кто же хозяинъ всей этой латифундіи?—спросилъ онъ вдругъ.

Рафаэлла какъ будто соображала. Вопросъ показался ей страннымъ.—Кто, собственно, здѣсь хозяинъ? Хозяевъ здѣсь было такъ много, одинъ надъ другимъ, и ни до одного изъ нихъ ей не было дѣла, кромѣ дона Джозуэ, который каждую субботу уплачивалъ жалованье поденщикамъ, и дона Северино, который распредѣлялъ работу и надзиралъ за рабочими. Каждый изъ нихъ подчинялся кому нибудь старшему, и въ какихъ отношеніяхъ всѣ они находились между собою, Рафаэлла не знала. Иногда въ латифундіи появлялись совершенно незнакомыя лица, которыхъ потомъ не увидишь цѣлый годъ и передъ которыми кланялись и раболѣпствовали всѣ, даже донъ Джозуэ. Вообще, разобраться трудно, да и какое ей дѣло.

— Почему ты не отвѣчаешь?—Спросилъ незнакомецъ.

— Я не знаю, кто.

*

— Ты не знаешь, кому принадлежитъ латифундія?—Удивленіе его все росло.

Ее, вдругъ, будто осѣнило.—Герцогу!

— Какому герцогу?

Она опять запнулась.—Развѣ на свѣтѣ много герцоговъ? Этого она не знала; она только время отъ времени слышала о герцогѣ, что, молъ, вотъ, герцогъ хочетъ того-то и того-то, и, какъ онъ хотѣлъ, такъ и дѣлалось. У нея сложилось неясное представленіе о какой-то большой невидимой силѣ — и только. Сама она никогда не видала герцога и даже не знала его имени. Онъ никогда не бывалъ здѣсь, да и говорили объ немъ очень рѣдко; во всякомъ случаѣ, иначе, какъ герцогъ, его никто не называлъ. Потомъ ей, впрочемъ, вспомнилось, что кто-то, какъ будто, говорилъ, что герцогъ пріѣдетъ въ этомъ году, но она тогда какъ-то пропустила это мимо ушей, а онъ такъ и не пріѣхалъ.

— Но, вѣдь, есть же у вашего герцога имя? — Продолжалъ допытываться незнакомецъ.

Рафаэлла пожала плечами. — Имени она не знала. Даже про латифундію она не сразу могла сказать, какъ она называется—никто никогда иначе не называлъ ее, какъ латифундія. И только подумавъ, вспомнила, что имѣніе зовется Баррофранка.

— Значитъ, и герцога зовутъ такъ же,—сказалъ незнакомецъ и усмѣхнулся.

Можетъ быть и такъ. Не все ли ей равно? Никогда она этого герцога не видала и не увидитъ. Вообще, она уже снова впала въ тупое раздумье и во всѣхъ ея отвѣтахъ сквозило глубокое равнодушіе; и отвѣчала она монотонно, отрывисто, словно обрывая фразы. Все такъ и есть, какъ она говоритъ, и перемѣнить ничего нельзя, значитъ, не стоитъ объ этомъ и думать. Для всѣхъ ихъ міръ начинался и кончался латифундіей.

— Такъ у тебя только три брата? Больше нѣтъ?

Есть еще четвертый—самый старшій, но его она почти не знаетъ. Онъ ушелъ въ горы, когда она была еще ребенкомъ. Пырнулъ кого-то ножемъ въ шинкѣ, а тотъ и померъ. Эти надсмотрщики въ сѣрныхъ рудникахъ въ воскресенье ужъ непремѣнно норовятъ напиться, ну, а потомъ разгорячатся, повздорятъ—долго ли до грѣха? Такъ въ одинъ прекрасный день и случилась бѣда. И ушелъ Біаджіо Даміани въ горы, къ разбойникамъ.

И объ этомъ Рафаэлла разсказывала равнодушно, какъ о чемъ-то самомъ обыкновенномъ. Біаджіо примкнулъ къ шайкѣ рыжаго Ансельмо; вначалѣ до нихъ часто доходили вѣсти о немъ; нѣсколько разъ онъ деньги присылалъ, какъ бывало прежде изъ рудника, а разъ такъ даже среди бѣлаго дня пришелъ къ нимъ въ гости въ Тинчино. Въ то время разбойники часто продѣлывали такія штуки. И контрабандистамъ они помогали, когда нужно было перетащить товары съ морского берега на другую сторону горъ, такъ чтобы таможенные не пронюхали. Но въ послѣдніе годы о разбойникахъ, что-то, совсѣмъ не слышно: они должно быть ушли куда-нибудь подальше — здѣсь ужъ очень строгъ сталъ надзоръ. Никто не знаетъ даже, живъ ли Біаджіо. Были у нея и двѣ сестры, да обѣ умерли еще въ дѣтствѣ—и это счастье, потому, чѣмъ ихъ кормить? Безъ того не соберешь на подати.

Въ концѣ концовъ, она таки свела рѣчь на подати. Раза два уже она пѣлала видъ, что хочетъ уйти, но оба раза страшная тяжесть во всѣхъ членахъ приковывала ее къ мѣсту. А незнакомецъ, который то и дѣло отпивалъ изъ ея кувшина, обѣщая потомъ наполнить его, не уставалъ разспрашивать. Вначалѣ онъ говорилъ шутливо, словно дурачась, и желая упустить случая поболтать съ хорошенькой дѣвушкой, съ которой столкнула его судьба. Но, мало-по-малу, монотонность ея отвѣтовъ, тупое равнодушіе, сквозившее во всѣхъ ея рѣчахъ и жестахъ, настроили его иначе. Онъ сталъ серьезенъ, слушалъ внимательно, а когда она стала разсказывать о податяхъ и налогахъ, тяготѣвшихъ надъ ними, онъ глубоко задумался.

— Если бъ это зналъ король! Если бъ это знало правительство! — вскричалъ онъ вдругъ, перебивая ее.—Вѣдь это произволъ! Объ этомъ въ Римѣ ничего не знаютъ.

Рафаэлла бросила на него недовѣрчивый удивленный взглядъ и послѣ этого стала еще скупѣй на слова. Что онъ хочетъ сказать своимъ восклицаніемъ? Король? Правительство? Что общаго между ними и правительствомъ? У Фадолины на стѣнѣ висятъ раскрашенные портреты короля и королевы. Судя по этимъ портретамъ, королева молодая красивая блондинка, а король ходитъ въ формѣ и лицо у него такое серьезное, доброе. Но какое же дѣло королю и королевѣ до того, какъ имъ живется здѣсь въ Тинчино? И, вообще, столица—это такъ далеко. Никакого то правительства здѣсь надъ нами нѣтъ, есть только «дворянчики—шляпы». Послѣднее она сказала какъ бы про себя, причемъ углы ея рта искривились горькой улыбкой, пожала плечами и встала. Ей пора было идти. Солнце уже зашло за горы; по гранитнымъ стѣнамъ медленно ползли черныя тѣни; подымался вѣтеръ; стало прохладно. У нея весь день пропалъ даромъ—надо торопиться, чтобы попасть домой хоть къ ужину. За цѣлый день она ничего не собрала, кромѣ двухъ несчастныхъ лиръ, полученныхъ отъ Амброджіо, да и то ему кажется, что его ограбили, и она принуждена была дать ему крѣпкое слово, что вернетъ деньги; а завтра опять чуть свѣтъ придетъ «хромой».

Незнакомецъ пошелъ къ источнику, наполнилъ ея кувшинъ и опять привязалъ его къ палкѣ. При этомъ онъ заглянулъ ей въ глаза, какъ-то особенно—полупытливо, полусокрушенно.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ онъ.

Она сказала.

Онъ спросилъ также, гдѣ она живетъ и все это записалъ.

— Мы еще увидимся,—сказалъ онъ.

— А развѣ вы остаетесь здѣсь?—спросила она, впрочемъ, безъ особеннаго интереса.

— Да. Мнѣ нужно въ Джирдженти, но я вернусь. Сегодня я пойду въ Бальцо.

Она указала ему, куда идти. Имъ немного оставалось идти вмѣстѣ. Онъ шелъ сзади, по ея слѣдамъ, любуясь ея походкой, ея гибкой, стройной фигурой. Ему казалось, что въ этомъ дивномъ тѣлѣ таится скрытый огонь и, если вызвать его наружу, въ цѣломъ мірѣ не найдется ничего прелестнѣй и увлекательнѣй этой женщины. Но къ чему это дѣлать и какъ разбудить ее? Здѣсь все, земля и люди были покрыты словно налетомъ пепла, сѣраго, безотраднаго, словно Этна бросила сюда свои мертвящія массы шлака, подъ которыми вянетъ и замираетъ всякая жизнь; подъ этимъ пепломъ не видно даже искръ. Тяжкое рабство изъ рода въ родъ, однообразный поденный трудъ, равняющій человѣка съ машиной, подъ вѣчнымъ игомъ горя и нищеты внѣдрили въ сердца этихъ людей мрачную безнадежность, превратили ихъ въ тупое лѣнивое стадо, которое ничего не ждетъ и не желаетъ отъ грядущаго дня, кромѣ удовлетворенія своихъ животныхъ потребностей. Горячее состраданіе, безумный гнѣвъ кипѣли въ груди незнакомца.

— И это творенія Божіи, наши братья!—подумалъ онъ и снова чуть было не воскликнулъ:—и обо всемъ этомъ у насъ ничего не знаютъ, даже не подозрѣваютъ; до столицы, вѣдь, далеко!

Дойдя до того мѣста, гдѣ ему нужно было свернуть, Рафаэлла остановилась, чтобы проститься съ нимъ. Онъ протянулъ ей руку, поразительно бѣлую, тонкую руку, плохо гармонировавшую съ его внѣшностью, съ небрежнымъ, довольно поношеннымъ платьемъ; на рукѣ блестѣло широкое золотое кольцо съ камнемъ, очевидно, большой цѣны.

— Меня зовутъ Маріо Сарди,—сказалъ онъ.—И я благодарю тебя. До свиданія.

Слова эти звучали до странности торжественно.

— До свиданія,—отвѣтила она машинально и пошла.

Когда черезъ четверть часа на поворотѣ дороги дѣвушка обернулась, чтобы еще разъ посмотрѣть снизу на то мѣсто, гдѣ она оставила незнакомца, она, къ великому своему удивленію, увидѣла его все тамъ же. Онъ стоялъ неподвижно опершись на палку, и смотрѣлъ внизъ, на нее. Теперь, вѣроятно сообразивъ, что и она его видитъ, онъ даже махнулъ ей шляпой, словно посылая при-

вѣтъ или давая ей какой-то знакъ. Она не поняла, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, и пошла еще быстрѣй навстрѣчу сѣрому сумраку, выползавшему изъ долины. Среди окружающей тишины она явственно слышала біеніе своего сердца.

III.

«Хромой» опять пришелъ за «подымнымъ» и опять удовлетворился, по крайней мѣрѣ, на время частью взноса. Если они будутъ аккуратно платить всѣ другіе налоги, то съ этимъ онъ еще, пожалуй, можетъ потерпѣть, закрыть одинъ глазъ. Господа члены муниципалитета въ Бальцо будутъ, конечно, иного мнѣнія, и ему не легко будетъ оправдать себя въ ихъ глазахъ—ну, да ужъ такъ и быть: онъ всегда страдаетъ за свою доброту; начальство на него давно ужъ косится; слишкомъ, говоритъ, снисходителенъ. А что подѣлаешь, когда у него сердце жалостливое къ бѣднымъ людямъ, которымъ солоно достается жизнь, тогда какъ тѣ, что повыше...

Продолжая болтать, «хромой» расположился, какъ дома, въ чистой горницѣ и не выказывалъ никакого желанія уходить. Сдвинувъ на затылокъ фуражку съ вышитымъ серебромъ гербомъ муниципалитета на околышѣ, — единственный знакъ его службы—онъ сидѣлъ за столомъ, болтая здоровой ногой, положивъ локти на связку бумагъ и расчетныхъ книжекъ, вытащенную имъ изъ портфеля и подмигивая Рафаэллѣ. Дѣвушка, воспользовавшись свободной минутой, вытащила весь скудный запасъ бѣлья и платья, находившійся въ домѣ, и занялась починкой. Дѣдушка Карлино сидѣлъ въ своемъ креслѣ и машинально передвигалъ скрюченными пальцами, плетя рогожу.

Рафаэлла потомъ носила эти рогожи на рынокъ въ Бальцо и продавала ихъ по дешевой цѣнѣ. Цѣлые дни старикъ проводилъ въ этомъ креслѣ, по большей части одинъ; только въ хорошую погоду его выносили на воздухъ и сажали передъ дверью; и тутъ онъ съ утра до вечера плелъ рогожи, гладя сѣрую кошку, лежавшую у него на колѣняхъ, всегда спокойный и веселый; несмотря на его одиночество и заброшенность, эта веселость ни на минуту не измѣняла ему. Ему не давали ѣсть и пить до самаго вечера, пока другіе не вернутся съ работъ; но онъ никогда не жаловался, постоянно что-нибудь напѣвалъ про себя и сердился только, когда кашель мѣшалъ ему пѣть. Сегодня Рафаэлла осталась дома, чтобъ дожидаться хромого, который поклялся, что сейчасъ же приступитъ къ описи имущества, если найдетъ гнѣздо пустымъ, но къ полудню разсчитывала поспѣть въ латифундію и проработать до вечера, чтобы получить деньги хоть за полдня. Поэтому она нетерпѣливо ждала, когда уйдетъ хромой. Онъ, однако же, не собирался уходить, а она не смѣла сказать ему.

Въ концѣ-концовъ онъ спросилъ, нѣтъ ли у нея чего-нибудь поѣсть, напримѣръ, винограду;—этого лакомства онъ давно не пробовалъ. Отъ этой поганой службы устаешь такъ, что и ѣсть, и пить хочется до смерти. Рафаэлла не знала, шутитъ онъ или говоритъ серьезно. На его желтомъ, обрюзгшемъ лицѣ ничего нельзя было прочесть ясно; онъ смотрѣлъ хитро и вмѣстѣ добродушно; сѣдые щетинистые усы на его верхней губѣ постоянно топорщились и вздрагивали. Въ уголкахъ его глазъ такъ и свѣтилось желаніе хорошенько выпить; всѣ въ Тинчино знали, что лучшій способъ настроить его болѣе снисходительно, это—поднести ему стаканчикъ. Но у Даміани ужъ давнымъ давно не было въ домѣ и капли вина. Рафаэлла такъ ему и сказала, прибавивъ, что у нихъ и вообще-то ничего нѣтъ, кромѣ горсти каштановъ. Если онъ желаетъ...

Разумѣется, желаетъ. Съ голодухи чортъ погнался и за мухой. Да впрочемъ, онъ и не вѣритъ, чтобъ у нихъ дѣйствительно не было въ домѣ никакой ѣды. Они здѣсь, въ Тинчино, всѣ такъ говорятъ; знаетъ онъ ихъ, какъ свои пять пальцевъ. Иной клянется всѣми святыми, что у него нѣтъ гроша за душой, а стоитъ вынуть печать, чтобъ наложить арестъ на имущество,—глядишь, нашлись и двѣ три лиры бумажками, запрятанныя гдѣ-нибудь въ щели или

зашитыя въ платье. Пока Даміани въ состояніи держать козу...

Каштаны, принесенные Рафаэллой, частью уже подгнили, но «хромой» все-таки ѣлъ ихъ и Рафаэлла должна была смотрѣть, какъ ея запасъ, которымъ она разсчитывала накормить всѣхъ, постепенно исчезалъ, хрустя у него на зубахъ. Потомъ онъ вытащилъ изъ кармана куртки плоскую фляжку, сдѣлалъ нѣсколько глотковъ изъ нея и замѣтно повеселѣлъ.

— Да, недурно, а все же было бы лучше поѣсть, ну, хоть, напримѣръ, камбалы. Камбала, поджаренная въ маслѣ—прекрасная вещь! И Рафаэлла могла бы, еслибъ захотѣла, каждый день ѣсть камбалу и запивать бѣлымъ виномъ—самымъ лучшимъ виномъ, какое только можно достать въ этой мѣстности. Стоитъ ей только захотѣть.

Она не поняла его. Не смотря на всѣ его подмигиванія, она его не понимала; онъ должно быть пьянъ или же все это шутки, не имѣющія для нея никакого смысла. Но онъ вдругъ завелъ рѣчь о Ритѣ Берсани. Да, вотъ эта умна, эта знаетъ, гдѣ раки зимуютъ. Теперь Берсани позабыли о нуждѣ. Прежде бывало ни съ одной семьей въ Тинчино не приходилось столько возиться, какъ съ ними: чуть не каждый мѣсяцъ приходилось описывать имущество и при этомъ всегда ужаснѣйшія сцены, какія только можно себѣ представить. А теперь они сами даже до срока вносятъ налоги въ контору, такъ что ему, «хромому» незачѣмъ и ходить къ нимъ. Мать давно уже не работаетъ въ латифундіи—да и зачѣмъ ей! А отецъ, что ни вечеръ, то сидитъ у дона Чезаре въ шинкѣ и разыгрываетъ изъ себя барина. Почему нѣтъ, если можно себѣ позволить...

— Да,—сказала Рафаэлла и плюнула.—Рита Берсани сдѣлалась любовницей дона Баттиста Босси.

Дѣдушка Карлино тоже плюнулъ, хотя едва-ли понялъ, о чемъ шла рѣчь, и снова запѣлъ:

«Не будетъ господъ и рабовъ средь народа,
Довольно съ насъ!—Шляпы долой!»

«Хромой» разсердился: что за глупости! Есть изъ чего выводить исторію; если люди любятъ другъ друга—кому какое до этого дѣло? Въ одинъ прекрасный день Рита надѣнетъ шляпку, и тогда всѣ будутъ передъ ней лебезить и прислуживаться, а теперь воротятъ носы и бѣгаютъ отъ нея, какъ отъ чумы. Пусть только донъ Баттисто получитъ наслѣдство отъ дяди—поглядите, какъ онъ обставитъ Риту, она у него барыней заживетъ; въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Красивая дѣвушка въ наше время многаго можетъ достигнуть. А Рита Берсани далеко не такъ красива, какъ Рафаэлла. Почему бы и Рафаэллѣ не ходить въ шляпкѣ! Пусть только она предоставитъ это дѣло ему, «хромому»—онъ знаетъ въ Больцо, по крайней мѣрѣ, полдюжины молоденькихъ дворянчиковъ; если бы только они могли разсчитывать, что она обойдется съ ними ласково...

Рафаэлла еще разъ плюнула и продолжала штопать, не отвѣчая ни слова.

Тогда «хромой» перешелъ въ другой тонъ:

— Ну, ужъ эти Тинчинезки!—вотъ, онѣ всѣ такія—разыгрываютъ изъ себя неприступную добродѣтель; готовы, кажется, скорѣй издохнуть на улицѣ, какъ паршивая собака, чѣмъ протянуть хоть одинъ палецъ дворянину. А между собой такое говорятъ, что и сказать совѣстно! Онъ-то ужъ ихъ знаетъ; отъ него ничто не укроется; онъ всѣ ихъ хитрости наскозь видитъ. Взять хоть бы Ассуиту Луччези, ту, рыжеволосую—вѣдь прямо не вѣрится...

И онъ началъ разсказывать одну за другой самыя гнусныя исторіи. Можно было подумать, что онъ посвященъ во всѣ тайны, что обманутые мужья и покинутыя дѣрушки, не скрываясь, повѣряютъ ему свои горести. Да и на что ему ихъ откровенность; вѣдь, у него самого есть глаза и уши; когда такъ часто бываешь въ домахъ, какъ онъ—Боже мой, развѣ тутъ можно что-нибудь скрыть. Онъ, вѣдь, не сплетникъ, не переносчикъ; ему, что скажешь, то съ нимъ и умретъ, а люди что же? Люди всѣ одинаковы—это онъ по себѣ знаетъ. И когда его хотятъ убѣдить въ обратномъ...—Онъ стукнулъ широкой волосатой рукой

по бумагамъ такъ, что столъ затрясся; потомъ въ послѣдній разъ глотнулъ изъ фляжки и поднялся съ мѣста. Лицо его стало еще болѣе краснымъ и одутловатымъ, чѣмъ прежде.

Въ заключеніе, собирая разсчетныя книжки и укладывая ихъ въ портфейль, «хромой» охрипшимъ голосомъ крикнулъ, чтобы они получше присматривали за Ченцо. Самъ ужъ онъ давно слѣдитъ за этимъ парнемъ; на-дняхъ онъ чуть было не стянулъ у священника его любимаго кролика. Какъ вамъ это покажется? Воровать! Да еще у такой почтенной особы—за это можетъ здорово влетѣть. Да, да, есть свидѣтели—его видѣли, тутъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. И, вообще, съ нимъ дѣло не чисто. Откуда онъ беретъ деньги, чтобы платить за вино, когда отцу нечѣмъ платить податей? Не далѣе, какъ третьягодня, онъ опять былъ въ харчевнѣ, потомъ шлялся съ разными дѣвками, съ этой негодяйкой Карменой, — чтобъ ей провалиться сквозь землю! Онъ, «хромой», ее терпѣть не можетъ. Рафаэлла, вѣрно, знаетъ, почему? Словомъ, за парнемъ водятся грѣшки и смотрѣть за нимъ надо зорко, въ оба глаза, не то плохо будетъ.

Онъ нахлобучилъ на голову фуражку и мелкими шажками направился къ двери, тяжело волоча больную ногу. Рафаэлла вздохнула свободнѣе—наконецъ-то! Но онъ еще разъ обернулся и воззрился на нее своими зеленоватыми глазами.

— Что она о себѣ думаетъ? Къ чему стремится? Ужъ не въ монастырь ли собирается? Иначе къ чему бы эти вѣчныя шушуканья съ полоумнымъ пустынникомъ; но, вѣдь, и въ монастырь нищихъ не принимаютъ. Да и жалко, ей-Богу, жалко—такая молоденькая... «Хромой» хихикнулъ и хотѣлъ взять дѣвушку за подбородокъ, но она отшатнулась.— Не лучше ли вмѣсто этого подцѣпить молоденькаго дворянчика? А? Стоитъ только поручить это дѣло ему, «хромому». Что? Не охота? Ну, подумать-то все-таки не мѣшаетъ.

Когда Рафаэлла уклонилась отъ его прикосновенія, голосъ его вдругъ зазвучалъ насмѣшкой и угрозой.—Или, можетъ быть, она все еще ждетъ своего Чиро Эвола? Такъ пусть не воображаетъ, что онъ къ ней вернется — онъ, вѣдь, опять въ этихъ краяхъ, мерзавецъ; но чертъ его знаетъ, гдѣ онъ шатается и съ кѣмъ водится—пьяница, юбочникъ, прощалыга—только и знаетъ, что отлыниваетъ отъ работы. Положимъ, знать-то знаютъ, даже отлично знаютъ, какими онъ дѣлами занимается; за такими молодчиками зорко слѣдятъ. Не успѣетъ онъ оглянуться, какъ его опять сцапаютъ—будетъ знать, какъ бунтовать народъ. Здѣсь-то онъ много не нашутитъ. Рафаэлла, должно быть, и не знаетъ, что это за птица? Положимъ, здѣсь никто не знаетъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ; здѣсь люди живутъ, словно на лунѣ, или на необитаемомъ островѣ. Газетъ не читаютъ; ни до Бога имъ дѣла нѣтъ, ни до другихъ людей; живутъ, какъ скотина; только о томъ и думаютъ, какъ бы поѣсть да попить. Прямо стыдъ сказать. А Чиро Эвола какъ-разъ угодитъ на каторгу; этого ужъ ему не миновать

При этихъ словахъ онъ залился визгливымъ смѣхомъ, опять заковылялъ къ двери и вышелъ, на этотъ разъ ужъ окончательно. Дѣдушка Карлино, продолжая плести свою рогожу, тихо пѣлъ:

«Раскуемъ мы цѣпи, легче грудь вздохнетъ,
Къ чорту произвола ненавистный гнетъ!»

Какъ бы въ отвѣтъ ему, въ окно безъ стеколъ донеслась брань уходившаго «хромого».

Рафаэлла страшно торопилась, ей нужно было поспѣть въ Баррофранку раньше, чѣмъ кончится обѣденная передышка. Она вынесла старика за двери и посадила его такъ, чтобы солнышко пригрѣвало его парализованные члены, а голова, защищенная выступомъ стѣны, оставалась въ тѣни. Его монотонное пѣніе неслось за нею вслѣдъ, когда она спускалась по каменистой тропинкѣ; она уже не думала о нахальной болтовнѣ пьянаго сборщика податей, не думала и о томъ, что онъ ушелъ, разсердившись, что скоро онъ можетъ быть опять вернется и тогда уже не будетъ такъ

снисходителенъ, какъ былъ сегодня. Ей достаточно было знать, что сегодня она его не увидитъ. Когда онъ ушелъ, она вздохнула свободнѣе. Думать о завтрашнемъ днѣ она не привыкла; каждый день приносилъ съ собой столько тягостей и заботъ, что заполнялъ собою всѣ ея мысли, а жизнь, полная труда и нищеты, сдѣлала ее слишкомъ тупой и безучастной, чтобы она стала еще бояться за будущее. Чему суждено быть, то и будетъ. Св. Дѣва лучше знаетъ, зачѣмъ и для чего такъ дѣлается.

Внизу, въ Баррофранкѣ, на поляхъ латифундіи царила полуденная тишина. Работники густыми рядами лежали въ тѣни хозяйственныхъ построекъ, вытянувшихся въ одну длинную линію и съ жадностью пожирали принесенную съ собой ѣду—черствый хлѣбъ, сухія маисовыя лепешки, пахтанье или плоды, стараясь устроиться такъ, чтобъ у нихъ осталось еще хоть немного времени поспать, лежа пластомъ на животѣ и спрятавъ лицо въ ладони. Стоило имъ только принять это положеніе, какъ они моментально засыпали; иной едва успѣетъ разгрызть послѣдній кусокъ, проглотить послѣдній глотокъ воды,—и ужъ храпитъ, не обращая вниманія на стукъ и звяканье посуды вокругъ, на ржанье лошадей, запряженныхъ въ плуги и на громкіе окрики, проносившіеся иногда изъ конца въ конецъ надъ длиннымъ рядомъ вытянувшихся вдоль бѣлой стѣны человѣческихъ фигуръ. Впрочемъ, окрики слышались рѣдко; большинство и ѣли, и укладывались молча. Веселыхъ разговоровъ, шутокъ и смѣха гдѣ не было слышно. Говорили только объ необходимомъ. Каждый угрюмо и подозрительно слѣдилъ за сосѣдомъ, чтобы тотъ какъ-нибудь не стянулъ у него частицы его скуднаго запаса; каждый старался выиграть время для сна. Только тамъ, гдѣ цѣлая семья собралась около одного кувшина или одной краюхи хлѣба, тамъ ссорились, тамъ слышались брань и проклятія.

Надсмотрщики расположились въ сторонкѣ съ удобствами вокругъ походной палочки содержимой однимъ изъ мелкихъ субдаторовъ, пили вино и заѣдали, кромѣ хлѣба, который рѣзали ножомъ и кусочки надѣвали на остріе, какъ на вилку, еще козьимъ сыромъ и тонкими, свернутыми въ трубочку ломтиками сальми *); нѣкоторые курили сигары. Всѣ они были въ высокихъ сапогахъ, всѣ толпились вокругъ походной лавочки въ самыхъ непринужденныхъ позахъ и то и дѣло подзывали къ себѣ кивкомъ головы то одну, то другую молоденькую поденщицу, чтобъ дать ей отпить изъ своего стакана или подѣлиться съ ней лакомымъ кускомъ. Это сопровождалось тихимъ смѣхомъ, шептаньемъ на ухо и грубыми шутками; иная дѣвушка противилась, когда надсмотрщикъ пытался обнять ее. Нерѣдко, при видѣ этого, въ глазахъ кого-нибудь изъ отдыхающихъ рабочихъ вспыхивала искра гнѣва и съ губъ срывалось беззвучное проклятіе, но скоро апатія и сонливость брали верхъ, и надъ спящими царило безмолвіе.

Донъ Джозуэ, и за ѣдой не выпускавшій изъ рукъ часовъ, чтобы какъ-нибудь не пропустить лишней минуты сверхъ срока, положеннаго для отдыха, видѣлъ, какъ подошла Рафаэлла, и повелительнымъ жестомъ подозвалъ къ себѣ. На немъ была сильно потертая оливковая бархатная куртка и такіе же штаны, засунутые въ высокіе козловые сапоги; подъ курткой ярко красный, нѣсколько разъ обмотанный вокругъ тѣла поясъ и конусообразная войлочная шляпа съ узкими полями, между тѣмъ какъ рабочіе, да и большинство надсмотрщиковъ были въ шапкахъ или въ колпакахъ съ отвернутыми краями, а то и совсѣмъ безъ шапокъ. Донъ Джозуэ былъ широкоплечъ, приземистъ; густые сѣдые усы дѣлили его толстое морщинистое лицо на двѣ равныя половины. Онъ смотрѣлъ брюзгой, имѣлъ маленькіе, косые, всегда угрюмые глазки и вѣчно держалъ обѣ руки въ карманахъ штановъ. Послушать его—такъ можно было подумать, что ему каждый день угрожаетъ голодная смерть. При работникахъ онъ никогда не пилъ вина, ѣлъ мало, и вѣчно повторялъ, что эти налоги съѣдятъ его. Рабочимъ-то

*) Сухая колбаса.

хорошо, что имъ дѣлается? Онъ хоть сейчасъ готовъ помѣняться съ ними—получаютъ себѣ опредѣленное жалованье, только съумѣй распредѣлить его такъ, чтобъ на все хватило, велика важность заплатить нѣсколько сольдй налога? Но онъ при всемъ усердіи, при всей бережливости, чего онъ можетъ добиться? Даже обезпеченнаго куска хлѣба не добьется. Государству плати, общинѣ плати; а откуда все это взять? Тутъ никакихъ силъ не хватитъ; онъ не знаетъ ни минуты покоя. Урожаи плохіе, тамъ градъ побилъ, тамъ ненастье помѣшало убрать во-время, поденщики работаютъ спустя рукава,—всѣ они подлые лѣнтяи, безъ кнута ни одинъ и пальцемъ не шевельнетъ, а жалованье, все-таки, подавай каждую субботу и за каждый малѣйшій вычетъ—глядишь ужъ насупились, ужъ грозятъ! До него никому дѣла нѣтъ, о немъ никто не спроситъ: осталось ли у него что-нибудь, или онъ своего доложилъ. Управляющимъ что! Они себѣ, знай, кладутъ въ карманъ денежки за аренду; живутъ въ Джирдженти и думать забыли о сельскихъ работахъ и поземельныхъ налогахъ; живутъ себѣ, припѣваючи. Но кто, какъ онъ, беретъ въ аренду какой-то несчастный клочекъ земли изъ третьихъ рукъ, вотъ тотъ знаетъ, что значитъ выжимать себѣ ежедневно изъ этой земли кусокъ насущнаго хлѣба; на вино-то, вѣдь, не хватаетъ—какое ужъ тутъ вино!

По вечерамъ, когда донъ Джозуэ на своемъ длиннохвостомъ узкогрудомъ конькѣ рысцой ѣхалъ домой изъ латифундіи въ Бальцо, видъ у него всегда былъ такой, какъ будто бы онъ возвращается съ похоронъ, или же съ радостью разрядилъ бы ружье, висѣвшее у него за спиной, прицѣлившись въ перваго встрѣчнаго. А между тѣмъ никто не хотѣлъ вѣрить, что у него дѣла идутъ плохо. Ходили слухи о томъ, что габелоттъ *), у котораго онъ снялъ землю въ аренду изъ вторыхъ рукъ, былъ любовникомъ его жены и потому никогда не стѣснялъ его въ срокахъ платежа аренды. Притомъ же его надсмотрщики, какъ водится въ этихъ мѣстахъ, работали у него исполу; да и половина рабочихъ по контракту получала вознагражденіе только овощами и продуктами жатвы. Такимъ образомъ, чистыми деньгами приходилось ему платить немного.

Несчастье дона Джозуэ заключалось въ томъ, что латифундія была отдана въ аренду не наслѣдственно изъ рода въ родъ одному арендатору, но отдавалась по контракту всего на девять лѣтъ; габелотта, арендовавшій ее, съ своей стороны сдавалъ ее въ аренду по кускамъ уже всего на четыре или на пять лѣтъ и не думая вводить какія бы то ни было улучшенія и вообще вкладывать деньги въ хозяйство. Изъ за этого между мелкими и крупными арендаторами шла вѣчная война: первые постоянно предъявляли требованія и настаивали на выполненіи ихъ, ибо земля, истощенная вѣками безжалостной хищнической эксплоатаціей, теряла всякую силу и отказывалась родить. А между тѣмъ арендатору необходимо было вытянуть изъ нея столько, чтобы хватило на покрытіе всѣхъ налоговъ и денежныхъ обязательствъ и еще и на жизнь. Требованія же эти почти всегда отклонялись, ибо габелотты не хотѣли тратить деньги на землю, которая черезъ нѣсколько лѣтъ, быть можетъ, не будетъ принадлежать имъ. Они сами не были увѣрены въ будущемъ и заботились только о томъ, чтобы въ теченіе аренднаго срока извлечь какъ можно больше выгоды изъ латифундіи, и не чуть не заботились о томъ, въ какомъ состояніи они передадутъ ее своему преемнику и, вообще, что станется съ землей, до которой имъ, въ сущности, было никакого дѣла.

Поэтому всѣ постройки на латифундіи давно уже обветшали и готовы были развалиться. Никто не хотѣлъ тратить деньги на ремонтъ и, тѣмъ болѣе, на улучшеніе хозяйства или на закупку орудій и машинъ, отвѣчающихъ современнымъ требованіямъ раціональной полевой культуры. Каждый былъ занятъ только тѣмъ, какъ бы вытянуть

*) Первый арендаторъ, берущій въ аренду все имѣніе и раздающій его по кускамъ.

земли за время своего хозяйничанья на ней все, что только возможно, все, что она въ силахъ дать; изъ нея высасывали послѣдніе соки, ничѣмъ ее за это не вознаграждая, даже не обрабатывая ее какъ слѣдуетъ и не давая ей отдыха. Всѣ эти земледѣльцы не любили земли, которую они пахали и съ которой снимали жатву, не жалѣли ее, не срослись съ ней душою. Они видѣли въ ней не кормилицу свою и благодѣтельницу, но враждебную силу, съ которой они принуждены были бороться съ суровымъ упорствомъ и мрачнымъ лицомъ,—бороться, вынуждая ее дать имъ необходимое для жизни. Затраты производились только самыя необходимыя, только въ томъ случаѣ, когда требовалось предотвратить явные убытки, или такія, безъ которыхъ продолжать хозяйство было бы уже совсѣмъ невозможно. Да и то, гдѣ только возможно, эти неизбѣжныя издержки возлагались на мелкихъ арендаторовъ, за счетъ которыхъ и производился ремонтъ. Даже убѣжденіе, что при умѣренныхъ затратахъ, которыя съ лихой окупились бы черезъ нѣсколько лѣтъ, можно было бы значительно повысить производительность почвы и качество продуктовъ, — даже это убѣжденіе не могло побудить арендаторовъ къ какой бы то ни было реформѣ.

Земледѣльческія орудія въ латифундіи употребляли самыя первобытныя, какія только можно себѣ представить. Такія самыя орудія были въ ходу въ началѣ этого столѣтія, когда въ одинъ прекрасный день земледѣльцы по всему острову Сициліи съ косами и мотыками на плечами пошли мятежемъ противъ короля Фердинанда IV. Только съ тѣхъ поръ эти орудія отъ старости и долгаго употребленія стали почти совсѣмъ негодными, а истощенная земля требовала совсѣмъ другихъ орудій, чтобы давать хоть приблизительно столько, сколько она давала тогда. Машинъ здѣсь и не видывали. Скотъ сплошь и рядомъ находился въ самомъ жалкомъ состояніи, но ни одинъ изъ мелкихъ арендаторовъ не кормилъ его какъ слѣдуетъ, зная, что рано или поздно весь инвентарь долженъ перейти къ его преемнику. И здѣсь принципъ былъ тотъ же самый—вытягивать все, что можно, ничѣмъ за это не вознаграждая. При такихъ условіяхъ качество продуктовъ, съ каждымъ годомъ ухудшалось, а вывозъ ихъ становился почти невозможнымъ. Хозяйственныя постройки разваливались, въ хлѣвахъ и конюшняхъ грязь стояла невообразимая. Заставить габелотти предпринять какую-либо новую постройку было положительно невозможно. Прижатый къ стѣнѣ, донъ Джозуэ не разъ предлагалъ принять на себя половину издержекъ, лишь бы только выстроить новую ригу, но ему отказали наотрѣзъ, говоря, что тамъ, гдѣ на землѣ нѣтъ ни господъ, ни слугъ, каждый долженъ спекулировать за свой счетъ; габелотти не согласился даже ссудить денегъ на постройку. Такимъ образомъ дону Джозуэ, дѣйствительно, приходилось спать не на розахъ и жилось ему нисколько не лучше мелкихъ арендаторовъ вообще и не лучше всѣхъ тѣхъ, кто подъ его начальствомъ извлекалъ свое пропитаніе изъ латифундіи, не чувствуя съ нею никакой внутренней связи. Разница была только въ томъ, что на этой лѣстницѣ каждый, по мѣрѣ силъ, высасывалъ соки изъ того, кто стоялъ ступенькою ниже, и для поденщиковъ не оставалось уже ровно ничего.

Сегодня донъ Джозуэ былъ въ особенно дурномъ расположеніи духа и, подозвавъ къ себѣ Рафаэллу, разразился цѣлымъ потокомъ брани.

— Этого еще не доставало! Приходить, когда вздумается, послѣ двѣнадцати и потомъ требовать платы за полдня. Ну, ужъ это дудки. Пусть она не воображаетъ себѣ, что можетъ его одурачить. Дни теперь слишкомъ коротки для того, чтобы послѣдніе свѣтлые два три часа считать за полдня. Если желаетъ, пусть беретъ шесть сольди и принимается за работку, а нѣтъ—можетъ уходить домой, не тратя словъ, потому что онъ своему слову господинъ и больше объ этомъ и говорить не стоитъ. Да и вообще въ ней здѣсь не нуждаются,—и въ ней, и во многихъ другихъ. До сихъ поръ онъ держалъ ихъ чисто изъ жалости — никуда негодныхъ, лѣнивыхъ,

хворыхъ и стариковъ—такихъ здѣсь цѣлая куча. Ну, а теперь будетъ, довольно! Теперь зима, рабочихъ рукъ много не нужно—куда ему этакую уйму платныхъ рабочихъ? Не далѣе, какъ завтра или сегодня онъ уволитъ всѣхъ лишнихъ, въ томъ числѣ и ее, Рафаэллу. Она и такъ черезъ два дня въ третій не ходитъ на работу подъ самыми вздорными предлогами. Да и донъ Северино давно уже на нее жалуется: упрямая, говоритъ, и строптивая. Такихъ работницъ нельзя держать. И такъ, если угодно, сегодня за шесть сольди, а затѣмъ она можетъ искать себѣ другой работы.

Рафаэлла вся съежилась, будто пришибленная. Этого только недоставало! Остаться безъ работы! Потому что какъ же иначе понять эти слова? За какое же дѣло она можетъ взяться, если ей не дадутъ работы въ латифундіи. И почему именно ее уволить? Вѣдь это не правда, что она лѣнивая работница. И если донъ Северино плохо о ней отзывается, такъ у него на это свои причины—она догадывалась, что за причины. Она никого не подпускала къ себѣ близко, какъ это дѣлаютъ другія дѣвушки,—въ томъ числѣ и дона Северино. Но теперь, зимой остаться безъ работы...

Она смиренно протянула обѣ руки, къ дону Джозуэ, какъ бы съ мольбой. Не можетъ быть, чтобъ онъ говорилъ серьезно. Даміани споконъ вѣку работаютъ на латифундіи: и отецъ ея, и дѣдъ, съ самаго ранняго дѣтства; они и не знаютъ другой работы; они уже свыклись съ этой; при нихъ перемѣнилось по крайней мѣрѣ пять арендаторовъ. И какъ разъ теперь, когда муниципалитетъ только что повысилъ налоги...

Она вдругъ, неожиданно для самой себя, сдѣлалась краснорѣчивой: слова такъ и сыпались у нея—откуда что бралось. Но донъ Джозуэ не вынималъ рукъ изъ кармановъ своихъ заношенныхъ, лоснящихся штановъ. Къ чему вся эта болтовня? Ему-то какое дѣло? Да хоть бы они работали въ Барроффанкѣ еще при Карлѣ пятомъ—онъ-то тутъ причемъ? Теперь онъ здѣсь господинъ и какъ онъ скажетъ, такъ и будетъ. А что касается налоговъ, такъ, вѣдь, въ налогахъ-то все и дѣло. Это дурачье—мужики воображаютъ, что налоги изобрѣтены спеціально для нихъ. А, вѣдь, онъ-то страдаетъ еще въ тысячу разъ больше ихъ. Оттого-то онъ и долженъ ограничить себя; уменьшить число рабочихъ, понизить плату. Иначе хоть пропадай. Однимъ словомъ, сказано — и баста! Впрочемъ,—тутъ донъ Джозуэ принялся разглаживать густые сѣдые усы растопыренной рукой, на которой кожа у суставовъ ложилась складками, какъ у черепахи — впрочемъ, если она готова довольствоваться малымъ, — больше-то онъ при всемъ желаніи не можетъ дать— или согласна получать плату натурой тогда еще, пожалуй, онъ согласенъ подумать.

Онъ говорилъ безъ удержу, безъ подчеркиваній, безъ остановокъ, а Рафаэлла слушала и взглядъ ея тупо блуждалъ по далеко раскинувшейся передъ нею равнинѣ, окаймленной обнаженными горными склонами. Подъ палящими лучами полуденнаго солнца, въ дымкѣ которыхъ тонулъ горизонтъ, она казалась безконечной пустыней. Только вдали виднѣлись на темномъ фонѣ свѣтлыя точки тамъ паслись огромные круторогіе быки они одни только и оживляли пейзажъ. Помимо этого, на равнинѣ не замѣтно было признаковъ жизни.

Въ воздухѣ стоялъ тяжелый запахъ свѣже-вспаханной земли, заглушавшій и запахъ лука, водки и прогорклаго жира, выходившій изъ лавочки, заглушавшій даже испаренія залущенныхъ хлѣбовъ и конюшенъ, пробивавшійся сквозь огромныя щели въ стѣнахъ.

Столько пахотной земли, которая тянется туда еще далеко-далеко, до первыхъ отроговъ предгорья, — землю, которую взрываютъ только лопаты отдѣльныхъ работниковъ, и надъ ней такое ясное небо, такое яркое солнце, льющее потоки горячихъ лучей, которыя проникаютъ въ землю и будятъ зародыши... безконечное пространство земли! И неужели же сотня-другая людей не могли бы заработать на этой землѣ кусокъ насущнаго хлѣба, если бы они только захотѣли?

Можетъ быть, подобная мысль, хотя туманная и неясная, не сложившаяся въ опредѣленную форму, мелькнула въ головѣ дѣвушки, а можетъ, быть ей просто стало страшно этой безконечной равнины, лежавшей передъ нею, какъ враждебная сила, отъ которой ей суждено было погибнуть. Потомъ она слегка вздрогнула. Получать жалованье натурой—она знала, что это значитъ. Даютъ все самое худое, испорченное, а на счетъ ставятъ по рыночной цѣнѣ. Изъ овощей даютъ только такіе, которые не годятся въ продажу. Нѣтъ, нѣтъ,—все, только не это. Сколько разъ уже на ея глазахъ начинались болѣзни между рабочими, которые получали жалованье натурой. Лучше ужъ работать за половинную плату да получать деньги на руки! И она, запинаясь пробормотала что-то въ этомъ родѣ.

Донъ Джозуэ уже приставилъ ко рту свистокъ и огласилъ воздухъ рѣзкимъ, пронзительнымъ свистомъ; рабочіе, спавшіе у стѣны вскочили, какъ встрепанные. Донъ Джозуэ хлопалъ въ ладоши, крича: «живѣй, живѣй!» Надсмотрщики, еще толпившіеся у лавочки, опрокидывали себѣ въ ротъ остатки вина изъ стакановъ, поправляли шапки на головѣ и отирали съ бороды капли. Поднялась страшная суета, бѣготня и давка.

— Ну?—спросилъ донъ Джозуэ, и опять засунулъ руки въ карманъ, окидывая хозяйскимъ взоромъ весь этотъ живой человѣческой клубокъ.

— Давайте, что хотите,—въ испугѣ вскричала Рафаэлла,—только чистыми деньгами! И оставьте меня на службѣ.

— Ладно. Значитъ, за половинное жалованье? Можешь оставаться. Смотри, въ другой разъ не спущу. А теперь, живо за работу!

Увлекаемая толпой, дѣвушка, почти бѣгомъ, бросилась къ своему мѣсту.

Еще нѣсколько времени раздавались громкіе бранные окрики; надсмотрщики ругались и топали ногами, потомъ все пришло въ порядокъ. Тощія съ длинными шеями клячи потащили плуги по бороздамъ, понукаемые и голосомъ, и бичемъ. Удары сыпались на нихъ градомъ; коротенькія плетеныя нагайки такъ и ходили по торчащимъ наружу бедрамъ и острымъ хребтамъ лошадей. Казалось, рабамъ земли доставляло наслажденіе знать, что есть твари, которыхъ и они могутъ мучить; это какъ бы возвращало имъ давно утраченное право сознавать себя человѣкомъ. Длинными вереницами тянулись рабочіе по темнымъ бороздамъ вспухшей земли; передніе доходили почти до самыхъ склоновъ горы.

Тамъ и сямъ между ними разъѣзжали надсмотрщики на маленькихъ клепперахъ, подметавшихъ землю хвостами. Рабочіе шагали медленно, согнувшись въ три погибели и почти не разгибаясь; издали ихъ трудно было отличить отъ огромныхъ комьевъ земли, среди которыхъ они двигались, тѣмъ болѣе, что почти всѣ они были одѣты въ куртки изъ домотканнаго чернаго сукна, изношенныя, грязныя, въ заплатахъ; даже лица ихъ казались земляного цвѣта, словно на нихъ легъ отпечатокъ стихіи, съ которой они были связаны неразрывно, не внутренней любовной связью, а внѣшними узами.

Они работали равномѣрно, молчаливо и безучастно. Какое имъ было дѣло до того, что они сѣяли и садили? Мѣстами, тамъ, гдѣ отдѣльныя поля были отгорожены другъ отъ друга колючими изгородями, рабочіе иногда останавливались и отдыхали, незамѣченные надсмотрщиками. Здѣсь они разгибали спину и выпрямлялись, чтобъ перевести духъ, или же, тяжело дыша, кидались на землю, чтобы хоть нѣсколько секундъ полежать, вытянувшись.

Долго отдыхать не приходилось; надсмотрщики знали уловки рабочихъ и часто ловили ихъ на мѣстѣ преступленія. Сегодня, противъ обыкновенія, по рядамъ то и дѣло проносился тихій говоръ, слово, сказанное однимъ, передавалось другому и соединяло отдѣльныя звенья въ одну неразрывную цѣпь. Въ тѣни могучихъ кактусовъ, съ сѣрыми отъ налипшей земли стволами, съ плоскими мясистыми колючими листьями слышались даже хриплыя восклицанія, сопровождаемыя вздохами; по временамъ въ потухшихъ глазахъ этихъ людей зажигались молніи гнѣва. Налоги увели-

чили! Новую дорогу строить будутъ! Вотъ о чемъ гнѣвно говорили и рѣчи, и взоры. Но не долго длились вспышки: искры гасли подъ налетомъ сѣрой пыли и снова на лица ложился привычный отпечатокъ тупого равнодушія, тяготѣвшаго невидимымъ игомъ надъ этими тружениками. Передернетъ человѣкъ плечами, хрипло вздохнетъ и снова принимается за свой однообразный тоскливый трудъ.

Солнце стояло уже низко надъ горными склонами, косые лучи его обливали поле горячимъ свѣтомъ, и въ этомъ свѣтѣ особенно ярко надъ темными бороздами выдѣлялись красныя шапки рабочихъ; казалось, равнина вся была усѣяна огненными точками.

Со всѣхъ лицъ градомъ катился потъ. Пахари окриками подгоняли лошадей; въ воздухѣ стономъ стояла брань надсмотрщиковъ, въ перемежку съ ржаніемъ лошадей и глухимъ ревомъ упряжныхъ муловъ.

Вдругъ посрединѣ поля произошла какая-то задержка—смятеніе. Одинъ изъ рабочихъ безъ чувствъ свалился на землю; это былъ старикъ; его знали всѣ: Джакомо Рапинелли. Онъ не могъ больше выдержать. Ему давно ужъ слѣдовало оставить работу; онъ былъ и дряхлъ, и хилъ. Его непрестанный кашель уже давно былъ мученіемъ для тѣхъ, кто шелъ впереди и позади его, и никогда онъ не могъ идти вровень съ другими, вѣчно отставалъ и черезъ это выходили задержки и безпорядокъ. Ну, вотъ, и случилась бѣда — старый дуракъ самъ себя наказалъ за упрямство. Впрочемъ, сегодня это былъ уже второй случай обморока. Около полудня свалилась одна изъ женщинъ, тоже посреди поля.—вскрикнула и упала замертво. Ее звали Луиджіа Галли; она только недѣлю назадъ родила, а сегодня уже опять вышла на работу. Пока ее поднимали, донъ Северино все время ворчалъ себѣ въ бороду: «Непростительное легкомысліе! Вотъ, живутъ люди— чисто какъ скотина!» А теперь опять старикъ. Лѣтомъ такія вещи были не въ диковинку. Косцамъ приходилось работать иногда по шестнадцати часовъ подъ-рядъ подъ африканскимъ зноемъ, на безлѣсной, сдавленной горами равнинѣ, не имѣя даже свѣжей воды для питья, чтобы хоть немного подкрѣпить свои силы,—ну, и валились каждый день двое трое отъ солнечнаго удара, или просто выбившись изъ силъ. Это никого не пугало, не задерживало другихъ, не вызывало смятенія. Всѣ знали, какъ въ такихъ случаяхъ поступать съ обморочными — два-три глотка воды, въ большинствѣ случаевъ, скоро возвращали упавшаго къ жизни, а нерѣдко, и къ работѣ. Пораженныхъ солнечнымъ ударомъ закапывали по шею въ землю, или растирали до тѣхъ поръ, пока они не приходили въ себя. Смертью кончалось очень рѣдко. Правда, большинство сами того не зная, выносили изъ этого зародыши болѣзни, которая сказывалась только позже и нерѣдко приводила ихъ къ безвременной смерти, но на это никто не жаловался; всѣ знали, что такъ всегда было и иначе быть не можетъ. Но теперь, въ началѣ зимы такіе случаи производили удручающее впечатлѣніе.

Тотчасъ же къ мѣсту катастрофы прискакалъ донъ Северино на загнанной, обливающейся потомъ лошади и велѣлъ поскорѣе убрать старика, чтобы не наступило большой задержки въ работѣ. Онъ былъ внѣ себя. Чего ради этакія кровныя мощи тащатся на работу въ поле? Лежалъ бы себѣ дома на соломѣ и ждалъ спокойно смерти; такъ нѣтъ же, до послѣдней минуты хочетъ зарабатывать деньги и отбивать у другихъ кусокъ хлѣба. Какая отъ него польза? Только слава одна, что работаетъ; а потомъ, какъ свалится такой старикашка, сейчасъ начинаются ахи, и охи, и жалобы, точно они заставляютъ поденщиковъ работать черезъ силу, съ одного вола двѣ шкуры дерутъ. Ну, да ладно — скоро настанетъ ихъ чередъ дивиться; довольно ужъ имъ сходило съ рукъ: этакъ хозяйничать невозможно; съ сегодняшняго же дня всякимъ поблажкамъ конецъ. По крайней мѣрѣ, треть рабочихъ будетъ удалена. Инвалидовъ и лѣнтяевъ здѣсь не нужно. Да и помимо того, развѣ мало навязалось такихъ, которыхъ держатъ только изъ жалости, потому что имъ негдѣ найти себѣ другую работу. Будетъ, достаточно

Донъ Джозуэ потомъ отберетъ тѣхъ, кого можно оставить на службѣ на прежнихъ условіяхъ да еще десятка два другихъ, особенно женщинъ, переведетъ на половинную плату, а всѣ остальные могутъ убираться къ чорту. Латифундіи не убѣжище для убогихъ и немощныхъ; такія безобразія, какъ сегодня, не должны повторяться. А теперь за работу—живо! Онъ самъ съѣздитъ посмотрѣть на старикашку; пожалуй, еще придется посылать за священникомъ.

И съ грубымъ смѣхомъ донъ-Северино поскакалъ дальше. И снова задвигались по чернымъ бороздамъ длинные ряды рабочихъ, безмолвно и мѣрно, словно машины. Часы шли за часами: солнце уже скрылось за краемъ горъ; надъ полями повѣяло сыростью и холодомъ; мѣстами съ земли поднимался серебристый туманъ. А свистка, возвѣщавшаго объ окончаніи работъ, все еще не было слышно. Всѣ давно насторожились, прислушиваясь. Рабочіе шагали медленно, едва переставляя ноги; движенія ихъ были вялыя, машинальныя. Краски заката потускнѣли; все стало какое-то унылое, сѣрое; вдали едва можно было различить очертанія горъ, лишь изрѣдка пасшіеся вдали быки выдѣлялись бѣлыми точками на фонѣ надвигавшихся сумерекъ.

Снова по рядамъ пошелъ глухой говоръ: что такое сказалъ донъ-Северино? Такъ, значитъ, правда то, о чемъ они ужъ нѣсколько дней шептались по угламъ, что всѣхъ слабыхъ и болѣзненныхъ уволятъ, лишатъ работы? Правда, что большинство остальныхъ, въ особенности женщинъ, посадятъ на половинную плату? И это теперь, когда идетъ зима, когда правительство увеличиваетъ налоги? Кого же уволятъ?

Всѣ вдругъ почувствовали себя сильными и здоровыми; всѣ вдругъ ощутили горячую привязанность къ землѣ, которою они раньше не интересовались и которую ненавидѣли; всѣ вдругъ полюбили привычную работу которую проклинали раньше, потому, что изводились надъ нею. Никто не хотѣлъ уходить, никто не хотѣлъ разставаться съ нею.

Наконецъ, надъ полями пронесся свистъ, рѣзкій и пронзительный, заглушая лошадиный топотъ, глухой стукъ отъ паденія комьевъ, окрики и лязгъ желѣза. Какъ бы по волшебству, лошади стали, руки опустились, заступы и мотыги сдѣлались неподвижными. Здѣсь ни у кого не было охоты и пальцемъ шевельнуть лишній разъ, помимо обязательной работы! Усталые, согбенные, едва передвигая ноги, рабочіе гуськомъ брели къ хозяйственнымъ постройкамъ съ тѣмъ, чтобы забрать оставленные тамъ куртки, кувшины и посуду и отправиться домой. Но донъ Джозуэ еще разъ свистнулъ, чтобы собрать ихъ всѣхъ вокругъ себя, и тутъ имъ пришлось-таки выслушать то, чему они все еще не хотѣли вѣрить.

Латифундія не можетъ содержать такое полчище рабочихъ: останутся только самые сильные и работящіе; остальные могутъ, если угодно, работать за половинную плату, или же уходить; а кто не годится для полевыхъ работъ, тотъ и безъ всякихъ разговоровъ будетъ уволенъ. Переборка произойдетъ теперь же; дѣти и старики всѣ увольняются; женщины могутъ быть терпимы только за половинную плату. Кому это не по душѣ, тотъ можетъ получить свое жалованье за день и отправляться на всѣ четыре стороны. Тѣ же, кто согласенъ подчиняться этимъ распоряженіямъ, пусть подходятъ по очереди, одинъ за другимъ, каждый къ своему надсмотрщику; тотъ уже имъ скажетъ, что кому слѣдуетъ.

Водворилась глухая тягостная тишина. Никто не двигался, не подавалъ голоса. Только старый Джакомо Ропинелли, возвращенный къ жизни нѣсколькими глотками водки, стоя въ сторонѣ и дрожа, пугливо озирался на густо сплотившуюся толпу и, приложивъ ладонь къ уху—онъ былъ глухъ, спрашивалъ беззубымъ ртомъ: «Что онъ такое сказалъ, Юстина? Что онъ сказалъ?»

— Что тебя больше нельзя держать на латифундіи, отецъ—былъ отвѣтъ.—И тебя уволятъ, и многихъ другихъ.

Это было сказано грубо, но безстрастно. Въ вопросѣ отца звучалъ испугъ; въ отвѣтѣ дочери одна тупая покор-

ность, но ни тѣни упрека, негодованія. И нигдѣ въ этой толпѣ не раздавалось укоровъ. Обидная новость, казалось, не нашла отголоска въ ихъ душахъ; они приняли ее, какъ нѣчто обыденное, какъ приказъ, которому нужно повиноваться, противъ котораго нельзя возражать. А между тѣмъ для многихъ это былъ смертный приговоръ, выслушанный ими въ угрюмомъ молчаніи.

Лишь мѣстами встрѣчались двѣ пары глазъ и метали молніи изъ подъ нахмуренныхъ бровей да губы шептали беззвучныя проклятія, или тяжелый вздохъ вырывался изъ глубины тоскующей груди. Началась сортировка. Одинъ за другимъ подходили рабочіе, чтобы узнать свою участь, и затѣмъ отходили. Рѣзко, сурово и однотонно звучали слова надсмотрщиковъ. Можно было подумать, что это сортируютъ животныхъ.

— На будущее время можешь сидѣть дома!—За половинную плату!—Остаешься на службѣ!

— Эти фразы такъ и срывались съ устъ надсмотрщиковъ, такъ и не сошедшихъ съ лошадей. И ни разу изъ этой проходившей передъ ними толпы не вырвалось громкаго протеста, возраженія, просьбы.

Рафаэлла тоже вмѣшалась въ толпу. Медленно, шагъ за шагомъ подвигаясь впередъ, она смотрѣла въ ту сторону, гдѣ стоялъ донъ Джозуэ, горячо разговаривавшій о чемъ-то съ молодымъ высокимъ и стройнымъ незнакомцемъ. Она еще раньше, съ поля видѣла, какъ этотъ незнакомецъ подошелъ къ арендатору. Она не оторвалась отъ работы, чтобы лучше разсмотрѣть его, но все же подумала, что это, должно быть, тотъ самый, съ которымъ она встрѣтилась наканунѣ, возвращаясь съ пастбищъ Сорматино, и который назвалъ себя Маріо Сарди. Теперь, подойдя ближе, она убѣдилась, что не ошиблась. То былъ, дѣйствительно онъ. Онъ держалъ въ поводу лошадь, на которой пріѣхалъ, и слушалъ дона Джозуэ, не поднимая наклоненной головы и почти не отвѣчая. Донъ Джозуэ, очевидно, давалъ ему объясненія насчетъ мѣстности, можетъ быть, и насчетъ веденія хозяйства въ латифундіи.

Видъ у молодого человѣка былъ очень серьезный; сегодня онъ былъ одѣтъ въ черное и отъ этого казался еще блѣднѣе, чѣмъ вчера.

Внезапно донъ Джозуэ перебилъ себя на полусловѣ, замѣтивъ въ толпѣ рабочихъ Рафаэллу и кивнувъ ей головой, крикнулъ:

— Эй, Рафаэлла Даміанв! Ты чего здѣсь стоишь? Мы съ тобой ужъ позадили. Ступай домой!

Дѣвушка слегка вздрогнула, повернулась и вышла изъ ряда, но она успѣла разслышать, какъ позади нея одна изъ женщинъ шепнула на ухо Нинно Даміана:

— Ахъ, тебѣ повезло! Твоя дочка спуталась съ домомъ Джозуэ—ей, навѣрное, дадутъ двойную плату.

Съ минуту Рафаэлла колебалась, не вернуться ли ей и не ударить ли эту женщину, потомъ одумалась и пошла дальше, но вся кровь прихлынула къ ея щекамъ. Ей вдругъ представилось, что Маріо Сарди слышалъ эти слова, поносившія ее. Ей пришлось пройти совсѣмъ близко отъ него. Онъ ее узналъ и привѣтствовалъ безъ словъ чуть замѣтнымъ, почти робкимъ наклоненіемъ головы, въ которомъ, однакожъ было что-то дружеское. Она тоже молча наклонила голову и прошла мимо. Никто не замѣтилъ этого обмѣна привѣтствіемъ. Выраженіе лица Маріо Сарди было печально; зрѣлище, котораго онъ случайно сдѣлался свидѣтелемъ, повидимому, привело его въ грустное настроеніе.

Рафаэлла шла скорымъ шагомъ, чтобы раньше другихъ поспѣть домой. Карабкаясь вверхъ по тропинкѣ, она увидала на холмѣ направо фигуру фра Леонардо. И онъ внимательно слѣдилъ за сценами, которыя разыгрывались передъ его глазами внизу, въ сѣромъ сумракѣ у хозяйственныхъ построекъ латифундіи, и, можетъ быть, не понималъ ихъ значенія. Отсюда сверху эта толпа людей въ обманчивомъ свѣтѣ сумерекъ казалась ему живымъ черным клубкомъ. Въ воздухѣ, не колеблемомъ ни малѣйшимъ вѣтеркомъ, звучно отрывисто и рѣзко раздавались выкрики надсмотрщиковъ: Половинная плата! На будущее время можешь сидѣть дома!

Т. III. 520404